

ВЕСТНИК

**КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО
УНИВЕРСИТЕТА
имени Н.А. НЕКРАСОВА**

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

Выходит с 1995 года

2014 Том 20

ОСНОВНОЙ ВЫПУСК

№ 2

Март – Апрель

VESTNIK

**OF NEKRASOV
KOSTROMA
STATE UNIVERSITY**

SCIENTIFIC AND METHODOLOGICAL JOURNAL

Appears since 1995

2014 Volume 20

BASIC ISSUE

№ 2

March – April

ISSN 1998-0817

**РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ
ЖУРНАЛА
«ВЕСТНИК КОСТРОМСКОГО
ГОСУДАРСТВЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА
ИМЕНИ Н.А. НЕКРАСОВА»**

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

РАССАДИН НИКОЛАЙ МИХАЙЛОВИЧ
ректор КГУ им. Н.А. Некрасова, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА
КИРПИЧНИК АНАТОЛИЙ ГРИГОРЬЕВИЧ
кандидат психологических наук, профессор,

ОТВЕТСТВЕННЫЙ СЕКРЕТАРЬ

АНДРЕЕВА ВАЛЕРИЯ ГЕННАДЬЕВНА
кандидат филологических наук

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

АКАЕВ ОЛЕГ ПАВЛОВИЧ
доктор технических наук, профессор

БАСОВ НИКОЛАЙ ФЕДОРОВИЧ
доктор педагогических наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

БЕЛКИН ПАВЕЛ НИКОЛАЕВИЧ
доктор технических наук, профессор

БЕЛОВ АНДРЕЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор исторических наук, профессор

БУЛДАКОВ СЕРГЕЙ КОНСТАНТИНОВИЧ
доктор философских наук, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ГИБАЛО НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
доктор экономических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

ГРУЗДЕВ ВЛАДИСЛАВ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор юридических наук, доцент

ДЕНИСОВ АРТЕМ РУФИМОВИЧ
доктор технических наук, доцент

ЕДОШИНА ИРИНА АНАТОЛЬЕВНА
доктор культурологии, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

ЗАХАРОВ АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
профессор, заслуженный деятель искусств РФ

ЛЕБЕДЕВ ВЛАДИМИР ПАВЛОВИЧ
доктор биологических наук, профессор

ЛЕБЕДЕВ ЮРИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор филологических наук, профессор,
заслуженный деятель науки РФ

МУРАТКИНА ЕКАТЕРИНА ЛЕОНИДОВНА
доктор филологических наук, профессор

НАУМОВ АЛЕКСАНДР РУДОЛЬФОВИЧ
кандидат химических наук, доцент

СИРОТИНА МАРИНА ВАЛЕРЬЕВНА
доктор биологических наук, доцент

**THE EDITORIAL BOARD
OF THE JOURNAL
“VESTNIK OF NEKRASOV
KOSTROMA STATE UNIVERSITY”
(GENERAL ISSUE)**

EDITOR IN CHIEF

NIKOLAY MIKHAYLOVICH RASSADIN
Nekrasov Kostroma State University Rector,
Professor, Russian higher school honoured worker

DEPUTY EDITOR IN CHIEF

ANATOLIY GRIGOR'YEVICH KIRPICHNIK
Candidate of psychological sciences, Professor

EXECUTIVE SECRETARY

VALERIYA GENNAD'YEVNA ANDREYEVA
Candidate of philological sciences

THE EDITORIAL BOARD

OLEG PAVLOVICH AKAYEV

Doctor of technical sciences, Professor

NIKOLAY FYODOROVICH BASOV
Doctor of pedagogic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

PAVEL NIKOLAYEVICH BELKIN
Doctor of technical sciences, Professor

ANDREY MIKHAYLOVICH BELOV
Doctor historical of sciences, Professor

SERGEY KONSTANTINOVICH BULDAKOV
Doctor of philosophic sciences, Professor,
Russian higher school honoured worker

NIKOLAY PETROVICH GIBALO
Doctor of economic sciences, Professor,
honoured scientist of Russia

VLADISLAV VLADIMIROVICH GRUZDEV
Doctor of juridical sciences, associate professor

ARTYOM RUFIMOVICH DENISOV
Doctor of technical sciences, associate professor

IRINA ANATOL'YEVNA YEDOSHINA
Doctor of Culture, Professor,
Russian higher school honoured worker

ANDREY IVANOVICH ZAKHAROV
Professor, honoured art worker of Russia

VLADIMIR PAVLOVICH LEBEDEV
Doctor of biological sciences, Professor

YURIY VLADIMIROVICH LEBEDEV
Doctor of philological sciences, Professor,
honoured scientist of Russia

YEKATERINA LEONIDOVNA MURATKINA
Doctor of philological sciences, Professor

ALEKSANDR RUDOL'FOVICH NAUMOV
Candidate of chemical sciences, associate professor

MARINA VALER'YEVNA SIROTINA
Doctor of biological sciences, associate professor

СУБЕТТО АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор экономических наук, доктор философских наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ТИМОНИН АНДРЕЙ ИВАНОВИЧ
доктор педагогических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

ТРАВИН ГЕОРГИЙ МИХАЙЛОВИЧ
доктор технических наук, профессор

ТРЕТЬЯКОВА ИРИНА ЮРЬЕВНА
доктор филологических наук, доцент

ФЕТИСКИН НИКОЛАЙ ПЕТРОВИЧ
доктор психологических наук, профессор, заслуженный работник высшей школы РФ

ЧЕКМАРЕВ ВАСИЛИЙ ВЛАДИМИРОВИЧ
доктор экономических наук, профессор, заслуженный деятель науки РФ

ШАЛУМОВ МИХАИЛ СЛАВОВИЧ
доктор юридических наук, профессор

**ЗАРУБЕЖНЫЕ ЧЛЕНЫ
РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ**

АЛИЕВ УРАК ЖОЛМУРЗАЕВИЧ
доктор экономических наук, профессор, вице-президент образовательной корпорации «Туран-Астана», действительный член (академик) Академии философии хозяйства
г. Астана, Казахстан

ДИКУСАР АЛЕКСАНДР ИВАНОВИЧ
доктор химических наук, профессор, член-корреспондент АН Молдовы
г. Кишинёв, Молдова

КВЯТКОВСКА АННА
доктор психологических наук, Институт психологии польской Академии наук
г. Варшава, Польша

КОНТ ФИЛИПП
профессор современного русского языка и литературы
Парижский университет (Сорбонна)

КУМБРУК КРИСТЕЛЬ
доктор психологии, профессор Высшей школы
г. Оснабрюк (Германия)

ЛЕМЕЩЕНКО ПЁТР СЕРГЕЕВИЧ
доктор экономических наук, профессор, Белорусский государственный университет
г. Минск, Беларусь

ТАРАСЕВИЧ ВИКТОР НИКОЛАЕВИЧ
доктор экономических наук, профессор, Национальная металлургическая академия Украины,
г. Днепропетровск, Украина

ШТРАССЕР ГЕРТ
кандидат философских наук, профессор Высшей школы г. Дармштадт, Германия

ALEKSANDR IVANOVICH SUBETTO
Doctor of economic sciences, Doctor of philosophic sciences, Professor, honoured scientist of Russia

ANDREY IVANOVICH TIMONIN
Doctor of pedagogic sciences, Professor, Russian higher school honoured worker

GEORGIY MIKHAYLOVICH TRAVIN
Doctor of technical sciences, Professor

IRINA YUR'YEVNA TRET'YAKOVA
Doctor of philological sciences, associate professor

NIKOLAY PETROVICH FETISKIN
Doctor of psychological sciences, Professor, Russian higher school honoured worker

VASILIIY VLADIMIROVICH CHEKMARYOV
Doctor of economic sciences, Professor, honoured scientist of Russia

MIKHAIL SLAVOVICH SHALUMOV
Doctor of juridical sciences, Professor

**THE EDITORIAL BOARD
FOREIGN MEMBERS**

URAK ZHOLMURZAYEVICH ALIYEV
Doctor of economic sciences, Professor, full member (academician) of Management Philosophy Academy, City of Astana, Kazakhstan

ALEXANDRU DICUSAR
Doctor of chemical sciences, Professor, corresponding member of Academy of Sciences of Moldova, City of Chişinău, Moldova

ANNA KWIATKOWSKA
Doctor of psychological sciences, Psychology Institute of Academy of Sciences of Poland, City of Warsaw, Poland

PHILIPPE COMTE
Professor, expert in modern Russian language and culture among the foreigners, Pantheon Sorbonne, City of Paris, France

KRISTELL KUMBRUCK
Doctor of Psychology, Professor of Higher School, City of Osnabrück, Germany

PYOTR SYARGEYEVICH LYAMESHCHANKA
Doctor of economic sciences, Professor, Belarusian State University, City of Minsk, Belarus

VIKTOR MYKOLAYOVICH TARASEVYCH
Doctor of economic sciences, Professor, Metallurgic Academy of the Nation of the Ukraine, City of Dnipropetrovsk, the Ukraine

GERT STRASSER
Candidate of philosophic sciences, Professor of Higher School, City of Darmstadt, Germany

СОДЕРЖАНИЕ

ЕСТЕСТВОЗНАНИЕ

- 8 Анциферов А.Л., Ефимова А.А., Криницын И.Г., Мальцева О.В., Ситников К.С.
Энтомофауна лесного разнотравья Мантуровского участка заповедника «Кологривский лес» на первоначальном этапе ее изучения
- 12 Лебедев В.П., Криницын И.Г., Зонтиков Д.Н., Губарева Н.И., Лебедев С.В.
Влияние эколого-ценотических факторов на экологию-морфологию и структуру ценопопуляций некоторых корнеотпрысковых видов растений
- 17 Кузьмичев В.В., Стрелец Б.М., Кузьмин Ф.А., Михина Н.В., Остапчук О.В.
Динамика патоморфологических изменений при токсокариозе
- 20 Мурадова Л.В.
Видовой состав ихтиофауны озера Каменик
- 23 Сиротина М.В., Субботина О.В.
Биоиндикация экологического состояния озера Каменик по показателям зоопланктона
- 26 Ройтенберг В.Ш.
О рождении предельных циклов из контура, образованного сепаратрисами седла и сшитого седло-узла кусочно-гладкого векторного поля

СИСТЕМОТЕХНИКА

- 31 Марголис Б.И., Мешков И.С.
Синтез настроек регуляторов в системах автоматического управления методом расширенных частотных характеристик

ИСТОРИЯ

- 34 Курочкина С.А.
Истоки и традиции в керамическом производстве нижеволжских столиц Улуса Джучи
- 37 Почивалова Е.И.
Создание первого высшего учебного заведения в Ивановском крае и значимость Рижского политехнического института в его становлении
- 41 Гулин А.О.
Организация медицинской и социальной помощи больным и раненым воинам в первые месяцы мировой войны 1914–1918 годов (на материалах Костромской и Ярославской губерний) Часть 2
- 45 Волков Д.А.
Деятельность военных комиссариатов в первые месяцы Гражданской войны
- 47 Околотин В.С.
Деятельность Наркомфина СССР по «перестройке» налогообложения промышленности в 1937–1941 годах
- 51 Газиева Л.Л.
Полемические вопросы финансирования эвакуации детей из Ленинграда в 1941–1942 гг. (к статье А.В. Зотовой «О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда»)
- 53 Сазонов Д.И.
Проведение Поместного собора 1988 года Русской Православной Церкви как изменение вектора церковно-государственных отношений
- 59 Еремин А.В.
Эволюция взаимоотношений государства и Русской Православной Церкви в постсоветской России в контексте бинарной оппозиции «вызов-ответ»
- 63 Белова Н.А.
Трансформация свадебных традиций и обычаев в Туркменистане

CONTENTS

NATURAL SCIENCE

- 8 A.L. Antsiferov, A.A. Yefimova, I.G. Krinitsyn, O.V. Mal'tseva, K.S. Sitnikov
“Kologriv Forest” nature reserve Manturovo cluster forest motley grass entomofauna in the primary phase of researching it
- 12 V.P. Lebedev, I.G. Krinitsyn, D.N. Zontikov, N.I. Gubareva, S.V. Lebedev
Ecologic-coenotic factors influencing on certain ratoon plant species ecobiomorphology and coenotic populations structure
- 17 V.V. Kuz'michyov, B.M. Strelets, F.A. Kuz'min, N.V. Mihina, O.V. Ostapchuk
Pathomorphological changes dynamics at toxocarasis
- 20 L.V. Muradova
Lake Kamenik ichthyofauna species composition
- 23 M.V. Sirotina, O.V. Subbotina
Lake Kamenik ecological state zooplankton indices biotest
- 26 V.Sh. Roytenberg
On limit cycles generation out of the contour formed by saddle and cross-linked piecewise-smooth vector field saddle knot separatrixes

SYSTEM ENGINEERING

- 31 B.I. Margolis, I.S. Meshkov
Controller customization synthesis by advanced responses method in automatic control systems

HISTORY

- 34 S.A. Kurochkina
Origins and traditions in ceramic of the Lower Volga capitals of Ulus of Jochi
- 37 Ye.I. Pochivalova
Creation of the first higher educational institution in Ivanovo land and the significance of Riga Polytechnic Institute in its making
- 41 A.O. Gulín
The organization of medic and social aid to sick and wounded warriors in the first months of World War I (on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces)
- 45 D.A. Volkov
Recruitment centres' activity in the first months of the Russian Civil War
- 47 V.S. Okolotin
USSR commissariat of Finances activities on the «restructuring» of the tax industry in 1937–1941
- 51 L.L. Gaziyeva
Polemical questions of financing evacuation of children from Leningrad in 1941–1942 (on Anastasiya Zotova's article «Of collecting tolls at evacuating children from Leningrad under the Axis siege of 1941–44 (WW II)»)
- 53 D.A. Sazonov
Local Council of 1988 holding by Russian Orthodox Church as changing vector of church-state relations
- 59 A.V. Yeryomin
State – Russian Orthodox Church interrelations evolution in Post-Soviet Russia in the context of binary opposition “Challenge – Response”
- 63 N.A. Belova
Turkmenistani wedding traditions and customs transformation

- 68 Серый Н.И.**
Роль Российской Федерации в создании и деятельности Смешанной контрольной комиссии как основного института урегулирования грузино-осетинского конфликта

ЭКОНОМИКА

- 72 Агапова Т.Н., Ильенкова Н.Д.**
Сравнительный анализ источников информационного обеспечения оценки бизнеса
- 76 Бобoshko В.И., Бобoshko Н.М.**
Роль государственного регулирования экономической безопасности малого и среднего бизнеса на современном этапе развития экономики
- 81 Залетный А.А.**
Детерминирующее влияние глобального фиктивного финансового капитала на различные сектора российской экономики
- 83 Иванова М.М., Родинова Н.П.**
Возможности ERP-систем для целей автоматизированного управления персоналом
- 89 Логвин Н.В.**
Институциональное обеспечение управления развитием региональных систем образования
- 91 Панфилов Ф.А.**
Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы как фактор трансформации макроэкономических отношений
- 96 Роднина А.Ю., Бабayev Б.Д., Чекмарев В.В.**
О теоретико-прикладных аспектах кругооборота кредитного ресурса
- 99 Свиридов Н.Н., Грабова О.Н., Храмина А.В.**
Аграрная кооперация в многоукладной экономике

ФИЛОСОФИЯ

- 103 Артамонова А.В.**
Феминистский проект семьи: тренды и реальность
- 107 Булдаков С.К.**
Социально-философский анализ основных тенденций в образовании в XX веке
- 111 Макарова О.А.**
Сравнительный анализ отношения к смерти и посмертному состоянию в мировых религиях и иудаизме
- 115 Равочкин Н.Н.**
Аномия как глобальный фактор дезорганизации современного общества: философский аспект
- 118 Терешев Е.О.**
Глобализация как предмет социально-философского анализа

ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

- 122 Андреева В.Г.**
Роман М. Криницкого «Узкий путь» и романы Л.Н. Толстого «Война и мир» и «Анна Каренина»: художественные переклички
- 127 Денисова О.Н.**
Эрос и пол в дневниковых книгах М.М. Пришвина
- 130 Ибрагимова Л.Г.**
Традиционные и индивидуально-авторские символы в татарской литературе первой трети XX века
- 134 Лебедев Ю.В.**
Религиозно-художественный космизм йенских романтиков
- 139 Павлов А.В.**
Об одном источнике комедии А.Н. Островского «Доходное место»
- 143 Сухих О.С.**
«Бегство к свободе»: проблема свободы в повести Л.И. Бородин «Правила игры»

- 68 N.I. Seryy**
Role of Russian Federation in the formation of The Joint Control Commission activity as the basic institution of settlement of the Georgian – Ossetian conflict

ECONOMY

- 72 T.N. Agapova, N.D. Il'yenkova**
Comparative analysis of the sources of information support of business valuation
- 76 V.I. Boboshko, N.M. Boboshko**
The role of state regulation of economic security for small and medium-sized businesses at the present stage of economic development
- 81 A.A. Zaletnyy**
Global fictitious financial capital determiningly influencing different Russian economy activity sectors
- 83 M.M. Ivanova, N.P. Rodinova**
ERP systems opportunities for personnel control automatic system targetry
- 89 N.V. Logvin**
Regional education systems development management institutional supply
- 91 F.A. Panfilov**
Russian Federation public program “Education Development 2013—2020” as macroeconomic relations transformation factor
- 96 A.Yu. Rodnina, B.D. Babayev, V.V. Chekmaryov**
On credit assets round speculative-applied aspects
- 99 N.N. Sviridov, O.N. Grabova, A.V. Khramina**
Agrarian cooperation in multisectoral economy

PHILOSOPHY

- 103 A.V. Artamonova**
Feminist family project: trends and reality
- 107 S.K. Buldakov**
Socio-philosophical analysis of the major trends in education in the twentieth century
- 111 O.A. Makarova**
Comparative analysis of the death's problem and the problem of existence after death in the world religions and Judaism
- 115 N.N. Ravochkin**
Anomy as contemporary society disorganization global factor: philosophic aspect
- 118 Ye.O. Tereshyov**
Globalization as a matter of social and philosophical analysis

SCIENCE OF LITERATURE

- 122 V.G. Andreyeva**
Novels «The Narrow Path» by Krinitsky M. and «War and Peace», «Anna Karenina» by Leo Tolstoy: artistic concordances
- 127 O.N. Denisova**
Eros and sex in Mikhail Prishvin's diary books
- 130 L.G. Ibragimova**
Traditional and individually author's symbols in Tatar literature of the first third of the 20th century
- 134 Yu.V. Lebedev**
Religious-artistic Jena romanticists' cosmism
- 139 A.V. Pavlov**
Of particular source for Alexander Ostrovsky's comedy “A Profitable Position”
- 143 O.S. Suhikh**
“Flight to freedom”: freedom problem in Leonid Borodin's story “Rules of the game”

146 Тезина В.А.

Образ преподобного Сергия Радонежского в творчестве А.Н. Островского и Ф.М. Достоевского

149 Тихомиров В.В.

Структура драматического произведения (опыт прочтения драмы А.Н. Островского «Гроза»)

154 Котлов А.К.

«Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» Олега Павлова: метафизика художественного пространства (Статья вторая)

ЛИНГВИСТИКА**157 Галкина Н.П.**

Функционально-семантические разновидности целевых сложноподчинённых предложений в произведениях естественнонаучного цикла

161 Ганичева С.А.

Семантическая специфика диалектных глаголов-зоофонов в контексте составления лингвистических карт

164 Ибрагимова М.О.

Особенности оформления и функционирования комитатива в ареальных единицах рутульского языка

166 Иванова Н.К.

Некоторые лингвистические итоги 2013 года: «самые-самые» слова английского языка

170 Калабекова Л.Т.

Функционально-семантическое поле аспектуальности в языках разной структурной модели (опыт сопоставительного анализа)

174 Лесных Е.В.

К проблеме классификации устаревшей лексики русского языка

177 Уразметова А.В.

История США, зафиксированная в топонимических прозвищах штатов

181 Юдина Т.М.

Вариативность языковых средств в горнозаводской терминологии конца XVII – начала XVIII веков

185 Адаева О.Б.

Стратегия самопрезентации адресанта как компетентного ученого в лингводидактическом дискурсе

ЮРИСПРУДЕНЦИЯ**189 Рошин Б.Е.**

Конституция СССР 1924 года: основные положения и особенности (к 90-летию принятия первой Конституции Советского Союза)

193 Тетерина О.А.

О некоторых особенностях организации работы прокуратуры субъекта Российской Федерации по надзору за исполнением законов в сфере учёта преступлений

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ**197 Зникина Л.С., Стрельников П.А.**

Междисциплинарное взаимодействие как основа формирования интегративных компетенций студентов вуза

200 Суглобов А.Е.

Методические аспекты организации дистанционного обучения иностранных студентов в ВУЗах РФ

205 Ферцер В.Ю., Кутякова Н.К.

Формирование национального мировоззрения как ценность образования на современном этапе

208 Кукушкина Л.А.

Социально-педагогическое сопровождение учащихся профильных юридических классов в социальном самоопределении

146 V.A. Tezina

The image of Venerable Sergius of Radonezh in the creative work by Alexander Ostrovsky and Fyodor Dostoyevsky

149 V.V. Tikhomirov

The structure of a dramatic work (experience of reading Alexander Ostrovsky's drama "The Storm")

154 A.K. Kotlov

"Karaganda ninth-day Requiem" by Oleg Pavlov: artistic medium metaphysics (the second half; see the previous issue for the first half)

LINGUISTICS**157 N.P. Galkina**

Natural historical disciplines complex sentences functional-semantic modifications

161 S.A. Ganicheva

Semantical specifics of dialect verbs-zoophones in the context of linguistic mapping

164 M.O. Ibragimova

Comitative realization and functioning peculiarities in Rutul language areal units

166 N.K. Ivanova

Some linguistic resume of 2013: "the very best" English language words

170 L.T. Kalabekova

Functional-semantic aspectuality field in languages of different structure models (comparative analysis experience)

174 Ye.V. Lesnykh

On Russian obsolete lexis classification problem

177 A.V. Urazmetova

The USA history, fixed in state toponymic nicknames

181 T.M. Yudina

Language means variability in mining terminology in late 17th — early 18th centuries

185 O.B. Adayeva

Speech strategy of author's self-presentation as competent scientific in linguodidactic discourse

JURISPRUDENCE**189 B.Ye. Roshchin**

The 1924 Soviet Constitution: main statements and peculiarities (on the 90th anniversary of the USSR first constitution enactment)

193 O.A. Teterina

On some peculiarities of the work of public prosecutor's office of Federal subject of Russia enforcement-of-laws surveillance in the scope of crime recording

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY**197 L.S. Znikina, P.A. Strel'nikov**

Interdisciplinary interaction as higher education institution students' integrative competencies formation basis

200 A.Ye. Suglobov

Methodological aspects of organizing distance teaching foreign students in Russian Federation higher education institutions

205 V.Yu. Fertser, N.K. Kutyakova

Formation of a national outlook as the value of education at the present stage

208 L.A. Kukushkina

Social-pedagogical tutoring for the students of classes with juridical profile in social self-determination

ПОЛИТОЛОГИЯ

212 Зайцев А.В.

Диалог государства и гражданского общества в контексте региональной публичной политики (на примере Костромской, Курской и Ярославской областей)

КУЛЬТУРОЛОГИЯ. ИСКУССТВОВЕДЕНИЕ

222 Горбенко Н.В.

К вопросу о социально-философском анализе категории «корпоративная культура современного университета»

225 Громова А.Е.

Проблема соборности в контексте пространственных образов времени-памяти П.А. Флоренского

229 Домахина Н.М.

Эстетико-психологическое восприятие музейного пространства

232 Иванов Д.И.

Понятие музыкальной картины мира в контексте изучения синтетической языковой личности

235 Шикина А.Н.

Об интерпретации понятия «художественный стиль»

239 SUMMARY

247 ТРЕБОВАНИЯ

К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

POLITICAL SCIENCE

212 A.V. Zaytsev

Dialog of state and civil society in the context of regional and public policy (in terms of Kostroma, Kursk and Yaroslavl Regions)

SCIENCE OF CULTURE. SCIENCE OF ART

222 N.V. Gorbenko

On the question of “modern university corporate culture” category socio-philosophic analysis

225 A.Ye. Gromova

Conciliarism problem in the context of spatial images of time-memory of Pavel Florensky

229 N.M. Domahina

Aesthetic-psychological perception of museum medium

232 D.I. Ivanov

The notion of a musical picture of the world in the context of studying synthetic language personality

235 A.N. Shikina

On “art style” notion interpretation

239 SUMMARY

247 REQUIREMENTS

TO REGISTRATION OF MANUSCRIPTS

Анциферов Анатолий Леонидович

кандидат биологических наук
Музей природы Костромской области
ancifer.ost@yandex.ru

Ефимова Анна Александровна

Государственный природный заповедник «Кологривский лес» им. М.Г. Сеницына
anef-lita@yandex.ru

Криницын Игорь Георгиевич

кандидат биологических наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
hek@rambler.ru

Мальцева Ольга Владимировна

Музей природы Костромской области
OlgaMaltceva@yandex.ru

Ситников Константин Сергеевич

Музей природы Костромской области
Snipe301@rambler.ru

ЭНТОМОФАУНА ЛЕСНОГО РАЗНОТРАВЬЯ МАНТУРОВСКОГО УЧАСТКА ЗАПОВЕДНИКА «КОЛОГРИВСКИЙ ЛЕС» НА ПЕРВОНАЧАЛЬНОМ ЭТАПЕ ЕЕ ИЗУЧЕНИЯ

Материалы статьи представляют собой результат обобщения ранних сведений об энтомофауне южного (Мантуровского) участка государственного природного заповедника «Кологривский лес» им. М.Г. Сеницына в совокупности с новейшими исследованиями видового состава и экологической структуры насекомых травяного яруса.

Ключевые слова: насекомые, видовой состав, травяной ярус, экологическая структура, заповедник.

Состояние изученности энтомофауны заповедника «Кологривский лес» и его Мантуровского участка в отдельности

За семилетний период существования государственного природного заповедника «Кологривский лес» им. М.Г. Сеницына (2006–2013 гг.) на его территории не производилось каких-либо подробных исследований, касающихся видового состава насекомых, плотности популяций, биотопической преферентности и прочих фаунистических и синэкологических характеристик энтомофауны. Известны лишь немногочисленные сведения, относящиеся к более раннему периоду и отражающие фаунистический состав насекомых в пределах изучаемой специфики и широты целеполагания исследований [1, с. 88–110; 2, с. 110–115; 3, с. 111–139; 6, с. 91–122; 7, с. 122–125]. В частности, по вопросу соотношения животного населения с сукцессионными системами растительности в 1981 году проводился учет почвенных и напочвенных жесткокрылых (Coleoptera) на территории Костромского стационара ИЭМЭЖ АН СССР (ныне это Костромская таежная станция Института проблем экологии и эволюции им. А.Н. Северцова). Биостанция расположена в Мантуровском районе Костромской области, на реке Унже, и ее левобережные окрестности в настоящее время частично входят в состав Мантуровского участка заповедника «Кологривский лес». В результате, на территории станции и прилежащего левобережья Унжи, при обследовании 26 растительных ассо-

циаций, составлен перечень жуков-стафилинид (Staphylinidae) для каждого сукцессионного ряда в интервале от 38 до 80 видов [6, с. 91–122]. Также в ходе аналогичных исследований гидрархных стадий сукцессионных рядов А.Б. Рывкиным представлен список почвенных жесткокрылых в количестве 55 видов [7, с. 121–125]. Позже в свете концепции сукцессионной динамики биоценозов на территории той же местности изучалось население жуков-жужелиц (Carabidae) различных стадий динамики фитоценозов на сухих и переувлажненных почвах [3, с. 111–139]. В общей сложности в обследованных растительных ассоциациях отловлено 78 видов жужелиц из 27 родов. Известны результаты исследований того же автора по выявлению видового состава, численности и особенностей распределения жужелиц в девственном еловом массиве на территории заказника Варзенгского лесничества на 1984 г. (ныне территория заповедника «Кологривский лес»). В обследованных ельниках зарегистрировано 34 вида, среди которых 4 вида отмечены для Костромской области впервые [2, с. 110–115].

Относительно энтомофауны лесного разнотравья Мантуровского участка заповедника имеются сравнительно обширные и полные данные в рамках изучения структуры населения беспозвоночных травяно-кустарничного яруса (1981–1984 гг.) в районе Костромской таежной научно-опытной станции [1, с. 88–110]. В сообщении приводятся ценокомплексы указанного яруса лесных ассо-

циаций, представленные отрядами равнокрылых (Homoptera), полужесткокрылых (Hemiptera), жесткокрылых (Coleoptera) и прямокрылых (Orthoptera) в диапазоне от 3-х до 35 видов насекомых в зависимости от конкретного типа ассоциации. Приведен также общий список насекомых, собранных на территории Варзенгского лесничества: 77 видов из вышеперечисленных отрядов. В заключение своей работы автор указал на необходимость продолжения специальных исследований с целью инвентаризации фауны девственного леса и прилежащих территорий [1, с. 109].

Общая лесорастительная характеристика района энтомологических сборов

Для полноценности фаунистических исследований, в контексте экологической целостности компонентов среды, безусловное значение имеет геоботаническая типологизация и флористическая оценка местообитания исследуемой группы. С целью общего описания особенностей лесорастительных условий района исследований нами использована характеристика, составленная подробно Е.С. Преображенской, Н.С. Лазаревой и С.Ю. Поповым (2012 г.) для обозначенной территории и окрестностей Костромской таежной научно-опытной станции ИПЭЭ РАН [4].

Согласно упомянутой работе, основную часть изучаемого района занимают леса, преимущественно сосновые, выросшие на месте гарей 1972 г. и уже имеющие признаки средневозрастных древостоев, в которых местами довольно много березы (до 30%) и встречается примесь осины (*Populus tremula*). Ели в древесном ярусе практически нет, редка она и в подросте. Ярус подроста и подлеска представлен в основном крушиной (*Frangula alnus*), угнетенной березой, рябиной (*Sorbus aucuparia*); изредка попадает можжевельник (*Juniperus commune*), в сырых местах – ива ушастая (*Salix aurita*). В травяно-кустарничковом ярусе преобладают черника (*Vaccinium myrtillus*), брусника (*V. vitis-idaea*), на более сырых участках к ним примешивается осока шаровидная (*Carex globularis*), на более сухих – вереск (*Calluna vulgaris*), вейник наземный (*Calamagrostis epigeios*); встречаются майник (*Maianthemum bifolium*), седмичник (*Trientalis europea*), плауны булавовидный (*Lycopodium clavatum*) и годичный (*L. annotinum*), марьянник луговой (*Melampyrum pratense*). Моховый ярус хорошо развит, в нем преобладает *Pleurozium schreberi*, местами с заметным участием *Polytrichum commune*. По понижениям встречаются сфагновые участки с господством *Sphagnum fallax*.

Из данного описания следует, что в общем облике фоновых сосновых лесов рассматриваемой территории выделяются лишайниковые, мшисто-лишайниковые, долгомошные и кустарнич-

ково-сфагновые сосняки. Согласно типологии А.Я. Орлова и др. (1974 г.), это наиболее распространенные элементы лесной растительности в области рельефа задровых равнин, присущего данной местности [5, с. 140–216]. Присутствуют также вересковые сосняки, представляющие собой, по-видимому, производный тип леса, возникающий после пожаров на месте, главным образом, сосняков мшисто-лишайниковых [5, с. 140].

Лиственные леса в районе исследований состоят в основном из березы пушистой (*Betula pubescens*) и бородавчатой, а также осины (*Populus tremula*); в сырых местах к ним примешивается серая ольха (*Alnus incana*). Лесное разнотравье представлено снытью (*Aegopodium podagraria*), кислицей (*Oxalis acetosella*), костянкой (*Rubus saxatilis*), копытнем (*Asarum europaeum*), медуницей (*Pulmonaria obscura*), бодяком огородным (*Cirsium oleraceum*), грушанкой (*Pyrola rotundifolia* и *P. minor*), земляникой обыкновенной (*Fragaria vesca*), скердой болотной (*Crepis paludosa*) и др. Подлеска и подроста немного, в него входят крушина, черемуха (*Padus avium*), жимолость лесная (*Lonicera xylosteum*), смородина черная (*Ribes nigrum*), местами липа; единично встречается ель [4].

Результаты собственных сборов энтомофауны в Мантуровском участке заповедника «Кологривский лес»

Сборы производились в июле 2013 года в ходе ознакомительной экспедиции по левобережной территории реки Унжи, входящей в зону южного, так называемого Мантуровского участка государственного природного заповедника «Кологривский лес» им. М.Г. Синицына и его охранный зоны. Основная область учета пролегла по правобережью реки Кастово (ниже устья р. Иванчихи), преимущественно ближе к руслу, в нижнем и верхнем элементах ее поймы (рис. 1).

В качестве основного способа отлова и учета энтомофауны лесного разнотравья применялся метод кошения и скрадывания стандартным энтомологическим сачком, ручные сборы и визуальный учет.

Общий объем фактологического материала составил 159 экземпляров насекомых. В результате определения систематической принадлежности объектов и группировки данных получены предварительные сведения о видовом составе, таксономической и доминантной структуре населения травяного покрова в лесном массиве Мантуровского участка заповедника «Кологривский лес». Общий перечень энтомофауны составил 82 вида, принадлежащих к 8 отрядам и 38 семействам (табл. 1), что существенно дополняет список ценокомплексов беспозвоночных травяно-кустарничкового яруса Е.М. Веселовой [1, с. 88–110].

При этом повторно подтверждается присутствие ряда видов на исследуемой территории:

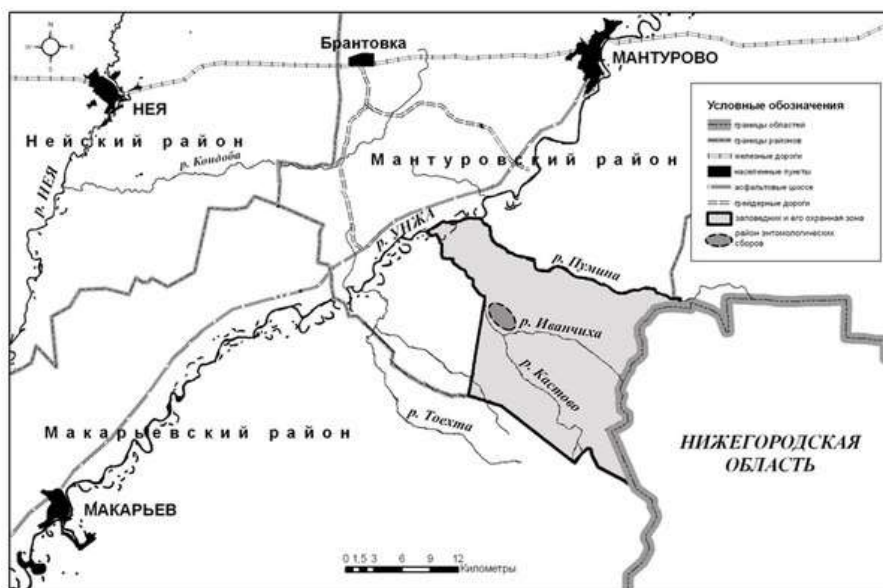

Рис. 1. Схема расположения района проводимых энтомологических сборов

полужесткокрылых *Cicadella viridis* L., *Ligis pratensis* L., *Philaenus spumarius* L., *Stenodema calcarata* Fall., *Coreus marginatus* L. и жесткокрылых *Lochmaea capreae* Fall.

По видовому составу наиболее широко представлен отряд полужесткокрылых (Hemiptera) – 31 вид (37,8% от общего видового состава). Далее, в порядке уменьшения, следуют двукрылые (Diptera) – 10 видов (12,2%), жесткокрылые (Coleoptera) – 6 видов (7,3%), чешуекрылые (Lepidoptera) – 4 вида (4,9%), перепончатокрылые (Hymenoptera) – 3 вида (3,7%), стрекозы (Odonata) и прямокрылые (Orthoptera) – по 2 вида (2,4%), вислокрылки (Megaloptera) – 1 вид (1,2%).

Максимальной численностью особей в сборах обладает *Polydrosus cervinus* L. (Слоник-листогрыз серый), доля которого составила 7,6% от общей массы насекомых. По классификации доминантной структуры О. Ренконена, он один может быть отнесен к числу доминантов [9, с. 1–231]. Остальные виды составляют группы субдоминантов и редких в соотношении 19% и 80,4% соответственно.

Экологическая структура энтомофауны лесного разнотравья исследуемого участка

Населению животных травяного яруса – гербофилам, как одному из структурных элементов лесного биоценоза, свойственна вертикальная расчлененность [8, с. 884–895]. Соответственно, животных со сходной амплитудой регулярных вертикальных миграций целесообразно объединять в самостоятельные экологические группы – стратокомплексы. Так, в составе энтомофауны травяного яруса лесного массива Мантуровского участка заповедника «Кологривский лес» обнаруживаются представители различных стратокомплексов [1, с. 88–90]. Среди них выделяются такие элементы вертикальной

структуры животного населения, как аэрогербофилы (связанные с травостоем, но много времени проводящие в полете), гербофиллобионты (обитатели вегетативных частей травянистых растений) и эпигербофилы (приурочены к «горизонту цветков»).

Группа аэрогербофилов исследуемой территории представлена исключительно имагинальными формами насекомых в составе отрядов Lepidoptera, Odonata, Diptera, Megaloptera, а также видами семейства Apiidae (пчелиные) отряда Hymenoptera.

Стратокомплекс гербофиллобионтов представляет собой ядро энтомофауны травостоя. В него входят все Orthoptera, подавляющее большинство видов Hemiptera, Coleoptera. В первую очередь это цикадки *Cicadella viridis* L., пенницы *Philaenus spumarius* L., горбатки *Gargara genistae* F., носатки *Cixius nervosus* L., листоблошки *Aconopsylla* sp. Среди клопов гербофиллобионтов наиболее типичны краевики *Coreus marginatus* L., клопы-охотники: *Nabis fesus* L., *Himacerus apterus* L. и другие. Из жесткокрылых гербофиллобионтов можно отметить имаго и личинок листоедов *Galeruca tanacetii* L., *Oulema lichenis* Voet., *Adoxus obscurus* L., *Cassida rubiginosa* Mull., *Phaedon cochleariae* F. Также к ним относятся мохнатки *Lagria hirta* L., долгоносики *Polydrosus cervinus* L. и другие.

К эпигербофилам относятся клопы, нимфы и имаго которых держатся в соцветиях. Например, слепняки *Adelphocoris lineolatus* Goeze, *Stenodema calcarata* Fall., *Lygocoris viridis* Fall., *Lygus pratensis* L., *Rhopalus parumpunctatus* Schill. и большинство щитников (Pentatomidae), а также жуки узконадкрылки – *Oedemera lurida* Marsh. и *Oedemera podagrariae* L.

Для травяного яруса характерны также и многочисленные представители межъярусных комплексов, такие как герботамнофилы и дендрогер-

Таблица 1

**Перечень видов энтомофауны лесного разнотравья Мантуровского участка
заповедника «Кологривский лес» (по сборам 07.2013 года)**

Lepidoptera	42. <i>Adelphocoris lineolatus</i> Goeze
1. <i>Polygonia c-album</i> L.	43. <i>Adelphocoris</i> sp.
2. <i>Smerinthus ocellatus</i> L.	44. <i>Lygus pratensis</i> L.
3. <i>Deilephila elpenor</i> L.	45. <i>Rhopalus parumpunctatus</i> Schill.
4. <i>Leucoma salicis</i> L.	46. <i>Rhopalus subrufus</i> Gmelin
5. <i>Heodes virgaureae</i> L.	47. <i>Pirrhokoris arterus</i> L.
Odonata	48. <i>Nabis</i> sp.
6. <i>Calopteryx virgo</i> L.	49. <i>Nabis ferus</i> L.
7. <i>Lestes dryas</i> Kirby	50. <i>Himacerus apterus</i> L.
Coleoptera	51. <i>Reduviolus</i> sp.
8. <i>Curtonotus aulicus</i> Pz.	52. <i>Psyllinae</i>
9. <i>Melasoma aenea</i> L.	53. <i>Aconopsylla</i> sp.
10. <i>Galeruca tanacetii</i> L.	54. <i>Cicadella viridis</i> L.
11. <i>Lochmaea capreae</i> L.	55. <i>Philaenus spumarius</i> L.
12. <i>Oulema lichenis</i> Voet.	56. <i>Membracidae</i>
13. <i>Adoxus obscurus</i> L.	57. <i>Gargara genistae</i> F.
14. <i>Cassida rubiginosa</i> Mull.	58. <i>Cixius nervosus</i> L.
15. <i>Phaedon cochleariae</i> F.	Diptera
16. <i>Plagiodera versicolora</i> Laich.	59. <i>Pollenia rudis</i> F.
17. <i>Chrysomela gypsophila</i> Kust.	60. <i>Tachina fera</i> L.
18. <i>Lagria hirta</i> L.	61. <i>Chrysotoxum festivum</i> L.
19. <i>Coccinella septempunctata</i> L.	62. <i>Temnostoma vespiforme</i> L.
20. <i>Semiadalia notata</i> Laich.	63. <i>Chrysops relictus</i> Mg.
21. <i>Coccinula quatuordecimpustulata</i> L.	64. <i>Pegomyia</i> sp.
22. <i>Oedemera lurida</i> Marsham	65. <i>Myopa testacea</i> L.
23. <i>Oedemera podagrariae</i> L.	66. <i>Antichaeta analis</i> Mg.
24. <i>Polydrosus cervinus</i> L.	67. <i>Nemotelus</i> sp.
25. <i>Phytonomus</i> sp.	68. <i>Phorbia moliniaris</i> Karl.
26. <i>Apion flavipes</i> Payk.	69. <i>Lipoptena cervi</i> L.
27. <i>Brachyderes</i> sp.	70. <i>Limonia quadrinotata</i> Mg.
Hemiptera	Hymenoptera
28. <i>Aelia acuminata</i> L.	71. <i>Bomdus hortorum</i> L.
29. <i>Palomena prasina</i> L.	72. <i>Bombus hypnorum</i> L.
30. <i>Carpocoris fuscispinus</i> Boh.	73. <i>Psithyrus campestris</i> Pz.
31. <i>Eurydema oleracea</i> L.	74. <i>Pimpla</i> sp.
32. <i>Picromerus bidens</i> L.	75. <i>Megarhyssa perlata</i> Christ.
33. <i>Arma custhos</i> F.	76. <i>Cryptus viduatorus</i> F.
34. <i>Zigrona coerulea</i> L.	77. <i>Camponotus vagus</i> Scop.
35. <i>Graphosoma lineatum</i> L.	Orthoptera
36. <i>Palomena</i> sp.	78. <i>Phaneroptera falcata</i> Poda
37. <i>Eurygaster integriceps</i> Put.	79. <i>Decticus verrucivorus</i> L.
38. <i>Coreus marginatus</i> L.	80. <i>Euthystira brachyptera</i> Ocsk.
39. <i>Stenodema</i> sp.	81. <i>Pararcyptera microptera</i> F.-W.
40. <i>Stenodema calcarata</i> Fallen	Megaloptera
41. <i>Lygocoris viridis</i> Fallen	82. <i>Sialis lutaria</i> L.

бофилы, обитающие на травянистых растениях, кустарниках и в древостое. Таковы, например, представители жуков-листоедов *Melasoma aenea* L., *Lochmaea capreae* L., *Plagiodera versicolora* Laich., имаго наездников *Megarhyssa perlata* Christ и др.

Спорадически в травяной ярус попадают и герпетобионты. В частности, при сборах кошением отловлено по 1 экземпляру *Curtonotus aulicus* Pz. (Coleoptera, Carabidae) и *Camponotus vagus* Scop. (Hymenoptera, Formicidae) – типичных представителей поверхностно-почвенной группы насекомых.

Заключение

Материалы, рассмотренные в данной работе, представляют собой первоначальную попытку ревизии имеющихся немногочисленных энтомологических сведений в совокупности с новейшими данными и, безусловно, не могут претендовать на

высокую репрезентативность и объективно отражать всю полноту и сложность действительности. В связи с этим следует отметить необходимость продолжения и развития фаунистических исследований и инвентаризации энтомофауны, являющейся важнейшим структурным блоком животного населения и всей биологической среды заповедника.

Примечание

Работа выполнена при частичной финансовой поддержке со стороны Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания.

Библиографический список

1. Веселова Е.М. Структура населения беспозвоночных травяно-кустарничкового яруса // Кологривский лес (Экологические исследования). – М.: Наука, 1986. – С. 88–110.

2. Еремин П.К. Население жужелиц (Coleoptera, Carabidae) девственных еловых лесов южной тайги // Кологривский лес (Экологические исследования). – М.: Наука, 1986. – С. 110–115.

3. Еремин П.К. Некоторые закономерности динамики населения жужелиц в ходе сукцессии растительного покрова Приветлужья // Структура и динамика экосистем южнотоежного Заволжья. – М., 1989. – С. 111–139.

4. Лазарева Н.С., Преображенская Е.С., Попов С.Ю. Флора окрестностей Костромской таежной научно-опытной станции ИПЭЭ РАН и Мантуровского участка заповедника «Кологривский лес». – М.: СПб., 2012.

5. Орлов А.Я., Кошельков С.П., Осипов В.В., Соколов А.А. Типы лесных биогеоценозов южной тайги. – М.: Наука, 1974. – 230 с.

6. Разумовский С.М., Тихомирова А.Л., Богач Я., Карасева Н.А. Динамика биоценозов Костромской станции // Животный мир южной тайги. – М.: Наука, 1984. – С. 91–122.

7. Рывкин А.Б. Использование почвенных жесткокрылых для зоологической индикации ранних стадий гидрархных сукцессионных рядов // Животный мир южной тайги. – М.: Наука, 1984. – С. 122–125.

8. Чернов Ю.И., Руденская Л.В. Комплекс беспозвоночных – обитателей травостоя как ярус животного населения // Зоологический журнал. – 1975. – Т. 54. – Вып. 6. – С. 884–895.

9. Renkonen O. Statistisch-ökologische Untersuchungen über die terrestrische Käferwelt der finnischen Bruchmoore // Acta Zool. Soc. Zool. – Bot. Fenn. «Vanamo». – 1938. – Vol. 6. – Fasc. 1. – P. 1–231.

УДК 581.5

Лебедев Владимир Павлович

доктор биологических наук, профессор
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
LebedevVP@kosnet.ru

Криницын Игорь Георгиевич

кандидат биологических наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
hek@rambler.ru

Зонтиков Дмитрий Николаевич

кандидат сельскохозяйственных наук
Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
zontikovdn@mail.ru

Губарева Наталья Ивановна

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
snipe301@rambler.ru

Лебедев Сергей Владимирович

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова
kaf_bot@ksu.edu.ru

ВЛИЯНИЕ ЭКОЛОГО-ЦЕНОТИЧЕСКИХ ФАКТОРОВ НА ЭКОБИОМОРФОЛОГИЮ И СТРУКТУРУ ЦЕНОПОПУЛЯЦИЙ НЕКОТОРЫХ КОРНЕОТПРЫСКОВЫХ ВИДОВ РАСТЕНИЙ*

Статья содержит популяционно-онтогенетический анализ некоторых корнеотпрысковых видов деревьев (*Ulmus laevis* Pall., *Alnus incana* (L.) Moench) и трав (*Linaria vulgaris* Mill.) в сообществах фитокалены малой реки ледникового происхождения. Авторы полагают, что ведущим фактором поддержания популяционной жизни корнеотпрысковых деревьев и трав выступают в первую очередь особенности экотопа.

Ключевые слова: корнеотпрысковые виды, онтогенез, ценопопуляция, сообщество, фитокалена.

Корнеотпрысковые растения представляют одну из слабоизученных жизненных форм с точки зрения как биоморфологии, так и популяционной биологии. Слабую изученность экологии корнеотпрысковых растений отмечал И.Г. Серебряков [15].

По-видимому, явление корнеотпрысковости появилось в процессе эволюции как адаптация к различного рода нарушениям их вегетативного тела. Так, ряд растений, относящихся к другим жизненным формам (стержнекорневой, или каудексовой, кистекорневой, корневищной), образуют корневые

отпрыски на корнях после нарушения главного (первичного) побега. Подобный факт отмечали, например, А.М. Былова [2] у свербиги восточной (*Bunias orientalis* L.), М.С. Снаговская [19] у люцерны желтой (*Medicago falcata* L.). Придаточные почки формируются на корнях и корневищах, после декапитации верхушечной почки главного побега, также у некоторых папоротников семейства *Ophioglossaceae* родов ужомник (*Ophioglossum* L.) и гроздовник (*Botrychium* Sw.), однако у первого геммы развиваются как на укороченном корневище, так на придаточных корнях, а у второго исклю-

* Работа выполнена финансовой поддержке Минобрнауки России в рамках базовой части государственного задания.

чительно на ризоме [8]. У фиалки удивительной (*Viola mirabilis* L.) корневые отпрыски могут формироваться и без нарушения побеговой сферы [17]. Подорожник ланцетолистный (*Plantago lanceolata* L.) образует корневые отпрыски исключительно на склонах [13].

Анатомо-морфологические особенности облигатно корнеотпрысковых трав изучали многие авторы [1; 3; 20; 25], онтогенез и структуру ценопопуляций – В.П. Лебедев [10]. Особенности онтогенеза корнеотпрысковых деревьев исследовали А.А. Чистякова и И.С. Куткина [23], Н.Н. Лашинский [9] и др. Были построены модели корневых систем, в том числе и корнеотпрысковых видов [24].

Цель данной работы – анализ биоморфологии и состояния ценопопуляций некоторых слабоизученных облигатных корнеотпрысковых видов растений в разных эколого-ценотических условиях в пределах фитокалены малой реки ледникового происхождения.

Объектами работы явились вяз гладкий (*Ulmus laevis* Pall.), ольха серая (*Alnus incana* (L.) Moench), льнянка обыкновенная (*Linaria vulgaris* Mill.).

Исследования проводились в подзоне хвойно-широколиственных лесов в бассейне малой реки Вязовка ледникового происхождения (III порядок по отношению к Волге) в д. Вязовка Островского района Костромской области в 2006–2009 гг.

В геоморфологическом отношении исследуемый участок представляет собой III надпойменную террасу р. Волги [4]. Четвертичные отложения – водно-ледниковые осадки московского оледенения, преимущественно пески. Высота склонов надпойменных террас р. Вязовки составляет 6–10 м, а их крутизна – 45–60°. Террасы сложены песчаными отложениями мощностью более 10 м. В некоторых местах они перекрываются четвертичными моренными суглинками. При основании склонов иногда встречаются места выхода подземных грунтовых вод и черные глины юрского периода с белемнитами и аммонитами.

Заселение территории, на котором располагается исследуемый участок, началось довольно поздно. Первые письменные документы по истории поселения человека датируются 1627–1629 г. (писцовые книги Владыченской волости Кадыевской осады) [5].

Основной территориальной единицей, отражающей наиболее существенные признаки ландшафта и доступной для исследования, является катена, представляющая набор местообитаний, расположенных по стоку [6]. В горизонтальном направлении она соответствует речному бассейну. Катена, как неоднородная единица земной поверхности, включает несколько экотопов, которые выделяются по положению в рельефе и характеру почвообразующих подстилающих пород, что в совокупности определяет специфику экологических

режимов. В каждом из экотопов преобразование среды видами-эдификаторами приводит к формированию биотопов, соответствующих вариантам растительного покрова с разным фитогенным эффектом. Характеристика растительных сообществ фитокалены проводилась с использованием методики ряда авторов [6; 7].

Нами принята классификация онтогенетических состояний, разработанная Т.А. Работновым [14] и дополненная А.А. Урановым [21] и его учениками [22]. Основные критерии онтогенетических состояний деревьев приведены по методическим разработкам О.В. Смирновой [18], трав – по методическим разработкам Т.И. Серебряковой [16].

Счетной единицей у деревьев явилось одноствольное дерево, независимо от его происхождения, у трав – побег или куст, также независимо от его происхождения.

В онтогенезе исследуемых видов выделены все онтогенетические состояния.

Для вяза и ольхи типичен как рост в виде одноствольного дерева, порослеобразующего (немного- и многоствольного) дерева, так и куртинообразующего (корнеотпрыскового) дерева. Формирование куртины у вяза и ольхи осуществляется из придаточных почек горизонтальных корней размножения. Смена жизненной формы – наиболее часто проявляемый тип морфологической поливариантности онтогенеза. Корневые отпрыски на горизонтальных корнях размножения формируются при условии слабой ценотической сомкнутости фитоценоза в имматурном или молодом генеративном состоянии: около воды вдоль береговых склонов ручьев, на самих склонах (у ольхи – вплоть до бровки надпойменной террасы). Вывал особей обычно происходит в старом генеративном состоянии. У дерева, начиная со зрелого генеративного состояния, последовательно отмирают отдельные стволы в кусте или куртине (клоне) или крупные скелетные ветви у одиночного дерева. Формирование немногоствольного дерева у вяза и ольхи может происходить на любом этапе онтогенеза из почек возобновления при основании ствола.

Полный онтогенез дерева, независимо от его происхождения, включает следующие этапы. Вязу и ольхе свойственно надземное прорастание, поэтому главная отличительная черта их **проростков** (р) заключается в наличии семядольных листьев. **Ювенильные особи** (j) деревьев не ветвятся, имеют небольшие размеры (0,1–0,5 м). Листья ювенильного типа: более вытянутые или проще устроенные по сравнению с взрослыми. В корневой системе, помимо главного и боковых, формируются придаточные корни. **Имматурные (полувзрослые) особи** (im) – это небольшие (0,1–4,5 м), мало ветвящиеся (2–4 порядок ветвления) растения с листьями полувзрослого типа. **Виргинильные растения** (v) – небольшие (4–18 м), бы-

стро растущие в высоту молодые деревья с вытянутой в длину кроной и очистившейся от боковых веточек базальной частью ствола. Листья взрослого типа. В корневой системе четко выделяются вертикально и горизонтально растущие скелетные корни. Ветки в кроне ветвятся до 4–7 порядков.

Молодые генеративные деревья (g1) имеют островершинную крону, плодоношение необильное и нерегулярное. В покровных тканях основания ствола появляются трещины. Продолжается быстрый рост в высоту и разрастание корневой системы в глубину и в радиальном направлении. **Средневозрастные генеративные деревья (g2)** обладают туповершинной кроной, обильно плодоносят, медленно растут в высоту и довольно быстро в толщину. Трещины в покровных тканях имеются почти до середины ствола. Заканчивается формирование кроны и скелетной части корневой системы.

Старым генеративным деревьям (g3) присуща широкоокруглая крона, так как их рост в высоту практически закончен. Прирост ствола в толщину продолжается. В кроне и корневой системе идет отмирание крупных скелетных образований. Начинается формирование вторичной кроны, главным образом из спящих почек базальных участков ветвей. Корка с трещинами почти по всей длине ствола. **Сенильные деревья (s)**, сформировавшие

при старении генеративных, имеют полностью отмершую первичную крону, вторичная располагается довольно низко и формируется из спящих почек нижних скелетных ветвей ствола. Она небольшая по диаметру и недолговечная (существует 10–50 лет). Листья полувзрослого типа, плодоношения нет. Разрушается не только значительная часть побеговой, но и корневой системы.

Для корнеотпрысковых трав на примере модельного объекта щавеля малого (*Rumex acetosella*) нами выделены следующие фазы морфогенеза: первичный побег, включающий проростки и ювенильные особи; первичный куст, включающий имматурные особи; куртина, включающая виргинильные и молодые генеративные особи (в куртине, кроме первичного куста, имеются разновозрастные корневые отпрыски); система корневых отпрысков, к которой относятся средневозрастные генеративные особи (первичный куст на этом этапе отмирает); клон, включающий старое генеративное и сенильное онтогенетическое состояния [10]. У льнянки фаза куста обычно отсутствует, и особь в дефинитивном состоянии представлена полицентрической системой разновозрастных побегов (корневых отпрысков).

У трав, как и у деревьев, в пределах полицентрической системы корневые отпрыски имеют собственный онтогенез [11].

Таблица 1

**Влияние эколого-ценотических факторов на структуру ценопопуляций
корнеотпрысковых видов растений**

Вид	Сообщество	Месторасположение. Тип почвы	Тип ценопопуляции	Доминирующее онтогенетическое состояние. Интенсивность корнеотпрысковости*
Вяз гладкий	Вязово-ольховое	Пойма р. Вязовка, супесчаная аллювиальная почва	Нормальная зрелая, полночленная	g2, высокая
Ольха серая	Вязово-ольховое	Пойма р. Вязовка, супесчаная аллювиальная почва	Нормальная стареющая, неполночленная	g3, средняя
	Ольховое	Пойма р. Вязовка, суглинистая аллювиальная почва	Нормальная зрелая, полночленная	g2, высокая
	Ольхово-березово-сосновое	Основание оврага возле р. Вязовка, глинистая почва	Нормальная молодая, неполночленная	Im, g1, высокая
	Елово-ольховое	Плакор, 10 м от бровки речного бассейна Вязовки, подзолистая супесчаная почва	Отмершая	S (бывшие генеративные особи), низкая (отсутствует)
	Ольховое	Заболоченный участок основания надпойменной террасы р. Медозы, аллювиальная почва	Нормальная старая, неполночленная	g3, средняя
	Ольховое	Бровка и участок луга на плакоре надпойменной террасы р. Вязовка, дерново-суглинистая почва	Инвазионная, неполночленная	J, im, высокая
Льнянка обыкновенная	Овсяничево-разнотравное	Суходольный луг на плакоре в 100 м от берегового склона р. Вязовка, супесчаная почва	Нормальная неполночленная	g1, g2, средняя
	Разнотравное (экопищевая группировка)	Оползень надпойменной террасы р. Вязовки, глинистая почва	Нормальная неполночленная	g1, g2, низкая

Примечание: * Интенсивность корнеотпрыскового возобновления популяции (интенсивность корнеотпрысковости) – низкая (0–5% корнеотпрысковых особей), средняя (до 25%), высокая (до 50%).

Исследуемая нами фитокатена малой реки ледникового происхождения включала на плакоре – овсяниково-разнотравный суходольный луг и елово-ольховое сообщество, на бровке надпойменной террасы и при ее основании – ольховые сообщества, на склоне надпойменной террасы, характеризующемся наличием оползней, – разнотравное сообщество (экопическая группировка), пойма – ольховым и вязовым сообществами (см. табл. 1).

Ценопопуляция льянки на плакоре включала около 10 молодых генеративных корневых отпрысков. Семенное возобновление отсутствовало. По-видимому, постоянному омоложению ценопопуляции благоприятствует видовой состав ценоза, в котором отсутствуют особи крупных луговых видов, а также умеренный выпас и сенокошение. Омоложению ценопопуляции льянки на глинистом склоне способствуют нарушения в форме оползневых явлений.

Ценопопуляция ольхи серой на бровке надпойменной террасы, включающая злаково-разнотравные луговые сообщества, была инвазионной и состояла из ювенильных, иматурных и (реже) виргинильных особей корнеотпрыскового и порослевого происхождения. С появлением мощного эдификаторного вида ели европейской (*Picea abies* (L.) Karst) ценопопуляция ольхи постепенно вымирает. В ельнике-кисличнике, где особи ели достигли молодого генеративного состояния, нами было отмечено 12 молодых генеративных особей ольхи. Они были представлены сухостоем из одноствольных деревьев. Вегетативное возобновление в ценопопуляции ольхи отсутствовало.

Поймы малых рек для ольховых сообществ, по-видимому, можно рассматривать как первичные. Ценопопуляции здесь полночленные, с высокой и средней интенсивностью корнеотпрыскости. Максимум в онтогенетическом спектре чаще всего приходится на группу зрелых или старых генеративных особей. Старые генеративные и сенильные особи обычны в заболоченных экотопах с аллювиальной перегнойно-глеевой почвой. Молодые овраги, формирующиеся рядом с руслом реки, как правило, характеризуются инвазионными ольховыми ценопопуляциями.

Вязовник приурочен к высокому или среднему участку поймы, к аллювиальным темнотумусовым почвам.

Ценопопуляция в пойме малой реки была полночленной. Среди взрослых особей господствовали средневозрастные генеративные. Генеративная фракция значительно преобладала над вегетативной. Подрост популяции был исключительно вегетативного происхождения. В составе популяции около четверти вегетативных особей корнеотпрыскового происхождения, остальные – порослевого [12].

Во время весеннего паводка происходит некоторый подмыв береговых склонов, а также отло-

жение на участках меандра песчаных и илистых частиц, переносимых водой. Подмыв береговых склонов повышает корнеотпрысковую интенсивность как вяза, так и ольхи. Одиночные особи вяза семенного происхождения (*im*, *v*, *gl*) нами обнаружены на расстоянии 20, 100 и 300 м от сообщества. Они произрастали на стенках ям в местах бывших построек, то есть в условиях достаточного освещения, влагообеспеченности и почвенного питания. В исследуемом вязовом лесу наиболее крупные средневозрастные генеративные особи вяза произрастали не только на возвышенных участках поймы, но и на береговых склонах меандрирующего русла р. Вязовки. Некоторые особи *im* и *v* вегетативного происхождения находились в угнетенном состоянии. Минувя генеративный период, они переходят в субсенильное состояние и затем отмирают.

Хотя исследуемая фитокатена антропогенно нарушена, особенно на плакоре, ведущим фактором поддержания популяционной жизни корнеотпрысковых деревьев и трав выступают особенности экотопа.

Устойчивое существование полночленных популяций вяза и ольхи в сообществах фитокалены связано с относительно неизменными экологическими условиями со времени заселения и освоения данной территории человеком.

Библиографический список

1. Былова А.М. Молокан татарский // Биология сорных растений. – М.: Учпедгиз, 1960. – С. 132–146.
2. Былова А.М. Большой жизненный цикл свербики восточной // Возрастной состав ценопопуляций цветковых растений в связи с их онтогенезом: сб. трудов. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1974. – С. 152–167.
3. Водолазский Л.Е. Развитие структуры в онтогенезе *Chamaenerion angustifolium* (Onagraceae): Кипрей // Ботанический журнал. – 1982. – Т. 67. – № 1. – С. 33–48.
4. География Костромской области / ред. В.П. Лебедев. – Кострома, 1995. – 134 с.
5. Григорьев А.А. Из истории костромского дворянства. – Кострома: АЛЕКС, 1993. – 472 с.
6. Заугольнова Л.Б. Иерархический подход к анализу лесной растительности малого речного бассейна (на примере Приокско-Террасного заповедника) // Ботанический журнал. – 1999. – Т. 84. – № 8. – С. 42–56.
7. Ипатов В.С., Кирикова Л.А. Фитоценология. – СПб.: СПбГУ, 1997. – 316 с.
8. Криницын И.Г. Онтогенез и структура популяций спорифитов некоторых видов рода *Botrychium* Sw. в подзонах южной тайги и подтайги Европейской России: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – Барнаул, 2004. – 19 с.
9. Лащинский Н.Н. *Populus tremula* L. – Тополь дрожащий, осина // Диагнозы и ключи возрастных

состояний лесных растений. Деревья и кустарники. – М.: Прометей. – С. 89–95.

10. Лебедев В.П. Онтогенез и структура ценопопуляций некоторых корнеотпрысковых сорных растений: автореф. дис. ... канд. биол. наук. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1984. – 15 с.

11. Лебедев В.П., Беляева М.А., Соловьева И.С. Онтогенез корневых отпрысков *Rumex acetosella* L. (Polygonaceae) // Ботанический журнал. – 1991. – Т. 76. – С. 260–285.

12. Лебедев В.П., Лебедев С.В. Особенности популяционной биологии вяза гладкого // Лесоведение. – М.: РАН, 2005. – № 5. – С. 68–71.

13. Османова Г.О. Экобиоморфология и структура ценопопуляций видов рода *Plantago* L. (Plantaginaceae Juss.): автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – Оренбург: Ор.ГПУ. – 37 с.

14. Работнов Т.А. Жизненный цикл многолетних травянистых растений в луговых ценозах // Труды БИН АН СССР. Сер. 3. Геоботаника. – 1950. – Вып. 6. – 204 с.

15. Серебряков И.Г. Экологическая морфология растений. – М.: Высшая школа, 1962. – 378 с.

16. Серебрякова Т.И. (ред.). Диагнозы и ключи возрастных состояний луговых растений. – М.: МГПИ им. В.И. Ленина, 1983. – 96 с.

17. Смирнова О.В., Кагарлицкая Т.Н. О двух типах жизненного цикла *Viola mirabilis* L. // Ботанический журнал. – 1972. – Т. 57. – № 5. – С. 345–352.

18. Смирнова О.В. (ред.). Диагнозы и ключи возрастных состояний лесных растений. Деревья и кустарники. – М.: Прометей, 1989. – 105 с.

19. Снаговская М.С. Возрастные состояния желтой люцерны // Ученые записки МГПИ им. В.И. Ленина. Химия, ботаника, зоология и гистология. – М.: МГПИ, 1965. – С. 52–67.

20. Соловьева М.П. Молочай прутьевидный // Биология сорных растений. – М.: Учпедгиз, 1960. – С. 117–132.

21. Уранов А.А. Возрастной спектр фитоценопопуляций как функция времени и энергетических волновых процессов // Биологические науки. – 1975. – № 2. – С. 7–34.

22. Ценопопуляции растений (очерки популяционной биологии). – М.: Наука, 1988. – 184 с.

23. Чистякова А.А., Кутыгина И.С. *Ulmus glabra* huds. – Вяз шершавый, или ильм горный // Диагнозы и ключи возрастных состояний лесных растений. Деревья и кустарники. – М.: Прометей МГПИ им. В.И. Ленина. – С. 82–89.

24. Jürgen Schäffer, Klaus von Wilpert and Edgar Kublin. Analysis of fine rooting below skid trails using linear and generalized additive models // Can. J. For. Res. – 2009. – № 39. – P. 2047–2058.

25. Rauh W. Die Bildung von Hypocotil und Wurzelsprossen und ihre Bedeutung für die Wuchsformen der Pflanzen. – Halle (Saale) (Deutschland), 1937. – S. 1–105.

Кузьмичев Василий Витальевич

доктор ветеринарных наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kaf_mbd@ksu.edu.ru

Стрелец Борис Максимович

профессор, доктор медицинских наук
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kaf_mbd@ksu.edu.ru

Кузьмин Федор Андреевич

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kaf_mbd@ksu.edu.ru

Михина Наталья Владимировна

кандидат ветеринарных наук
Костромская ветеринарная лаборатория
kaf_mbd@ksu.edu.ru

Остапчук Ольга Васильевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
kaf_mbd@ksu.edu.ru

ДИНАМИКА ПАТОМОРФОЛОГИЧЕСКИХ ИЗМЕНЕНИЙ ПРИ ТОКСОКАРОЗЕ

*Патоморфологические изменения в органах и тканях кошек, экспериментально зараженных инвазионными яйцами *T. cati*, характеризуются гранулематозным альвеолитом, геморрагической бронхопневмонией, периваскулитами; очаговой и периваскулярной пролиферацией тканей печени эозинофилами, лимфоидными клетками, гистиоцитами, плазмочитами, некробиотическими очагами. Данные изменения в тканях котят подтверждают токсическое влияние метаболитов гельминтов и выраженный иммунный клеточный ответ.*

Ключевые слова: токсокароз, гельминты кишечника, патоморфологические изменения, миграция гельминтов, паразиты в кишечнике, эозинофилия.

По данным Всемирной организации здравоохранения, из 50 млн. человек, ежегодно умирающих в мире, более чем у 16 млн. причиной смерти являются инфекционные и паразитарные заболевания. Этот класс болезней остаётся ведущим среди причин смерти человека в настоящее время. По числу больных в мире заражения кишечными гельминтозами занимают третье место [5; 7]. Яйца и личинки гельминтов плотоядных представляют большую опасность для человека. Например, личинки токсокар способны мигрировать в организме человека, вызывая при этом ряд патологических процессов в различных внутренних органах, неспецифические заболевания, известные под названием «висцеральная форма ларва мигранс». Особенно часто эти заболевания встречаются у детей 1,5–3-летнего возраста.

В целом по Российской Федерации отмечается выраженная тенденция к росту выявляемости токсокароза. Например, в г. Кирове в 2006 г., по сравнению с 2005 г., заболеваемость токсокарозом выросла в 2 раза и составила 2,3 на 100 тыс. населения [3]. Для человека токсокароз является зооантропонозной инвазией, источником которой служат зараженные токсокарами собаки и кошки, выделяющие яйца во внешнюю среду. Различные исследования по патогенезу и патоморфологии при токсокарозе собак и других видов животных проводились рядом авторов, такими как Э.Х. Даугалиева (2000), И.Н. Ратникова (2002), Н.С. Беспалова (2003) и А.Г. Михин (2004).

Развитие иммунопатологических процессов при токсокарозе сопровождается морфофункциональными изменениями в органах и тканях: нарушение микроциркуляции и кровообращения, аллергические и иммунодефицитные состояния, дистрофические изменения, явления воспаления и низкий уровень тканевых ферментов [1].

Непрерывная миграция личинок характеризуется воспалительными очагами разной давности в некоторых органах и тканях. Отсутствие воспалительной клеточной реакции вокруг личинок указывает на их продолжающуюся миграцию. С током крови личинки могут попадать в центральный сосуд глаза, сетчатку или сосудистую оболочку [8].

Таким образом, организм зараженного животного находится под механическим и сенсибилизирующим воздействием личинок токсокар. Сенсибилизирующее воздействие оказывают продукты жизнедеятельности мигрирующих личинок, а также соматические антигены личинок после гибели [4].

Анализ данных литературы показал, что токсокароз плотоядных представляет серьезную опасность для человека, так как существует большое количество факторов инвазирования, вызывает поражения глаз, внутренних органов и трудно диагностируется.

Исследование проводилось в Костромской областной ветеринарной лаборатории. Провели два эксперимента на восьми котятах. Котят для проведения эксперимента подбирали по принципу аналогов, то есть помётами. Патоморфологические изменения органов и тканей котят изучали в разные

сроки после экспериментального заражения *T. cati*. Гистологическое исследование препаратов проводили с помощью светового микроскопа.

Инвазионность личинок *T. cati* определяли по наличию чехлика на головном конце, который хорошо заметен после выхода личинок из яйца, по отношению к окрашиванию 1% раствором метиленового синего (окрашиваются только погибшие зародыши).

Изучение этапов патогенеза и патоморфологических изменений в органах при однократном заражении инвазионными яйцами *T. cati* на беспородных котят 2,5–3-месячного возраста. За месяц до начала проведения эксперимента животных дегельминтизировали препаратом фебтал. В опыте было сформировано две группы – опытная и контрольная (по 4 головы). Котят опытной группы заразили «*per os*» инвазионными яйцами *T. cati* в дозе 300 экз. На 4, 8, 16 и 26-й дни эксперимента животных подвергали эутаназии: по две головы (по одной из опытной и контрольной группы). Всех котят исследовали по методу неполного гельминтологического вскрытия по К.И. Скрябину и отбирали патологический материал для гистологического исследования. Для определения количества мигрирующих личинок и распределения их в органах, печень и легкие исследовали методом Бермана – Орлова.

При экспериментальном изучении токсокароза в опытах на котятах 2,5–3,5-месячного возраста установлены основные симптомы и патологические изменения в тканях. У котят опытной группы с 14–15-го дня отмечено беспокойство, повышение аппетита, анемичность слизистых оболочек, учащение пульса и дыхания, сухой кашель, а также болезненная реакция при пальпации брюшной стенки. Зараженные котята отставали в росте и развитии по сравнению с контролем. Данные симптомы болезни характеризуют токсическое влияние метаболитов личинок и имагинальных форм токсокар. Именно мигрирующие вызывают наибольшие патологические реакции и напряженный иммунитет.

Легкие котят на 4-й день после заражения *T. cati* в дозе 300 экз. яиц/гол. были бледно-розового цвета. На поверхности легких, под плеврой, множественные, резко ограниченные, округлые, ярко-красные очаги до 1–2 мм в диаметре. На разрез ткань легких розового цвета, мягкой консистенции. На 8-й день легкие розовые; с незначительными участками темно-красного цвета.

Под плеврой видны мелкие точечные кровоизлияния, иногда сливающиеся в небольшие пятна. По всей поверхности легких множественные резко ограниченные, ярко-красные очаги до 2–3 мм в диаметре с беловатыми приподнятыми над поверхностью центрами.

К 16-му дню легкие у подопытных животных были бледно-розового цвета, мягкой консистен-

ции, на разрезе влажные, соскоб незначительный. На поверхности легких, под плеврой, наблюдались множественные, резко ограниченные, округлые, ярко-красные очаги со светлыми центрами. На 26-й день легкие бледно-розовые, воздушные, мягкой консистенции, с уплотнениями в верхушечных долях, темно-красного цвета. Под плеврой обнаружены единичные сероватые, резко ограниченные очажки до 1 мм в диаметре и множественные очаги красного цвета.

Печень на четвертый день после заражения инвазионными яйцами *T. cati* немного увеличена, темно-вишневого цвета. Поверхность гладкая, блестящая. Под капсулой рассеяны единичные очажки бело-серого цвета до 1 мм в диаметре. На разрезе ткань печени сочная, сосуды кровенаполнены. К 8-му дню на красно-буrom фоне печени, под капсулой и в паренхиме, заметны ограниченные округлые белые очажки до 1–1,5 мм в диаметре, рассеянные по всем долям. Через 16 дней под капсулой и в паренхиме серо-белые очажки размером от 0,5 до 1,5 мм в диаметре. На 26-й день у всех животных печень неравномерно окрашена: на фоне нормального вишневого цвета множественные серо-белые очаги до 1,5 мм в диаметре.

На 4-й день после однократного заражения *T. cati* основная часть легких воздушна, альвеолы хорошо просматриваются. Вокруг сосудов и бронхов имелись скопления лимфоцитов. Единичные альвеолы заполнены однородной бледно-розовой жидкостью. Кровеносные сосуды расширены, кровенаполнены; местами наблюдался очаговый выход эритроцитов в ткань. Слизистая бронхов складчатая, в просвете клетки слущенного эпителия и небольшое количество слизи.

Таким образом, на 4-й день опыта в легких установлена гиперемия, точечные кровоизлияния, серозный выпот в альвеолах.

Через 8 дней отдельные участки ткани легких уплотнены. В центре участков скопление эозинофилов. По периферии центральной части более светлая зона из эпителиоидных и гистиоцитарных клеток. Далее расположены клетки лимфоидного и лейкоцитарного типа с большим количеством эозинофилов. Прилежащие участки ткани легкого воздушны, полости альвеол расширены, стенки их истончены. В ткани легкого и в полости некоторых альвеол отмечено большое количество эритроцитов. Стенки кровеносных сосудов утолщены.

Таким образом, на 8-й день в легких котят установлена резко выраженная сосудистая реакция с очаговыми кровоизлияниями, образование гранулем с эозинофильным распадом в центре и эпителиоидно-гистиоцитарной реакцией вокруг, эозинофилия межальвеолярной ткани и периваскулярно.

На 16-й день большая часть ткани легких воздушна, но имелись значительные участки уплотнения под плеврой, вокруг сосудов и бронхов, состо-

ящие из эритроцитов, эозинофилов и лимфоидных клеток. Местами встречались очаги уплотнения, состоящие из крупных эпителиоидных и гистиоцитарных клеток и скопления эозинофилов.

Стенки кровеносных сосудов утолщены, бронхи расширены, слизистая их складчатая. В просвете некоторых бронхов слущенные эпителиальные клетки.

Итак, на 16-й день опыта в легких выявлены разлитые грануломатозные разрастания эпителиоидно-гистиоцитарного типа с наличием эозинофилов и лимфоидных элементов; перибронхит и периваскулит.

Через 26 дней большая часть ткани легких воздушна, но периваскулярно и перибронхиально, а также в отдельных участках под плеврой имелось уплотнение ткани, состоящее из слущенного альвеолярного эпителия, лейкоцитарных и эпителиоидных клеток. Местами встречались очаги некроза в центре с розовоокрашенным детритом. Отмечено наличие эозинофильных и лимфоидных клеток. Вокруг сосудов разрыхление соединительной ткани с эозинофилами между волокнами.

У одного котенка установлена бурая индурация легких – скопление пигмента гемосидерина.

На 26-й день заражения котят в легких установлено: гиперемия, альвеолит, периваскулиты, образование очаговых уплотнений грануломатозного характера.

В паренхиме печени котят на 4-й день отдельные участки имели интенсивно окрашенную розовую протоплазму. Ядра клеток сохранены, пикнотичны, местами – в виде глыбок и мелких зернышек (кариорексис). В местах локализации личинок токсокар наблюдалось повреждение ткани. В некоторых участках распад ткани сопровождался образованием инфильтратов с наличием в них эозинофилов.

На 4-й день опыта в печени отмечено наличие гранулематозных очагов.

К 8-му дню в паренхиме печени отмечены участки со скоплением клеточных элементов по периферии. В центре таких участков клеточный детрит, ярко окрашенный гематоксилином. Вокруг очага среди клеточных элементов большое скопле-

ние эозинофилов. Периваскулярно вокруг желчных протоков скопление лейкоцитарных элементов с преобладанием эозинофилов. Кровеносные сосуды кровенаполнены.

Таким образом, установлены периваскулярно и вокруг множественных некробиотических очагов клеточные инфильтраты с преобладанием эозинофилов.

Через 16 дней в различных участках паренхимы печени отмечены множественные очаги распада ткани. Центральная часть их местами состояла из клеточного детрита с личинками *T. cati* или без них. Затем расположена зона из интенсивно окрашенных в розовый цвет печеночных клеток с сохранившимися или разрушенными ядрами. По периферии очага и среди разрушенных печеночных клеток большое количество лимфоцитов и лейкоцитов с преобладанием эозинофилов. В ткани печени местами встречались скопления эпителиоидных клеток. Кровеносные сосуды расширены и кровенаполнены, вокруг них скопление эозинофилов.

На 16-й день установлен диагноз: множественные некробиотические очаги и эпителиоидные бугорки в паренхиме печени, периваскулярные эозинофильные инфильтраты.

На 26-й день в паренхиме печени, недалеко от кровеносных сосудов, отмечены множественные очажки с некрозом и некробиозом печеночных клеток в центре. Некоторые очажки без резкой границы переходят в паренхиму печени; вокруг других светлая зона из эпителиоидных и гистиоцитарных элементов, местами с преобладанием эозинофилов. Отдельные участки окружены молодыми соединительнотканью клетками, как бы с образованием капсулы. По ходу портальной системы, особенно в области триад, скопления эозинофилов. Печеночные клетки глыбчатые, рыхлые, цитоплазма их неравномерно окрашена, ядра в большинстве клеток сохранены, некоторые гепатоциты некротизированы. Кровеносные сосуды расширены, кровенаполнены.

Таким образом, установлены множественные некротические очаги, эпителиоидные гранулемы с некрозом в центре и началом образования соеди-

Таблица 1

Результаты исследования легких и печени по методу Бермана – Орлова после однократного заражения инвазионными яйцами *T. cati* (доза заражения 300 экз. яиц/гол.)

Сроки эутаназии животных	№№ животных	Количество личинок, выделенных из органов котят (экз.)		Всего личинок (экз.)
		легкие	печень	
4 день	1	3	13	16
	контроль 1	-	-	-
8 день	2	6	5	11
	контроль 2	-	-	-
16 день	3	-	1	1
	контроль 3	-	-	-
26 день	4	-	-	-
	контроль 4	-	-	-

нительнотканной капсулы, периваскулярные эозинофильные инфильтраты.

Гельминтоляроскопически (методом Бермана – Орлова), через 3 дня после однократного заражения котят инвазионными яйцами токсокар, выделено наибольшее количество личинок (16 экз.). Основная их масса находилась в печени (13 экз.), в легких животных обнаружено 3 экз. личинок (табл. 1). На 8-й день токсокарозные личинки выделены практически в равной степени из печени (5 экз.) и легких (6 экз.). К 16-му дню личинки токсокар сохранялись, главным образом, в печени у подопытных животных (1 экз.). На 26 день в печени и легких животных опытных групп личинок токсокар не выявлено. В контрольной группе животных, на протяжении всего эксперимента, в исследуемых органах личинки токсокар не обнаружены.

Библиографический список

1. Беспалова Н.С. Этиопатогенетическая терапия гельминтозов (на примере токсокароза собак): автореф. дис. ... д-ра вет. наук. – Н. Новгород,

2003. – 53 с.

2. Даугалиева Э.Х. Иммуитет при гельминтозах // Труды ВИГИС. – 2000. – Т. 36. – С. 27–49.

3. Жданова О.Б. Паразитозы плотоядных (патогенез, иммуноморфология и диагностика): автореф. дис. ... д-ра биол. наук. – М., 2007. – 42 с.

4. Игнашенкова Г.В. Биохимическое изучение антигенной структуры *T. canis*: дис. ... канд. биол. наук. – М., 1985. – 174 с.

5. Лысенко А.Я., Константинова Т.Н., Авдюхина Т.Н. Токсокароз: учеб. пособие. – М., 1999. – 40 с.

6. Михин А.Г. Токсокароз собак (эпизоотология, иммунодиагностика, патоморфология, лечение): автореф. дис. ... канд. вет. наук. – Н. Новгород, 2004. – 20 с.

7. Ратникова И.Н. Иммунобиологические показатели при токсокарозе собак и методы его коррекции: автореф. дис. ... канд. вет. наук. – Н. Новгород, 2002. – 20 с.

8. Karell I., Peleska M., Uhlikova M., Huber J. Larva migrans lentis // *Ophthalmologica* (Basel). – 1977. – V. 171(1). – P. 14–19.

УДК 639.2.53

Мурадова Людмила Владимировна

кандидат сельскохозяйственных наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
mlv44@mail.ru

ВИДОВОЙ СОСТАВ ИХТИОФАУНЫ ОЗЕРА КАМЕНИК

В статье приведены результаты исследований видового состава ихтиофауны третьего по размерам озера в Костромской области – озера Каменик. В связи с изменением уровня воды в водоемах Костромской низины наблюдаются негативные изменения состояния экосистемы водоема и сокращение видового разнообразия ихтиофауны.

Ключевые слова: Костромская низина, озеро Каменик, видовое разнообразие, ихтиофауна, структура улова, встречаемость, длина тела и масса рыб.

Строительство Нижегородской ГЭС и образование Горьковского водохранилища вызвало затопление части Костромской низины и образование в 1955–1957 гг. Костромского водохранилища площадью 176 км², с максимальной глубиной – 8 м, средней – 3–4 м. В Костромской низине имеется огромное количество малых рек, озер, прудов, карьеров и водохранилищ, в которых в зависимости от географических и внешних условий обитают различные виды рыб. Их успешное развитие, запасы зависят от того, в каком водоеме они находятся, с проточной или стоячей водой, грязной или чистой, бедной или богатой кормовыми организмами [3; 5]

Гидрологический комплекс Костромской низины уникален, ее реки и озера имеют неоценимое экологическое и биологическое значение. Современный растительный покров представлен разнообразными сообществами, сформированными в условиях искусственного затопления территории. Широко представлены сообщества пойменных, низинных и суходольных лугов, виды растений и животных, редкие для области. Костромская

низина – важнейшее в Костромской области место концентрации гусей во время весенней миграции. Одновременно здесь отмечены до 12 тысяч гусей, а в отдельные периоды до 30 тысяч. Занесенные в Красную книгу РФ и МСОП пискунки, краснозобые и белощекие казарки встречаются единично. Костромская низина является КОТР международного значения (ИВА) по критериям А4.1 (гуменник), А4.3 (единовременное скопление водоплавающих птиц более 20 тыс. ос.), В1 (белолобый гусь, гуменник, серый гусь). Территория отличается высоким биологическим разнообразием: здесь отмечено 85 видов птиц, обитает ряд видов, включенных в Красную книгу Российской Федерации, а также охраняемые виды Костромской области. Территория служит кормовыми угодьями для орлана-белохвоста, охотящегося на гусей, скопы, черного коршуна, болотного луны, полевого луны, канюка, пустельги, дербника, болотной совы, многочисленных мигрирующих куликов и чашек.

С 1957 года по 2000 год уровень воды в отштурованном русле реки Кострома, реке Узокса, озере Каменик Костромского района Костромской

области в летний период поддерживался на уровне 77,6 м (Балтийская система координат). При данном уровне воды экологическое состояние рек и озер Костромской низины было оптимальным, хорошо развивалась водная растительность, в результате чего водные биологические ресурсы и объекты животного мира обеспечивались хорошей кормовой базой.

С 2000 года уровень воды в указанных водных объектах поддерживается на более высоких отметках, что не могло не сказаться на экологическом состоянии водоема и его обитателях. Резкий сброс воды на защитных сооружениях костромской низины приводит к массовой гибели рыбы и ухудшению качества воды в озере Каменик – третьем по величине озере Костромской области [3; 5].

Озеро Каменик находится в районе Костромских разливов Горьковского водохранилища и отдалено от них дамбой. Водоем соединяется с рекой Костромой через р. Узокса. К озеру примыкает сеть карьеров, которые были намыты при сооружении дамбы. Грунты в озере в основном илистые и торфяные. Проточность невысокая, практически отсутствует течение в приплотинной части. Колебания водного уровня составляют до двух метров. Данное озеро активно используется для рыбной ловли и рекреации. Гидрохимический режим водоема является благоприятным для рыб только лишь в тех местах, где были затоплены в пойме значительные торфяники. В зимнее время иногда возникают заморы, которые не имеют существенного распространения. Существенным значением для рыб обладает ветровое движение воды, а также ее волнения [3].

Речная рыба, которая любит течение – подусты, голавли, стерлядь и другие, ушли в притоки или вверх, следовательно, их численность снизилась. А вот численность таких рыб, как лещ, щука, плотва, густера, окунь и другие, существенно возросла. Наиболее многочисленными в водохранилище явля-

ются окуни, ерши, плотва, сомы, уклейки, чехони, а из промысловых рыб – лещи, реже встречаются синец, судак, налим, появились новые виды рыб – ряпушка белозерская и озерная корюшка-снеток.

В 2013 году на совещании у губернатора Костромские власти, представители природоохранной прокуратуры и экологи обсудили ситуацию, сложившуюся в районе озера Каменик под Костромой и постановили, что при защите населения от наводнения необходимо «соблюдать паритет» в вопросе сохранения рыбных ресурсов. Для восстановления экологического баланса ФГБУ «Защитные сооружения Костромской низины» рекомендуется по возможности в весенне-летний период поддерживать уровень воды в водоемах Костромской низины на отметке 77,6 м – 77,8 м по Балтийской системе, а в период становления льда – на отметке 78 м.

Из-за резких перепадов уровня воды в озере, питающем реки Узоксу и Кострому, на рыбопромысловом участке происходят массовые заморы рыбы, гибнет растительность, нарушаются места естественных гнездовий перелетных птиц и рыбных нерестилищ. Водоем заиливается, вода в нем загнивает. По классификации С.П. Китаева для водных объектов озерного типа трофический статус озера Каменик по среднему содержанию хлорофилла а может быть оценен как α -эвтрофный водоем с повышенной степенью кормности для рыб, причем в озере выявлены участки с разными уровнями трофии. Наименьшими концентрациями хлорофилла а характеризуется середина озера, наибольшая – наблюдалась в карьерах, связанных с озером протоками. Средняя концентрация хлорофилла а в фитопланктоне за вегетационный период составила $17,6 \pm 7,4$ мг/м³ [2].

В связи с этим целью данной работы был анализ сукцессионной смены видового состава ихтиофауны озера Каменик. Для достижения цели поставлены задачи: изучить видовой состав, встре-

Таблица 1

**Результаты сетного лова в оз. Каменик
(набор ставных сетей с шагом ячеи 16–75 мм)**

Виды рыб	Встречаемость, %	Улов экз/сетесутки	Ср. длина, см	Ср. масса, г	Улов кг/сетесутки	Улов, %
Карась серебряный (<i>Carassius auratus</i>)	60	213,3	10,3	36	7,74	25,4
Карась золотой (<i>Carassius carassius</i>)	60	12,2	13,7	86	1,05	3,5
Лещ обыкновенный (<i>Abramis brama</i>)	60	10,0	14,9	73	0,73	2,4
Линь (<i>Tinca tinca</i>)	60	12,2	16,6	144	1,76	5,8
Щука обыкновенная (<i>Esox lucius</i>)	40	5,0	31,3	258	1,29	4,2
Язь (<i>Leuciscus idus</i>)	20	3,3	16,0	73	0,24	0,8
Окунь речной (<i>Perca fluviatilis</i>)	60	165,6	11,4	27	4,55	14,9
Плотва обыкновенная (<i>Rutilus rutilus</i>)	60	675,6	10,0	19	13,15	43,1
Всего		1097,2			30,5	100

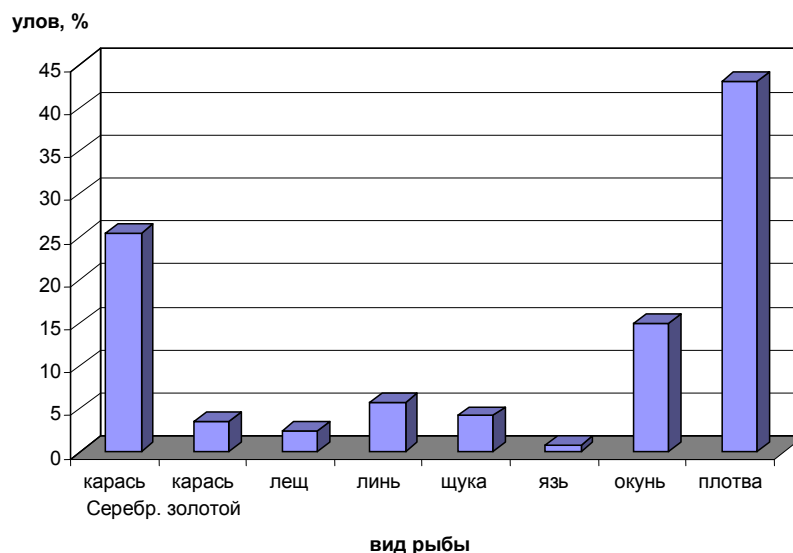

Рис. 1. Соотношение видов в улове

Рис. 2. Соотношение представителей разных семейств в улове

чаемость, структуру улова, размеры и массу видов ихтиофауны на исследуемых створах.

Для сбора ихтиологического материала использованы сетные уловы с различным размером ячей и волокушные контрольные ловы по всему исследуемому участку. Рыба отдельно в каждой сети разбиралась по видам, затем определялся возраст по чешуе [1]. Определение половозрелости и темпа роста проводилось по стандартным методам [4; 6].

В результате исследований в озере обнаружено 13 видов рыб: плотва обыкновенная, окунь речной, щука обыкновенная, карась золотой, карась серебряный, линь, жерех, язь, елец, уклейка обыкновенная, верховка обыкновенная и красноперка.

В уловах мальковой волокуши преобладали сеголетки плотвы – 13,5 тыс. экз./га (81,5%) и красноперки – 1,6 тыс. экз./га (9,9%). В уловах малькового невода 81,3% (192,6 экз./га) составляли двухлетки карася серебряного и 12,5% (29,6 экз./га). Кроме этих видов встречались молодь верховки и золотого карася.

Результаты улова ставных сетей представлены в таблице 1.

В уловах набора ставных сетей на оз. Каменик 43,1% составляет Плотва обыкновенная (*Rutilus rutilus*) – вид рыб из семейства карповых

(Cyprinidae) со средней длиной тела 10 см и массой 19 г. Улов этого вида рыб составил 675,6 экземпляров в сетесутки. 25,4% улова состоит из представителей вида Карась серебряный (*Carassius auratus*) того же семейства. Средняя длина тела карася составила 10,3 см, масса – 36 г. В сутки в сетях было отобрано 213,3 экземпляра этого вида.

Самая редкая рыба в озере Язь (*Leuciscus idus*) из семейства карповых (Cyprinidae), в улове ее содержалось 0,8%. Средняя длина тела язя составляет 16 см, масса 73 г. За сутки в сети попадало 3,3 экземпляра этого вида. Самая крупная рыба в озере – Щука (*Esox lucius*), средняя длина тела которой составила 31,3 см, масса – 258 г. Встречаемость щуки 40%, в улове ее содержалось 4,2%.

Видовая структура улова представлена на рисунке 1.

Среди населения рыб озера Каменик доминируют виды, относящиеся к семейству Карповых (Cyprinidae) – 81,0%, встречаются представители семейства Щуковых (Esocidae) – 14,9% и семейства Окуневых (Percidae) – 4,2% (рис. 2).

В результате исследований было установлено, что видовой состав ихтиофауны озера Каменик значительно сократился. В нем перестали встречаться миноги и осетровые рыбы, сельдь, налим, судак. Наиболее многочисленными являются представители семейства Карповых – Плотва и Карась серебряный. Для сохранения видового разнообразия необходим постоянный контроль за уровнем воды, состоянием экосистемы озера, контроль за изменениями гидрохимического состояния вод, оценка видового состава и эколого-морфологических особенностей ихтиофауны.

Библиографический список

1. Брюзгин В.Л. Методы изучения роста рыб по чешуе, костям и отолитам. – Киев: Наукова думка, 1969.

2. Китаев С.П. О соотношении некоторых трофических уровней и «шкалах трофности» озёр разных природных зон // V съезд Всесоюз. гидробиол. об-ва: тез. докл.: Ч. 2. – Куйбышев, 1986. – С. 254–255.

3. Кожевников Г.П., Лесникова Т.В. Горьковское водохранилище // Изв. «ГосНИОРХ». – 1975. – № 102. – С. 87–104.

4. Котляр О.А. Методы рыбохозяйственных исследований (ихтиология). – Рыбное, 2004. – 180 с.

5. Постнов Д.И. Динамика рыбных запасов и возможности их освоения на Горьковском и Чебоксарском водохранилищах / Д.И. Постнов, А.Е. Минин, А.А. Клевакин // Рыбное хозяйство. – 2012. – № 1. – С. 60–63.

6. Печников А.С., Терешенков И.И. Методические указания по сбору и обработке ихтиологического материала в малых озерах. – Л.: «ГосНИОРХ», 1986. – 65 с.

УДК 574.5

Сиротина Марина Валерьевна

доктор биологических наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

mvsirotna@gmail.com

Субботина Ольга Васильевна

Лицей № 41 г. Костромы

licey41@list.ru

БИОИНДИКАЦИЯ ЭКОЛОГИЧЕСКОГО СОСТОЯНИЯ ОЗЕРА КАМЕНИК ПО ПОКАЗАТЕЛЯМ ЗООПЛАНКТОНА

В статье изложены результаты исследования экологического состояния озера Каменик по показателям сообщества зоопланктона. Оцениваются видовой состав и разнообразие сообщества, наличие индикаторных видов, количественные показатели, трофический статус водоёма, сапробность. Исследования подтверждаются гидрохимическими данными.

Ключевые слова: зоопланктон, биоиндикация, озеро Каменик, Костромская низина, гидробиологические исследования, гидрохимические исследования.

Озеро Каменик располагается на территории Костромской низины в Костромской области, принадлежит к Верхневолжскому бассейновому округу и имеет площадь 2,72 км² (протяженность озера – 2,1 км, ширина – 0,94 км). Гидрологический комплекс Костромской низины представляет собой систему сообщающихся водоёмов, отделён от Костромского участка Горьковского водохранилища дамбами и имеет более низкий уровень воды, чем само водохранилище. Озеро Каменик (третье по величине озеро в Костромской области) соединяется с рекой Узасой и озером Турово, их воды поступают в нижний участок реки Костромы (Кострома-нижняя). Кострома-нижняя представляет собой водохранилище руслового типа с площадью водосбора 160,7 км² и фильтрационным притоком с коренного берега реки Волги и Горьковского водохранилища. Сброс из участка Кострома-нижняя осуществляется за счет откачки воды насосной станцией в реку Волгу, при этом изменяется уровень воды водоёмов Костромской низины, в том числе и озера Каменик. С 1957 года по 2000 год уровень воды в озере в летний период поддерживался на отметке 77 метров 60 см, что являлось оптимальным для развития биоценоза водоёма. Колебания этого показателя, периодически повторяющиеся с 2000 года, приводят к негативным процессам в экосистеме, кроме того, с водосборной площади поступает большое количество органических веществ антропогенного происхождения, что ускоряет процессы эвтро-

фирования водоёма. Озеро зарастает тростником, озёрным камышом, в воде встречаются кувшинка белая, кубышка жёлтая, водокрас лягушачий, по берегам гнездятся водоплавающие птицы, встречаются следы деятельности бобров, в зарослях камыша отмечаются хатки ондатры. На территории, прилегающей к озеру, планируется создание комплексного заказника – особо охраняемой природной территории регионального значения.

Состояние зоопланктона озера Каменик изучалось либо очень давно [4, т. 10, с. 86–101], либо фрагментарно [6, с. 5], хотя это сообщество является весьма информативным и в настоящее время широко используется в целях биоиндикации гидробиоценозов.

Целью исследований являлось изучение структурных характеристик зоопланктона озера Каменик для оценки экологического состояния экосистемы и прогноза перспектив её развития.

Исследования проводились в июне 2013 года, пробы зоопланктона отбирались с лодки с использованием малой количественной сети Джеди (капроновое сито № 76) на 6 станциях в акватории озера и фиксировались 4% формалином. Одновременно на каждой станции измерялась прозрачность с помощью диска Секки, и отбирались пробы для гидрохимического исследования воды. Обработка проб зоопланктона проводилась в лаборатории с помощью микроскопа Биомед-3 и в камере Богорова под бинокулярной лупой МБС-2 по общепринятым методикам [3, с. 33]. Расчёт инди-

видуальной массы ракообразных и коловраток выполнен на основе уравнений зависимости этого показателя от длины тела организма [2, с. 58–72; 12, с. 419–456].

В результате исследований в составе зоопланктона озера Каменик нами было выявлено 35 видов, из них 14 видов и подвидов коловраток, 11 видов ветвистоусых и 6 видов веслоногих ракообразных.

Rotatoria: *Brachionus angularis* (Gosse, 1851); *Brachionus diversicornis homoceros* (Wierzejski, 1891); *Brachionus diversicornis diversicornis* (Daday, 1883); *Brachionus calyciflorus calyciflorus* (Pallas, 1775); *Brachionus calyciflorus spinosus* (Wierzejski, 1891); *Brachionus calyciflorus dorcae* (Gosse, 1851); *Brachionus quadridentatus quadridentatus* (Hermann, 1783); *Brachionus quadridentatus brevispinus* (Ehrenberg, 1832); *Brachionus urceus* (Linnaeus, 1758); *Brachionus plicatilis longicornis* (Fadeev, 1925); *Euchlanis dilatata* (Ehrenberg, 1832); *Euchlanis lyra* (Hydson, 1886); *Keratella quadrata* (Müller, 1786); *Trichocerca cylindrica* (Imhof, 1891).

Cladocera: *Diaphanosoma brachyurum* (Liëvin, 1848); *Sida crystallina* (O.F.Müller, 1776); *Ceriodaphnia reticulata* (Jurine, 1820); *Daphnia longispina* (Sars, 1862); *Daphnia cucullata* (Sars, 1862); *Daphnia galeata* (Sars, 1864); *Daphnia longispina* (O.F.Müller, 1785); *Simocephalus serrulatus* (Koch, 1841); *Bosmina longirostris* (O.F.Müller, 1785); *Chydorus sphaericus* (O.F.Müller, 1785); *Leptodora kindtii* (Focke, 1844).

Copepoda: *Eudiaptomus graciloides* (Lilljeborg, 1888); *Macrocyclus distinctus* (Richard, 1887); *Cyclops strenuus* (Fischer, 1851); *Thermocyclops oithonoides* (Sars, 1863); *Thermocyclops crassus* (Fischer, 1853); *Mesocyclops leuckarti* (Claus, 1857).

По количеству видов в сообществе зоопланктона озера Каменик преобладают коловратки, среди которых, бесспорно, доминируют представители рода *Brachionus*, являющиеся β - и β - α мезосапробными организмами и индикаторами высокой трофности водоёма. К числу зоопланктеров-индикаторов эвтрофирования также относятся *Keratella quadrata*, *Trichocerca cylindrica*, *Daphnia cucullata*, *Bosmina longirostris*, *Chydorus sphaericus*, *Cyclops*

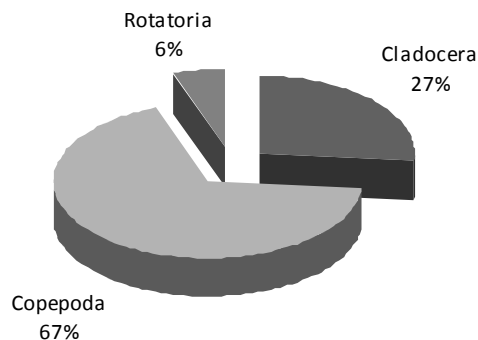

Рис. 1. Соотношение систематических групп в зоопланктоне озера Каменик (по показателям численности)

strenuus [1, с. 189]. Величина показателя трофии Е/О, представляющего собой соотношение числа видов-индикаторов эвтрофного и олиготрофного типов [10, с. 46–54], равняется 4,33, что соответствует значениям этого индекса для эвтрофных водоёмов, рассчитанный коэффициент трофии по А.Х. Мязметсу (Е) [7, с. 12–15], – 2,06, что подтверждает эвтрофный статус озера.

Наибольшая встречаемость в составе зоопланктона характерна для викарирующих видов – *Mesocyclops leuckarti* и *Thermocyclops oithonoides*, называемых также «видами-двойниками» [9, с. 79–102] из-за высокого сходства их биологии и частого совместного присутствия в водоёмах. Взрослые особи и копеподитные стадии этих видов составляют значительную часть зоопланктона как по численности, так и по биомассе.

Eudiaptomus graciloides также был нами обнаружен во всех пробах, но показатели его численности и биомассы незначительны. Характерным для процесса нарастания эвтрофирования является смена крупных представителей Copepoda на более мелких и замена таксономических групп Calanoida на Cyclopoida (представителей родов *Mesocyclops* и *Thermocyclops*). Широко распространена в водоёме и самая мелкая из босмин – *Bosmina longirostris*, которая завершает цепочку последовательных смен комплекса ветвистоусых в процессе эвтрофи-

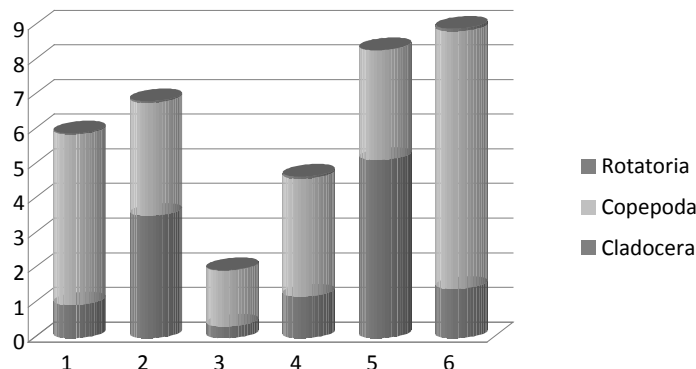

Рис. 2. Биомасса зоопланктона оз. Каменик на станциях отбора проб (г/м³)

рования водоёма [1, с. 189], что также указывает на высокий трофический статус озера.

Зоопланктон озера Каменик характеризуется высокими показателями численности и биомассы (в среднем $395,70 \pm 68,67$ тыс. экз/м³ и $6,10 \pm 0,95$ г/м³ соответственно). Наибольший вклад как в численность, так и в биомассу сообщества вносят представители Copepoda (в среднем 67,69% и 67,88%). Ветвистоусые представлены в зоопланктоне озера Каменик в следующем соотношении: 26,66% по численности и 31,54% по биомассе (рис. 1, рис. 2). Интересным является слабое развитие в зоопланктоне озера в период исследований коловраточно-го комплекса (5,65% по численности и менее 1% по биомассе). Нами не отмечено в составе планктона особей *Asplanchna priodonta*, вида, который присутствовал в сообществе в 2011 году [6, с. 5], а ранее являлся доминирующим в начале лета, составляя значительную часть планктона. Коловраточный планктон в 50-е годы XX века в составе сообщества зоопланктона озера мог составлять до 83,6% по численности и 87,8% по биомассе, а клadoцеры в этот период почти полностью отсутствовали [4, т. 10, с. 86–101].

Одним из наиболее информативных показателей структуры сообщества является индекс видового разнообразия Шеннона-Уивера [14, с. 117], величина которого в эвтрофных озёрах укладывается в рамки 0,1–2,0 [1, с. 189]. Значения индекса видового разнообразия ($\bar{H}_{\text{бит}}$) озера Каменик составили в среднем $1,89 \pm 0,16$, что соответствует водоёмам с высоким трофическим статусом (эвтрофным).

Величина индекса сапробности по Пантле и Букку [11, с. 17–21] в модификации Сладечек [13, с. 1–218] в среднем равна $1,69 \pm 0,01$, что характеризует озеро Каменик как β -мезосапробный водоём, хотя значение этого показателя может быть несколько занижено. Так, ещё в 1978 году Н.А. Дзюбан и С.П. Кузнецова [3, с. 42–47] утверждали, что «установленные Сладечком для Чехословакии индексы ряда видов в наших водохранилищах оказываются заниженными (что уже констатировали и другие), например *Asplanchna priodonta* Gosse и *Mesocyclops leuckarti* Claus Сладечек относит к олигосапробам, в условиях наших же водоёмов это типичные β -мезосапробы». Заметим, что *Mesocyclops leuckarti* является одним из доминирующих видов в зоопланктоне озера Каменик.

На каждой станции отбора проб нами измерялась прозрачность с помощью диска Секки, значения которой были низкими во всех участках водоёма и в среднем по озеру равнялись $0,22 \pm 0,01$ м. По величине прозрачности был рассчитан трофический индекс Карлсона [8, с. 361–369], средняя величина которого составила $82,00 \pm 0,92$, что говорит о тенденции перехода водоёма от эвтрофного в гиперэвтрофное состояние.

Гидрохимические исследования, проведённые в испытательной лаборатории ФГУ ГСАС «Костромская», показали, что воды озера Каменик по ионному составу являются гидрокарбонатно-кальциевыми с повышенным содержанием железа ($1,24$ – $1,27$ мг/л). О высоком содержании органики в воде свидетельствуют величины перманганатной окисляемости (120 мгО₂/л), химического потребления кислорода (ХПК) (680 – 900 мг/л), биологического потребления кислорода БПК пол./БПК₅ ($5,7/4,3$ мг/л), что во много раз превышает нормативные показатели для рыбохозяйственных водоёмов и значения, характерные для вод соответствующей физико-географической зональности. Присутствие взвешенных веществ в воде озера, значительное развитие фитопланктона и, очевидно, бактериопланктона, обуславливает повышенные показатели мутности (64 – $74,5$ ЕМФ), а значения цветности ($37,20$ – 42°), видимо, связаны и с наличием в водоёме соединений трёхвалентного железа. Если повышенное содержание железа связано с природным фоном этого элемента в Костромской области, то остальные показатели говорят о высоком содержании органики в воде озера Каменик. Величина РН $8,88$ – $8,99$ относит воды озера Каменик к группе щелочных.

Таким образом, по совокупности показателей сообщества зоопланктона мы можем охарактеризовать озеро Каменик как эвтрофный β -мезосапробный водоём. До определённых этапов эвтрофирование водоёмов с точки зрения получения биологической продукции – процесс полезный, и умеренно эвтрофные водоёмы дают более высокие показатели биопродукции, чем эвтрофные и олиготрофные водоёмы. Если же процесс эвтрофирования заходит слишком далеко и переходит в стадию гиперэвтрофии, то биогенные элементы будут действовать как загрязняющие вещества. В водоёме усиливается «цветение» воды за счёт сине-зелёных водорослей, резко ухудшается качество воды, снижается уровень её кислородного насыщения, нарастает дефицит кислорода в придонных слоях, происходят изменения в качественном и количественном составе растительных и животных сообществ. Характеристика показателей сообщества зоопланктона позволяет прогнозировать дальнейшее повышение трофического статуса озера и, возможно, переход его в статус гиперэвтрофного, что может негативно отразиться на состоянии гидроценоза.

Примечание

Авторы выражают благодарность ученикам 10«а» класса лицея № 41 г. Костромы Артёму Пахуткину и Ивану Волкову за помощь в сборе материала.

Библиографический список

1. Андроникова И.Н. Структурно-функциональная организация зоопланктона озёрных экосистем

разных трофических типов. – СПб.: Наука, 1996. – 189 с.

2. Балушкина Е.В., Винберг Г.Г. Зависимость между массой и длиной тела у планктонных животных // Экспериментальные и полевые исследования биологических основ продуктивности озёр. – Л., 1979. – С. 58–72.

3. Дзюбан Н.А., Кузнецова С.П. Зоопланктон как показатель загрязнения водохранилищ // Гидробиологический журнал. – 1978. – Т. 14. – № 6. – С. 42–47.

4. Зеликман А.Л. Количественная характеристика зоопланктона водоёмов Волжско-Костромской поймы // Труды всесоюзного гидробиологического общества. – Т. 10. – 1960. – С. 86–101.

5. Методические рекомендации по сбору и обработке материалов при гидробиологических исследованиях на пресноводных водоёмах. Зоопланктон и его продукция. – Л.: Изд-во ГосНИОРХ, 1982. – 33 с.

6. Минин А.Е., Кривдина Т.В., Логинов В.В. и др. Рыбоводно-биологическое обоснование на рыбохозяйственное использование озера Каменик (Костромская область). – Н. Новгород, 2011. – С. 5.

7. Мязметс А.Х. Качественный состав пелагического зоопланктона как показатель трофности озера // Тезисы докладов 20-й науч. конф. по изуче-

нию водоёмов Прибалтики и Белоруссии. – Рига, 1979. – С. 12–15.

8. Carlson R.E. A trophic state index for lakes // Limnol. and Oceanogr. – 1977. – Vol. 22. – № 2. – P. 361–369.

9. Nilssen J.P., Waervagen S.B. Superficial ecosystem similarities vs autecological stripping: the «twin species» Mesocyclops leuckarti (Claus) and Thermocyclops oithonoides (Sars) – seasonal habitat utilization and life history traits // J. Limnol. – 2000. – №59(2). – P. 79–102.

10. Hakkari L. Zooplankton species as indicators of environment // Aqua fenn. – Helsinki, 1972. – P. 46–54.

11. Pantle R., Buck H. Die biologische Überwachung der Gewässer und Darstellung der Ergebnisse // Gas- und Wasserfach. – 1955. – 96. Jg. №18. – P. 17–21.

12. Puttner-Kolisko A. Proposed formula for calculating body volume of planktonic rotifers. A review of some problems in zooplankton production studies // Norw. J. Zool. – 1976. – № 24. – P. 419–456.

13. Sládeček V. System of water quality from the biological point of view // Arch. Hydrobiol. Beihft. – 1973. – Vol. 7. – P. 1–218.

14. Shannon C.E., Weaver W. The mathematical theory of communication. – Urbana, 1963. – 117 p.

УДК 517.9

Ройтенберг Владимир Шлеймович

кандидат физико-математических наук
Ярославский государственный технический университет
vroitenberg@mail.ru

О РОЖДЕНИИ ПРЕДЕЛЬНЫХ ЦИКЛОВ ИЗ КОНТУРА, ОБРАЗОВАННОГО СЕПАРАТРИСАМИ СЕДЛА И СШИТОГО СЕДЛО-УЗЛА КУСОЧНО-ГЛАДКОГО ВЕКТОРНОГО ПОЛЯ

Рассматривается кусочно-гладкое векторное поле на двумерном многообразии, имеющее контур, состоящий из седла, из сшитого седло-узла и из их сепаратрис. Исследуется рождение предельных циклов из контура при типичной двухпараметрической деформации векторного поля.

Ключевые слова: кусочно-гладкое векторное поле, сепаратрисный контур, бифуркации, предельные циклы.

1. Введение. Формулировка результатов.

Пусть M – ориентируемое компактное двумерное C^∞ -многообразие, D – разбиение M на компактные двумерные C^∞ -подмногообразия M_i , $i \in \{1, 2, \dots, n\}$, такие, что $M = M_1 \cup \dots \cup M_n$, $M_i \cap M_j = \partial M_i \cap \partial M_j$ при $i, j \in \{1, 2, \dots, n\}$, $i \neq j$. Кусочно-гладким векторным полем класса C^r ($r \geq 1$) на многообразии M с разбиением D назовем элемент топологического векторного пространства $X^r(M, D) := X^r(M_1) \oplus \dots \oplus X^r(M_n)$, где $X^r(M_i)$ – топологическое векторное пространство векторных полей класса C^r на M_i

с C^r -топологией. Траекториями векторного поля $X = (X^{(1)}, \dots, X^{(n)}) \in X^r(M, D)$, следуя [4, с. 95], будем называть траектории дифференциального включения $\dot{x} = \hat{X}(x)$, $x \in M$, где $\hat{X}(x) = \{X^{(i)}(x)\}$ при $x \in \text{int } M_i$ и $\hat{X}(x)$ – выпуклая оболочка векторов $X^{(i)}(x)$ и $X^{(j)}(x)$ при $x \in \partial M_i \cap \partial M_j$, $i \neq j$. Кусочно-гладкие векторные поля применяются в качестве математических моделей реальных динамических систем с переключениями. Несомненный интерес представляет изучение бифуркаций кусочно-гладких векторных полей, при которых рождаются устойчивые периодические траектории (автоколебания). В [4] при-

ведено описание бифуркаций особых точек первой степени негрубости. Ряд нелокальных бифуркаций рассмотрен автором [2; 3].

В настоящей работе мы рассматриваем бифуркации кусочно-гладкого векторного поля, имеющего контур, состоящий из седла, не лежащего на линии разрыва поля, из его сепаратрис и из особой точки на линии разрыва типа сшитый седло-узел.

Рассмотрим семейство векторных полей $X_\varepsilon = (X_\varepsilon^{(1)}, \dots, X_\varepsilon^{(n)})$ из $X^r(M, D)$, $r \geq 3$, C^r -гладко зависящих от параметра ε , меняющегося в некоторой окрестности точки $0 \in \mathbf{R}^2$. Продолжим векторные поля $X_\varepsilon^{(i)}$, $i \in \{1, 2, \dots, n\}$, до векторных полей $\bar{X}_\varepsilon^{(i)}$ на некоторой окрестности M_i в M так, чтобы отображения $(x, \varepsilon) \mapsto \bar{X}_\varepsilon^{(i)}(x)$ принадлежали классу C^r .

Пусть для X_0 выполняются следующие условия $(A_1) - (A_3)$:

(A_1) Точка z_1^0 принадлежит $M^0 := M_{j^-} \cap M_{j^+}$ при некоторых $j^-, j^+ \in \{1, 2, \dots, n\}$, $j^- \neq j^+$ и является сшитым седло-узлом, а именно: $X_0^{(j^+)}(z_1^0) = 0$; матрица линейной части поля $X_0^{(j^+)}$ в z_1^0 имеет собственные значения $\lambda_1^0 < \lambda_2^0 < 0$, а соответствующие собственные подпространства трансверсальны M^0 ; вектор $X_0^{(j^-)}(z_1^0)$ направлен внутрь M_{j^-} .

(A_2) Точка $z_2^0 \in \text{int } M_{i_*}$ при некотором $i_* \in \{1, \dots, n\}$ и является гиперболическим седлом векторного поля $X_0^{(i_*)}$. Седловая величина $\sigma := \text{tr } dX_0^{(i_*)}(z_2^0) \neq 0$.

(A_3) Выходящая сепаратриса L_0^- седла z_2^0 не содержит особых точек и ω -предельна к z_1^0 вдоль собственного направления, соответствующего λ_2^0 . Из точки z_1^0 выходит положительная полу-траектория поля X_0 , не содержащая особых точек, отличных от z_1^0 , и совпадающая со входящей сепаратрисой L_0^+ седла z_2^0 .

Выберем ориентацию M так, чтобы сепаратриса L_0^- была продолжением сепаратрисы L_0^+ с положительной стороны. Выберем локальную карту $h: U \rightarrow \mathbf{R}^2$ так, чтобы

$$h(z_1^0) = (0, 0), \quad h(U \cap M_{j^-}) = \{(\xi, \eta) : \eta \leq 0\}, \\ h(U \cap M_{j^+}) = \{(\xi, \eta) : \eta \geq 0\}, \text{ для матрицы ли-}$$

нейной части векторного поля в точке z_1^0 вектор $(0, 1)^T$ являлся собственным вектором, соответствующим собственному значению λ_2^0 , дуга $\eta = 0$, $\xi > 0$ находилась с положительной стороны от контура $\Gamma_0 := L_0^+ \cup L_0^- \cup \{z_2^0\}$.

Вследствие условия (A_1) существуют такие окрестность $U_1 \subset U$ точки z_1^0 и окрестность $E_1 \subset E_0$ точки $0 \in \mathbf{R}^2$, что для всех $\varepsilon \in E_1$ векторное поле $\bar{X}_\varepsilon^{(j^+)}$ имеет в U_1 единственную особую точку $z_1(\varepsilon)$, при этом $z_1(\cdot) \in C^r$, $z_1(0) = z_1^0$. Пусть $h(z_1(\varepsilon)) = (\hat{\xi}(\varepsilon), \hat{\eta}(\varepsilon))$.

Из условия (A_2) следует, что найдутся такие окрестность $U_2 \subset \text{int } M_{i_*}$ седла z_2^0 и окрестность $E_2 \subset E_1$ точки $0 \in \mathbf{R}^2$, что для всех $\varepsilon \in E_2$ векторное поле $X_\varepsilon^{(i_*)}$ имеет в U_2 единственную особую точку – гиперболическое седло $z_2(\varepsilon)$, такое, что $z_2(\cdot) \in C^r$, $z_2(0) = z_2^0$. Из условия (A_3) и из гладкой зависимости инвариантных многообразий седла от параметров следует, что E_2 можно выбрать так, что седло $z_2(\varepsilon)$ имеет входящую сепаратрису $L^+(\varepsilon)$, содержащую дугу траектории поля $X_\varepsilon^{(j^-)}$, трансверсально пересекающую M^0 в точке $h^{-1}(\hat{u}(\varepsilon), 0)$, где $\hat{u}(\cdot) \in C^{r-1}$, $\hat{u}(0) = 0$.

Следующее условие не зависит от способа продолжения векторных полей $X_\varepsilon^{(j)}$ до векторных полей $\bar{X}_\varepsilon^{(j)}$ и выбора локальной карты h .

$$(B) \begin{vmatrix} \partial \hat{u}(0) / \partial \varepsilon_1 & \partial \hat{u}(0) / \partial \varepsilon_2 \\ \partial \hat{\eta}(0) / \partial \varepsilon_1 & \partial \hat{\eta}(0) / \partial \varepsilon_2 \end{vmatrix} \neq 0.$$

При условии (B) в некоторой окрестности $E_3 \subset E_2$ точки $0 \in \mathbf{R}^2$ можно выбрать C^r -координаты $(\varepsilon_1, \varepsilon_2)$ так, что $\hat{\eta}(\varepsilon) = -\varepsilon_1$, $\hat{u}(\varepsilon) = \varepsilon_2$. (1)

В дальнейшем будем отождествлять точку $\varepsilon \in E_3$ с ее координатной строкой: $\varepsilon = (\varepsilon_1, \varepsilon_2)$

и обозначать $|\varepsilon| := \max\{|\varepsilon_1|, |\varepsilon_2|\}$.

Теорема. Пусть семейство векторных полей $X_\varepsilon \in X^r(M, D)$, $\varepsilon \in E_0$, удовлетворяет условиям $(A_1) - (A_3)$ и (B).

Если седловая величина $\sigma > 0$, то существуют такое число $\delta > 0$ и такие C^1 -функции $b_k: (0, \delta) \rightarrow (-\delta, \delta)$, $b_k(+0) = 0$, $k = 1, 2$, $\forall \varepsilon_1 \in (0, \delta)$ $b_1(\varepsilon_1) < b_2(\varepsilon_1)$, что у векторного поля X_ε , $|\varepsilon| < \delta$, имеются только следующие неблуждающие множества, рождающиеся из сепаратрисного контура Γ_0 : При $0 < \varepsilon_1 < \delta$, $-\delta < \varepsilon_2 < b_1(\varepsilon_1)$ – устойчивый цикл, при $0 < \varepsilon_1 < \delta$, $\varepsilon_2 = b_1(\varepsilon_1)$ – устойчивый цикл и неустойчивая петля $L^\pm(\varepsilon) \cup \{z_2(\varepsilon)\}$ сепаратрисы седла, при $0 < \varepsilon_1 < \delta$, $b_1(\varepsilon_1) < \varepsilon_2 < b_2(\varepsilon_1)$ – устойчивый и неустойчивый циклы, при $0 < \varepsilon_1 < \delta$, $\varepsilon_2 = b_2(\varepsilon_1)$ – двойной цикл.

Если седловая величина $\sigma < 0$, то существуют такое число $\delta > 0$ и такая C^1 -функция $b: (0, \delta) \rightarrow (-\delta, \delta)$, $b(+0) = 0$, что у векторного поля X_ε , $|\varepsilon| < \delta$, имеются только следующие неблуждающие множества, рождающиеся из сепаратрисного контура Γ_0 : при $0 < \varepsilon_1 < \delta$, $-\delta < \varepsilon_2 < b(\varepsilon_1)$ – устойчивый цикл, при $0 < \varepsilon_1 < \delta$, $\varepsilon_2 = b(\varepsilon_1)$ – устойчивая петля $L^\pm(\varepsilon) \cup \{z_2(\varepsilon)\}$ сепаратрисы седла.

Доказательство для случая $\sigma > 0$ приведено в разделах 2–5. Доказательство для случая $\sigma < 0$ проще и потому опускается.

2. Функция соответствия в окрестности сшитого седло-узла. От координат ξ, η , задаваемых картой h , перейдем к координатам $x = \xi - \hat{\xi}(\varepsilon)$, $y = \eta - \hat{\eta}(\varepsilon) = \eta + \varepsilon_1$. В этих координатах

$$X_\varepsilon^{(j+)}(z) = P(x, y, \varepsilon) \partial / \partial x + Q(x, y, \varepsilon) \partial / \partial y,$$

$$\begin{aligned} P(x, y, \varepsilon) &= \lambda_1^0 x + x r_{11}(x, y, \varepsilon) + y r_{12}(x, y, \varepsilon), \\ Q(x, y, \varepsilon) &= a x + \lambda_2^0 y + x r_{21}(x, y, \varepsilon) + y r_{22}(x, y, \varepsilon) \end{aligned} \quad (2),$$

где $a > 0$, $r_{jk} \in C^{r-1}$, $r_{jk}(0, 0, 0) = 0$, $j, k = 1, 2$.

Пусть $K_{\theta, d} := \{(x, y): 0 < y \leq d, |x| \leq \theta y\}$, где $d > 0$, $0 < \theta < 1$. Из (2) и условия $\lambda_1^0 < \lambda_2^0 < 0$ следует, что мы можем считать d и $\delta_1 \in (0, 1)$ выбранными так, что функция $R(x, y, \varepsilon) = P(x, y, \varepsilon) / Q(x, y, \varepsilon)$ определена для $(x, y) \in K_{\theta, d}$, $|\varepsilon| < \delta_1$ и $\pm R(\pm \theta y, y, \varepsilon) > \theta$ для $y \in (0, d]$. Поэтому интегральная кривая $x = \chi(y, u, \varepsilon)$ дифференциального уравнения $dx/dy = R(x, y, \varepsilon)$, про-

ходящая через точку $(u, d) \in K_{\theta, d}$, определена при $y \in (0, d]$ и не выходит из $K_{\theta, d}$, то есть $|\chi(y, u, \varepsilon)| \leq \theta y$ при $y \in (0, d]$. Обозначим I_ε и J_ε – дуги, задаваемые в координатах (x, y) , соответственно, условиями $y = d$, $|x| \leq \theta d$ и $y = \varepsilon_1$, $|x| \leq \theta d$. Пусть $\delta_2 = \min\{\delta_1, d/2\}$. Обозначим $\varphi(u, \varepsilon) := \chi(\varepsilon_1, u, \varepsilon)$. При $\varepsilon \in (0, \delta_2) \times (-\delta_2, \delta_2)$ функция $\varphi(\cdot, \varepsilon) := \chi(\varepsilon_1, \cdot, \varepsilon)$ является функцией соответствия по траекториям векторного поля $X_\varepsilon^{(j+)}$ между дугами I_ε и J_ε .

По условию (A_1) $\lambda_1^0 / \lambda_2^0 > 1$. Пусть $1 < \mu_- < \lambda_1^0 / \lambda_2^0 < \mu_+$. Из (2), используя уравнения в вариациях, получаем следующее утверждение.

Лемма 1. Существуют такие число $\delta_3 \in (0, \delta_2]$ и положительные числа C_1 и C_2 , что для всех $\varepsilon \in (0, \delta_3) \times (-\delta_3, \delta_3)$, $|u| \leq \theta d$

$$(\varepsilon_1 / d)^{\mu_-} \leq \varphi'_u(u, \varepsilon) \leq (\varepsilon_1 / d)^{\mu_+}, \quad (3)$$

$$|\varphi''_u(u, \varepsilon)| \leq C_1 \varepsilon_1^{2\mu_- - 1} \leq C_1 \varepsilon_1^{\mu_-}, \quad (4)$$

$$|\varphi'_{\varepsilon_2}(u, \varepsilon)| \leq C_2 \varepsilon_1. \quad (5)$$

3. Функция соответствия в расширенной окрестности седла. Обозначим $L^-(\varepsilon)$ – выходящую сепаратрису седла $z_2(\varepsilon)$, являющуюся продолжением сепаратрисы $L^+(\varepsilon)$ с положительной стороны. В силу условия (A_3) мы можем считать, что d выбрано так, что L^- пересекает дугу I_0 в точке с координатой $x = a_0 \in (-\theta d, \theta d)$. Так как инвариантные многообразия седла гладко зависят от параметра, то число δ_2 можно считать выбранным так, что $L^-(\varepsilon)$, $|\varepsilon| \leq \delta_2$, пересекает дугу I_ε в точке с координатой $x = \hat{a}(\varepsilon) \in (-\theta d, \theta d)$, где $\hat{a}(\cdot) \in C^{r-1}$, $\hat{a}(0) = a_0$. Согласно [1] из (1) и условия $\sigma > 0$ следует, что найдутся такие числа $\delta_4 \in (0, \delta_3]$, $u_* > 0$, $\alpha > 0$ и $1 < \gamma_m < \gamma_M$, что траектория векторного поля $-X_\varepsilon$, $|\varepsilon| \leq \delta_4$, начинающаяся в точках дуги I_ε с координатой $x = \hat{a}(\varepsilon) + u$, $u \in (0, u_*]$, первый раз пересекает дугу J_ε в точке с координатой $x = \psi(u, \varepsilon)$, где

$$\psi(u, \varepsilon) = \varepsilon_2 + u^{\gamma(\varepsilon)}(c(\varepsilon) + g(u, \varepsilon)), \quad (6)$$

$$\gamma(\cdot) \in C^{r-1}, \quad c(\cdot) \in C^r, \quad (7)$$

$$c(\varepsilon) > 0, \quad 1 < \gamma_m \leq \gamma(\varepsilon) \leq \gamma_M, \quad (7)$$

$$|\partial^{k+l+m} g(u, \varepsilon) / \partial u^k \partial \varepsilon_l \partial \varepsilon_2^m| \leq u^{\alpha-k}, \quad (8)$$

Допределим $\psi(u, \varepsilon)$ по непрерывности при $u = 0$, положив $\psi(0, \varepsilon) := \varepsilon_2$.

4. Функция последования и функция \tilde{d} . Пусть

$\psi^{-1}(\cdot, \varepsilon)$ – функция, обратная к $\psi(\cdot, \varepsilon)$. Определим функции $f(v, \varepsilon) := \varphi(\hat{a}(\varepsilon) + \psi^{-1}(v, \varepsilon), \varepsilon)$ и $\tilde{d}(u, \varepsilon) := \varphi(\hat{a}(\varepsilon) + u, \varepsilon) - \psi(u, \varepsilon)$. Функция $f(\cdot, \varepsilon)$ является функцией последования по траекториям векторного поля X_ε . Нетрудно убедиться, что

$$\begin{aligned} f(v, \varepsilon) = v, \quad f'_v(v, \varepsilon) > 1 \quad (f'_v(v, \varepsilon) < 1) &\Leftrightarrow \\ \tilde{d}(u, \varepsilon) = 0, \quad \tilde{d}'_u(u, \varepsilon) > 0 \quad (\tilde{d}'_u(u, \varepsilon) < 0), & \\ u = \psi^{-1}(v, \varepsilon), & \end{aligned} \quad (9)$$

$$\begin{aligned} f(v, \varepsilon) = v, \quad f'_v(v, \varepsilon) = 1, \quad f''_{vv}(v, \varepsilon) \neq 0 &\Leftrightarrow \\ \tilde{d}(u, \varepsilon) = \tilde{d}'_u(u, \varepsilon) = 0, \quad \tilde{d}''_{uu}(u, \varepsilon) \neq 0, & \\ u = \psi^{-1}(v, \varepsilon). & \end{aligned} \quad (10)$$

Ввиду (6) – (8) и неравенства $|\varphi(u, \varepsilon)| \leq \theta \varepsilon_1$ мы можем считать, что $\bar{u} \in (0, u_*)$ и δ_4 выбраны так, что $\tilde{d}(\bar{u}, \varepsilon) < 0$, если $\varepsilon \in (0, \delta_4) \times (-\delta_4, \delta_4)$.

Лемма 2. Существует C^{r-1} -функция $m: (0, \delta_5) \times (-\delta_5, \delta_5) \rightarrow (0, \bar{u})$, где $\delta_5 \in (0, \delta_4]$, такая, что

$$\begin{aligned} \tilde{d}'_u(u, \varepsilon) > 0 \quad \text{при} \quad 0 < u < m(\varepsilon), \\ \tilde{d}'_u(u, \varepsilon) < 0 \quad \text{при} \quad m(\varepsilon) < u \leq \bar{u}, \end{aligned} \quad (11)$$

$$\tilde{d}'_u(m(\varepsilon), \varepsilon) = 0, \quad \tilde{d}''_{uu}(m(\varepsilon), \varepsilon) < 0. \quad (12)$$

Доказательство. Будем считать, что числа μ_- и μ_+ были выбраны так, что $\mu_+(\gamma(0) - 2)/(\gamma(0) - 1) < \mu_-$. Тогда найдутся такие μ^- и μ^+ , что

$$1 < \mu^- < \mu_- < \mu_+ < \mu^+ \quad (13)$$

и $\mu^+(\gamma(0) - 2)/(\gamma(0) - 1) < \mu^-$. Будем считать δ_4 столь малым, что

$$\mu^+(\gamma(\varepsilon) - 2)/(\gamma(\varepsilon) - 1) < \mu^- \quad \text{при} \quad |\varepsilon| \leq \delta_4. \quad (14)$$

Обозначим $m_-(\varepsilon) := \varepsilon_1^{\mu^+ / (\gamma(\varepsilon) - 1)}$ и $m_+(\varepsilon) := \varepsilon_1^{\mu^- / (\gamma(\varepsilon) - 1)}$. Из (3), (6) – (8), (13) и по-

ложительности $c(\varepsilon)$ следует, что δ_4 можно взять столь малым, что при $\varepsilon \in (0, \delta_4) \times (-\delta_4, \delta_4)$ $m_-(\varepsilon) < m_+(\varepsilon) < \bar{u}$ и

$$\begin{aligned} \tilde{d}'_u(u, \varepsilon) > 0 \quad \text{для} \quad 0 < u < m_-(\varepsilon), \quad \tilde{d}'_u(u, \varepsilon) < 0 \\ \text{для} \quad m_+(\varepsilon) < u \leq \bar{u}. \end{aligned} \quad (15)$$

Из (6) – (8) также получаем, что δ_4 можно считать выбранным так, что существует такая постоянная $D > 0$, что

$$|\psi''_{uu}(u, \varepsilon)| \geq Du^{\gamma(\varepsilon)-2} \quad \text{при} \quad |\varepsilon| \leq \delta_4 \quad \text{и} \quad 0 < u \leq \bar{u}. \quad (16)$$

Пусть $\gamma(0) > 2$. Можно считать, что $\gamma(\varepsilon) > 2$

$$\begin{aligned} \text{при} \quad |\varepsilon| \leq \delta_4. \quad \text{Ввиду (16) и (14)} \\ |\psi''_{uu}(u, \varepsilon)| \geq D\varepsilon_1^{\mu^+ (\gamma(\varepsilon)-2)/(\gamma(\varepsilon)-2)} \geq D\varepsilon_1^{\mu^-} \quad \text{при} \\ |\varepsilon| \leq \delta_4 \quad \text{и} \quad m_-(\varepsilon) \leq u \leq m_+(\varepsilon). \end{aligned} \quad (17)$$

Из (4), (13) и (17) следует, что при $0 < \delta_5 < \min\{\delta_4, (D/C_1)^{1/(\mu_- - \mu^+)}\}$

$$\begin{aligned} \tilde{d}''_{uu}(u, \varepsilon) < 0 \quad \text{для} \quad \varepsilon \in (0, \delta_5) \times (-\delta_5, \delta_5), \\ m_-(\varepsilon) \leq u \leq m_+(\varepsilon). \end{aligned} \quad (18)$$

Пусть теперь $\gamma(0) \leq 2$, а δ_5 выбрано так же, как и выше. Возьмем $\varepsilon \in (0, \delta_5) \times (-\delta_5, \delta_5)$. Если $\gamma(\varepsilon) > 2$, то получаем, как и выше, оценку (18). Если $\gamma(\varepsilon) \leq 2$, то из (16) следует, что $|\psi''_{uu}(u, \varepsilon)| \geq D$ при $|\varepsilon| \leq \delta_4$ и $m_-(\varepsilon) \leq u \leq m_+(\varepsilon)$; учитывая (4), также получаем оценку (18).

Лемма 2 теперь вытекает из (15), (18) и теоремы о неявной функции.

Лемма 3. Число \bar{u} можно считать выбранным так, что для функции $M(\varepsilon) := \tilde{d}(m(\varepsilon), \varepsilon)$ и некоторого $\delta \in (0, \delta_5]$

$$M'_{\varepsilon_2}(\varepsilon) < 0 \quad \text{для всех} \quad \varepsilon \in (0, \delta) \times (-\delta, \delta). \quad (19)$$

Доказательство. Из (6) – (8) следует, что существует такая постоянная $D > 0$, что при $u \in (0, u_*]$, $|\varepsilon| \leq \delta_4$ $\psi'_{\varepsilon_2}(u, \varepsilon) \geq 1 - Du^{\gamma_m} \ln u$. Считая \bar{u} достаточно малым, будем иметь

$$\psi'_{\varepsilon_2}(u, \varepsilon) \geq 1/2 \quad \text{для всех} \quad u \in (0, \bar{u}], \quad |\varepsilon| \leq \delta_4. \quad (20)$$

$$\begin{aligned} \text{Учитывая (12), получаем} \\ M'_{\varepsilon_2}(\varepsilon) = \tilde{d}'_{\varepsilon_2}(u, \varepsilon)|_{u=m(\varepsilon)} = \\ = [\varphi'_v(v, \varepsilon) \tilde{d}'_{\varepsilon_2}(\varepsilon) + \varphi'_v(v, \varepsilon)]_{v=\hat{a}(\varepsilon)+m(\varepsilon)} - \\ - \psi'_{\varepsilon_2}(u, \varepsilon). \end{aligned}$$

Теперь лемма 3 следует из (3), (5), (20) и ограниченности $\tilde{d}'_{\varepsilon_2}(\varepsilon)$.

5. Бифуркации циклов. Так как $\tilde{d}(0, \varepsilon) = \varphi(\hat{a}(\varepsilon), \varepsilon) - \varepsilon_2$, то ввиду (5) δ можно

считать выбранным так, что

$$\tilde{d}'_{\varepsilon_2}(0, \varepsilon) < 0 \text{ при } \varepsilon \in (0, \delta) \times (-\delta, \delta). \quad (21)$$

Так как $|\varphi(\hat{a}(\varepsilon), \varepsilon)| \leq \theta \varepsilon_1$ и $0 < \theta < 1$, то при $\varepsilon_2 = -\varepsilon_1$ получаем $\tilde{d}(0, \varepsilon) \geq \varepsilon_1(1 - \theta) > 0$, а при $\varepsilon_2 = \varepsilon_1$ $\tilde{d}(0, \varepsilon) \leq \varepsilon_1(-1 + \theta) < 0$. Отсюда и из (21) вытекает, что для любого $\varepsilon_1 \in (0, \delta)$ существует число $b_1(\varepsilon_1) \in (-\varepsilon_1, \varepsilon_1)$ такое, что

$$\begin{aligned} \operatorname{sgn} d(0, \varepsilon) &= \operatorname{sgn}(b_1(\varepsilon_1) - \varepsilon_2) \\ \text{при } \varepsilon &\in (0, \delta) \times (-\delta, \delta). \end{aligned} \quad (22)$$

По теореме о неявной функции $b_1(\cdot) \in C^1$.

Вследствие (6) – (8) мы можем считать, что при $u \in [0, \bar{u}]$, $\varepsilon \in (0, \delta) \times (-\delta, \delta)$ $\psi(u, \varepsilon) \geq \varepsilon_2$. Из этого неравенства и из (22) имеем

$$M(\varepsilon) < 0 \text{ при } \varepsilon_2 = \varepsilon_1. \quad (23)$$

При $\varepsilon_2 = b_1(\varepsilon_1)$ $M(\varepsilon) > 0$. Отсюда, из (23) и (19) получаем, что для любого $\varepsilon_1 \in (0, \delta)$ существует такое число $b_2(\varepsilon_1) \in (b_1(\varepsilon_1), \varepsilon_1)$, что

$$\begin{aligned} \operatorname{sgn} M(\varepsilon) &= \operatorname{sgn}(b_2(\varepsilon_1) - \varepsilon_2) \\ \text{при } \varepsilon &\in (0, \delta) \times (-\delta, \delta). \end{aligned} \quad (24)$$

По теореме о неявной функции $b_2(\cdot) \in C^1$.

Из (22) получаем, что при $\varepsilon \in (0, \delta) \times (-\delta, \delta)$ сепаратрисы $L^-(\varepsilon)$ и $L^+(\varepsilon)$ совпадают тогда и только тогда, когда $\varepsilon_2 = b_1(\varepsilon_1)$.

Пусть $\varepsilon_1 \in (0, \delta)$, $-\delta < \varepsilon_2 \leq b_1(\varepsilon_1)$. Вследствие (22), (11) и неравенства $\tilde{d}(\bar{u}, \varepsilon) < 0$, функция $\tilde{d}(\cdot, \varepsilon)$ имеет на $(0, \bar{u}]$ единственный нуль $u_1(\varepsilon) \in (m_+(\varepsilon), \bar{u})$, в котором $\tilde{d}'_u(u_1(\varepsilon), \varepsilon) < 0$. Ввиду (9) через точку с координатами $x = \hat{a}(\varepsilon) + u_1(\varepsilon)$, $y = \varepsilon_1$ проходит устойчивый цикл $\Gamma(\varepsilon)$ векторного поля X_ε ; он является единственной замкнутой траекторией, пересекающей

дугу $y = \varepsilon_1$, $\hat{a}(\varepsilon) \leq x \leq \hat{a}(\varepsilon) + \bar{u}$. Так как \bar{u} можно выбрать сколь угодно малым, то топологический предел $\Gamma(\varepsilon)$ при $\varepsilon \rightarrow 0$ совпадает с Γ_0 , то есть $\Gamma(\varepsilon)$ рождается из Γ_0 . Нетрудно убедиться, что $\Gamma(\varepsilon)$ – единственная замкнутая траектория векторного поля X_ε , рождающаяся из Γ_0 .

Вследствие (24) и (9) – (12) векторное поле X_ε при $\varepsilon_1 \in (0, \delta)$, $\varepsilon_2 = b_1(\varepsilon_1)$ имеет единственную замкнутую траекторию, рождающуюся из Γ_0 – двойной цикл, при $\varepsilon_1 \in (0, \delta)$, $b_1(\varepsilon_1) < \varepsilon_2 < b_2(\varepsilon_1)$ имеет две замкнутые траектории, рождающиеся из Γ_0 – устойчивый и неустойчивый циклы, а при $\varepsilon_1 \in (0, \delta)$, $b_2(\varepsilon_1) < \varepsilon_2 < \delta$ нет циклов, рождающихся из Γ_0 .

При $\varepsilon_1 \leq 0$ отсутствие циклов, рождающихся из Γ_0 , следует из поведения траекторий поля X_ε в окрестности точки z_1^0 [4, с. 186–187].

Библиографический список

1. Овсянников И.М., Шильников Л.П. О системах с гомоклинической кривой седло-фокуса // Мат. сборник. – 1986. – Т. 130. – № 4. – С. 552–570.
2. Ройтенберг В.Ш. О бифуркациях петли сепаратрисы сшитого седло-узла // Труды VI международных Колмогоровских чтений. – Ярославль: Изд-во ЯГПУ, 2008. – С. 148–153.
3. Ройтенберг В.Ш. О бифуркациях петли сепаратрисы положения равновесия на линии разрыва // Математические методы в технике и технологиях – ММТТ 21: сб. трудов XXI Международной науч. конф.: в 10 т. – Саратов: Изд-во СГТУ, 2008. – Т. 1. – С. 125–127.
4. Филиппов А.Ф. Дифференциальные уравнения с разрывной правой частью. – М.: Наука, 1985. – 224 с.

СИНТЕЗ НАСТРОЕК РЕГУЛЯТОРОВ В СИСТЕМАХ АВТОМАТИЧЕСКОГО УПРАВЛЕНИЯ МЕТОДОМ РАСШИРЕННЫХ ЧАСТОТНЫХ ХАРАКТЕРИСТИК

В статье получены формулы для нахождения настроек ПИД-регулятора с использованием расширенных частотных характеристик. В среде MatLab разработана программа, позволяющая рассчитать оптимальные настройки регулятора по критерию минимального отклонения времени переходного процесса и перерегулирования от заданных значений.

Ключевые слова: система автоматического управления, регулятор, синтез настроек, расширенная частотная характеристика, переходный процесс, критерий качества, перерегулирование.

Наибольшее применение при автоматизации технологических процессов находят одноконтурные системы автоматического управления (САУ) с типовыми линейными законами регулирования. Структурная схема такой САУ показана на рисунке 1, где $W_p(p)$ – передаточная функция регулятора; $W(p)$ – передаточная функция объекта регулирования (ОР); $\Delta y = y_{зад} - y$ – рассогласование регулируемой величины; x – регулирующее воздействие.

Известны пять типовых законов регулирования: пропорциональный (П), интегральный (И), пропорционально-интегральный (ПИ), пропорционально-дифференциальный (ПД) и пропорционально-интегрально-дифференциальный (ПИД) [1].

Для расчета настроек регуляторов в САУ с вышеуказанными линейными законами регулирования можно использовать частотные характеристики объекта регулирования [2]. Согласно критерию Найквиста, замкнутая система находится на границе устойчивости при прохождении годографа амплитудно-фазовой характеристики (АФХ) разомкнутой системы через точку $(-1, j \cdot 0)$. В то же время на комплексной плоскости корней характеристического уравнения замкнутой системы границей устойчивости является мнимая ось. Для обеспечения запаса устойчивости комплексные корни должны находиться левее мнимой оси, а сам запас будет определяться отношением действительной

α - и мнимой β -частей ближайшей к мнимой оси пары корней, называемым степенью колебательности $m = \alpha/\beta$ [3].

Для обеспечения необходимого качества переходного процесса в замкнутой САУ нужно обеспечить заданную степень колебательности. В этом случае вместо обычных частотных характеристик $W(j\omega)$ можно использовать расширенные частотные характеристики (РЧХ) $W((j-m)\omega)$. При выводе основных расчетных соотношений метода РЧХ делается допущение о том, что вид кривой переходного процесса, в основном, определяется ближайшей к мнимой оси парой комплексных корней, а влиянием остальных корней можно пренебречь [3]. Наиболее употребительными при расчетах являются значения $m = 0,221 - 0,336$.

Таким образом, критерий Найквиста для РЧХ можно сформулировать следующим образом: годограф расширенной АФХ разомкнутой системы должен проходить через точку $(-1, j \cdot 0)$. Обозначая $W_{раз}((j-m)\omega) = W_{раз}(m, \omega)$, получим выражение для РЧХ разомкнутой системы на границе устойчивости с заданным запасом в виде: $W_{раз}(m, \omega) = W_p(m, \omega) \cdot W(m, \omega) = -1$, поэтому $W_p(m, \omega) = -1/W(m, \omega)$. (1)

Находя зависимость расширенной частотной передаточной функции объекта от частоты $W(m, \omega)$ и подставляя ее в формулу (1), получим значения РЧХ регулятора $W_p(m, \omega)$. Пусть действительная часть РЧХ регулятора будет $R(\omega)$, а мнимая часть $I(\omega)$, тогда

$$W_p(m, \omega) = \frac{-1}{W(m, \omega)} = R(\omega) + jI(\omega). (2)$$

Рассмотрим наиболее общий случай ПИД-регулятора в системе управления. Его расширенная частотная характеристика будет выглядеть следующим образом:

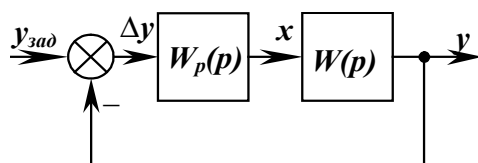

Рис. 1. Структурная схема САУ с типовым линейным регулятором

$$W_p((j-m)\omega) = W_p(m, \omega) =$$

$$= K_1 + \frac{K_0}{(j-m)\omega} + K_2(j-m)\omega. \quad (3)$$

Избавляясь от комплексности в знаменателе при И-составляющей, получим расширенную частотную характеристику регулятора в виде:

$$W_p(m, \omega) = K_1 - \frac{mK_0}{(m^2+1)\omega} -$$

$$-mK_2\omega - \frac{jK_0}{(m^2+1)\omega} + jK_2\omega. \quad (4)$$

Тогда из (2):

$$\begin{cases} R = K_1 - \frac{mK_0}{(m^2+1)\omega} - mK_2\omega; \\ I = K_2\omega - \frac{K_0}{(m^2+1)\omega}. \end{cases} \quad (5, 6)$$

Разрешая систему уравнений (5, 6) относительно настроечных параметров регулятора, можно получить их параметрические зависимости от частоты в виде:

$$\begin{cases} K_1 = R - mI + 2K_2m\omega; \\ K_0 = -I(m^2+1)\omega + K_2(m^2+1)\omega^2. \end{cases} \quad (7)$$

Зависимость между пропорциональной (K_1) и интегральной (K_0) составляющими регулятора в параметрическом виде называется линией равного затухания (ЛРЗ), а принадлежащие ей точки (настройки регулятора) обеспечивают переходный процесс замкнутой системы с заданной степенью колебательности m . Для ПИ-регулятора дифференциальная составляющая $K_2 = 0$, поэтому

$$\begin{cases} K_1 = R - mI; \\ K_0 = -I(m^2+1)\omega. \end{cases} \quad (8)$$

Для ПД-регулятора интегральная составляющая равна нулю. Решая общую систему (7) при

$K_0 = 0$, получим уравнения ЛРЗ для системы с ПД-регулятором:

$$\begin{cases} K_1 = R + mI; \\ K_2 = I/\omega. \end{cases} \quad (9)$$

На основе вышеизложенного метода РЧХ и полученных для него соотношений (7–9) в среде MatLab разработана программа расчета настроек регуляторов в САУ *rach.m*. Для выбора оптимальных настроек регулятора из точек ЛРЗ используется критерий, характеризующийся минимальным отклонением от заданных значений двух основных показателей качества: перерегулирования и времени переходного процесса:

$$I_{кр} = w_\sigma \cdot \frac{|\sigma - \sigma_{зад}|}{\sigma_{зад}} + w_t \cdot \frac{|t_p - t_{зад}|}{t_{зад}}, \quad (10)$$

где σ , t_p – рассчитанные, а $\sigma_{зад}$, $t_{зад}$ – желаемые значения показателей качества; w_σ , w_t – веса, с которыми они входят в критерий.

Минимальное значение критерия $I_{кр}$ обеспечивает наименьшее отклонение переходного процесса от желаемого. Изменение весов w_σ , w_t позволяет отдавать предпочтение при оптимизации тому или иному показателю качества.

Для передаточной функции объекта регулирования:

$$W(p) = \frac{2}{p^2 + 2p + 2}$$

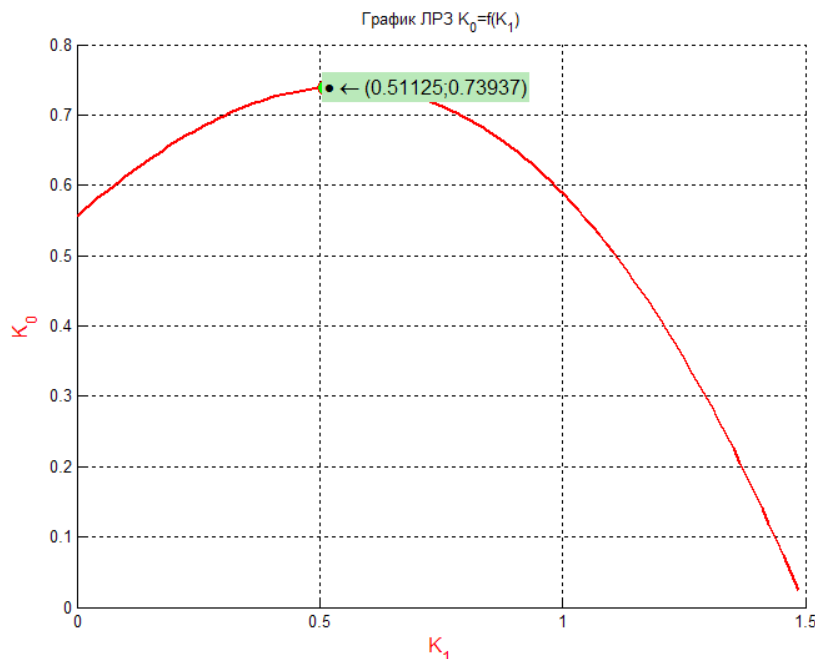

Рис. 2. График ЛРЗ для примера

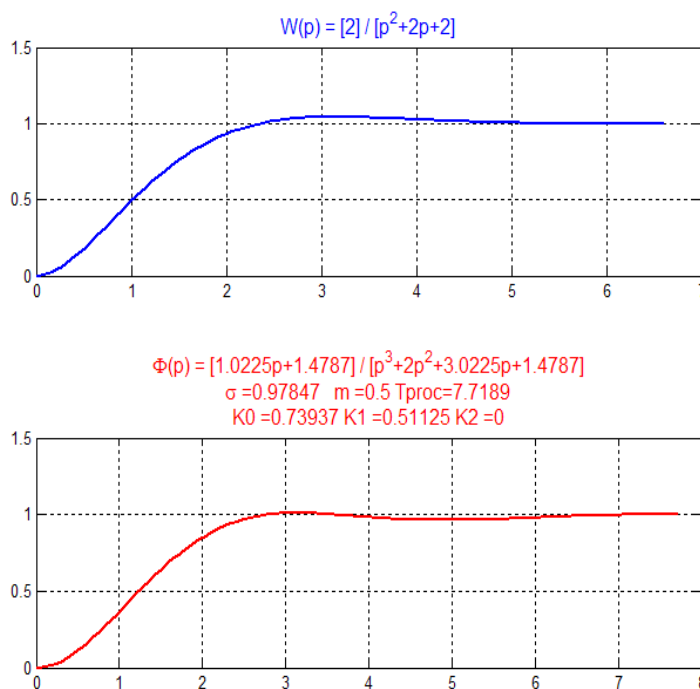

Рис. 3. Графики переходных процессов объекта и замкнутой системы для примера

результаты расчета с помощью программы `gach.m` приведены на рис. 2 и 3. Характеристическое уравнение объекта имеет корни $p_{1,2} = -1 \pm j$, то есть степень колебательности ОР $m_{об} = 1$. При нахождении настроек ПИ-регулятора используются следующие желаемые характеристики качества: степень колебательности $m = 0,5$; перерегулирование $\sigma = 1\%$; время переходного процесса $t_p = 7$ с.

На рисунке 2 показаны полученная ЛРЗ и значения оптимальных настроек ПИ-регулятора $K_1 = 0,51125$; $K_0 = 0,73937$. На рисунке 3 приведены графики переходных процессов объекта и замкнутой системы и достигнутые значения $\sigma = 0,97847\%$ и $t = 7,7189$ с.

Для ПИД-регулятора в соответствии с формулами (7) получается семейство ЛРЗ для различных значений K_2 . В этом случае после нахождения оптимальных для каждой из ЛРЗ настроек K_1 , K_0 среди них находятся наилучшие по критерию (10). Это является одним из недостатков стандартного метода РЧХ, так как пространственная задача нахождения неизвестных настроек ПИД-регулятора K_1 , K_0 , K_2 фактически сводится к решению двухмерной задачи в области параметров K_1 , K_0 при фиксированных значениях K_2 . Кроме того, для корректной работы метода необходимо, что-

бы желаемая степень колебательности системы m была меньше степени колебательности объекта $m_{об}$.

В связи с этим в качестве дальнейшего развития метода РЧХ можно предложить переход от набора параметров (K_1, K_0, K_2) к набору $(K_1, T_d/T_u, T_u)$, где $T_u = K_1/K_0$ и $T_d = K_2/K_1$ – постоянные времени соответственно интегрирования и дифференцирования. Альтернативная постановка задачи синтеза настроек регулятора позволяет ввести ограничение на дифференциальную составляющую $T_d/T_u < 0,25$, что повышает помехозащищенность системы и снижает перерегулирование. Кроме того, для решения задачи синтеза можно использовать численные оптимизационные методы Matlab `fminsearch` и `fmincon`.

Библиографический список

1. Ротач В.Я. Теория автоматического управления: учебник. – 3-е изд. – М.: Изд-во МЭИ, 2005. – 396 с.
2. Чемоданов Б.К. Математические основы теории автоматического управления: учеб. пособие для студентов вузов: в 3 т. – Т. 1 / В.А. Иванов, В.С. Медведев, Б.К. Чемоданов, А.С. Ющенко. – М.: МГТУ им. Н.Э. Баумана, 2006. – 551 с.
3. Марголис Б.И. Компьютерные методы анализа и синтеза систем автоматического регулирования: учеб. пособие. – Тверь: ТГТУ, 2006. – 100 с.

ИСТОКИ И ТРАДИЦИИ В КЕРАМИЧЕСКОМ ПРОИЗВОДСТВЕ НИЖНЕВОЛЖСКИХ СТОЛИЦ УЛУСА ДЖУЧИ

Рассматривается керамическое производство городов Нижнего Поволжья второй половины XIII–XIV вв., истоки влияний, культурных заимствований и их синтез. Изначально гончарное производство городов Сарай ал-Махруса и Сарай ал-Джедид было связано с разнообразным населением.

Ключевые слова: керамическое производство, золотоордынская керамика, мастера-керамисты, миграции населения, переселение ремесленников.

В середине XIII в. образуется монгольское государство Улус Джучи. В своих землях Джучиды стремились ограничить произвол аристократии и дать возможность местным жителям восстановить хозяйство, чтобы они стали объектом постоянного, систематического налогообложения. Золотоордынские ханы начинают в степных низовьях Волги интенсивное градостроительство [13, с. 9]. Наибольший расцвет золотоордынских городов относится ко времени правления ханов Узбека и Джанибека, которые для их строительства используют поступления дани с покоренных земель; прибыли от караванной торговли; людские ресурсы, добытые путем грабительских походов, войн с Ираном, в междоусобицах, путем работорговли. Градостроительство потребовало сокращения вывоза рабов в другие страны. Поэтому Узбек-хан запретил египетским купцам вывозить рабов из Золотой Орды; при Джанибеке произошло сокращение вывоза рабов в Италию и Грецию [11, с. 329].

Благодаря огромному притоку материальных и людских ресурсов крупнейшими торгово-ремесленными центрами тогдашнего мира с развитым керамическим производством становятся нижеволжские города Сарай ал-Махруса и Сарай ал-Джедид. Джувейни писал: «Купцы со всех сторон привозили ему (Бату) товары, все, что бы ни было, он брал и за каждую вещь давал цену в несколько раз большую того, что она стоила. Султанам Рума, Сирии и других стран он давал льготные грамоты и ярлыки, и всякий, кто приходил к нему на службу, без пользы не возвращался» [11, с. 149–150].

В отличие от западноевропейского, русского и среднеазиатского городов, золотоордынские города не могли вырасти только на товарообмене с земледельческими поселениями, расположенными на территории Нижнего Поволжья, и со степью. Известную роль в их росте сыграла караванная торговля, которая шла через эти места по линии товарообмена Восточной Европы и Средней Азии с Китаем. Нельзя не учитывать и того факта, что в Сарае помещался ханский дворец и находился центр по управлению золотоордынским государ-

ством. Это приводило к концентрации в столицах огромных денежных средств, что вызывало развитие дальнейшей транзитной торговли и развитие городов на торговых путях к столице [14, с. 79].

Город Нижнего Поволжья, появившийся во второй половине XIII–XIV вв. в степи, не имеющий традиций керамического ремесла, показывает ряд особенностей и закономерностей сложения городского ремесла в Улусе Джучи, истоки влияний, культурных заимствований и их синтез. В письменных источниках быт и культура золотоордынского города освещались мало: современники писали о политике, государственных событиях, войнах и социальной борьбе. Поэтому для изучения керамического производства в нижеволжских столицах Улуса Джучи нет иных источников, кроме как археологических.

На складывание золотоордынского керамического производства оказали влияние миграции населения на территориях, входящих в состав Улуса Джучи, и их культурные традиции.

Со времени правления ханов Бату и Берке для возрождения старых или строительства новых золотоордынских городов использовались людские и материальные ресурсы, добытые при завоеваниях Руси, Кавказа, Средней Азии, Крыма и других земель. Высококвалифицированные ремесленники могли попасть в нижеволжские города Улуса Джучи несколькими путями.

Большая часть ремесленников появилась в них в результате захвата в плен и насильственного увода в нижеволжские степи. Эта практика начала складываться в первые годы существования золотоордынского государства, что неоднократно подтверждается письменными источниками. К примеру, после взятия Самарканда 30 тыс. ремесленников было роздано в качестве рабов сыновьям и родичам Чингиз-хана; после взятия Нишапура из всего населения было оставлено 400 мастеров, которых отправили на север; то же самое было в Мерве [6, с. 145–146, 168, 170]. Джувейни сообщает, что в Хорезме из уцелевших жителей отделили и увели в рабство ремесленников (более 100 тыс. человек) [11, с. 141].

Подобная система пополнения ремесленников в городах практиковалась Джучидами вплоть до конца XIV в. В правления Узбека, Джанибека, Токтамышша неоднократно совершались походы в соседние земли, постоянно велась борьба за Закавказье. «Войско Токтамышша в 786 гх. (1384/1385 гг.) прибыло в Тебриз. Опустошили область Маранда и Нахичевани. До 200 тыс. человек они увели в плен из этой области» [12, с. 97–98]. Аналогичные сведения мы находим у Казвини. «В 787 гх. (12/1-1385-1/11-1386 гг.) войско Токтамышша осадило и ограбило Тебриз, также Марагу, Нахичевань. Около 200 тыс. человек из этого вилайета (Азербайджана) увели в плен» [7, с. 131]. К 1385 г. Токтамыш захватил крупные города Закавказья, что обеспечило новый приток рабов в золотоордынские города.

Таким образом, увод в плен ремесленников монголы практиковали уже с первых своих завоеваний. «А когда же выйдут к ним, то татары спрашивают, кто у них ремесленники, и их оставляют, а других убивают топором» [8, с. 57]. После сдачи города ремесленников и искусных мастеров распределяли между монгольскими царевичами и знатью, которые сажали ремесленников-рабов в своих городских усадьбах. Но этих рабов так распределяли по территории Улуса Джучи, чтобы они находились как можно дальше от своей родины. Этой мерой предотвращалась вероятность побега, так как беглецу пришлось бы пересечь значительную часть государства [2, с. 47].

Подобным образом в нижеволжских городах появились русские рабы, число которых постоянно пополнялось. Из летописных сводов мы узнаем об угоне многих тысяч русских людей в ордынский плен. Слава о русских ремесленниках доходила до самой Монголии. Плано Карпини и Гильом де Рубрук рассказывают о русских, которые благодаря своему искусству достигли довольно прочного положения при монгольском дворе [5, с. 10]. Но это редкое исключение, так как большая часть русских в Улусе Джучи принадлежала к несвободному населению. Археологические следы пребывания русских есть во всех исследованных золотоордынских центрах. В крупных городах, таких как Сарай ал-Махруса и Сарай ал-Джедид, их труднее найти: русские жители здесь были сосредоточены в особых кварталах. Гораздо ярче выделяется русский компонент в материальной культуре небольших золотоордынских городов, например Водянского городища (Волгоградская область, отождествляется с городом Бельджаменом), где русские составляли значительную часть жителей. Они были пригнаны в места, отличающиеся выгодным географическим положением, вероятно, для строительства новых городов [9, с. 131].

Насильственному переселению подвергались не только русские ремесленники, но и жители

Средней Азии, Закавказья, Крыма. Хотя здесь складывается несколько иная картина, так как какое-то количество ремесленников из этих районов появилось в нижеволжских столицах добровольно. Определенную роль в перемещении народов сыграли социально-экономические, политические, культурные изменения, произошедшие в начале XIV в. в Улусе Джучи. Джучиды всеми силами и средствами способствовали процветанию своих городов. Одним из поставщиков людских и материальных ресурсов была караванная торговля, так как вместе с товарами караваны привозили и ремесленников, добровольно приезжающих в Золотую Орду. Арабский историк так описывает Золотую Орду времен Узбека: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха и опаски, вдоль до (самого) Крыма, а переход этот (требует) около трех месяцев» [11, с. 460]. То же самое можно сказать о правлении Токты и Джанибека.

В керамическом производстве Золотой Орды прослеживается влияние закавказских центров: Ани, Двин (Армения), Старая Ганджа, Орен-Кала, Баку (Азербайджан), Дманиси (Грузия). Эти города перед монгольским нашествием в XII – начале XIII вв. переживали расцвет производства. После разгрома закавказских городов значительная часть мастеров попала под власть новых хозяев-монголов. Позднее в Иране и Закавказье шли междоусобицы, кровавые столкновения; народ облагался непосильными поборами. Ремесленники были лишены права распоряжаться своей личностью, своим имуществом, результатами своего труда. Они не были уверены, что их куда-нибудь не перешлют и не заберут у них имущества сверх положенных налогов и повинностей. Рядом, в Улусе Джучи, в это же время была твердая ханская власть и покой. Возможно, поэтому из мусульманских стран (в том числе из Хулагуидского Ирана) часть населения добровольно переселяется в золотоордынские города.

Сейчас нельзя точно охарактеризовать процесс переселения людей из Закавказья на территорию Золотой Орды. Их массовое переселение приходится на XIII–XIV вв. Для этого были разные причины. Массовое истребление населения, увод в плен ремесленников, формы сбора налогов, а начиная с XIV в., и религиозные преследования, произвол и злоупотребления чиновников довели народ до крайней нищеты. По приказу Чармагана город Ани был разрушен, а жители уничтожены. Уцелело лишь несколько женщин и ремесленников [3, с. 170, 172]. Люди вынуждены были бежать в чужие страны. Армянский ученый Т. Тораманян отметил, что «из-за этого великого бегства расцветшая в течение 300 лет царица городов Ани со своими обширными окрестностями превратилась в пустыню» [1, с. 279]. Одно из мест, куда могли

бежать анийцы, были нижневолжские столицы Улуса Джучи. Но, возможно, была и другая причина, по которой обедневшие анийские ремесленники появились в Улусе Джучи. Ремесленники города Ани, попав в рабскую зависимость к ильханам, превратились в товар и были просто перепроданы в нижневолжские степи. Примером к вышесказанному может служить факт, о котором сообщает Казвини. Описывая бедствия в Хулагуидском Иране при правителе Малик Ашрафе и убийства знатных людей в Тебризе в 746 гх. (1346 г.), он говорит, что «множество народа покинуло родину. 747 гх. (24/04-1346 – 12/04-1347 гг.) ...Когда в государстве Малик Ашрафа насилие достигло крайних пределов, люди стали покидать родину... кази Махи ад-Дин Барда'и перебрался в Сарай-Берке, стал там проповедовать и прославился. Покойный падишах Джанибек присутствовал на его проповедях. Однажды он так говорил о Тебризе, Малик Ашрафе и насилии его над (божьи) тварями, что присутствующие плакали» [7, с. 100, 107–108].

Долгое время считалось, что золотоордынское керамическое производство сложилось в первую очередь под воздействием среднеазиатских (хорезмских) мастеров. Этот факт нельзя отрицать, но и завышать его значение также не следует. Действительно, в складывании керамического производства в Нижнем Поволжье большую роль сыграли старые торговые связи с Хорезмом. А в ходе завоевательных походов уже в XIII в. часть ремесленников была вывезена из Средней Азии. Ряд исследователей полагает, что впоследствии из-за расширения торговых и культурных связей был налажен обмен опытом между мастерами-керамистами путем обучения молодежи или приглашения опытных мастеров для организации производства [4, с. 139].

В золотоордынской керамике сказывается влияние керамического производства Волжской Болгарии, которое к началу XIII в. достигло высокой ступени развития. После событий 1236–1240 гг. гончарное ремесло здесь переживает упадок, вызванный гибелью и уводом в плен части гончаров-ремесленников. В свое время А.П. Смирнов высказал мнение, что «в жизни городов Нижнего Поволжья булгарские мастера играли довольно большую роль. Они могли попасть в Золотую Орду насильно. А могли прийти туда добровольно с купеческими караванами. В Сарай-Берке остались следы их деятельности. Доказательством может служить неполированная посуда... ее нахождение в золотоордынских городах никоим образом не может быть объяснено только торговлей между городами, так как эта керамика представляла рядовую посуду, привозной могла быть только полированная» [10, с. 63–64, 103].

В керамике Золотой Орды можно проследить и аланский компонент, истоки которого уходят в салтово-маяцкую культуру. После разгрома зем-

ли алан Северного Кавказа вошли в состав Улуса Джучи. А.Ю. Якубовский, рассматривая вопрос о болгаро-аланском влиянии на керамический комплекс Золотой Орды, отметил, что золотоордынская неполированная керамика сходна с керамикой Нижнего Дона и Северного Кавказа [15, с. 40].

Часто остается в стороне вопрос о переселении в Улус Джучи народов, не покоренных монголами, и о степени их влияния на золотоордынскую культуру. Вполне вероятно, что в мастерских нижневолжских столиц работали мастера из Ирана, Малой Азии, Византии. «Много людей превосходных и ученых из разных краев и сторон государств ислама направились к его двору (Джанибек-хану)» [12, с. 128].

Таким образом, гончарное производство городов Сарай ал-Махруса и Сарай ал-Джедид изначально было связано с разноэтничным населением. Причем в керамическом комплексе также прослеживается влияние народов, не входивших в состав Улуса Джучи.

Библиографический список

1. *Бабаян Л.О.* Социально-экономическая и политическая история Армении в XIII–XIV вв. – М.: Восточная литература, 1969. – 124 с.
2. *Булатов Н.М.* К вопросу о становлении керамического ремесла в золотоордынских городах // Вестник МГУ. Серия История. – 1969. – № 2. – М.: МГУ. – С. 46–59.
3. *Галстян А.* Завоевание Армении // Татаро-монголы в Азии и Европе. – М.: Наука, 1977. – С. 166–185.
4. *Гражданкина Н.С., Ртвеладзе Э.В.* Влияние Хорезма на керамическое производство золотоордынского города Маджара // Советская археология. – 1971. – № 1. – М.: АН СССР. – С. 127–139.
5. *Джованни дель Плано Карпини.* История монголов // Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – 460 с.
6. *Д'Оссон К.* История монголов от Чингиз-хана до Тамучина. Т. I. Чингиз-хан / пер. и пред. Н. Козьмина. – Иркутск: б/и, 1937. – 252 с.
7. *Зайн ад-дин ибн Хамдаллах Казвини.* Зайл-и тарих-и гузида (Дополнение к «Избранной истории») / пер. с персид., предисл., примеч. и указ. М.Д. Кязимова, В.З. Пириева. – Баку: Элм, 1990. – 212 с.
8. Книга Марко Поло // Путешествия в восточные страны. – М.: Мысль, 1997. – 460 с.
9. *Полубояринова М.Д.* Русские люди в Золотой Орде. – М.: Наука, 1978. – 133 с.
10. *Смирнов А.П.* Волжские болгары // Труды ГИМ. Вып. XIX. – М.: ГИМ, 1951. – 263 с.
11. *Тизенгаузен В.Г.* Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. I: Извлечения из сочинений арабских. – СПб.: Типография Императорской Академии наук, 1884. – 564 с.

12. Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. Т. II: Извлечения из персидских сочинений, собранные В.Г. Тизенгаузенем и обработанные А.А. Ромаскевичем и С.Л. Волиным. – М.; Л.: АН СССР, 1941. – 308 с.

13. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. – М.: МГУ, 1994. – 228 с.

14. Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья: Керамика. Торговля. Быт. – М.: МГУ, 2001. – 256 с.

15. Якубовский А.Ю. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке // ГАИМК. Т. VIII. № 2/3. – Л.: ГАИМК, 1931. – 48 с.

УДК 378

Почивалова Елена Ивановна
Ивановский государственный университет
e_pochivalova@mail.ru

СОЗДАНИЕ ПЕРВОГО ВЫСШЕГО УЧЕБНОГО ЗАВЕДЕНИЯ В ИВАНОВСКОМ КРАЕ И ЗНАЧИМОСТЬ РИЖСКОГО ПОЛИТЕХНИЧЕСКОГО ИНСТИТУТА В ЕГО СТАНОВЛЕНИИ

В исследовании представлена история организации и учреждения в 1918 г. первого вуза в Иваново-Вознесенской губернии на базе одного из лучших российских высших учебных заведений – Рижского политехнического института (РПИ). Отражена значимая роль РПИ в основании и развитии Иваново-Вознесенского политехнического института (ИВПИ), который стал родоначальником высшей школы на территории крупного промышленного региона России.

Ключевые слова: губерния, промышленность, учебное заведение, политехнический институт, предприниматели в дореволюционной России (фабриканты), факультет.

С появлением в июне 1918 г. на карте страны новой самостоятельной административной единицы – Иваново-Вознесенской губернии, в которую полностью вошли Кинешемский, Юрьеvecкий и часть Нерехтского уездов Костромской губернии, полностью Шуйский уезд и части Ковровского и Суздальского уездов Владимирской губернии, началась не только новая жизнь текстильного края, но и его изучение. Первые официальные статистические данные о губернии отражали состояние промышленности на 31 августа 1918 г.: в губернии насчитывалось 257 фабрик, заводов, других промышленных заведений, из них действовало 153. В главной текстильной отрасли было занято 141 тыс. 875 чел. – 97% общего числа рабочих губернии [8, с. 25]. Острый «голод» на квалифицированные кадры: инженеров, техников, командиров производства, людей, способных создать серьёзную научно-производственную базу по всем направлениям, в интенсификации которых остро нуждалась экономика промышленного региона, – был очевиден. Путь был один – создание на ивановской земле крупного научно-образовательного учреждения, которое бы генерировало технические идеи в соответствии с местными запросами и могло стать кузницей высокообразованных в практическом плане специалистов.

История становления высшей школы в Ивановском регионе и её отправное событие – организация и открытие в 1918 г. Иваново-Вознесенского политехнического института на протяжении многих лет объяснялись исключительно инициативой, исходившей от советской власти, и по праву связывались с именем М.В. Фрунзе, в 1918 г. – руководителя Иваново-Вознесенского губисполкома и губернского комитета партии.

Введение в научный оборот новых архивных и музейных материалов, периодической печати того времени, отражающих действия по продвижению идеи о высшей школе в регионе, позволяют реконструировать события и утверждать, что первыми о необходимости создания вуза на территории Иваново-Вознесенского промышленного района заявили ещё в 1916 г. местные фабриканты и представители общественности [7, с. 19–21]. В 1918 г. именно они вместе с М.В. Фрунзе практически содействовали переезду в Иваново-Вознесенск одного из лучших высших учебных заведений дореволюционной России – Рижского политехнического института.

Летопись РПИ началась 2 октября 1862 г., когда «для теоретического и практического образования лиц, специально посвящающих себя промышленности во всех её видах, гражданской архитектуре, инженерному искусству, сельскому хозяйству и торговле», была открыта первая в стране высшая политехническая школа в Риге – Рижское политехническое училище (Рижский политехникум – Polytechnikum zu Riga) с преподаванием на немецком языке. Обоснование для его создания было разработано известным специалистом по высшему техническому образованию Германии, профессором Ганноверского высшего технического училища и директором Дрезденского высшего технического училища Т.С. Франке. Первый профессорско-преподавательский состав был скомплектован из специалистов Германии, Швейцарии, Австро-Венгрии. 6 мая 1896 г., согласно «Положению», учреждённому императором Николаем II, Рижский политехникум был преобразован в Рижский политехнический институт с обучением на русском языке [6]. Это был новый для Российской

империи тип многоотраслевого политехнического вуза, предназначенного для подготовки научно подготовленных специалистов широкого профиля, современники справедливо называли РПИ истинным университетом промышленного века.

Гордостью как вуза, так и в целом российской науки был профессорский состав института. Учёные РПИ не только преподавали и осуществляли научно-технические разработки, но и проводили глубокие исследования фундаментальных проблем. Наиболее значительных результатов добились ученые-химики, работавшие в РПИ, прежде всего Вильгельм Фридрих Оствальд (удостоенный Нобелевской премии по химии в 1909 г.) и Пауль Вальден. Благодаря их исследованиям на рубеже XIX–XX вв. Рига стала центром физической и физико-органической химии. Тесная связь с научными центрами Западной Европы сохранялась на протяжении всех лет существования вуза. РПИ являлся эффективным проводником идей западноевропейской технической науки и технологии в России. Выпускники вуза представляли собой элиту научно-технической интеллигенции России, Польши, Германии, это были высококлассные инженеры и учёные, успешно работавшие в разных отраслях промышленности.

К началу 1918 г. РПИ переживал уже третий год эвакуации, произошедшей в результате военных действий Первой мировой войны – приближения фронта к Риге. В составе шести факультетов – механического, химического, инженерного, строительного, коммерческого и сельскохозяйственного – с профессорско-преподавательским персоналом и студенчеством РПИ находился в Москве. На протяжении 1916–1917 гг. ряд крупных российских городов вели переговоры о переводе РПИ, несмотря на то что руководство вуза не теряло надежды на возвращение в Ригу. После заключения 3 марта 1918 г. Брестского мирного договора, согласно которому Латвия оставалась оккупированной войсками Германии, положение института осложнилось, дальнейшая судьба вуза оставалась неясной.

В марте 1918 г., будучи в Москве, из газеты «Утро России» о положении РПИ узнал иваново-вознесенский общественный деятель, юрист, до революции – гласный Иваново-Вознесенской городской думы И.И. Власов. Он был одним из тех, кто ещё в 1916 г. вместе с иваново-вознесенскими фабрикантами продвигал идею создания вуза в городе. По своей личной инициативе Власов посетил канцелярию РПИ, встретился с преподавателями и студентами, выяснил их мнения относительно отъезда в Ригу. Тогда же состоялись встречи И.И. Власова с председателем попечительского комитета РПИ Б. К. фон Шубертом и ректором института П. Вальденом, которые подтвердили своё желание вернуть вуз в Ригу. Однако в итоге переговоров, высказанная Власовым мысль о воз-

можности переезда РПИ в Иваново-Вознесенск вызвала интерес у членов Исполнительного комитета студентов РПИ, а впоследствии этим предложением заинтересовались обеспокоенные судьбой вуза представители Московского общества рижских политехников – авторитетной общественной организации бывших выпускников РПИ, созданной для взаимной поддержки в практической жизни.

По возвращении в Иваново-Вознесенск 16 апреля 1918 г. И.И. Власов незамедлительно направил в городскую управу обращение с обоснованием создания в городе технического вуза и одновременно предложение обсудить вопрос о переезде РПИ в Иваново-Вознесенск. В результате, уже 22 апреля 1918 г., на III съезде Советов рабочих, солдатских и крестьянских депутатов Иваново-Вознесенского района, городским головой и губернским комиссаром просвещения И.Е. Любимовым в сообщении о положении народного образования в губернии в числе первоочередных задач был назван перевод из Москвы Рижского политехнического института.

29 апреля 1918 г. состоялось заседание Иваново-Вознесенского Совета губернских комиссаров, куда с докладом о переводе РПИ был приглашен И.И. Власов. 2 мая в Иваново-Вознесенском губисполкоме, под председательством М.В. Фрунзе, прошло расширенное совещание по вопросу о переводе РПИ в Иваново-Вознесенск с участием представителей общественности и технической интеллигенции. В процессе обсуждения очередного доклада Власова Фрунзе высказался однозначно в поддержку идеи о переводе РПИ. В результате совещание признало, что перевод РПИ желателен и необходим. Иваново-Вознесенская губерния и город выразили готовность оказать ему материальную помощь. Решено было официально обратиться с приглашением к профессуре и студенчеству РПИ переехать в Иваново-Вознесенск [4, л. 27]. 3 мая 1918 г. в Москву – в Совнарком (В.И. Ленину) и в Наркомат просвещения – из Иваново-Вознесенска были отправлены телеграммы, подписанные М.В. Фрунзе, с просьбой о содействии переводу РПИ в Иваново-Вознесенск. Телеграммы с предложением перевода РПИ также были направлены ректору института профессору П. Вальдену и в Исполнительный комитет студентов РПИ [1, л. 16–19].

Далее события развивались стремительно. 13 мая 1918 г. делегация Иваново-Вознесенска была приглашена на заседание преподавательского персонала и представителей студенчества РПИ. На этом собрании М.В. Фрунзе сделал обстоятельный доклад о местных условиях, по его мнению благоприятствующих функционированию в Иваново-Вознесенске высшей технической школы. Стало понятным, что перевод РПИ как единого целого невозможен уже потому, что часть профессуры окончательно решила возвратиться в Ригу. Однако

выяснилась возможность основания в Иваново-Вознесенске самостоятельного высшего учебного заведения при содействии той группы профессоров РПИ, которая предпочла остаться в России. 14 мая 1918 г., на основании предложений ивановцев, заседание Государственной комиссии по просвещению постановило признать принципиальную необходимость открытия «Высшего Политехникума в Иваново-Вознесенске и поручить отделу Высшей Школы совместно с отделом профессионального образования при Комиссариате Просвещения использовать для этой цели все имеющиеся на территории Российской Республики средства, как наличного состава, так и имуществ Рижского Политехникума» [9, л. 8]. Начался активный процесс организации нового вуза.

Было решено сформировать «Комитет по учреждению ИВПИ», в который, кроме инициативной группы профессоров РПИ и членов Общества рижских политехников, вошли представители губернских и уездных исполкомов, Советов рабочих депутатов, рабочих организаций, кооперативов, технических и общественных организаций. Примечательно, что в число избранных представителей в комитет вошли бывшие иваново-вознесенские фабриканты Н.Г. Бурылин, Д.Г. Бурылин, П.Н. Дербенев, А.А. Гарелин, Ф.А. Витов, И.Д. Бурылин – практически все те, кто продвигал идею создания вуза в Иваново-Вознесенске в дореволюционный период. Комитет, состоявший из двух частей – иваново-вознесенской и московской, периодически собирался в Иваново-Вознесенске и в Москве. В Иваново-Вознесенске он принял на себя организацию хозяйственной части, для организации учебной части была создана учебно-организационная комиссия, в которую вошли профессор и преподаватели РПИ. Председателем Комитета был избран М.В. Фрунзе, заместителями председателя – И.Е. Любимов и С.Г. Гуревич – председатель Московского общества рижских политехников, а секретарём – как представитель Общества торгово-промышленников – И.И. Власов [2, л. 4–5].

Важнейшим фактором, определявшим создание нового вуза, стала материальная сторона. Обеспечение материальной базы института и достаточная финансовая поддержка преподавательского персонала являлись главными условиями переезда лояльных к этому профессоров-рижан. Поэтому, несмотря на тяжелейшие условия хозяйственной разрухи в послереволюционный период, Иваново-Вознесенским губисполкомом была организована беспрецедентная акция по сбору средств на организацию вуза. 20 мая 1918 г. на собрании фабрично-заводских комитетов региона было принято постановление: обложить все предприятия налогом на расходы по организации и содержанию института по числу работающих в размере 10 руб. с каждого работающего и внести означенные день-

ги в кассу губисполкома. От местных Советов малых и больших городов края в губисполком шли резолюции о признании желательным создание вуза и о выделении единовременных пособий. Наиболее крупные средства были пожертвованы Шуйским Обществом фабрикантов и заводчиков (100 тыс. руб.), Товариществом Куваевской мануфактуры, возглавляемой Н.Г. Бурылиным (500 тыс. руб. – на оборудование института и 500 тыс. руб. – на организацию химфака), Товариществом Мануфактур Д.Г. Бурылина (100 тыс. руб.). В результате ивановцы, с энтузиазмом воспринимая известие о скором создании в городе высшего учебного заведения, вне зависимости от сословной принадлежности, оказали ему солидную финансовую поддержку. Ожидаемое к осени крупное ассигнование из центра в размере 5,5 млн. рублей на оборудование и 1,5 млн. рублей в виде полугодового бюджета вместе с местными средствами позволяли организаторам надеяться на осуществление намеченных планов.

Знаменательным событием для Иваново-Вознесенской губернии было принятие Советом Народных Комиссаров 6 августа 1918 г. декрета об учреждении Иваново-Вознесенского политехнического института. 22 октября 1918 г. первый вуз Ивановского края начал свою деятельность в составе шести факультетов: химического, фабрично-заводских механиков, (впоследствии инженерно-механического), инженерно-строительного, сельскохозяйственного, социально-экономического и прядильно-ткацкого, явившегося новшеством не только в России, но и на Западе [5, л. 51об.]. ИВПИ изначально был полностью ориентирован на «рижскую» модель обучения и традиции РПИ. Учебно-организационная комиссия при разработке концепций отдельных факультетов ИВПИ использовала опыт Рижского политехнического института, взяв за основу правила прохождения курса и учебные планы всех его факультетов и отделений за предыдущие годы.

Передача ИВПИ исключительной по своему богатству библиотеки и части оборудования РПИ во многом определила дальнейшее развитие нового вуза. Замечательная фундаментальная библиотека РПИ, насчитывающая около 120 тыс. томов, в течение 1918–1919 гг. была перевезена в Иваново-Вознесенск. Основанная одновременно с институтом, она по числу книг уступала ряду книгохранилищ страны, но по своей научной ценности превосходила многие из них. В её фонде имелось богатое собрание литературы по разделам химии, физики, математики, инженерных наук; большое количество полных комплектов периодических изданий на разных языках, с первого года их выпуска. Кафедра зоологии получила от РПИ большой набор оптических инструментов, хорошую аппаратуру для гистологических работ, комплект таблиц,

библиотеку, а кабинет минералогии сельскохозяйственного факультета – богатую коллекцию минералов. Кабинету геодезии от РПИ был передан большой набор приборов, кабинет ботаники был оснащен первоначальным оборудованием. Химфаку было передано из РПИ относительно небогатое химическое оборудование, но набор лабораторной посуды и реактивов обеспечил учебный процесс в первые годы существования факультета. Инженерно-механическому факультету досталась практически в полном виде физическая лаборатория рижского вуза. Часть машинных деталей и моделей в кабинете машиностроительного черчения также была унаследована от РПИ.

Все силы Комитета по учреждению ИВПИ были направлены на привлечение в Иваново-Вознесенск крупных научных сил. Первыми профессорами нового вуза стали бывшие преподаватели РПИ, среди них М.Н. Берлов (по кафедре деталей машин), избранный первым ректором ИВПИ, В.М. Келдыш (по кафедре строительной механики), К.К. Блахер (по кафедре технологии воды и топлива), Н.М. Озмидов (по кафедре электротехники), С.Г. Шиманский (по кафедре специальной химической технологии красящих веществ), В.К. Лебединский (по кафедре физики), Д.А. Ласточкин (по кафедре зоологии). Преподавать в ИВПИ приехали члены Общества рижских политехников: С.Г. Гуревич (кафедра общей химической технологии), П.П. Будников (кафедра общей химической технологии), А.Ф. Момма (кафедра технического черчения), Г.А. Зейберлих (кафедра зодчества). Некоторые бывшие выпускники РПИ, обладая информацией о том, что ИВПИ в значительной степени будет преемником РПИ, решились связать свою судьбу с новым вузом. Так, в Иваново-Вознесенск приехали И.И. Заславский (кафедра технологии волокнистых веществ), В.В. Сушков (кафедра прикладной механики), К.Э. Краузе (кафедра общей химической технологии). По приглашению профессоров РПИ в Иваново-Вознесенск переехали профессор и преподаватели из других вузов, среди них – группа ученых из МГУ: известный историк Д.М. Петрушевский, математики – Н.Н. Лузин, М.Я. Суслин, А.Я. Хинчин, Д.Е. Меньшов, химики – А.В. Памфилов, Е.А. Шилов. Среди тех, кто принял предложение преподавать в ИВПИ, – видный учёный и общественно-политический деятель, профессор по кафедре государственного права В.М. Гессен, профессор Э.Э. Керн – бывший ректор Санкт-Петербургского императорского Лесного института, Н.В. Войт и П.А. Раушенбах – бывшие преподаватели Петровской сельскохозяйственной академии.

Среди профессоров, откликнувшихся на приглашение приезжать в ИВПИ в качестве соопредателей, были выдающиеся учёные с мировым именем: Н.Д. Зелинский, И.А. Каблуков, Н.А. Шилов.

Нештатным профессором химфака ИВПИ, одним из организаторов факультета стал В.Н. Ипатьев – действительный член Петербургской АН с 1916 г. Читать эпизодические курсы на социально-экономическом факультете ИВПИ согласились известные российские учёные: С.А. Котляревский, А.А. Кизеветтер, С.А. Первушин, Ю.В. Готье, Я.М. Букшпан. Многие профессора и преподаватели ИВПИ по совместительству стали работать в Ивановском педагогическом институте, открытом в декабре в 1918 г. Известно, что приезжали преподавать в ИВПИ и некоторые профессора Костромского университета. Так, учёный-правовед профессор А.Л. Сакетти после реорганизации университета в 1921 г. избирался экстра-ординарным профессором по кафедре международного права социально-экономического факультета ИВПИ. В этом же году был избран ординарным профессором ИВПИ и читал «Историю искусств» профессор кафедры истории и теории искусств гуманитарного факультета Костромского университета А.И. Некрасов.

Значительная поддержка властей, доставшаяся в наследство от РПИ материальная база в виде лабораторного оборудования, солидного собрания научной литературы и, разумеется, крепкий контингент преподавательских кадров с высоким педагогическим и научным потенциалом, основу которого составляли бывшие преподаватели РПИ, создали для ИВПИ прочный фундамент, благодаря которому вуз стал развиваться, несмотря на исключительно трудные условия в первые послереволюционные годы, обусловленные политической и экономической ситуацией. Появление в Иваново-Вознесенске высшего учебного заведения такого уровня стало событием поистине революционным в промышленной, экономической и социальной жизни крупного региона.

На протяжении последующих лет ИВПИ успешно работал как учебное и научное учреждение, выпуская специалистов высокого профессионального уровня, формируя научную школу региона. В июне 1930 г. на основании постановления Президиума ВСНХ СССР «О создании узкоотраслевых институтов на базе существующих громоздких и расплывчатых политехнических институтов в целях ускорения темпа и поднятия качества подготовки инженеров», совместным приказом ВСНХ СССР от 17 мая 1930 г. и Народного комиссариата просвещения РСФСР от 18 мая 1930 г. [3, л. 1-2об.] факультеты ИВПИ им. М.В. Фрунзе были реорганизованы в четыре самостоятельных отраслевых института, которые успешно работают в Ивановской области и в настоящий период.

Библиографический список

1. Государственный архив Ивановской области (ГАИО). Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 5А. Л. 16–19.

2. ГАИО. Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 6. Л. 4–5.
3. ГАИО. Ф. Р-1094. Оп. 2. Д. 876. Л. 1–2 об.
4. Ивановский государственный историко-краеведческий музей (ИГИКМ) им. Д.Г. Бурылина. Научный архив № 2300. Л. 27.
5. ИГИКМ им. Д.Г. Бурылина. Научный архив № 2300. Л. 51 об.
6. Полное собрание законов Российской Империи. 3-е изд. – СПб., т. 16, отд. 1, № 12895.

7. Почивалова Е.И., Койфман О.И. История становления высшей школы в Иваново-Вознесенске. – Иваново, 2010. – 271 с.

8. Рождение губернии. Год 1918: Люди, события, факты: сб. материалов по истории создания Иваново-Вознесенской губернии. – Иваново, 2003. – 79 с.

9. Шуйский историко-художественный мемориальный музей им. М.В. Фрунзе (ШИХММ). Научно-вспомогательный фонд (НВФ) № 20. Л. 8.

УДК 94(470) "1917/1991"

Гулин Александр Олегович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
holst90@mail.ru

ОРГАНИЗАЦИЯ МЕДИЦИНСКОЙ И СОЦИАЛЬНОЙ ПОМОЩИ БОЛЬНЫМ И РАНЕНЫМ ВОИНАМ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ МИРОВОЙ ВОЙНЫ 1914–1918 ГОДОВ (на материалах Костромской и Ярославской губерний)

Часть 2*

В статье рассматриваются вопросы становления системы медицинской и социальной помощи в начале Первой мировой войны (далее – ПМВ) на примере Костромской и Ярославской губерний.

Ключевые слова: Первая мировая война, эвакуация, госпитали, Всероссийские земский и городской союзы, благотворительность.

Как мы уже отмечали, в течение августа–октября 1914 года в Костромской и Ярославской губерниях сложилась определенная система помощи больным и раненым воинам, поступление которых из Московского эвакуационного пункта к этому времени стало регулярным. На смену мероприятиям, характерным для периода «организации и открытия» лечебных заведений, пришли текущие повседневные дела, подчиненные действию законодательных документов, приказов, циркуляров центральной и местной военной и гражданской властей.

Население региона по-прежнему активно участвовало во всех патриотических акциях, проводимых по распоряжению губернаторов, а также и само выступало с различными инициативами, направленными на оказание и материальной помощи больным и раненым, и их духовной поддержки. Так, в газете «Голос» 8 октября 1914 года [17] было напечатано объявление о том, что 10, 11 и 12 октября по улицам Ярославля пройдут фуры для сбора вещей, теплой одежды, белья и т.п. 10 октября в 10 часов утра сборщики одновременно двинулись по городу, подавая звуковые сигналы, чтобы привлечь внимание жителей. Собранные вещи свозились в помещение бывшего табачного магазина Дунаева и в новые склады на Большой Линии. Корреспондент «Голоса» в номере от 14 октября очень образно и ярко описал ситуацию со сбором вещей для раненых: «Мало нашлось желающих взять на себя окраины города. А между тем, едва ли сборщики на центральных улицах могли выне-

сти столько удовольствия, столько светлых эмоций, как “фургонщики” окраин... Население маленьких домиков... несло в фуры все, что могло. И росли горы платя, табаку, чаю, сахару, яблок, домашней утвари. Одних только самоваров с обитателей “фабричных каморок” собрали 11 штук». [18].

Еще более впечатляют количественные итоги сбора пожертвований, опубликованные в «Голосе» 18 октября: «Закончился разбор собранных вещей на Дунаевском складе: 10 тюков теплых рубашек, 750 брюк, 725 пиджаков, 473 штуки шуб, полушубков и пальто, 3180 пар носков, 500 пар портянок, 1900 пар мужского белья, 200 пар валенок, 800 шарфов, 950 полотенец и т.д.» [19]. К этому количеству одежды следует добавить и более 150-ти пудов чая, сахара, табака и мыла [20]. Действительно, неизмерима широта русской души!

Аналогичная акция была запланирована на 26 и 27 октября в Костроме, где активисты Уездного Комитета помощи больным и раненым воинам обратились к городскому голове В.А. Шевалдышеву с просьбой отвести помещение под склад теплой одежды и домашних вещей, под который и была предоставлена одна из пустующих казенных лавок в центре города [27]. Сбор вещей прошел организованно, по городу проехали 13 фур, а проводимый одновременно «Кружечный сбор» дал около 635 рублей [28].

Подобные сборы как в губернских городах, так и в уездах широко практиковались на протяжении всех военных лет. Необходимо, правда, отметить, что в силу известной предрасположенности

* Часть 1 см. в № 1 за 2014 г.

российских чиновников к подробной переписке и многоуровневому согласованию любого вопроса из жизни провинциального общества, от момента «постановки» вопроса до его решения проходили недели и месяцы. Например, 13 сентября 1914 года Земский Начальник 1-го Участка Галичского уезда Костромской губернии отправил за №1065 представление на имя губернатора П.П. Стремоухова о том, что, «имея сведения из газет о крайнем недостатке в белье всякого рода для раненых и больных воинов, в особенности выходящих на поправку из лазаретов» [4, л. 159], он готов «произвести сбор белья... через должностных лиц волостного и сельского управления» [5, л. 159]. В ответ на представление губернатор 23 сентября сделал предложение за №7673 о доставке ему сведений о том, куда именно будет направляться собранное на участке белье. По получению предложения земский начальник 26 сентября вновь направил представление за №1147, в котором указал, что «такое (белье. – А.Г.) направлять в лазарет при Галичской земской больнице для больных и раненых воинов» [6, л. 160].

Из канцелярии Костромского губернатора оба представления через Комитет Ее Императорского Высочества Великой Княгини Елизаветы Федоровны были направлены Галичскому Уездному Предводителю дворянства, который, в свою очередь, сообщил губернской канцелярии, что «в заседании 16-го сего Октября уездная комиссия высказалась за желательность в удовлетворении ходатайства Земского Начальника» [7, л. 161]. И только уже 24 октября 1914 года в Галич поступил документ за №8406, в котором губернатор Стремоухов сообщал, что он не встречает препятствий к устройству сбора белья через должностных лиц волостного и сельского управления для раненых и больных воинов.

В период ноября-декабря 1914 года администрации губерний, уездов и каждого лечебного учреждения в отдельности занимались также решением вопросов организации учета поступивших, пролеченных и выписавшихся из госпиталей нижних чинов и офицеров. Назначенный приказом по Военному ведомству от 3 сентября 1914 года за №568 Верховный Начальник Санитарной и Эвакуационной части принц А.П. Ольденбургский [31, л. 25–26] слал в адрес губернаторов циркуляр за циркуляром относительно порядка «ежемесячного доставления ведомостей о лечебных заведениях и о числе в них раненых» [8, л. 6]. Аналогичные требования по отчетности выставляло Российское Общество Красного Креста, Центральные комитеты ВЗС и ВСГ, общества, находящиеся под патронажем императрицы и особ императорской фамилии. Это была трудная, довольно кропотливая работа, подразумевавшая наличие определенных навыков, умения и терпения, поскольку требования к со-

ставлению и заполнению различных формуляров, карточек, списков и тому подобного неоднократно менялись. Вот как описывал ситуацию барон Н.Н. Врангель – с 24 октября 1914 года уполномоченный военно-санитарного поезда №81 имени Великой Княжны Ольги Николаевны: «...Казенная формалистика... тут неумолима. Каждому поезду полагается вести отчетность по *тридцати девяти* книгам и притом столь глупым, что просто не понимаешь, как люди с мало-мальским здравым смыслом могли выдумывать и предписывать такую ерунду» [3, с. 84].

В ноябре-декабре 1914 года в городах Костромской и Ярославской губерний все чаще стали проводиться благотворительные мероприятия в виде спектаклей, концертов, киносеансов, розыгрышей призов в различных лотереях. Собранные от продажи билетов денежные средства направлялись в том числе и на помощь больным и раненым воинам. Все проводимые в рамках сбора пожертвований или розыгрыша призов акции согласовывались с руководителями губерний, им же предоставлялись подробные отчеты с указанием вырученных сумм, номерами и наименованиями счетов, на которые эти суммы поступали. Так, 6 ноября 1914 года Мологская городская управа просила согласия губернатора Татищева на устройство «вместе с Дамским комитетом в Мологе 21–23 ноября в помещении гимнастической школы лотереи-аллеги из пожертвованных предметов, выручка с которой пойдет на изготовление теплой одежды... Имеет быть выпущено 5 тыс. билетов по 25 коп. каждый» [11, л. 21]. 10 ноября Мышкинский уездный исправник получил губернское разрешение провести купеческому сыну П.В. Столбову «в один из дней сбор деньгами и вещами в пользу Мышкинского уездного комитета ВЗС помощи больным и раненым воинам с условием:

1. Чтобы было сообщено, кому выданы подписные листы.
2. Чтобы подписные листы были занумерованы и засвидетельствованы печатью Полицейского Управления.
3. Чтобы по окончании сбора... был представлен подробный отчет» [12, л. 8, 9, 10, 10 об.].

О проведенных благотворительных мероприятиях перед губернаторами отчитывались уездные исправники – высшие местные должностные лица. Отчеты выглядели следующим образом: «Препровождаю при сем на утверждение отчет по спектаклю, устроенному 14-го сего Декабря в пользу больных и раненых воинов в гор. Варнавин, вместе с оправдательными документами на 13 листах, сообщаю Канцелярии Губернатора, что вырученные от спектакля, за исключением расходов, деньги в сумме 175 руб. 28 коп. внесены в Варнавинское Казначейство под квитанцию от 20 декабря за №6072» [9, л. 11].

В последние месяцы 1914 года в губерниях по-прежнему продолжалась организация, оборудование и открытие новых госпиталей. Эти работы были определены произведенным ВЗС «Расчетом эвакуации раненых и больных воинов». В основу расчетов были положены предположения военных о том, что в ходе боевых действий на всех фронтах ожидается ежемесячно 204 тыс. раненых и больных воинов. Соответственно предполагаемому трехнедельному сроку нахождения раненых в окружных пунктах предлагалось оборудовать в округах 1/3 роватей чисто госпитальных (для раненых, требующих серьезного оперативного лечения), 1/3 госпитальных патронажей (для раненых, не требующих серьезной хирургической помощи, а лишь мелких операций и перевязок, а также для трудных терапевтических больных) и 1/3 патронажей (для раненых, нуждающихся только в амбулаторной помощи). Конкретно для Костромы и Ярославля предполагалось оборудование 4-х и 3-х тыс. коек соответственно [10, л. б/н].

По сообщениям газеты «Костромская жизнь», в Кинешемском уезде при большинстве текстильных фабрик (Коновалова, Кокорева, Разореновых, Морокиных) были организованы собственные лазареты, в которых размещались около 850 человек легкораненых, которые к концу 1914 года были уже выписаны [22]. «Поволжский вестник» сообщал, что в Костроме в «доме г. Пахомова на улице Русинной открылся и уже имеет раненых третий лазарет “Общества Зеленого Креста”, койки в котором содержатся на ежемесячные добровольные пожертвования братьев Ульяновых, Касаткиных, Прянишниковых и учеников 1-ой гимназии» [29].

11 ноября в Ярославле состоялось освещение и открытие городского лазарета на 200 коек при коммерческом училище. Это было первое лечебное заведение, куда могли прибывать раненые, нуждающиеся в хирургической помощи [21]. В это же время активизировал свою работу Ростовский комитет помощи раненым, открыв госпиталь на 200 коек при мужской гимназии и на 100 – при Ильинском училище. Оба заведения функционировали и содержались исключительно на земские средства. Всего же к 1 января 1915 года на учете уездного комитета состояло 7 лазаретов с оборудованными в них 450 кроватями [2, с. 116–117].

Отчитываясь перед верховным начальником Санитарной и Эвакуационной части о выполнении его приказа №20 от 19 ноября 1914 года, требовавшего присылки «списка лиц, заведующих всеми Правительственными, общественными и частными лечебными заведениями вверенного... района» [13, л. 1], Ярославский губернатор сообщал, что по состоянию на 1 декабря 1914 года в губернском центре функционировали 16, а в уездах – 58 госпиталей [14, л. 12, 12 об., 13, 13 об.]. По данным же «Ведомостей» «о числе заготовленных,

занятых и свободных мест в лечебных заведениях губернии», на начало декабря в Ярославле госпитальная сеть располагала 867 койками, из которых 709 были заняты. В уездных госпиталях насчитывалось 2642 койки, в том числе занятых – 2052 [15, л. 8, 11, 12, 13, 14]. По Костромской губернии количество госпиталей, сформированных и содержащихся только за счет средств Земского Союза на эту же дату, составляло 87 с общим числом коек 5035 [30].

Несмотря на непрекращающиеся действия губернских, городских, уездных властей и общественных организаций по изысканию помещений, средств и материалов для открытия новых лечебных заведений, их количества не хватало, о чем говорилось на общероссийском заседании ВСГ в Москве в декабре 1914 года. «Было постановлено увеличить число коек для раненых повсеместно, в том числе и по Костромской губернии. Также было признано желательным устройство прачечных для лазаретов по образцу прачечной в Костроме», – сообщил костромичам глава города В.А. Шевалдышев, участвовавший в работе Московского совещания [23].

Конец декабря 1914 года был отмечен целым рядом рождественских и новогодних мероприятий, организованных для больных и раненых воинов силами учащихся, студентов, работниками госпиталей, самими ранеными и, конечно, профессиональными артистами и музыкантами. Так, 26 декабря в госпитале при Костромской губернской больнице на Никитской улице для раненых была устроена ёлка, показаны «туманные картины» и дан концерт. Для организации праздника сестрами милосердия были собраны деньги в сумме более 50-ти рублей [24]. В канун Нового года в лазарете, размещенном в доме Сапожникова, для легкораненых была ёлка с раздачей подарков, состоявших из комплектов белья, кошельков, перочинных ножей, папирос и т.п. Каждому участнику праздника было выдано также по 1 рублю деньгами [25].

Таким образом, мы можем сделать вывод о том, что губернскими, городскими и уездными органами власти была проделана огромная работа по организации помощи больным и раненым воинам русской императорской армии. С первых дней после начала Первой мировой войны к этому благородному делу подключились земские и другие общественные организации, которые тесно сотрудничали и с представителями власти, и с военными органами, и с частными лицами. Ведущую роль в организации госпитальной сети на территории Костромской и Ярославской губерний сыграли местные Комитеты Всероссийского Земского Союза и Всероссийского Союза Городов. Именно ими было организовано больше всего лечебных заведений и госпитальных мест, принято и самое большое число раненых. Для того чтобы наладить госпита-

лизацию и лечение раненых и больных, городам и уездам пришлось занять практически все общественные и большинство учебных помещений, на сократившийся в результате 5 призывов в армию в течение 1914 года [16, с. 83] медицинский персонал, – например, только в Ярославской губернии были призваны 37 земских врачей и 33 средних медработника [26, с. 83], – легла дополнительная нагрузка, развертывание широкой госпитальной сети негативно повлияло на качество жизни населения провинциальных городов и уездов.

Организация частного приема и размещения больных и раненых не могла, конечно, сравниться по масштабам с возможностями государственных лечебных заведений, но это благотворительное содействие говорило о наличии в обществе солидарности с общероссийскими задачами. «И населением, и самоуправлением помощь раненым рассматривалась не как конкуренция с Правительством, а как объединение с ним в деле первостепенной государственной важности – деле любви и милосердия» [1, с. 168]. Необходимо также отметить, что созданная в 1914 году сеть лечебных учреждений исправно функционировала в провинциальных губерниях России в течение всего периода войны.

Библиографический список

1. Букалова С.В. Орловская губерния в годы Первой мировой войны: социально-экономический, организационно-управленческий и общественно-политический аспекты (дореволюционный период: июль 1914 – февраль 1917 года): дис. ... канд. ист. наук / Орловский государственный университет. – Орел, 2005. – 294 с.
2. Волкова Т.И. Становление и развитие земского здравоохранения в Ярославской губернии (1865–1917 гг.). – Ярославль, ООО Лия, 2001. – 128 с.
3. Врангель Н.Н. Дни скорби. Дневники 1914–1915 гг. – СПб., Журнал «Нева», «Летний сад», 2001. – 320 с.
4. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 9. Д. 12525.
5. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 9. Д. 12525.
6. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 9. Д. 12525.
7. ГАКО. Ф. 1275. Оп. 1. Д. 4.
8. ГАКО. Ф. 133. Оп. 2. Т. 9. Д. 12526.
9. ГАКО. Ф. 208. Оп. 1. Д. 1319.
10. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 7476.
11. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 7476.
12. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 2694.
13. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 3. Д. 2694.
14. ГАЯО. Ф. 73. Оп. 1. Т. 3. Д. 7470.
15. Головин Н.Н. Военные усилия России в Мировой войне. – М.: Кучково поле, 2001. – 440 с.
16. Голос (Ярославль). – 1914. – №231 (8 октября).
17. Голос (Ярославль). – 1914. – 1914. – №236 (14 октября).
18. Голос (Ярославль). – 1914. – №240 (18 октября).
19. Голос (Ярославль). – 1914. – №240 (18 октября).
20. Голос (Ярославль). – 1914. – №260 (11 ноября).
21. Костромская жизнь. – 1914. – №227 (17 октября).
22. Костромская жизнь. – 1914. – №270 (10 декабря).
23. Костромская жизнь. – 1914. – №280 (21 декабря).
24. Костромская жизнь. – 1914. – №284 (31 декабря).
25. Лозинский Б.Р. Ярославская губернская земская больница. – Ярославль, 2005. – 178 с.
26. Поволжский вестник (Кострома). – 1914. – №2441 (24 октября).
27. Поволжский вестник (Кострома). – 1914. – №2445 (29 октября).
28. Поволжский вестник (Кострома). – 1914. – №2455 (9 ноября).
29. Поволжский вестник (Кострома). – 1914. – №2486 (18 декабря).
30. РГВИА. Ф. 2003. Оп. 2. Д. 656.

Волков Дмитрий Александрович

кандидат исторических наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

nmargolina@mail.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ВОЕННЫХ КОМИССАРИАТОВ В ПЕРВЫЕ МЕСЯЦЫ ГРАЖДАНСКОЙ ВОЙНЫ

В статье анализируются проблемы становления деятельности военных комиссариатов в первые месяцы Гражданской войны. На примере военных комиссариатов Костромской и Ярославской губерний показаны трудности этого процесса.

Ключевые слова: военный комиссариат, Гражданская война, РКП(б), Костромская и Ярославская губерния.

Военные и партийно-советские власти, как в центре, так и на местах, хорошо понимали, что мобилизация в Красную армию, которая проходила сразу после Первой мировой войны и осуществлялась часто жесткими мерами, могла столкнуться со значительными сложностями. Власти переживали также и за дисциплину в частях, как в тылу, так и на фронте. Не были они спокойны и за то, как сложатся отношения между красноармейцами и местным населением. Расширение Гражданской войны и интервенция требовали вовлечения в борьбу как можно большего числа, прежде всего, рабочих и крестьян через их обязательную военную службу. 22 апреля 1918 года ВЦИК принимает «Декрет об обязательном обучении военному искусству». Этот документ только возвещал о будущих призывах. С учреждением комиссариатов по военным делам начался системный учет годного к военной службе населения и его призыв в вооруженные силы. Волостные, уездные и губернские комиссариаты по военным делам организовывались соответственно волостными, уездными и губернскими Советами рабочих, солдатских и крестьянских депутатов, а комиссары и военный руководитель волостного, уездного и губернского комиссариата утверждались соответственно волостным, уездным и губернским Советом и Народным Комиссариатом по военным делам. Окружные комиссариаты по военным делам организовывались Народным Комиссариатом по военным делам и ему непосредственно подчинялись. Окружному военному комиссару принадлежала военно-административная власть в подчиненном ему военном округе. Так, Ярославский военный округ был создан весной 1918 г. Приказ Высшего Военного Совета Республики об его образовании был издан 31 марта, а в мае декретами Совета Народных Комиссаров вся территория республики была разделена на 7 военных округов (к концу 1918 г. их стало 11). Первоначально в состав Ярославского военного округа входило 8 губерний: Ярославская, Петроградская, Псковская, Новгородская, Костромская, Нижегородская, Владимирская и Тверская. В августе 1918 г., в связи с расформированием Беломорского военного округа, в состав Ярославского военного округа вошли еще Вологодская, Северо-Двинская и Архангель-

ская губернии. 6 сентября был образован Петроградский военный округ, в связи с чем Петроградская, Псковская и Новгородская губернии отошли к последнему. С момента образования и до мятежа в Ярославле (июль 1918 г.) штаб (управление) округа находился в Ярославле в здании бывшего Ионафановского епархиального женского училища. Первым комиссаром Ярославского военного округа стал Семен Михайлович Нахимсон (1885–1918). Он развернул активную деятельность по формированию частей Красной армии. С августа 1918 и до марта 1919 г. штаб ЯВО находился в Иваново-Вознесенске, а комиссаром округа был назначен М.В. Фрунзе. ЯВО упразднен 24 декабря 1919 г. приказом Реввоенсовета Республики. Ярославская и Костромская губернии вошли в состав Московского военного округа [2, Л. 13].

Окружному комиссариату подчинялся губернский комиссариат, губернскому – уездный, а уездному – волостной. Определялся круг деятельности военкоматов: учет годного к военной службе населения, его призыв, формирование вооруженной силы республики, обучение поголовно всех рабочих и не эксплуатирующих чужого труда крестьян военному делу, управление войсками местного назначения, их материальное обеспечение и т.п. [7, с. 54–55].

Работа военкоматов в начале Гражданской войны шла довольно медленно, и 29 мая 1918 г. ВЦИК принял постановление «О принудительном наборе в Рабоче-крестьянскую Красную армию». В первое время после этого постановления мобилизации, по утверждению С.И. Гусева, проводились не столько принуждением, сколько «митингами, агитацией, листовками» [3, с. 29]. Но такая работа продолжалось совсем недолго. Уже к концу 1918 г. были сформированы и развернули свою деятельность 7 окружных, 39 губернских, 385 уездных и около 7 тыс. волостных военкоматов, которыми в 1918–1920 гг. было призвано в ряды РККА около 4,5 млн. красноармейцев и командиров [4, с. 31]. Уездные комиссариаты по военным делам продолжали функции упраздненных бывших управлений уездных воинских начальников. Их людская, материальная и техническая оснащенность оставляли желать лучшего, однако уездные комиссариаты обязаны были заниматься еще и организацией

волостных комиссариатов. Уездные и волостные комиссариаты, помимо текущей переписки, исполнения указаний и распоряжений Губвоенкомата, должны были учитывать население, способное носить оружие, фиксировать наличие лошадей, повозок, упряжи по военно-конской повинности, регистрировать всех офицеров и унтер-офицеров старой армии. После организации уездных комиссариатов по военным делам в них была открыта запись добровольцев-красноармейцев, из которых были сформированы отряды численностью от 30 до 500 человек [5, с. 45].

Ухудшение положения на фронтах Гражданской войны привело к резкому вмешательству партийных властей в деятельность военкоматов. Это вмешательство было общей характерной политикой центральных партийных органов, но, с другой стороны, местные партийные организации и без разрешения центра часто брали на себя функции военкоматов. Поэтому со стороны военкоматов было стремление четко разделить и зафиксировать обязанности сторон. Из протокола объединенного собрания Ярославского губвоенкома, 6-й комиссии высшей военной инспекции, губисполкома и губкома партии 16 ноября 1918 г. мы узнаем о принятии решения о том, «что губернские военные комиссары являются высшей военной властью в губернии и в своей деятельности руководствуются приказами и распоряжениями высших военных органов. Губернский комитет партии осуществляет непосредственный и непрерывный контроль через своих представителей или членов партии в губернском военном комиссариате. Компартия имеет право назначать определенных ответственных работников на работу в губвоенкомат» [6, л. 15]. То есть фактически все равно губком определял политику военкомата, что видно и на конкретных примерах.

В Костромской губернский военный комиссариат в марте 1918 г. из губкома поступило предписание: «Настоящим имеем сообщить, что постановлением комитета кандидатура Чумакова *выдвигается еще раз и окончательно* (курсив наш. – Д.В.) на должность заведующего агитационными курсами. Прошу сделать соответствующее распоряжение» [1, л. 28]. В ярославском архиве нами был найден просто крик души уездного пошехонского военкома – это его рапорт от 8 ноября 1918 г. В нем он пишет, что за последнее время участились случаи вмешательства в дела военного комиссариата со стороны местных уездного исполкома и комитета РКП(б). Каждый шаг военкомата в мелочах и по пустякам не только контролируется ими, но происходят личные вмешательства в военное дело. Несмотря на доказательства, что все, что ни делается в области формирования, призыва (мобилизации) и прочее, делается по указаниям и приказам центра и пошехонскому комитету РКП (б) предоставляется отчет во всех работах, –

эти объяснения не действовали, и вмешательство продолжалось. Это выражалось в том, что арестовывались ответственные руководители отделов военкомата без всякой вины, нарушался нормальный ход работы учреждения. Без разрешения партии нельзя было взять специалистов, которые требовались, а принимались в военкомат на работу только рекомендованные партией, в военном деле не имевшие никакого стажа и понимания. «Мы, военные комиссары, – говорилось в рапорте, – как коммунисты кровно заинтересованные в наилучшей организации постановки работы, отлично осознаем, что при таком положении дела, при условии вмешательства, не только организаций, но и отдельных лиц – какая-то либо работа немыслима и не может быть продуктивной, ибо военное дело не любит постоянного вмешательства и многовластия. Было бы очень хорошо, если бы партия давала хороших работников в области технической подготовки армии, но у нее таковых нет, повторяем, что присланные работники лишены всякой инициативы по строительству армии и не знают за что взяться». Основываясь на речи т. Троцкого на заседании ЦИК Советов и вполне солидаризируясь с его взглядом, военком заявлял, что нам грозит не контрреволюционность отдельных специалистов в армии, а своя собственная невозможность справиться с организацией дела. Военком просил губвоенком своим авторитетным словом решительно указать местному уездному исполкому и комитету РКП(б) на то, что они не уполномочены брать на себя не свои обязанности и вмешиваться в дела комиссариата. Он признавал контроль только в политическом смысле [6, д. 125, л. 4(об)].

Все эти крики с мест возымели свое действие, и Ярославский губвоенкомат стал просить губком немедленно принять меры для предотвращения вмешательства в распоряжения губернского и уездных военных комиссариатов. «Губернский военный комиссариат, – читаем мы в соответствующем прошении, – имея во главе управления делами коммуниста, каковой выдвигается партийными организациями, а те, в свою очередь, строго проверяют выдвигаемого кандидата, имеет право действовать самостоятельно, строго придерживаясь указаний Наркомвоен, а также работая в контакте с партийными организациями» [2, л. 13].

Таким образом, в первые месяцы Гражданской войны деятельность военных комиссариатов была направлена на мобилизационную и организационную работу по созданию Красной Армии. В этой работе были как и значительные успехи, так и определенные трудности, которые выражались, прежде всего, во вмешательстве партийных работников в дела военных комиссариатов. Однако победа большевиков в Гражданской войне показала общую стратегическую верность их политики по созданию военкоматов.

Библиографический список

1. Государственный архив новейшей истории Костромской области. Ф. 1. Оп. 1. Д. 47.
2. Государственный архив Ярославской области. Ф. Р-1842. Оп. 1. Д. 56.
3. Гусев С. Красная Армия (К годовщине ее образования) // Военная мысль (ВФ). – 1919. – № 2 (28 февраля).

4. КПСС и строительство Советских вооруженных сил. – М., 1967.
5. Поляков Ю.А. Революция защищается. – М., 1978.
6. Центр документации новейшей истории Ярославской области. Ф. 1. Оп. 27. Д. 101.
7. Шатагин Н.И. Организация и строительство Советской армии в 1918–1920 гг. – М., 1954.

УДК 94(470); 336.22

Околотин Владимир Сергеевич

кандидат исторических наук

Российская академия народного хозяйства

и государственной службы при президенте РФ (филиал в г. Иванове)

okolotin.vladimir@yandex.ru

ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ НАРКОМФИНА СССР ПО «ПЕРЕСТРОЙКЕ» НАЛОГООБЛОЖЕНИЯ ПРОМЫШЛЕННОСТИ В 1937–1941 ГОДАХ

Статья посвящена исследованию деятельности НКФ СССР по «перестройке» налогообложения промышленности в 1937–1941 гг., ее специфике и результативности.

Ключевые слова: НКФ СССР, государственный бюджет, государственные доходы, перестройка налогообложения промышленности, налог с оборота, налог с нетоварных операций, отчисления от прибылей, реальные условия советской экономики.

Вынужденное изменение формы построения плановой экономики и переход в течение 1933–1935 гг. от продуктообмена к «свободной» государственной торговле привели к необходимости перестройки налоговой политики. Несмотря на то что по одному из ведущих налоговых платежей – налогу с оборота – в 1936 г. в госбюджет поступило 67,8 тыс. млн. руб. (в 1931 г. поступило лишь 11,6 тыс. млн. руб.), это признавалось недостаточным. В 1937 г. его сбор был запланирован в размере 76,8 тыс. млн. руб. [6]. Возросли требования и к поступлениям от другого ведущего налога – отчислений от прибыли. Способствовали тому и благоприятные прогнозы на увеличение товарооборота в стране. Поэтому в течение всего 1937 г. СНК и НКФ СССР принимали различные меры к выполнению установленного плана. Так, на страницах периодической печати развернулось обсуждение проблем, существующих в налогообложении промышленности и сферы услуг. При этом выяснилось, что квартальные задания по налогу с оборота на местах составлялись «наугад, без учета фондов, запланированных для отдельных республик». Все это усугублялось множеством налоговых ставок на различные промышленные и продовольственные товары, их путаницей и перекосами в применении. В частности, рыбные товары в зависимости от сорта и трестопоставщика облагались по 200 ставкам. Для продукции мясной промышленности было установлено 205 ставок. Размер ставок на промышленные товары, такие как трикотажные изделия, варьировался от 25% до 38%, а на металлические мыльницы – от 25 до 40%, и т.д. [4].

Были приняты и первые практические меры к устранению выявленных перекосов. Так, 25 апреля 1937 г. НКФ СССР издал приказ «О мерах улучшения работы инспекторов и ревизоров государственных доходов». Два месяца спустя – 7 июля 1937 г. – у наркома финансов СССР Г.Ф. Гринько состоялось совещание с руководителями московского, калининского и ярославского облфинотделов, отчитывавшихся о реализации данного приказа. В ходе совещания было признано, что перестройка работы по госдоходам идет медленно. Финансовые органы недоучли политического значения всесторонней проверки работы по ним. В свою очередь с мест звучали претензии к центру по поводу отсутствия инструкции по проверке налоговых отчетов, нормативного сборника по взиманию налога с оборота, а также программ по подготовке инспекторов. Отмечена на совещании была и бездеятельность управления госдоходов НКФ СССР в разработке данных документов. Тем не менее принятие решительных мер по выполнению приказа НКФ об улучшении работы инспекторов и ревизоров госдоходов было признано одной из центральных задач финорганов [8].

Однако в обстановке политических репрессий, арестов большого количества не только хозяйственных руководителей, но и руководителей НКФ как в центре, так и на местах их выполнение было крайне затруднено. В итоге налог с оборота в 1937 г. был собран в сумме 75905 млн. руб. против 76795 млн. руб. по плану. Если бы не сверхплановые поступления по налогу с оборота от «Главспирта» в размере 1100 млн. руб., сахарной промышленности – 721 млн. руб. и наркомата за-

готовок – 340 млн. руб., невыполнение плана было намного больше [10, ф. 7733, оп. 16, д. 81, л. 15–17].

Недостатки по взиманию налога с оборота были отнесены к вредительской деятельности руководителей НКФ СССР. На различных совещаниях говорилось, что центральным участком вредительской работы управления госдоходов являлось запутывание ставок налога с оборота, их раздробленность и множественность (более чем 2400 ставок). Например, начальник управления госдоходов А.Н. Сучков на одном из совещаний утверждал, что «начиная с 1930 г. по финансовым вопросам перестают совершенно кодифицироваться материалы... Вы не найдете ни одной инструкции, где бы было указано, что такая-то инструкция издана в отмену такой-то инструкции. В результате получилось так, что по такой работе, как налог с оборота, отчисления от прибылей были изданы основные законы, а потом к этим законам давались различные толкования, разъяснения, причем эти последние давались в противоречивом духе». Все это приводило к тому, что на местах «не успевали угнаться за всеми такими разъяснениями, которые исходили из центрального аппарата» [10, ф. 7733, оп. 16, д. 89, л. 5–6].

В результате 23 марта 1938 г. правительство установило новые ставки налога с оборота предприятиям пищевой промышленности, Заготзерна и общественного питания. Общее количество их в системе наркомпищепрома (кроме рыбной и молочной промышленности) было сокращено с 608 до 167 ставок, то есть почти в 4 раза [1]. Однако данные решения опять принимались в форме разрозненных постановлений и требовали дополнительных толкований и разъяснений. Все это усложняло работу на местах. На совещании актива НКФ СССР 28 мая 1938 г. говорилось о разбросанности законодательного материала по отдельным циркулярам, особенно по ставкам налога с оборота («в этом “ворохе бумаг” утонуть можно»), а также вновь было заявлено о необходимости кодифицирования материала, что позволило бы поднять культуру налоговой работы [10, ф. 7733, оп. 16, д. 100, л. 3–4].

Вторым крупным и определяющим источником формирования доходной части госбюджета были отчисления от прибылей. С 1931 по 1937 г. они увеличились с 2,3 млрд. руб. до 6,3 млрд. руб. [6]. На 1938 г. отчисления от прибылей составляли 8,6% от всех запланированных на год и должны были достигнуть почти 10 млрд. руб. [2]. Однако существовавшая система исчисления и уплаты отчислений от прибылей, согласно архивным документам и газетным публикациям, также имела ряд серьезных недостатков. В частности, плановая прибыль зачастую не соответствовала прибыли, полученной предприятием по итогам года. В результате финорганами для выполнения плана изымалась не только

прибыль, полученная предприятием, но и зачастую его оборотные средства [10, ф. 7733, оп. 16, д. 89, л. 10]. Несомненно, эти обстоятельства стали основанием для признания НКФ СССР работы финорганов неудовлетворительной [10, ф. 7733, оп. 15, д. 96, л. 115–116]. Для устранения этих недостатков в 1938 г. был принят ряд мер по адаптации налога отчислений от прибылей к новым условиям. В частности, решено повысить предельный размер отчислений от прибылей с 81 до 95% (5% оставлять в распоряжении хозорганов в виде резерва), перейти к порядку его взимания от фактической, а не плановой прибыли текущего квартала, упорядочить получение отчислений со сверхплановых прибылей предприятий и т.д. [2].

Несмотря на внесенные в 1938 г. коррективы, система взимания отчислений от прибылей и в 1939 году продолжала страдать существенными недостатками. Тем не менее из года в год они планировались со значительным ростом. Анализ годовых отчетов наркоматов и обследования ревизоров показали, что фактические размеры накоплений в промышленности значительно расходятся с плановыми. Так, в наркомате мясо-молочной промышленности были выявлены значительные резервы по финансовому плану на 1940 г. В пенько-джутовой промышленности наркомтекстильпрома планом первого квартала было предусмотрено 2220 тыс. руб. убытков, а она получила 2208 тыс. руб. накоплений [18]. Для преодоления столь явных несоответствий постановлением Экономсовета при СНК СССР от 29 марта 1940 г. НКФ СССР было предложено изымать отчисления исходя из фактической прибыли за текущий квартал. Но уже с апреля 1940 года НКФ СССР ввел месячные перерасчеты вместо квартальных. Кроме того, были установлены два срока уплаты месячных платежей – 15 и 17 числа. При этом в первом месяце квартала должно было вноситься 30% квартальной суммы отчислений, предусмотренной финансовым планом, а во втором и третьем – по 35%. Затем, когда из очередного баланса становилась известной прибыль за истекший месяц, сумма отчислений подлежала уточнению, недоплаченная часть вносилась, а переплаченная засчитывалась в очередной платеж.

Другим недостатком было то, что при централизации отчислений их невозможно было планировать по краям и областям. Взыскивая по поручению НКФ СССР платежи, местные финорганы руководствовались лишь разнарядками главков и зачастую считали, что не их дело, как предприятия выполняли свои планы, поскольку из полученных отчислений ничего в местные бюджеты не поступало. Кроме того, при установлении новых цен на товары, изменении ставок налога с оборота или процента отчислений от прибыли, передачи предприятий другим главкам – платежи бюджету повсеместно задерживались.

На коллегии НКФ СССР 16 сентября 1940 г. при обсуждении состояния работы по госдоходам говорилось об отсутствии рациональности в организации процесса взимания отчислений от прибыли. Он был организован так, что «примерно половина квартала уходила на всякого рода “увязки” разнарядок отдельным предприятиям и только полтора месяца финорганы занимались сбором средств» [3]. Более того, при централизованном порядке уплаты отчислений от прибыли нередко возникала ситуация, когда предприятия, перевыполнявшие производственные планы, оказывались в худшем положении, чем те, которые их не выполняли [5]. Разрешению накопившихся проблем было посвящено совещание руководителей управлений союзных республик и местных финорганов, состоявшееся в НКФ СССР с 16 по 18 октября 1940 г. Одним из ключевых вопросов повестки дня стало обсуждение проекта положения об отчислениях от прибыли. Кроме того, были заслушаны проекты положений о налоге с нетоварных операций, подоходном налоге с кооперативных организаций, инспекторах и ревизорах госдоходов [13]. Одновременно на страницах «Финансовой газеты» публиковались предложения с мест об изменении порядка взимания отдельных из них. В частности, старший инспектор госдоходов ивановского облфо Г. Скрицкий предложил сократить срок, отведенный бухгалтериям предприятий на выписку счетов по налогу с оборота, с 3 до 1 дня. В условиях перехода к 8-часовому рабочему дню и 7-дневной рабочей неделе такое сокращение стало практически возможным. По его словам, готовы к этому и хозяйственники г. Иванова, которые ждут лишь указания НКФ СССР. Даже при сокращении этого срока на один день, по его подсчетам, госбюджет получит «30 млн. руб. дополнительных доходов» [12]. Согласно другой публикации, апробация такого предложения уже состоялась на предприятиях г. Москвы и дала положительные результаты. Инспектор госдоходов Еремин из фрунзенского райфо г. Москвы настоял на том, чтобы база №3 Главшелкопрома выписывала счета по налогу с оборота одновременно с отпуском продукции. В результате ускорилось поступление средств, и за квартал госбюджет получил дополнительно 400 тыс. руб. [16].

В целях ускоренной реализации вскрытых проблем и пожеланий финорганов приказом по НКФ СССР была установлена новая структура управления госдоходов. В ее состав вошли три отдела: по планированию и товарообороту (начальник – А.А. Кривенко), по налогу с оборота (Г.И. Диких), по отчислениям от прибылей (В.А. Паевский) – и два сектора: неналоговых доходов (М.С. Школьник) и ревизионно-инспекторский (С.Н. Иванов). Предполагалось, что в рамках новой структуры удастся улучшить планирование налоговых плате-

жей, усилить контроль за их поступлением, а также углубить изучение экономики отраслей промышленности, чтобы «усовершенствовать систему обложения и установить более правильные взаимоотношения между бюджетом и хозяйством» [7]. Но и этим, по всей вероятности, в НКФ СССР не ограничились. На заседании коллегии НКФ СССР 17 января 1941 г. рассматривался проект нового положения о НКФ СССР, который с учетом замечаний было решено представить на утверждение в СНК СССР [17; 17 января 1941].

Проработка положения об отчислениях от прибылей в 1940 г. так и не была завершена. По итогам 1940 г. план по отчислениям от прибылей в государственный бюджет был выполнен на 82,7%. Налог с оборота был собран в объеме 97,5% от плана, утвержденного VI сессией ВС СССР. В целом же общесоюзный план госдоходов был выполнен на 96,9%, то есть недоборы по налогу с оборота и отчислениям от прибылей, допущенные в первом полугодии, компенсировать по итогам года не удалось [15]. Все это побуждало НКФ СССР продолжить реформирование налога с оборота и отчислений от прибылей, а также порядка их взимания в государственный бюджет.

Новые проекты положений «О налоге с оборота предприятий и организаций социалистического хозяйства», а также «Об отчислениях от прибылей государственных предприятий» были вынесены для обсуждения на совещание работников госдоходов НКФ СССР в апреле 1941 г. Кроме указанных проектов, на совещании были рассмотрены проекты положений «О подоходном налоге с кооперативных предприятий и предприятий общественных организаций», а также «О налоге с нетоварных операций». В ходе обсуждения они были одобрены участниками совещания и по ним были приняты соответствующие резолюции [14]. Обсуждение положения «Об отчислениях от прибылей государственных предприятий», по всей вероятности, было окончательным, поскольку в июне 1941 г. управление госдоходов НКФ СССР направило на места указание «О порядке взыскания отчислений от прибылей». Согласно новому порядку на главные управления наркоматов была возложена обязанность извещать подчиненные им предприятия о сроках и суммах предстоящих платежей в бюджет. Считалось, что это, во-первых, позволит каждому предприятию заранее подготовить необходимые средства для расчетов по отчислениям от прибылей и, во-вторых, освободит инспекторов госдоходов от большой технической работы и создаст им возможность усилить финансовый контроль над хозорганами, более углубленно изучать экономику и финансовое состояние плательщиков. В целях борьбы с недоимкой по отчислениям от прибылей, НКФ СССР специальным распоряжением обязал финорганы ежемесячно представлять

объяснения о причинах образования задолженности и о принятых для ее ликвидации мерах [9].

14 июня 1941 г. замнаркома финансов СССР Ф. Урюпин подписал инструкцию по налогу с нетоварных операций, которая стала последней в череде мероприятий по реформированию налогового законодательства в условиях мирного времени. В ней были разграничены операции, облагаемые налогом с оборота и свободные от обложения, дан перечень облагаемых им услуг, а также уточнено понятие облагаемого оборота. Инструкцией было дополнительно введено обложение предприятий, занимавшихся перевозкой грузов и пассажиров автомобильным и гужевым транспортом. Согласно ее содержанию налог с нетоварных операций взыскивался с плательщиков с фактически полученной ими выручки по оборотам предыдущего месяца. Он уплачивался в один срок не позднее 23 числа каждого месяца, вместо же квартальных перерасчетов были введены годовые [11]. С учетом возросшей значимости этого платежа (за 1941 год только финорганы г. Москвы должны были собрать 54,5 млн. руб. налога с нетоварных операций) инспекторам госдоходов было рекомендовано не рассматривать его в качестве второстепенного и принимать все предусмотренные инструкцией меры для взимания данного налога [17; 12 июня 1940].

Таким образом, в течение всего рассматриваемого периода НКФ СССР с целью получения максимального финансового эффекта принимал усиленные меры по адаптации налогового законодательства к новой форме построения плановой экономики – «свободной» государственной торговле. В документах того времени этот процесс получил название «перестройка». В отличие от налоговой реформы сентября 1930 г. и преобразований 1931 г. он не был скоротечным и затянулся вплоть до начала Великой Отечественной войны. Однако если налоговая реформа 1930 г. привела к коренному преобразованию налогообложения в промышленности, то перестройка 1937–1941 гг. была больше направлена на адаптацию существующей налоговой системы к реальным условиям советской экономики. Она же, начиная с 1939 г., усиленно приобретала оборонный характер, что отражалось на деятельности предприятий, постепенно свертывавших выпуск мирной продукции.

Очередной предвоенный кризис снабжения усугубил сложность такой адаптации. К сожалению, определить эффективность мер, принятых СНК и НКФ СССР, в условиях мирного времени не представилось возможным, так как с началом Великой Отечественной войны приоритеты налоговой политике кардинально изменились.

Библиографический список

1. *Азарх М.* Новые ставки налога с оборота // Финансовая газета. – 1938. – 4 апреля.
2. *Белкин Г.* Изменить порядок отчислений от прибылей // Финансовая газета. – 1938. – 14 мая.
3. Заседание коллегии НКФ СССР // Финансовая газета. – 1940. – 19 сентября.
4. Как управление госдоходов НКФ СССР руководит низовыми финорганами // Финансовая газета. – 1937. – 20 декабря.
5. *Кондрашев Д.* Обобщение практики // Финансовая газета. – 1940. – 15 ноября.
6. Неуклонно растут государственные доходы СССР // Экономическая жизнь. – 1937. – 28 октября.
7. Новая структура управления госдоходов НКФ СССР // Финансовая газета. – 1940. – 22 ноября.
8. Одна из центральных задач финорганов // Экономическая жизнь. – 1937. – 8 июля.
9. *Паевский В.* Больше внимания отчислениям от прибылей // Финансовая газета. – 1941. – 13 июня.
10. Российский государственный архив экономики (РГАЭ).
11. *Самойлов В.* Новая инструкция по налогу с нетоварных операций // Финансовая газета. – 1941. – 20 июня.
12. *Скрицкий Г.* В интересах бюджета и хозяйства // Финансовая газета. – 1940. – 11 октября.
13. Совещание работников госдоходов // Финансовая газета. – 1940. – 18 октября.
14. Совещание работников госдоходов при НКФ СССР // Финансовая газета. – 1941. – 25 апреля.
15. *Урюпин Ф.* Выполнить план госдоходов 1941 г. // Финансовая газета. – 1941. – 31 января.
16. *Фролов В.* Коллективная борьба за доходы и экономию // Финансовая газета. – 1940. – 25 октября.
17. Финансовая газета.

**ПОЛЕМИЧЕСКИЕ ВОПРОСЫ ФИНАНСИРОВАНИЯ
ЭВАКУАЦИИ ДЕТЕЙ ИЗ ЛЕНИНГРАДА В 1941–1942 ГГ.
(к статье А.В. Зотовой «О взимании платы за эвакуацию детей
из блокадного Ленинграда»)**

В статье дано опровержение данных о полном финансировании родителями эвакуации ленинградских детей, что вело якобы к оставлению без помощи детей-сирот в блокированном Ленинграде.

Ключевые слова: эвакуация, блокада Ленинграда, дети, сироты.

Проблема финансирования эвакуации детей и подростков из блокированного Ленинграда является одной из ключевых, поскольку при анализе финансовых потоков позволяет уточнить наличие средств обеспечения жизнедеятельности эвакуируемых. Поэтому эта проблема оказалась в центре внимания и составила важнейшую часть содержания диссертационного исследования борьбы за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–43 гг., подготовленного на основе наиболее полной коллекции собранных архивных и музейных документов, в т.ч. публикаций в Бюллетенях Ленинградского городского совета депутатов трудящихся [5; 8, с. 10, 20].

Актуальность этой проблемы заставила вновь обратиться к ней некоторых историков [7]. Однако послышки и выводы, которые содержатся в новой публикации А.В. Зотовой, потребовали нашего ответа.

В связи с критикой, прозвучавшей в адрес нашего исследования, следует указать, что проблеме финансирования эвакуации детей посвящена глава третья диссертационного исследования: «Эвакуация детского населения из Ленинграда в 1941–43 гг.», рассматривающая данную проблему в комплексе с целым рядом других [7, с. 103–152]. Документы, на которые ссылается наш оппонент, подробно проанализированы в данной главе [7, с. 105–106]. Комплекс статей, имеющих своей целью расширить предмет исследования, осветить те вопросы, которые остались за пределами диссертационного исследования, появился в 2012–2013 гг. [6; 9].

В своей статье уважаемый оппонент, ссылаясь на одну из наших публикаций [4], указала: «В сознании исследователей утвердилось мнение о том, что государство полностью брало на себя все расходы по обеспечению вывоза детей на большую землю» [7, с. 26].

Однако это не так. Вопрос о софинансировании эвакуации детей родителями был подробно рассмотрен на основе анализа комплекса имеющихся документов в указанной диссертации и в одной из публикаций. В том числе проанализированы опубликованные в годы войны в «Бюллетенях Ленин-

градского городского Совета депутатов трудящихся» в 1941 г. Постановления: от 19 июля 1941 г., Пр. № 48, п. 7, и от 9 ноября 1941 г., Пр. № 54, п. 33, касающиеся оплаты эвакуации детей родителями вместе с коммунальными платежами, а также их выполнение [3].

Следует указать, что деньги родителей, которые должны были поступать на счет детских учреждений, проходили по балансовым отчетам Ленгорно. На основе этих данных нами был сделан вывод: «Учитывая, что в количество детей, вывезенных с детучреждениями в 1941 г., входили эвакуированные по линии собесов и Горздрава (ок. 23067 чел.)..., число вывезенных гороно составляет не более 36 тыс. человек. Это подтверждается сведениями о финансировании эвакуации примерно 60819 детей по линии гороно, из которых около 22 тыс. пропали без вести» [3, с. 65].

Одним из важных вопросов в 1942–1943 гг. являлись трудности материального обеспечения детей, оставшихся без родителей, а также детей, чьи родители оказались в эвакуации и не могли обеспечить детей в силу сложности своего материального положения.

30 мая 1942 г. согласно решению «О взимании платы за детей, находящихся в детских учреждениях, эвакуированных из г. Ленинграда», Пр. № 68, п. 66 плата с родителей, находящихся вне Ленинграда, до 1 октября 1942 г. отменялась (в соответствии с распоряжением СНК СССР от 14 мая 1942 г. № 8719-р) [3, с. 64].

В статье о работе Народного комиссариата просвещения РСФСР (Наркомпроса) в 1942–43 гг., на которую ссылается наш уважаемый оппонент, указано: «С января 1942 г. по 1 января 1943 г. контингент детдомов по всей РСФСР увеличился со 144810 до 212955 человек, что составило 147% от плана. В то же время значительная часть этого контингента находилась в школьных интернатах, обеспечиваемых большей частью за счет средств родителей, которые поступали не во время, не полностью или не поступали». Здесь же приводятся важные данные о снабжении в 1942 г. ленинградских детей, оставшихся без родителей: всего 41229 человек, в т.ч. детей-сирот: 27803 человек [4, с. 72].

Таким образом, хотя в указанной статье вопрос о софинансировании родителями содержания детей в эвакуации также затронут, но основной проблемой в 1942–1943 гг., в том числе по Ленинграду, являлось жизнеобеспечение детей, оставшихся без родителей.

Хотелось бы заострить внимание на важных методологических аспектах этой проблемы. В статье нашего оппонента правовые документы использованы некритически. Ею как установленный факт рассматривается полное обеспечение родителями эвакуации детей на основе имеющихся распоряжений. В то же время следует подчеркнуть, что речь идет именно о софинансировании эвакуации родителями.

В своем исследовании мы указали на необходимость скептического анализа данного факта. Не только делопроизводственные и правовые документы свидетельствуют о значительной деятельности Наркомпроса РСФСР и других государственных органов власти по организации материального, в т.ч. финансового обеспечения детских учреждений в эвакуации, но и мемуары, дневники и пр.

Исследовательница Л.Т. Позина указывала, что на содержание и вывоз детей из средств местного бюджета только в июне-июле 1941 г. было ассигновано 70 млн. рублей [2, с. 44–45].

В многочисленных воспоминаниях бывших блокадных детей и их родителей проблема софинансирования эвакуации не поднимается. В то же время в воспоминаниях директоров интернатов, детдомов и воспитателей в период войны уделялось значительное место проблеме утраты связи между родителями и детьми, что делало невозможным подобное финансирование [8, с. 96–97]. Как в дневниковых записях руководителей детских учреждений, так и в делопроизводственных документах встречаются свидетельства совместного финансирования детских учреждений государством, наркоматами, местными бюджетами, а также войсковыми частями, предприятиями по линии патронажа, введенного в 1943 г. [5, с. 33–40].

Вся сложная система финансового обеспечения детских учреждений, как и использования родительских денег, рассмотрена в нашем диссертационном исследовании, в т.ч. на основе анализа финансовых документов. Там же приводятся данные «Сводного финансового отчета Ленгоруно. Об исполнении сметы по внебюджетным централизованным учреждениям за 1941 год»: 967467 руб. 23 коп. расхода на содержание интернатов, в том числе: 211142 руб. 13 копеек (или 22 %), поступившие от родителей [1, с. 109]. Вопрос неоплаты родителями, не знавшими, где находятся их дети и требовавшими справки об их местонахождении, постоянно рассматривался на производственных и партийных совещаниях Ленгорздравотдела и Ленгоруно [1, с. 142].

Характер оплаты родителями содержания эвакуированных детей как софинансирования следует и из новых данных, приведенных А.В. Зотовой: по промфинплану на I квартал 1942 г. намечалось использовать 30% финансирования за счет родительских средств [7, с. 28]. В то же время исследовательница пишет: «В документе под названием «Перечень разногласий с Наркомфином РСФСР по бюджету гор. Ленинграда на 1 квартал 1942 года» под грифом «секретно» указывалось на то, что в течение IV квартала 1941 г. на эвакуацию детей с родителей было взыскано 1 млн. 800 тыс. руб.» [7, с. 26].

Сами по себе эти факты необычайно важны и, таким образом, А.В. Зотова сумела расширить поле исследования эвакуации ленинградских детей, включив, наряду с хорошо известными, новые документы финансового отдела Ленгорисполкома.

Следует заметить, что данный показатель подтверждает один из результатов указанного выше диссертационного исследования. Действительно, если родителями было оплачено 1800000 рублей за IV квартал 1941 г., а это 92 дня, значит, было заплачено 19565 рублей в день. Стоимость питания и наличных расходов на одного ребенка в день при эвакуации в этот период равнялась минимум 1 руб. 40 коп. в ближние районы, и 2 руб. 40 коп. – 5 руб. 40 коп. в дальние [1, с. 107]. Таким образом данные платежи окупали такие расходы на 13 975 человек детей. Учитывая, что согласно плановым отчетам Гороруно расходы родителей окупали лишь 22 % расходов, эта сумма должна быть умножена на $K=4,55$. Таким образом, приведенные исследовательницей данные позволяют получить софинансирование родителями эвакуации не более 63586 человек детей в 1941 г. Это число приближено к количеству 60819 детей, эвакуированных по линии гороруно, полученному в нашем исследовании [3, с. 65].

В то же время, исследование правовых документов в отрыве от всего комплекса социально-политических источников, в том числе мемориального и делопроизводственного характера, явилось неполным и привело исследователя к ложным посылам и выводам. Одним из таких мы считаем тот вывод, который указан в аннотации к статье: «Автор делает вывод о том, что практически все расходы по эвакуации и дальнейшему обеспечению детей обязаны были брать на себя родители. В противном случае дети оставались в осажденном городе» [7, с. 28].

Этот вывод является нарушением принципа научности и историзма, свидетельствует о некорректном подходе к научному исследованию.

Библиографический список

1. Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах.: дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2011. – 313 с.

2. Газиева Л.Л. Борьба за спасение детей в блокадном Ленинграде в 1941–1943 годах: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2011. – 24 с.

3. Газиева Л.Л. Организация эвакуации ленинградских детей в 1941 г. (по материалам государственных архивов) // Клио. – 2013. – №8 (80). – С. 63–66.

4. Газиева Л.Л. Работа Наркомпроса РСФСР в 1942–1943 гг. по нормализации жизнедеятельности детских учреждений, эвакуированных из Ленинграда // Клио. – 2013. – № 2 (74). – С. 71–73.

5. Газиева Л.Л. Статистика эвакуированных из блокадного Ленинграда детей и подростков в документах органов государственной власти и управления // Отечественные архивы. – 2013. – № 3. – С. 33–40.

6. Газиева Л.Л. Трудовые резервы в блокированном Ленинграде: героизм и жертвы // Клио. – 2013. – № 6 (78). – С. 89–93.

7. Зотова А.В. О взимании платы за эвакуацию детей из блокадного Ленинграда // Вестник Костромского государственного университета имени Н.А. Некрасова. – 2013. – № 6. – С. 26–28.

8. Позина Л.Т. Забота партии о подрастающем поколении в годы Великой Отечественной войны (на материалах Ленинградской партийной организации).: дис. ... канд. ист. наук. – Л., 1983. – 212 с.

9. «Хотелось сохранить хотя бы часть... семьи...» Запись воспоминаний директора детского дома №51 г. Ленинграда М.М. Шарый о работе в условиях блокады 1941–1943 гг. – публ. Л.Л. Газиевой // Отечественные архивы. – 2013. – № 5. – С. 87–113.

УДК 2–84; 94(470)

Сазонов Дмитрий Иванович

кандидат богословия

общецерковная аспирантура и докторантура им. святых Кирилла и Мефодия (г. Москва)

sazonow63@mail.ru

ПРОВЕДЕНИЕ ПОМЕСТНОГО СОБОРА 1988 ГОДА РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ КАК ИЗМЕНЕНИЕ ВЕКТОРА ЦЕРКОВНО-ГОСУДАРСТВЕННЫХ ОТНОШЕНИЙ

Торжества по случаю 1000-летия Крещения Руси стали поворотным моментом к изменению церковно-государственных отношений. Получив широкий международный и общественный резонанс, они позволили Церкви в новых исторических условиях выйти из-под контроля госорганов, организовать органы церковного управления и предпринять шаги к изменению государственного законодательства, получив возможность самостоятельного существования в государстве.

Ключевые слова: Поместный собор, церковь, Патриарх, юбилей, партийные органы.

Юбилейный Поместный собор Русской Православной Церкви 1988 года стал знаменательным событием не только в жизни Церкви, но и в изменении церковно-государственных отношений. Власти не могли игнорировать общемировое значение проводимых церковных торжеств, были вынуждены свернуть антирелигиозную пропаганду, способствовать проведению мероприятий, подготовленных руководством Церкви и включиться в них. Благодаря наметившимся переменам, обусловленным перестройкой и демократизацией государства и общества, Церковь стала выходить из гетто, в которое ее загнал госатеизм.

Значение собора тем велико, что он вышел из рамок внутрицерковных, внутригосударственных торжеств, что способствовало повышению авторитета Церкви как внутри страны, так и за ее пределами. На XXIV Генеральной конференции ЮНЕСКО была принята резолюция «О 1000-летию введения христианства на Руси» и разработана программа мероприятий, в которую включались 159 государств – членов сообщества, которым на протяжении 1988–1989 гг. рекомендовалось отметить юбилей праздничными мероприятиями. Июньское издание ЮНЕСКО «Курьер» 1988 г. было целиком

посвящено христианизации Руси [14]. Для участия в юбилейных торжествах в Троице-Сергиеву Лавру прибыли 211 делегаций (более 450 человек) из 89 стран мира: главы и представители поместных православных церквей, представители других христианских и нехристианских религий. 7–8 июня в работе собора принимали также участие 272 представителя внутренних и зарубежных епархий Московского Патриархата. Аккредитацию на соборе получили 1103 журналиста, из них 433 зарубежных. В праздновании приняли участие такие крупные религиозные и общественные деятели, как глава Англиканской церкви архиепископ Роберт Ранси, проповедник из США Билли Грэм, лауреат Нобелевской премии мира Десмонд Туту, десять кардиналов Римско-Католической Церкви, среди них: государственный секретарь Ватикана А. Казароли, И. Виллебрандс, примас Польши Ю. Глемп. Представительство иностранных делегаций свидетельствовало не только об отношении к юбилею Русской Церкви, но, в первую очередь, о ее возросшем авторитете. Широкий резонанс юбилей вызвал за рубежом. Его отметили зарубежные учреждения Русской Православной Церкви Московской Патриархии: Западноевропейского экзархата, Аргентинской епархии, в США и Ка-

наде. 11 июня состоялся прием председателя Президиума Верховного совета СССР А.А. Громыко, глав и членов религиозных делегаций, прибывших в СССР на празднование 1000-летия Крещения Руси. Как заявил на встрече кардинал А. Казароли: «Сейчас это событие является фактором объединения общества. Крещение Руси приобрело исторический специфический характер. Папа осознал это, и он направил такую делегацию от св. престола и Римско-католической церкви. Никогда одновременно не было на Русской земле такого количества кардиналов. Это факт уважения и любви к великому государству, народу и Церкви» [1, с. 248–249]. Группе священнослужителей были вручены правительственные награды. Собор проходил с 5 по 16 июня 1988 года в Троице-Сергиевой Лавре, включая проведение с 6 по 9 июня торжественных мероприятий в городах, где на протяжении исторического периода были кафедры первосвятителей Русской Церкви: Киеве, Владимире, Ленинграде, Москве, что значительно расширяло географию проводимых мероприятий внутри страны. В юбилейных торжествах участвовали представители всех мировых религий, главы религиозных объединений Советского Союза [10, с. 68–69]. К знаменательной дате был приурочен ряд исследований по истории христианизации Руси, праздники славянской письменности, большое количество выставок, встреч общественности с представителями Церкви. В западной и отечественной прессе периодически издавалась информация о подготовке к юбилею со ссылкой на интервью, взятых у иерархов Церкви, в которых они подчеркивали благожелательное отношение в период подготовки к юбилею со стороны государства к церковным нуждам, что расценивалось как проявление подлинной свободы совести в стране. В интервью, опубликованном в газете «Известия», Патриарх Пимен отметил: «Чада Русской Православной Церкви <...> живут в условиях социалистического общества, программа которого, по нашему мнению, действительно высокогуманна и тем близка к христианским идеалам» [12, с. 224]. В интервью к немецкому изданию Н. Кухинке «Бог в России», посвященному 1000-летию Крещения Руси, архиепископ Волоколамский Питирим (Нечаев) по поводу характера церковно-государственных отношений сказал: «Мы, христиане, выполняем свой долг как граждане Советского Союза, а в остальном идем по собственному пути» [15, с. 9].

Международный авторитет Русской Православной Церкви создал предпосылки для изменения отношения к религии и религиозным чувствам верующих со стороны государственных и общественных организаций. В своем выступлении Горбачев на XIX Всесоюзной партконференции в 1988 г. говорил о равноправии граждан СССР и о совместном участии верующих и неверующих в решении задач перестройки, о новых реальностях, где нет

места дискриминации по религиозному признаку [8, с. 41–42]. Собор проходил в исторический момент и создал предпосылки для изменения государственного законодательства в отношении религии – принятия союзного и российского законов о свободе вероисповеданий (1990), наметил главные направления деятельности Церкви на ближайшие годы. Среди них: углубление процесса нормализации государственно-церковных отношений, работа по совершенствованию организационных структур Церкви, развития участия Церкви в решении актуальных проблем современности, в том числе, церковной благотворительности, укрепления всеправославного единства и экуменических связей. Важным результатом взаимодействия и подготовки к проведению собора стало сотрудничество Церкви и государства не только в сфере миротворчества, но и в деле охраны и восстановления культурного наследия страны, в деле нравственного совершенствования общества.

Главным деянием Собора было обсуждение и принятие Устава Русской Православной Церкви взамен устаревшего к тому времени «Положения об управлении Русской Православной Церкви», принятого на Поместном соборе 1945 года. На Соборе Положение с изменениями в части приходского управления, внесенного Архиерейским собором 1961 года, было охарактеризовано как не содержащее в достаточной степени принятых в православии норм, регулирующих систему церковного управления. Внесенные изменения нарушали представления о правах, обязанностях и ответственности, как высшей иерархии, так и рядовых священнослужителей и верующих. Согласно изменениям, внесенным в Положение, финансово-хозяйственная деятельность приходов изымалась из ведения настоятелей храмов и передавалась исполнительному органу прихода. Таким образом, священник отделялся от церковно-приходской жизни и вынужден был наниматься приходом по договору для «исполнения религиозных потребностей». В правовом отношении юридический статус епископата и Патриархии вообще не оговаривался законом – их как бы и не существовало, они не имели никаких законных связей с церковноприходской жизнью. Как отметил в своем выступлении архиепископ Смоленский и Вяземский Кирилл (с 2009 г. Патриарх Московский и всея Руси – прим. автора): «поправки к «Положению», сделанные в 1961 году, были продиктованы не внутренними потребностями Церкви, а той сложной ситуацией, в которой оказалась наша Церковь в конце 50-х начале 60-х годов. «Реформа 1961 года по существу оказалась несостоятельной и обратилась внутренними нестроениями в Церкви» [11, с. 30].

Принятие на юбилейном соборе Устава Русской Православной Церкви стало свидетельством перемен в сфере церковно-государственных от-

ношений, при которых Церковь из состояния выживаемости в условиях атеистического государства целиком восстановила свои канонические структуры и сама установила свою каноническую жизнь. Принятием Устава Церковь получила коллегиальные выборные и представительные органы управления с четким разграничением прав и обязанностей всех звеньев и уровней церковной администрации (со II по VI главы). В части жизнедеятельности Церкви устанавливалась регулярность созыва Поместного собора и ответственность перед ним Патриарха и органов церковного управления. Отныне в Русской Православной Церкви главным основополагающим принципом должен был утверждаться принцип соборности, т.е. управление Церковью осуществляется общим собранием ее членов, созываемых на различных уровнях – в приходе, епархии и в целом, в Патриархии. Коснемся некоторых статей Устава, которых не было в Положении 1945 г. потому, что реформой 1961 г. церковная власть на приходах фактически была уничтожена. По новому Уставу, Епархиальным органом церковной власти и управления является правящий архиерей с епархиальным собранием и епархиальным советом (VII раздел). Председателем Приходского собрания может быть избран настоятель как полноправный член прихода. Напомним, что поправками в Положение 1961 года настоятель был низведен до состояния «наемного лица» у руководителей прихода – двадцатки. В Уставе прописано (раздел VIII, п. 42), что исполнительным органом приходского собрания остается приходской совет, председателем которого может быть выбран настоятель, что является несомненным шагом вперед. Таким образом, собор изменил ситуацию на приходе, в законодательном порядке создав условия для его нормальной жизнедеятельности как важного звена в структуре Церкви, вернув настоятелю прихода его канонические обязанности.

Проблема церковно-государственных отношений прямо или косвенно затрагивалась почти во всех выступлениях на соборе. Улучшение церковно-государственных отношений связывалось в них с развитием демократизации и гласности в стране, высказывались пожелания ускорить перестройку в области церковно-государственных отношений. Для того чтобы осознать присутствующим на соборе делегатам, что надо перестраивать в отношениях между государством и Церковью, Митрополит Киевский и Галицкий Филарет (Денисенко) выступил с ретроспективным докладом «Тысячелетие крещения Руси». Большая часть его доклада была посвящена истории взаимоотношений Советского государства и Церкви. В своем выступлении он произнес то, чего раньше невозможно было публично озвучить церковным иерархам – а именно, что в начале 20-х годов, в период культа личности Сталина, волюнтаристскими действиями Хруще-

ва, в обстановке усиливающейся антирелигиозной пропаганды, происходило массовое закрытие, а часто и разрушение храмов, репрессии священнослужителей. Для времени, когда произносился доклад, в нем была дана смелая оценка периода антагонистических отношений государственной власти по отношению к Церкви. Дальнейшая нормализация отношений между Церковью и государством, по мнению митрополита Филарета, должна идти по пути укрепления конституционных гарантий прав граждан нашей страны. Основную причину, мешающую нормальному течению духовной жизни верующих, он обозначил как создание неоправданных сложностей в решении насущных вопросов церковной жизни в ряде районов страны, и среди них проблемы в регистрации новых общин, особенно там, где отсутствуют храмы. На соборе прозвучала критика в адрес отдельных представителей государственной власти (в том числе, и уполномоченных Совета по делам религий при Совете Министров СССР) по поводу нежелания решать вопросы, по которым к ним обращаются церковные активисты. Складывалась удручающая картина: в 1985 году в Смоленской области в двух городах из шести, и в девяти районах их двадцати пяти церквей вообще не было. Несмотря на многочисленные протесты верующих, было снято с регистрации и закрыто 2 церкви [5, с. 3]. Многими выступающими была высказана настоятельная просьба о предоставлении Церкви права юридического лица и решения вопроса о церковной собственности. Было внесено предложение о создании при Синоде юридической комиссии, которая вела бы в церковных кругах работу по разъяснению законов, предоставляющих вероисповедные права верующим и духовенству, а также осваивала и внедряла то положительное, что предоставляется церковным организациям, что явилось ярким свидетельством выхода Церкви из-под опеки и контроля государства.

На Соборе было канонизировано 9 святых, впервые, за весь советский период, принято решение о расширении издательской деятельности, укрепления материально-хозяйственной базы, создания реставрационных отделов, выявлены проблемы духовного образования и сформулированы предложения об учреждении новых семинарий в Сибири, Поволжье, Западной Украине, учреждении внебогослужебных форм по катехизации и просвещению верующих. Еще недавно эти предложения могли многим показаться немыслимыми в связи с действующим на тот момент постановлением Совета Министров СССР 16 марта 1961 года «Об усилении контроля за выполнением законодательства о культах», которое воспрещало всякую внебогослужебную работу с верующими.

Подводя итоги прошедшего собора необходимо сказать, что его проведение подготовило новое от-

ношение партийного руководства и правительства к проблеме «свободы совести». В рамках проводимой политики демократизации 29 апреля 1988 г. состоялась встреча между М.С. Горбачевым и руководством РПЦ, на которой глава государства проинформировал присутствующих о готовящемся законе о свободе совести, в котором будут отражены, в том числе, и интересы религиозных организаций. Горбачев отметил новую концепцию взаимоотношений государства и Церкви. Он определил их общими интересами укрепления единства народа, с признанием мировоззренческих различий, при котором, верующие – это тоже советские люди, трудящиеся, патриоты, которые имеют право выражать свои убеждения. В ходе беседы он отметил, что у марксистов и верующих есть точки соприкосновения в таких сферах как миротворчество, охрана памятников культуры, нравственное совершенствование общества. Особенно отмечена была уверенность в «торжестве ленинских принципов и новых подходов в отношениях между церковью и государством». Надо полагать, что смысл заявлений о «ленинских принципах» в отношении к Церкви касался, в первую очередь, реализации Декрета СНК от 1918 года об отделении Церкви от государства и государства от Церкви. Выражение наглядно свидетельствовало о новом подходе в церковно-государственных отношениях – о нежелании государства вмешиваться в дела Церкви.

Интерес, связанный с возросшим вниманием к значению христианства в культурно-историческом плане, проявили представители общественности внутри страны. Например, состоялись международные конференции с привлечением представителей Церкви и светских ученых. На конференции только Академия наук была представлена семью исследовательскими институтами. На конференции в Ленинграде в феврале 1988 года участвовали научные сотрудники институтов и библиотек АН СССР, государственных консерваторий и музеев: Третьяковской галереи Калужского областного художественного музея и Кирилло-Белозерского музея-заповедника. Управляющий Смоленской епархией архиепископ Кирилл (Гундяев) предложил уполномоченному по делам религий по Смоленской области провести международную конференцию в Смоленске [5, с. 11]. В июле 1986 года в Киеве состоялась международная конференция, в которой приняли участие представители поместных православных церквей: Константинопольской, Александрийской, Грузинской, Румынской, Болгарской, Польской Чехословацкой, Польской Католической церкви, Союза евангельских церквей в ГДР, Евангельско-лютеранской церкви в Венгрии, Словацкой евангелической церкви, духовных академий, институтов. Богословы из Греции, США, Франции. В церковно-исторических и богословских публикациях делался акцент на

приоритетных отношениях между Церковью и государством в социалистическом обществе, при которых Церковь отделена от государства [2, с. 45]. На одном из заседаний Московской конференции директор Евангелической академии в Тутцинге Клаус Репке сказал: «Если за прошедшее десятилетие не всегда имели место такие тесные контакты между богословами Русской Православной Церкви и научными сотрудниками Советского Союза, а также церквями и наукой Запада, то московская конференция показала, что такие контакты и открытый диалог между представителями науки церковной и светскими учеными Запада и Востока существуют» [1, с. 217].

Благодаря проведению столь знаменательной даты на самом высоком уровне, велась работа над изменением законодательства, которое отразило современное отношение между Церковью и государством. В государственном масштабе были приняты меры по строгому выполнению конституционных положений о свободе совести. Меры коснулись, прежде всего, регистрации религиозных обществ: им было разрешено строить и приобретать необходимые здания, были сняты запреты на воспроизведение церковного колокольного звона, отменено требование предъявления паспортов родителями при крещении детей и т.д. Под влиянием благоприятных обстоятельств только в 1988 г. было зарегистрировано 1610 религиозных объединений (в 1987 г. – 104), из них общин Русской Православной Церкви – 1244 (к началу 1990 г. зарегистрированных общин РПЦ было уже 10130, для сравнения к началу 1988 г. 6915) [1, с. 254]. Новых общин РПЦ в 1988 году зарегистрировано 809, в 1989 году – 2564 [9, с. 62]. Православным верующим было передано 788 пустующих культовых зданий и разрешено строительство 66 новых. Открытие новых храмов породило кадровую проблему, сказалась нехватка священнослужителей, что потребовало учреждения новых учебных духовных заведений, разрешение на жизнедеятельность которых тоже было дано. Проблемы духовного образования затронул в своем докладе на Соборе ректор московской духовной академии, председатель Учебного комитета при Священном Синоде архиепископ Дмитровский Александр (Тимофеев). Как пример печального положения духовного образования в приходах можно сослаться на годовой отчет за 1985 год архиепископа Смоленского и Вяземского Кирилла, который указал процент духовенства без богословского образования в своей епархии – 33,3%, а также большую нехватку регентов-псаломщиков [5, с. 13]. О плачевном состоянии дел с духовным образованием священников и с кандидатами в священство в епархиях приведем свидетельство из отчета епископа Ивановского и Кинешемского Амвросия (Щуров) из епархиального отчета за 1978 год: «...Так как пополнения из чис-

ла кандидатов священства, закончивших духовные школы, не поступало, то приходилось рукополагать лиц, не имеющих духовное образование, а лишь прошедших минимальную подготовку при приходских храмах. Таких рукоположений в 1978 году во священники – 4 и во диаконы – 3. И, тем не менее, два прихода в епархии оставались в конце года незамещенными» [13, с. 285]. После Поместного собора были открыты несколько духовных семинарий, духовных училищ и курсов псаломщиков. В 1988 году в Смоленске открылось первое за советский период Духовное училище, вслед за ним училища в Кишиневе, Чернигове, Ставрополе, Минске, Новосибирске. В 1989 году открылась Киевская, Ставропольская и Тобольская семинарии. В период подготовки к юбилею были переданы Церкви комплекс Свято-Данилова монастыря в Москве (1983 г.), Толгский монастырь в Ярославской области (1987 г.) и Оптиная пустынь (1987 г.) в Калужской области. Всего с 1988 по 1989 г. было передано 29 монастырей. Среди них такие известные, как: Иоанно-Богословский (Рязань), Николо-Важицкий (Новгород), Ново-Галутвинский (Коломна), Иосифо-Волоколамский (Московская область), часть пещер Киево-Печерской Лавры (Киев). В преддверии собора, в 1987 г. за много лет впервые открылся новый приход в Смоленской епархии, и наметилась тенденция к открытию ряда приходов в населенных пунктах области [6, с. 3]. Во Владимирской епархии в 1988 г. число приходов возросло с 51 до 54, в 1989 г. их становится уже 57. В Ивановской епархии в 1989 году было открыто 7 приходов и принято решение об открытии еще двух храмов в областном центре [13, с. 45]. Из музеев были переданы мощи: св. Феодосия Черниговского, блгв. кн. Андрея Боголюбского, прп. Феодосия Тотемского, а также рака с мощами святителя Питирима Тамбовского. В июне 1989 г. в Ленинграде переданы мощи св. блгв. кн. Александра Невского. 16 мая 1988 г. в залах Оружейной палаты состоялся акт передачи Русской Православной Церкви 10 мощевиков с находящимися в них святыми мощами. Стали выстраиваться и налаживаться отношения представителей власти и Церкви. Так, рукоположенный в 1989 году епископ Костромской и Галичский Александр (Могилев) вспоминал: «Помню, с каким удивлением смотрели на меня в коридорах власти, когда я впервые появился перед глазами руководителей города и области с церковными вопросами, просьбами от лица верующих» [7, с. 9]. В с. Бортницы, Родниковского р-на Ивановской области председатель колхоза сам стал инициатором передачи храма епархии [13, с. 122–123]. В д. Фоминское, Костромского р-на председатель колхоза В. Малков хлопотал об открытии в деревне храма и выделил средства на его реставрацию. В июне 1990 года прошли торжества по случаю 1000-летия Крещения Руси в г. Суздале [3, с. 3].

Но не везде гражданская власть учитывала время перемен. Знаменательным событием в 1989 г., прогремевшим на всю страну, стала передача Ивановской епархии Введенского храма г. Иваново. Лишь после объявления верующими голодовки, шумной компании в прессе, в 1990 г. местные власти приняли решение об открытии храма. Проблемы были и в других епархиях РПЦ. Например, в 1990 г. было отказано в регистрации второй религиозной общины в г. Коврове, Владимирской области [3, с. 6]. В Суздале местные власти отказались регистрировать общину РПЦ Московского Патриархата, при наличии прихода Русской Зарубежной Православной Церкви. Архиепископ Псковский и Порховский Владимир (Котляров), выступая на соборе, говорил о проблемах строительства новых храмов, которые наталкиваются на сопротивление местных властей: «Нет, вы нам не портите город, село, район». Он предложил создать архитектурный отдел при Патриархии, который занялся проектировкой новых храмов, выдвигаемых затем на одобрение и согласование властей [10, с. 421–422].

Примером наступивших в отношениях государства и Церкви перемен можно назвать разделение нескольких крупных епархий и образование новых: Тернопольской, Хабаровской, и др. Увеличилось количество архиереев, в том числе и в митрополичьем сане (1988 г. – 74 архиерея, 1990 г. – 92 архиерея). Все перечисленное позволило уже на Архиерейском соборе 1990 г. принять положение об экзархатах. Утверждены Украинский и Белорусский экзархаты, которым было дано право именоваться Украинская Православная Церковь и Белорусская Православная Церковь. Весной 1989 г., во время выборов в Верховный Совет СССР, семь религиозных деятелей были избраны депутатами. Среди них от Русской Православной церкви Святейший Патриарх Пимен, митрополит Ленинградский и Новгородский Алексей (Ридигер), митрополит Волоколамский и Юрьевский Питирим (Нечаев).

Проведение собора имело историческое значение: 1000-летие Крещения Руси сыграло решающую роль в изменении позиции властей и общества по отношению к Церкви. Церковь получила возможность проведения не только полномасштабных торжеств с привлечением представителей религиозных и общественных организаций, но появилась возможность проведения соответствующих мероприятий на местах: на областном и епархиальном уровнях. Проведение собора способствовало поднятию авторитета Церкви в обществе, что благоприятствовало в решении властей к удовлетворению просьб верующих в открытии новых храмов, установлению контактов между государственными органами и епархиями. Произошло изменение государственной политики в отношении Церкви – власть убедилась в невозможности унич-

тожения Церкви и постепенно ослабляла свой контроль над ней. С принятием на соборе Устава РПЦ, который возвращал духовенству право участвовать в административной и финансово-хозяйственной деятельности прихода, существенно активизировалась деятельность духовенства в отношении отстаивания церковной позиции, участия прихода в общественной жизни, социальном служении, с широким привлечением и освящением в СМИ. Уже в 1989 году отдел пропаганды ЦК КПСС перевел свои полномочия по отношению к Церкви в ведение отдела административных органов, таким образом, фактически менялась модель отношений, сформировавшаяся в первые годы советской власти. Получило реальную возможность изменение государственного законодательства в области религии, практические шаги в отношении этого процесса уже стали реализовываться в 1990 г. с принятием закона о свободе вероисповеданий СССР (01.10.1990) и РСФСР (25.10.1990). Церковь постепенно освобождалась от опеки госаппарата и контроля уполномоченных по делам религий, получала самостоятельность в вопросе собственности, кадровой политики, духовного образования и просвещения, налаживания контактов и сотрудничества с государственными и общественными организациями.

Вместе с тем, Собор проводился во время, когда Церковь еще жила по дискриминационному постановлению ВЦИК и СНК «О религиозных объединениях» 1929 года. Внесенные к 1988 году изменения и дополнения в постановление 1929 года также не давали Церкви возможности осуществления полноценного служения в государстве и обществе. Степень зависимости от государства, бесправное положение (без юридического лица), все еще ожидало своего разрешения в будущем.

Собор 1988 года своим историческим значением положил основу возрождению Церкви, стал мощным стимулом в осуществлении права Церкви на независимое существование в государстве, к развитию отношений взаимного сотрудничества с государством и обществом, внутрицерковной жизни: духовной, образовательной, социальной, культурной.

Библиографический список

1. Бессонов М.Н. Православие в наши дни. – М.: Политиздат. 1990. – 303 с.
2. Бувельский А.С. Церковная реформа Петра I // Журнал Московской Патриархии. – 1985. – № 11. – С. 91–105.
3. Государственный архив Владимирской области. (ГАВО) Ф. р-632. Оп. 8. Д. 9. Л. 8.
4. ГАВО. Ф. р-632. Оп. 8. Д. 10. Л. 6.
5. Государственный архив Смоленской области (ГАСО). Ф. 985. Оп. 2. Д. 74.
6. ГАСО. Ф. 985. Оп. 2. Д. 76.
7. Интервью Архиепископа Костромского и Галичского Александра // Благовест. – 1999. – № 7(49). – С. 9.
8. Материалы XIX Всесоюзной конференции Коммунистической партии Советского Союза. 28 июня – 1 июля 1988 г. Стенографический отчет. – М., 1988. – 352 с.
9. Одинцов М.И. Пимен (Извеков) — последний «советский» патриарх // Отечественные архивы. – 1995. – № 1. – С. 27–66.
10. Одинцов М.И. Путь длиною в семь десятилетий: от конфронтации к сотрудничеству (государственно-церковные отношения в истории советского общества) // На пути к свободе совести. – М.: Прогресс, 1989. – С. 29–71.
11. Поместный Собор Русской Православной Церкви. Свято-Троице-Сергиева Лавра, 6–9 июня 1988. Материалы. Книга 1. – Московская Патриархия, 1990. – 480 с.
12. Тысячелетие. Беседа с Патриархом московским и всея Руси Пименом [интервью для газеты «Известия»] (9.04.1988). Русская Православная Церковь в советское время. / сост. Г. Штриккер. – М.: «Пропилеи», 1995. – Кн. 2. – 224 с.
13. Федотов А.А. Ивановская епархия Русской Православной Церкви. – Иваново, 2010. – 340 с.
14. The Courier. Thousandth anniversary. The Christianization of Kievan Russia. – Paris, 1988. – №6. June. – 38s.
15. Kuchinke N. Gott in Russland. – Draunschweig. Westermann. – 128 s.

ЭВОЛЮЦИЯ ВЗАИМООТНОШЕНИЙ ГОСУДАРСТВА И РУССКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ЦЕРКВИ В ПОСТСОВЕТСКОЙ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ БИНАРНОЙ ОППОЗИЦИИ «ВЫЗОВ-ОТВЕТ»*

В статье анализируется механизм влияния бинарной оппозиции «вызов-ответ» на специфику трансформации государственно-церковного взаимодействия в постсоветской России.

Ключевые слова: Церковь, государство, бинарная оппозиция, цивилизация, идентичность, христианство.

А. Тойнби в своем фундаментальном труде «Постижение истории» [8] предложил концепцию появления и развития цивилизации. Как полагал историк, цивилизации встречаются с вызовом и вынуждены на него отвечать, что является стимулом для их развития. Он выделил три разновидности «вызовов»: природные условия, агрессии и нападения иноплеменников, кризис и разложение умирающих цивилизаций, развал которых является стимулом для борьбы с ними и появления новых цивилизаций. На наш взгляд, указанный механизм можно распространить и на культурные аспекты. Вызовы внешних глобалитетов, «инаковых» культур приводят к культурной интеграции и мобилизации цивилизации, вследствие чего она вырабатывает систему противодействия «чужой» социокультурной реальности. Эта ситуация стимулирует осознание идентификационных императивов, использование традиционных для цивилизации символов, ритуалов, механизмов организации жизни, которые усиливают интеграцию общества. Начинается процесс столкновения цивилизаций, о котором говорил С.Ф. Хантингтон [9]. В этом противостоянии преимущество имеет наиболее сильная и перспективная культура. Однако, если интеграционные основы и система ценностей цивилизации, столкнувшейся с вызовом сильны, она устоит и возможно начнется новый виток ее развития.

В процессе своего культурно-исторического развития Русь / Россия сталкивалась с различными угрозами, которые способствовали развитию русской цивилизации: экспансия католичества, нашествие кочевников, монголо-татарское иго, влияние протестантских учений, имперские агрессии западных держав и другие проявления вызовов других цивилизаций. Важно отметить, что все столкновения воспринимались как перспектива потери своей идентичности, что приводило к трансформации национально-идеологических и социальных механизмов бытия. Появлялись заимствованные формы организации жизни, например механизмы имперскости, протестантская модель религиозной политики, но цивилизация сохраняла своё единство. На рубеже 80–90-ых годов XX века Россия

столкнулась с новым «вызовом» – парадигмой глобализации.

Механизм культурного «вызова – ответа» воспроизводил режим мобилизационной активности, который, прежде всего, обнаруживается в культуре, что в свою очередь определяет трансформацию политической и социальной сферы, в частности основ государственно-церковных отношений. Эта особенность существования цивилизации является главным фактором актуализации паттернов, о которых пойдет речь ниже. Важно определить не только значимость этого механизма, но и специфику влияния актуализировавшихся паттернов на процесс трансформации взаимодействия государства и Церкви, а также на особенности социокультурной деятельности РПЦ.

С начала 1997 года начинается этап, который можно назвать временем дальнейшего усиления кооперационной модели взаимодействия государства и Церкви. С правовой точки зрения, приоритет Русской Православной Церкви в сравнении с другими конфессиями не был закреплён. Однако де-факто социокультурная доминанта значимости РПЦ для стабильности не только социальной, но и политической определяла её особый статус, что отражалось в целом стремление общества к осознанию своей коллективной идентичности.

К концу 1990-х годов число нормативных документов, затрагивающих религиозную сферу, составило более ста законов и подзаконных актов. Было подписано множество соглашений о сотрудничестве между властью и Церковью как на региональном (главами епархий и субъектов Российской Федерации), так и на федеральном уровне (чиновниками высшего ранга и Патриархией).

Сформировавшаяся система устраивала Церковь, более того, в усилении правового сближения РПЦ не видела необходимости, так как её социокультурная детальность расширяла свои масштабы, создавались новые отделы и ведомства Патриархии, увеличивалось количество епархий (в 1991 году – 93, в 2011 – 204 (164 – на территории России)), рос в численном плане функциональный аппарат Церкви (1991 год – 10 тыс. священников, в

* Статья подготовлена в рамках выполнения НИР по государственному заданию Министерства образования и науки России (№ 2014/409), при поддержке Российского гуманитарного научного фонда (грант 12-03-00137).

2011 – 29324) [3, с. 11], что свидетельствовало о её институциональном укреплении. Все эти обстоятельства позволили Патриарху Алексию II сказать в начале XXI века о том, что «государственно-церковные отношения близки к идеальным».

Однако к началу XXI века осознание необходимости появления нового законодательства, которое бы регламентировало взаимоотношения государства с традиционными конфессиями, становится актуальной интенцией, поддерживаемой и представителями власти, и церковнослужителями. Начинается процесс выработки новой концепции государственно-церковных отношений, которая бы вводила в юридическое поле новый термин «традиционная религия», прописала бы сферы сотрудничества и определяла границы взаимодействия Церкви и государства. Такие тенденции свидетельствовали о поиске интеграционных императивов властью, которой требовалась цивилизационная составляющая единства общества в силу усиливающихся национально-державных императивов. Нужно отметить, что властные инициативы выражались на уровне озвучивания перспектив и возможности такой концепции. В общество вбрасывался посыл о необходимости осознания таких перемен, и подобные идеи были подхвачены общественностью, что выразилось в контекстных предложениях и в разработанных концепциях, которые уже в начале XXI века были подготовлены для дальнейшего их законодательного оформления.

В 2001 году кафедра религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте РФ подготовила проект новой вероисповедной концепции [3], также свою концепцию представил для обсуждения и Институт государственно-конфессиональных отношений и права, подготовивший документ в сотрудничестве с Главным управлением Министерства юстиции РФ по г. Москве.

Оба проекта подчеркивали ориентацию на международные нормы права, провозглашали принцип светскости государства. Новшеством было усиленное внимание к противодействию сектам, введение понятия «традиционные религиозные организации», которые должны иметь приоритетное сотрудничество с государством. Более того, РАГС предлагал создание единого государственно-координирующего религиозную сферу, что отчетливо демонстрировало государственную инициативу в этом вопросе.

Историко-правовая комиссия РПЦ во главе с митрополитом Воронежским и Липецким Мефодием поддержала концепцию Института государственно-конфессиональных отношений и права: «В представленном проекте Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями в РФ содержатся положения, способствующие позитивному развитию государ-

ственно-конфессиональных отношений в России и отвечающие интересам Русской Православной Церкви» [2].

Проекты о традиционных религиях вносились на рассмотрение в Государственную Думу депутатами в частном порядке (2002 год – А.В. Чуев). Широкое обсуждение получила Концепция вероисповедной политики России И. Куницына [8]. Тенденция к появлению нового законодательства развивалась вплоть до 2014 года. Показательно обсуждение возможности внесения поправок в Конституцию о признании православия ведущей религии на федеральных каналах. Сформировался дискурс обсуждения данной возможности в обществе. Стоит заметить, что большинство участников ток-шоу (более 60%) высказывалось за включение в Конституцию статьи о ведущей роли РПЦ (см., например, выпуск программы «Поединок» с Владимиром Соловьевым от 28.11.2013).

В связи с этим заслуживает внимание факт предложения главы комитета Государственной Думы РФ по вопросам семьи, женщин и детей Елены Мизулиной (21 ноября 2013 года): внести в преамбулу Конституции положение об особой роли православия – как основы российской цивилизации. Елена Мизулина подчеркивала тот факт, что это предложение – результат всероссийской инициативы, под которой подписались более 900 тыс. россиян. Примечательно, что эту инициативу поддержала межфракционная группа депутатов. Предложение не касалось введения государственной религии. Изменение Конституции объяснялось тем, что внесение поправки подчеркнет особую роль православия в цивилизационном развитии России, что будет способствовать формированию коллективной идентичности российского общества. Более того, в регионах, где были сильны традиции других религий, предлагалось подчеркнуть их особую роль на законодательном уровне. Данная поправка не нарушала принцип светскости государства и не давала правовых преимуществ Русской Православной Церкви.

Итоговым мероприятием, способствовавшим оформлению данного предложения, стала масштабная конференция (участвовала и Елена Мизулина) «Триумф и крушение империи: уроки истории», прошедшая 10 ноября 2013 года. На конференции выступили с докладами Министр культуры РФ В.Р. Мединский, Председатель Государственной Думы РФ С.Е. Нарышкин, ответственный секретарь Патриаршего совета по культуре архимандрит Тихон (Шевкунов), Президент Российского Фонда культуры Н.С. Михалков, депутаты Государственной Думы, известные историки и политологи. Конференция подготовило обращение в адрес президента Владимира Путина, председателя Совета Федерации Валентины Матвиенко и председателя Госдумы Сергея Нарышкина, членов

обеих палат федерального парламента, депутатов законодательных собраний субъектов РФ. Под документом подписались известные ученые и общественные деятели: председатель межрегиональной общественной организации «Романовский юбилей» Константин Малофеев, директор Российского института стратегических исследований Леонид Решетников, профессор кафедры конституционного права МГИМО Максим Исаев, заместитель директора Российского института стратегических исследований Михаил Смолин [5]. В обращении указывалось на существование особого статуса традиционных религий во многих государствах, включая страны Европы, а также отмечалось, что «конституционное закрепление духовного суверенитета позволит нашей стране сохранить национальную идентичность, государственную независимость и уберезет от новых потрясений. Без этого шага никакие экономические успехи не гарантируют нашей Родине спокойствия и процветания. Пример крушения Российской Империи в 1917 году с беспощадной ясностью демонстрирует, что при духовном кризисе инвестиционный климат не поможет» [5].

На сайте «Православная инициатива» был организован сбор подписей. На 30.01.2014 года число поддерживающих эту инициативу составляло 942721 человек [5], что составляло более 90% проголосовавших. Нужно отметить, что актуализировало эту тенденцию празднование 1025-летия принятия христианства, а также послы президента России Владимира Путина о роли православия и необходимости укрепления цивилизационных основ России, без осознания которых невозможно дальнейшее развитие. Речь Путина на заседании Валдайского клуба 19 сентября 2013 года [1] имела важное значение для осознания и конкретизации обществом своих цивилизационных императивов. Она актуализировала общественное движение в сторону принятия корректных шагов к официальному закреплению осознаваемых социумом паттернов, требующих дальнейшего укрепления. На это обращают внимание и составители обращения: «Президент В.В. Путин, выступая недавно на заседании Валдайского клуба, отметил: "...Стремление к самостоятельности, к духовному, идеологическому... суверенитету – неотъемлемая часть нашего национального характера". Православие – это национальная идея России, ее особый цивилизационный код, сущность ее духовного суверенитета. Православие – это основа русской идентичности. Россия не состоялась бы как тысячелетняя цивилизация без Крещения святым князем Владимиром русского народа 1025 лет назад» [1].

Очевидным становится усиление процесса цивилизационной идентичности россиян, которые связывают интегральные императивы общества с православием. Инициативу поддержали Илья

Глазунов – народный художник СССР, Наталия Нарочницкая – директор фонда исторических перспектив, Борис Межуев – философ и политолог, Алексей Баталов – народный артист СССР, Алексей Гришин – член общественной палаты, тележурналист Михаил Леонтьев и другие известные общественные и государственные деятели.

Итак, социокультурный и политический дискурс государственно-церковных отношений развивался в сторону осознания важности православия в культурно-историческом процессе, что отразилось не только на властных инициативах сближения с Церковью, в тенденции разработки нового законодательства, но и в стремлении значительной части общества к выработке интегральной системы ценностей, в основе которой находилось православная традиция.

Важным событием для понимания специфики трансформации государственно-церковных отношений в контексте цивилизационных основ является принятие социальной концепции Русской Православной Церкви. Она значима не только как документ, представляющий концептуальные основы социальной деятельности РПЦ, но и как источник, позволяющий провести научный анализ для понимания цивилизационных паттернов, которые лежат в основе сформулированных принципов. Статьи концепции – это результат осмысления всей истории государственно-церковных отношений, в котором связано прошлое настоящее и будущее Церкви. Официальный документ РПЦ позволяет в исторической ретроспективе через призму оценки современности выделить и проанализировать значимость социокультурных механизмов, определяющих специфику государственно-церковного взаимодействия в истории России.

Организация процесса подготовки социальной концепции была поручена отделу внешних церковных сношений (с 2000 года – отдел внешних церковных связей) и конкретно митрополиту Кириллу (с 2009 года – патриарх). Процесс разработки концепции начался в 1994 году, была создана рабочая группа, которая вела постоянную работу над статьями документа.

В 2000 г. Архиерейский Собор принял документ – «Основы социальной концепции Русской Православной Церкви». Митрополит Смоленский и Калининградский Кирилл, отметил: «...Мы поняли: в условиях колоссальных исторических перемен, которые произошли в нашем обществе, да и в мире в целом в конце второго тысячелетия, мы не можем ограничиваться отдельными заявлениями по злободневным вопросам. Необходима долгосрочная программа общественного служения Церкви, опирающаяся на православное богословское осмысление положения Церкви в плюралистическом секулярном обществе. Общество, к которому принадлежит большинство нашей Церкви,

не определяется более идеологией государственно-го атеизма, как в предшествовавшие десятилетия, но отнюдь не является и однородно православным, как это было на протяжении долгих веков – большей части второго тысячелетия» [6, с. 5]. Появление концепции стало своеобразным ответом вызовам времени, главным из которых стал секуляризм, порожденный глобализационной парадигмой.

В «Основах социальной концепции» Церковь определяла главный принцип общения с государством, который был принят предшествующими Соборами – независимость от политических властных структур, государственного строя и какой-либо идеологии. Идеальной формой взаимодействия провозглашалась византийская «симфония», при которой государство и Церковь не вмешиваются в дела друг друга, однако являются партнерами в деле духовно-нравственного совершенствования и спасения людей. Принцип «кесарю – кесарево, а Божие – Богу» становится главным принципом, согласно которому государство является властью светской, которая заботится о материальном благополучии общества и помогает Церкви в социокультурной деятельности властными и мирскими средствами, а Церковь – власть духовная в силу своей Божественной природы. «Государство как необходимый элемент жизни в испорченном греховном мире, где личность и общество нуждаются в ограждении от опасных проявлений греха, благословляется Богом... Священное Писание призывает власть имущих использовать силу государства для ограничения зла и поддержания добра, в чем и видится нравственный смысл существования государства» [7, с. 48]. А потому «Церковь не только предписывает своим чадам повиноваться государственной власти, независимо от убеждений и вероисповедания ее носителей, но и молиться за нее, дабы проводить нам жизнь тихую и безмятежную во всяком благочестии и чистоте» [7, с. 48].

Какое же значение имеют «Основы» для понимания трансформации цивилизационных основ государственно-церковных отношений? Отвечая на этот вопрос, необходимо, прежде всего, отметить, что этот важный для Церкви документ появился в период, когда вероисповедная политика государства обрела свои очертания. Можно отметить тот факт, что ее формирование шло одновременно со становлением социальной концепции Церкви, что указывает на взаимосвязь этих двух процессов и общие факторы, определившие специфику их появления. В логике развития государственно-церковных отношений и вероисповедной политики мы обнаруживаем цивилизационные императивы, характерные для историко-культурного процесса России. В начале 90-х годов XX века, несмотря на принцип отделения Церкви от государства, эти два института действовали в тесном сотрудничестве. Церковь влияла на становление вероисповедной

политики, поддерживала и корректировала курс на новое законодательство, актуализировала свою значимость в обществе, использовала механизм социальной легитимизации в условиях усиления коллективной идентичности. Понимая свой статус и роль в обществе, осознавая процесс сближения с властью, РПЦ формулировала и обосновывала концептуальные принципы отношения к государству, которые конкретизировались в социальной концепции. Базовые постулаты «Основ» – это выверенный документ, который учитывал все изменения в обществе, политическую конъюнктуру, готовность государства к сотрудничеству, степень зависимости власти от церковной поддержки и, конечно же, угрозы внешних глобалистов, в качестве которых выступала глобализационная парадигма.

Глобализационные процессы стали определяющим фактором, актуализировавшим бинарную оппозицию «вызов-ответ», который привел к актуализации цивилизационных императивов. Массовое распространение новых религиозных движений, ценностный вакуум, культурный релятивизм, массовая вестернизация, пропагандистская компания либеральной элиты и СМИ вызывали в обществе стремление к противостоянию чужой культуре через осознание своих цивилизационных основ. На политическом уровне это выразилось в стремлении власти и национально-ориентированной элиты к поиску духовных основ проводимой политики, что особенно проявилось к началу XXI века. Можно отметить, что данная тенденция стала осознаваемой и озвучивалась как представителями интеллектуальной части общества, так и представителями власти.

В такой ситуации Церковь объявляет о своих приоритетных основах в сфере взаимодействия с государством, которые находят подтверждения в логике развития властных инициатив в религиозной сфере. Таким образом, формирование вероисповедной политики и процесс формирования Церковью своей социальной концепции – это два взаимосвязанных явления. Церковь участвует в процессе становления вероисповедной политики через легитимизацию власти и продвижение нужных законов, а государственные инициативы оказывают влияние на процесс конкретизации и обоснования постулатов основ. Церковь и государство неформально действуют как два взаимозависимых института, что само по себе является свидетельством проявления цивилизационных начал, так как РПЦ и власть никогда не были изолированы друг от друга даже в условиях атеистического периода. В историко-культурном процессе России происходила трансформация моделей взаимодействия от равноправного партнерства («симфония») до крайних форм византизма и цезаропапизма. Но Церковь всегда была связана с государством. Эти цивилизационные особенности проявились в про-

цессе трансформирующейся модели государственно-церковных отношений постсоветской России.

Библиографический список

1. Выступление Владимира Путина на заседании клуба «Валдай». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/09/19/stenogramma-site.html>.
2. Историко-правовая Комиссия Русской православной церкви поддерживает проект Концепции государственной политики в сфере отношений с религиозными объединениями. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.state-religion.ru.
3. Концептуальные основы государственно-церковных отношений в Российской Федерации (проект) / разработан кафедрой религиоведения Российской академии государственной службы при Президенте Российской Федерации. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.state-religion.ru.
4. Освященный Архиерейский Собор Русской Православной Церкви состоялся 2-го февраля в Москве // Журнал Московской патриархии. – 2011. – № 3.
5. Обращение к Президенту России В.В. Путину, Председателю Совета Федерации В.И. Мат-

виенко и Председателю Государственной Думы С.Е. Нарышкину, членам Совета Федерации и депутатам Государственной Думы, депутатам законодательных собраний субъектов Российской Федерации. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://xn--80aaaaibc6caab5a4acjosw4a5f6j.xn--p1ai/>

6. Об основах социальной концепции Русской православной церкви: доклад митрополита Смоленского и Калининградского Кирилла, Председателя отдела внешних церковных сношений Московского Патриархата // Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М.: Изд-во Московской Патриархии, 2000. – 158 с.

7. Основы социальной концепции Русской православной церкви. – М.: Изд-во Московской Патриархии, – 2000. – 158 с.

8. Проект Концепции вероисповедной политики России / автор – к.ю.н. И. Куницын, вариант от февраля 2004 г. – [Электронный ресурс] – Режим доступа: www.state-religion.ru.

9. Тойнби А.Дж. Постигание истории. – М.: Айрис-Пресс, 2010. – 640 с.

10. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций. – М.: ООО «Издательство АСТ», 2003. – 603 с.

УДК 94(5) "1918/..."

Белова Наталья Андреевна

кандидат исторических наук
Институт этнологии и антропологии РАН (г. Москва)
belovanatalia2009@yandex.ru

ТРАНСФОРМАЦИЯ СВАДЕБНЫХ ТРАДИЦИЙ И ОБЫЧАЕВ В ТУРКМЕНИСТАНЕ¹

Статья посвящена свадебным традициям и обычаям сегодняшнего Туркменистана. Свадьба отмечается в течение трех дней. Первый день носит название «yalan chelpek». В этот день происходит помолвка и назначается день свадьбы. Второй день называется «chin chelpek», нечто вроде девичника: родственники невесты отмечают свадьбу. В последний день, «gelen alji toý», родственники жениха отмечают свадьбу и, наконец, невеста переходит в дом жениха.

Ключевые слова: свадебные традиции, обычаи, помолвка, трехдневный праздник: yalan-chelpek, chin-chelpek, gelen-alji-toý.

В сентябре 2012 г., в рамках Соглашения о сотрудничестве между Институтом этнологии и антропологии РАН и Министерством культуры Туркменистана, автор участвовала в работе Маргианской археологической экспедиции. Основное внимание Л.Т. Соловьевой и Н.А. Беловой во время полевого выезда в Туркменистан было уделено исследованию декоративно-прикладного искусства в современном туркменском обществе, его сопоставлению с прекрасными образцами такового, обнаруженных в результате археологических раскопок экспедиции под руководством В.И. Сарияниди на памятниках в древней дельте р. Мургаб [16; 9 и др.]. Параллельно с этой основной работой представилась возможность собрать интересный материал, характеризующий современную систему питания семьи и семейную обрядность (детская, свадебная, похоронно-поминальная), традиции имя наречения. Работа прохо-

дила как среди сельского населения, так и среди горожан – выходцев из этих сел в Марыйском велаяте (городах Байрамали, Шатлык, Мары, поселке Яхтыюл Каракумского этрапа, пос. Сакар-Чага, колхозе Свердлов, колхозе Калинин Байрамалийского этрапа). Основной метод работы – беседы с местным населением, как правило, с помощью переводчика. Беседы проводились с мужчинами и женщинами разного возраста и разного социального статуса. При интервьюировании был использован авторский вопросник, составленный в сентябре 2012 г.

Изучение туркменской семьи можно разделить на три периода: дореволюционный, советский и современный (после распада Советского Союза Туркменистан приобрел независимость, что дает нам право выделить этот период как самостоятельный). В Российской империи туркменская семья, в том числе вопросы брака, специально не

изучалась. Имеются лишь отрывочные сведения в отчетах и дневниках русских и европейских путешественников, в работах чиновников царской администрации, офицеров, инженеров, топографов, любителей-краеведов, а также геологов и других исследователей.

В опубликованных в советский период научных трудах вопросы туркменской семьи и брачно-семейных отношений специально не рассматривались, за исключением лишь отдельных работ [12, с. 22; 14, с. 100–133; и др.].

Характерная особенность первых лет советской этнографической науки – то, что изучением культуры и быта туркменского народа занимались главным образом ученые-этнографы Москвы, Ленинграда и Ташкента. При этом задача этнографов на данном этапе вытекала из общей задачи советской власти – борьба за преобразование быта и культуры населения, внедрение социалистических знаний и взглядов в повседневную жизнь граждан [2, с. 80–91; 3, т. 17, №1, с. 61–65]. За годы советской власти и двадцатилетие независимости Туркменистана большие социально-экономические и культурно-бытовые преобразования, произошедшие в республике, не могли не отразиться на семейном быту туркменского народа, в том числе на его свадебной обрядности, обычаях и ритуалах.

Изучение традиционной обрядности разных групп туркмен представлена в ряде работ советских этнографов: Я.Р. Винникова, Г.П. Васильевой, Дж. Овезова, А. Джикиева, К. Овезбердыева, Р. Бабаджанова и др. [6, с. 62–75; 4, т. 21, с. 82–215; 5, с. 391; 12, с. 122; 1, с. 50–64]. Вместе с тем необходимо отметить, что исследование свадебной и семейной обрядности было недостаточным. Публикации по этим вопросам почти отсутствуют, за исключением отдельных работ К. Овезбердыева, Я.Р. Винникова, Г.П. Васильевой и др. [12, с. 121; 5, с. 251–307; 11, с. 149–151].

Если говорить относительно последнего периода современного Туркменистана, то в российской науке его изучение заканчивается 1980-ми годами. В статье мы попытаемся отразить основные стороны свадебной обрядности, затрагивающей важную сторону повседневности туркмен.

Как нам удалось выяснить, свадьба (гелин той) в Туркменистане, как и прежде, – один из популярных массовых веселых семейных праздников. Вместе с тем необходимо отметить, что происходит стирание некоторых локальных особенностей традиционных свадебных обрядов у различных групп туркмен и формирование на их основе единой для всего туркменского населения свадебной обрядности. Сейчас туркменская свадьба по церемониалу мало чем отличается в Ашхабаде, Мары, Красноводске и др. Некоторые из обрядов либо ушли в прошлое, либо приняли новое содержание. В сравнении с советским периодом происхо-

дит постепенное возвращение некоторых обрядов и ритуалов, которые были признаны партийными организациями «вредными пережитками прошлого» [11, с. 150], которые мы постараемся рассмотреть дальше в статье.

В прошлом выбор жениха и невесты был исключительно делом их родителей, а сами брачующиеся были в этом совершенно бесправными. Теперь жених и невеста являются хозяевами своей судьбы, выбирая для себя подходящую пару, однако только с одобрения родителей. Во многих случаях на практике родительское благословение носит лишь формальный характер, потому что они желают счастья своим детям. Новое явление в повседневности Туркменистана – знакомство через Интернет. Молодые девушки и юноши регистрируются в социальных сетях: «Одноклассниках», «В контакте», «mail.ru agent» или «icq» – с целью найти новых друзей или свою вторую половинку. Приведу ряд примеров. Так, женщина (45 лет, Ашхабад) говорит: «Мой сын познакомился со своей женой в «Одноклассниках», они долго переписывались. Он ездил несколько раз в Мары (девушка жила в другом городе) и только после этого признался мне, что хотел бы жениться и даже нашел уже девушку» [15]. Можно говорить о том, что в подавляющем большинстве случаев молодые люди сегодня вступают в брак по взаимному согласию. Иногда, правда, встречаются редкие попытки родителей или родственников поспособствовать в выборе невесты или жениха, но выглядит это исключительно как совет от родственников, например: «присмотрись к моей соседке, хорошая девушка», «моя подруга из хорошей семьи» и т.д. [15]. Вместе с тем окончательное решение молодых является решающим, родители не считают себя вправе настаивать на свадьбе.

Сватовство. В Туркменистане, по традиции, браки в подавляющем большинстве заключаются путем сватовства (гудачылык), то есть сговора родителей брачующихся (гуда болмак). Процедура сватовства мало чем отличается от традиционной, описанной достаточно подробно в этнографической литературе [6, с. 70; 4, с. 82–215; 5, с. 194–195]. Исключение составляют лишь некоторые изменения в деталях сватовства. Так, если в прошлом сватами (савчы) были в основном мужчины (обычно отец жениха, брат его отца, старший брат и др.) [13, с. 151–171], то теперь сватать невесту отправляются вначале женщины (мать жениха, его сестра, старшая сестра и др.). В первый свой визит они могут только «приглядываться» к будущей невестке, скрывая истинную цель. Повторный, более официальный, визит совершается только после того, как были обсуждены все детали с мужем (отцом жениха), причем вопрос к матери невесты не задается напрямую, а только «полунамекami». Делается это во избежание конфликта в случае от-

каза выдать замуж невесту. Обычно мать первым делом спрашивает дочь о ее согласии выйти замуж. Если она получает отрицательный ответ, то также «полунамеками» отказывает сватам, говоря, например: «Дочь слишком еще молода, ей надо закончить университет, поработать и встать на ноги». Если же невеста согласна, то сватам ничего не говорят определенного, а мать должна будет обсудить все с мужем. Только в случае положительного ответа отца невесты сватам опять полунамеками говорят о своем согласии. После этого уже назначается официальный визит близкой родни жениха в дом невесты, где обсуждаются подарки, размер калыма и др.

Современная туркменская свадьба празднуется три дня:

ялан-чельпек – помолвка, окончательное подтверждение свадьбы, выплата калыма и преподнесение подарков невесте;

чин-чельпек – свадьба в доме невесты, или так называемый «девичник»;

гелен-алджи-той – третий день свадебного торжества, или «мальчишник», когда невесту увозят в дом жениха.

Первый официальный визит родни жениха в дом невесты считается началом свадьбы – «**ялан-чельпек**». В этот день родня жениха дарит подарки, выплачивает калым, а жених преподносит золотые украшения невесте. Размер калыма зависит от многих факторов. Сейчас средний калым составляет 4–7 тыс. долларов США. Кроме денег он включает обязательный подарок невесте «ювелирного комплекта», состоящего, как правило, не менее чем из пяти предметов: цепочки, кулона, сережек, кольца и браслета. Калым потерял сейчас свое традиционное понимание, потому что денежная сумма, которую жених выплачивает за невесту, возвращается в их семью в виде новой мебели (спальня молодых обставляется новым гарнитуром), оплаты ремонта и др. Частично средства идут и на обновление всего дома, покупку новой бытовой техники (телевизор, компьютер, стиральная машинка, холодильник). Таким образом, калым – это деньги, которые возвращаются обратно в дом жениха, но уже в материальном виде. Невеста также должна подготовить подарки для будущей родни. Обязательно покупается полный комплект одежды для жениха, как праздничной, так и повседневной, включая обувь и рубашки. Для свекрови и свекра также подготавливаются ценные подарки.

Ялан-чельпек может происходить за 2–3 месяца до свадьбы, именно поэтому некоторые сейчас не считают его традиционным праздничным днем. Однако по случаю сватовства и уплаты калыма режется баран и готовится праздничное угощение.

Новым явлением туркменской свадьбы является то, что праздничное угощение устраивается в специальных ресторанах «Той-Меканы», рассчитанных на 500 и более персон. Интересным явля-

ется то, что за два дня фактического празднования на свадьбе успевает побывать более 2 тыс. человек, как близких, так и дальних родственников, включая друзей родных, их покровителей и просто знакомых семьи.

На второй день свадьбы, или **чин-чельпек**, празднуется так называемый *девичник*, когда уже выплачен калым и подарены атгулаки². Устраивается праздник, как правило, в «Той-Меканы», столовых или кафе. На «девичнике» гуляют родня невесты, а также ее друзья, со стороны жениха приглашаются только самые близкие родственники – не более 20–30 человек. Столы сервируются как национальными (плов, суп-чорба с картофелем и помидорами, пешме – национальная выпечка), так и европейскими закусками (салаты оливье, цезарь, греческий и др.). Из напитков присутствуют соки, газированные напитки, вода и чай. Алкогольные напитки не выставляются на стол и употребляются исключительно некоторыми мужчинами. По мусульманской традиции мужчины садятся отдельно от женщин, именно поэтому зал ресторана условно можно поделить на две равные части, вместе с тем в Ашхабаде и Мары это правило нередко нарушается: и женщины и мужчины сидят за столами вместе. Влияние европейских свадебных традиций прослеживается прежде всего в наряде невесты. Ее свадебное платье в этот день, как правило, белое и пышное, с фатой. Плечи часто открыты. Кроме того, молодожены сидят вдвоем отдельно от всех гостей, на возвышении. Эти примеры являются новым явлением для туркменской свадьбы. За два дня фактического празднования свадьбы невеста меняет платья несколько раз: на чин-чельпеке – белое платье; на третий день свадьбы, или гелен-алджи-той, невеста за день одевает два наряда: утром – национальный костюм, вечером – белое платье, сшитое в традиционном стиле и украшенное серебряными изделиями с сердоликом, на голову невеста одевает губпу³, украшенную фатой.

На такие большие праздники теперь обязательно приглашают тамаду, причем развлекательная команда состоит из 5–7 человек: танцоров, певцов, ди-джея и ведущего. Во время торжества молодожены танцуют свой первый танец не под национальную музыку, а современную – российскую или европейскую, часто танцуют вальс. Во время торжества в «Той-Меканы» устраиваются шуточные конкурсы европейского характера: кто быстрее займет стул или возьмет тарелку, пантомима, ручеек и прочее, а также танцы и поздравления, что является совершенно новым явлением в семейном быту туркменского населения. Эти обычаи зародились в 1990-х годах и наибольшее распространение получили в 2000-е годы [15].

«Гелен-алджи-той» – третий день свадьбы. В этот день свадьба наиболее традиционна как

в праздновании, так и в нарядах. Невеста с утра наряжается в национальный костюм, который украшен различными серебряными изделиями с сердоликом. В настоящее время украшения чаще всего берутся в аренду и сделаны из меди, что значительно легче изделий из серебра, таким образом облегчают наряд невесты на 20 кг. В сумме наряд может весить до 60 кг (гуляка, пояс, броши, браслеты, на голову обязательно одевается куппа/губпа), на ногах у невесты резиновые галоши с бубенчиками, а на голову накидывается гелен-куртэ⁴ [15]. Традиционный костюм туркменки нельзя представить без ювелирных украшений, служивших некогда своего рода амулетами, оберегавшими от болезней и бесплодия [18].

На третий день, когда невесту забирают в дом к жениху, снаряжается свадебный поезд, который в среднем состоит из 5–7 машин. Вместе с тем богатые семьи, стремясь выделиться из окружающих, в последнее время стали забирать невесту из родительского дома, как и десятилетия назад, – не на машине, а на верблюде. В отличие от прошлых лет, когда на спине верблюда в специальном сидении находилась одна невеста, теперь жених и невеста едут вместе. В большинстве случаев молодую забирает старшая в доме невестка и жених из родительского дома на машине, которая украшается бантами, лентами, травой юзерлык (считается, что она может защитить молодых от сглаза). Иногда делается специальное украшение для машины в национальном стиле (серебряные и позолоченные украшения с сердоликом или цветным стеклом, украшенные ниточками из шерсти верблюда).

Хотелось бы отметить и тот факт, что национальные традиции тесно переплетаются с традициями общеевропейскими. Так, помимо национальной атрибутики, на крышу машины очень часто в наши дни ставятся обручальные кольца или фигурки голубей. Машины, сопровождающие ту, в которой едут молодожены, украшаются в основном платками, реже яркими лентами. Платок в Туркменистане является знаком счастья и богатой жизни. В городах практически в прошлое ушла традиция украшать машины кисточками, коврами или кошмами, специально вытканными для праздничного украшения. Однако подобные вещи бережно хранятся и передаются из поколения в поколение в туркменских семьях.

Новым явлением туркменской свадьбы считаются и катания на машинах по городу, что, видимо, также является заимствованием распространенной европейской традиции. Если раньше свадебный поезд ехал сразу домой к жениху, то теперь молодые обязательно едут кататься, во многих, особых, местах устраивается праздничная фотосессия. Примечательно, что наряд невесты полностью соответствует национальной традиции, и девушкам приходится ездить в жару (иногда температура

поднимается до 50 градусов по Цельсию) в тяжелом и неудобном наряде. Из-за того что на голову невесту накинута гелен-куртэ, самостоятельно она передвигаться не может. Как правило, ее ведет жених и одна из подружек. Обычно свадебный поезд посещает и возлагает цветы к памятникам воинам, погибшим в Великую Отечественную войну, запускают «на счастье» голубей, молодожены фотографируются с гостями на память в парках отдыха. Национальный костюм невеста снимает только вечером на торжественную часть свадьбы в ресторане или столовой.

Следует отметить, что у туркмен как в прошлом, так и в настоящем специального свадебного костюма для жениха не было. Раньше жених в день свадьбы надевал традиционный для молодых мужчин праздничный костюм, который одновременно являлся и свадебным. Начиная с 1960-х годов жених в день свадьбы чаще всего надевал шапку-ушанку, а иногда фуражку, однако этот обычай надевать на свадьбе головной убор уже не соблюдается. Костюм жениха в основном европейского кроя, черного, серого или коричневого цвета, с белой рубашкой, галстуком или бабочкой, в туфлях европейского стиля, подобранных по вкусу молодого человека или его второй половинки [15].

По прибытии свадебного поезда в дом жениха раньше невесту сажали обычно на ватное одеяло (душек), сложенное в три или четыре слоя, или на новую кошму, чтобы она отдохнула после утомительной поездки на верблюде. Сегодня же невеста отодвигает ногой подобные мягкие подстилки, тем самым показывая свою скромность и неприязнательность. После этого вокруг невесты садятся все замужние женщины рода и начинают ее наставлять. Например, информатка 47 лет вспоминает: «Когда дома гости – накрой стол, если нет угощения – напой чаем, слушайся мужа и его родителей и много другое». Обязательно молодой сажают на руки ребенка, желательно мальчика. Этот обычай делается для того, чтобы в молодой семье были дети [15].

Свадебное торжество начинается вечером, не ранее семи часов. В «Той-Мерканы» приглашаются все родственники жениха и самые близкие члены семьи невесты, чего раньше не делалось. Вечерний наряд невесты на третий день отличается от «девичника», девушки стараются придать своему костюму как традиционный, так современный стиль. Белое платье шьется по национальному крою из шелка, реже бархата, украшается вышивкой и серебрёнными в национальном стиле украшениями с сердоликом. На белую фату одевается губпа. Рот девушка прикрывает белым носовым платочком, что означает ее новый статус замужней женщины. В основном празднование третьего дня ничем не отличается от гуляний на чин-чельпеке. В ресторан также приглашаются тамада, ди-джей,

певцы и танцоры, которые устраивают представление для гостей.

В отличие от второго дня свадьбы, третий день может проходить как в ресторане, так и в доме жениха. В сельской местности большинство свадеб отмечается дома. Традиция справлять свадьбу дома зависит не от количества дохода – это уважение к своему народу или к родительскому дому. В день свадьбы у жениха в доме, как и в прошлом, готовят праздничное блюдо суп-чорба и палов (плов). Причем суп этот раньше не заправлялся картофелем и помидорами из-за их отсутствия. Данное угощение подается, как и прежде, с чуреком. Иногда в день свадьбы у жениха в доме готовят обычно ритуальное блюдо «ярма» (каша из пшеничной крупы на мясном бульоне), однако необходимо отметить, что данное блюдо очень сложно в приготовлении, требует большого физического труда и как минимум двух видов мяса. По высказываниям местного населения, каждый человек должен обязательно съесть всю кашу, чтобы у молодых был достаток в семье [15].

Свадьба празднуется долго, а молодых, как правило, отправляют домой около десяти часов вечера, гости же продолжают отмечать. Пару провожают близкие друзья и родственники, часто друзья-ровесники (одноклассники или однокурсники). По прибытии домой невеста снова переодевается в национальный свадебный костюм и подвергается испытаниям в присутствии близких, родных и друзей жениха из числа молодых мужчин, женщин, юношей, девушек и других. Ее заставляли развязывать пояс «гушак» у жениха (гушак чездурмек), снимать туфли с его ног (эдик чыкартмак), халат (дон чыкартмак), шапку с его головы (телпек чыкартмак). Присутствующие на этой церемонии ребята мешают невесте развязывать гушак, снимать сапоги и шапку. В этом случае ей на помощь приходит обычно енге жениха. Она помогает невесте также в том случае, если она одна не справлялась с развязыванием пояса жениха, снятием туфель и шапки. По завершении этого обряда жених по обычаю изгонял всех присутствующих на церемонии данного обряда, «избивая» их поясом, раньше это был кнут [15]. С помощью указанных обрядовых действий, с одной стороны, невеста подвергалась определенным испытаниям на зрелость, сообразительность, ловкость, умение и т.д., а с другой стороны, проверялось, насколько смел, силен, мужественен и умен жених перед своей будущей женой.

Таким образом, современная туркменская свадьба представляет собой уникальное сочетание народных обрядов с новыми, модными европейскими традициями. Эти и другие явления туркменской свадьбы будут рассмотрены нами более подробно в следующих статьях.

Примечания

¹ Исследование и публикация осуществлены по гранту президента Российской Федерации для государственной поддержки ведущих научных школ, а также по проекту РГНФ №12-01-18045е «Истоки современного декоративно-прикладного искусства туркмен, их традиций и обрядов» (руководитель – Л.Т. Соловьева).

² Ангулак – дословный перевод с туркменского: конское ухо. Раньше это были платки, сейчас подарки матери жениха своей новой родне (семье невесты), которые собираются женской половиной рода.

³ Губпа – серебряное, (в наше время чаще используют медное), национальное украшение на голову, имеющее куполообразную форму, с монетами и бляшками.

⁴ Куртэ – наголовный халат, с зашитыми рукавами, который накидывали замужним женщинам и цвет которого символизировал статус и возраст женщины. Красный – одевали невесты, черный – носили молодые девушки, которые уже имели детей, желтый – одевался после 40 лет, белый – одевали в 61 год и носили до конца жизни.

Библиографический список

1. Бабаджанов Р. Семья и свадебные обряды теджинских туркмен в XIX – начале XX века // Вопросы этнографии туркмен. – Ашхабад: Изд-во Туркм. гос. университета, 1980. – С. 50–64.
2. Белова Н.А. Учительская интеллигенция в 1920–30-е гг.: повседневная жизнь в условиях социалистического строительства // Интеллигенция и мир. – 2010. – №4. – С. 80–91.
3. Белова Н.А. Воспоминания как источник изучения повседневности советских учителей // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2011. – Т. 17. – № 1. – С. 61–65.
4. Васильева Г.П. Туркмены-нохурли // Среднеазиатский этнографический сб. Тр. Ин-та этнографии (далее – ТИЭ). – Т. 21. – М., 1954. – С. 82–215.
5. Васильева Г.П. Преобразование быта и этнические процессы в северном Туркменистане. – М., 1969.
6. Винников Я.Р. Социалистическое переустройство хозяйства и быта дайхан Марыйской области // Среднеазиатский этнографический сб. Труды ИЭ АН СССР. – М., 1954. – Т. XXI.
7. Джикиев А. Семья и брак у туркмен юго-восточного побережья Каспийского моря в XIX–XX вв. // Известия АН ТССР. – 1958. – № 2. – С. 62–68.
8. Джикиев А. Традиционные туркменские праздники, развлечения и игры. – Ашхабад: Ылым, 1983.

9. Дубова Н.А. Антропологический облик населения Маргианы в антропоморфной пластике Гонура // *Этнокультурное взаимодействие в Евразии*. – М., 2006. – Т. 1. – С. 301–306.

10. Ниязклычев К. О скотоводческом и земледельческом хозяйстве Юго-Западного Туркменистана конца XIX – начала XX в. // *Труды ИИАиЭ АН ТССР. Сер. Этнография*. – Ашхабад, 1973. – Т. 7.

11. Новое и традиционное в быту туркменской сельской семьи (на примере населения Южного Туркменистана) / отв. ред. Г.П. Васильева, А.О. Оразов. – Ашхабад: Ылым, 1989.

12. Овезбердыев К. Семейные отношения у туркмен Мервского оазиса в конце XIX – начале XX в. // *Исследования по этнографии туркмен*. – Ашхабад, 1965.

13. Овезов Д. Свадебные обряды туркмен долины рек Сумбара и Чандыра в конце XIX – нача-

ле XX в. // *Известия Академии наук Туркменской ССР. Серия общественных наук*. – Ашхабад, 1964.

14. Оразов А. Хозяйство и культура населения Северо-Западной Туркмении в конце XIX – начале XX в. Очерки по истории хозяйства и культуры туркмен. – Ашхабад, 1973.

15. ПМА – полевые материалы автора, собранные во время экспедиции в Туркменистане, октябрь – ноябрь 2012 года.

16. Сарияниди В.И. Маргуш. Древневосточное царство в старой дельте реки Мургаб. – Ашхабад, 2002.

17. Теджов А. Свадебные обряды туркмен – емрели в конце XIX – начале XX в. // *Материалы по исторической этнографии туркмен*. – Ашхабад: Ылым, 1987. – С. 55–88.

18. Туркменская женская одежда. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.kovry-business.ru/turkmenskaya-zhenskaya-ukroschenie-i-vyshivki> (дата обращения: 07.11.2013).

УДК 94(5)“1918/...” 94(470)“1992/...”

Серый Николай Иванович

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
disser44@mail.ru

РОЛЬ РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ В СОЗДАНИИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ СМЕШАННОЙ КОНТРОЛЬНОЙ КОМИССИИ КАК ОСНОВНОГО ИНСТИТУТА УРЕГУЛИРОВАНИЯ ГРУЗИНО-ОСЕТИНСКОГО КОНФЛИКТА

В статье рассматривается этап институционального становления урегулирования грузино-осетинского конфликта через механизм создания Смешанной контрольной комиссии как постоянно действующего органа урегулирования конфликта и ликвидации его последствий. Анализируется роль Российской Федерации в этом процессе.

Ключевые слова: Смешанная контрольная комиссия, история грузино-осетинского конфликта, Южная Осетия, Южный Кавказ, миротворчество.

Смешанная контрольная комиссия по урегулированию грузино-осетинского конфликта (далее – СКК) была образована и действовала в соответствии с третьей статьей «Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта», подписанного 24 июня 1992 года Президентом Российской Федерации Б.Н. Ельциным и Председателем Госсовета Грузии Э.А. Шеварнадзе. СКК была создана в целях обеспечения контроля за прекращением огня, разоружением и выводом вооруженных формирований, за роспуском сил самообороны и обеспечением режима безопасности в зоне конфликта, а также за поддержанием мира и недопущением возобновления боевых действий, осуществлением координации совместной деятельности сторон по стабилизации обстановки, политическому урегулированию конфликта и экономическому восстановлению пострадавших районов, возвращению и обустройству беженцев и вынужденно перемещенных лиц в соответствии с договоренностями в Казбеге [9, с.7].

Согласно подписанному протоколу представителей сторон по выполнению «Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинско-

го конфликта» от 4 июля 1992 года был определен персональный состав членов СКК, утверждены ее сопредседатели от российской, грузинской, осетинской, сторон. Принято решение о создании Смешанных сил для обеспечения мира и поддержания правопорядка, находящихся под непосредственным руководством СКК. Также было решено, что СКК будет способствовать восстановлению и укреплению структур и органов, обеспечивающих жизнедеятельность народного хозяйства, жизнь населения, возвращение и обустройство беженцев, а также органов правоохранения и правопорядка [7].

Таким образом, СКК становилась межгосударственным легитимным координационным и административно-хозяйственным органом по вопросу урегулирования грузино-осетинского конфликта.

В июле 1992 года состоялось три заседания СКК. Первое заседание СКК состоялось сразу после подписания соглашения во Владикавказе и включало в себя следующие вопросы повестки:

1. О формировании смешанных сил по установлению мира и поддержанию правопорядка (ССМП) в зоне конфликта при Смешанной контрольной комиссии (СКК).

2. О создании совместной группы наблюдателей.

3. О создании при совместной контрольной комиссии пресс-центра [4].

На первых двух заседаниях были сформированы основные внутренние институты СКК, направленные на обеспечение безопасности в зоне конфликта посредством Смешанных сил по установлению мира и поддержанию правопорядка (далее – ССПМ) и совместной группы наблюдателей, которые формировались из представителей российской, грузинской и юго-осетинской, осетинской сторон в количестве 72 человек и 6 человек водителей для трех БТР-80 и трех УАЗ-469, в том числе 4 человека старших групп, 8 человек резерва. В общей сложности на постах размещалось 60 человек. Посты были размещены следующим образом: г. Цхинвал – запад (пост ГАИ) г. Цхинвала – восток (ИСП), район Эредви-Дмениси-Ванати, район Тамарашени-Джава-Рокский, перевал – район Карели-Знаури [5].

Созданный при СКК пресс-центр фактически освещал всю ее деятельность и информировал мировое сообщество о процессе урегулировании конфликта. Кроме того, работа пресс-центра СКК позволила сформировать существенную документальную базу урегулирования конфликта на всем протяжении своей работы вплоть до августа 2008 года. Таким образом, по итогам первого заседания СКК была закончена работа по созданию органов реализации «Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта».

Согласно Приложениям 1, 2, 3 к Протоколу №2 заседания СКК, состоявшегося 6 июля 1992 года, для обеспечения командования ССПМ было назначено старшее военное командование в следующем составе: генерал-лейтенант Г.Н. Филатов (российская сторона), генерал-майор П.И. Георгадзе (грузинская сторона), генерал-майор С.Н. Суанов (осетинская сторона). Смешанные Силы по численному составу были сформированы в количестве 1500 человек и 900 человек резерва (от каждой из сторон по 500 человек основного состава и 300 человек резерва) [3]. В конечном счете, стороны определили пропорциональный состав миротворческого контингента каждой из сторон.

Таким образом, в компетенцию СКК стала входить координация деятельности ССПМ, совместной группы наблюдателей и деятельности пресс-центра. Решения СКК, наряду с мандатом Соглашения, стали в дальнейшем правовой платформой деятельности миротворческих сил.

О признанном влиянии России в деятельности СКК, еще на начальной стадии ее работы, говорит пункт 9 Протокола №2 заседания СКК. В решении СКК по этому вопросу говорилось: «...Поручить МВД Грузии разработать и изготовить бланки удостоверений, с текстом на русском языке, предоставляющих право пребывания в зоне конфликта

в количестве пяти тысяч штук. Порядок выдачи удостоверений определяет СКК» [5]. Следовательно, русскому языку отдавалось исключительное значение в формировании удостоверяющих документов в зоне конфликта.

Согласно достигнутым договоренностям между сторонами, в соответствии с положениями протокола №3 СКК от 12 июля 1992 года, зоной конфликта была определена местность радиусом пятнадцать километров от центра Цхинвала. Коридором безопасности стала полоса местности шириной четырнадцать километров вдоль административной границы бывшей Юго-Осетинской автономной области, по семь километров по обеим сторонам границы [6]. ССПМ также было делегировано право принимать все меры для локализации вооруженных столкновений и уничтожения бандформирований в районах и селах на территории бывшей Юго-Осетинской автономной области, не вошедших в зону конфликта и коридор безопасности, во взаимодействии с местными правоохранительными органами [6].

Миротворческая операция в Южной Осетии началась 14 июля 1992 года. В зону конфликта были введены российский, грузинский и осетинский батальоны. Грузинский батальон оказался в основном сформирован из представителей местного грузинского населения, принимавших до того участие в боевых действиях в регионе. Добровольцы из Северной Осетии также вскоре покинули миротворческие силы, и личный состав североосетинского батальона пополнили контрактники из местного осетинского населения. Предполагаемое общее превосходство осетинских сил в боевой технике было причиной постоянного беспокойства грузинского командования. В качестве сдерживающей меры грузинский батальон миротворческих сил, представлявший из себя основную силу грузинской стороны в регионе, был оснащен малоподходящими для миротворческих сил боевыми машинами пехоты. Однако не исчезла подозрительность в отношении намерений грузинских военных и среди осетин. В сложившихся условиях командованием миротворческих сил было принято решение не устанавливать на дорогах смешанные посты и разделять, по возможности, посты миротворцев грузинского и осетинского контингента постами российских сил [1].

Однако далее урегулирование грузино-осетинского конфликта в рамках работы СКК фактически было приостановлено. Правовая основа по итогам трех заседаний ССК не была окончательно разработана. Официальные контакты между Грузией и Южной Осетией прекратились. Объективной причиной приостановки работы СКК послужило переключение внимания ее участников на разгоревшиеся на Кавказе грузино-абхазский и осетино-ингушский конфликты.

Вместе с тем работа СКК, в рамках первого своего этапа, позволила остановить кровопролитие и «заморозить» конфликт, разъединить военные силы сторон и стабилизировать обстановку. Решающую роль в этом сыграл российский батальон, который стал основным гарантом сохранения мира и безопасности в зоне конфликта.

Второй этап работы СКК начинается в 1994 г., после завершения активной вооруженной фазы двух других кавказских межэтнических конфликтов. В условиях охваченного войной Северного и Южного Кавказа Москва предприняла жизненно важную попытку продолжения миротворческой и посреднической работы по урегулированию грузино-осетинского конфликта. Возобновление инициативы деятельности СКК также стороны Москвы подчеркивает в своих мемуарах первый президент Южной Осетии Л.А. Чибиров [12, с.158].

Главным итогом очередного заседания СКК, состоявшегося 6 июня 1994 года, стало принятие положения «Об основных принципах деятельности военных контингентов и групп военных наблюдателей, предназначенных для нормализации ситуации в зоне грузино-осетинского конфликта» [2]. По условиям Положения, Россия возглавила объединенное военное командование. Также командующий ССПМ назначался СКК по представлению Министерства обороны Российской Федерации. Он являлся старшим военным начальником Объединенного военного командования и координировал действия старших военных начальников сторон.

С этого момента за Москвой фактически закрепляется исключительное право «верховного миротворца» грузино-осетинского противостояния. Запрет внесения изменений в организационно-штатную структуру воинских контингентов и военных наблюдателей без утверждения СКК способствовал сбалансированию миротворческих сил в зоне конфликта. Формирование ССПМ осуществлялось на добровольной основе по контракту из числа военнообязанных, прошедших военную службу, и военнослужащих, ранее не судимых, в возрасте от 18 до 50 лет, прошедших военную службу, годных по состоянию здоровья и, по возможности, не участвовавших в вооруженных столкновениях в период конфликта.

Принятое положение конкретизировало полномочия, права и обязанности ССПМ. Положение ознаменовало завершение оформления основ миротворческой, контрольной и правоохранительной деятельности ССПМ и СКК.

Согласно мнению сопредседателя СКК от североосетинской стороны М.Э. Тхостова, в 1994 году стороны, участвовавшие в процессе урегулирования грузино-осетинского конфликта, пришли к пониманию, что эффективности миротворческой деятельности как основе урегулирования препятствует дефицит полноценного и постоянно дей-

ствующего переговорного формата. Надо сказать, что СКК по урегулированию грузино-осетинского конфликта изначально таковым форматом не являлась, потому что была призвана осуществить ввод в зону конфликта миротворческих сил и контролировать соблюдение режима безопасности, и к этому времени, то есть к 1994 году, фактически выполнила свой мандат [10, с.5–23].

С учетом указанных выше обстоятельств участниками переговорного процесса 31 октября 1994 года в присутствии представителей Совещания по безопасности и сотрудничеству в Европе было подписано «Соглашение о дальнейшем развитии процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта и о Смешанной контрольной комиссии» [8].

С целью дальнейшего продвижения к полномасштабному политическому урегулированию, желая улучшить координацию усилий смешанных миротворческих сил и взаимодействие с Миссией СБСЕ и другими международными организациями, ускорить практическое решение вопросов экономического восстановления пострадавших районов, а также способствовать процессу возвращения беженцев, стороны согласились уточнить функции СКК, обновить и расширить ее состав [8].

В документе стороны констатировали, что истекшие после подписания Дагомьского соглашения два года не принесли существенных результатов в продвижении политического диалога, учитывая назревшую необходимость полномасштабного урегулирования грузино-осетинского конфликта.

Причиной тому служит, во-первых, общая сложная общественно-политическая ситуация в Грузии, России, Южной Осетии. Во-вторых, существенную роль в этом, как уже отмечалось выше, сыграла обострившаяся межэтническая и политическая обстановка в кавказском регионе. В-третьих, 1992–1994 годы для Грузии и Южной Осетии стали временем формирования и укрепления гражданской власти. Только после этого появилась возможность установить полноценный контроль над иными структурами и включиться в работу по продолжению урегулирования конфликта. С этого момента процесс дальнейшего урегулирования грузино-осетинского конфликта продолжился.

Однако стремление возобновления переговорного процесса было воспринято неоднозначно общественно-политической элитой Южной Осетии. Со стороны представителей оппозиции и ее неформального лидера – председателя Совета министров РЮО Р.Г. Хугаева – звучали обвинения в адрес председателя Верховного совета республики Л.А. Чибирова о сдаче интересов народа Южной Осетии Грузии [12, с.150–156,162].

Внутриполитическая обстановка стремительно осложнялась. В этих условиях руководство республики прибегло к использованию различных форм

разъяснительной работы среди населения. В своих воспоминаниях Л.А. Чибиров пишет: «В Южную Осетию приезжали представители МИД РФ, депутаты Государственной Думы, ответственные работники из Северной Осетии. Наряду с населением мы разъясняли ситуацию и оппозиции, доказывая ей, что возобновление деятельности СКК в Южной Осетии ничего, кроме пользы, не принесет. Доказывали, наконец, что отказ от СКК – это отказ от России, от Северной Осетии. Последствия же такой политики приведут к изоляции республики, выводу из нее миротворческих сил со всеми вытекающими отсюда последствиями» [12, с. 162].

Надо подчеркнуть, что условия и ход урегулирования грузино-осетинского конфликта впоследствии послужили основным фундаментом внутриполитической борьбы в Южной Осетии.

Как справедливо отмечает в своих воспоминаниях первый президент Южной Осетии Л.А. Чибиров, значительную роль в урегулировании внутриполитических разногласий, способствующих переговорному процессу по вопросу продолжения деятельности СКК, сыграла российская сторона в лице заместителя министра иностранных дел России, курирующего страны СНГ, – Б.Н. Пастухов. «Несмотря на противодействие грузинской стороны, по задумке МИДа и лично Бориса Николаевича, по новому проекту СКК права Южной Осетии значительно расширились. Если раньше она участвовала в качестве наблюдателя, то по новому варианту комиссия становилась четырехсторонней, т.е. существенно повышался статус Южной Осетии: наряду с Россией, Грузией и Северной Осетией она становилась четвертой равноправной стороной», – пишет Л.А. Чибиров [11, с. 189].

Таким образом, деятельность СКК следует рассматривать в качестве системообразующей посреднической миссии Российской Федерации в зоне урегулирования грузино-осетинского конфликта. Создание СКК стало ключевым итогом Дагомысских соглашений и реальным легитимным инструментом влияния Российской Федерации в зоне конфликта. Вместе с тем югоосетинская элита и интеллектуалы на этапе расширения полномочий деятельности СКК не были едины относительно необходимости укрепления ее позиции, видя в ней первоначально потенциальную угрозу сохранения де-факто независимости Южной Осетии. Однако СКК стала основной площадкой для дискуссий противоборствующих сторон и важным механизмом, позволяющим России вести ими с ними прямой диалог.

Библиографический список

1. Russian peace-keeping forces in the post-soviet area, Sokolov A.V. // charter in book Restructuring

the global military sector. Vol. I: New wars, ed. by M. Kaldor and B. Vashee on behalf of The United National University / World Institute for Development Economics Research, Pinter, London, GB, 1997. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.memo.ru/hr/hotpoints/peace/peacekeep.htm> (дата обращения: 01.03.2014).

2. Приложение №1 к решению СКК от 6 июня 1994 года // Текущий архив СКК. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.mid.ru/BRP_4.NSF/0/2bd92ad3afa09703c3256ea90022457f?OpenDocument (дата обращения: 01.03.2014).

3. Приложения №№1, 2 к Протоколу №2 заседания СКК. Текущий архив Смешанных сил по установлению мира и поддержанию правопорядка.

4. Протокол №1 заседания Смешанной контрольной комиссии по урегулированию грузино-осетинского конфликта от 4 июля 1992 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sojcc.ru/soglashenia/115.html> (дата обращения: 04.03.2014).

5. Протокол №2 заседания Смешанной контрольной комиссии от 6 июля 1992 года. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sojcc.ru/soglashenia/119.html> (дата обращения: 01.03.2014).

6. Протокол №3 заседания СКК от 12 июля 1992 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sojcc.ru/soglashenia/124.html> (дата обращения: 01.03.2014).

7. Протокол встречи представителей сторон по выполнению Соглашения о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта от 4 июля 1992 г. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://sojcc.ru/soglashenia/166.html> (дата обращения: 01.03.2014).

8. Соглашение «О дальнейшем развитии процесса мирного урегулирования грузино-осетинского конфликта и о Смешанной контрольной комиссии» // Региональные конфликты в Грузии – Юго-Осетинская автономная область, Абхазская АССР (1989–2005): сб. политико-правовых актов. – Тбилиси, 2005. – С. 199.

9. Соглашение о принципах урегулирования грузино-осетинского конфликта // Российская газета. – 1992. – 26 июня (№145).

10. Тхостов М.Э. Смешанная Контрольная комиссия (СКК) по урегулированию грузино-осетинского конфликта: история и перспективы // Бюллетень Владикавказского института управления. Вып. №19. – Владикавказ, 2006. – С. 5–23.

11. Чибиров А.Л. Борис Пастухов: Осетия перед ним в долгу // Дарьял. – 2009. – №3. – С. 188–201.

12. Чибиров Л.А. О времени, о людях, о себе (записки первого президента Южной Осетии). – Владикавказ: Ир, 2004. – 304 с.

Агапова Татьяна Николаевна

доктор экономических наук, профессор
Московский университет МВД России
tnagapova@gmail.com

Ильenkova Наталья Дмитриевна

доктор экономических наук, профессор
Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации
nata.d.ilenkova@mail.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ИСТОЧНИКОВ ИНФОРМАЦИОННОГО ОБЕСПЕЧЕНИЯ ОЦЕНКИ БИЗНЕСА

В статье проводится сравнение информационных источников бизнес-анализа в настоящее и советское время. Выделены проблемные задачи, связанные с использованием Интернет-информации, анализом динамики, требующие срочного решения и разработки современных методик.

Ключевые слова: информационное обеспечение, внутрисистемный, внесистемный, проблема сопоставимости, инфляция, гармонизация учета, неопределенность и риск, реструктуризация, методика.

Трансформация советской экономики и ее функционирование в современном рыночном формате потребовали, помимо всего прочего, пересмотра отношения к информационному обеспечению анализа бизнеса.

Это обусловлено недоступностью одних и каждой доступностью других источников информации, в частности, наличием такого информационного ресурса, как Интернет, потребностью, в связи с этим, в новой методологии сбора информации. Проблема бизнес-информации касается таких принципов, как преемственность, точность, сочетание количественных и качественных сведений, допустимый уровень риска и многих других.

Проведение сравнительного анализа и сопоставления современных и «советских» источников информационного обеспечения для осуществления достоверного уровня анализа бизнеса является актуальной задачей.

Принятие решений на предприятиях практически всех отраслей и видов деятельности четверть века назад основывалось, как правило, на внутрисистемной информации, которая формировалась из трех групп источников: бухгалтерский учет; статистическая отчетность; внутренние распорядительные документы.

Образцы форм отчетности, состав показателей, периодичность представления форм как бухгалтерской, так и статистической отчетности утверждались и доводились до исполнителей (предприятий и организаций) соответствующими вышестоящими организациями – Министерством финансов СССР (Минфином) и Центральным Статистическим Управлением СССР (ЦСУ СССР). Централизовано разрабатывали и инструкции заполнения форм отчетности, и формат первичной документации: бланки платежных требований, товарных накладных, лимитных и лимитно-заборных карт и т.д. Также были регламентированы первичный учет, формы и состав показателей техпромпинпла-

на. Разделения на управленческий и финансовый учет не существовало. Но при этом рабочие таблицы, служившие промежуточными накопителями первичных данных, разрабатывались на предприятиях самостоятельно.

Инструкции заполнения форм отчетности содержали методики определения показателей, заносимых в отчетные формы, и имели обязательный характер. Это обеспечивало сопоставимость информации в территориальном, отраслевом разрезе и в динамике, что следует отметить как безусловно положительный факт. Промышленные переписи и специальные выборочные обследования проводили на предприятиях по единой методологии, разрабатываемой статистическими органами и обеспечивающей единство методического подхода и однозначность трактовки результатов.

Одновременно с позиции экономического анализа необходимо положительно оценить регистрацию в отчетности огромной совокупности данных по каждой организации, что позволяло проводить сопоставимый анализ практически в любом разрезе. Кроме того, существенные методологические и методические изменения в отношении формирования информационно-аналитического пространства экономического анализа происходили не часто, что было обусловлено относительной экономической стабильностью социалистического общества. Так пересмотр норм амортизации основных фондов осуществлялся раз в десять лет, хотя очевидно, что новые технологии строительства, создания оборудования, постоянная смена поколений техники вследствие ускорения технического прогресса, а по сути перманентной технической революции, требовали более частых изменений амортизационных норм. Кроме того, при этом применяли только один метод начисления амортизации.

Внутренние распорядительные документы хозяйствующих субъектов в советский период всегда связаны с деятельностью его структур и были

нацелены, прежде всего, на обеспечение выполнения плана производства. Они не только не могли вступать в противоречие с соответствующими нормативными актами вышестоящих организаций, но нередко полностью отражали их содержание.

В силу изолированности внутреннего экономического пространства от внешнего, учетная система, применяемая в Советском Союзе, не была ориентирована на гармонизацию с мировым экономическим сообществом.

К внесистемной информации того периода следует в первую очередь отнести правовую базу. Она включала в себя законодательные акты и постановления Правительства в области экономического регулирования. Имела место директивная информация, поступающая на предприятия из вышестоящих организаций: отраслевых министерств и ведомств, Минфина, органов статистики, Госплана, Госснаба и т.п. Она охватывала нормативную правовую базу деятельности экономических субъектов – предприятий и организаций, различные нормативы, утверждаемые «сверху» – по труду и заработной плате, некоторым видам затрат на производство, порядку распределения готовой продукции, нормам запасов, амортизации основных средств и др. и имела обязательный характер.

Законы принимались на длительный период времени, равно, как и утверждались нормы и нормативы, обеспечивая тем самым высокий уровень постоянства аналитических процедур, используемых в обработке данных, необходимых для получения результатов, на которых базируется принятие управленческих решений.

Особо следует отметить вторичную статистическую и научно-техническую информацию, публикуемую в статистических сборниках и специальной литературе. Статистические сборники того периода были несравнимо более информативны, нежели современные. Это статистические ежегодники «Народное хозяйство СССР», «Внешняя торговля СССР» и другие. Важно, что они содержали

огромный объем информации, позволяющей проводить сравнительный анализ и прогнозирование в динамике по широкому кругу объектов и показателей, в силу ее преемственности по периодичности и сопоставимости по методологии. Методологическую направленность имел, например, журнал «Вопросы статистики», который при этом оказывал практическую поддержку аналитической работы специалистов. Не меньшее значение имели и такие общэкономические журналы, как «Вопросы экономики», «Финансы СССР», «Бухгалтерский учет», еженедельная «Экономическая газета» (позже – «Экономика и жизнь»). Одни из них поднимали теоретические проблемы, в других освещались практические вопросы.

Для производственных отраслей огромное значение имела информация о результатах исследований и разработок, в том числе в смежных отраслях. Ее черпали из разных источников: научно-технической литературы, отраслевых специальных журналов и даже из материалов периодической печати. В отраслевых научно-исследовательских институтах публиковали результаты исследований, научных разработок, технических параметров продукции, сравнительного анализа объемов производства и спроса между отечественными предприятиями и в сопоставлении с зарубежными производителями и международными рынками. Собранная порой по крупицам, эта информация обладала огромной ценностью для аналитиков. Часть ее источников была общедоступна, другая предназначалась специалистам, имеющим к ней специальный допуск.

Однако следует отметить, что существовало противоречие: с одной стороны, в условиях отсутствия коммерческой тайны одновременно имела место открытость информации, а с другой, существовал ее дефицит, обусловленный закрытостью части сведений. Тем не менее, заинтересованные лица использовали все доступные им источники не только для текущего анализа, но и для долго-

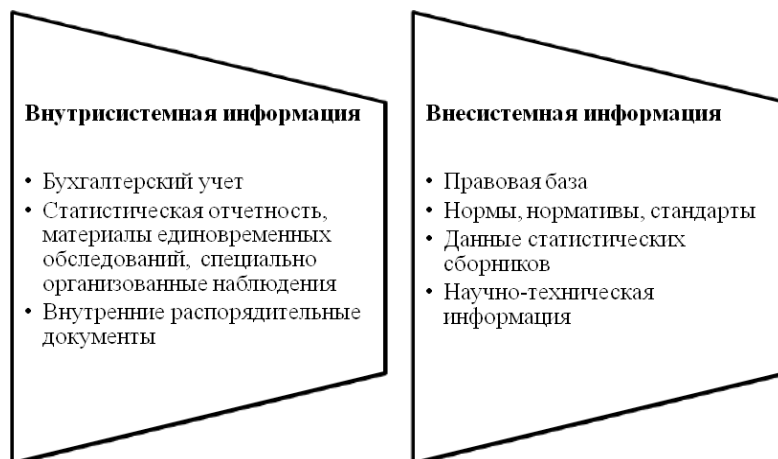

Рис. 1. Источники информации предприятия советского периода

срочного планирования и прогнозирования в области развития производства, рынков сбыта, создания нового оборудования, технологий, продукции. Система информационного обеспечения, анализа деятельности предприятий советского периода для принятия решений, представлена на рисунке 1.

Источники информации анализа бизнеса и, соответственно, процесса принятия управленческих решений за последние четверть века претерпели огромные изменения. Некоторые авторы отмечают потери «цифровой «ориентации», <...> вызванные статистической близорукостью в ретроспективе» [6, с. 92]. По мнению Б.Т. Рябушкина, с которым трудно не согласиться, произошла смена парадигмы, коснувшаяся в равной мере как самой концепции статистического моделирования, изменения акцентов, так и идеологии статистического наблюдения в российских условиях [7]. Несмотря на то, что данное высказывание отнесено им к технологии построения межотраслевого баланса, его в полной мере можно экстраполировать на любую область статистических исследований и аналитических процедур.

Изменения, происходящие в области информации для анализа бизнеса, относятся как к составу источников, так, в еще большей степени, к их соотношению между собой. Это связано с рядом причин, а именно:

- инфляционные процессы, характерные для современной экономики, и одновременно свободное ценообразование на большинство товаров, обязывают предприятия не только формировать информационные массивы и вести мониторинг по широкому кругу показателей, источники которых лежат во внешней среде, но и использовать новые методики расчета и анализа показателей, позволяющих объективно оценить уровень инфляции. Проблема сопоставимости данных присуща анализу динамики всех показателей, представляемых в текущей стоимостной оценке. Наиболее остро она стоит перед многопрофильными предприятиями, на продукцию которых ценовая вариация может сильно различаться в зависимости от ее вида и назначения. По сути это относится и к оценке всех активов предприятий, отражаемых в бухгалтерской (финансовой) отчетности;

- международная экономическая интеграция привела к сближению российских и международных учетных стандартов, которые стали внедряться в практику российских предприятий лишь в постсоветском периоде. На сегодняшний день в Российской Федерации одновременно применяются учетные стандарты различных форматов – СНС, РСБУ, МСФО (IAS, IFRS) и GAAP. С одной стороны, гармонизация с международной практикой учета способствует прозрачности бизнеса, а с другой, – усложняет аналитическую работу и, в частности, сравнительный анализ показателей, в совре-

менный период. Вступление России во Всемирную Торговую Организацию предъявляет новые требования не только к таким экономическим хозяйствующим субъектам как торговля и производство, но и к качеству и достоверности предоставляемой информации [4, 5, 8];

- правовая основа ведения бизнеса, деятельности организаций потеряла свою стабильность по сравнению с советским периодом. Появляются новые и периодически изменяются организационно-правовые формы субъектов экономики, которые к тому же приобрели право свободного выхода на международный рынок, регулярно меняются правила и формы ведения бухгалтерского учета и статистической отчетности;

- повысился уровень неопределенности и, следовательно, риск финансово-хозяйственной деятельности, непосредственно связанный с информационным обеспечением бизнеса [1]. Появилась необходимость изучения международных стандартов управления риском, в частности, FERMA, COSO [9; 10], и разработки соответствующих российских стандартов, а также внутренних корпоративных нормативных аналогов. Применяются международные стандарты управления риском: стандарт Базель I, соответственно которому активы банка подразделялись на пять групп в зависимости от степени риска, международные стандарты по оценке риска ликвидности, стандартам и мониторингу – Базель II и Базель III.

Таким образом, для одной и той же цели используется внесистемная и внутрисистемная информация разных блоков:

- нормы и нормативы, устанавливаемые раньше централизованно, разрабатываются в настоящее время на предприятиях. Это положительно сказалось на проявлении принципов своевременности получения, степени готовности информации к применению [2]. Одновременно следует отметить переход данного вида из группы внесистемной информации во внутрисистемную ее форму;

- по целому ряду причин усложнилось или порою даже стало невозможным проведение единовременных обследований по заданию статистических органов. Это связано с конфиденциальностью, относившейся методически, во-первых, к внесистемной информации, а во вторых, результативно к внутрисистемной, что существенно снизило информативность процесса принятия решений;

- появился принципиально новый информационный ресурс – Интернет, в котором аккумулируется большой сегмент информации, необходимой для организации, осуществления деятельности, мониторинга бизнеса, внешней среды, рисков. Интернет-информация содержит сведения регулятивно-правовые, нормативно-справочного характера, макроэкономические сведения о ситуации в мировой и отечественной экономической систе-

Таблица 1

Причины и следствия реструктуризации внесистемной информации в постсоветское время

Причины реструктуризации внесистемной информации	Следствия реструктуризации внесистемной информации
Инфляционные процессы	- мониторинг стоимостных показателей; - использование новых методик расчета и анализа показателей, для объективной оценки уровня инфляции и его влияния на результаты деятельности;
Усиление международной экономической интеграции	- сближение российских и международных учетных стандартов: СНС, РСБУ, МСФО (IAS, IFRS) и GAAP; - использование зарубежных стандартов управления риском; - учет требований ВТО;
Изменение правовой основы организации бизнеса	- появление новых и периодическое изменение организационно-правовых формы предприятий; - право свободного выхода на международный рынок; - регулярное изменение правил и форм ведения бухгалтерского учета и статистической отчетности;
Повышение уровня неопределенности	- повышение уровня риска финансово-хозяйственной деятельности; - использование зарубежных и разработка российских стандартов управления риском; - единоецелевое использование внесистемной и внутрисистемной информации разных блоков;
Децентрализация нормирования	- переход источников информации из внесистемной во внутрисистемную группу;
Ликвидация источников получения информации	- сложность применения материалов единовременных обследований;
Появление новых источников информации	- справочно-информационные ресурсы сети Интернет, включая социальные сети;
Использование субъективной информации	- нарушение принципов объективности и документированности информации.

ме, научно-техническую и репутационную информацию о конкурентах, контрагентах и служащих организаций, особенно о ключевых фигурах. Сеть Интернет является не только гигантским накопителем информации с вытекающим из этого ее положительным значением как для бизнеса в целом, так и для отдельных компаний, включая индивидуальных предпринимателей и домохозяев. Одновременно всеобщая доступность этой информации несет в себе множество рисков, как то: получение недостоверной информации, потери конфиденциальности, повышение уровня конкуренции, репутационный риск и многие другие [1];

– использование в практических целях субъективной информации, не имеющей документального подтверждения, что является специфической особенностью современного периода развития экономики. Таким образом, нарушаются принципы диалектики, на которых базируется метод экономического анализа – объективность и документированность.

К основным отличительным особенностям современной внесистемной информации следует отнести: сближение с международными правилами информационного отражения бизнес-процессов, в том числе соблюдение определенных стандартов, переток источников из группы внутрисистемной в группу внесистемной информации вследствие децентрализации управления, изменение состава источников, изменение общеэкономических условий, и как следствие, формирование информации на новых методологических и методических принципах.

Переход к рыночной экономике и использование современных информационных ресурсов об-

условили причины и следствия реструктуризации внесистемной информации (табл. 1).

Одновременно сохраняет значение и «традиционная» внесистемная информация, которая в современных условиях стала более доступной пользователям.

При этом необходимо учитывать двухсторонний характер связи между объектом-носителем и пользователем информации. Поэтому не следует рассматривать доступность информации исключительно как положительный факт. Кроме того, нельзя недооценивать значение и внутрисистемной информации, включая оценки управленческого учета, технико-экономические показатели и другие.

Таким образом, современная структурная трансформация информационных ресурсов анализа бизнеса означает не исключение какого-либо их вида, а лишь изменение акцентов в шкале их приоритетов вследствие смены форм хозяйствования и собственности, научно-технического развития, она подчинена расширению возможностей в отношении оценки бизнеса. Все это требует развития современных методик выборочных обследований, адаптированных к современному информационному полю, с учетом особенностей ресурсов сети Интернет, а также совершенствования методик сравнительного динамического анализа с учетом влияния инфляции.

Библиографический список

1. Агапова Т.Н., Ильенкова Н.Д., Медведева Н.А. Риски предприятия: теория и управление: монография. – Вологда: ИЦ ВГМХА, 2013. – 86 с.

2. Завгородний В.И. Информационные риски: сущность, концепция управления. – М.: ЗАО Издательство «Экономика», 2007. – 175 с.

3. Ильенкова Н.Д. Системный анализ конкурентоспособности как условие экономической безопасности // Экономика. Предпринимательство. Окружающая среда. – 2012. – Т. 1. – № 49. – С. 35–39.

4. Жарылгасова Б.Т., Суглобов А.Е. Международные стандарты аудита: учеб. пособие. 3-е изд., стер. – М.: КноРус, 2007. – 400 с.

5. Жарылгасова Б.Т., Суглобов А.Е. Международные стандарты аудита: учебное пособие 4-е изд., стер. – М.: КНОРУС, 2008. – 400 с.

6. Карманов М.В., Карманов А.М. Статистика и управление в современной России // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2013. – № 17. – С. 89–94.

7. Рябушкин Б.Т. История создания и развития отечественного межотраслевого баланса и его места в статистке и макроанализе // Вестник университета (Государственный университет управления). – 2013. – № 17. – С.187–192.

8. Суглобов А.Е. Стандартизация аудиторской деятельности в России // Международный бухгалтерский учет. – 2006. – № 3. – С. 18–20.

9. Официальный сайт Комитета организаций-спонсоров Комиссии Тредвея (The Committee of Sponsoring Organizations of the Treadway Commission — COSO) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.complianceofficer.ru/COSO.php> (дата обращения 01.03.2014)

10. Официальный сайт Федерации европейских ассоциаций по управлению рисками [Электронный ресурс]. – Режим доступа: www.ferma.eu (дата обращения 01.03.2014)

УДК 338

Бобошко Владимир Иванович

доктор экономических наук, профессор
Московский университет МВД России

Бобошко Наталья Михайловна

доктор экономических наук, доцент
Московский университет МВД России
v.boboshko@mail.ru

РОЛЬ ГОСУДАРСТВЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ЭКОНОМИЧЕСКОЙ БЕЗОПАСНОСТИ МАЛОГО И СРЕДНЕГО БИЗНЕСА НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ РАЗВИТИЯ ЭКОНОМИКИ

Рассмотрены современные проблемы экономической безопасности малого предпринимательства и предложены пути их решения.

Ключевые слова: малое предпринимательство, экономическая безопасность, субъекты малого бизнеса.

В рыночных условиях развития экономики страны с постоянными факторами изменения конъюнктуры, роста конкуренции, влияния технического прогресса и возможности банкротства возрастает интерес к работам по обеспечению экономической безопасности предприятий, которые организуются по определенным концепциям. Концептуальная модель обеспечения экономической безопасности предприятия, построенная на базе анализа известных подходов

(рис. 1), дает представление о составе ее основных элементов, среди которых ряд элементов недостаточно отработаны и требуют переосмысления.

К таким элементам следует отнести понятие «экономической безопасности предприятия», оценку уровня экономической безопасности, стратегию и механизмы обеспечения экономической безопасности.

Однако для того чтобы иметь наиболее полное представление об экономической безопасности

Рис. 1. Концептуальная модель обеспечения экономической безопасности предприятия, построенная по известным подходам

предприятия, необходимо начать теоретическое исследование с изучения термина «экономическая безопасность».

Следует отметить, что в настоящее время существует достаточно много определений понятия «экономическая безопасность», однако в своем большинстве авторы рассматривают экономическую безопасность в достаточно узком аспекте.

Понятие экономической безопасности предприятия в течение времени изменялось, что напрямую связано с развитием экономической мысли и особенностями функционирования предприятий. Изначально экономическая безопасность предприятия рассматривалась как создание условий для сохранения коммерческой тайны, сокрытия внутренней информации предприятия от третьих лиц, прежде всего, конкурентов.

Затем предприятия в большей степени стали ощущать влияние внешней среды на свою финансово-хозяйственную деятельность, что стало предпосылкой для понятия экономической безопасности предприятия как способности противостоять неблагоприятному воздействию внешней среды, которая в условиях рыночной экономики постоянно изменяется.

Справедливо заметить, что в данном случае очевидна более широкая трактовка исследуемого понятия – возможность обеспечения его устойчивости в разнообразных, в том числе и в неблагоприятных условиях, которые образуются во внешней среде вне зависимости от меры ее воздействия на финансово-хозяйственную деятельность предприятия, масштаба и характера внутренних изменений. Экономическая безопасность предприятия далее стала определяться не только как защищенность его деятельности от отрицательных внешних воздействий, но также как способ-

ность быстро устранять различные угрозы и/или приспосабливаться к существующим условиям.

При процессном подходе экономическая безопасность обеспечивается посредством правильной организации, управления и совершенствования финансово-хозяйственных процессов, происходящих на предприятии. Системный подход предполагает отношение к экономической безопасности предприятия как к его состоянию, определяемому преимущественно влиянием внешней среды [2].

В последнее время более широкое распространение получил ситуационный подход как к управлению предприятием, так и к понятию экономической безопасности.

Также в процессе ведения финансово-хозяйственной деятельности на предприятии может возникнуть необходимость применения узкофункциональных подходов к трактовке экономической безопасности, когда требуется рассмотреть вопрос экономической безопасности предприятия со стороны отдельного аспекта его деятельности.

Государство по сути своей природы в первую очередь защищает интересы государственных органов и государственных хозяйствующих субъектов, поэтому частный бизнес в рамках действующего российского законодательства вынужден в основном самостоятельно заботиться о своей экономической безопасности. Однако, принимая во внимание огромную значимость малого и среднего бизнеса для экономики страны, особенно важным в системе государственного регулирования экономики на посттрансформационном этапе ее развития является обеспечение экономической безопасности малого и среднего бизнеса [4].

Обеспечение экономической безопасности малого и среднего бизнеса со стороны государства выражается в регулировании и поддержке данной

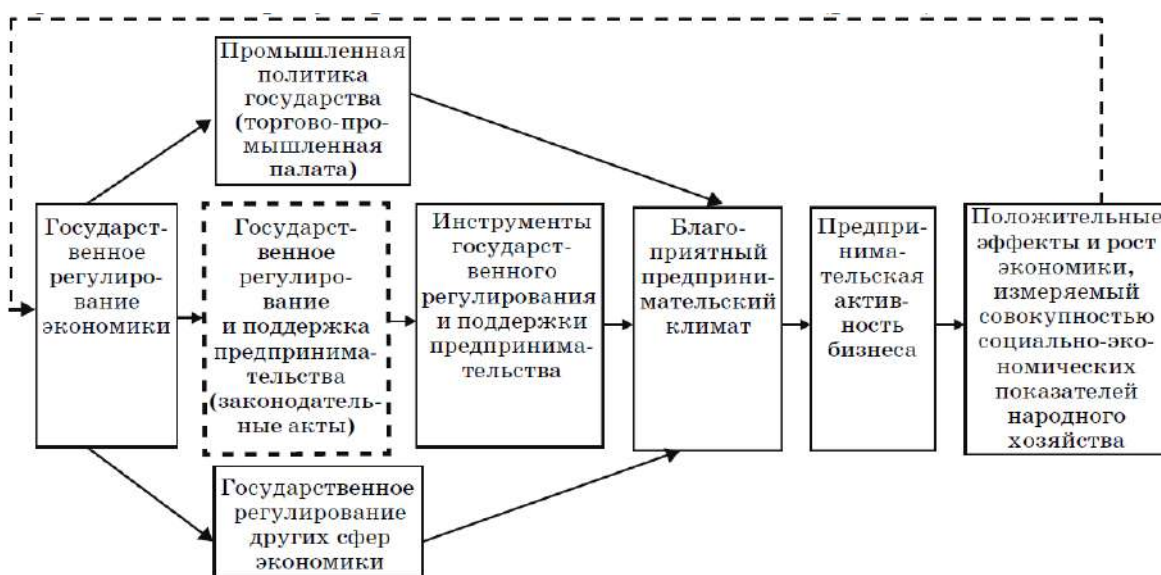

Рис. 2. Место государственного регулирования и поддержки малого и среднего бизнеса в экономических процессах

сферы бизнеса, которая, в свою очередь, находится в комплексе мер государства, направленных на регулирование российской экономики в целом (рис. 2).

Приведенная выше схема наглядно демонстрирует, что создание благоприятного предпринимательского климата должно достигаться как прямыми государственными мерами через законы о поддержке малого и среднего бизнеса, так и через опосредованные меры общего характера, которые направлены на регулирование российской экономики.

Опираясь на ряд ключевых нормативно-правовых актов в сфере малого и среднего бизнеса в современных российских реалиях, весь спектр возможных механизмов государственной поддержки предпринимательства можно условно разделить на следующие группы.

Первая группа государственной поддержки малого и среднего бизнеса включает механизмы нормативно-правового регулирования. Основным нормативным актом является ФЗ от 24 июля 2007 года №209-ФЗ «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации». Но, к сожалению, данный закон еще далек от совершенства, хотя сам факт его принятия достаточно позитивно оценивается в предпринимательском обществе. Закон о развитии предпринимательства до сих пор сопровождается комплексом поправок [12].

Федеральным законом предусмотрено оказание субъектам малого бизнеса финансовой, имущественной, информационной, консультационной поддержки, поддержки внешнеэкономической деятельности, поддержки в области подготовки, переподготовки и повышения квалификации кадров, поддержки инновационного и производственного бизнеса и предпринимательства в сфере ремесленничества.

В вопросах имущественной поддержки планируется формирование на региональном и муниципальном уровнях соответствующих фондов нежилых помещений. Также Федеральным законом субъектам и муниципалитетам предоставляется право вести реестры малых и средних предприятий – получателей поддержки. При федеральных органах исполнительной власти, наделенных полномочиями по вопросам развития малого и среднего предпринимательства, могут быть созданы координационные и совещательные органы в области развития малого и среднего бизнеса. Такие органы могут быть созданы и при региональных структурах исполнительной власти, и при органах местного самоуправления. В целом положения рассматриваемого закона в настоящий момент говорят не о развитии малого бизнеса в России, а непосредственно о поддержке малого и среднего предпринимательства.

Вторая группа государственной поддержки малого и среднего бизнеса включает механизмы

финансовой поддержки. Как уже упоминалось, деятельность субъектов малого бизнеса сопровождается многими финансовыми проблемами, среди которых можно назвать: низкий уровень обеспеченности собственными финансовыми средствами, проблемы получения кредитных ресурсов; отличие от крупных предприятий; непостоянство финансирования.

Государственная финансовая поддержка малого предпринимательства осуществляется согласно Постановлению Правительства РФ от 22 апреля 2005 г. №249 «Об условиях и порядке предоставления средств федерального бюджета, предусмотренных на государственную поддержку малого предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства» [7].

Структурно-государственная финансовая поддержка субъекта малого бизнеса может быть оказана в следующем виде: субвенции и субсидии; бюджетные кредиты, займы, ссуды; государственные и муниципальные гарантии; особый режим налогообложения.

Третья группа государственной поддержки малого бизнеса включает механизмы имущественной поддержки. Имущественная поддержка субъектам малого предпринимательства оказывается органами государственной власти и органами местного самоуправления в виде передачи во владение и (или) пользование государственного или муниципального имущества, в том числе земельных участков, зданий, строений, сооружений, нежилых помещений, оборудования, машин, механизмов, установок, транспортных средств, инвентаря, инструментов: на возмездной основе (по рыночным ценам), на безвозмездной основе, на льготных условиях (по ценам и условиям более выгодным, чем рыночные).

В настоящее время к числу основных проблем в области имущественной поддержки относятся: высокая стоимость аренды объектов недвижимости, краткосрочные договоры аренды (до трех лет), недоступность участия малых компаний-арендаторов в конкурсах при приватизации, дефицит офисов экономического класса и промышленных площадок.

Решением обозначенных проблем во многих регионах России становятся бизнес-инкубаторы, на базе которых малым предприятиям оказывается не только имущественная поддержка, но также и другие виды помощи: юридическая, консультационная и т.д. Однако значение бизнес-инкубатора как инструмента поддержки и стимулирования развития субъектов малого предпринимательства состоит не столько в предоставлении бизнес-услуг, сколько в предоставлении предприятиям офисных и производственных площадей по ценам значительно ниже рыночных. При этом в рамках классического бизнес-инкубатора функционируют предприятия различного профиля.

Четвертая группа государственной поддержки малого и среднего бизнеса включает механизмы предоставления инфраструктурных услуг. Инфраструктура поддержки включает в себя систему специализированных институтов, которые оказывают помощь в разработке и реализации государственной политики в сфере малого и среднего бизнеса, которые создаются и действуют при государственном участии или по инициативе самих предпринимательских структур.

Инфраструктура предпринимательства включает в себя самые разнообразные общественные отношения и институты, включающая: банки, кредитные кооперативы, фонды и центры поддержки малого и среднего бизнеса, консалтинговые фирмы, аудиторские фирмы, технопарки, бизнес-инкубаторы, ассоциации, лиги, объединения предпринимателей и т.д. Развитие инфраструктуры поддержки малого и среднего бизнеса способствует созданию на территории РФ благоприятных условий и здоровой социально-психологической атмосферы для реализации предпринимательских инициатив, профилактики и преодоления проблем, возникающих при взаимодействии власти и бизнеса. Создание инфраструктуры поддержки малого предпринимательства на уровне региона, как свидетельствует зарубежный и отечественный опыт, способствует стабильному развитию субъектов малого предпринимательства, росту их вклада в решение социально-экономических задач.

Обеспечение экономической безопасности малого и среднего бизнеса со стороны государства выражается также и в защите предпринимательства от преступных посягательств. К числу наиболее распространенных видов преступных посягательств, совершаемых в отношении представителей среднего и малого бизнеса, относится хищение денежных средств и иного имущества коммерческих компаний. Формы хищения в данном случае разнообразны, начиная с самой банальной кражи или присвоения – до рейдерских захватов целых предприятий. Зачастую для этого используются разнообразные схемы мошенничества. Поэтому спектр направлений деятельности подразделений экономического блока органов МВД России по защите предпринимательства от криминального давления довольно широк.

Многие субъекты малого и среднего бизнеса организацию работ по обеспечению экономической безопасности стараются обеспечить «своими силами», без привлечения сторонних специалистов и часто обходятся контрразведывательными мероприятиями. Услуги в этой сфере оказывают как организации, имеющие лицензии на детективную или охранную деятельность, так и различные консалтинговые структуры, информационно-аналитические агентства. Следует отметить, что деятельность организаций, имеющих лицензии, регулярно

контролируется органами МВД России, тогда как многочисленные консалтинговые структуры, аналитические компании, проводя в значительной мере аналогичные действия, оказываются фактически бесконтрольными [8].

Другим важным моментом в проблемах обеспечения экономической безопасности хозяйствующих субъектов является не борьба с последствиями, а предупреждение преступлений – через информационно-аналитическую поддержку и управление рисками. Представляется важным действительно обеспечивать большую информационную открытость общества. Необходимо преодолеть разобщенность информационных ресурсов государства, обеспечить возможность доступа к ним со стороны общества (кроме информации ограниченного доступа) и широко использовать информационные ресурсы, создаваемые различными коммерческими информационными службами.

Наконец, необходимо отметить важность создания и поддержки общественной практики по предупреждению возможных преступных проявлений в экономике не только через различные государственные и негосударственные структуры, но и через безопасную систему общественных отношений, регулируемых законом, моралью и традицией. За рубежом нормой стали такие понятия, как обязательное предоставление коммерческой организации информации о себе в различные (негосударственные) информационные фонды; ведение соответствующих кредитных историй и получение информационных справок о своих партнерах и клиентах.

Несмотря на всю важность осуществляемых мероприятий, система экономической безопасности малого и среднего бизнеса в России далека от совершенства. Такой вывод можно сделать исходя из того, что проявлениями недостаточно эффективного регулирования предприятий малого и среднего бизнеса остаются: невысокие показатели финансово-экономической эффективности хозяйствования, невысокие оборачиваемость товарных запасов и ресурсная обеспеченность, низкая инновационная активность; наличие существенного теневого сектора. Необходимо дальнейшее совершенствование государственной политики в сфере экономической безопасности малого и среднего бизнеса на посттрансформационном этапе развития экономики.

Подводя итоги, можно сделать вывод о том, что российским предпринимателям приходится осуществлять свою деятельность в условиях изменчивой экономической и правовой среды, плохо просчитываемых и непредсказуемых рисков. Возникают неясность и неуверенность в получении ожидаемого результата. Успешное развитие предпринимательства возможно лишь при наличии политической воли государства, направленной на

формирование благоприятных политических, экономических, правовых, социальных условий, поддержание и укрепление которых обеспечивается масштабным развитием предпринимательства [10].

Структура обеспечения экономической безопасности малого и среднего бизнеса в настоящее время формируется стихийно, иногда при разработке и реализации программ органы исполнительной власти исходят из своих ведомственных интересов, не всегда обеспечивается должная координация экономических субъектов. Анализ развития и проблем малого и среднего бизнеса в России дает основания утверждать, что в процессе реализации государственной экономической политики обозначились как положительные, так и отрицательные тенденции. Для выхода из создавшегося положения требуются значительные целенаправленные усилия со стороны государственных структур при выработке политики по развитию предпринимательства с детальной разработкой форм и методов поддержки малого и среднего бизнеса.

Многие негативные моменты, демонстрирующие низкую защищенность прав собственности в нашей стране, отражаются именно на представителях малого бизнеса. При этом важно отметить, что очень медленно идет процесс кооперации между малыми предприятиями, что в первую очередь является следствием не налаженных партнерских отношений. По тем же причинам с большими затруднениями налаживается контакт больших и малых предприятий, а трудовые отношения в сфере малого бизнеса еще далеки от совершенства. Налоговое бремя предпринимателей вынуждает их в значительной степени экономить на персонале, что выражается в неофициальном трудоустройстве работников (отсутствие трудового контракта и каких-либо социальных гарантий, зарплата «в конвертах»). Данная практика стала широко распространена в сфере российского малого предпринимательства.

Предпочтение представителей крупного бизнеса как надежных партнеров, например, в процедуре государственных и муниципальных закупок, оказывает еще большее негативное влияние на малый бизнес. К сожалению, высокая конкуренция среди российских предприятий – представителей малого бизнеса, не способна изменить ситуацию монопольных предприятий. Наверное, одним из самых характерных отличий российского малого бизнеса от бизнеса высокоразвитых стран является его тесное взаимодействие с теневой экономикой. Данное обстоятельство, безусловно, оказывает отрицательное воздействие не только на развитие всего малого бизнеса, но и на российскую экономику в целом.

Библиографический список

1. Бобошко В.И. Перспективы государственной поддержки малого предпринимательства // Вест-

ник Российского экономического университета им. Г.В. Плеханова. – 2008. – № 4.

2. Белкин Д.В. Основные подходы к исследованию экономической безопасности предприятий // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. – 2011. – № 4.

3. Вишневская О.В. Подходы к формированию концепции экономической безопасности предприятия // Terra Economicus. – 2011. – Том 9. – № 4.

4. Добуш З.А., Поповиченко Ю.А. Проблемы государственного регулирования экономической безопасности торгового предпринимательства на посттрансформационном этапе развития экономики // Современные проблемы науки и образования. – 2013. – № 3.

5. Королев Д.А. Актуальные проблемы развития малого бизнеса на современном этапе развития экономики России // Общество: социология, психология, педагогика. – 2013. – № 1.

6. Малолетко А.Н., Малолетко Н.Е. Проблемы обеспечения экономической безопасности предприятий гостиничного бизнеса в условиях внедрения инноваций // Инновационное развитие экономики. – 2013. – № 4–5.

7. Постановление Правительства РФ от 22.04.2005 N 249 «Об условиях и порядке предоставления средств федерального бюджета, предусмотренных на государственную поддержку малого предпринимательства, включая крестьянские (фермерские) хозяйства» (ред. от 20.03.2008) // Российская газета. Федеральный выпуск от 26 марта 2008 г. – № 4621

8. Соболев И.А. Безопасность субъекта предпринимательской деятельности: взаимодействие коммерческой организации и органов внутренних дел // Вестник Санкт-Петербургского университета МВД России. – 2012. – Т. 53. – № 1.

9. Слизкая В.П., Соболев И.Л. Обеспечение экономической безопасности коммерческой организации: правоохранный аспект. – СПб.: Тема, 2011.

10. Суглобов А.Е. Особенности малого бизнеса как субъекта инновационной экономики // Вопросы региональной экономики. – 2011. – Т. 8. – № 3.

11. Суглобов А.Е., Бобошко В.И., Ладнюк И.А. Состояние и проблемы адаптации международных стандартов аудита в России // Международный бухгалтерский учет. – 2010. – № 2.

12. Федеральный закон «О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации» от 31 июля 2007 года № 209 (с изм. от 24.07. 2013 г.) // Российская газета. Федеральный выпуск от 26.07.2013. – № 6139.

13. Шлафман А.И. Место государственного регулирования и поддержки предпринимательства в экономических процессах // Известия Иркутской государственной экономической академии. – 2011. – № 1.

ДЕТЕРМИНИРУЮЩЕЕ ВЛИЯНИЕ ГЛОБАЛЬНОГО ФИКТИВНОГО ФИНАНСОВОГО КАПИТАЛА НА РАЗЛИЧНЫЕ СЕКТОРА РОССИЙСКОЙ ЭКОНОМИКИ

В настоящей статье рассмотрены некоторые негативные последствия господства глобального фиктивного финансового капитала, главным образом – финансово-банковского капитала в трансформационной экономике современной России, предложены пути преодоления таких последствий.

Ключевые слова: глобальный фиктивный финансовый капитал, транзакции, банкротство, долги, социальная мобильность, инвестиции.

Одним из ключевых признаков современного состояния российской трансформационной экономики является все еще сохраняющееся доминирование финансово-банковского, «фиктивного» сектора над сектором реальным. А именно – «фиктивный» сектор оказался инструментом вывода активов, в том числе капитала, приватизированных (бывших государственных) предприятий за пределы российского экономического оборота. Вновь созданные коммерческие банки выполняли эту задачу еще в 1990-е гг. на первых этапах приватизации, обслуживая интересы вновь возникших крупных «частных» собственников, фактически обескровив российскую экономику уже тогда. И продолжают выполнять в сущности эту же задачу по сей день.

В последнее десятилетие появился ряд новых феноменов. Они также стали возможными в целом по причине доминирования фиктивного капитала, а в частности – в силу несовершенства институциональной среды финансово-банковской системы (подробнее о несовершенстве институциональной среды инвестиционной деятельности банков современной России см.: [3]). Возможно, они и не лежат «на поверхности», но от этого факт их наличия не становится менее затруднительным для экономического роста.

Феномен первый. Соккрытие истинного экономического смысла транзакций. Мы имеем в виду распространившийся в практике финансово-хозяйственной деятельности в современной России феномен «введения экономического смысла» в определенные сделки. Речь идет о наделении этих сделок тем смыслом, которого в них не было, и о сокрытии их истинного смысла. А истинный смысл – избежание (так называемая «оптимизация») налогообложения и последующий вывод активов из организации. Кому адресован «введенный» экономический смысл: аудиторы и государственные органы, которые, в свою очередь, могут «не заметить» смысла истинного – вывода активов – за определенное, по сути коррупционное, вознаграждение, в какой бы форме оно ни уплачивалось. Чаще других во «введении» экономического смысла нуждаются сделки, представляющие

собой, по выражению Р.С. Дзарасова, self-dealing (сделки с самим собой) [2]. В данном случае имеются в виду сделки, направленные на перераспределение активов между структурными единицами одной и той же организации, формально – институционально независимыми как от самой «головной» организации, так и между собой. Вообще, искусственное раздувание корпоративной структуры организации, когда даже небольшая фирма состоит из 10–15 институциональных единиц – юридических лиц, по которым «оптимально» распределяются активы и пассивы с целью максимально оперативного и непрозрачного вывода наиболее ликвидных из активов, типично для современной трансформационной экономики России.

Как подчеркивали А.В. Бузгалин и А.И. Колганов, деньги не имеют исключительной ликвидности, а исключительную ликвидность имеет формальная и неформальная корпоративная власть [1, с. 336]. Важная детализация указанного тезиса содержится в словах Р.С. Дзарасова: «Формальные права собственности на деле не могут на деле осуществляться в России, если они не подкреплены неформальным контролем над активами» [2, с. 149]. Типичная ситуация: «основная» компания дает собственное имущество в залог банку по кредиту, который получает от банка организация, подконтрольная основной компании лишь неформально. Если подобная сделка привлекает внимание аудитора, то «услуга» по предоставлению собственного имущества в залог по «чужому» обязательству делается возмездной. Для этого оформляется необходимая документация (договоры, письма и т.д.), и даже проводятся платежи «заемщика» «залогодателю» за подобную «услугу». Платежи по размеру символические (если принимать во внимание суммы кредитов), то есть по своей сути фиктивные. В получении такого «вознаграждения» и заключается экономический смысл сделки. Сделка носит локальный во времени характер, а впоследствии на полученную основной компанией сумму вознаграждения за подобную «услугу» могут быть начислены налоги и штрафы за их несвоевременную (так как документация чаще всего фактически изготавливается значительно позднее указываемых

в ней дат) уплату. Но, как бы высоки ни были эти налоги и штрафы, издержки, связанные с их уплатой, для собственников компании меньше, чем издержки от раскрытия истинной корпоративной структуры организации и истинных ее целей, связанных с выводом активов.

Феномен второй. Искажение сущности института банкротства. В трансформационной экономике современной России несостоятельность (банкротство) организации часто бывает создана искусственно самими ее собственниками, а не возникает в результате предпринимательского риска, как в «нормальной» рыночной экономике. Банкротство выступает в роли механизма легального перераспределения активов и дефолта (притом вовсе не технического, а как раз «истинного») по ранее взятым на себя обязательствам перед контрагентами. Типичный случай таков. Приобретая любую организацию, ее новый собственник несет риск получения (помимо активов) скрытых долгов, иных обязательств, которые могут в денежном выражении суммарно превалировать над активами в десятки раз и более. Эти обязательства не отражаются в официальной отчетности и иной документации, но от этого не теряют своей актуальности, играя «инструментарную» роль в руках «кредитора» (которым оказывается – пусть не всегда прямо, но косвенно уж точно – старый собственник организации) для инициирования банкротства проданной им организации, проданного им бизнеса. Так «продавец», получив деньги за проданный бизнес, также и избавляется от «проблемных» активов, а «покупатель», сначала оказавшись перед лицом неминуемого банкротства приобретенного им бизнеса, в итоге остается и без финансовых ресурсов, затраченных на приобретение этого бизнеса, и без самого бизнеса.

Феномен третий. Затруднения, зачастую искусственные, для горизонтальной и вертикальной социальной мобильности сотрудника, в части перехода сотрудника из одной компании (экономического субъекта) в другую. В современной российской практике можно наблюдать ситуации, когда сотрудник, обладающий определенными сведениями о непрозрачной деятельности компании и желающий ее покинуть добровольно, оказывается перед лицом целого ряда формальных и неформальных препятствий на пути своего увольнения. Если же он настаивает на своем желании, то увольняется по порочащим его формальным основаниям. Этим достигается то, что бывший сотрудник вынужден тратить личное время на административные процедуры отмены этих порочащих оснований, а не на трудоустройство и, соответственно, реализацию своего человеческого потенциала. Ведь на последующих местах работы информация, «разглашения» которой столь опасался предыдущий работодатель, практически неизбежно будет в той

или иной форме использоваться этим сотрудником, *хотя бы и в виде приобретенного им профессионального опыта.* В результате ни управленец, ни специалист не может игнорировать навязанные ему компанией неформальные институциональные правила, а тем более – устанавливать новые правила, если он не хочет быть уволенным со своей работы, а затем и исключенным из экономического «контекста» вообще без перспективы найти иное рабочее место. В результате весь реально применяемый его человеческий потенциал сводится к *воспроизводству порочных институтов трансформационной экономики.*

Незамедлительными *срочными* мерами по оздоровлению российской финансовой системы представлялись бы следующие (подробнее также см. [3]):

Во-первых, совершенствование формальных институциональных правил банковской деятельности. Прежде всего – исходящих от государства (законодательства, актов Банка России). Но и внутрибанковского корпоративного менеджмента. Должно стать общеобязательным наличие особого межподразделенческого органа управления (инвестиционного комитета), который должен являться ключевым центром принятия банковских инвестиционных решений.

Во-вторых, введение практики всеобъемлющей предварительной антикоррупционной экспертизы инвестиционных проектов в коммерческих банках. При этом должны быть сняты все (или почти все) формально и неформально существующие как иерархические («вертикальные»), так и компетенционные («горизонтальные») ограничения для участия сотрудников банка в такой экспертизе. Приведем пример. Финансово-экономические и юридические аспекты инвестиционных проектов неразрывно связаны. Поэтому сотрудники, скажем, кредитного подразделения банка могут и должны высказываться по вопросам наличия или отсутствия формальных институциональных (в том числе и правовых) гарантий выполнимости проекта, а сотрудники подразделения юридического – о степени финансово-экономической реализуемости проекта и его последствиях для банка.

В-третьих, исключение возможности неконтролируемой переуступки банками третьим лицам прав требований возврата проблемных ссуд. Имеется в виду не только защита должников-граждан от неправомерных действий «коллекторов», но и защита кредиторов банка (в первую очередь – вкладчиков из числа физических лиц) от потери банком ликвидности, вызванной несформированными резервами по невозвращаемым (проблемным) кредитам, то есть также от последующего отзыва у банка лицензии и от невозможности выполнения последним контракта перед кредитором (в общем случае – невозможности возврата вклада,

хотя бы речь и шла о *частичной* невозможности в силу наличия системы страхования вкладов на определенную сумму).

В-четвертых, создание механизмов общественного контроля за деятельностью банков, рычагов «обратной связи» между банковской системой и гражданским обществом. Таким механизмом, например, мог бы стать институт чрезвычайного банковского уполномоченного, назначаемого Общественной палатой и Центральным банком Российской Федерации. Конкретные формы институционализации таких механизмов должны быть выработаны в ходе широкой общественной дискуссии, где банковское сообщество играло бы координирующую, но не исключительно руководящую роль (иными словами, роль «модератора», но не «администратора»).

В-пятых, создание механизмов институционализации обеспечения возвратности инвестиций. Назовем лишь, на наш взгляд, наиболее назревшие из них:

- выявление и мониторинг истинного положения наиболее крупных контрагентов компании – потенциального заемщика;

- адекватный управленческий контроль банка над кредитруемыми им предприятиями со стороны кредитора. В частности, исключение возможности наличия управляемой или контролируемой заем-

щиком кредиторской задолженности (а тем более – скрытой задолженности). Ведь подобная задолженность для заемщика есть «спусковой крючок» для инициирования – в любое удобное для заемщика время – преднамеренного банкротства самого себя, в результате которого кредитор получает в лучшем случае лишь доли процентов от суммы предоставленных инвестиций (кредита);

- исключение возможности оформления даже части суммы кредита в обход требований центрального банка (Банка России) о резервировании – например, от имени подконтрольной банку иностранной компании, притом не в форме кредита, а в некоей неявной форме вроде «консультирования и организации финансирования».

Библиографический список

1. Бузгалин А.В., Колганов А.И. Глобальный капитал. – М.: УРСС, 2004. – 509 с.
2. Дзарасов Р.С. Механизм накопления капитала и инвестиционные стратегии российских корпораций: дис. ... д-ра экон. наук. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, 2010. – 348 с.
3. Залетный А.А. Банки в современной России: институциональный анализ инвестиций. – М.: Экономический факультет МГУ имени М.В. Ломоносова, ТЕИС, 2013. – 192 с.

УДК 331

Иванова Мария Михайловна

кандидат экономических наук

*Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского
migel@yandex.ru*

Родинова Надежда Петровна

доктор экономических наук, профессор

*Московский государственный университет технологий и управления им. К.Г. Разумовского
naduxa57@mail.ru*

ВОЗМОЖНОСТИ ERP-СИСТЕМ ДЛЯ ЦЕЛЕЙ АВТОМАТИЗИРОВАННОГО УПРАВЛЕНИЯ ПЕРСОНАЛОМ

В статье рассматривается возможность автоматизированного управления персоналом с помощью интегрированных информационных ERP-систем. Авторы делают обзор функциональности, задач и преимуществ использования данных систем на предприятии.

Ключевые слова: автоматизированные системы управления, планирование ресурсов предприятия, управление персоналом.

Термин «автоматизированные системы управления» (АСУ) впервые появился в России в 1960-е гг. XX века в связи с применением компьютеров и информационных технологий в управлении экономическими объектами и процессами, что дало возможность повысить эффективность производства, лучше использовать ресурсы, избавить управленцев от выполнения обязательных рутинных операций [1].

В настоящее время в мировой практике для обозначения полнофункциональных интегрированных АСУ, используемых предприятиями, применяют

следующие названия: MRP (Material Requirement Planning – планирование материальных потребностей), MRP II (Manufacturing Resource Planning – планирование производственных ресурсов), ERP-система (Enterprise Resource Planning – планирование ресурсов предприятия), ERP-II и CSRP (Customer Synchronized Relationship Planning – планирование ресурсов, синхронизированное с покупателем).

Какая-либо однозначная и общепринятая общая классификация ИТ-предприятий отсутствует. Возможный вариант обобщенной структуры со-

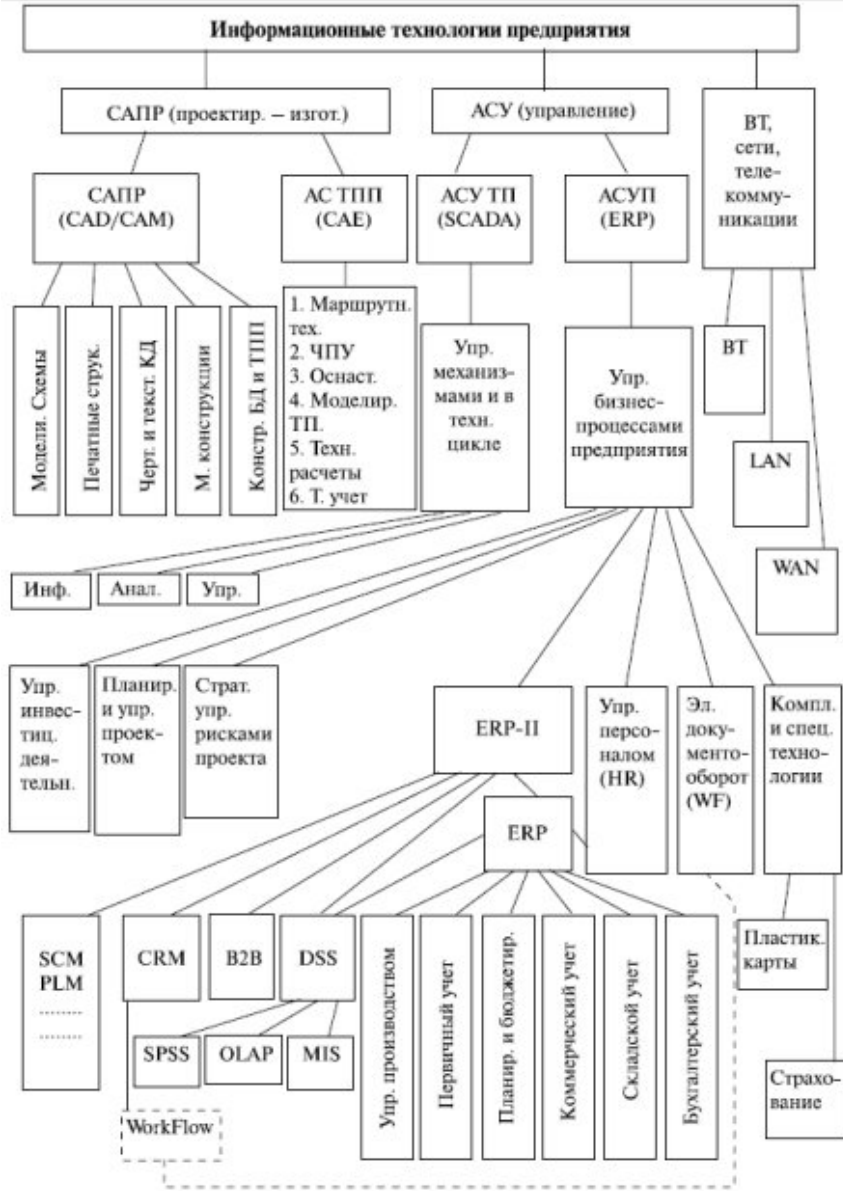

Рис. 1. Обобщенная структура информационных технологий предприятия

временных информационных технологий, внедряемых на промышленных производствах различного типа, приведен на рисунке 1.

Интерес для нашего рассмотрения представляют ERP-системы, в состав которых входят системы управления персоналом.

ERP-система – это интегрированная система на базе ИТ для управления внутренними и внешними ресурсами предприятия (значимые физические активы, финансовые, материально-технические и человеческие ресурсы). Цель системы – содействие потокам информации между всеми хозяйственными подразделениями (бизнес-функциями) внутри предприятия и информационная поддержка связей с другими предприятиями. Построенная, как правило, на централизованной базе данных, ERP-система формирует стандартизованное единое информационное пространство предприятия.

Современные ERP-системы позволяют автоматизировать бухгалтерский, финансовый, управленческий, логистический, производственный, складской, кадровый и прочие виды учета (рис. 2) [2].

Так из рисунка 2 видно, что стандартизированное управление персоналом также является частью единого информационного пространства предприятия.

Управление персоналом (Human Resource Management) – область знаний и практической деятельности, направленная на обеспечение организации «качественным» персоналом (способным выполнять возложенные на него трудовые функции) и оптимальное его использование. Оптимальное использование персонала с точки зрения «управления персоналом» достигается за счёт выявления положительных и отрицательных мотивов индивидуумов и групп в организации соответствующим образом.

Финансовое управление	Финансовый учет	Клиенты и поставщики	РСБУ, НУ	Основные средства
Дистрибуция и производство	Управление запасами	Управление складами	Производство	Планирование ресурсов
Отношения с клиентами	Контакты и история клиентов	Управление продажами	Управление маркетингом	Управление сервисом
Управление персоналом	Управление персоналом	Кадровый учет	Расчет заработной платы	Портал сотрудника

Рис. 2. Сфера применения ERP-системы на предприятии

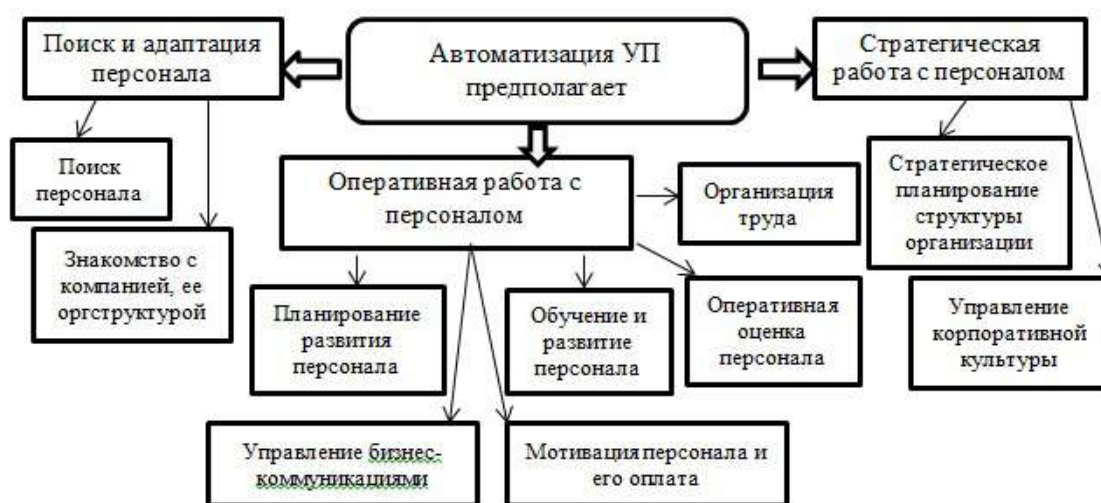

Рис. 3. Задачи, решаемые с помощью систем автоматизации «Управление персоналом»

Рис. 4. Обзор функциональности решения ЛАНИТ «Управление персоналом»[6]

Характеристика ERP-систем по управлению персоналом

Функциональность позволяет	управлять количественным и качественным составом персонала - прием, высвобождение сотрудников, ведение кадрового резерва, расстановка кадров и т.п.
	производить оценку трудовой мотивации и эффективности деятельности персонала
Преимущества	использовать различные системы оплаты труда, материального стимулирования
	управлять производительностью труда, процессами вознаграждения и рабочим временем
Решение задач с помощью системы позволяет	выполнять любые вычислительные процедуры, связанные с расчетом заработной платы, включая автоматическую разбивку результатов расчета по проводкам и статьям затрат
	формировать документы экономико-правового регулирования, стандартные отчетные формы, любые произвольные отчеты и отчетность для Пенсионного фонда и Государственной налоговой инспекции
	возможность применения на предприятиях любой организационной структуры, любой формы собственности и количества сотрудников
	глубокая адаптация к отраслевым, организационным и производственным особенностям предприятия
	соответствие отечественной специфике учета, управления, поддержка законодательства
	возможность производить оценку трудовой мотивации и эффективности деятельности персонала, что позволяет развивать творческий потенциал сотрудников и повышать производительность труда
	значительное сокращение трудозатрат в процессе расчета заработной платы
	осуществлять планирование и контроль поиска и адаптации персонала, оперативно оценивать текущее состояние по заполнению вакансий
	принимать эффективные решения по оценке работы менеджеров среднего звена, контролировать эффективность работы сотрудников
	планировать подготовку руководящего резерва, обеспечивая преемственность управления и снижая риски критичных для бизнеса кадровых потерь
	производить расчет зарплаты по данным выработки сотрудников
	осуществлять комплекс расчетов с персоналом
	отражать зарплаты в финансовом и регламентированном учете

ющего стимулирования положительных мотивов и «погашения» отрицательных мотивов, а также анализа таковых воздействий. Управление персоналом является неотъемлемой частью качественных систем управления (менеджмента) в концепции контроллинга [3].

Системы автоматизации Управления персоналом включают в себя поддержку следующих задач (рис. 3).

Существуют надежные инструменты для формирования эффективной кадровой политики предприятия, с помощью которого успешно решаются задачи набора новых сотрудников, кадрового учета и расчета заработной платы, повышения квалификации персонала.

Примером такой системы может служить **система Галактика Управление персоналом**. Она представляет собой универсальное решение, с помощью настроек легко адаптируются к определенным требованиям законодательства, а также в соответствии с отраслевыми, организационными, производственными особенностями учитывает специфику конкретного предприятия. Модуль ориентирован на предприятия различных отраслей и форм собственности. Он может использоваться как на крупных предприятиях, так и в компаниях среднего и малого бизнеса.

Модуль «Управление персоналом» – это учет размера зарплаты, трудоустройство с оформлением приказов, ведение документации по кадровым вопросам, табели рабочего времени. Модуль предназначен для кадровых служб предприятий любой

организационной структуры (в том числе и с обособленными подразделениями или филиалами, а также с географически разветвленной сетью дилеров или агентов), независимо от форм собственности и количества сотрудников. В базе возможно хранение неограниченного по объему архива данных. Данный модуль может быть совместно использован с модулями «Заработная плата» и «Табельный учет».

Модуль «Заработная плата» – это автоматизация бухгалтерских расчетов по начислению зарплаты, расчет оплаты труда при повременных и сдельных формах. Модуль «Табельный учет» – это плановый и фактический учет рабочего времени, графики работы, регистрация отпусков, больничных.

Решение Галактика Управление персоналом принадлежит к классу HRM – (Human Resource Management) решений и поддерживает управленческую концепцию HCM (Human Capital Management), – в соответствии с которой персонал организации рассматривается как актив, эффективно используемый компанией для достижения своих стратегических задач.

Также примерами интегрированной информационной системы являются функциональное решение ЛАНИТ «Управление персоналом» (SAPERPHCM) (рис. 4) и система «Монолит: Персонал» (рис. 5).

Существуют успешные примеры применения автоматизированных систем управления персоналом.

На трех предприятия топливной компании «ТВЭЛ» – ОАО «МСЗ», ОАО «УЭХК» и ООО

Рис. 5. Обзор функциональности ERP-системы «Монолит: Персонал» [7]

Рис. 6. Система управления персоналом топливной компании «ТВЭЛ»

«УЗГЦ» внедрена система управления персоналом на базе SAP HCM (рис. 6). Завершающие мероприятия по проекту прошли 28 мая и 4 июня 2013 г.

Проект входит в Программу трансформации ИТ Росатома. В ходе его реализации на предприятиях были полностью автоматизированы управление организационными структурами и штатными расписаниями, кадровый и табельный учет, расчет заработной платы, управление эффективностью персонала и учет показателей охраны труда в рамках управления персоналом. На сегодня в системе обрабатывается информация почти по 9 тыс. сотрудникам ОАО «МСЗ», ОАО «УЭХК» и ООО «УЗГЦ», и работает 292 пользователя.

Основная цель внедрения системы на УЗГЦ – сделать максимально эффективной управляемость предприятия в составе Топливной компании ТВЭЛ и Госкорпорации «Росатом». Один из важнейших и трудоемких бизнес-процессов переведен на корпоративный шаблон, при этом учтены специфические моменты предприятий».

Внедрение системы управления персоналом позволило службам HR автоматизировать рутинные процессы, минимизировать затраты, ресурсные издержки, ошибки и исключить дублирование операций при начислении заработной платы и ведении учета персональных данных сотрудников предприятий.

В промышленную эксплуатацию система была переведена 1 января 2013 года. Таким образом, на сегодня в системе SAP HCM работает 6 предприятий топливного дивизиона (в 2011 году система внедрена в ОАО «ТВЭЛ», в 2012 – в ОАО «НЗХК» и ОАО «АЭХК»), и обрабатывается информация по 13 тысячам сотрудников. В планах Топливной компании к 2015 году внедрить систему на всех крупных предприятиях дивизиона [4].

Согласно исследованиям Джима Уитгера (Jim Witschger) [8], несмотря на то, что программное обеспечение помогает в решении многих задач, оно всего лишь автоматизирует уже существующие технологии работы. Если задачи управления человеческими ресурсами (HR function) хорошо продуманы, средства автоматизации ускорят процесс. В противном случае, автоматизированная система просто быстро выявит проблемы и недостатки. При этом внедрение автоматизированной системы управления персоналом не приведет к сокращению сотрудников кадрового отдела. Крайне редко появление автоматизированной системы сопровождается потерей рабочих мест. Любое программное обеспечение требует настройки, поскольку только в этом случае оно будет максимально отвечать предъявляемым к нему требованиям. Однако чтобы внедрить автоматизированную си-

стему управления персоналом требуется совсем немного: выбрать подходящий продукт и научиться с ним работать. Стоит отметить, что технология работ кадрового отдела небольшой или средней компании может быть автоматизирована за очень короткий промежуток времени, иногда для этого достаточно одной-двух недель.

Библиографический список

1. *Граничин О.Н., Кияев В.И.* Информационные технологии в управлении. INTUIT, 2008. – 249 с.
2. *Иванова М.М.* Внедрение ERP-системы на промышленных предприятиях: критерии, сложности, факторы успеха // «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Экономика и право». – М.: «Научные технологии». – 2013. – № 11. – С. 12–17.
3. *Нанеишвили Г.Д.* Определение ERP: Управление персоналом (Human Resource Management) [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://club.cnews.ru/blogs/entry/opredelenie_erp_upravlenie_personalom_human_resource_management (дата обращения: 15.03.2014 г.)
4. На трех предприятиях ТВЭЛа внедрена система управления персоналом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.atomic-energy.ru/news/2013/06/11/42166> (дата обращения: 15.03.2014 г.)
5. *Суглобов А.Е., Жиликов А.П.* Автоматизация учета, как метод повышения эффективности финансового контроля строительства олимпийских объектов МВД России // Национальные интересы: приоритеты и безопасность. – 2012. – № 44. – С. 35–41.
6. *Суглобов А.Е., Древинг С.Р., Петренко В.А.* Роль и место электроэнергетики в топливно-энергетическом комплексе и экономике России // Региональная экономика: теория и практика. – 2009. – № 13. – С. 2–13.
7. *Суглобов А.Е.* Концепция бухгалтерской отчетности в России и международной практике // Все для бухгалтера. – 2006. – № 12. – С. 2–5.
8. *Уитгер Джим.* Автоматизированные системы управления персоналом: мифы и реальность // IntersoftLab. 31.03.2000 [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://iso.ru/print/rus/document5866.phtml> (дата обращения: 15.03.2014 г.)
9. Функциональное решение ЛАНИТ «Управление персоналом» на базе SAP ERP HCM [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://erp.lanit.ru/sap_erp_hcmf.html (дата обращения: 15.03.2014 г.)
10. ERP Монолит. Управление персоналом [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.monolit.com/files/listfiles/monerp5_flyer_hrm_rus.pdf (дата обращения: 15.03.2014 г.)

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ОБЕСПЕЧЕНИЕ УПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЕМ РЕГИОНАЛЬНЫХ СИСТЕМ ОБРАЗОВАНИЯ

Автором обосновываются предпосылки импликации институционального обеспечения развития региональных систем образования как ключевые условия устойчивого развития.

Ключевые слова: институциональная экономика, региональные системы образования, устойчивое развитие.

Сфера образования как понятие, вбирающее в себя понятие «система образования», нами рассматривается с позиции институциональной экономики на основе политэкономического и тектологического подходов и идентифицируется в качестве экономического института. Такой взгляд значим для логики нашего исследования в силу нижеследующего. Либо образование становится механизмом консервации возможностей человека и в рамках определенной экономической политики превращения человека в элемент общественного производства (и тогда человек для производства, а не производство для человека), либо сфера образования является тем институтом, который раскрывает резервные (природой данные) возможности человека, и тогда человек не просто социализируется, не только является созидателем возможностей удовлетворения потребностей людей, но и реализует свое предназначение быть человеком.

Выделение экономических институтов как специфического типа институтов охарактеризовано в бесконечно большом массиве публикаций. Например, только в сборниках, изданных по итогам конференций, проведенных за последние четыре года в Костромском государственном университете, их более двухсот [5; 6; 7; 8].

Вышеотмеченное усиливает необходимость обоснования институционализации процессов управления развитием региональной системой образования.

В неоклассике роль государства трактуется исходя из принципа «Государство должно делать только то, что не может делать рынок» [1]. В соответствии с этим тезисом государство должно компенсировать «фиаско рынка» и выполнять следующие шесть основных функций:

- 1) производство «общественных благ»;
- 2) регулирование «естественных монополий»;
- 3) устранение чрезмерного социального неравенства;
- 4) защита общества от «внешних эффектов»;
- 5) поддержание макроэкономической стабильности;
- 6) сглаживание экономического цикла.

Это минимальный перечень того, чем должно заниматься государство. Но зачастую ему прихо-

дится гораздо активнее вмешиваться в экономику, в том числе в чисто производственную сферу, если частный капитал не в состоянии решить те или иные задачи. При этом важно, чтобы государственное вмешательство не превысило критический порог, за которым наступает ослабление рыночного механизма и падает эффективность всей экономики [3].

Недостаточное знакомство российской общественности, в том числе идеологов реформ, с институциональной теорией обусловило упрощенность представлений о характере переходных процессов и привело ко многим ошибкам в проведении реформ. Значение институциональной теории для понимания постпереходной экономики состоит в том, что она позволяет включить чисто экономические процессы в более широкий контекст социально-экономических, политических и культурных изменений. Более того, поскольку именно «правила игры» задают поведение экономических субъектов, то институциональная трансформация первична по отношению к другим направлениям модернизации системы образования, например, структурным.

Для выяснения положения и роли процессов управления развитием РСО особое значение имеют следующие идеи, обоснованные институциональной теорией.

Институциональная преемственность. Эффект *rain dependence* (институциональная преемственность) свидетельствует о том, что система образования как мезосоциоэкономическая система не может трансформироваться в одночасье и что изменение огромного массива неформальных институтов, прежде всего, культуры, требует длительного исторического периода. Поэтому модернизация системы образования займет целый исторический отрезок времени, в течение которого будут проявляться и исторически унаследованные черты российского общества. К ним относится, в первую очередь, господствующее положение государства над обществом и недостаток индивидуальной экономической и социальной инициативы. Это возлагает на органы управления РСО большую ответственность за прогресс преобразований. Но поскольку реальные возможности управления экономикой со стороны государственной власти очень сильно сократились, то эффективность государственного регулирования зависит от зрелости ма-

кроэкономических инструментов, каковыми являются сформированные институты.

Эффект институциональной преемственности демонстрирует принципиальную невозможность «переделки» российской системы образования по образцу какой-либо зарубежной страны. Россия не может быть похожа на США, Германию, Китай или любое иное государство, добившееся выдающихся успехов в социально-экономической сфере. Но оставаясь самобытной, система образования России должна взять все позитивное из мирового опыта.

Потребность в сильных институтах. В истории нет ни одного примера успешного развития экономики в условиях политической и социальной неустойчивости. С институциональной точки зрения неустойчивость порождает дополнительные высокие транзакционные издержки по защите контрактов и прав собственности и тем самым ведет к сужению рамок экономического обмена.

Под сильными институтами мы понимаем правила, которые строго соблюдаются экономическими субъектами и организации, способными обеспечить соблюдение этих правил. Источник возникновения сильных институтов – один из недостаточно ясных вопросов экономической и социальной теории, настоятельно требующий решения. Хотя достаточно очевидно, что сильными могут быть, прежде всего, те институты, которые надежно защищены государством, пути формирования такого государства весьма дискуссионны. Во всяком случае, упрощенные подходы и штампы («авторитарная власть», «сильная рука») с научной точки зрения ничего не дают для понимания феномена сильного государства, потому что не объясняют, при каких условиях авторитаризм может принудить общество к соблюдению законов и норм, а при каких – нет. Д. Норт по поводу сильного государства пишет так: «На нынешнем уровне знаний нам неизвестно, как создать такое государство... Если говорить упрощенно, то, предположив, что государство располагает принудительной силой, мы должны признать, что лица, управляющие государством, будут использовать эту силу в своих интересах за счет остального общества» [2]. Из дальнейших рассуждений Норта можно заключить, что он склоняется к мысли о том, что соблюдение прав собственности и контрактов обеспечивается «самоподдерживающимися стандартами поведения», иными словами – культурой, сформированной системой образования.

Мы предлагаем другой подход к проблеме сильных институтов. Правило и норма соблюдаются тем полнее, чем больше они соответствуют интересам тех, на кого распространяются. В этом случае снижаются транзакционные издержки контроля за оппортунистическим поведением. Конечно, в реальной жизни очень много норм, которые навязываются силой, но этот подход, по крайней мере, не-

эффективен, потому что зачастую требует больше сил и средств для контроля за соблюдением этих норм, по сравнению с той выгодой, которую получает общество. Как известно, институты возникают либо в результате санкционирования сложившейся практики, либо в результате заимствования, либо в результате превращения умозрительных, теоретических конструкций в общее правило. Все эти три направления «институционального проектирования» предполагают, что в конце институционального процесса находится государство, которое превращает некий замысел в закон. Чтобы закон стал «сильным институтом», государство должно стремиться выработать компромисс между противоречивыми интересами участников отношений, для регулирования которых он предназначен [4]. Практическим воплощением институционального проектирования служит деятельность государства по развитию законодательной базы реформ. Однако с точки зрения институциональных основ хозяйственной деятельности полезно провести разграничение между нормативными и регулятивными законами.

Как показал анализ основных проблем управления РСО, по мнению работников региональных органов управления образованием, основными проблемами, на их взгляд, являются проблемы закрепления собственности. Наш вывод базируется на результатах проведенного нами анкетирования (Костромская, Ярославская, Ивановская, Тамбовская области). Количество опрошенных – 192 человека, что составляет 81,2% от штатного расписания департаментов образования указанных областей.

Экономическая формация уходит медленно, но в соответствии с предсказаниями Маркса о «непосредственной производительной силе». В постиндустриальном обществе на место редкого и потому доминирующего ресурса вышли знания. А труд остался таким же массовым, как и прежде, и даже стал ещё более дешёвым.

Возникло новое общество, которое многие исследователи назвали «обществом знаний» (knowledge society). Доминирующим ресурсом стал не труд, а умение продуцировать новые знания, смыслы и конструкты, а в более широком смысле – уникальные и отчасти даже невозпроизводимые продукты. Могло показаться, что марксисты оказались правы и капиталисты потеряли доминирование над обществом. Да, традиционная частная собственность начала терять своё значение – но на смену ей пришла новая собственность, ещё более «страшная» для социалистов.

Сделаем вывод по результатам проведенного анализа.

1. Институционализация процессов управления развитием РСО – является не просто значимой, но и объективно необходимой с позиций возможностей эффективного регионального развития.

2. Институционализация процессов управления развитием региональной системой образования базируется на разграничении формальных и неформальных институтов, а также нормативных и регулятивных принципах институционализации.

3. Специфичность регионов РФ делает необходимым осуществление процессов институционализации управления РСО рамочными с позиции государства и соционаправленными с позиции региональных органов управления.

Библиографический список

1. *Лаффон Ж.-Ж.* Стимулы и политэкономия / пер. с англ. Н.В. Шиловой; под науч. ред. В.П. Бусыгина, М.И. Левина. – М.: Изд. дом ГУ ВШЭ, 2007. – 311 с.

2. *Норт Д.* Институты, институциональные изменения и функционирование экономики / пер. с англ. А.Н. Нестеренко; предисл. и науч. ред. Б.З. Мильнера. – М.: Фонд экономической книги Начала, 1997. – 180 с.

3. *Полтерович В.М.* Элементы теории реформ. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика»,

2007. – 447 с.

4. *Ревз В.В.* Человек: от кристалла к сознанию. – М.: ЗАО «Издательство «Экономика», 2002. – 302 с.

5. Экономические институты современной России: материалы научной конференции памяти М.И. Скаржинского, г. Кострома, 7 мая 2009 года / сост., науч. ред. В.В. Чекмарев. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2009. – 507 с.

6. Экономические институты современной России: материалы научной конференции памяти М.И. Скаржинского, г. Кострома, 6 мая 2010 года / сост., науч. ред. В.В. Чекмарев. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2010. – 743 с.

7. Экономические институты современной России: материалы научной конференции памяти М.И. Скаржинского, г. Кострома, 4 мая 2011 года / сост., науч. ред. В.В. Чекмарев. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2011. – 663 с.

8. Экономические институты современной России: материалы научной конференции памяти М.И. Скаржинского, г. Кострома, 22 октября 2012 года / сост., науч. ред. В.В. Чекмарев. – Кострома: КГУ им. Н. А. Некрасова, 2013. – 474 с.

УДК 330.101.541

Панфилов Фёдор Анатольевич
Министерство экономического развития РФ
panfilovfa@economy.gov.ru

ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПРОГРАММА РФ «РАЗВИТИЕ ОБРАЗОВАНИЯ» НА 2013–2020 ГОДЫ КАК ФАКТОР ТРАНСФОРМАЦИИ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ ОТНОШЕНИЙ

В статье представлены подходы к анализу государственной программы РФ «Развитие образования» на 2013–2020 гг. с позиций рассмотрения её как одного из факторов трансформации макроэкономических отношений.

Ключевые слова: федеральные целевые программы, трансформация макроэкономических отношений, система образования, развитие образования.

Распоряжением Правительства РФ от 15 мая 2013 г. № 792-р была утверждена государственная программа «Развитие образования» на 2013–2020 гг. (в новой редакции) [4]. Реализация названной Программы будет являться знаковым, поворотным пунктом в процессах модернизации высшей школы и, в целом, в трансформации макроэкономических отношений. Данное обстоятельство является причиной проведения экономического анализа на основе создания теоретико-методологических подходов к исследованию макро-экономических отношений.

Сделаем попытку обосновать позицию, согласно которой национальные приоритеты, выбранные на основе долгосрочного макропрогноза и системно представленные в стратегическом плане, находят реализацию в *федеральных целевых программах*, которые являются конкретным воплощением стратегически-инновационной функции государства в рыночной экономике.

Государственное регулирование рыночной экономики осуществляется в двух основных взаимосвязанных формах:

– нормативного регулирования самостоятельной деятельности агентов рынка, производителей товаров и услуг, создания благоприятных условий для их свободной конкуренции, преграды тенденциям к монополизации, защиты национальных интересов, малого бизнеса;

– непосредственного участия государства с помощью федеральных целевых программ и адресного финансирования для изменения траектории движения, осуществления модернизации экономики на основе инновационного прорыва, обеспечения национальной безопасности, решения крупных социальных и экологических проблем.

Обе эти формы дополняют друг друга в единой экономике и меняются в пространстве и времени.

В *социально-экономическом пространстве* с этой точки зрения следует выделить три сектора:

– *рыночный сектор*, где миллионы производителей товаров и услуг, за счет доходов от продажи на рынках товаров, платных услуг, возмещают издержки воспроизводства, получают прибыль, удовлетворяют свои потребности и отдают часть своих доходов государству для выполнения им функций, необходимых обществу;

– *нерыночный сектор*, в котором находятся миллионы организаций и семей, которые не могут жить за счет продажи товаров и платных услуг и нуждаются в постоянной поддержке государства за счет части доходов, полученных от рыночного сектора (это дети, пенсионеры, инвалиды, ученые, занятые фундаментальными исследованиями, педагоги, школьники и студенты, военнослужащие, государственные служащие, работники культуры; сюда относятся также финансирование крупных экологических мероприятий, меры по укреплению обороноспособности страны и т.п.). Хотя часть этих услуг и затрат принимает товарную форму, в конечном счете существование и развитие этого сектора зависит от поддержки государства;

– *стратегически-инновационный сектор*, в котором иницируются и осуществляются инновационные прорывы, обеспечивающие конкурентоспособность экономики в условиях циклической динамики и глобальной зависимости. Этот сектор развивается «на паях», в партнерстве: государство иницирует и вкладывает ресурсы в стартовое освоение базисных инноваций с участием бизнеса. Затем бизнес берет на себя распространение новых поколений техники на основе улучшающих инноваций и за счет отчислений от инновационной сверхприбыли (технологической квазиренты) возвращает государству его вложения с избытком. Тем самым обеспечиваются повышение конкурентоспособности национальной экономики, высокие темпы экономического роста.

Соотношение указанных выше двух форм государственного регулирования *меняется во времени*, по фазам среднесрочных и кондратьевских циклов [5]. В фазах распространения (диффузии) новых поколений техники, сравнительно эволюционного развития (фазы подъема и зрелости экономического цикла) преобладает косвенное регулирование государством социально-экономических процессов. В кризисных ситуациях, в периоды депрессии и начала оживления экономики важнейшее значение приобретает выполнение государством стратегически-инновационной функции. При этом с целью выбора правильного стратегического курса оно использует прогнозирование, стратегическое планирование и программирование.

Необходимость усиления регулирующей роли государства в кризисных ситуациях раскрыта *Литтиримом Сорокиным* [6], обосновавшим социальный закон флуктуации тоталитаризма и свободы. Несоблюдение этого закона ведет к негативным

последствиям. Так, отказ российского государства от стратегически-инновационного регулирования в 90-е годы стал одним из факторов углубления затяжного, рекордного для мирного времени цивилизационного кризиса.

Механизм государственного регулирования социально-политической динамики находит свое выражение в *национальном прогнозировании* [1], которое осуществляется в четырех основных формах:

– *национальные антикризисные программы*, позволяющие мобилизовать ресурсы страны для прохождения кризисной фазы в более короткие сроки и с меньшими потерями; такие программы обширны, но ограничены во времени;

– *национальные программы*, концентрирующие ресурсы государства и общества на одном или нескольких узловых направлениях инновационного прорыва;

– *национальные проекты*, имеющие более ограниченную сферу действия, чем национальные программы, и выступающие самостоятельно или как элементы программ;

– *целевые программы* федерального, регионального или корпоративного уровня, обеспечивающие решение конкретных проблем в той или иной сфере.

В настоящее время происходит становление системы национального программирования, адекватной условиям регулируемой рыночной экономики, но проекты охватывают лишь часть узловых проблем социально-экономического развития, имеют среднесрочную перспективу, не получили достаточного научного обоснования и балансовой проработки, в результате чего возник ряд проблем и диспропорций в процессе реализации проектов [7].

Необходимы дальнейшие последовательные шаги по формированию эффективной системы макроэкономического планирования. По нашему мнению, она должна включать (рис. 1):

– небольшое число (не более 5–6) *укрупненных национальных программ* на длительную перспективу (15–20 лет), направленных на решение узловых проблем социально-экономического и инновационно-технологического развития страны, обеспечивающих реализацию основных национальных приоритетов;

– входящие в состав указанных национальных программ автономные *национальные проекты* по решению конкретных крупных задач, обеспечивающих достижение целей национальных программ, и *федеральные целевые программы* (при условии пересмотра их качества и количества), а также *конкретных мероприятий* и в той или иной сфере (социальных, инновационно-технологических, территориального развития, в сфере экологии и т.д.).

Следует отметить, что принятые ныне федеральные целевые программы не должны быть поглощены национальными проектами, а должны

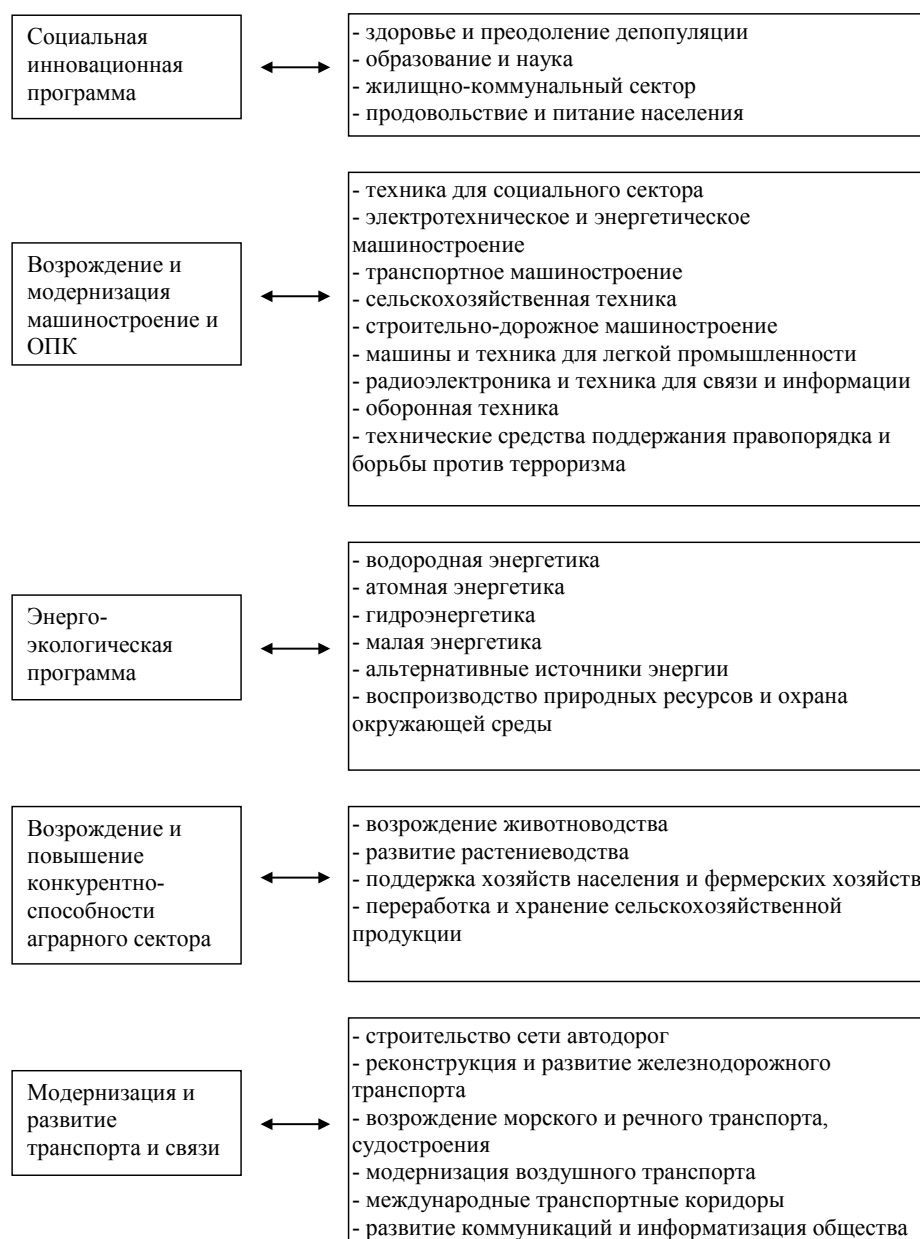

Рис. 1. Система национальных инновационных проектов и программ модернизации экономики России

приобрести новый статус как часть национального программирования для решения более ограниченных перспективных задач в свободном от национальных проектов пространстве. Необходимо также законодательное регулирование национального программирования в виде специального нормативного акта (федерального закона, либо постановления Правительства РФ).

При этом национальное программирование должно опираться на научную методологию и эффективную технологию, чтобы достичь желаемого результата, а не использовать неэффективно крупные ресурсы. В настоящее время единственным действенным программно-целевым инструментом реализации структурной политики государства являются федеральные целевые программы [3]. Основы методологии их разработки и реализации сводятся к следующим положениям.

1. Федеральные целевые программы – это особый, чрезвычайный метод государственного воздействия на процессы социально-экономического, инновационно-технологического, энергоэкологического, территориального развития, опирающийся на прямое участие государства в этих процессах с целью изменить траекторию их развития. Этот метод должен применяться там, где процессы рыночного саморегулирования не способны решать вновь возникшие проблемы, где выявляются опасные тенденции и где без прямого вмешательства государства преодолеть эти тенденции, прежде всего, в критических ситуациях, нельзя.

2. Федеральные целевые программы охватывают далеко не всю экономику и социальную сферу, а лишь четко обозначенное направление стратегического прорыва. Сфера действия федеральной целевой программы должна быть достаточно уз-

кой, чтобы обеспечить концентрацию и перевес сил для стратегического прорыва, и в то же время достаточно широкой, чтобы распространить успех на другие отрасли, достичь общего подъема экономики, иметь долговременный успех, изменить траекторию динамики объекта в желательном направлении.

3. Для реализации стратегического прорыва необходимы концентрация сил, перераспределение ресурсов в пользу программного сектора, в противном случае прорыв не может быть обеспечен. Однако при этом нужно сохранить динамическую сбалансированность в масштабе всей экономики, чтобы не возникли новые диспропорции и «точки провала». Эта сбалансированность должна соблюдаться в рамках как среднесрочного, так и текущего индикативного плана.

4. Отдельные мероприятия федеральных целевых программ должны быть взаимно увязаны, тогда возникнет дополнительный, синергетический народнохозяйственный эффект. Если это правило будет нарушено, то система может стать, согласно А. А. Богданову, дезорганизованной, ее общий эффект [2] окажется меньше суммы эффектов составляющих ее элементов (отрицательный синергетический эффект).

5. Управление реализацией федеральных целевых программ должно быть четко организовано и упорядочено, опираться на единую управляющую компанию (координатора) и инновационное партнерство государства, бизнеса, науки, образования и гражданского общества. Отторжение или ослабление любой из этих сил приведет к неудаче, провалу программы, пустой трате ресурсов, разочарованию в обществе, потере авторитета государства.

6. Разработку и реализацию федеральных целевых программ необходимо строить на профессиональной основе, на системе подготовки, переподготовки, повышения квалификации, непрерывного дополнительного профессионального образования и дистанционного обучения всех участников этой деятельности — от госслужащих, топ-менеджеров, исследователей, инструкторов до инженеров, техников, квалифицированных рабочих. Это будет способствовать общему повышению образовательного уровня и востребованности квалифицированных кадров.

7. В управлении разработкой и реализацией федеральных целевых программ инновационного характера (а они, как правило, являются инновационно-прорывными) следует соблюдать принцип «разделения и кооперации властей» применительно к трем необходимым составляющим системы программного управления:

– заказчикам — тем, кто определяет содержание программы (проекта), обеспечивает ее ресурсами, осуществляет государственную приемку и использование полученных результатов;

– научным руководителям (генеральным и главным конструкторам), которые выражают основную идею, существо программы (проекта), обеспечивают научное сопровождение и авторский надзор за практическим воплощением этой идеи;

– исполнительным органам — управляющей компании, исполнительной дирекции программ и проектов, организующим их выполнение, использующим выделенные ресурсы и отвечающим за полученные результаты.

Госпрограмма «Развитие образования» имеет паспорт. Раскроем его содержание. Во-первых, в паспорте указаны программно-целевые инструменты Программы, а так же подпрограммы Программы. Перечислим эти подпрограммы: «Развитие профессионального образования»; «Развитие дошкольного, общего и дополнительного образования детей»; «Развитие системы оценки качества образования и информационной прозрачности системы образования»; «Вовлечение молодежи в социальную практику»; «Обеспечение реализации государственной программы “Развитие образования” на 2013–2020 годы и прочие мероприятия в области образования».

Наш анализ предполагает выяснение того, насколько программа «Развития образования» отвечает на вопросы: обеспечит ли Программа высокое качество российского образования в соответствии с меняющимися запросами населения и перспективными задачами развития российского общества и экономики, и возможно ли повышение эффективности реализации молодежной политики в интересах инновационного социально ориентированного развития страны. Кроме того, анализ должен показать, насколько Программа позволит решить такие задачи, как: формирование гибкой, подотчетной обществу системы непрерывного образования, развивающей человеческий и перспективные потребности социально-экономического развития Российской Федерации; развитие инфраструктуры и организационно-экономических механизмов, обеспечивающих максимально равную доступность услуг дошкольного, общего, дополнительного образования детей; модернизация образовательных программ в системах дошкольного, общего и дополнительного образования детей, направленная на достижение современного качества учебных результатов и результатов социализации; создание современной системы оценки качества образования на основе принципов открытости, объективности, прозрачности, общественно-профессионального участия; обеспечение эффективной системы по социализации и самореализации молодежи, развитию потенциала молодежи.

Для анализа будут использованы такие целевые индикаторы и показатели Программы как удельный вес численности населения в возрасте 5–18 лет, охваченного образованием, в общей численности

населения в возрасте 5–18 лет; доступность дошкольного образования (отношение численности детей 3–7 лет, которым предоставлена возможность получать услуги дошкольного образования, к численности детей в возрасте 3–7 лет, скорректированной на численность детей в возрасте 5–7 лет, обучающихся в школе); отношение среднего балла единого государственного экзамена (в расчете на 1 предмет) в 10% школ с лучшими результатами единого государственного экзамена к среднему баллу единого государственного экзамена (в расчете на 1 предмет) в 10% школ с худшими результатами государственных (муниципальных) общеобразовательных организаций, которым предоставлена возможность обучаться в соответствии с основными современными требованиями, в общей численности обучающихся; удельный вес численности выпускников образовательных организаций профессионального образования очной формы обучения, трудоустроившихся в течение одного года после окончания обучения по полученной специальности (профессии), в общей их численности; охват населения программами дополнительного профессионального образования (удельный вес занятого населения в возрасте 25–65 лет, прошедшего повышение квалификации и (или) переподготовку, в общей численности занятого в экономике населения данной возрастной группы; удельный вес численности молодых людей в возрасте от 14 до 30 объединений, в общей численности молодых

людей от 14 до 30 лет.

Полагаю, что реализация предложенных подходов к анализу госпрограммы «Развитие образования» на 2013–2020 гг. позволит произвести её оценку как фактора трансформации макроэкономических отношений.

Библиографический список

1. Бестужев-Лада И.В. Нормативное социальное прогнозирование: возможные пути реализации целей общества. – М.: Наука, 2011. – 214 с.
2. Богданов А.А. Тектология. – М.: Экономика, 2004. – 291 с.
3. Бурдов В.Г. Экономическая теория развития общества: В 2 тт. / под ред. В.Д. Смолина. Т. 2. – СПб.: Изд-во Актерион, 2011. – 340 с.
4. Государственная программа РФ «Развитие образования» на 2013–2020 годы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.pravo.gov.ru>, 20.05.2013, «Собрание законодательства РФ», 27.05.2013, N 21, ст. 2671
5. Совершенствование системы закупки товаров, работ и услуг для государственных нужд. – М.: ИНФРА-М, 2009. – 361 с.
6. Сорокин П.А. Социальная мобильность / пер. с англ. М.В. Соколовой. под общ. ред. В.В. Сапова. – М.: Academia; LVS, 2005. – 588 с.
7. Хозяйственные системы инновационного типа: теория, методология, практика / под общ. ред. А.Н. Фоломьева. – М.: Экономика, 2011 – 397 с.

Роднина Анна Юрьевнакандидат экономических наук
Ивановский государственный университет
anna.rodnina@mail.ru**Бабаев Бронислав Дмитриевич**доктор экономических наук, профессор
Ивановский государственный университет
politeconom@rambler.ru**Чекмарев Василий Владимирович**доктор экономических наук, профессор
Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
tcheckmar@ksu.edu.ru

О ТЕОРЕТИКО-ПРИКЛАДНЫХ АСПЕКТАХ КРУГООБОРОТА КРЕДИТНОГО РЕСУРСА

На примере нескольких стадий кругооборота кредитного ресурса в данной статье определяются проблемы и деформации, которые существуют в кредитной системе РФ и в целом требуют ее модернизации, показывается неадекватности кредитной системы РФ запросам экономики и делаются предложения теоретико-методологического плана, позволяющие смягчить выявленные неадекватности.

Ключевые слова: кругооборот кредитного ресурса, деформации, неадекватность запросам экономики, предложения теоретико-методологического плана.

Постановка темы кругооборота кредитного ресурса позволяет, с одной стороны, углубить теорию вопроса и даже поставить новые темы, а, с другой стороны, – выявить проблемы кредитной системы и деформации, диагностируя их в ходе развертывания кредитного кругооборота (о кругооборотной методологии [1; 4; 5]. Вначале мы фиксируем стадийность его движения. Это подтверждается практикой, а четкое вычленение отдельных стадий весьма продуктивно как в научном, так и в практическом плане, поскольку не просто обеспечивает углубление темы, но и конкретизирует ее, представляет во всем многообразии, позволяет ставить проблему в конкретно-экономическом аспекте. Актуализация проблем кредита и кредитной сферы на базе кругооборота в рамках его целостности, многоуровневости и взаимодействия стадий приобретает новое качество анализа: упорядоченность и системность; появляется возможность показать проблемы «укрупнено» в панорамном виде, выдержав логику процесса, дать их обзор в целостности и одновременно в поэтапной расчлененности, что позволяет высветить находящиеся в тени проблемы и задачи, а также предложить рекомендации по их разрешению. Этого невозможно добиться в полной мере, рассматривая кредитные отношения и кредитную систему РФ в обычном порядке только на основе выделения отдельных процессов и сторон.

Полагаем, что в движении кредитного ресурса можно выделить следующие узловые пункты с учетом как их содержания, так и функционального назначения. В качестве начала начал выступают сбережения, при этом мы особо выделяем сбережения населения. Второй узел проблем – конкуренция альтернатив, связанных с мобилизацией сбережений, и формирование ссудного фонда в его расширительной трактовке. В этот блок вопросов ло-

гично вписывается тема коммерческого банка как квазиобщественной организации. Третий пункт – использование ссудного фонда, при этом мы особо выделяем его кредитную линию. Здесь также имеет место конкуренция альтернатив, когда, с одной стороны, финансовые институты ищут выгодных заемщиков, а, с другой – структуры, нуждающиеся в финансовых средствах, конкурируют между собой за наиболее выгодные предложения. Четвертый пункт – использование кредитного ресурса. Пятый пункт – формирование долга. Эта тема подается нами по-новому в ее двузначном понимании: с одной стороны – формирование реального эквивалента стоимости, которая должна быть возвращена, с другой – появление финансовых обязательств, которые в силу многообразных обстоятельств могут оторваться от реальных стоимостных процессов. Шестой узловой вопрос – возврат кредита, носящий двухступенчатый характер (возможно рассуждать о трех ступенях, с учетом того, что деньги сперва возвращаются к заемщику, а лишь затем к банку, а от него – к первоначальному сберегателю).

В целом перечисленные узловые пункты, являющиеся и ключевыми стадиями кругооборота, объективны, но вместе с тем не следует игнорировать субъективный фактор, связанный с хозяйственным поведением участников процесса. Сама идея объективности заключается в том, что в наиболее значимых своих действиях участники детерминированы, связаны реалиями хозяйственной жизни. В то же время в своих действиях они имеют определенный коридор. Это в существенной степени связано с денежными, банковскими инструментами, с помощью которых осуществляется варьирование действий участников кругооборота.

Данная принципиальная схема позволяет поставить целый круг вопросов, включая определение состава участников процессов и их интересов,

системы показателей уровня развития каждой стадии, оценку сбалансированности стадий, определение институциональной обеспеченности стадий и других. Эта схема не просто обогащает саму тему кредитных отношений, но и в значительной степени актуализирует ее, дает её понимание применительно к национальной экономике, а также к тому или иному историческому периоду.

Охарактеризуем в принципиальном виде те проблемы, деформации и неадекватности, которые существуют в кредитной системе РФ и в целом требуют ее модернизации и активизации.

Как было отмечено выше, первая стадия – это формирование сбережений. На данной стадии применительно к условиям РФ необходимо выделить проблему возможности формирования сбережений населением и структуры сбережений.

По нашему мнению, присутствующие на данной стадии деформации заключаются в том, что, во-первых, у населения явно недостаточно средств, которые могут быть направлены на сбережения против потребностей экономики. Низкий уровень доходов, который сосуществует со сверхдоходами самых богатых, не позволяет большинству населения формировать сбережения. Как показал опрос Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), в настоящее время у 67% респондентов отсутствуют сбережения. В качестве основной причины отсутствия сбережений у россиян эксперт Центра развития НИУ «Высшая школа экономики» Д. Мирошниченко называет бедность [7].

Так, по официальным данным Росстата на конец 2012 года, 19,5% населения Ивановской области, 17,5% Владимирской и 16,2% Костромской имели доходы ниже прожиточного минимума.

Во-вторых, в современной России существует проблема недопотребления. Невысокие доходы не позволяют людям получать в нужном количестве необходимое, например, многие виды продуктов питания, потребительских товаров, поэтому мы считаем, что в современных условиях не следует ожидать обязательного роста сбережений при увеличении располагаемых доходов. Значительная часть людей, которая недопотребляла, будет увеличивать свое потребление, и не более 20–25% (более или менее состоятельные люди, потребности которых по большей части удовлетворены) будут сберегать [6].

В-третьих, в силу недостаточной финансовой грамотности населения (данная проблема касается значительной части населения РФ), сбережения формируются в формах, не слишком соответствующих запросам финансовых посредников и экономики. Располагая свободными денежными средствами, население не спешит вкладывать их в коммерческие банки и парабанковские институты, приобретать ценные бумаги, а оставляет на руках или в значительных размерах направляет на покупку иностранной валюты и при этом далеко не

всегда хранит приобретенную валюту на банковских счетах. По мнению экспертов, до сих пор на руках у населения находится от 30 до 60 миллиардов долларов.

Опираясь на выявленные неадекватности, сформулируем теоретико-практические рекомендации, позволяющие, на наш взгляд, сгладить выявленные деформации.

1. Важно обозначить необходимость поднять доходы населения при одновременном создании интереса к сбережениям (необходимо развивать систему негосударственного пенсионного страхования и в целом тему социального страхования). По некоторым данным, например, Гонтмахера, средний душевой доход должен составлять в России 30 тысяч рублей, в этом случае можно делать реальные сбережения (2011 год; при таком показателе семья определяется как представляющая средний класс).

2. Мы считаем, что необходимо активно работать над повышением финансовой грамотности населения страны, включая как внедрение раннего финансового образования в школах, так и работу с пенсионерами, и делать это надо на всех уровнях – и на федеральном, и региональном, и местном, вовлекая в работу коммерческие банки.

Следующие стадии кругооборота – это аккумуляция сбережений коммерческими банками и другими финансовыми посредниками и формирование ссудного фонда в его расширительной трактовке.

Можно выделить следующие проблемы, относящиеся к этой стадии.

Во-первых, можно отметить, что свободные кредитные ресурсы есть, но существует проблема их мобилизации в экономический оборот для нужд экономики. Можно высказать суждение, что необходимо повышать долю кредитного ресурса в сбережениях населения (в первую очередь, за счет неорганизованных сбережений). По нашим расчетам, показатели мобилизации коммерческими банками прироста финансовых активов в Ивановской и Владимирской областях не слишком высоки (не превышают 16–18%), в экономически более развитых регионах они выше. Таким образом, применительно к Ивановской и Владимирской областям ясно одно – коммерческие банки недостаточно используют те возможности, которые есть в их распоряжении для мобилизации свободных денежных ресурсов населения. Следовательно, существуют резервы, но и имеют место конкурентные направления вложения средств (данная стадия реализуется посредством конкуренции альтернатив по привлечению ресурсов, и коммерческие банки конкурируют за ресурсы не только между собой, но и с другими парабанковскими и другими институтами).

Во-вторых, растущая зависимость человека от коммерческих банков усиливает актуальность проблемы банка как квазиобщественной организации,

т.е. организации, частной по своему юридическому статусу, однако выполняющей настолько важные общественные функции, что возникает противоречие между частной природой коммерческого банка и его назначением и ролью в общественном воспроизводстве.

В-третьих, необходимо привлечь внимание к проблеме волюнтаризма банков при определении процентных ставок по депозитам. Карл Маркс считал, что при установлении процента на капитал трудно установить закономерность (он определяется соотношением спроса и предложения стихийно в условиях свободного рынка). Тем не менее, для определения уровня процентной ставки должна быть объективная основа.

В-четвёртых, нарушено требование более или менее равномерного распределения банковских учреждений по территории страны, а также внутри регионов. Это приводит к неравномерности распределения финансовых средств и кредитных ресурсов, что, по мнению М. Эскандерова, сильно сдерживает развитие [8].

Необходимо также поставить вопрос о структуре ссудного фонда, о соотношении «коротких» и «длинных» денег. Дело в том, что структура привлекаемых депозитов физических и юридических лиц вынуждает банковский сектор работать в основном с «короткими» деньгами, в лучшем случае – выдавать среднесрочные кредиты, так как величина и сроки финансовых требований банка должны соответствовать размерам и срокам его обязательств. Таким образом, возможность совершения тех или иных специфических банковских операций (ипотечных, инвестиционных и т.п.) детерминирована структурой пассивов банка. Однако кредитные учреждения трансформируют сроки и преобразовывают краткосрочные деньги в долгосрочные. Формально все суммы, числящиеся на текущих счетах, могут быть немедленно востребованы вкладчиками, но фактически каждый вкладчик держит деньги на своем текущем счете в банке, по крайней мере, некоторое время, и при нормальных условиях востребование части вкладов компенсируется притоком новых вкладов: по закону больших чисел взносы и выплаты уравниваются. Поэтому относительно стабильный остаток сумм, числящихся на текущих счетах, банки могут использовать для относительно долгосрочных кредитных операций. Задача банков – создать такие формы привлечения средств, которые реально заинтересовали бы клиентов в долгосрочном накоплении ресурсов и формировали у них привычку к сбережению, определяющую инвестиционные возможности рыночной экономики. Структура ссудного фонда должна отвечать общественной потребности, которая формируется объективно. Чтобы этого добиться, необходимо осуществлять воздействия на соответствующие институты (это институционализация ссудного фонда).

Необходимо отметить, что ссудный капитал институционализируется в банковскую и парабанковскую системы, и крайне существенно различать эти два типа бытия ссудного капитала, а также помнить о конкуренции между данными двумя сферами. По нашему мнению, необходим переход из системы либерализованного рынка к регулируемой экономике (идею регуляторов можно видеть в экономике США, Германии и ряда других стран [3]), и надо сделать банки ответственными не только за регулирование денежного обращения, но и за развитие экономики. По-видимому, в рамках государственного капитализма необходимо указывать на использование элементов плановости как при формировании ссудного фонда, так и при его распределении (например, четкая амортизационная политика, политика в области страхования и пенсионного обеспечения и прочее).

Данная статья может рассматриваться лишь в качестве начальной, если речь идет о неадекватности действующей в РФ кредитной системы тем задачам и требованиям, которые вытекают из потребностей экономики с учетом перспектив ее развития.

Библиографический список

1. *Бабаев Б.Д., Роднина А.Ю.* Кругооборот кредитного ресурса: постановка проблемы // Экономические проблемы развития России: сб. науч. тр. / под ред. Б.Д. Бабаева. – Иваново: ИвГУ, 2011. – С. 100–110.
2. *Геращенко В., Кротов А.* Одна пятилетка ушла на подготовку «Стратегии 2020». Вторая пятилетка уйдет на ее переработку // Московский комсомолец. – 2012. – 31 марта.
3. *Ершов М.* Условия финансово-кредитной конкурентоспособности России после вступления в ВТО // Экономист. – 2013. – № 5. – С. 18–26.
4. *Роднина А.Ю.* Кругооборот кредитного ресурса: взаимосвязь политико-экономического и институционального подходов // Многоуровневое общественное воспроизводство: вопросы теории и практики: сб. науч. трудов / под ред. Б.Д. Бабаева. – Иваново: Иван. гос. ун-т, 2011. – Вып. 1 (17). – С. 352–373.
5. *Роднина А.Ю.* Кругооборот кредитных ресурсов и его экономико-теоретическая интерпретация // Теоретическая экономика. – 2013. – № 2. – С. 30–36.
6. *Роднина А.Ю.* Специфика мобилизации коммерческими банками сбережений населения в условиях депрессивного региона // Экономика образования. – 2010. – № 3. – С. 151–157.
7. *Романычева А.* Россияне не сберегают [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://mnenia.ru/rubric/finance/rossiyane-ne-sberegayut/> (дата обращения 22.02.2014)
8. *Эскандеров М.* Диплом с отличием миллиардера // Российская газета. – 2013. – 28 октября.

Свиридов Николай Никитович

доктор экономических наук, профессор

Грабова Ольга Николаевна

доктор экономических наук, профессор

Храмина Анастасия Валерьевна

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

graon07@mail.ru

АГРАРНАЯ КООПЕРАЦИЯ В МНОГОУКЛАДНОЙ ЭКОНОМИКЕ

В статье на основе методологии институционализма излагаются проблема и тенденции развития аграрной кооперации в структуре многоукладной экономики. Исследуется влияние предшествующего периода на развитие экономических отношений в аграрном секторе, определены принципы и направления формирования новых укладов экономики, их внутренний товарообмен и кооперация.

Ключевые слова: аграрная кооперация, многоукладная экономика, собственность.

Переход России к рыночным отношениям остро обозначил социально-экономические проблемы жителей сельских территорий: институциональная неурегулированность экономических отношений в агропромышленном комплексе; внутриотраслевой неэквивалентный обмен в ущерб аграрному сектору; отрицательное влияние институтов предшествующего периода; ущербность социальных условий жителей села и переменность извечного российского вопроса – земельного. В США в результате принятия в 1862 году закона о гомстедах были заложены институциональные и организационно-экономические основы современного фермерского типа хозяйства в аграрном секторе, в России подобной законодательной базы не было. Более того, ряд войн, а затем революций, сместили события совершенно в другом направлении. Не благодаря, а вопреки госвласти, крестьяне своим разумом и народной смёткой пришли к выводу о необходимости самостоятельно активизировать (а по существу возродить) внутридеревенский товарообмен и кооперацию. На селе формируются специфические экономические отношения, институциональная среда (в большей мере неформальные нормы, присущие для крестьян), и экономические уклады аграрного сектора в новых исторических условиях.

Надо отметить, что в начале XXI века в России рельефно обозначилось такое явление, как идализация общества. Такое явление особенно процветало в Испании в XVI веке, когда в результате

ошибочной политики правителей бурно росли слои бездельников (монахи, дворянство, рыцари и т.п.).

Актуальность поставленной проблемы обусловлена следующими обстоятельствами. Во-первых, отсутствием фундаментальных, как теоретико-методологических подходов, так и разработки практических положений к исследованию обозначенного явления. Во-вторых, в силу объективных существенных различий природно-климатических, стартовых социально-экономических региональных условий, формы внутридеревенского товарообмена и кооперации несут в себе значительное многообразие. И, в-третьих, многоэтничный состав населения в России сформировал характерные неформальные нормы и менталитет жителей субъектов федерации. Эти подходы, особенности и предпосылки обусловили необходимость исследовать данную проблему.

С переходом к рынку и снятия некоторых ограничительных мер, отраслевая и организационно-правовая структура аграрного сектора экономики существенно изменилась. За сравнительно короткий исторический период произошли существенные структурные изменения в производстве сельскохозяйственной продукции по категориям хозяйств (можно говорить, укладам в аграрном секторе экономики) (табл. 1).

Несколько пояснений к данной таблице. Размер производства представлен в текущих ценах соответствующего года. Если в 2011 году в сравнении с 2000 годом объем производства хозяйств всех ка-

Таблица 1

Размер и структура продукции сельского хозяйства в России
(рассчитано авторами самостоятельно) [2; с. 425]

Категории хозяйств	2000 г.		2011 г.	
	Млрд. руб.	В %	Млрд. руб.	В %
Хозяйства всех категорий	742,4	100,0	3261,7	100,0
Сельскохозяйственные организации	335,6	45,2	1540,6	47,2
Хозяйства населения	383,2	51,6	1426,9	43,8
Крестьянские (фермерские) хозяйства, включая и индивидуальных предпринимателей	23,6	3,2	294,2	9,0

**Структура производства сельскохозяйственной продукции
по категориям хозяйств в России, % [2; с. 428]**

Виды продукции	Сельскохозяйственные организации		Хозяйства населения		Фермерские хозяйства	
	1995 г.	2011 г.	1995 г.	2011 г.	1995 г.	2011 г.
Зерно (в весе после доработки)	94,4	76,8	0,9	1,1	4,7	22,1
Сахарная свёкла	95,9	86,4	0,6	0,5	3,5	13,1
Семена подсолнечника	86,3	71,9	1,4	0,4	12,3	27,7
Картофель	9,2	19,7	89,9	79,6	0,9	7,4
Овощи	25,3	5,7	73,4	66,6	1,3	13,7
Плоды и ягоды	22,5	15,7	77,4	82,7	0,1	1,6
Скот и птица на убой (в убойном весе)	49,9	63,3	48,6	33,7	1,5	3,0
Молоко	57,1	45,5	41,4	49,7	1,5	4,8
Яйца	69,4	77,5	30,2	21,7	0,4	0,8
Шерсть (в физическом весе)	53,0	18,1	42,5	54,9	4,5	27,0
Мед	14,2	2,7	83,7	93,1	2,1	4,2

тегорий в денежном выражении возрос в 4,4 раза, то по категории хозяйств: сельскохозяйственные организации, хозяйства населения и фермерские хозяйства соответственно в 4,6; 3,7; 12,5 раза. По-настоящему, что здесь проявился инфляционный эффект, то есть общий рост цен. Это не значит, что в натуральном выражении был такой же рост объемов производства. Важно подчеркнуть, что фермерские хозяйства, основой которых являются резервы семьи, демонстрируют новый эффективный экономический уклад аграрного сектора. Отметим и следующую особенность: фермерские хозяйства в большей мере ориентированы на производство растениеводческой продукции (рост составил 13,3 раза). Фермерские хозяйства производят 9,0% продукции сельского хозяйства России (табл. 2).

Так фермерские хозяйства устойчиво заняли свою нишу в производстве зерна (22,1%), семян подсолнечника (27,7%) и шерсти (27,0%). Оказалось (как и в советское время), население России не утратило ведущей роли в производстве картофеля и овощей (70–80%), плодов и ягод (82,7%), мяса (33,7%), молока (49,7%), шерсти (54,9%) и меда (93,1%).

Отметим еще одно обстоятельство. При переводе производства яиц на индустриальную основу все-таки пятая часть яиц производится населением. Все это подтверждает общую закономерность в аграрном секторе: трудоемкие виды производства берет на себя семья. При этом решаются две задачи. Во-первых, обеспечивается продовольственная безопасность семьи ценными продуктами питания и, во-вторых, часть продукции реализуется на свободном рынке и приобретает специфические товарную форму, присущую рынку. Жизнеспособными оказались хозяйства населения, которые в большей мере ориентированы на производство животноводческой продукции. Это и понятно — главное обеспечить свои потребности в ценных продуктах — молоке, мясе. Население России само-

стоятельно обеспечивает свою продовольственную безопасность посредством кооперации.

Одним из важнейших положений внутридеревенского товарообмена и кооперации является расчет наличными деньгами. Спрос на деньги в деревне велик. Даже за выполнение ряда взаимных работ и услуг (вспашка, ремонт дома и хозяйственных построек и т.п.) осуществляется расчет только наличными деньгами. Это главный признак и индикатор расширения (а не сужения, как это пытались делать большевики) товарно-денежных отношений в деревне. Выделим главные движущие силы внутридеревенского товарообмена и кооперирования.

Во-первых, после того как город и организации стали выживать самостоятельно и перестали оказывать помощь деревне (посев, уборка урожая, заготовка кормов и т.д.), большинство колхозов и совхозов прекратили свое существование. Подобное явление было и ранее в России. Так, после отмены крепостного права в 1861 году, когда крестьяне перестали работать в помещичьих хозяйствах, многие поместья обанкротились. Этот процесс образно показали русские писатели А.П. Чехов (1860–1904) («Вишневый сад»), Г.И. Успенский (1843–1902) («Власть земли», «Разорение») и другие.

Во-вторых, как показали наши социологические исследования, 90–95% респондентов дальнейшую жизнь связывают с опорой на собственные силы. Хотя в обществе до настоящего времени сохраняются иждивенческие настроения и ожидание помощи от государства и органов власти местного уровня. Резкое падение доходов в деревне, обездешивание населения, побуждают жителей села искать новые формы пополнения семейного бюджета через механизмы рынка и кооперации.

В-третьих, семья, оставаясь ядром деревенского социума, должна заботиться о подрастающем поколении. Получение образования, проведение свадебных и других мероприятий, обустройство

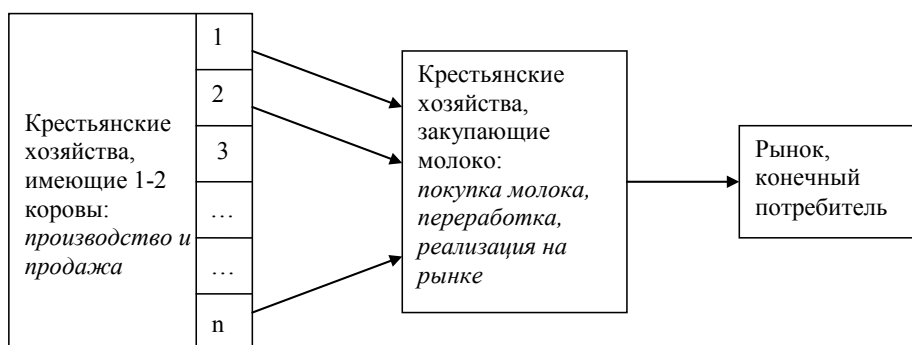

Рис. 1. Внутридеревенская (соседская) кооперация в молочном животноводстве пригородных сельских поселений г. Костромы

молодых семей требует существенных доходов через различные формы. Мы отметили главные движущие силы внутридеревенского товарообмена и кооперации сельских жителей.

Опыт населения Костромской области позволяет проследить процессы кооперации. Исторически сложилось так, что так называемая заречная зона, где находятся такие крупные сельские поселения, как Саметь, Шунга, Яковлевское, Петрилово и др. занимались пригородным сельским хозяйством – молочным скотоводством и овощеводством.

В условиях, когда молокозаводы являются локальными монополистами и реально диктуют цены на молоко как первичное сырье, население пригородных сельских поселений приняло функции переработки и реализации молока и молочной продукции на себя. Наше обследование показало, что такие крестьянские хозяйства уже имеют 3–6 и более коров на семью. Вместе с тем, имеются крестьянские семьи, которые содержат 1–2 коровы. При таком положении выгоднее продавать молоко тем, у кого 3–6 коров. Складывается весьма оригинальная внутридеревенская кооперация и товарообмен (рис. 1).

И здесь важно подчеркнуть некоторые экономические особенности. Во-первых, те хозяйства, которые перерабатывают молоко, покупают его у соседей по 25–27 рублей за литр. Во-вторых, те хозяева, которые продают молочные продукты на рынке, освоили в домашних условиях переработку молока и уже на рынок представляют такой ассортимент: творог, по цене 180–200 руб. за 1 кг, масло сливочное по цене 350–400 руб. за 1 кг, сметана по цене 140–160 руб. за 1 кг, масло топленое по цене 450–500 руб. за 1 кг, сыр 280–300 руб. за 1 кг. В-третьих, такая форма внутридеревенской кооперации и товарообмена взаимовыгодна одной и двухкоровным семьям, и тем семьям, которые имеют три и более коров, которые покупают, перерабатывают и реализуют молочные продукты на рынке. В-четвертых, такие семейные хозяйства, как форма малого бизнеса на селе, функционируют самостоятельно без участия и вмешательства

государства и местных органов власти. В-пятых, основными прямыми издержками в денежной форме являются: покупка кормов, оплата за место на рынке и санитарный контроль.

Поясним некоторые представленные положения. Заготовкой кормов (главный корм – сено) занимаются некоторые фермеры, которые продают сено в рулонах по 3 тысячи рублей за тонну. Комбикорм покупается по цене 8–10 руб. за 1 кг. Здесь мы видим уже кооперацию различных экономических деревенских укладов (фермер – крестьянское хозяйство – комбикормовый завод). Основными издержками при этом является приобретение кормов. Кроме того, ежедневно следует заплатить 150–200 руб. за санитарный анализ молочной продукции и 2 тысячи руб. в месяц за место на рынке. Переработчики молока ежегодно собирают у соседей до 75–100 литров. Свое и купленное у соседей молоко затем перерабатывается. Надо подчеркнуть, что само молоко на рынке такими хозяевами не продается, переработка более выгодна для сельян. Цены при внутридеревенском товарообмене и кооперации устанавливаются на основе устной договоренности и с учетом конъюнктуры, складывающейся в целом на рынке. Здесь важно иметь в виду, что в ценообразовании главным является не уровень, а их пропорции. Совершенно очевидно, что сформировавшиеся новые экономические уклады в аграрном секторе становятся сильными конкурентами так называемым крупным сельхозпредприятиям и молокозаводам. Не случайно крупные сельхозпредприятия стали реализовывать молоко прямо из фляг, в созданных ими торговых точках. При этом цена одного литра молока составляет 35 рублей.

Кооперация, развитие экономических отношений и масштабов производства сельскохозяйственной продукции предопределяет новые формы многоукладной экономики.

И еще выделим ряд моментов. В связи со значительным поступлением на российский рынок зарубежных легковых автомобилей различных марок (что резко снизило цены на автомобили), местные

крестьяне не «штурмуют» пригородные автобусы, а пользуются личным автотранспортом. Это уже признак определенного имущественного благополучия селян, занимающихся вышеизложенной деятельностью. Выгодность очевидна. Все это подтверждает точку зрения виднейшего швейцарского экономиста Жана Шарля Леонара Симонди де Сисмонди (1773–1842), который был первым оппонентом классической школы. В отличие от представителей классической школы, *Сисмонди считал главной не проблему накопления, а проблему распределения*. Следует иметь в виду, что речь идет не только о равномерном распределении дохода, но и собственности. Идеалом для Сисмонди было общество, состоящее из зажиточных крестьян, самостоятельных ремесленников и мелких торговцев.

Отмеченные положения весьма актуальны для современной России. Уже в XX веке теория Сисмонди находит развитие в работах немецкого экономиста Эрнста Фридриха Шумахера (1911–1977) [8]. Он убедительно доказал порочность гигантомании. Его аргументация полностью строится на идее, согласно которой единственным критерием успешности предприятия является его прибыль, – идея, уходящая корнями все в ту же «материалистическую» метафизику. При этом не уделяется внимания негативным аспектам гигантизма, которые не связаны напрямую с прибыльностью, таким как, например, «анонимность» больших предприятий, приводящая к тому, что их сотрудники совершенно лишены чувства ответственности

за последствия деятельности их компаний.

Таким образом, направлениями улучшения жизни сельского населения и малых отдаленных городов являются развитие малого бизнеса в аграрном секторе, формирование новых укладов экономики, их внутренний товарообмен и кооперация.

Библиографический список

1. Большой российский энциклопедический словарь. – М.: Большая Российская энциклопедия, 2008. – 1887 с.
2. Российский статистический ежегодник. 2012. Стат. сб.. – М.: Росстат, 2012. – 786 с.
3. Румянцева Е.Е. Новая экономическая энциклопедия. 2-е изд. – М.: Инфа-М, 2006. – 810 с.
4. Русская община / Составитель, автор предисловия, ответственный редактор О.А. Платонов. – М.: Институт русской цивилизации, 2013. – 1376 с.
5. Святловский В.В. История экономических идей в связи с историей экономического быта. Изд. стереотип. – М.: КРАСАНД, 2013. – 400 с.
6. Словарь русского языка. Т. 2. – М.: Рус. язык, 1982. – 1135 с.
7. Чаянов А.В. Основные идеи и формы сельскохозяйственной кооперации. 2-е изд. – М.: Книгосюз, 1927. – 456 с.
8. Шумахер Э.Ф. Малое прекрасно. Экономика, в которой люди имеют значение / пер. с англ. и примеч. Д.О. Аронсона; Нац. исслед. ун-т «Высшая школа экономики». – М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2012. – 352 с.

ФЕМИНИСТСКИЙ ПРОЕКТ СЕМЬИ: ТРЕНДЫ И РЕАЛЬНОСТЬ¹

Рассматриваются представления о семье в различных течениях феминизма и их влияние на изменения в современных семейных отношениях, стереотипах семейного и супружеского поведения и в распределении ролей в семье.

Ключевые слова: семья, семейные отношения, феминизм, материнство, брак.

Семья в феминизме является одним из ключевых вопросов, камнем преткновения для его различных течений. В целом, феминизм отрицательно относится к институту семьи и брака. Моногамная патриархальная семья объявляется ненормальной, эксплуататорской и консервативной формой мужского шовинизма, не приспособленной к современным «прогрессивным» условиям жизни. Обращение к феминизму оправдывается современной ситуацией, сложившейся в России. Многие женщины фактически являются главами собственных семей, даже при наличии мужа. К многочисленным «традиционно женским» заботам – ведению домашнего хозяйства, воспитанию детей – прибавились еще и проблемы материального обеспечения семьи, взаимодействия с институтами государства и общества. «Освобожденная» женщина вынуждена не только вести домашнее хозяйство, но и работать ударными темпами наравне с мужчинами (часто на мужской работе), чтобы обеспечить семью (это стало ее обязанностью, наравне с мужем). Все бремя восстановления хозяйства страны после Первой мировой войны и революции легло на плечи женщин, так как трудоспособное мужское население в этот период стремительно сокращалось в численности. Та же самая ситуация возникла и после Великой Отечественной войны: вся тяжесть восстановления экономики снова была возложена на женщин. Именно в результате поствоенной ситуации активного участия женщин во всех сферах жизни общества и возникла проблема «феминизации» самого общества, и не только российского. Растущее число разводов и постепенный отказ от деторождения (малодетность, о чем свидетельствует угроза депопуляции) демонстрируют кризисные явления в сфере семейной жизни значительной части россиян. Немалую роль в этом процессе играет и процесс феминизации. Рассмотрим основные тренды, предлагаемые феминистской теорией по вопросам семьи и их возможные проявления в современных реалиях.

Несмотря на то что феминизм предлагает разнообразные или даже иногда противоречащие друг другу точки зрения на семью, между исследовательницами (С. де Бовуар, К. Хорни, Э. Голдман, Л. Линдхоф) существуют фундаментальные точки

согласия. В первую очередь, это признание обоснованности предположения, что мужское доминирование в семьях есть часть широкой системы мужской власти, причем оно не является ни естественным, ни неизбежным. Далее, семья понимается как полностью интегрированная в широкие экономические и политические системы, а также признается несоответствие, а иногда и конфликтность интересов ее членов [12, с. 234–235]. По мнению Симоны де Бовуар, «брак, в принципе, представляет собой нечто непристойное, поскольку он вводит понятия прав и обязанностей в отношения, в основе которых должен лежать свободный порыв» [1, с. 166]. По мнению Э. Фромма, данная традиция зародилась на Западе совсем недавно: «Произошедшая после Первой мировой войны великая сексуальная эмансипация представляла собой отчаянную попытку заменить глубокое чувство любви взаимным сексуальным удовольствием», «принцип безотлагательного удовлетворения желаний стал определять и сексуальное поведение. <...> Идея заключалась в том, что невроты происходят из “вытесненных” сексуальных влечений, что препятствия на пути их осуществления травмируют психику и чем меньше в вас вытесненного, тем вы здоровее» [13, с. 163, 193]. Именно психоанализ З. Фрейда с его преувеличением роли сексуальной сферы жизни человека заложил фундамент для последующей «сексуализации» остальных сфер человеческого бытия и подтолкнул развитие психоаналитического феминизма. Первые изменения начали происходить в семье. За многовековую историю человечества произошел один глобальный переворот в форме семейных отношений – переход от полигамии к моногамии. Далее изменялся только тип семьи – патриархальная, семья-община, детоцентристская, супружеская, многопоколенная, нуклеарная и так далее. Но всегда она оставалась гетеросексуальной моногамией. В настоящее время под влиянием идей З. Фрейда и его интерпретаторов (и феминисток в том числе) о необходимости избегания комплексов и поправок своей сексуальности возрождаются из первобытной практики (для цивилизации – девиантные) типы сексуально-семейных отношений – полигамия, гомосексуализм, вплоть до эндогамии. Такие «новинки» наносят непоправимый вред человеческому потен-

циалу и дискредитируют понятие семьи вообще. Отметим, что традиционная полигамия сохранилась у ряда восточных и азиатских народов в связи с религиозными особенностями и консервацией традиционного уклада жизни, к тому же происходит постоянное снижение численности супругов в одной семье. Но для европейской и русской традиции полигамия не характерна, и привнесение ее в виде новых типов семьи, таких как гомосексуальная, «шведская», коммуна, свинг, полигиния и полиандрия (один человек состоит одновременно в нескольких союзах, возможно даже в разных городах, странах и так далее.), не приносит положительных результатов. Они, возможно, разнообразят сексуальную жизнь супругов/партнеров, но серьезно вредят их потомству (как в юридическом плане, так и в плане здоровья).

Феминизм имеет в своей структуре ряд течений, которые серьезно разнятся между собой по вопросу брака и семьи. Марксистский феминизм (А. Коллонтай) выступал за обобществление быта, за коллективное воспитание детей, за отказ от традиционной формы брака как «буржуазной», классово вредной. Он предлагал новый вид взаимоотношений между мужчиной и женщиной – «любовь-игру» или «эротическую дружбу» [6]. Такие отношения исключают, по мнению А. Коллонтай, главные пороки брака – претензию на безраздельное обладание друг другом супругов и нерасторжимость. «Гостевой брак» вполне реализует потенциал «эротической дружбы» и все более получает распространение в крупных городах и среди материально обеспеченных партнеров. Жизнь в браке, но автономно друг от друга носит авантюрный характер. Однако в таком «браке» страдают дети, которые оказываются заложниками этой ситуации. Свобода смены половых партнеров и расторгимость в любой момент «неофициального брака» (сожителства, пробного брака) также не всем несет счастье и процветание в любви. Вспомним парадокс переписи населения России 2010 года, когда замужних женщин оказалось больше, чем женатых мужчин.

Либеральный феминизм (Б. Фридан, С. Окин) не выступает против семьи вообще. Он требует большего внимания к женщине, равноправия во всех сферах жизни, в том числе частной, семейной. Равноправие в семье означало справедливое распределение работы по дому и уходу за детьми между женами и мужьями. В доме дети должны получать образцы равноправия, а мужчины – обучаться уходу и заботе о других, что поможет им научиться вставать на точку зрения другого и также стать более справедливыми [4, с. 324]. В современном обществе для этого есть все возможности – отпуск по уходу за детьми может брать не только мать, но и отец; есть бытовая техника, не позволяющая использовать ее одному человеку более двух раз подряд; часть мужчин, не реализовавшихся в профес-

сиональном плане, становятся «домохозяйками» и выполняют всю работу по дому и уходу за детьми, пока женщина зарабатывает деньги. Но в погоне за справедливостью и равноправием из семейных отношений постепенно уходят любовь, забота, терпение, взаимовыручка – базовые ценности семьи.

Психоаналитический феминизм (К. Хорни, М. Кляйн, Д. Диннерстайн, Н. Чодороу, К. Оливье, Л. Иригарэ) опирается на открытие З. Фрейдом бессознательного и детской сексуальности. При этом современные феминистки считают теории К. Хорни, М. Кляйн, Л. Иригарэ компромиссными и вызывающими не меньше вопросов и возражений по проблеме женской сущности, чем сам фрейдизм. Феминистские психоаналитики, такие как Д. Диннерстайн, Н. Чодороу, К. Оливье, считают, что перераспределение ролей в обществе, при котором мужчины будут принимать участие в уходе за детьми, поможет преодолеть женоненавистничество в западной культуре [8, с. 27–29]. Феминизм отрицает биологическую изначальность материнского чувства как имманентного элемента психики женщины, добиваясь признания отнюдь не равенства между мужчиной и женщиной, но тождества. Материнство обвиняется в закабалении женщины, лишении ее самостоятельности и права выбора. Нэнси Чодороу в работе «Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола» пишет, что «материнство женщин воспроизводит семью в том виде, в котором она представлена в обществе, где доминирует мужчина. Половое и семейное разделение труда, при котором женщины являются матерями, создает половое разделение психологической организации и ориентации. Оно формирует социально сконструированных женщин и мужчин, которые вступают в асимметричные гетеросексуальные связи», «эдипов комплекс в том виде, в котором он возникает из асимметричной организации родительства, гарантирует психологическое табу на инцест в рамках связи родитель-ребенок и подталкивает мальчиков и девочек к внесемейным гетеросексуальным связям. Это – один из шагов в направлении воспроизводства родительства» [14, с. 71–72]. Однако в либеральных кругах Швеции и Германии обсуждаются вопросы о легализации инцеста, что прервет традицию воспроизводства родительства и станет могильным камнем для семьи, так как превратит ее в группу половых партнеров [9; 10; 11]. К тому же в США в конце 2013 года психологическая ассоциация признала педофилию сексуальной ориентацией, что теоретически позволяет взрослым с такой «ориентацией» включать детей в свою сексуальную жизнь [5]. Где же права ребенка на детство и сексуальную неприкосновенность и куда смотрит хваленая ювенальная юстиция? Вопросы, так сказать, риторические.

Неординарна концепция моногамного брака К. Хорни. Для нее проблема брака и нарастающей

нелюбви друг к другу – это результат привнесения в брак неразрешенных конфликтов в детстве (эдипов комплекс), как и требование монопольного права на партнера по браку. Верность в патриархальном обществе не является вопросом любви, а скорее проблемой престижа и власти, а требование девственности невесты – требованием «сексуального» рабства. Однако знания о неизбежности конфликтов супружества не должны означать прекращение браков вообще. Просто «стандарт моногамии нуждается в пересмотре, и мы должны вновь попытаться непредубежденно исследовать происхождение брака, ценность и исходящую из него опасность» [4, с. 326–327]. Например, взамен традиционных гетеросексуальных супружеских отношений предлагаются гомосексуальные. Из девиантных форм сексуального взаимодействия такие отношения переходят в разряд нормы или даже «сверхнормы», с особым жаром защищаются попытки внедрить представление о желательности и нормальности гомосексуализма в сознание детей и молодежи [7]. Человек, не имеющий возможности удовлетворить свою сексуальную потребность в приемлемой/традиционной форме (из-за вмешательства в сознание «чужеродных» традиций и норм сексуального поведения), либо теряет способность ее удовлетворить вообще (болезни половой и психосексуальной систем), либо удовлетворяет ее в извращенной форме (отклонения в сексуальном поведении, в том числе опасные для других). Г. Буркхарт считает, что «извращения пытаются анализировать, рассматривают широкий диапазон сексуальных функций и не понимают, что здесь глубоко нарушено нечто иное, а именно: партнерство отношения Я и Ты. В основе распушенности лежит не сексуальное поведение, а извращенное отношение к ближним. Поведение является преступным по своей сущности в том случае, если оно представляет собой нарушение нравственности» [2, с. 139]. Однако в феминизме понятия «нравственность» и «мораль» «нагружаются» отрицательными значениями закабаления женщины мужским шовинистским обществом и всей культурой, поэтому пропаганда гомосексуальности, на наш взгляд, несет в себе еще и задачу разрушения маскулинности культуры.

Радикальный феминизм (К. Миллетт, К. Дельфи, Э. Голдман, С. Файерстоун) считает, что семья является основным институтом патриархата, унижения и закабаления женщины. Это социальный институт, в котором эксплуатируется женский труд, может насильственно проявляться мужская сексуальная власть, где ретранслируются стереотипы гендерных идентичностей и дискриминационные модели поведения [4, с. 324]. Эмма Голдман пишет, что «почти с младенчества девочке твердят о браке как о конечной цели; поэтому ее воспитание и образование подчинены именно этому.

Подобно бессловесной твари, откармливаемой на убой, ее готовят к браку. <...> Краткий период замужества и полного подчинения женщины делает ее совершенно непригодной к жизни. Она становится безразличной к собственной внешности, теряет легкость движений, не решается принимать решения, боится высказать суждение – то есть превращается в обузу, которую большинство мужчин ненавидит и презирает. <...> Институт брака превращает женщину в паразита, полностью зависимое существо. Замужество делает ее непригодной к борьбе, уничтожает ее общественное сознание, парализует воображение и затем любезно предлагает защиту, на деле являющуюся западней, пародией на человеческий характер» [3, с. 425–430]. В 80-х гг. XX века в радикальном лагере несколько смягчается отношение к семье: так, исследовательницы находят в ней компоненты женской солидарности и взаимопомощи.

Самой главной проблемой феминистских исследований является гипертелеологичность суждений и претензия на абсолютную истинность утверждений, что характерно более для публицистики, нежели присуще науке. Но это направление оказывает активное влияние на развитие стереотипов и представлений о семье и семейных отношениях. Для иллюстрации приведем результаты наших исследований, проводимых в молодежной среде РМЭ. В 2013 году нами было проведено анкетирование 400 человек, студентов вузов РМЭ (ПГТУ, МарГУ, МОСИ) в возрасте 18–25 лет. Юноши в выборке составили 43,5%, а девушки – 56,5%. Согласно результатам, большинство, но не подавляющее, студентов (44%) считают семьей зарегистрированный брачный союз мужчины и женщины при наличии детей, 18,5% – такой же союз без детей, 13% считают семьей одного родителя с ребенком. То есть маркером семьи в сознании молодежи выступают признанные государством (зарегистрированные) брачные отношения и наличие детей (например, 12% относят к семье и незарегистрированный союз при наличии детей). Традиционное представление о семье в сознании провинциальной молодежи все еще очень сильно, но его пытаются серьезно расшатать либеральными воззрениями. Сравнительно небольшая часть респондентов (4,5%) семьей считают и фактическое сожительство, а 8% толерантны к семьям – гомосексуальным союзам (как с детьми, так и без детей – по 4%).

Семья – это не только социальный институт, стабилизирующий социум и обеспечивающий воспроизводство населения; это не только хозяйственно-экономическая ячейка, участвующая в производственном процессе; это не только сфера любовных отношений людей, упорядочивающая половые связи; это не только область воспитания детей и нравственного совершенствования человека. Она есть целокупность всех вышеозначенных

явлений. Но с позиций социальной философии, на наш взгляд, оправдано будет назвать семью «нервным центром» социального организма. Этот центр чутко реагирует на внутренние и внешние изменения, часто самостоятельно порождает социальные и ментальные трансформации. Поле деятельности семьи гораздо шире, чем установление и поддержание кровных (родственных) и брачных (супружеских) связей. Оно охватывает всю жизнь каждого человека, проникает в образование, религию, экономику, политику, идеологию. Поэтому важно постараться защитить современную семью от внедрения деструктивных моделей и стереотипов, которые содержатся и в феминистской теории. Феминистский проект семьи, на наш взгляд, на деле является авантюрным проектом ее полного разрушения.

Примечание

¹ Публикация подготовлена в рамках поддерживаемого РГНФ научного проекта №13-33-01294.

Библиографический список

1. Бовуар С., Сартр Ж.-П. Аллюзия любви. – М.: Алгоритм, 2008. – 240 с.
2. Буркхарт Г. Непонятая чувственность. Набросок антропологии чувственности // Человек в западной философии. – М.: Наука, 1994. – С. 124–155.
3. Голдман Э. Брак и любовь // Феминизм: проза, мемуары, письма: пер. с англ.; под ред. М. Шнейр. – М.: Прогресс литера, 1992. – 474 с.
4. Гурко Т.А. Представления об институте семьи в различных течениях феминизма // Теория и методология гендерных исследований / под общ. ред. О.А. Ворониной. – М.: МЦГИ – МВШСЭН, 2001. – 416 с.
5. Динкевич М. Психологи США и Канады выступают за легализацию педофилии // Вести. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.vesti.ru/doc.html?id=638189> (дата обращения: 16.12.2013 г.).
6. Коллонтай А.М. Любовь и новая мораль // Философия любви: сб.: в 2 ч. / сост. А.А. Ивин. – М.: Политиздат, 1990. – Ч. 2. – С. 323–334.
7. Кузиев Т. Норма или патология? // Медицинская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.mgzt.ru/article/1936/> (дата обращения: 16.12.2013 г.).
8. Линдхоф Л. Феминизм и психоанализ // Пол. Гендер. Культура. Немецкие и русские исследования / под ред. Э. Шопе, К. Хайдер. – М.: РГГУ, 2003. – Вып. 3. – С. 17–33.
9. Может ли инцест стать нормой жизни: мнения // ИА «Рex». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.iarex.ru/interviews/37117.html> (дата обращения: 16.12.2013 г.).
10. Носиков Н. О легализации инцеста // Однако. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.odnako.org/blogs/show_26142/ (дата обращения: 16.12.2013 г.).
11. Снегирев Ю. Коллонтай и не снилось // Российская газета. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/06/06/deputat.html> (дата обращения: 16.12.2013 г.).
12. Ферри М.М. Феминизм и семейные исследования // Хрестоматия к курсу «Основы гендерных исследований» / отв. ред. О.А. Воронина. – М.: МЦГИ, 2000. – С. 234–235.
13. Фромм Э. Здоровое общество. Догмат о Христе / пер. с нем. – М.: АСТ: Транзиткнига, 2005. – 571 с.
14. Чодороу Н. Воспроизводство материнства: психоанализ и социология пола (Часть III. Половая идентификация и воспроизводство материнства) // Антология гендерных исследований: сб. пер. / сост. и комм. Е.И. Гаповой и А.Р. Усмановой. – Мн.: ПроPILE, 2000. – С. 29–77.

Булдаков Сергей Константинович

доктор философских наук

Костромской государственной университет им. Н.А. Некрасова

kaf_filosof@ksu.edu.ru

СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКИЙ АНАЛИЗ ОСНОВНЫХ ТЕНДЕНЦИЙ
В ОБРАЗОВАНИИ В XX ВЕКЕ

В статье проводится социально-философский анализ основных тенденций в образовании в XX веке, выявляется роль образования в развитии общества.

Ключевые слова: образование, общество, цивилизация, научно-техническая революция, производство, экология, общественный интеллект, образовательная революция.

Конец XX века предстает, по мнению некоторых исследователей, перед человечеством как кризис стихийной истории (В.П. Казначеев, А.И. Субетто). Его индикатором является первая фаза глобальной экологической катастрофы, которая материализуется как глобальная духовная и глобальная информационная катастрофы, знаменующие собой переход человечества в новые условия своего существования. Капиталистическое развитие мировой цивилизации к концу XX века столкнулось с экологическими пределами существования человечества. Рыночная капиталистическая цивилизация с позиций императива выживаемости человечества исчерпывает свои возможности.

Человечество на протяжении всей истории развивалось по законам диалектики взаимодействия двух логик цивилизационного развития – внутренней логики социального развития и большой логики социоприродной эволюции.

Внутренняя логика социального развития повлекла за собой революционный характер изменений в общественном производстве, который вызвал в XX веке новый виток образовательной революции, основной парадигмой которой стала проблема подготовки и переподготовки специалистов в условиях перманентной технологической революции. Одновременно с перестройкой системы подготовки специалистов в высшей школе шел процесс поиска путей постоянного поддержания компетентности специалистов на уровне современных достижений науки и техники. Если в 50-х годах XX века главной была реформа среднего образования, в 60-х – высшего, то в 70-х годах со всей остротой встала проблема образования для взрослых.

В период, когда уровень знаний и квалификации работников во многом определяет темпы развития науки и техники, эффективность производства и качество выпускаемой продукции, а также другие показатели хозяйственной деятельности, серьезное значение придается повышению квалификации и подготовке рабочей силы. Например, в 1976 г. расходы США (включая средства штатов, федерального правительства и частных фирм) на переподготовку рабочей силы составили 10 млрд. долл. Общие же затраты страны, включая зарплату учащимся и потери производства в связи с простоем рабочих мест из-за учебы, составили, по не-

которым подсчетам, 100 млрд. долл. За последнее время масштабы «образования взрослых» в США и в мире значительно увеличились.

Проблема повышения общетеоретического и профессионального уровня специалистов вызвана прежде всего ускоряющимся процессом морального обесценивания и устаревания знаний и навыков специалистов в условиях научно-технической революции. По оценкам американских экономистов, ежегодно обновляется 5% теоретических и 20% профессиональных знаний, которыми должны владеть инженеры, врачи, биологи и некоторые другие специалисты.

Но проблема переподготовки специалистов в условиях быстрого научно-технического прогресса не ограничивается обновлением получаемых ими знаний и навыков. В связи с процессом дифференциации и интеграции знаний возникают новые направления в науке и, следовательно, появляется потребность в специалистах новых профессий, подготовка которых в вузах постоянно отстает от нужд производства, так как наука, порождающая новые профессии, является более динамичной системой, чем образование. Поэтому производство вынуждено само готовить свои кадры, а вернее, переподготавливать их из имеющихся смежных специальностей.

Научно-техническая революция требует от сегодняшних специалистов сочетания широкого общего образования с узкой специализацией. Поскольку в большинстве вузов эта проблема еще не решена (одни категории специалистов страдают сверхспециализацией, а другие, наоборот, слишком широким профилем), производству приходится самому «дотягивать» специалистов до необходимых ему кондиций.

Научно-техническая революция потребовала также существенной переподготовки кадров управляющих-руководителей системы научно-исследовательских и опытно-конструкторских разработок (НИОКР) и промышленного производства. Это связано не только с широким использованием ЭВТ в области управления, но и со значительно расширившимися и усложнившимися функциями хозяйственных руководителей, которые должны уметь правильно ориентироваться в постоянно изменяющихся условиях производства и сбыта продукции.

Передовые в технологическом отношении компании, в условиях острой конкуренции заинтересованные в увеличении эффективности использования ученых и инженеров, считают организацию учебы этих кадров важнейшим звеном своей повседневной политики и практики, а издержки по их обучению рассматривают как одну из главных составных частей в общем комплексе капиталовложений.

С целью побуждать специалистов к постоянному совершенствованию промышленные корпорации разработали систему мер воздействия, начиная с моральных и кончая административными. Вокруг специалистов создается атмосфера «учебного климата», которая достигается, с одной стороны, предоставлением возможностей повышать уровень своих знаний, с другой – политикой нетерпимости к не желающим учиться.

В последнее десятилетие в целях побуждения специалистов к повышению своей квалификации власти штатов стали проводить регулярную переподготовку лиц, имеющих лицензии, причем сама система распространяется на все большее число профессий.

Обстановка конкуренции ведет к «выбраковке» тех, кто перестал удовлетворять профессиональным требованиям. Поэтому американские специалисты рассматривают постоянное повышение своей квалификации как дело жизненной важности.

Переподготовка специалистов обычно производится в высшей школе и рассматривается как составная часть ее функции обслуживания нужд производства и общества. Первые шаги высшей школы на этом новом для нее поприще были не очень удачными. Применение традиционных вузовских методов для образования взрослых оказалось малоэффективным, так как повышение квалификации имеет свои особенности, существенно отличающие ее от системы высшего образования. К ним относятся: весьма различный уровень компетентности даже однородной категории специалистов, различные «психологические барьеры», связанные с боязнью или нежеланием взрослых «садиться за школьную парту», иной характер и темп восприятия и усвоения знаний взрослыми учащимися.

Главная задача любой программы по повышению квалификации – привести знания специалистов в соответствие с современными требованиями, сократить разрыв между необходимыми знаниями и теми, которые имеются в наличии у данного специалиста. Однако в связи с тем, что степень утраты ранее полученных знаний у разных людей различна (из-за неодинаковой памяти, разных условий использования знаний в процессе выполняемой работы, разницы интереса к новым знаниям и различной давности окончания вуза), разрыв в компетентности тоже будет различным, а следовательно,

многообразными должны быть и меры для его сокращения.

Необходимо еще и желание самих специалистов учиться, так как постоянного повышения квалификации нельзя добиться путем периодического принудительного инструктирования и натаскивания на курсах и семинарах. Повышение квалификации требует постоянного самообразования. Для этого необходима высокая мотивация специалистов – интерес к знаниям и стремление овладеть ими; курсы по повышению квалификации могут послужить лишь своего рода катализатором, создать наиболее благоприятные условия для дальнейшего самосовершенствования и самообразования.

В 50-х годах XX века высшая школа США еще не располагала всеми этими данными, еще не было опыта работы со взрослыми. Неудачи, малоэффективность некоторых программ повышения квалификации в 50-х – 60-х годах, а также первые результаты исследований особенностей обучения взрослых показали, что эта проблема требует серьезного предварительного изучения. Поэтому в 60-х годах многие центры Университетов по обучению взрослых занялись теоретическими исследованиями в этой области и разработкой специальных программ и учебных планов для подготовки новой категории специалистов-организаторов и руководителей системы непрерывного повышения уровня образования рабочей силы.

Многоступенчатость американской высшей школы благоприятствует ее использованию для повышения квалификации специалистов. По данным Л.Д. Филипповой, в 70-х годах, например, от 60 до 70% учителей школ и 30% инженеров-бакалавров продолжали учебу по программам магистров, а почти треть инженеров – магистров наук продолжала обучение по программам докторов наук. Но основной состав контингента повышающих квалификацию – специалисты с незаконченным высшим образованием, обучающиеся по программам бакалавров.

В связи с особенностями контингента взрослых учащихся формы высшего образования и в значительной степени его содержание подвергались серьезным изменениям.

Вечернее обучение, которое начало было распространяться после второй мировой войны в связи с большими потребностями США в кадрах высшей квалификации, тоже признано малоэффективным из-за пониженного восприятия студентов после рабочего дня и из-за более низкого качества преподавания, связанного с тем, что вместо профессоров на вечерних отделениях, особенно в так называемых учебных центрах районов промышленных предприятий, занятия проводятся, в основном, младшими преподавателями.

Так в американской высшей школе начало входить в практику «полуочное образование» – из-

учение очной программы по частям в растянутые сроки. Она широко используется и для повышения квалификации специалистов. Однако существенные изменения в сфере образования не решают сами по себе социальных проблем общества.

Ученые не могут не признавать происходящего сегодня «отчуждении труда», распространения этого явления и на наиболее квалифицированную часть рабочей силы. В то же время они пытаются показать, что усиление процесса «отчуждения труда» обусловлено самим процессом индустриализации, что обесценивание человека происходит лишь из-за противоречий между прогрессом техники и порождаемой им «стандартизацией индивидуумов».

Некоторые западные ученые видят вину системы образования в том, что существует перепроизводство одних кадров при острой нехватке других, что учащиеся не получают правильной профессиональной ориентации, чтобы делать выбор профессии, исходя из реальных возможностей применения своих знаний. По их мнению, именно на школе и вузах лежит ответственность за то, что получаемые в них знания зачастую являются либо слишком слабыми, либо малоприменимыми, и в результате обладатели дипломов оказываются неспособными быть занятыми, несмотря на наличие вакантных мест. Эти ученые, признавая кризис системы образования, сводят решение социальных проблем к необходимости образовательной реформы. Однако кризис образования, который имеет место во всех капиталистических странах, заключается, как справедливо замечает Н.П. Иванов, не в том, что эта «система ухудшилась. Наоборот, в последние десятилетия были проведены определенные реформы в этой области, но в условиях капитализма система образования не в состоянии удовлетворять в достаточной мере социальные и экономические потребности общества. Расхождение между узким практицизмом в подготовке кадров и объективными потребностями общественного развития увеличивается. Научно-техническая революция поставила в порядок дня революцию в области образования, но она невозможна без коренной ломки экономических и социальных форм общественной жизни» [2, с. 270].

Это замечание о сути современного кризиса образования особенно справедливо по отношению к американской системе образования, так как проведенные в ней реформы по приспособлению к новым требованиям гораздо более радикальны, чем в других капиталистических странах. В результате этих реформ в Соединенных Штатах была создана система высшего образования, которая в принципе может выпускать кадры, отвечающие высоким требованиям научно-технического прогресса. Более того, реформы, направленные на укрепление капитализма в США, не могли осуществляться ни в какой другой форме, кроме демократизации си-

стемы высшего образования. Однако, поскольку образование является одной из сфер общественной жизни, обусловленной определенным способом производства, оно развивается вместе с ним и чревато его противоречиями. Этим объясняется то, что высшая школа в США испытывает на себе все противоречия, характерные для американского капитализма. Социально-экономические условия, в которых происходит формирование и удовлетворение экономической и социальной потребностей в высшем образовании, неизбежно накладывают отпечаток на реальное осуществление целей, стоящих перед системой высшего образования [1, с. 264–279].

Американская высшая школа, несмотря на внешнюю демократичность, отражает существующие в стране социально-классовые отношения: выходцам из разных социальных слоев общества она предлагает разное по качеству образование.

Несмотря на все многообразие американских университетов и колледжей, говорит президент фонда Денворт М. Ворен, фактически существуют только два типа учебных заведений: немногочисленные академические вузы, являющиеся «центрами качества», и широкообразовательные институты, являющиеся «центрами равенства». Первые осуществляют элитарный принцип американской высшей школы, вторые – эгалитарный. Эти, по существу, два трека в высшем образовании отделяют студентов из высших классов от их соучеников – выходцев из рабочего класса. Таким образом, американская высшая школа вовсе не изменяет социальной организации общества, приходит к выводу М. Ворен, а скорее поддерживает существующую. В Соединенных Штатах Америки, где в течение столетия в сознание масс настойчиво внедрялась идея, что образование – это главное средство для улучшения экономического и социального положения человека в обществе, и где эта «вера в образование» получила гораздо более широкое распространение, чем в любой другой стране, несоответствие между ожиданиями и реальной действительностью, когда высшее образование не обеспечивает ожидаемых доходов и «подъема по социальной лестнице» привело в середине XX века к разочарованию в образовании, к кризису доверия к нему как инструменту достижения социального равенства [6, с. 315].

Во второй половине XX века произошли существенные качественные изменения во всех сферах развития общества, включая экономику и производство. Это привело к новой смене парадигм в области образования. Экономика предшествующего периода, как отмечалось, ориентировалась на массовое стандартизированное производство. Основными стратегическими ресурсами были минеральные, энергетические. Основным действующим лицом на производстве оказывался инженер,

профессиональная деятельность которого была вполне предсказуемой. Образование в этой ситуации делало акцент на массовой подготовке инженерных кадров в соответствии с прогнозами развития соответствующих отрасли производства. Оно готовило специалистов для исполнения заданных функций в сложной технологической машине.

Но к концу столетия экономическая и социальная сферы приходят к истощенности прежней парадигмы своего существования. Для обозначения нового состояния общества А.И. Субетто вводит категорию кризиса истории, смысл которой заключается в том, что наступил предел прежних основ бытия человечества. Социальное развитие до XX века реализовывалось при доминанте стихийных регуляторов и «малой энергетики» хозяйствования. В XX веке произошел скачок как в энергетическом базисе человечества, так и в концентрации энергии. XX век предстал как энергетическая цивилизация, которая приобрела смысл большого энергетического взрыва социальной эволюции человечества [5, с. 20].

Помимо указанных факторов, в последней трети XX века перед обществом встала проблема истощаемости природных ресурсов, которая заявила о себе в форме экологических катастроф различного масштаба. Прежняя способность биосферы восстанавливать энергозатраты, понесенные в результате хозяйственной деятельности человека, была навсегда утрачена. Энергетический взрыв породил экологический кризис, механизмы и последствия которого раскрыты в работах А.Л. Чижевского, В.П. Казначеева, А.И. Субетто и др.

Исследователи сформулировали ряд законов существования и развития современной цивилизации в условиях ее кризисного состояния, рассматривая этот кризис как глобальную экологическую катастрофу и появление в этой связи императива выживаемости человечества как отказа от стихийности в истории. Этот кризис обозначил пределы либеральной модели социальной онтологии, ставящей во главу угла человека-предпринимателя, а в качестве средства регулирования общественных отношений – свободный рынок. Согласимся с позицией Б.П. Казначеева и А.И. Субетто, что природа через диктатуру лимитов природных ресурсов определила рыночно-капиталистическую цивилизацию запада как организацию мирохозяйствования, ведущую человечество к экологической гибели.

На конференции ООН по окружающей среде и развитию в Рио-де-Жанейро в 1992 г. впервые перед мировым сообществом была поставлена проблема поиска новой модели развития человечества. Мы принимаем историческую необходимость и нравственную обязанность сформировать новую модель, в которой благополучие всех и сохранение окружающей среды были бы обязательно синони-

мами. Мы не можем обеспечить экологическую безопасность планеты в социально несправедливом мире.

На конференции было отмечено, что характер производства и потребления в промышленно развитой части мира подрывает системы, поддерживающие жизнь на Земле. Не вызывает сомнений, что дальнейшее технологическое развитие человечества по существующей парадигме истории приведет к ситуации, при которой человечество ждет крах в не столь уж отдаленном будущем.

Проблема поиска новой модели существования человечества не находит своего решения потому, что частная собственность во многих отношениях становится камнем преткновения на пути к устойчивому развитию. Поэтому все предполагаемое модели развития носили и продолжают носить чисто декларативный характер.

Заслуживающим внимания подходом к решению этой проблемы является создание управляемой с помощью общественного интеллекта модели общественного развития. При этом общественный интеллект рассматривается как совокупное управление будущим, его идеальную детерминацию. На этом основании А.И. Субетто формулирует закон роста идеальной детерминации в истории, то есть закон роста роли общественного интеллекта проектного начала в истории, противостоящего стихийному началу [4, с. 53–54].

При этом главным механизмом воспроизводства общественного интеллекта является социальной институт образования. Именно знания соединяют индивидуальные интеллекты в совокупный интеллект общества – общественный интеллект, главной функцией которого является управление будущим. Близкую к изложенной позицию в этом вопросе занимают А.П. Назаретян и А.П. Резников, указывающие на императив опережающего развития интеллекта как закон эволюции, основным смыслом которого является способность людей предвидеть [3, с. 222].

Согласно этой концепции конец XX века означает конец стихийной истории и переход к управляемому обществу. Этот тип общества определяется как «образовательное общество» или «образовательная цивилизация» – состояние общества, когда оно становится образовательной системой, когда образование как главная функция воспроизводства определяет все сферы его жизни. При этом меняется сущностная характеристика образования. Из сферы образовательных услуг оно переходит в сферу экономики и производства, становясь их важнейшим элементом.

Основой для перехода общества в новое качественное состояние является революция в сфере образования – составная часть цивилизационной революции конца XX века. Образовательная революция представляет собой скачок в развитии

информационной индустрии общества, ведущий к становлению информационного общества.

Образовательная революция, таким образом, ставит предел образованию как механизму воспроизводства «частичного человека», потребляемого растущим производством, и решает задачу воспроизводства «полного человека», преодолевающего свое исторически сложившееся отчуждение от собственного бытия. Образовательная революция конца XX века приобретает смысл «формационной революции», означающей смену образовательной парадигмы и переход к формации образовательного общества. В развитии общества и образования заканчивается формация, длившаяся 300–400 лет, в основе которой лежали принципы просвещения и которая обеспечивала в течение этого времени воспроизводство человека для нужд рыночно-капиталистической цивилизации. Можно утверждать, что этот человек уже не имеет будущего по экологическим причинам. Свобода «социально-атомарного человека» обернулась экологическим крахом. Либеральная концепция развития общества и человека, основанная на идее стихийного

развития и абсолютной свободы, к концу XX века себя исчерпала и обернулась глобальным кризисом в самых разных областях общественной жизни.

Библиографический список

1. Громека В., Масленников В., Федорович В., Филиппова Л. Наука и образование. – М.: Наука, 1974. – 415 с.
2. Иванов Н.П. Научно-техническая революция и вопросы подготовки кадров в развитых странах капитализма. – М.: Наука, 1971. – 367 с.
3. Назаретян А.П. Интеллект во Вселенной (Истоки, становление, перспективы). – М.: Недра, 1991. – 287 с.
4. Субетто А.И. Онтология и феноменология педагогического мастерства. Кн. 1. – Тольятти, 1999. – 206 с.
5. Субетто А.И. Россия и человечество на «перевале» истории в преддверии третьего тысячелетия. – СПб.: ПАНИ, 1999. – 827 с.
6. Филиппова Л.Д. Высшая школа США. – М.: Наука, 1981. – 326 с.

УДК 2-18;128

Макарова Ольга Александровна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
suddenjoy@yandex.ru

СРАВНИТЕЛЬНЫЙ АНАЛИЗ ОТНОШЕНИЯ К СМЕРТИ И ПОСМЕРТНОМУ СОСТОЯНИЮ В МИРОВЫХ РЕЛИГИЯХ И ИУДАИЗМЕ

В статье проводится сравнительный анализ отношения мировых религий (буддизма, христианства и ислама) и иудаизма к смерти и посмертному существованию.

Ключевые слова: жизнь, смерть, посмертное существование, ад, рай.

Человеческая жизнь и смерть – извечные темы, над которыми размышляли философы, религиозные деятели, деятели искусства и литературы и представители медицинских отраслей. Каждый взрослый человек хотя бы раз в жизни задумывался, зачем он живёт на этой земле, о предстоящей смерти и существовании или отсутствии некоего рода бессмертия или посмертного существования.

Несмотря на огромный прорыв в медицине, «эликсир вечной жизни» до сих пор не найден. Пластическая хирургия, стволовые клетки могут продлить физическую красоту и молодость, но не могут даровать вечной жизни.

В отличие от философов, которые считают, что смерть – это небытие и после смерти не существует загробной жизни, большинство религиозных взглядов основывается на том, что, кроме материальных компонентов, в человеке существует ещё одно составляющее – душа, без которой тело не может жить. Тело смертно, подвержено старению и умиранию, душа же вечна. Некоторые религии (например, христианство) утверждают, что помимо души существует ещё один компонент – дух

и человек трихотомичен по своей сути (состоит из тела, души и духа).

Догматы ряда религий утверждают, что жизнь души не заканчивается со смертью тела. Вера в бессмертие души, воскресение из мёртвых – фундаментальные убеждения иудаизма, христианства, ислама. Будущая жизнь души после смерти чаще всего оценивается жизнью на земле, исполнением заповедей, поступками человека.

В отличие от авраамических религий (иудаизм, христианство, ислам), буддизм отрицает душу как самостоятельный объект. Теория несуществования души, Анатмавада, – одно из основных положений буддизма. Однако в буддизме имеется понятие «сантана», то есть некая протяжённость сознания.

В буддизме жизнь и смерть – единое целое. Смерть – это начало следующего эпизода, другой главы жизни, это «зеркало, в котором отражается весь смысл жизни» [7, с. 56]. Смерть не просто естественна, она желанна, так как смерть – ступень к Абсолюту, где нет страданий. Сама жизнь – страдание. Но смерть – не гарантия, что человек достигнет Абсолюта. Как уже было сказано выше, смерть – зеркало, и следующее существование за-

висит от человеческой жизни. После смерти человека ожидают три варианта – мгновенное перерождение, попадание в ад (до вселения в новое тело), уход в нирвану. Смерть и нирвана в учении Будды обладают двойственным характером. С одной стороны, нирвана – некое качество мира, в котором исчезает вся чувственность бытия. «Есть, о бхикшу, – говорит Будда, – состояние, где нет ни земли, ни воды, ни света. <...> Это не называю я ни возникновением, ни процессом, ни состоянием, ни смертью, ни рождением. Оно без основы, без продолжения, без остановки. Это и есть конец страдания» [8]. С другой стороны, нирвана – конечная цель бытия. Это «некая пограничная область. Это Великое Ничто и одновременно Великое Всё» [8].

Согласно буддистскому учению, схема формирования механизма перерождений находится в двенадцатичленной формуле бытия или 12 нидан. Колесо бытия, бхавачакра, – это воплощение сансары (круговорота рождений и смертей). Человек рождается и умирает, затем происходит перерождение, новая жизнь в новом образе и очередная смерть. Двенадцать нидан гласят, что в начале причины лежит неведение, которое также называет «корнем сансары». Неведение является причиной стремлений. Стремление накапливает карму – «закон воздаяния, предопределяющий жизнь человека и его судьбу» [11, с. 68]. Любые желания производят карму. Только освобождение от кармы может помочь достижению нирваны – состоянию освобождения от страстей.

Но даже тогда, когда у человека накоплено много отрицательной кармы, если он способен «произвести в сердце изменение в момент смерти, это может решающим образом повлиять на будущее и преобразить карму, потому что момент смерти является исключительно мощной возможностью очищения кармы» [7, с. 48]. Таким образом, если человек умирает с положительным настроем, то он может улучшить своё следующее рождение. До момента смерти человек должен постараться освободиться от любых привязанностей. Согьял Рипонче в своём труде «Книга жизни и практика умирания» описывает три главные практики для умирания. Первая – «лучше всего находиться в покое природы ума или призывать сердце» [7, с. 23]. Вторая – практика пхова, или перенос сознания. Третья – «можно полагаться на силу молитвы, преданность, вдохновение и благословение просветлённых существ» [7, с. 25]. Для высших практикующих смерть – момент высшего освобождения, попытка проникнуть в нирвану.

Иудаизм утверждает, что после смерти душа праведника получает Мир грядущий. В Талмуде (Берахот, 34а) сказано, что человек не может знать о мире грядущем ничего определённого. Также Талмуд говорит, что праведники в Мире грядущем наслаждаются сиянием Божественного при-

сутствия, близостью к Богу. Человек получает это благо делами земной жизни, раскаянием при жизни в своих дурных поступках. Иудаизм назван «религией жизни» [5], рассматривающей смерть как зло. Смерть нельзя воспевать, нельзя ожидать её как некоего освобождения, приближать смерть категорически запрещено. Кодекс Еврейского Закона гласит: «Больной на его смертном одре считается живым человеком. Запрещено делать что-либо, что может ускорить его смерть (Глутхам Арух, Йорех Деа 339:1 и Рема)» [5]. Иудеи верят в бессмертие души и воскресение из мёртвых. Например, в книге Даниила сказано: «И спасётся в то время народ твой, все те, которые найдены будут записанными в книгу. И пробудятся многие из спящих во прахе земном: одни – для вечной жизни, другие – на поругание и вечный позор» (Дан, 12:2).

Отношение к смерти в христианстве можно охарактеризовать словами Иоанна Златоуста: «Всегда ожидай, но никогда не бойся смерти, то и другое – истинные черты мудрости» [9, с. 909]. Истинный христианин должен подобно античным философам «Memento mori» (помни(ть) о смерти), так как земная жизнь с печалью и скорбями – это лишь подготовка к другой жизни, которая будет вечной. Но именно от земной жизни зависит, каким будет посмертное существование. Если человек праведен, соблюдает заповеди и предписания Церкви, ведёт достойный образ жизни, то ему будет даровано Царство Небесное. Если же человек грешит, то ему уготована Геенна огненная. Хотя в ряде протестантских течений судьба человека уже предопределена (баптизм, кальвинизм).

Царство Небесное для христианина – это, прежде всего, радость общения с Богом, единение с Ним. Таким ветвям христианства, как православие, католицизм и некоторым протестантским конфессиям, свойственна идея о воскресении души после Второго пришествия Иисуса Христа, идея бессмертия души, которая стала догматом на Никейском соборе 325 года. После смерти душа выходит из тела и продолжает своё существование. Православный архиепископ Женевский Антоний пишет, что «жизнь души за гробом есть естественное продолжение и последствие её жизни на земле. Если человек при жизни был истинным христианином, то душа ощутит присутствие Бога и обретёт покой. Если же человек был великим грешником, то душа его будет тосковать по Богу, её будут мучить желания, к которым привыкла плоть, так как удовлетворить их будет нельзя, будет страдать от близости злых духов» [2, с. 52]. Выйдя из тела, душа рассуждает, осознёт, но так как не имеет тела, то она не может совершать поступки, не может что-либо изменить. В Поучениях Аввы Дорофея говорится: «Души помнят всё, что было здесь, как говорят отцы, и слова, и дела, и мысли» [1, с. 141].

Перед тем как перейти в загробный мир, по мнению православного христианства, душа проходит проверку («мытарства») злых духов. После проверки душу ждёт частный суд, на котором она определяется либо в ад, либо в рай. (Примечательна традиция православных отмечать 3, 9 и 40 дни после смерти. Считается, что первые три дня душа обитает на земле, до девятого дня ей показывают райские обители, до сорокового дня – ад, а сороковой день – это день частного суда.) Нераскаявшихся грешников ждут адские мучения, праведников – рай. Души ждут своего более точного определения до Страшного суда, который состоится после Второго пришествия Христа. После Страшного суда участь души уже не изменится. Также, по мнению ряда христианских конфессий, почившему человеку могут помочь молитва Церкви и близких.

Отличительной особенностью вероучения католицизма о посмертном состоянии является учение о чистилище. По мнению католических богословов, «те, кто умирает в благодати и дружбе Божией, но не совершенно очищенными, хотя им и обеспечено вечное спасение, после смерти претерпевают очищение, чтобы обрести святость, необходимую для вступления в радость небесную» [6, с. 41]. Учение о чистилище было сформулировано на Флорентийском и Триденском соборах, ссылаясь на Церковное предание и некоторые тексты Писания: «Что касается некоторых менее тяжких прегрешений, надо думать, что до суда существует очистительный огонь, согласно словам Того, Кто есть истина, говорящего, что если кто скажет хулу на Духа Святого, то не простится ему ни в сем веке, ни в будущем (Мф. 12:31–32). Исходя из этого суждения, мы можем понять, что некоторые грехи могут быть отпущены в веке сем, а некоторые другие – в будущем» [4, с. 30].

Протестантизм, как и православие, отвергает учение о чистилище: «Тела людей после смерти возвращаются в прах, чтобы увидеть тление, а их души, обладая бессмертной сущностью, не умирают и не засыпают, но немедленно возвращаются к Богу, Который и дал их. Души праведников соделываются совершенными в святости и принимаются на небеса, где лицезреют Бога в свете и славе, ожидая полного искупления их тел, а души нечестивых низвергаются в ад, где пребывают в муках и кромешной тьме, соблюдаемые на суд великого дня. Кроме этих двух мест для обитания души, разделенной с телом, Писание не признает никаких других» [3, с. 14]. Вообще, смерть для христиан после распятия и воскресения Иисуса Христа обладает положительным смыслом: «Ибо для меня жизнь – Христос, и смерть приобретение» (Флп.: 1, 21); «Верно слово: если мы с Ним умерли, то с Ним и оживем» (2-е Тим.: 2, 11).

Интересным является отношение адвентистов седьмого дня к посмертному существованию.

Представители этой конфессии отрицают учение о бессмертии души и вечных муках для неверующих. Адвентисты седьмого дня верят, что при втором пришествии Иисуса Христа произойдёт первое воскрешение умерших (1-е Фес.: 4, 13–18) для жизни вечной, остальные же, отвергшие благодать Божию, будут воскрешены после Тысячелетнего царства (Откр.: 20, 4–6) для осуждения и понесут возмездие за грех – смерть (Рим.: 6, 23), будут полностью уничтожены посредством огня.

Свидетели Иеговы верят в то, что существует два класса праведников – с небесной и земными надеждами. К первому относятся так называемые «помазанники, которые родились свыше от духа святого» (Ин., 3:5,7) и стали детьми Бога (Ин., 1:12–13; Рим., 8:16). Эти помазанники, по учению Свидетелей Иеговы, после воцарения Христа и своего воскресения должны вечно жить на небесах (Ин., 14:2–3). Общество Сторожевой Башни утверждает, что это так называемое малое стадо (Лк., 12:32) помазанных христиан ограничивается числом 144 000 (Отк., 7:4; 14:3–4) и что только они будут сонаследники Христу (Рим., 8:17), то есть будут вместе с Христом править с небес над землей. Ко второму классу праведников, как учат Свидетели, относятся так называемые другие овцы (Ин., 10:16), составляющие великое множество людей (Отк., 7:9) с земной надеждой. Это – верные христиане, которые после Армагеддона будут жить на райской земле в качестве подданных Христу и духовному Израилю. Свидетели Иеговы отрицают посмертное индивидуальное существование души человека, для них личность после смерти перестает существовать. «Обрати внимание, – пишут они, – что Библия не говорит, будто Бог дал человеку душу. Она скорее говорит, что после того, как Бог дал человеку дыхание, стал человек душою живою. “Следовательно, человек был душой, так как каждый, кто становится врачом, есть врач” (1-е Кор.: 15, 45). Прах земной, из которого было сотворено тело, не является душой. Не сказано в Библии и о том, будто дыхание жизни есть душа. Вместо этого Библия указывает на то, что благодаря соединению дыхания жизни с телом, человек стал душой живою» [10, с. 76].

Как и многие другие религии, ислам проповедует веру в загробную жизнь. Истинный мусульманин должен помнить о посмертном существовании, так как это делает его жизнь осмысленной. Коран отмечает возмездие за плохие поступки и награду за хорошие.

Ислам учит, что смерти бояться не надо. Если человек – истинный мусульманин, он верит, совершает добрые дела, то смерть не должна быть страшна ему. Человек умирает так, как он жил. Если человек жил праведно, то он и умрёт легко. Если наоборот, то смерть его будет тяжёлой и ужасной. Несмотря на то что момент смерти управляет-

ся Аллахом, человеческую душу забирает Ангел Смерти – Азраил.

Смерть переводит человека в другие ипостаси. Промежуточный период до Страшного суда называется Аль-барзах. В «Аль-барзахе» тела людей все еще обладают способностью чувствовать, хотя души находятся либо в небесах (аль-иллийюн), либо в аль-сиджине (обиталище для душ неверных). Для ислама также свойственно понятие азаб ал-кабр – «могильное наказание». Это малый суд над умершим, который совершается сразу же после смерти: «Мы накажем их дважды, потом они будут возвращены к великому наказанию» (Коран, сура 9 Покаяние, аят 101/102). Также Коран описывает мучения Фараона и его помощников: «Огонь, в который их ввергают утром и после полудня. А в День наступления Часа подвергните род Фараона самым жестоким мучениям!» (сура 40 Верующий, аят 46). В хадисах Аль-Бухари сообщается, что мусульмане будут награждены после смерти больше, чем не мусульмане: *«(Однажды) посланник Аллаха, да благословит его Аллах и приветствует, сказал: “Ко мне явился некто от Господа моего и сообщил мне (или: порадовал меня вестью) о том, что войдет в рай любой из членов моей общины, который умрет, не поклонявшись ничему, кроме Аллаха”. Я просил: “Даже если он прелюбодействовал и воровал?” Он ответил: “Даже если он прелюбодействовал и воровал”» [12]. Хотя перед тем, как войти в рай, даже грешивший мусульманин должен пройти могильное наказание. Так Ш. Балаг в своей статье говорит: «Что касается мусульман, совершивших тяжкие грехи и умерших не покаявшись, то, возможно, они будут подвергаться могильным мучениям на некоторое время, а затем Аллах Милостивый, если пожелает, даст им отсрочку до Судного дня и прекратит их мучения. А возможно, Он оставит их мучиться до самого Судного дня и они воскреснут очистившимися от своих грехов» [13].*

В день Суда все умершие предстанут перед Аллахом. Праведники после Суда обретут вечное блаженство в раю – ал-Джанна (в буквальном переводе «сад»). Коран так описывает ал-Джанна: «... Там – реки из воды непортящейся, и реки из молока, вкуса которого не меняется, и реки из вина, приятного для пьющих, и реки из меду очищенного», там сады «темно-зеленые», там «плоды, пальмы и гранаты». Праведники одеты в «одеяния зеленые из сундуса и парчи, и украшены они ожерельями из серебра», отдыхают на «ложах расшитых», «не увидят они там ни солнца, ни мороза, близка над ними тень». Голод они утоляют «плодами из тех, что они выберут, и мясом птиц из тех, что пожелают», поит их Господь «напитком чистым», «чашей, смесь в которой с инбирем», «из текущего источника – от него не страдают головной болью и ослаблением». В качестве прислуги у праведных

будут «мальчики вечно юные», обходящие хозяев «с сосудами из серебра и кубками хрусталя», а в качестве жен обитателям рая будут даны «девственницы, мужа любящие, сверстницы», «черноокие, большеглазые, подобные жемчугу хранимому». Кроме этих чернооких дев (гурий), у праведников сохранятся и их земные жены: «Войдите в рай, вы и ваши жены, будете ублажены!» (Коран, сура 47 Муххамад, аят 15/16–17; сура 55 Милостивый, аят 46–78; сура 56 Аль-Вакия, аят 11–38/37; сура 76 Человек, аят 11–22; сура 43 Украшения, аят 70).

Тех же, кто попадет в ад – джаханнам, ждет совершенно иная судьба. Сам джаханнам, по одним представлениям, находится в чреве «готового лопнуть от гнева» животного, по другим – в глубочайшей пропасти, в которую ведут семь ворот (Коран, сура 89 Заря, аят 23/24; сура 67 Власть, аят 7–8; сура 15 Аль-хиджр, аят 44; сура 39 Толпы, аят 72). Им предстоят невероятные муки: «А те, которые несчастны, – в огне, для них там – вопли и рев». «Мы сожжем их в огне! Всякий раз, как сготовится их кожа, мы заменим им другой кожей, чтобы они вкусили наказания». «Огонь обжигает их лица, и они в нем мрачны», «одеяния их из смолы». Питаться грешники вынуждены плодами адского дерева заккум, которые «точно головы шайтанов», пить – кипяток, который «рассекает их внутренности», или гнойную воду: «Он лакает ее, но едва проглатывает, и приходит к нему смерть со всех мест, но он не мертв, а позади его – суровое наказание». В перерывах между огненными пытками обитателей джаханнама будет мучить столь же ужасный холод (Коран, сура 11 Худ, аят 106/108; сура 4 Женщины, аят 56/59; сура 23 Верующие, аят 104/106; сура 14 Ибрахим, аят 50/51; сура 37 Ас-сафат, аят 62/60–66/64; сура 56 Аль-вакия, аят 52–54; сура 37 Ас-сафат, аят 67/65; сура 14 Ибрахим, 16/19–17/20). Ислам явным образом указывает на то, что рай гарантирован практически всем мужчинам-мусульманам, если в их жизни будет сохранено доброе поведение.

Таким образом, авраамические религии предлагают человеку только одну жизнь, после окончания которой он может достигнуть одного из двух посмертных состояний – вечного блага в раю и вечных мучений в аду. То или иное посмертное состояние зависит от земной жизни. Только ряд христианских конфессий протестанского толка отрицает жизнь души после смерти, веря в Воскресение мертвых. Буддизм предлагает множество перерождений. Перерождение зависит от предыдущей жизни. Цель буддиста – достижение нирваны.

Каждая религия, кроме буддизма, предлагает рай. В раю уготованы наслаждения, но и наслаждения эти разного контекста. Так, если сравнивать ислам и православное христианство, ислам предлагает телесные наслаждения в виде вина и гурий, а православное христианство предлагает наслаж-

дение в виде соединения с Богом и получения радости общения с Ним. Рай же, по мнению Свидетелей Иеговы, обусловлен раем на земле после Второго Пришествия. Каждая религия дарит рай только своим последователям. Так, например, ислам обещает рай только для мусульман, христианство только для христиан и т.д. Ад же гарантирован всем.

Мы можем заключить, что отношение мировых религий и иудаизма к смерти, загробной жизни человека имеет сходства и отличия, причем это в разной степени выражено в том или ином случае. В целом, главное сходство мы видим в том, что все мировые религии призывают не бояться смерти, оценивая ее просто как своеобразную ступень при переходе из одного состояния человека в другое. Различия мы видим в их представлениях о загробной жизни человека: например, если в христианстве, иудаизме и исламе мы наблюдаем тенденцию к обещанию вечного райского блаженства для праведников и мучения в аду для грешников, то буддизм соединяет жизнь и смерть в единой целое, представляя весь этот процесс как цепочку непрерывного перерождения человека.

Библиографический список

1. Авва Дорофей. Душеполезные поучения. – М.: Православный мир, 2000. – 246 с.
2. Архиепископ Женевский и Западноевропейский Антоний (Бартошевич). О загробной участи души человека. – Тверь: Слово, 2008. – 175 с.
3. Вестминстерское исповедание веры / пер. Е. Каширского. – М.: РКМ, 2001. – 44 с.

4. Григорий Великий. Диалоги. Т. 4. – Нижний Новгород: Глаголь, 1999. – 132 с.

5. Долг живых. Еврейские традиции похорон и траура. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.machanaim.org/yearroun/in_tr.htm (дата обращения: 15.10.2013).

6. Католический катехизис. – Апостольская Администратура для католиков латинского обряда Севера Европейской части России, Католик, 2001. – 59 с.

7. Согьял Ринпоче. Книга жизни и практика умирания. – Нижний Новгород: Деком, 2004. – 98 с.

8. Смерть в буддизме. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sunhome.ru/religion/15323> (дата обращения: 20.10.2013).

9. Творения иже во святых отца нашего Иоанна Златоуста, Архиепископа Константинопольского. 2-е изд. – СПб., 1899. – Т. 9. – 1329 с.

10. Ты можешь жить вечно в раю на земле. – Нью-Йорк: Издательский центр Свидетелей Иеговы, 1989. – 89 с.

11. Философия: словарь основных понятий и тесты по курсу «Философия» / учеб. пособие под ред. З.А. Медведевой. – Кемерово, 2008. – 165 с.

12. Хадисы от Аль-Бухари. Книга похорон. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://dum-spb.ru/hadisy_ot_al-buhari (дата обращения: 08.11.2013).

13. Шауки Балаг. Могильное наказание. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.islamvevrazii.ru/rel61.php> (дата обращения: 14.11.2013).

УДК 316.42; 101

Равочкин Никита Николаевич

Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачева
nickravochkin@mail.ru

АНОМИЯ КАК ГЛОБАЛЬНЫЙ ФАКТОР ДЕЗОРГАНИЗАЦИИ СОВРЕМЕННОГО ОБЩЕСТВА: ФИЛОСОФСКИЙ АСПЕКТ

В статье произведен философский анализ глобальных процессов дезорганизации общества XXI века. Феномен аномии рассматривается в спектре глобального фактора, оказывающего влияние на развитие современного общества.

Ключевые слова: аномия, глобальный фактор, глобальные проблемы, дезорганизация, общество.

Современный этап развития общества, сопровождающийся динамичными процессами усложнения общественных связей под влиянием интенсификации социальных процессов, а также возросший процесс интеграции государств и народов в разных областях деятельности, в ходе которой возрастают взаимовлияние и взаимозависимость народов и государств, обуславливают новый уровень осмысления феномена аномии как глобального фактора.

Поэтому, несмотря на достаточное количество исследований, посвященных осмыслению феномена аномии, а также научных дискуссий о смысле этого неоднозначного термина, данная тема оста-

ется неисчерпаемой, где необходима системная реконструкция философских и социологических воззрений, отражающих проблему аномии в ее глобальном масштабе.

Понятие «аномия» восходит к временам Древней Греции и встречается в произведениях Еврипида и Платона. Широким же распространением термин «аномия» обязан французскому философу и социологу Эмилю Дюркгейму, который связывал данный феномен с различными формами социальной патологии и использовал данный термин в своих основополагающих трудах «О разделении общественного труда» (1893) [3] и «Самоубийство» (1897) [4]. По Дюркгейму, аномия является

одним из важнейших факторов, который вызывает ряд опасных социальных деформаций. В основе его теории аномии лежат следующие социологические концепции: признание общества самостоятельной объективной реальностью по отношению к составляющим его индивидам; рассмотрение доминирующего влияния социальной среды на индивидуальное сознание и поведение; обоснование социальной природы религии, морали, права и самого процесса познания. Собственно концепция аномии органично вытекает у автора из идеи социальной солидарности, где последнее им понималось как явление, способное скрепить и сплотить в одно целое.

Дюркгейм полагал, что аномия может развиваться только в том случае, когда быстрые социально-экономические трансформации нарушают устоявшийся порядок в общественном устройстве. Вследствие таких трансформаций многие ценностные нормы и ожидания человека становятся неясны, недоступны, неосуществимы. Следуя принципу историзма, Дюркгейм полагал, что аномия есть не что иное, как следствие неполного перехода от «традиционного» (архаического) общества с его «механической» социальной солидарностью к «органической» солидарности. Фундаментом механической солидарности, согласно концепции Дюркгейма, является неразвитость и высокая степень сходства составляющих общество индивидов. Индивид в таком «примитивном» обществе не принадлежит самому себе, а коллективное сознание почти целиком поглощает индивидуальные признаки. Общественное согласие заключается в единстве убеждений, консенсусе моральных норм и принципов, которые наблюдаются в пределах коллективной жизни и собственности. Социальная регуляция выражается в данном случае в принуждении, в строгих репрессивных нормах, которые имеют карательное воздействие за малейшее отклонение от общих правил коллективной морали и коллективного поведения. Органическая же солидарность, которая порождается разделением общественного труда, основана уже не на сходстве, а на различии индивидов.

Благодаря этому человек сознательно начинает воспринимать свою зависимость от общества, которая раньше поддерживалась репрессивными мерами. Дюркгейм заострял внимание на том, что общественное разделение труда, составляющее основу промышленного общества, становится основополагающим источником социальной солидарности и основанием «морального порядка».

Таким образом, согласно концепциям Дюркгейма, аномия имеет следующие признаки:

а) частичное или полное отсутствие нормативного регулирования в кризисных, переходных социальных ситуациях, когда прежняя система норм и ценностей разрушена, а новая еще не утвердилась;

б) низкая степень воздействия социальных и моральных норм на индивидов, их неэффективность в качестве средства социальной регуляции поведения;

в) расплывчатость, неустойчивость и противоречивость ценностно-нормативных предписаний и ориентаций, в частности противоречие между нормами, которые определяют цель деятельности, и нормами, которые регулируют средства достижения этих целей.

Вслед за Дюркгеймом другие исследователи развивали теорию протекания общественных процессов с точки зрения нравственных, психологических и иных состояний отдельных индивидов и их сообществ, вынужденных пребывать в социуме с высокой степенью аномии.

Так, известный немецкий социолог и философ Э. Фромм [7] в своих взглядах на «больное общество» указывает на глобальную опасность аномии. Идея основного гуманистического труда Фромма заключается в том, что главнейшим показателем болезни общества является равнодушие к человеческой личности.

Аномия как глобальный фактор, оказывающий влияние на дезорганизацию социальной жизни, приводит к широкому распространению девиантного поведения, определение которого схоже с понятием аномии и рассматривается как несоответствие имеющейся норме или набору норм, принятых значительной частью людей в группе или обществе в целом. Нарушения отдельными индивидами или группами общепринятого, нормального, с точки зрения большинства членов общества, социального порядка неизбежно деформирует непрерывный процесс воспроизводства всего ценностно-нормативного механизма общественной жизни, который призван обеспечивать соответствующее нормам поведение людей. Прежде всего, аномия ведет от заведенного и привычного порядка – к непредсказуемому беспорядку, хаосу, анархии. Поэтому порядок как самовоспроизводящийся механизм ценностно-нормативного регулирования состоит из практически применяемых образцов поведения, которые признаны всем обществом и являются для него наиболее необходимыми.

Так, яркой иллюстрацией аномийных процессов служат последние события в мире. Как следует из вступившего в силу французского закона [8] о легализации браков между лицами нетрадиционной сексуальной ориентации, установлены права на усыновление детей, которыми обладают обычные супружеские пары. Из комментариев «Российской газеты» от 24 апреля 2013 г. следует, что «в движении противников “Брака для всех”, который в последние месяцы приобрел массовый характер, участвовали сотни тысяч человек. Их манифестации, носившие в целом мирный характер, все чаще становились поводом для столкновений

с полицией, как это случилось на днях неподалеку от Сената после того, как там поддержали закон о гомосексуальных браках» [6]. Тема однополых браков и возможности усыновления ими детей плотно закрепилась в российских СМИ. Эксперты уверяют, что иначе как пропагандой это назвать нельзя: общество учат терпимо относиться к людям нестандартной ориентации, их представляют жертвами и борются за их права.

Аномийные процессы, происходящие в современном социуме, не исчерпываются приведенным выше примером. Так, геологическая история Земли изобилует событиями, которые коренным образом изменили ее облик, видовой состав ее растительного и животного миров. В данном случае речь идет о глобальных природных катастрофах. В современном мире природно-климатические аномалии все чаще дестабилизируют обстановку и вносят существенные коррективы в повседневную жизнь государств и народов мира. С глобальными природно-климатическими изменениями ученые связывают нарастание конфликтов в мире, прежде всего из-за доступа к природным ресурсам. В частности, прогнозируется, что в результате глобального потепления будет облегчен доступ к энергоресурсам, которыми богата Арктика. В условиях нарастания дефицита мировых ресурсов уже сегодня между ведущими странами мира начинается обостряться борьба вокруг Арктики [5, с. 20]. В целом грядущие природно-климатические изменения в мире, которые несут в себе серьезную опасность самому существованию народов мира, требуют от государств и правительств уже сегодня быть готовыми действовать в кризисных условиях эволюции земной цивилизации.

Подводя итог, следует обратить внимание на то, что отмеченные выше характеристики негативных процессов и явлений имеют множественные факторы детерминации, однако в их составе ведущее положение занимают аномийные общественные состояния, прямо или опосредованно способствующие разрушению базовых основ социальной стабильности, порядка и цивилизационного развития в планетарном масштабе. Вместе с этим автор данной статьи не претендует на полноту исследования всех вопросов, связанных с феноменом аномии как фактора, оказывающего глобальное дезорганизующее воздействие на развитие современного общества. Ограниченный объем данной статьи не позволяет изложить все вопросы, которые связаны с этим

парадоксальным явлением. Так, за пределами внимания остался философский вопрос о природе аномии и ее продуктивности. Дать однозначную оценку этому явлению невозможно. Будучи тотальной деструкцией, хаос, лежащий в основе аномии, может быть конструктивным и способным служить чем-то вроде «первоматерии», из которой рождаются вполне упорядоченные формы. И мы, в свою очередь, солидарны с мнением русского философа-правоведа Н.Н. Алексеева, который полагал, что «не следует рассматривать хаос как феномен чисто отрицательный, ибо в нем ощущается близость к истинно беспредельному» [1, с. 52]. Аномия, в том числе и как глобальный фактор дезорганизации общества, может нести в себе конструктивный потенциал. «Страсть к разрушению – творческая страсть», и не может быть революционного обновления без «широкого и страстного разрушения, разрушения спасительного и плодотворного, потому что именно из него и только посредством него зарождаются и возникают новые миры» [2, с. 123]. Поэтому данный философский вопрос – эта тема другой статьи и является продолжением данного философского исследования.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Н. Очерки по общей теории государства. Основные предпосылки и гипотезы государственной науки. – М.: Зерцало, 2008. – 358 с.
2. Бакунин М.А. Анархия и Порядок. – М.: Эксмо-Пресс, 2000. – 387 с.
3. Дюркгейм Э.О. Разделении общественного труда. – М.: Просвещение, 1996. – 406 с.
4. Дюркгейм Э.О. Самоубийство: социологический этюд. – М.: Мысль, 1994. – 399 с.
5. Загладин В.В., Фролов И.Т. Глобальные проблемы современности: научный и социальный аспекты. – М.: Наука, 1981. – 208 с.
6. Прокофьев В. «Голубым» дали зеленый свет // Российская газета. – №6065 (89). – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.rg.ru/2013/04/23/braki-site.html> (дата обращения: 25.12.2013).
7. Фромм Э. Бегство от свободы. – М.: АСТ, 2009. – 299 с.
8. LOI n 2013-404 du 17 mai 2013 ouvrant le mariage aux couples de personnes de même sexe NOR: JUSC1236338L. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.legifrance.gouv.fr> (дата обращения: 20.12.2013).

ГЛОБАЛИЗАЦИЯ КАК ПРЕДМЕТ СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОГО АНАЛИЗА

В статье рассматриваются различные подходы к понятию «глобализация» отечественных и зарубежных исследователей, представлена история понятия «глобализация», рассматривается проблема глобализации в культуре, проблема вовлеченности России в глобализационные процессы.

Ключевые слова: глобализация, идентичность, глобализационные процессы, интеграция экономики и общества, ВТО.

В последние десятилетия глобализация становится одним из главных детерминантов цивилизационного развития. Глобалистская терминология проникает в различные сферы научного знания, проводятся многочисленные конференции, «круглые столы», исследования, посвященные данному феномену.

В литературе тема глобализации широко освещается как отечественными, так и зарубежными исследователями и учеными. Вместе с тем можно отметить значительное расхождение в трактовке сути данного явления, существует множество подходов к изучению феномена, выделяются различные аспекты и проблемы.

Среди зарубежных исследователей следует, прежде всего, назвать Ф. Броделя [2] и И. Валлерстайна [3] с их теорией мировой системы. Рассматривая глобализацию как процесс формирования единой системы мировой капиталистической экономики, Валлерстайн находится в русле неомарксистских интерпретаций глобализации, получивших общее название «теории зависимости». Глобализация рассматривается Валлерстайном как объективно закономерная фаза развития капитализма, которая в перспективе должна перейти в состояние глобального социализма.

Другая группа теорий, иначе оценивающих сущность и перспективы глобализации, – это так называемые «теории развития», ключевым для которых является концепт модернизации. Среди представителей этого подхода такие крупные западные социальные мыслители, как У. Ростоу [10], С. Хантингтон [11], Э. Шилз [12], Ш. Эйзенштадт [13] и ряд других. Глобальное сообщество в этой трактовке отличается не дифференциацией и зависимостью, а конвергенцией развитых обществ и стимулированием догоняющей модернизации обществ развивающихся.

Среди исследователей нет единства и в том, какой из аспектов глобализации считать определяющим. Согласно М. Кастельсу [8, с. 68–164], определяющим является формирование глобальной сетевой экономики и информационного общества, для Э. Гидденса [4, с. 85–163] это разделение в жизни общества времен и пространства. Известный специалист по глобализации культуры Р. Робертсон утверждает, что базой глобализации является глобальное изменение культуры, а именно

возникновение интенсивного осознания мира как целого. В целом не только Робертсон, но и многие другие социологи и философы определяющей тенденцией глобализации считают не экономические, а информационные и культурные изменения, то есть изменение общественного сознания.

Кроме того, проблематика, связанная с проявлением глобализации в культуре, выглядит сложной и неоднозначной. Одной из самых остроактуальных проблем для исследователей в этом смысле является проблема соотношения глобального и локального (этнокультурного) аспектов идентичности. Значимость проблемы идентичности подчеркивает З. Бауман [1, с. 34], по мнению которого глобализация имеет «человеческие последствия» в виде фрагментации и атомизации общества, обострения потребности в обретении идентичности и трудностей, связанных с реализацией этих потребностей. Концепции глобализации как разрушающей идентичность фактора противостоит другая, представленная Дж. Томлинсоном [5], по мнению которого идентичность как раз создается глобализацией, а не разрушается. Если для Кастельса, как и для многих других исследователей, идентичность – это феномен, присущий всякой культуре, то, в понимании Томлинсона, идентичность – это специфическое измерение институционализированной социальной действительности, присущее современному обществу как его продукт. Она целенаправленно конструируется через институты культурного воспроизводства. Иными словами, для Томлинсона глобализация и модерность предшествует идентичности.

Таким образом, мы видим, что разброс мнений и позиций в вопросах, связанных с глобализацией, достаточно широк. Так обстоит дело в зарубежной, преимущественно западной, общественной науке. Что касается отечественных исследователей, то здесь единообразия больше. Среди российских авторов, пишущих на темы глобализации, достаточно большую долю составляют те, кто оценивает глобализационные процессы, во-первых, как внешний вызов или систему внешних вызовов, на которые необходимо реагировать, но которые тянут в себе множество опасных для российского общества неопределенностей, порождающих многочисленные риски.

Активно исследуются российскими авторами проблемы, связанные с вовлечением нашей стра-

ны в глобализационные процессы, в особенности с развитием мультикультуральности, диалектикой глобального-модерного и традиционно-этнокультурного и национально-культурного, с влиянием глобализации на идентичность современных россиян. Эти проблемы рассматриваются в работах О. Астафьевой, Ф. Атамурзаевой, Г. Вайнштейна, А. Володина, А. Дугина, З.А. Жаде, С. Кара-Мурзы, Ю.В. Кузовкова, В. Иноземцева, А. Мельвиля, В.Ю. Яковца, Е. Ясина и др.

В исследованиях Н. Федотовой, в частности, раскрывается роль сакральных ценностей как фактора сохранения национальных культур в эпоху глобализации; В. Межуев, О. Астафьева и ряд других исследователей рассматривают проблемы бытия мультикультуральности в России и динамику российской культурной идентичности. В социально-философских работах А. Дугина, С. Кара-Мурзы [7] и других тема глобализации затрагивается в аспекте анализа ее возможных негативных последствий для российского общества и культуры. Эти авторы отстаивают идею радикальной несовместимости рационалистической и прагматической культуры западного мира – с одной стороны, и символической российской традиционной культуры. В этом же направлении мыслит глобализацию А. Панарин [9], в частности затрагивая тему влияния глобализации на поведение элит национальных сообществ.

Для российских исследователей характерна в целом более критическая позиция по отношению к глобализации, которая рассматривается как процесс, затрагивающий национальную безопасность страны и несущий вызовы для ее геополитического статуса.

Точного определения глобализации нет. Ученые дают разные определения в зависимости от цели и сферы исследования. Обобщая суть термина можно сделать следующий вывод: глобализацией является интеграция экономики и общества страны, которая содействует свободному обмену товаров, услуг и информации, а также свободному передвижению населения между государствами, союзами и континентами. Процесс глобализации – это часть современного империализма и мирового капитализма, который эксплуатирует развивающиеся страны. Глобализация, способствуя снятию границ и барьеров, имитирует объединение народов мира, способствует взаимодействию и создает глобальное сознание. Однако, по сути, является источником потери суверенитета стран за счет проникновения ТНК и уничтожения местного производства, стиранием культурного наследия и навязывания западного образа жизни.

Люди, компании и страны во всем мире связаны с помощью достижений в области телекоммуникаций. Можно легко связаться с кем-то в другой стране с помощью мобильного телефона, получить

через Интернет доступ к информации, созданной в любой стране, а также приобретать продукцию и услуги. Интернет играет важную роль в глобализации: он размывает границы между странами, культурами и народами.

Принято считать, что глобализация – это новое явление, хотя оно существовало всегда. Глобализация – это, по сути, старый и длительный процесс, который был ускорен в последние несколько десятилетий. Разные формы глобализации существовали в различные исторические эпохи.

Процесс современной глобализации начался после Второй мировой войны, когда было принято решение о создании Международного Валютного фонда (МВФ) и Всемирного банка. Целями обеих организаций являлось оказание финансовой помощи странам, которые находились в стадии развития и восстановления экономики. Требованиями для предоставления этой помощи, как правило, являлись изменения в политике, которые, как правило, негативно сказывались на дальнейшем развитии страны. Бывший главный экономист Всемирного банка Джозеф Стиглиц считает, что обе организации фактически работают против интересов развивающихся стран и способствуют дальнейшему развитию интересов частного бизнеса.

Всемирная Торговая Организация (ВТО) является еще одним катализатором в процессе глобализации. Вступление в ВТО несет за собой снятие заградительных мер, пошлин, тарифов и барьеров, становление общего рынка.

В настоящее время принято считать что, глобализация создала равные условия для всех народов мира, чтобы заниматься торговлей и конкурировать. В теории это именно так и должно происходить. Однако теоретическое представление далеко от истины. В действительности, если мы посмотрим на картину происходящего, то увидим, как разрушаются и уничтожаются местные производства, затем скупаемые ТНК и действующие как их филиалы, как страны теряют продовольственный и промышленный суверенитет, происходит смешение культур и насаждение «западного менталитета». По сути дела, страны со слабыми и развивающимися экономиками становятся придатками и колониями ТНК и ведущих экономик мира. ВТО уже давно не выполняет возложенные на организацию функции, на данный момент являясь лишь проводником для ТНК на новые рынки.

Даже печально известный МВФ признал неэффективность ВТО. В одном из своих докладов он подтвердил, что членство во Всемирной торговой организации не приносит никаких экономических выгод. В докладе говорится, что многие страны, в первую очередь США, нарушают достигнутые договоренности, раздавая индивидуальные льготы и преференции, тем самым сводя на нет саму идею свободной торговли. Вступление в ВТО отнюдь не

означает для страны свободный доступ к торговым сделкам с любым партнером-членом ВТО на условиях этой организации. На данный момент гораздо выгоднее сделки на двухсторонней основе со своими традиционными партнерами, а также участие в региональных торговых союзах.

В литературе и политике, как правило, рассматривается только экономические аспекты глобализации и ее последствия. Хотя в первую очередь воздействие глобализации испытывает общество. На сегодняшний день все меньше становится заметна граница между странами, культурами и обычаями. Происходит унификация образа жизни, навязанная США и странами сателлитами. Внедряется образ успешного, независимого человека, для которого работа, карьера, признание выходят на первое место. Индивид больше не привязан к дому, стране, обычаям и религии. Все эти процессы негативно влияют на общество, а значит, и на государство. Они приводят к снижению рождаемости, разрушению института семьи, патриотизма, веры и национальной идеи. Следовательно, глобализация ведет к разрушению стран изнутри, разрушается общество и государство, на которое оно опирается. И постепенно государство оказывается под влиянием Запада.

В процессе ослабления национального государства многим странам отводится роль сырьевых придатков западного мира. Страны окончательно теряют свою независимость, будь то в продуктивном, технологическом или культурном плане.

Во внешней политике глобализация проявляется в завоевании территорий, политическом или экономическом контроле над другими странами. Корпорации вторгаются в экономики отдельных стран, получая большую прибыль, и выводят финансы в те страны, под чьей юрисдикцией они находятся.

Сторонники процесса глобализации используют понятие демократии для продвижения своих интересов. США нередко прибегали к военным действиям для насильственной демократизации таких стран, как Ирак, Афганистан, Югославия. При этом нарушали их суверенитет и вмешивались в их внутренние дела.

Так называемые демократические страны склонны критиковать недемократические режимы и зачастую могут оказывать на них экономическое и политическое давление. Глобализация в последние десятилетия никогда не была демократическим выбором народов мира – процесс был искусственно создан и навязан с помощью бизнес-стратегий и тактики экономической экспансии. Правительства стран зачастую шло на поводу у ТНК, интегрируя свою экономику в мировую, не задумываясь о долгосрочном развитии и безопасности государства, избегая широкого обсуждения в обществе данной темы.

Глобализация дала ТНК столько власти, что правительства стран подчиняются их воле и, в свою очередь, подрывают демократию. Страны стали зависеть от того или иного решения ТНК, и каждое из них может напрямую влиять на положение дел в стране. Не весь мир выбрал демократию. Разные государства имеют разные формы правления. Так, на Кубе и в Китае – коммунистическое государство. В Саудовской Аравии – монархия. Иран – теократическая Исламская Республика. Суданом правит авторитарный военный лидер. Демократия – это наиболее доминирующая форма правления в мировой политике. Однако многие народы еще никогда не имели демократического правительства. Поэтому, хотя демократия и распространилась на большинство стран, этот вид правления не является глобальным и исключительным.

Капитализм доминирует в экономических системах мира, за исключением нескольких социалистических государств. Но даже такие страны, как Китай, приняли многие капиталистические условия. Следовательно, можно с уверенностью сказать, что капитализм – это глобальное явление.

Реальность такова, что капитализм увековечивает неравенство народов и стран, приводит к их неравномерному развитию.

Глобализация является следствием капитализма и ведет, в свою очередь, к империализму, являясь при этом скрытой колонизацией.

Большинство ученых и исследователей сходятся во мнении, что процесс глобализации уже не остановить. При таком исходе событий мир станет полностью однополярным, и управлять всей планетой будут США.

Но есть и другой вариант развития событий. Нельзя забывать, что именно после развала СССР глобализация вступила в свою самую высшую стадию развития. И если России удастся трансформировать свою экономику и общество, то курс развития страны может стать альтернативой глобализации во всем мире. Как отмечается в докладе «Изборского клуба», «мировая капиталистическая система переживает острейший, невиданный в её истории кризис. По сути дела это тупик, в который завела мир кучка алчных глобальных ростовщиков и связанных с ними представителей крупнейших «семейных фондов»» [6].

Авторы доклада в своей статье пишут, что прорыв возможен именно сейчас. В текущей ситуации перед Россией приоткрыто окно возможностей, через которое она имеет шанс вновь выбраться на свой цивилизационный путь развития, оторваться от правил неравной игры, навязанных транснационалами. Есть четыре возможных варианта будущего нашей страны в ускоряющейся глобализации:

– развал страны: кризис временно уходит вглубь и на нижние уровни социума, для того чтобы потом выйти на поверхность и реализовать какой-то из других трех сценариев (дезинтеграция);

– прямая или косвенная оккупация: капитулировавший социум интегрируют в иной глобальный проект, или проекты, подчиняя чужим стратегическим интересам (поглощение конкурентами);

– появление принципиально нового проекта и, соответственно, принципиально нового субъекта такого проекта, сменяющего действующую власть (революция, осуществляемая контрэлитой);

– выработка и реализация рефлексивной системной стратегии, ведущая к качественной трансформации всей системы (мобилизационный прорыв).

По выводам авторов доклада, существует только один возможный вариант эффективного российского ответа на вызовы системного кризиса – форсированная выработка и реализация общенациональной стратегии «Большого рывка». Такая стратегия «Большого рывка» для России должна быть сформулирована и реализована в виде особого, креативного мобилизационного проекта, вовлекающего все общество, включая основные социальные слои, в том числе путем широкой общественной дискуссии. Должно прийти осознание, что наступает новая, волевая эпоха в истории России. Государство на этом новом этапе без всяких оговорок признается главным субъектом развития. Национальная мобилизация вокруг Общего дела официально объявляется основой новой идеологии. Национальные ресурсы направляются на масштабированные инвестиции в реиндустриализацию страны и переход к новому, шестому технологическому укладу.

Большой рывок осуществляется планомерно в рамках расширения евразийского макрорегиона путем существенной трансформации всей системы постсоветского пространства в направлении реинтеграции. Духовная мобилизация народа реализуется в первую очередь посредством формирования и расширения государственных СМИ нового типа: активно внедряющих адекватную реалиям эпохи «картину мира», собственную повестку дня и формирующих образ национального будущего.

В настоящий момент у глобализации нет альтернативы. Этот процесс вошел в свою самую яркую стадию развития. Нельзя сказать, что этот процесс завершен, равно как нельзя и предсказать результат, к которому он приведет, и завершится ли до конца. Полноценную оценку можно будет дать после завершения глобализации, на настоящий момент это явление слишком противоречивое, для того чтобы делать какие-то конкретные выводы.

Библиографический список

1. Бауман З. Глобализация. Последствия для человека и общества / пер. с англ. – М.: Изд-во «Весь мир», 2004. – 188 с.
2. Бродель Ф. Время мира. Материальная цивилизация, экономика и капитализм, XV–XVIII вв. – М., 1992. – Т. 3. – 879 с.
3. Валлерстайн И. Анализ мировых систем и ситуация в современном мире / пер. с англ. П.М. Кудюкина; под общ. ред. Б.Ю. Кагарлицкого. – СПб.: Университетская книга, 2001. – 560 с.
4. Гидденс Э. Последствия модернити // Новая постиндустриальная волна на Западе. – М., 1999. – 221 с.
5. Глобализация и ее влияние на культурные процессы. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rae.ru/use/?section=content&op=show_article&article_id=7785770.
6. Стратегия большого рывка / В.В. Аверьянов, А.Э. Айвазов, М.Г. Делягин, С.Ю. Глазьев, Максим Калашников, А.Б. Кобяков, А.А. Нагорный, Ш.З. Султанов, А.И. Фурсов, К.А. Черемных, 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.dynacon.ru/content/articles/975/>.
7. Кара-Мурза С. Россия: что значит «не быть Западом»? – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kara-murza.ru/books/articles/ns-trad.html#par3>.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. – М., 2000. – 606 с.
9. Панарин А.С. Постмодернизм и глобализация: проект освобождения собственников от социальных и национальных обязательств // Вопросы философии. – 2003. – № 6. – 272 с.
10. Росток У.У. Пять стадий роста. Резюме // Концепция модернизации в зарубежной социально-политической теории 1950–1960 гг.: сб. переводов / РАН ИНИОН. Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии. Отд. политической науки / сост. и пер. В.Г. Николаева; отв. ред. Д.В. Ефременко, Е.Ю. Мелешкина. – М., 2012. – 407 с.
11. Хантингтон С. Столкновение цивилизаций / пер. с англ. Т. Велимеева, Ю. Новикова. – М.: Издательство АСТ, 2003. – 603 с.
12. Шилз Э. Общество и общества: макросоциологический подход // Американская социология: перспективы, проблемы, методы. – М.: Прогресс, 1972. – 456 с.
13. Эйзенштадт Ш. Множественность модернизмов в век глобализации // Глобализация: Контур XXI века. – М., 2002. – 214 с.

РОМАН М. КРИНИЦКОГО «УЗКИЙ ПУТЬ» И РОМАНЫ Л.Н. ТОЛСТОГО «ВОЙНА И МИР» И «АННА КАРЕНИНА»: ХУДОЖЕСТВЕННЫЕ ПЕРЕКЛИЧКИ

В статье рассматриваются художественные переклички романа «Узкий путь» М. Креницкого и романов «Война и мир», «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, представлены некоторые рассуждения о литературном процессе XIX века и влиянии произведений второстепенных писателей на классиков русской литературы.

Ключевые слова: роман, эпический роман, Креницкий, Вадбольская, Л.Н. Толстой, реализм, художественные заимствования, прототипы, характеры, событийная полнота романа.

В 1858 году в журнале «Русский вестник» был опубликован роман М. Креницкого «Узкий путь». За псевдонимом М. Креницкий скрывалась писательница Варвара Алексеевна Вадбольская, а указанный роман стал ее первой и очень удачной работой. Появившийся в передовом, фактически первом по своей значимости литературном журнале, роман «Узкий путь», конечно, не мог остаться незамеченным. Интересно, что многие события, компоненты образности, некоторые персонажи этого романа очень схожи с толстовскими, а отдельные сюжетные ходы и вставные истории творчески осваиваются и используются Л.Н. Толстым в романах «Война и мир» и «Анна Каренина».

Прямых ссылок Толстого на роман «Узкий путь», упоминаний о нем в письмах, дневниковых записях не встречается. Но, вне всякого сомнения, «Русский вестник» в 1858 году Толстой читал. В письме Н.А. Некрасову от 21 января 1858 года он сопоставляет №1 журнала «Современник» с «Русским вестником»: «Насчет 1-го № доложу вам искренно, что он очень плох. Кавеньяк (статья Н.Г. Чернышевского – В.А.), политическая и хорошая статья, стоит впереди, так же как в Русском вестнике; это то и производит неприятное впечатление» [7, т. 60, с. 252]. А уже в 1859 году в «Русском вестнике» была опубликована повесть Толстого «Семейное счастье», в 1863 году – повесть «Казаки», а вслед за ними – первые тома «Войны и мира» (январь–февраль 1865 года).

Несмотря на то, что роман «Узкий путь» – это, по сути, повествование об одной семье, даже более об одной из героинь, оказавшейся центром этой семьи, произведение не выглядит камерным, наоборот, автору удается добиться свободы и широты повествования. Креницкий (будем называть автора именно так, учитывая желание Вадбольской скрыться за псевдонимом) представляет немало интересных характеров и образов, жизненных ситуаций, с одной стороны, довольно типичных для русского светского общества того времени, с другой стороны, уникальных в художественном мире данного романа.

Действие романа «Узкий путь» происходит в конце XVIII – первых двух десятилетиях XIX века. Князь Александр Сергеевич Радомский умирает на 38-м году жизни, оставляя молодую жену и шестерых детей на произвол судьбы без средств к существованию. Безумно любившая мужа, Наталья Андреевна после его смерти замыкается, уходит в себя, не обращая внимания на детей. На протяжении долгого времени дети остаются предоставленными сами себе. Их воспитывает старая няня, а выжить помогает дядя, забирающий семью к себе в деревню. Обучением и развитием детей занимается старшая сестра, княжна Анна. Практически на княжне Анне, девочке, а после девушке мудрой, тонко чувствующей, верующей, приносящей себя в жертву другим, долгое время держится целостность семьи. Простотой и одновременно мудрым величием княжны Анны восхищаются многие, в том числе младший брат ее отца, Валериан Радомский, человек с непростой судьбой.

Братья и сестры Радомские вырастают абсолютно разными. Княжна Анна, отказавшаяся один раз от замужества, жертвует собой для каждого из членов семьи. Родные Анны так привыкают к этому положению, что проявление ею искреннего чувства расценивается ими как нечто смешное и абсурдное. Против Анны выступает и всегда благосклонная к ней мать. Оказываясь чужой в своем доме, страдающая от разлуки с любимым, княжна Анна умирает.

Но краткий пересказ сюжета романа не позволяет оценить всей его глубины. Автор романа оказывается тонким психологом: характеры девочек нарисованы идеально, читатель следит за взрослением детей, изменениями их убеждений, каждую из сестер мы видим как яркую индивидуальность. Более того, пунктирно намеченные противоречия для думающего читателя предстают как значительные проблемы времени, воспитания, глобальные вопросы человеческих взаимоотношений.

Писатели по-разному использовали находки предшественников; как правило, принято говорить

о подражании второстепенных, третьестепенных писателей мастерам слова первого ряда. По нашему мнению, гораздо интереснее и актуальнее ныне для литературоведения найти и рассмотреть многочисленные возможности влияния малоизвестных писателей на корифеев русской литературы. Обратимся к сопоставлению романов «Узкий путь» и «Война и мир», отметим основные линии перекличек.

Конечно, сопоставления производятся между произведениями разного масштаба и различными по объему. Четыре тома «Войны и мира» с яркими запоминающимися сценами-картинами, описаниями жизни мирной и военной не просто сопоставлять с небольшим романом в двух частях. Но в «Узком пути» кратко намечены многие события и перипетии, которые привлекут Толстого в «Войне и мире». Заметим, наконец, что события эти происходят приблизительно в одно и то же время.

Близка обоим авторам оказалась семейная тема. И у Криницкого, и у Толстого семьи изображаются в движении, развитии. Мы видим, как растут и взрослеют в них дети, как стареют и седеют матери и отцы. В романе Криницкого на войну 1812 года отправляются несколько героев: Валериан Радомский, братья Владимир и Вася. Точно так же и у Толстого участвуют в Отечественной войне князь Андрей, братья Николай и Петя. У Криницкого за сыновей, особенно за меньшего, еще неопытного мальчика, переживает княгиня Радомская, у Толстого за обоих сыновей, более всего, за младшего Петю, беспокоится графиня Ростова. Кстати, Валериану Радомскому, как и Андрею Болконскому, собирающемуся в действующую армию, тяжело оставлять свои привычки к порядку и удобствам. Вспомним, к примеру, как уложены дорожные вещи князя Андрея, как он отказывается купаться в пруду с солдатами. «...Вы так привыкли к удобствам жизни, неужели Вы не боитесь лишения и беспокойств длинного похода?», – спрашивает одна из племянниц князя Валериана [5, с. 557].

Криницкий не показывает масштабности передвижения русской армии, в «Узком пути» мы видим мирные сцены, о войне только слышим; наблюдаем лишь за отъездом Радомских, которые во время приближения французской армии к Москве отправляются в Кострому, к дальним родственникам. У Толстого из Москвы уезжает семья Ростовых. Однако данное совпадение в романах, скорее всего, стоит отнести к чисто фактическим: многие русские дворянские семьи тогда вынуждены были оставить свои дома на время.

Ключевыми образами, сближающими романы, являются образы княжны Анны Радомской и княжны Марьи Болконской. Первой суждено умереть, не увидев личного счастья, вторая все-таки его находит. Однако образы этих девушек очень близки, одноосновны: обе они просты и вместе с тем жи-

тейски рассудительны, обе религиозны, набожны, склонны к заботе о сиротах, скитальцах, простом народе, обе очень одиноки и тянутся к детям.

Княжна Анна стройна, черты ее правильны, но в сравнении с матерью или младшей сестрой Сашенькой, она не прекрасна. Однако жертвенность, спокойствие, готовность делать добро, любить и помогать необыкновенно возвышают Анну, делают ее неотразимой. Вспомним первое впечатление о княжне ее дяди, князя Валериана: «Князь только вскользь взглянул на Настеньку; его поразила величавая в простоте своей наружность княжны Анны. Она казалась ему облитою лучами правоты и добра. Не наружная красота привлекала к ней с первого же разу; – лицо ее было весьма обыкновенно, – а отблеск прекрасной, чисто девственной души» [5, с. 531]. И княжна Марья у Толстого прекрасна своей внутренней красотой, недостатки ее внешности исчезают, когда наполняются светом ее лучистые глаза. Вспомним, к примеру, встречу княжны Марьи с Николаем Ростовым: «У Ростова слезы стояли в глазах. Княжна Марья заметила это и благодарно посмотрела на Ростова тем своим лучистым взглядом, который заставлял забывать некрасивость ее лица» [7, т. 11, с. 160–161].

Фактически одинаково поступают княжна Анна и княжна Марья, отказывая возможным женихам – графу Нестроеву и Анатолию. Обе героини внутренне чувствуют свою нужность семье, осознают неспособность таких женихов составить их счастье, но на определенном этапе также жертвуют возможным устройством своей жизни. Поведение девушек и восприятие их решений княгиней Радомской и князем Болконским очень схожи. И Радомская, и Болконский спрашивают дочерей о замужестве с беспокойством, а после отрицательного ответа выражают искреннюю радость. Анна и Марья достаточно категоричны. «Я все это знаю, маменька, но я так счастлива дома, что мне не хочется менять образ жизни», – заявляет Анна [5, с. 416]. «Мое желание, monpère, никогда не покидать вас, никогда не разделять своей жизни с вашей. Я не хочу выходить замуж», – говорит княжна Марья [7, т. 9, с. 283].

Интересно, что имение Радомских называется «Зеленая гора», имение Болконских – «Лысые горы». Литературоведы отмечают, что «топография Лысых Гор с первых же описаний напоминает Ясную поляну, а дом старого князя воссоздан по детским воспоминаниям автора» [3, с. 243], что прототипами старого князя Болконского и его дочери стали дед Толстого по материнской линии и его матушка. На рассматриваемом примере прекрасно видно, как дополняются образы, сливаются в один целостный характер разные черты, которые автор усваивал из разных источников. Так, осознавая первостепенную роль прототипа, нельзя, к примеру, не учитывать, что Толстой не помнил своей

матери, умершей, когда мальчику не было еще и двух лет. Не исключено, что образ княжны Марьи был создан Толстым во многом и под воздействием романа «Узкий путь».

Стремления некоторых исследователей к созданию четких классификаций с целью унификации всех произведений Толстого чаще всего приводят к узким, схематичным выводам (особенно это касается некоторых работ зарубежных исследователей о Толстом). К примеру, Р.Ф. Густафсон в книге «Обитатель и Чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого» неоднократно пытается все творчество писателя свести к набору определенных, обыгрываемых Толстым парадигматических действий. «Несмотря на сложный психологический рисунок и многообразие деталей и сюжетных поворотов произведений Толстого, в них есть единство опыта, общего для автора и персонажей. Это тематическое единство воплощается в парадигматических действиях, которые составляют основную часть каждого произведения» [2, с. 52]. Но что значит «единство опыта, общего для автора и персонажей»? Эту фразу нельзя понимать в прямом смысле, как это делает Р.Ф. Густафсон. Что в данном случае понимать под «автором»? Нам ведь в большей степени интересен автор как субъект сознания, творец художественного мира. Он при этом остается реальным человеком со своей биографией, но мы не можем ограничиться лишь биографическим методом, следуя (как получается у Густафсона) вслед за Сент-Бёвом: «Начать знакомство с автором он (Ш.О. Сент-Бёв – В.А.) предлагает “с самого начала”, с изучения родственников великого человека, с его отца, братьев, сестер и особенно с матери – “наиболее близкой и несомненной родственницы”, а также с детей, потому что и в них проявляются те свойства, которые в великом писателе может скрывать его величие...» [4, с. 49]. Конечно, толстоведы любят повторять, что многие герои Толстого или отдельные их черты напоминают различные стороны богатой натуры самого писателя (и это замечание идет еще от сына Льва Николаевича). Оно действительно справедливо и ценно: творчество Толстого в большой степени автобиографично, ведь писатель обладал огромным опытом душевной и духовной жизни, который просто не мог не отражаться в его романах. С другой стороны, это не отвергает наличия в произведениях Толстого героев, увиденных им в жизни и литературных произведениях, а после додуманных до целостного образа.

Княжна Анна лечит крестьян, занимается с детьми, княжна Марья оберегает божьих людей. Обе эти девушки готовы жить не для себя. Анна свою часть приданого отдает младшей сестре, красавице Александре, занимается приобретением вещей перед ее замужеством, практически перестает выезжать в свет. А княжна Марья «была лишена

в Москве тех своих лучших радостей – бесед с божьими людьми и уединения, которые освежали ее в Лысых Горах, и не имела никаких выгод и радостей столичной жизни» [7, т. 10, с. 300].

Очень интересно в романах сходство сцен, в которых изображены сестры (княжна Анна у Криницкого и княжна Марья у Толстого), благословляющие братьев (князя Василия и князя Андрея), отправляющихся на войну. Обе девушки вручают братьям драгоценные для них семейные ценности-святыни. Княжна Анна вынимает из киота и передает брату небольшой крест с мощами, княжна Марья подает Андрею «овальный старинный образок Спасителя с чёрным ликом, в серебряной ризе, на серебряной цепочке мелкой работы» [7, т. 9, с. 131]. Анна и Марья верят, что семейные святыни спасут и сохранят братьев. «Этой святыней благословил меня отец за несколько часов до кончины. Пусть его благословение перейдет на тебя, мой милый. Да сохранит оно тебя от многих бед и поможет невредимо к нам возвратиться», – говорит Василию княжна Анна [5, с. 558]. «Ты что хочешь думай! Я знаю, ты такой же, как и топрег. Что хочешь думай, но для меня это сделай. Сделай, пожалуйста! Его ещё отец моего отца, наш дедушка носил во всех войнах... <...> Против твоей воли он спасёт и помилует тебя и обратит тебя к себе, потому что в нём одном и истина и успокоение», – говорит Марья, держа перед братом образок Спасителя [7, т. 9, с. 131].

Смирение с установленными порядками, самоотречение приводит обеих героинь к неуважению со стороны самых близких людей. На княжну Анну за попытку проявления искреннего чувства к поэту Гарденеву ополчается весь дом, в том числе горячо любимая Анной мать. Криницкий мастерски показывает, как сестры и старший брат, единственным желанием которого является получение денег, своей доли наследства, издеваются над сестрой, как Анна не высказывается сестре Александре, боясь уронить тень на репутацию матери: «Княжна Анна была несчастлива, в этом невозможно было сомневаться, а между тем со стороны ее ни упрека, ни жалобы против утеснителей. Все та же почтительность к матери, хоть мать всегда холодна и сурова; все та же кротость и снисхождение к брату и сестрам» [6, с. 332].

Вероятно, Толстой не случайно назвал имя Болконских «Лысыми горами». В романе-эпопее писатель, выдерживая пропорции построения, не мог уделить княжне Марье слишком много внимания. Параллель с «Зеленой горой» Радомских, проведённая думающим и внимательным читателем, могла открыть ему мелочи и особенности жизни княжны Марьи, мало чем отличающейся от княжны Анны. Вспомним, как дурное настроение и состояние князя Николая Андреевича Болконского отражается на дочери, княжна Марья, так же, как и княжна Анна, оказывается виновата во всем: «Но

более, более всего горя доставляла княжне раздражительность ее отца, всегда направленная против дочери и дошедшая в последнее время до жестокости. Ежели бы он заставлял ее все ночи класть поклоны, ежели бы он бил ее, заставлял таскать дрова и воду – ей бы и в голову не пришло, что ее положение трудно; но этот любящий мучитель, – самый жестокий оттого, что он любил и за то мучил себя и ее, – умышленно умел не только оскорбить, унижить ее, но и доказать ей, что она всегда и во всем была виновата» [7, т. 10, с. 302].

«Узкий путь» – роман не только про жизненный путь княжны Анны, есть еще и другие герои, на примере судеб которых автор реализует данную метафору, несомненно, восходящую к Евангелию: «Входите тесными вратами, потому что широки врата и пространен путь, ведущие в погибель, и многие идут ими; потому что тесны врата и узок путь, ведущие в жизнь, и немногие находят их» (Мф. 7:13–14). Примечательно, что мотив пути станет одним из самых распространенных в русской литературе второй половины XIX века. А у Криницкого, как и княжна Анна, свой путь выбирают другие сестры, Валериан Радомский.

Свой путь выбирает красавица Сашенька Радомская, выходящая замуж не за видного и богатого человека, а за умудренного опытом, некрасивого, умного, но держащегося в стороне Криницына. Контраст прекрасной Сашеньки – «настоящего первообраза беспечной радости» – и ученого, тонко чувствующего Криницына, отдаленно напоминает контраст между Андреем Болконским, считавшим себя отжившим человеком, и юной Наташей. Сходство Криницына с Болконским читатель находит в их разочаровании людьми, в строгости оценок, оба героя оказываются восхищены не столько красотой, сколько молодостью и непосредственностью любимых девушек: «А между тем, не столько дивная красота, сколько именно эта свежесть весны, которою казалось так и веяло от молодой девушки, навсегда приковала к ней Криницына. В ней одной не видал от той дурной стороны, которая обыкновенно являлась ему первая во всяком человеке» [5, с. 577]; «Князь Андрей, как все люди, выросшие в свете, любил встречать в свете то, что не имело на себе общего светского отпечатка. И такова была Наташа, с ее удивлением, радостью, и робостью, и даже ошибками во французском языке» [7, т. 10, с. 205].

Автор романа «Узкий путь» говорит об узком, то есть праведном пути, но картина жизни, представленная им, по охвату событий и лиц весьма значительна. Сложные взаимоотношения между членами семьи Радомских, преобразование одних чувств в другие, обилие тщательно прорисованных бытовых ситуаций, в которых важными оказываются именно реплики персонажей, создает впечатление текущей и наполненной событиями

и голосами, лицами жизни. Мир отдельной семьи описан настолько подробно, автор так зорко следит за душевными движениями детей, взрослеющих на глазах читателей, а все происходящие события настолько насущны для Радомских, что семейный круг необыкновенно расширяется: частные конфликты приобретают глобальное значение. Более того, расширение границ романа произведено очень умело за счет констатации того, как незначительные на первый взгляд события могут кардинально менять жизнь людей. Вспомним, хотя бы, какое значение приобретает неброская фигура аббата-воспитателя в художественном мире романа.

Подверженные влиянию аббата-католика, младшие дети Радомской усваивают от него все то, что в корне противно людям православным. Так в роман входит одна из ярких проблем XIX века: воздействие католического мировоззрения на православную Русь. Не меньшее значение имеют краткие, но содержательные высказывания о русском народе. Князь Валериан говорит Насте, что именно в народе можно найти людей замечательной нравственности, притом истинных христиан (вспомним Платона Каратаева или старика Фоканыча у Толстого). Еще одна проблема, поднятая в романе «Узкий путь», касается рождения детей от дворян и крестьянок, будущего и судьбы этих детей, их взаимоотношений с дворянскими отпрысками.

Пространство романа «Узкий путь» расширяется и благодаря представленной в романе истории жизни Валериана Радомского. До определенного момента читатель знает только о существовании этого героя, довольно скоро после своего появления в доме Радомских, Валериан уезжает на войну, после – на лечение за границу: он вновь пропадает из поля зрения читателя. Конечно, значимы в художественном мире романа выводы князя Валериана о каждой из племянниц, однако наибольший интерес представляет история жизни этого героя. Сходство истории жизни Валериана Радомского с судьбой Алексея Вронского, героя романа «Анна Каренина» Л.Н. Толстого, еще раз подтверждает вероятность обращения Толстого к роману «Узкий путь». Условно можно сказать, что вся сюжетная линия Анны и Вронского, созданная Толстым, в предельно сжатом виде представлена в художественном мире романа Криницкого. Вне всякого сомнения, масштаб событий, пусть даже «свернутых» в короткий рассказ, значительно расширяет роман, придавая ему эпическую сущность.

Остановимся кратко на самых знаковых моментах «повести жизни» Валериана, чтобы подчеркнуть ее сходство с историей Вронского. У Валериана есть старшие братья, слушать которых он не стал (Вронский также не склонен был прислушиваться к советам старшего брата). Валериан влюбляется в молоденькую и хорошенькую замужнюю женщину, ищет ее расположения, даже сближается

со старым мужем. Его раздражают холод и пренебрежение красотки, он пытается завоевать ее сердце, наконец, добивается расположения: «Наконец, после долгого искательства, он добился успеха, и молодая женщина полюбила его со всем пылом первого, неиспытанного чувства» [5, с. 544]. Обратим внимание на то, что как и Анна Каренина, эта женщина любит по-настоящему в первый раз. Молодая женщина начинает буквально служить Валериану, он заменяет ей все: «Ей казалось, что она не жила, когда при ней не было князя Валериана...». В то время как дамой овладевает жгучая страсть, Валериан, добившись своего, начинает к ней охлаждать; он больше жалеет молодую женщину, что очень ее огорчает: «Скоро заметила она эту перемену; слезы, жалобы, упреки посыпались на князя, но все это еще более удаляло его от опостылевшей ему женщины» [5, с. 544]. Обманутый муж узнает о романе и подает на развод, который должен окончательно погубить даму в мнении света. Кстати, ярко звучит в этой истории и мотив суда (вспомним эпиграф к роману «Анна Каренина»: «Такова уже несправедливость общества; пока преступление не наказано, оно может повсюду являться с открытым лицом, лишь изредка вызывая почти снисходительную улыбку, но когда постигает виновных кара Божия, или наказание людское, тотчас все встают против них, и свет налагает несмываемое клеймо на несчастных осужденных» [5, с. 544]. Во время отъезда Валериана в деревню, молодая женщина погибает «страшной смертью». В душе пораженного Валериана воскресает любовь, от отчаяния от готов покончить с собой, но сила жизни заставляет его искать пути, где он может быть нужен.

Автор «Узкого пути» далее показывает, как герой выходит из критического положения. Но нам интереснее и важнее другое: в представленном рассказе фактически намечены основные этапы взаимоотношений Анны и Вронского, ключевые события. Кроме того, в художественном мире романа «Узкий путь» рассказ о жизни Валериана имеет глубокий смысл: безумная любовь, безудержная страсть молодой женщины сопоставима и с чувством Натальи Андреевны Радомской, которая подчиняет своей страсти все. Криницкий показывает пагубную и разрушительную силу слепой страсти, отражающейся не только на любящем человеке, но и на людях, окружающих его. Все события романа оказываются связаны. Так, нездоровое в своей крайности чувство к мужу Натальи Алек-

сандровны: «Для нее, кроме князя Александра, не существовало никакой любви, никакого долга. Само поклонение Богу она подчинила этому всепоглощающему чувству» [5, с. 380] во многом обуславливает и несчастье ее детей. Помимо сходств отдельных образов, сюжетных ситуаций, поведения героев, мы видим близость некоторых основополагающих идей Криницкого и Толстого: оба автора показывают пагубное влияние слепой страсти на разных героев.

Таким образом, отмеченные художественные переключки и сходства романов открывают вероятность обращения Толстого к роману «Узкий путь». Определяя возможный круг художественных элементов, творчески освоенных Толстым, отмечая их роль и значение в разных художественных мирах, мы приходим к выводу о невозможности создания глобального эпического романа без привлечения разнообразного литературного, исторического, документального и иного материала и его контаминации с жизненным опытом и личными наблюдениями писателя. Для создания событийной полноты повествования, различных характеров и типов, описания множества проблем и перспектив, определенного уровня реалистичности (что является одним из условий эпического романа), кроме того, для верного и полного отображения жизни эпохи, огромное значение имели литературные открытия современников и предшественников известных русских писателей, подготавливавшие для появления шедевров русской литературы необходимый фон, определенные образы и темы.

Библиографический список

1. Бушмин А.С. Преемственность в развитии литературы. – Л.: Худ. лит., 1978. – 224 с.
2. Густафсон Р.Ф. Обитатель и чужак. Теология и художественное творчество Льва Толстого. – СПб.: Академический проект, 2003. – 480 с.
3. Зверев А.М., Туниманов В.А. Лев Толстой. – М.: Молодая гвардия, 2007. – 782 с.
4. Зинченко В.Г., Зусман В.Г., Кирнозе З.И. Методы изучения литературы. Системный подход: Учебное. – М.: Флинта: Наука, 2002. – 200 с.
5. Криницкий М. Узкий путь // Русский вестник. – 1858. – Т. 15. – С. 377–595.
6. Криницкий М. Узкий путь // Русский вестник. – 1858. – Т. 16. – С. 312–357.
7. Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: В 90 т. – М.: Худ. лит., 1928–1958.

ЭРОС И ПОЛ В ДНЕВНИКОВЫХ КНИГАХ М.М. ПРИШВИНА

В статье рассматривается весьма актуальная для пришивиноведения проблема противоречивого диалога пола и Эроса. Дневниковые записи о проблеме соотношения пола и Эроса в житнетворчестве писателя являются своеобразным ключом для более глубокого понимания метафизики любви М.М. Пришвина.

Ключевые слова: Эрос, пол, целомудренный эрос, замороженный пол, физический романтизм, телесно-духовное единство.

Дневниковые книги М.М. Пришвина представляют собой уникальный документ, охватывающий почти пятьдесят лет его творческой жизни. Дневник пишется Пришвиным «с намерением явным или тайным войти в общество и в нем сказать свое слово» [5, с. 473], а для этого, оказывается, необходимо «умереть для себя и найти или возродиться в чем-то другом» [5, с. 473]. Именно творчество является той областью, где человек способен умереть и возродиться, найти свой путь к бессмертию. Поэтому не случайно один из важнейших креативных принципов в культуре Серебряного века – житнетворчество – принимается и трансформируется писателем в феномен «творческого поведения»: «В дневнике можно понять теперь уже общую идею: это, конечно, творчество жизни в глубочайшем смысле с оглядкой на аскетов, разделивших дух, как благо, от плоти – зла. Дневник это не разделяет, а именно утверждает как самую святость жизни, акт соединения духа и материи, воплощения и преображения мира. Творчество это непременно требует двух лиц и называется любовью» [5, с. 433].

Пришвин, будучи «родом из Серебряного века», весьма внимательно относился к проблеме Эроса в жизни и искусстве: «Мои сочинения насквозь в эросе, моя литература едва-едва выбивается из потока чувств» [10, с. 426]; «Эрос – это сама жизнь» [11, с. 67].

Однако следует отметить, что в культуре Серебряного века доминировала «любовь без черемухи», пол без Эроса, так называемый «сдержанный пол». Так, многие представители символизма (З. Гиппиус, К. Бальмонт, В. Брюсов и др.) утверждали, что плоть свята, а человек может быть абсолютно свободен в своих проявлениях земной любви. Бездуховной плоти язычества и «бесплотной духовности» христианства символисты противопоставили идею синтеза плоти и духа, в результате чего рождается «воскресшая одухотворенная плоть». В отличие от догматической религии, противопоставляющей плотское и духовное, символизм видит в двойственности духа и плоти не противоречие, а основание внутренней полноты цельного мира человека.

Считая себя людьми избранными, символисты утверждали и в быту, и в интимной жизни свободу от моральных и нравственных запретов, пропа-

гандируя так называемую свободную любовь. Так, В. Брюсов, восторгаясь К. Бальмонтом, отмечал: «Он достиг свободы от всех внешностей и условностей. Его жизнь подчинена только прихоти его мгновения» [1, с. 58]. Благодаря такому образу жизни перед символистами «открывались какие-то новые пропасти и провалы в стране любви, где, казалось, были нанесены на карту все малейшие неровности» [1, с. 58]. Пример тому – «тройственные союзы» Вяч. Иванова, Зиновьевой-Аннибал и Сабашниковой, Мережковских и Филоосова и др. В результате на свет рождались «двойные чувства и мысли, не испытанные никем и никогда в предыдущих веках» [4, с. 155]. Однако, по мнению Пришвина, пол без Эроса не обладает глубиной, творческой силой и, в конце концов исчерпав себя, становится неполноценным.

Для Пришвина соотношение Эроса и пола было актуальным на протяжении всей его жизни, в которой он пытался достичь подлинного телесно-духовного единства, что удалось ему только в достаточно зрелом возрасте.

В дневниковых книгах мы видим, что понимание Эроса Пришвиным на протяжении жизни меняется. Так, он признавался, что в юности, когда страстно увлекся марксизмом, отдавал дань «целомудренному эросу»: «...Конечно, жизнь наша движется по волнам эроса, но сила этого эроса тем больше, чем меньше мы о нем думаем. Едва ли много похоть своей жизни отдадут в дань эросу, но кто размножается ... не разукрасил его поля и луга» [6, с. 289]. Он восхищался своими товарищами, которые, «будучи страстными по натуре, все как бы молчаливо дали обет целомудрия, и, если сходились с женщинами, то тут же и женились, топя эрос в чувстве семейности» [6, с. 289]. В дневнике за 1922 год Пришвин вспоминал тот факт, что пропаганда марксистов среди рабочих закончилась разгромом рабочими в Риге всех публичных домов, «значит, в этом видимом на поверхности интеллектуализме “Капитала” были и сексуальные проблемы внутри с культом женщины будущего» [6, с. 289–290].

В юности у Пришвина существовали такие отношения к женщине, для которых была оскорбительна возможность интимной близости: «Отсюда и происходит у нас омерзение к акту. И еще, нельзя же чувствовать постоянно себя в состоянии поло-

вого напряжения: работа, дело, умственная жизнь и мало ли чего... День отодвигает это во мрак ночи, в тайну ночной личности. Появление днем ночных чувств – иногда омерзительно...» [7, с. 336]. Красота женщины вообще способна «создать такое состояние в душе, когда эротический ток от страха своей грубости вдруг переделается в ток женственной дружбы, снежный, исключаящий возможность даже мысль о соитии...» [8, с. 182]. Так рождается в пришвинской метафизике любви такое понятие, как «замороженный пол» [8, с. 182]. Пример тому – история первой неразделенной любви Пришвина к студентке Сорбонского университета Варваре Петровне Измалковой, с которой он познакомился в Париже, куда отправился после окончания Лейпцигского университета. В этих сугубо платонических отношениях он невыносимо страдает, потому что не может совместить в себе духовное и телесное: «Мне думалось, что, может быть, это у меня от разделенности моего существа, что, может быть, я вроде душевного гермафродита, и та любовь, поверхностно чувственная, есть вообще мужская любовь, а другая моя неудовлетворенная голубая любовь – есть обыкновенное чувство женщины» [9, с. 478]. Пришвин, идеализируя свою «Прекрасную Даму», «Версальскую Деву», «Гресицу», обожествлял, «творил ее», именно поэтому он «не мог унижить ее животным чувством. ...хотел найти в ней то высшее в себе, в чем бы ...мог возвратиться к себе первоначальному...» [5, с. 99]. «Голубой невесте» не суждено было воплотиться, но для Пришвина эта любовь, дающая предчувствие счастья, позволила оказаться «на рубеже двух дорог, двух миров» [5, с. 78]. Эрос для Пришвина – мост между двумя мирами – духовным и телесным. В своей первой истории любви Пришвину так и не удалось объединить эти два мира в один, что становится для него огромной душевной драмой. По этой причине в дневнике он сам называет себя «разделенным надвое» [7, с. 81]: «...Так ясно видны два человека в себе и так понятна эта духовная личность, объявившая смерть плотской личности» [5, с. 57]. Пришвин сублимирует энергию сексуального влечения к женщине в художественное творчество, которое стало для писателя выходом из противоречия плоти и духа: «... Явление Прекрасной Дамы направило меня в духовное творчество и дало выход половому чувству нормальным образом, здоровым, как у животных, и без всякой абстракции» [7, с. 351].

На тридцатом году жизни в пору «борьбы душевной между животным и духовным» в судьбе Пришвина появилась простая деревенская женщина Ефросинья Павловна Смогалева, ставшая позднее его первой женой и родившая ему двух сыновей. С одной стороны, Ефросинья Павловна была необразованной и не касалась духовного мира писателя, с другой, с помощью этой женщины он

проникал в природу, народ, родной язык, слово. Их брак так и не стал счастливым. Пришвин обвинял в этом только себя, ведь именно он «заварил брак в похоти», так и не сумев соединить в себе разное – плоть и дух.

В зрелые годы Пришвин придерживался так называемого «физического романтизма», сущность которого сформулировал следующим образом: «... *Корень любви* есть любовь естественная (по влечению), а листики, получающие для всего растения питание от света, – листики дерева христианские. Условие святости – цельность (целомудрие), источник греха – разделение на плоть и дух» [12, с. 251]. Об этом он рассуждает в своей знаменитой поэме «Жень-шень», в которой «физический романтизм» воплощен в образе своеобразного древа жизни, объединяющего «миры и состояния благодаря его раскидывающимся ветвям, соединяющим небо и землю. Чем выше ветви, тем прочнее связь незримых вышних миров с земными энергиями, главная из которых – любовь» [3]. Ощутить эту любовь человек может не физически, а духовно. Вследствие этого Пришвин считал, что «желанную сущность художественного творчества следует понимать, как человеческую деятельность, направленную к восстановлению целомудрия и связанной с ним красоты» [12, с. 251], а целомудрие, по мнению Пришвина, есть единство тела и души.

В дневниках писателя рождается пришвинская неповторимая метафизика любви, в которой Эрос и пол находятся в сложном, зачастую амбивалентном взаимодействии: «В эросе содержится также и назначение быть личностью, т.е. вождем, напротив, пол поглощает личное и определяет место в роду» [12, с. 320]. Единство плоти и духа достигается «воздействием творчества человека, соединяющего дух и плоть в святую плоть» [12, с. 319]. «Пол, если дать ему волю, непременно ведет к безумию. Спасает от безумия или Эрос (любовь – творчество), или семейственность (родолюбие)» [11, с. 333], – так писал в дневнике М.М. Пришвин. Пол «Надо» сообщает человеку стремление множиться, а в любви содержится личное «Хочется», поэтому происходит борьба одного с другим, в результате которой должно родиться всеобщее «Надо» человечества. Так рождается творчество из превращения личного «Хочется» в общественное «Надо». Именно поэтому у Пришвина «первоначальный бог – это Эрос» [10, с. 112], в котором господствует личное сознание.

Эрос заставляет человека совершать в своем развитии движение по кругу в тот момент, когда индивидуум встречается с проблемой пола: «С этого момента начинается зачатие личности, при ярком внезапном свете (любовь) жизнь человека вступает во второе полукружие, рожденная личность (второе рождение), стремясь не быть как все, направляется к центру (эрос), но силой общественного мне-

ния, центробежной, отвлекается в сторону, и так слагается движение домой, к своей самости» [7, с. 11]. Такой путь, который совершает личность по кругу к самости (в пришвинском понимании этого концепта), означает для Пришвина мучительное развитие творческой натуры, не случайно круг – один из наиболее распространённых элементов мифопоэтической символики гетерогенного происхождения: «Вероятно, потребность в творчестве потому вызывает образ Девы, что исходит из источника жить, значит, продолжать себя и, если почему-нибудь нельзя продолжать себя кровью, творец продолжает себя духом (отсюда разделение на дух и материю)» [8, с. 200].

Так же как в природе совершается «великий круговорот», так и Эрос Пришвин заключает в «таинственный круг», в который каждый вступает «и снова проходит то, что миллионы прошли...» [5, с. 24]. «Круг – главный знак Всеединства» [2, с. 48], именно поэтому в своих любовных переживаниях Пришвин, как и все люди, животные и растения, совершает движение по кругу: «Я хочу сказать, что все их дыхания, тревожные, все их мысли и чувства я сливал в себе... Я был велик, как мир» [5, с. 24].

Рассуждая о влиянии пола и Эроса на творчество, М.М. Пришвин выделяет два вида аскетизма: «творческое самоограничение» (курсив мой. – О.Д.), в котором «чувство утраты при этом своего “счастья” поправляется радованием в творчестве, половое удовлетворение заменяется эротическим» и аскетизм (курсив мой. – О.Д.), который «истребляет в индивидуальности всю самость с полом и эросом, от человека остается “дух” бесплотный и мертвящий творчество жизни» [9, с. 383]. Было бы логично предположить, что сам писатель выбрал для себя первый вид аскетизма, ведь все его творчество «происходит если не от пола, то все-таки от переживания чувства любви (эроса) (в том широком понимании, что отдельные составные части его – эрос и пол могут друг друга отрицать)» [9, с. 235]. Эрос, этот «свет жизни», бывает языческим, платоническим, христианским, но, по мнению Пришвина, только пол окрашивает Эрос в черный цвет, вносит в него негативное начало.

Размышляя о поле и Эросе, Пришвин отмечает: «Эрос может осуществляться вне пола, и пол тоже – вне эроса. У достойных, однако, пол осуществляется в эросе...» [10, с. 375]. В связи с этим писатель называет «нимфой» ту женщину, в которой сочетаются пол и Эрос, она «в счастливых случаях обращается в “музу”» [10, с. 375]. Такой «музой» стала для Пришвина Валерия Дмитриевна Лебедева, которая появилась в квартире уже стареющего писателя для работы с литературным архивом. Это была удивительная женщина: глубоко верующая, образованная, прожившая к моменту встречи с писателем достаточно сложную жизнь.

Именно с Лебедевой у Пришвина отмечается настоящее родство душ, они одинаково понимают жизнь, природу, мир, людей вокруг себя, любовь. Любовь Пришвина к Лебедевой – дорога к Эросу, в котором превалирует мощное духовное начало, ведь именно любовь обращает Михаила Михайловича к принятию Бога: «...Это обязывает меня стать на высоту, на которой пусть Ляли не будет, я буду с Богом» [12, с. 263]. Благодаря своему чувству Пришвин вновь возвращается в «нерушимое детство» [5, с. 524] и его любовь становится похожей «или на рассвет, или на Светлое Христово Воскресенье...» [12, с. 44].

В дневниках того периода появляется много размышлений о поле: «...Сладость полового акта заключается в том, что та и другая сторона относительно друг друга находятся в неведении и через близость они хотят понять себя...» [12, с. 342]. Пришвин не отрицает того факта, что в их отношениях с Валерией Дмитриевной существовала физическая страсть, но иного порядка, «как бы от духа, как бы совсем другое в сравнении с тем, что бывает от похоти» [13, с. 175]. Наконец, Пришвин вместе со своей возлюбленной «приблизилась к единству пола, т.е. к тому состоянию, которое было до разделения человека на мужчину и женщину» [12, с. 260].

На склоне лет писатель разрушил искусственные границы физического и духовного мира, сделал свою любовь действенной и благотворной: «Самое большое, что я до сих пор получал от В., – это свобода “физического” отношения к женщине, то есть при духовном сближении стыд исчезает и, главное, уничтожается грань между духовным и физическим. Раньше мне казалось это возможным лишь при сближении с примитивными женщинами, где “духовное” сознание становится ненужным: “пантеизм”. А теперь вот именно вследствие этого равенства и постоянного обмена и происходит рождение чувства единства духовного и телесного» [13, с. 85].

Для Пришвина «безликое удовлетворение похоти» [12, с. 199] было постыдным. Только в отношениях с Лебедевой ему удалось добиться негреховности плоти, когда любовь началась не во влечении к телу, а в нем постепенно воплотилась: «...Я теперь больше уже не чувствую той отдельности своей от женского тела, в которой разгорается плоть. Напротив, мне удавалось для удовлетворения добиться через близость тела прикосновенности к душе, чтобы плоть моя не выходила из меня, а растворялась в моей крови. За счет этого растворения получается постоянное любовное состояние, постоянная мысль обо всем через друга (от этого получается не удовлетворение, а со-творение, т.е. творчество в сообществе с Целым)» [12, с. 200]. В дневнике за 1940 год Пришвин пишет о необходимости просветления и одухотворения плоти:

«...Именно я-то и посвятил свое писание делу преображения и оправдания плоти и всей вообще твари земной» [12, с. 223].

Валерия Дмитриевна Лебедева своей любовью совершила в сознании Пришвина духовный переворот: она научила его «понимать любовь в единстве, всю любовь как Целое» [13, с. 227].

На протяжении всей своей жизни Пришвин стремился объединить в одно гармоничное целое плоть и дух, Эрос и пол, и только в конце жизни он делает важнейший вывод: оказывается, это «достигается воздействием творчества человека, соединяющего дух и плоть в святую плоть... И чувство единства рождается из готовности к творчеству в том смысле, что “пусть этого нет, но это надо сотворить, и от себя это зависит”» [13, с. 228].

Библиографический список

1. Богомолов Н.А. «Мы два грозой зажженные ствола». Эротика в русской поэзии – от символистов до обэриутов // Литературное обозрение. – 1991. – № 4. – С. 56–64.
2. Борисова Н.В. Мифопоэтика всеединства в философской прозе М. Пришвина. – Елец, 2004. – 227 с.

3. Колеша Сергей. Дерево любви. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://kolesha.ru/drevo-lyubvi/> (дата обращения: 2014 год).

4. Мережковский Д. Любовь у Л. Толстого и Достоевского // Русский Эрос, или Философия любви в России. – М., 1991. – С. 151–167.

5. Пришвин М.М. Дневники 1905–1954 // Пришвин М.М. Собр. соч.: в 8 т. – М.: Художественная литература, 1986. – Т. 8. – 759 с.

6. Пришвин М.М. Дневники. 1920–1922. – М., 1995. – 334 с.

7. Пришвин М.М. Дневники. 1923–1925. – М., 1999. – 416 с.

8. Пришвин М.М. Дневники. 1926–1927. – М., 2003. – 592 с.

9. Пришвин М.М. Дневники. 1928–1929. – М., 2004. – 544 с.

10. Пришвин М.М. Дневники. 1932–1935. – СПб., 2009. – 1008 с.

11. Пришвин М.М. Дневники. 1936–1937. – СПб., 2010. – 992 с.

12. Пришвин М.М. Дневники. 1940–1941. – М., 2012. – 880 с.

13. Пришвин М.М., Пришвина В.Д. Мы с тобой: Дневник любви. – СПб., 2003. – 256 с.

УДК 821.161.1.09

Ибрагимова Лейсан Галияхматовна

Казанский государственный медицинский университет
leysan-mam@yandex.ru

ТРАДИЦИОННЫЕ И ИНДИВИДУАЛЬНО-АВТОРСКИЕ СИМВОЛЫ В ТАТАРСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ ПЕРВОЙ ТРЕТИ XX ВЕКА

В статье рассматриваются семантическая структура и семиотический статус устойчивых структурно-семантических комплексов в произведениях Н. Думаи, Г. Губайдуллина, Ш. Ахмадиева. Выявляются художественно-эстетическая природа и функции символических образов в татарской литературе первой трети XX в.

Ключевые слова: символ, татарская литература, Н. Думаи, Г. Губайдуллин, Ш. Ахмадиев.

Смысловая структура и идейно-художественные функции символических образов в произведениях татарских писателей 1-й трети XX в. демонстрируют идейно-смысловую и эстетическую концепцию авторов в построении художественной картины мира. Н. Думаи, Ш. Ахмадиев, Г. Губайдуллин, Г. Рахим, М. Ханафи и др. используют в своем творчестве традиционные символы, вкладывая в них качественно новое, интерпретируемое в духе нового времени и новой философии значение.

В рассказе Н. Думаи «Яшь ана» («Молодая мать», 1914) образ весеннего сада определяет пространственно-временную организацию произведения, соединяя в едином континууме противоположно направленные реалии: прошлое – настоящее; детство – взросление; покой, умиротворение, беззаботность – испуг, неизвестность; жизнь – смерть. Утопающий в белизне цветущих деревьев весенний сад олицетворяет чистоту и невинность детской души, наивность взгляда на мир пятилетне-

го ребенка, вынужденного внезапно повзрослеть и прочувствовать пустоту одиночества. Не имеющее четко очерченных границ пространство сада, воспроизведенное рассказчиком из ресурсов памяти ребенка, символизирует детскую душу, полную воспоминаний и надежд. Изображение пения одинокой ласточки, ее трепет и ликование, когда к ней присоединяется еще одна птица, призваны подчеркнуть тоску ребенка по материнскому теплу и ласке [5, с. 163]. Повествователь акцентирует внимание на отдельных составляющих пространства сада: птицах, белых цветах, тропе, беседке, складывающихся в сознании ребенка в нечто единое целое, ассоциирующееся с образом матери. Девочка помнит всё: дыхание матери, ее движения, речь, интонацию. Беседка выступает в роли микромира в системе мира целого сада, вокруг которых сконцентрированы все воспоминания, мечты, надежды двух любящих друг друга людей – матери и дочери.

Для описания глубины переживания ребенком беспричинного отсутствия матери Н. Думаи вво-

дит в систему сюжета образ гребня. Захида находит гребень матери в саду в траве. Слезы выступают на глазах девочки при виде находки [5, с. 164]. Гребень был очень дорог ее матери, и Захида недоумевает, отчего он оказался в саду. Этот предмет для девочки – знак вечного присутствия образа матери. И ритуал одевания гребня на голову – жест, символизирующий, с одной стороны, духовную близость матери и ребенка, а также пору вынужденного взросления, уходящее детство, конец беззаботного времени для Захиды – с другой. Для Хамид агай, отца девочки, образ гребня носит символическое значение первой любви, служит напоминанием о беззаботной молодости и юношеских мечтах. Девочка, вошедшая в комнату с гребнем в волосах, вызывает в сознании отца воспоминания о первой жене, матери Захиды, рождающие в его душе горечь утраты и грусть о первых в его жизни сильных чувствах. Слезы в глазах отца выступают средством наиболее полного выражения эмоций и свидетельством наибольшей остроты переживания. Если слезы в глазах ребенка в начале рассказа являлись показателем наивности, чистоты детской души, способом выражения привязанности к матери, то, упоминаемые в связи с образом отца, они приобретают символический смысл, так как проводят границу между разными этапами жизни отца и дочери, разделяя время на прошлое и будущее. Жест отца – попытка спрятать слезы руками – демонстрирует безмерное страдание, отчаяние, боль, страх перед будущим и неготовность к новым поворотам судьбы.

И в рассказе Ш. Ахмадиева «Балалык вакытым» («Детство», 1914) на первый план выносятся отношения матери и ребенка, вневременная и межпространственная духовная связь которых демонстрируется посредством вводимых автором символических образов.

Повествование в произведении строится в форме воспоминаний, когда из ресурсов памяти рассказчика воспроизводятся отдельные отрезки из детства, объединенные в единое целое в композиционном строе рассказа образом матери. Воспоминания героя о самом близком и дорогом человеке пронизаны необычайно чистыми и светлыми чувствами. Погружение в сознание рассказчика, в прошлое изображено в тесной связанности с настоящим. Это максимально сближает разные временные пласты и демонстрирует, тем самым, значимость произошедших в прошлом событий для настоящего и будущего героя.

Повествование, наполненное воспоминаниями об эмоционально значимых эпизодах жизни, демонстрирует предельно прозрачные и явственно запечатленные картины в сознании рассказчика, создавая эффект присутствия матери в настоящем и делая образ духовно близкого человека видимым, ощущаемым и даже слышимым. Такое состояние

достигается автором через ретроспекцию событий в двух временных измерениях (прошлого и настоящего), путем включения в нить повествования сновидений и бессознательных откровений, а также психологических деталей (например, слезы), имеющих символический смысл.

Кульминационным моментом становится эпизод, изображающий безмерное горе ребенка, не ожидавшего увидеть мать на смертном одре и не готового психологически к такому повороту событий. В крике ребенка, наполненном рыданиями, содержится целый спектр чувств: и страдание, и страх перед неизвестностью, и растерянность, и бессилие [2, с. 228]. Мальчик изо всех сил старается не показать матери слез, сдерживать всхлипывания и терзания, но не в силах это сделать – слезы вновь и вновь с новой силой «выплескиваются» из глаз [2, с. 228]. Повторное появление одного и того же символического элемента в пределах одной сцены подчеркивает существенность происходящих событий и усиливает эмоциональную напряженность текста. Мать молчит в предсмертной агонии, но для героя ее молчание преисполнено высшего смысла. В этом молчании он читает всё: беспокойство, муки, любовь, безнадежность, отчаяние, вину. Едва доносящийся шепот матери, ее бессознательный жест – протянуть руку к сыну и коснуться его головы – расцениваются, с одной стороны, как безнадежная попытка быть ближе в последние моменты жизни к собственному ребенку, а также интерпретируются как страх, боязнь за будущее сына, оставшегося без отца и матери, – с другой [2, с. 228].

Образ-воспоминание слез становится в сознании героя той точкой, которая является звеном, связывающим мать и сына, прошлое и настоящее, вечное и преходящее. Символический потенциал этого образа поистине безграничен, поскольку влияние его на судьбу и поступки героя прослеживается в каждой его мысли и каждом его поступке. С этой точки зрения, смерть матери для героя как факт объективной действительности не существенна, ибо герой ощущает присутствие матери во всем: в сурах Корана, в картинах преображения природы, в согревающих лучах солнца. В блеске на солнце ручьев и в зелени первой травы он видит игривые глаза матери. Тихий их звон ассоциируется в сознании ребенка с мягким нравом его матери [2, с. 229]. Но, с другой стороны, смерть самого дорогого человека рисуется как пограничная, пороговая ситуация, когда рушатся устоявшиеся понятия и ценности. Ведь, несмотря на отчетливость присутствия образа матери в сознании героя, рассказчик ощущает одиночество и пустоту.

Образ матери заполняет сознательные и бессознательные пласты психики героя. Воспоминания вторгаются не только в его реальную жизнь, но и присутствуют в снах. Мотив дороги, ведущей

мимо реки и леса, имеет конкретный смысл. Дорога, как особое пространство, незамкнутое и не имеющее конечных границ, символизирует в рассказе желание героя двигаться вперед, жить, не оглядываясь на прошлое, сохраняя гармонию с самим собой. Сюжет дороги развивается во сне, ему нет места в реальной жизни: герой чувствует связь с прошлым, и ему трудно думать о будущем. Но, появившись на бессознательном уровне, символ дороги создает условия для организации нового действия, новых установок в жизненной позиции героя. Мать, идущая навстречу сыну, улыбающаяся, обнимающая его, рождает в герое теплые чувства. И красное яблоко, принятое из рук матери, имеет значение принятого благословения и согласия на дальнейшее движение. Символичны и утопающее в белых цветах дерево, имеющее значение духовного возрождения и освобождения от страданий, и жест матери, поднимающей героя вверх, на цветущее дерево [2, с. 230]. Мать, оставшаяся внизу под деревом и благословляющая своего ребенка, разделяет пространство на верх и низ, прошлое и будущее.

Повествование в рассказе Ш. Ахмадиева «Кеше» («Человек», 1913) построено полностью на слуховом восприятии героя происходящих вокруг него событий. Звук, незнакомый, непонятно с какой целью доносящийся, появившийся внезапно, заставляет сознание героя встрепетнуться, начать усиленно искать ответы на вопросы. Тело рассказчика обездвижено, душа терзается в межпространственном континууме сна и яви, реальности и иллюзии. Рассказчик находится в состоянии растерянности: его пугает неизвестность и необъяснимость происходящего. Звук сменяет тишина, безмолвие сменяется еще более оглушительным звуком. На смену им доносится душераздирающая мелодия. Она и знакома, так как рождает в сознании воспоминания о детстве, и в то же время чужда, обрушивает через слуховые рецепторы особую созидательную и творческую энергию [3, с. 257]. Зрительно-осознательные ощущения выключены, герой «зрит» театральное действо через звуковые ощущения. Звуки уподобляются голосу сердца, языку души, музыка воспринимается как выражение глубинных чувств и переживаний, сокровенный смысл которых невозможно передать через зрительный образ. Три нарастающих звука предваряют музыкальное произведение; аплодисменты завершают представление. В мелодии скрыто единство, связующее бесконечное, вечное, совершенное.

Звучание прекрасной мелодии сменяется неожиданным обращением к Человеку. Слово, принадлежащее таинственному голосу, обладает магической силой. Оно наделено творческой энергией, заклинательной мощью. Параллельная трансляция двух потоков мыслей – неизвестного Голоса и без-

молвного сознания – дает возможность проследить в мельчайших деталях каждую реакцию героя на услышанное им, запечатлеть малейшее движение его мысли и проследить связь между «сказанным» и «подуманным». Особая организация текста, в котором одновременно воплощаются слова вещающего и мысли внимающего, заставляют читателя стать полноценным участником совершающегося действия [3, с. 258]. В рассказе Ахмадиева гимн Человеку становится воплощением представлений о совершенном существе, идеалом которого является человек, приблизившийся к совершенству. А символическим представлением этого совершенства является богоподобный образ человека (богочеловек, сверхчеловек). Ему подвластно всё: природа, стихия, Космос [3, с. 258]. В гимне Человеку воплощена суфийская идея о совершенном человеке. В соответствии с этой концепцией, «совершенный человек» («универсальный человек») есть объемлющий Логос (калима джамии). В свою очередь, «этот Логос выступает как синоним “Универсальной реальности” (аль-хакика аль-куллия) <...> В универсальной реальности (Человеке-Логосе) вся множественность феноменального бытия находится в недифференцированном и потенциальном состоянии» [6, с. 64–65]. Но образ человека противоречив. В его взгляде есть «темная сила» [3, с. 258], в его глазах – смерть и разрушение [3, с. 258], в его судьбе – гибель всего живого [3, с. 258].

Художественный мир произведения выявляет, таким образом, многомерный взгляд на человека. Человек дается в двойственном освещении: за внешним совершенством его скрывается глубокая противоречивость натуры, доходящая до уровня драматизма отдельной судьбы и трагедии человеческого существования в целом. Слово, интонация риторы становятся условным ключом, открывающим тайны Бытия. Слово в рассказе татарского писателя связывает бессловесный, незримый мир, который роится в подсознательной глубине личного сознания, с новым миром – миром звуковых символов, посредством которого освещаются тайны миров вне-Я и внутри-Я. Вещание неизвестным голосом истины оказывается выражением высшей воли и верховного закона самой жизни, в которых проявляются глубинные тенденции человеческого существования, то, что не зависит от личностного, субъективного сознания, намерений и планов человека.

Основным содержанием произведения Г. Губайдуллина «Әкиятләрдән берсе» («Одна сказка», 1914) являются выраженные в образности символы вечные идеи Красоты. В рассказе Г. Губайдуллина в идее Красоты заключено не просто возвеличивание человека, его духовное и физическое совершенство, а утверждение красоты земного существа как силы, способной вдохновлять, возрождать, дарить наслаждение. Смыслом жизни

дервиша Габдуллы становится поиск прекрасного. Он видит его везде: в преисполненной любви к Всевышнему молитве, в красоте ночного звездного неба, в причудливом орнаменте декоративного письма священных книг, в совершенстве алой розы, в завораживающем завывании пустынного ветра, в нарушающем тишину пустыни звоне колокольчика проходящего каравана. Все это приносит ему наслаждение, но не преисполнено, как считает герой, знаком истинной красоты, ибо не наполняет душу великой силой вдохновения и не раскрывает тайну подлинного Бытия и Мирового Духа [4, с. 306].

Понятие об истинной красоте приходит в жизнь Габдуллы в виде ночного видения. Стихия видения, способная свести воедино и примирить разнородные стремления человека, предстает в виде прообраза скрытой, внутренней целостности человеческого сознания. В образе героя выражено то состояние человека, когда он в свой редкий час предчувствий становится способным пережить опыт видений, внутренним взором увидеть то, что не видят другие.

Действие в рассказе Г. Губайдуллина происходит в темное время суток, на границе между ночью и рассветом, в преддверии восхода солнца. Использование данного отрезка времени в повествовании не случайно: это момент наивысшего эмоционального напряжения, время активной работы подсознания и поиска ответов на духовные вопросы. В ночь сомнений и терзаний для Габдуллы открываются главные таинства мироздания. Ночь выступает символом мистического познания мира, в моменты которого субъект познания способен ощущать полноту бытия и высший миг сопричастности Целому. Герой растерян и охвачен сомнением: чей столь прекрасный облик – ангела или дьявола – посетил его? В структурном составе символического образа девушки на равных с реальным выступает нереальное – сон и явь, фантастическое и действительное, осознанное и бессознательное, даже «безумное».

Каждый раз появление прекрасной незнакомки сопровождается в рассказе образом ветра, имеющим экзистенциально-смысловую нагрузку. Образ ветра здесь – символ вечности, имеющей особое значение: природа человеческой души, как и душа самой природы, останется навсегда загадкой, таинственной и непостижимой. Если вначале образ девушки сопровождает легкое дуновение ветерка [4, с. 307], то в момент второй встречи ветер усиливается, становясь неистовым [4, с. 307]. С усилением мощи ветра усиливается желание Габдуллы проникнуть в глубины Бытия. Словно желая перекричать ветер, он восклицает: «Син илаһимы, шайтаныймы?» [4, с. 307] – «Бог ты или дьявол?» (перевод наш. – Л.И.). Не подчиняясь силе разума, рука художника рисует женский образ на бумаге,

тем самым делая явным вершину красоты – красоту земного человека. И в этом жесте заключено нарушение главного запрета – изображать лик Бога и человека, а также открытие «скрытого смысла» законов Бытия. Красота молодой женщины выступает символом вечного стремления человека познать любовь земную. Только полюбив, человек может ощутить присутствие великой силы вдохновения, прочувствовать полноту божественной красоты, прикоснуться к сфере вечных истин и высших сущностей.

Семантика символических образов в рассмотренных произведениях разворачивается за счет дополнения одного значения другим, рассмотрения его с разных точек зрения, расширения вглубь. Несмотря на разнообразие смысловых оттенков, все они представляют собой смежные компоненты одного плотного смыслового комплекса. Подобную структуру символических образов можно объяснить характерными для данного типа культуры «процедурами смыслопорождения».

В восточных культурах символ, являясь онтолого-гносеологической категорией, соединяет план выражения и план содержания, внешнее и внутреннее, истолковывая их как сходные, находящиеся в одном смысловом пространстве. Поэтому взаимно-однозначные отношения между двумя планами – морфемой и метаморфемой – определяют в восточных литературах основную форму репрезентации символа как знака [1, с. 109–110]. Знак, в отличие от символа, выражает единственный смысл, не всегда может быть символом, как считает К. Свасьян, в аспекте наличия метаморфемы. «Символ <...> проявляется в знаке как таковом гипотетически. Символ есть потенция знака, могущая в нем актуализироваться <...>» [7, с. 96]. В.Р. Аминев в своем исследовании приходит к выводу, что в татарской литературе первой трети XX века символы не обладают потенциалом смысловой бесконечности: «Для них характерна замкнутая смысловая структура: они не расширяют свой содержательный объем путем сопоставления с новыми внутренне однородными явлениями и включения в себя их общего смысла, но указывают на общую для бесконечного ряда феноменов область – сферу вечных истин и высших сущностей» [1, с. 116–117]. Таким образом, устойчивые структурно-семантические комплексы в татарской литературе 1-й трети XX в. имеют особую художественно-эстетическую природу, отражающую специфичную для данной традиции логику смыслопорождения и являющуюся сферой проявления национального своеобразия художественного текста.

Библиографический список

1. Аминев В.Р. Типы диалогических отношений между национальными литературами (на мате-

риале произведений русских писателей второй половины XIX в. и татарских прозаиков первой трети XX в.). – Казань: Казан. гос. ун-т, 2010. – 476 с.

2. *Ахмадиев Ш.* Детство // Татарские рассказы: начало XX века. – Казань: Магариф, 2007. – С. 227–230: на татарском языке.

3. *Ахмадиев Ш.* Человек // Татарские рассказы: начало XX века. – Казань: Магариф, 2007. – С. 256–259: на татарском языке.

4. *Губайдуллин Г.* Одна сказка // Татарские рассказы: начало XX века. – Казань: Магариф, 2007. –

С. 305–308: на татарском языке.

5. *Думаи Н.* Молодая мать // Татарские рассказы: начало XX века. – Казань: Магариф, 2007. – С. 162–167: на татарском языке.

6. *Ибрагим Т.К.* Суфийская концепция «совершенного человека» // Человек как философская проблема: Восток – Запад / отв. ред. Н.С. Кирабаев. – М.: Изд-во УДН, 1991. – С. 62–76.

7. *Свасьян К.* Проблема символа в современной философии. – Ереван: Изд-во АН Армянской ССР, 1980. – 226 с.

УДК 821(4).09

Лебедев Юрий Владимирович

доктор филологических наук

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова

y.v.lebedev@yandex.ru

РЕЛИГИОЗНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ КОСМИЗМ ЙЕНСКИХ РОМАНТИКОВ

В статье раскрываются религиозно-философские основы художественного мировосприятия ранних немецких романтиков.

Ключевые слова: интеллектуальная интуиция, преображение мира и человека, тысячелетнее Царство Христово, божественные основы искусства, микрокосм и макрокосм.

Романтизм как новое литературное направление возник в Германии в самом конце XVIII века. Первое поколение немецких романтиков сформировалось в университетском городе Йене. Йенских романтиков разбудила Французская революция. Но они отрицательно оценили её результаты. Буржуазное общество с его утилитарным взглядом на жизнь, с принесением духовных ценностей в жертву материальному благополучию и эгоистическому расчёту вызвало резкое их неприятие. Ф. Шлегель писал: «Повсюду мы находим теперь громадную массу пошлости, вполне сложившейся и оформленной, проникшей более или менее во все искусства и науки. Такова толпа; господствующий принцип человеческих дел в настоящее время, всем управляющий и всё решающий, – это польза и барыш и опять-таки польза и барыш» [12, с. 12].

Немецкий романтизм начался с отрицания мировоззрения просветителей, нацеленного на изменение внешнего мира, на социально-экономическую перестройку общества, на реформирование его политико-правовых норм. Немецкие романтики сделали акцент не на внешних свободах, а на духовном преображении человека. Предлагая начинать с перестройки сознания, они надеялись этим путем прийти и к более глубокому переустройству мира. Революции социальной они противопоставили революцию духовную. В полемике с просветителями они утверждали, что «мышление есть только сон чувствования, бледно-серая, слабая жизнь...» [6]. Обожевление разума приводит человека к одностороннему развитию. Формируется «одномерный» субъект, лишённый прилива благодатных бо-

жественных энергий. Растворяясь в «рассудочной сущности», человек теряет своё духовное «я».

Отрицая рационализм и атеизм французских просветителей, йенские романтики мечтали о возрождении в человеке творческой энергии, которая питается христианской верой. Они обожествляли поэтов и музыкантов, людей искусства. Музыку они провозглашали царицей всех искусств и «санскритом» природы. Романтики считали, что музыка своей звуковой гармонией улавливает и передаёт божественную одухотворённость мира.

Романтики пересмотрели взгляды на смысл и задачи искусства. Просветители видели его назначение в подражании природе. Романтики считали, что высокое искусство не подражает, а преображает природу, что оно противостоит низменным интересам обывателей, «филистеров», что оно самоценно и утилитарные цели не могут его интересовать и воодушевлять. Искусство призвано не воссоздавать действительный мир, а пересоздавать его. Главную роль романтики отводили не наблюдению, а воображению.

Мировоззренческой основой ранних немецких романтиков стала философия Шеллинга. Вселенная, по Шеллингу, развивается и растёт по целесообразным законам. Эти законы не формируются в процессе её развития, а предшествуют ему. Существует некий божественный замысел. Как в зерне содержится будущее растение, так и в божественной воле, движущей мир, заключен идеальный проект будущего гармонического устройства всего мироздания.

Грядущее торжество этой гармонии предвосхищается в произведениях одарённых художни-

ков. Поэтический гений, по Шеллингу, обладает интеллектуальной интуицией. С помощью этой интуиции он вступает в общение с Творцом и одухотворяет природную жизнь в своих произведениях. «Чувство поэзии в близком родстве с чувством пророческим и с религиозным чувством провидения вообще» [7], – утверждал вслед за Шеллингом Фридрих фон Гарденберг, выступавший под псевдонимом Новалис (1772–1801). Искусство – высшая форма проявления творческих сил. В гениальных художественных созданиях проектируется идеальный мир, к которому устремлена Вселенная в своем развитии. В них предвосхищается будущее торжество космических стихий над стихиями разрушительными, хаотическими. Гениальный писатель является органом Вседержителя-Творца.

Романтики отводили искусству ключевую роль в познании и преображении жизни. Поэзию они считали выше науки. «Наука лишь поспешает за тем, что уже оказалось доступным искусству» [11, с. 387], – говорил Шеллинг. «Поэт постигает природу лучше, чем разум учёного» [4, с. 79], – вторил ему Новалис. Романтики провозгласили культ «божественной гениальности». Они не любили изображать обыкновенных, заурядных людей. Они презрительно называли их «филистерами». И наоборот: поэты были в их глазах носителями божественной истины. Только им она открывалась, ускользая от глаз толпы. Немецкие романтики утвердили в поэзии XIX века образ поэта-пророка, «божественный глагол» которого будил сердца людей.

Ключевую роль в мировом процессе одухотворения Вселенной наряду с искусством играет, по Шеллингу, любовь. Это универсальное чувство, просветляющее мир. Любовью связывается в гармоническое единство идеальная основа бытия и реальное существование. Любовь между мужчиной и женщиной – одно из могущественнейших проявлений всеобщего мирового закона любви, усилием которой развивается и совершенствуется мироздание.

Весь мир воспринимается немецкими романтиками как живое и одухотворённое существо. Они верят в жизненную достоверность создаваемых ими метафор. Эти метафоры не являются поэтической условностью. Они отображают реальную одушевлённость природы. Живут и дышат лес и кусты, полевые цветы и птицы, ключи и небесная лазурь. Всюду бьётся переливающаяся через край радостная жизнь. «Сквозь пальцы, сквозь ветви и сучья, пронзённые играющим ветром, полные птичьих песен, мы чувствуем радость до самых корней», – утверждает Людвиг Тик (1773–1853). Зелёные листья тянутся у него к солнцу, «чтобы изныть от его поцелуев, чтобы погибнуть в любви и тоске». «Как хороша зелёная трава!» – говорят полевые цветы. «Как прекрасен мир!» – отвечают

им птицы. И одинокий пустынный радуется всему, что живёт на земле:

Ласковых птичек рать
Будет со мною играть,
Бабочек радужных вид
Сердце моё веселит.

Землю обнимает и одухотворяет небесная лазурь. Её божественные лучи пронизывают и оживляют всё и не приводят к аскетическому отрицанию жизни. Небо у йенских романтиков спускается на землю и животворит её. В природе и в человеке бродят божественные творческие соки:

Будут листья подниматься,
Чтоб дрожать и обниматься
В поцелуях и томленьи,
И поют о наслажденьи
Звонких птичек голоса,
И колышутся леса,
И от песен соловьиных,
Повторяемых в долинах,
Пламенеют небеса [10].

Новалис вошел в историю литературы как автор романа «Генрих фон Офтердинген», главный герой которого странствует по свету в поисках голубого цветка. Голубой цветок стал символом немецкой романтической школы, символом жизненной тайны, к познанию которой устремлено искусство. Романтики обожествляют человеческое воображение, творческую фантазию, сказку. В них они ищут разгадку смысла жизни, тайны мироздания. «Сказка есть как бы канон поэзии. Всё поэтическое должно быть сказочным. Истинно сказочный поэт – провидец будущего, – замечает Новалис. – Только несовершенством наших органов и недостатком нашей способности ощущать себя объясняется то, что мы не видим себя в сказочном мире. Все сказки являются только снами о том родном мире, который находится и везде и нигде. Высшими силами в нас самих, которые, подобно гениям, приведут в своё время к совершенству нашу волю, являются теперь музы, которые ободряют нас воспоминаниями на этом многотрудном пути. Мне кажется, что состояние своей души я наилучшим образом могу выразить в сказке. Всё является сказкой» [7].

Герой романа Новалиса «Генрих фон Офтердинген» говорит: «Я вижу два пути, ведущие к пониманию истории человека. Один путь, трудный и необозримо-далёкий, с бесчисленными изгибами – путь опыта; другой, совершаемый как бы одним прыжком, – путь внутреннего созерцания» [5]. По словам исследователя немецкого романтизма А.В. Карельского, Новалис считает, что «в душе человека изначально дремлют все образы мира: каждому внешнему явлению и в целом всей природе от века соответствует некий тождественный образ в человеческой душе; требуется только, чтобы в ней раздался нужный отзвук. И самый надёжный путь для этого – не активное вмешательство в дела природы, а, напротив, созерцание, медлительное, сосредоточенное, углублённое» [3].

«Микрокосм» – точное подобие «макрокосма». Познавая себя, человек познаёт Вселенную. Эту мысль Новалис раскрывает поэтически, включая в свою повесть «Ученики в Саисе» сказку о юноше Гиацинте и девушке Розоцвет. Согласно древним легендам, в Саисе находился храм богини Изиды. Её статуя была накрыта покрывалом. Человеку, дерзнувшему снять это покрывало, открывалась тайна мироздания. Гиацинт и Розоцвет жили в одной деревне и любили друг друга. Но однажды Гиацинта охватила тоска. Он отправился в путь на поиск смысла человеческой жизни. Путешествие длилось долго. Наконец, утомлённый Гиацинт увидел пророческий сон. Он проник в этом сне в храм Изиды, сдёрнул с неё покрывало... И тут случилось чудо. Под тончайшим покровом Гиацинту открылась любимая им Розоцвет.

Такова, по Новалису, разгадка тайны мироздания. Эта тайна в душе человека, заключающей в себе весь мир. Гиацинт отправился в долгое странствие, а ответ находился рядом, в нём самом, в его любви к Розоцвет. Эту же мысль утверждает двуступенчатый Новалис:

Всё же один приоткрыл покрывало богини Саиса.
Что ж он увидел под ним? – Чудо: себя самого!

Новалис мечтает об одухотворении всего земного, всей природы. Бог спускается у него с небес на землю. В одном из стихотворений он уверяет, что Иисус Христос после воскресения вернулся к опустелому гробу и положил в него своё воскресшее тело, освятив тем самым всю землю, наделив её способностью к духовному преображению. Поэтому падшее состояние человека и природы не безнадежно. Скоро вернётся на землю Золотой век, наступит тысячелетнее Царство Христово. Люди искусства, наделённые магической властью над миром, призваны это Царство приближать.

Фридрих Шлегель так вспоминал о своём первом знакомстве с Новалисом: «С диким энтузиазмом развивал он мне в один из первых вечеров своё мнение, что нет в мире зла, и всё опять приближается к Золотому веку» [9]. «Это очень показательно для позиции Новалиса – и резко отличается от “мировой скорби”, с которой мы зачастую связываем – в основном, благодаря Байрону и “байронизму” – представление о романтизме, – отмечает А.В. Карельский. – “Мировая скорбь” – новая, хотя и близкая по времени, почти синхронная фаза романтического сознания. Новалис этого порога не переступил. В его лице перед нами – заряд положительной, созидательной, мажорной энергии романтизма в почти беспримесном её виде» [3].

Новалису казалось, что древние мифы о поэтах, управлявших миром по своей воле, – не сказка. В романе «Генрих фон Офтердинген» странствующие купцы рассказывают главному герою: «В старые времена вся природа была, вероятно, более живой и восприимчивой, чем в наше время. Мно-

гое, что теперь, кажется, едва замечают даже звери и что чувствуют и с наслаждением воспринимают только люди, в то время ощущалось даже бездушными предметами; поэтому люди, обладавшие высоким художественным даром, создавали тогда много такого, что нам теперь кажется невероятным и сказочным. Так, в древние времена, в пределах теперешнего греческого государства, как нам рассказывали путешественники, слышавшие ещё там эти предания в простом народе, были поэты, пробуждавшие дивными звуками волшебных инструментов тайную жизнь лесов, духов, спрятанных в стволах деревьев; они оживляли мёртвые семена растений в диких местностях и создавали там цветущие сады, укрощали зверей, смягчали нравы дикарей, вызывали в них кроткие чувства, насаждали мирные искусства, превращали стремительные потоки в тихие воды и даже увлекали мёртвые камни в стройные движения мерного танца. Говорят, они были одновременно прорицателями и жрецами, законодателями и врачами: своим волшебством они вызывали высшие существа, которые открывали им тайны грядущего, гармонию и естественный строй всего земного, а также свойства и целебные силы чисел, растений и всех существ. С тех пор, как гласит предание, и возникло разнообразие звуков, а также странные влечения и сочетания в природе: до того всё было дико, беспорядочно и враждебно. Странно только то, что хотя прекрасные следы этого и остались на память о благодетелях человеческого рода, но самое их искусство или же тонкое чутьё природы утратились».

Эти мифы, считал Новалис, основываются на потерянном нами ощущении взаимосвязи всего существующего. Когда мы восстановим это ощущение, вступим в эту связь, мы овладеем миром. «Мы должны стать магами, чтобы суметь быть моральными. Чем моральнее, чем согласованнее с Богом, тем божественнее человек, тем более сливается он с Богом». Силу магическому действию человека придаёт любовь. «Итак, кто хочет достигнуть ведения природы, пусть развивает своё нравственное чувство, пусть поступает и творит согласно благородной сущности своего внутреннего существа, и вот тогда как бы сама собой откроется перед ним природа. Нравственные поступки – это тот великий и единственный искус, в котором разрешаются все загадки самых многообразных явлений. Кто понимает и умеет его разбирать в строгой последовательности мысли – тот навсегда мастер Природы» [6].

У природы есть живая душа и свой нрав, с которым не хочет считаться современный человек: «Природа не желает быть исключительным достоянием отдельного человека. Превращаясь в собственность, она становится зловредным ядом, прогоняющим покой, и рождает пагубное желание захватить всё во власть собственника; желание его

ведёт за собой бесчисленные заботы и дикие страсти. Природа тайно подкапывает почву под ногами собственника и вскоре хоронит его в раскрывающейся бездне для того, чтобы переходить самой из рук в руки; таким образом она постепенно удовлетворяет своё желание принадлежать всем» [5]. «Для романтиков собственник и творец – разные лица, – отмечает Н.Я. Берковский. – Права творца они понимали, права собственника – нет. Романтическое воззрение совпадало с народным, фольклорным, по которому собственность не может создавать другую собственность, деньги не дают оснований для владения. Повсюду в природе и в жизни общества существуют авторы и авторское право. Собственники как таковые – плагиаторы» [1, с. 508].

Природа зависит от человека. В повести «Ученики в Саисе» она обращается к нему с мольбою о спасении. Её голоса говорят: «О, если бы человек понимал внутреннюю музыку природы и обладал чувством внешней гармонии... Как счастлив мог бы он быть, если б обращался с нами ласково, и вступил в наш великий союз как бывало в Золотом веке, как он справедливо его называет. В то время он понимал нас, и мы также его понимали. Его стремление стать Богом разлучило его с нами, он ищет то, чего не знаем мы и чего не можем ни знать, ни предчувствовать, и с той поры он уже больше не сопровождающий голос и не содружное с нами движение».

И далее Новалис рисует в этой повести картину наступления Золотого века дружными усилиями художников, творчески одарённых людей, осознавших своё мессианское призвание. Они «укротили разбушевавшиеся потоки, населили народами негостеприимное море» и «поставили преграды лесным наводнениям». Они «выращивали благороднейшие цветы и травы, обнажали землю для животворных прикосновений родящего воздуха и воспламеняющего света». Они «научили лес и луг, родники и скалы соединяться опять в милые сады». Они «взяли к себе бедных, покинутых животных, восприимчивых к человеческим нравам, и очистили леса от вредных чудовищ, этих уродов испорченной фантазии». И вот «природа узнала опять более ласковые нравы, она стала нежнее и отрадней и готова была добровольно содействовать исполнению людских желаний». «Мало-помалу её сердце начало биться по-человечески, веселей стали её фантазии, она сделалась опять общительной и отвечала охотно ласковому вопрошателю».

Изменяя природу, человек овладевает и самим собой. Человек-маг становится полным хозяином своего организма. Он учится врачевать самого себя и даже восстанавливать утраченные органы. Новалис мечтал о беспредельном совершенствовании человеческого тела. Ему казалось, что современный человек впал в косность и глубоко заснул. Нужно его разбудить и призвать к великому преоб-

ражению его тела. «Наши органы чувств – высшие животные. Из них вытекает ещё более высокий вид человеческого существования». «Чем одарённее человек, чем больше в нём культуры, тем индивидуальнее его органы, к примеру, глаза его, руки, пальцы» «Есть только один храм в мире – человеческое тело. Человек – это солнце, а органы чувств – его планеты». Совершенствуя своё тело, преобразуя его, человек у Новалиса достигает бессмертия.

В будущем Царстве Божием воскреснут и все умершие поколения. «Тогда встретятся древние осиротелые семьи, и каждый день будет видеть новые приветствия, новые объятия. Возвратятся на землю прежние её обитатели, на каждом холме зашевелится вновь затлевающий пепел, всюду вспыхнут пламена жизни, сызнова застроятся старые селения, обновятся древние времена, и история станет сном бесконечного, необозримого Настоящего».

А вот как рисует Новалис картину наступления Золотого века в романе «Генрих фон Офтердинген»: «По земле разлилась мощная весна. Все поднялось и зашевелилось. Земля неслась ближе к покрову. Месяц и облака мчались с веселым гамом на север... Со всех сторон поднимались вихри пыли, в которых вырисовывались знакомые фигуры. Они встречали толпы юношей и девушек, которые стремились в замок и восторженно приветствовали их. На многих холмах сидели счастливые, только что проснувшиеся влюбленные пары и заключали друг друга в объятия, по которым давно истосковались. Новый мир казался им сновидением, и они неустанно радовались прекрасной действительности. Цветы и деревья мощно росли и зеленели. Всё казалось одушевленным. Всё говорило и пело... Звери подходили к проснувшимся людям, радостно приветствуя их. Растения угощали их плодами и ароматами и очаровательно наряжали их...» [5].

Нельзя переоценить влияние творчества йенских романтиков на русских писателей. Поэт и философ Серебряного века Вяч. Иванов в статье «О Новалисе» писал: «С чувством удовлетворения можно сказать, что русская мысль в понимании и оценке Новалиса была, как и во всех вопросах высших духовных интересов за последнее время, – в авангарде движения. Отмечу недавно вышедшую превосходную работу, столь же содержательно глубокую, сколь живую, известного нашего германиста, петербургского профессора Ф. Брауна о раннем романтизме, во втором и третьем выпусках “Истории западной литературы XIX века”, изданной под редакцией Батюшкова. <...>

Подобным же образом ученик Брауна Жирмунский в только что вышедшей прекрасной книге “Немецкий романтизм и современная мистика”, утверждает: “Исторически между романтизмом и символизмом не существует перерыва мистиче-

ской традиции; только здесь более ясно и сознательно было понято и сказано то, что там казалось мечтой и странным, может быть, не воплотившимся чаянием. Романтическое мирозерцание продолжало быть великой культурной силой в течение всего XIX века”. <...>

“Быть может, – продолжает Жирмунский, – всего сложнее и интереснее история современной мистики сложилась в русской литературе”. Автор указывает на Жуковского, старшее поколение славянофилов, наконец, Тютчева, который “вырастает всецело на почве мироощущения и идей немецкого романтизма”. “В то же время, однако, в этой заимствованной форме появляется подлинный религиозный дух, развивающийся из глубин русского народного сознания... В творчестве Достоевского, величайшего писателя XIX века, – вершина этого пути. Здесь открывается новая вера, земная и небесная одновременно, и эта вера – та самая, которую искали романтики, оказывается тождественной с глубочайшими основами исторического христианства”. “*Любите все создание Божье, – учит Достоевский, – и целое и каждую песчинку; каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь, и тайну Божию постигнешь в вещах. Постигнешь однажды и уже неустанно начнешь ее познавать, все далее и более, на всяк день. И полюбишь, наконец, весь мир уже всецелою всемирною любовью*”» [2].

Однако в творчестве йенских романтиков, в отличие от Достоевского и его русских собратьев, был слишком ярко выражен элемент утопизма. Их взгляд на мир отличался чрезмерным прекраснотворением. Они благословляли и принимали в Царство Божие всю жизнь, во всем её объёме и полноте. Свойственное им понимание личности русский философ С. Франк назвал романтическим гуманизмом. Он писал: «Здесь преодолён рационализм просветительства, но не его оптимизм, который, напротив, лишь в новой форме и здесь является основой понимания существа человека» [8]. Будучи на словах убеждёнными христианами, романтики не брали в расчёт основной догмат христианского мировоззрения – первородную повреждённую человеческой природы. Весь мир для Новалиса – «величественный собор, с каменного основания которого поднимается суровое прошлое, в то время как из купола светлое весёлое будущее спускается ему навстречу в образе золотых ангелов». Йенским романтикам казалось, что фантазия является более

реальной, чем сама реальность, что с её помощью можно освободиться от власти материи.

Прошло немного времени, и этот оптимистический взгляд обнаружил свою утопичность. В 1806 году в Иену триумфальным маршем вошли французские войска. Покорённые Германские княжества сложили свои знамёна. Поколение поздних немецких романтиков почувствовало в земном мире торжество зла, греха и страдания. На земле существуют лишь проблески божественной красоты. Но закрепиться в ней надолго они не могут. Острее всех неизбывный драматизм современной жизни почувствовал Э.-Т.-А. Гофман.

Библиографический список

1. Берковский Н.Я. Романтизм в Германии. – Л.: Худож. лит, 1973. – 568 с.
2. Иванов Вячеслав. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/ivanov/vol4/01text/02papers/4_162.htm.
3. Карельский А. Немецкий Орфей: беседы по истории западных литератур. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/inostran/2006/6/ka7.html>.
4. Новалис, Тик Л., Шлегель Ф. Атенийские фрагменты. – М.: Слово, 1998.
5. Новалис. Генрих фон Офтердинген. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.ru/INOOLD/TIK/heinrich_von_ofterdingen.txt. Далее текст романа цитируется по этому источнику.
6. Новалис. Ученики в Саисе. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.sunhome.ru/books/b.ucheniki_v_saise.
7. Новалис. Фрагменты. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://lib.itdevelop.ru/INOOLD/GARDENBERG/valis_fragments.txt.
8. Франк С.Л. Достоевский и кризис гуманизма // Творчество Достоевского в русской мысли 1881–1931 годов: сб. ст. – М.: Книга, 1990. – С. 391–398.
9. Цит. по: Иванов Вячеслав. О Новалисе // Вячеслав Иванов. Собр. соч.: в 4 т. Т. 4. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rvb.ru/ivanov/vol4/01text/02papers/4_162.htm.
10. Цит. по: Жирмунский В. Глава из книги 1914 года «Немецкий романтизм и современная мистика». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ecoethics.ru/old/m05/50.html>.
11. Шеллинг Ф. Система трансцендентального идеализма. – Л., 1936. – 480 с.
12. Шлегель Ф. Эстетика. Философия. Критика: в 2 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1983. – 448 с.

ОБ ОДНОМ ИСТОЧНИКЕ КОМЕДИИ А.Н. ОСТРОВСКОГО «ДОХОДНОЕ МЕСТО»

Истоки творчества А.Н. Островского чаще всего пытаются искать в предшествующей драматургии. Между тем проза 40-х годов XIX века в таких поисках может дать интересные и неожиданные результаты.

Ключевые слова: истоки творчества, проза и драматургия, творческое переосмысление, типологические сходства.

Комедия А.Н. Островского «Доходное место» была закончена в декабре 1856 года и напечатана в журнале «Русская беседа», вышедшем в марте 1857 года, а на сценах Москвы и Петербурга появилась только в 1863 году. Она стала первой пьесой, в которой драматург обратился к миру чиновников. Этот мир был знаком Островскому не хуже, чем купеческий, поэтому автор, создавая комедию, мог опираться на собственный опыт. Позднее П.М. Невежин вспоминал слова Островского: «Не будь я в такой передрыге, пожалуй, не написал бы “Доходного места”» [7, с. 262]. Эти слова во многом определили для исследователей тот источник, который питал творческое воображение драматурга.

Современники увидели в «Доходном месте» традиции первой комедии Островского. Л.Н. Толстой писал В.П. Боткину, что в комедии «та же мрачная глубина, которая слышится в Банкроте...» [10, с. 156]. Н.Г. Чернышевский в статье «Заметки о журналах» отметил: «Сильным и благородным направлением она напоминает... комедию “Свои люди – сочтемся!”» [11, с. 732]. Современная драматургу литературная и театральная критика в основном обсуждала проблематику, образы, сценическую историю комедии, не касаясь ее генетических корней. Не возвращались к этому вопросу исследователи и позднее. Между тем еще А.В. Дружинин заметил, что декларативность монологов Жадова словно бы из журналов 40-х годов [4, с. 559].

Изучая сюжетику Островского, А.И. Ревякин приводит многочисленные примеры, указывающие на то, что творчество драматурга имеет «перекличку с сюжетами предшествующей отечественной литературы» [9, с. 154]. Но и в его сопоставлениях комедия «Доходное место» остается за пределами внимания.

О том, как и откуда рождаются сюжеты, сам Островский говорил и писал неоднократно. Драматург и критик Д.В. Аверкиев в «Дневнике писателя» приводит такие слова Островского: «Драматург не изобретает сюжетов – все наши сюжеты заимствованы. Их дает жизнь, история, рассказ знакомого, порою газетная заметка» [1, с. 143]. Как бы подтверждая эти слова, Э. Круг убедительно доказал, что в «Последней жертве» Островский заимствовал фабулу комедии Лесажа «Тюркаре», но решал другие художественные задачи [5].

В качестве одного из источников комедии «Доходное место» может быть рассмотрена книга рассказов и очерков П.Я. Буткова «Петербургские вершины» (первая часть вышла в 1845, а вторая – в 1846 году). Творчество Буткова почти полностью укладывается в 40-е годы. О нем положительно отзывался В.Г. Белинский: «...Талант г. Буткова никого не напоминает – он совершенно сам по себе. Он никому не подражает, и никто не мог бы безнаказанно подражать ему... Рассказы, очерки, анекдоты – назовите их как хотите – г. Буткова представляют собой какой-то особенный род литературы, доселе небывалый» [2, с. 39].

Современный исследователь В.И. Кулешов считает, что в «Петербургских вершинах» обнаруживается «процесс перерастания «физиологического очерка» в жанр рассказа» [6, с. 12]. По поводу мнения Белинского следует заметить, что в прозе Буткова просматриваются гоголевские традиции, в том числе и сюжетные переклички. Важнейшей особенностью его художественной манеры является стремление к психологизации. Часто это делается с помощью внутренних монологов и размышлений героев. Диалог в прозе Буткова несет иную функцию, чем в «Физиологическом очерке». Он не иллюстрирует тип, а служит средством выражения динамики действия и образа.

Основные герои книги Буткова – чиновники. Но, стремясь создать целостную картину петербургской жизни, он показывает представителей и других социальных слоев. В рассказе «Сто рублей» появляется образ купца-самодура по фамилии Щетинин, который своих конторщиков зовет ерш, барон, болван. Ерш сообщает герою рассказа, желающему устроиться на службу к Щетинину: «Я так обкраду этого банкрота, ... как ни один приказчик его не обкрадывал. Я покажу ему, что если я дурной конторщик, зато хороший аферист!» [3, с. 269]. Герой рассказа «Партикулярная пара», сидя в театре, мысленно возмущается: «Да это же российские творцы расходились все о чиновниках: разве нет у нас купцов, с их невежеством и деньгами, или мещан, с их барскими претензиями и лошадиным значением?» (с. 223–224).

Тема банкрота, так близкая первой комедии Островского, звучит и в рассказе «Хорошее место». Герой повествования Терентий Якимович, прибывший в Петербург в поисках хорошего ме-

ста, испытав лишения, наконец оказывается на пороге благополучия: «Ему предстояла блистательная будущность: молодая жена, покровительство значительного человека, хорошее место и с ним все счастье, даруемое человеку хорошим местом. Он женился...

Отец жены его был, лет двадцать тому, первостатейным купцом, ...а этот надворный советник был у него чем-то вроде управляющего делами...

Потом благотворитель затеял совершенно верную спекуляцию: пошел в банкроты, думая нажить миллион, и попал вовсе неожиданно в тюрьму, в качестве злонамеренного, так называемого злостного банкрота, а его управляющий пошел в надворные советники...» (с. 309–310).

Из этих цитат вырисовывается две параллели: одна с комедией Островского «Свои люди – сочтемся!», другая – с комедией «Доходное место».

Комедия «Доходное место» и рассказ «Хорошее место» созвучны не только в названии. Переклички обнаруживаются и в сюжетных ситуациях, и в образах героев, и в общих смысловых решениях. Но это ни в коем случае не является прямым заимствованием, переделкой одного произведения в другое, тем более, что сопрягающие компоненты художественно обработаны по-разному.

Название комедии Островского не просто созвучно названию рассказа Буткова. Авторы вкладывают в это понятие одинаковый смысл. Примечательно то, что герои комедии Островского чаще произносят фразу «хорошее место», а не ту, что в названии. Впервые слова «доходное место» звучат из уст жены чиновника Белогубова Юленьки во втором явлении четвертого действия. Так она называет место, которое получил ее муж.

Бутков начинает рассказ с общих рассуждений о хороших местах, вкладывая в свои слова определенную долю иронии: «Ограниченная поверхность нашей планеты усеяна светлыми точками, к которым стремятся мечты, самолюбие, зависть и все страсти и страстишки человеческие. Те точки суть *хорошие места*; те места... имеют свои степени и подразделения: есть такие места, которые общаются своим обладателям силу и величие богов Олимпийских и возвышаются над другими, тоже хорошими местами; есть и такие, которые доставляют счастливым, занимающим их, все средства не только к ежедневному обеду, но даже к курению копеечных сигар. Вообще хорошее место – ад и рай, мука и блаженство для бедного животного, горделиво называющегося человеком, даже чиновником, даже *царем природы*, – как будто эта природа вырастит, по его велению, *хорошее место*, которого жаждет его эгоизм...» (с. 301–302).

У обоих авторов сходное представление об этом явлении в чиновничьей среде. Оба используют одинаковое сюжетное решение через своеобразный «социальный» треугольник: бедный

чиновник, «хорошее место», благодетель. Буткова интересует психология социального типа, который ради доходного места готов на самые низменные решения. Он понимает под доходным местом не только выгодную должность, но и всякую житейскую ситуацию, способствующую благополучию чиновника. Персонаж Буткова ближе к Белогубову из «Доходного места» или Юсову в молодости, из рассказа которого о начале его чиновничьего поприща видно, что тот готов был на любые унижения. Островский больше сосредоточен на образе Жадова.

Более интересные аналогии можно наблюдать, сопоставляя героев комедии Островского с героями рассказа Буткова «Первое число». В обоих произведениях центральное место занимают парные образы. У Буткова это мелкие чиновники Евтей и Евсей, у Островского – Жадов и Белогубов. Они недовольны своим положением, хотят занять «хорошее место», жениться. У всех есть или возможные, или реальные благодетели. Жадов и Белогубов женятся на сестрах, а Евтей и Евсей, как оказалось, хотели жениться на одной и той же «русой головке», которую знали под разными именами и которая выпускала их к себе в разное время и по разным лестницам.

Нетрудно заметить важное сходство между Евтеем и Жадовым, между Евсеем и Белогубовым. Первые были выпускниками университета и болезненно переживали несправедливость своего положения. «Евтей, получивший университетское образование, был писец по должности и глубокий мыслитель в душе. Переписывание он считал тяжкою для себя обидою. Напрасно просил он для себя занятия несколько благороднее, уверяя, что может сочинять бумаги сам не хуже, а может быть, и лучше столоначальника... В канцелярии считали его... глубоким мыслителем и в этом качестве не находили его способности даже к должности помощника столоначальника!» – сообщает о своем герое Бутков.

То же самое мы узнаем о Жадове из уст разных героев в первом действии комедии «Доходное место». Юсов с негодованием говорит о нем: «Все гордость да рассуждение... Как же ему не разговаривать! Надобно же ему показать-то, что в университете был... Делать, что приказано, мы не любим, а рассуждать – вот наше дело. Как можно нам в канцелярии сидеть! Нас бы всех министрами сделать!» [8]. Здесь же сам Жадов признается, что его дядюшка, высокопоставленный чиновник, терпеть не может университетских. А в разговоре с дядей отказывается заниматься перепиской бумаг, как делом недостойным. Подобно Евтею, канцеляристы не любили Жадова за то, что он читал им мораль.

Оба герои склонны к рассуждениям, к декларативным высказываниям. Но Бутков в основном сообщает об этом от автора. Высказываний в диа-

логах немного, и они направлены в адрес антипода Евсея: «ты живешь чутьем, как зверь, а если б ты рассуждал, мыслил...

Если б рассуждал... Не должно обращать исключительного внимания на одну глупую сущность, надобно иногда пожить и общею жизнью человечества. Если б ты рассуждал, ты открыл бы, знаешь ли, что ты открыл бы, – воскликнул Евтей почти в исступлении, приподнявшись на своем ложе, – ты открыл бы важный факт, что числа имеют влияние на месяцы, а месяцы на числа!

Ты составил бы себе философию цифр и чисел...» (с. 277).

Возможно, это мысли из диссертации Евтея, которую он успешно защитил на тему «О влиянии всеобщей гуманности на социальность».

Бутков с иронией относится к обоим своим героям. Его «философ» произносит заученные фразы, не очень понимая их. Например: «...Человек имеет свободную волю!.. у человека есть и разум!» (с. 278). Автор поясняет: «Евтей учился воле и разуму в университете и, не обладая ими, только знал их и беспрерывно толковал о них своему товарищу» (с. 287).

Жадов в «Доходном месте» так же декларативен. Вот его высказывания: «Я еще не потерял веру в человека...» (т. 2, с. 48); «я надеюсь, что спокойствие совести может заменить для меня земные блага» (т. 2, с. 51). «Поддержка будет для меня в общественном мнении» (т. 2, с. 52). «Нет, Полина, вы еще не знаете высокого блаженства жить своим трудом» (т. 2, с. 69).

Евтей, наслушавшись в университете рассуждений о воле, разуме, понимал их хуже, чем Жадов свои кафедральные речи, но утрата иллюзий создает жизненную драму для обоих героев.

«Прозрение» Жадова происходит в такой же ситуации, что и «прозрение» Евтея. Для Евтея источником соблазна является Невский проспект (гоголевский мотив). Прогуливаясь, он верит, что может «управлять собою на основании разумных наведений» (с. 282). Но проявил слабость и «побежал в кондитерскую». Здесь происходит его знакомство с коллежским асессором по фамилии Спичка, своеобразным дьяволом-искусителем, который в процессе совместной дегустации ликеров, открыл Евтею «великую истину»: «...Для всякого рода успеха, возвышения в чем и где бы то ни было нужно одно знание – глубокое знание страстей человеческих; что блага мира сего доступны не уму, а коварству; что несчастливцы, которые сетуют на пренебрежение их учености или способностей и не умеют сыграть партии в любовь, в ненависть, в бескорыстие, во благо будущее и в тысячу других игр, которыми занимаются люди, эти несчастливцы – просто дураки» (с. 284).

Беседа Спички с Евтеем привела к тому, что «Евтей не выдержал; его светлые мечты, фантасти-

ческие понятия о многих существенных принадлежностях человеческого бытия были уничтожены безжалостно и безвозвратно» (с. 285).

В третьем действии «Доходного места» Жадов, как и Евтей, случайно встречается в трактире с незнакомцем. Это бывший чиновник, а ныне адвокат по фамилии Досужев. За рюмкой водки он открывает Жадову свою «великую истину»: «...Взяток брать не могу – душа не переносит, а жить чем-нибудь надо. Вот я и взялся за ум: принялся за адвокатство, стал купцам слезные прошения писать» (т. 2, с. 80). И далее: «Много надо силы душевной, чтобы с них взяток не брать, над честным чиновником они сами же смеяться будут; унижать готовы...» (т. 2, с. 81).

У Жадова, как и у Евтея, наступает прозрение. «Я ребенок, я об жизни не имею никакого понятия. Все это ново для меня, что я от вас слышу. Мне тяжело! Не знаю, вынесу ли я! Кругом разврат, сил мало! Зачем же учили!» – говорит он новому знакомому. Последняя фраза обращена не только к самому себе. Герой Островского встретил «своего» среди чужих, чиновника, который не смог сохранить идеалы, приспособился. Жадов впервые задумался о власти порочной среды над человеком. Мастерски срежиссированный в следующем действии тещей, женой и ее сестрой семейный разлад заставляет Жадова окончательно отказаться от своих принципов: «Прощайте юношеские мечты мои!» (т. 2, с. 99).

Сюжетные совпадения с рассказами и очерками Буткова обнаруживаются и далее. Любовная драма Евтея происходит в том же порядке: после того, как утрачены «светлые мечты» юности.

Обратимся к другой паре героев, которые являются антиподами предыдущих. Это Евсей у Буткова и Белогубов у Островского. Оба малограмотны. Евсей – недоучка приходской школы, у Белогубова с правописанием «плохо-с». Евсей «еще с детства... мечтал о блаженстве переписывания», хотя судьба отказала «в малейшей частице делопроизводительной способности...» (с. 276). Белогубов, в свою очередь, говорит Юсову, что готов ночами сидеть за переписыванием. Оба насмешкой относятся к разного рода рассуждениям, хотят жениться, имеют одинаковые взгляды на семейные отношения, копят деньги, мечтают о хорошем месте. В любовных делах того и другого «начальство принимает участие». Совпадения есть и в деталях. Начальник предложил Евсею свое покровительство, «которое Евсей принял с должным благоговением и целованием руки начальника» (с. 288). В комедии Островского сцена в трактире повторяет эту ситуацию. Юсов предлагает Белогубову поцеловаться, на что тот отвечает: «Нет, позвольте ручку-с» (т. 2, с. 75). Евтей и Евсей живут у Кокушкина моста, а Жадов и Белогубов постоянно бывают в доме вдовы Кукушкиной и женятся на ее дочерях и др.

Финалы названных рассказов Буткова разные. В рассказе «Хорошее место» Терентий Якимович, застав у своей жены благодетеля, несколько минут находился в отчаянии, но осмотрел свою роскошную квартиру, успокоился и произнес: «Да! Хорошее место!» (с. 315).

Евтей и Евсей, наоборот, не вынесли душевной драмы. Евтей случайно сжег вместе со старым вицмундиром Евсея все его накопления. Но окончательно их надежды на будущее рухнули, когда стало известно, что они обмануты одной и той же женщиной. Вот финал рассказа: «Они разом захохотали так сильно, что губернская секретарша, сидя в своей каморке, вскрикнула от испуга и бросилась к дворнику».

Коллежские секретари пустились танцевать что-то вроде «адского вальса». Долго и бешено танцевали они; пол трещал под их ногами; стулья были разбиты в щепки; кровати с ископаемыми одеялами опрокинуты; у дверей комнаты стояли безмолвные и удивленные дворник, водонос, хозяйка квартиры и несколько посторонних старух. Никто не смел остановить веселости коллежских секретарей, и они все быстрее и быстрее кружились в дружеских объятиях. Глаза их становились мутнее и страшнее; черты лица искажались гримасами.

Евтей Евсевьевич и Евсей Евтевьевич повалились на пол.

.....
На другой день корпус сумасшедших укомплектовался двумя новыми лицами» (с. 301).

Спокойное повествование завершается сценой, которая претендует на финал сценического представления. За пляшущими чиновниками в немом исступлении наблюдают зрители.

Бутков завершает повествование в народном духе. Пляской или битьем часто заканчивались сценки театра Петрушки и некоторые народные драмы. Подобные сцены изображались и на лубочных картинках.

Тема сумасшествия появляется незадолго до финала и в комедии Островского. Жадов, взяв жену за руку, с горячностью излагает ей свои принципы, направленные на борьбу с общественными пороками. В своем пространном монологе он повторяет то, о чем уже не раз высказывался. Островский замечает в ремарке, что Полина «смотрит на него с изумлением» и произносит: «Ты сумасшедший, право сумасшедший!» (т. 2, с. 98). И далее начинается ссора, в которой много авторских ремарок, указывающих на сильный эмоциональный всплеск: «передразнивая его», «держит ее», «хватает ее за платье», «смеется», «почти со слезами», «с чувством», «кричит», «топает ногами», «кричит», «с отчаянием», «рыдает», «почти плача» и вдруг поет песню прокурора Хватайко из комедии В.В. Капниста «Ябеда»: «Бери, большой тут нет науки...» (т. 2, с. 98–99).

В отличие от героев Буткова, обманутых женщиной, Жадов пережил свое «маленькое» сумасшествие, может быть, потому, что постоянно чувствовал ответственность за жену, семью, что для Островского очень важно. И в книге Буткова, и в комедии Островского много пространных рассуждений о роли женщины в жизни мужчины. И в этом тоже перекличка между писателями, а возможно, и полемика, потому что Бутков в этом вопросе ближе к Гоголю.

Появляется в финале «Доходного места» и лубок, как способ выражения комического в народном духе. После того как Вышневецкий и Юсов оказываются под следствием, Юсов заговорил иносказательно: «Судьба все равно, что фортуна... как изображается на картине... Колесо, и на нем люди... Поднимается вверх и опять опускается вниз, возвышается и потом смиряется, превозносится собой о опять ничто... Так все кругообразно» (т. 2, с. 103). А потом декламирует стих, который является подписью к известной лубочной картине под названием «Суeta cует».

Картинность финала характерна и для рассказа Буткова «Первое число», и для комедии Островского «Доходное место». Оба автора используют для этого немую сцену, но у драматургии в этом решении больше возможностей. Комедия Островского заканчивается значительной ремаркой, в которой автор расставляет героев в молчаливых позах и завершает ее словом «картина».

Таким образом, литературные связи между книгой П.Я. Буткова «Петербургские вершины» и комедией А.Н. Островского «Доходное место» очевидны. Сходство обнаруживается и на уровне сюжетно-композиционных структур, и на уровне образных систем. В то же время существенно различие между ними, которое определяется и временем написания, и жанром, и талантом. Проза Буткова могла послужить Островскому литературным «сырьем», которое он использовал для создания оригинальной комедии, наполненной более глубоким смыслом, более значимыми образами, имеющей более сложный драматический конфликт. Это разные способы художественного освоения мира, отражающие в себе общественные и бытовые реалии разных десятилетий XIX века, но имеющие типологические схождения.

Библиографический список

1. *Аверкиев Д.В.* Дневник писателя. – 1886. – № VI. (Цит. по кн.: Ревякин А.И. Искусство драматургии А.Н. Островского, изд. 2-е, испр. и доп. – М., Просвещение, 1974. – С. 334.)
2. *Белинский В.Г.* Взгляд на русскую литературу 1846 года // Белинский В.Г. Полн. собр. соч.: в 13 т. Т. 10. – М.: Издательство Академии наук СССР, 1956. – 474.
3. *Бутков П.Я.* Петербургские вершины // Русский очерк. – М.: Издательство МГУ, 1986. – 544 с.

4. Дружинин А.В. Собр. соч.: в 8 т. Т. 7. – СПб.: Типография императорской академии наук, 1865. – 788 с.

5. Краг Э. Островский и Лесаж // Проблемы современной филологии: сб. ст. к 70-летию акад. В.В. Виноградова. – М.: Наука, 1965. – 476 с.

6. Кулешов В.И. Предисловие // Русский очерк. – М.: Издательство МГУ, 1986. – 544 с.

7. Невежин П.М. Воспоминания об А.Н. Островском // А.Н. Островский в воспоминаниях современников. – М.: Художественная лите-

ратура, 1966. – 632 с.

8. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. Т. 2. – М.: Искусство, 1974. – 808 с.

9. Ревякин А.И. Искусство драматургии А.Н. Островского. – М.: Просвещение, 1974. – 334 с.

10. Толстой Л.Н. Письмо В.П. Боткину // Толстой Л.Н. Полн. собр. соч.: в 90 т. Т. 60. – М.: Художественная литература, 1949. – 560 с.

11. Чернышевский Н.Г. Заметки о журналах // Чернышевский Н.Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. Т. 4. – М.: Гослитиздат. – 984 с.

УДК 821.161.1.09

Сухих Ольга Станиславовна

кандидат филологических наук

Нижегородский государственный университет им. Н.И. Лобачевского
ruslitxx@list.ru

«БЕГСТВО К СВОБОДЕ»: ПРОБЛЕМА СВОБОДЫ В ПОВЕСТИ Л.И. БОРОДИНА «ПРАВИЛА ИГРЫ»

В статье рассматривается творческое осмысление проблемы социальной и духовной свободы в повести Л.И. Бородина «Правила игры».

Ключевые слова: свобода социальная, свобода духовная, конфликт, правозащитная деятельность, правила игры.

В повести Л. Бородина «Правила игры» проблема свободы актуализируется в двух аспектах: духовном и социальном.

Социальный аспект диктуется самой темой повествования: речь идёт о жизни политзаключённого. Главный герой произведения – Юрий Плотников – оказался в лагере по той причине, что свободно высказал неприятие существовавшей в Советском Союзе социальной системы, и семь лет он провёл в заключении. Автор, подобно А.И. Солженицыну в рассказе «Один день Ивана Денисовича», изображает один день из жизни этого человека. В произведении Солженицына день подобен «математической точке», через которую проходят различные «плоскости», то есть изображение одного дня позволяет показать практически все аспекты существования человека. Так же и в повести Л.И. Бородина: здесь и самоощущение заключённого, и система его отношений как с представителями власти, так и с собратьями по несчастью, и работа, и мечты, и любовь, – один день лагеря в целом, «с его страхами и напряжениями, дружбами и противостояниями, благоглупостями и геройствами, хитрованами и донкихотами» [4]. Перед читателями проходит и один день конкретного человека, Юрия Плотникова, – день, в течение которого он успевает почувствовать себя почти свободным и заработать новый срок, влюбиться в чужую жену и вступить в конфликт с прежними товарищами, а главное, осмыслить сложнейшие вопросы философского характера.

Автор повести с самого начала акцентирует внимание на том, что для человека, находящегося в условиях внешней несвободы, характерна обострённая внутренняя жажда свободы, проявляю-

щаяся во сне, в мечте, в воспоминаниях, а значит, живущая глубоко в душе. Закономерно, что таким щемящим лиризмом проникнуты начинающие повесть строки о смутных, радостных и спокойных снах, от которых спящему бывает особенно легко: во сне царят гармония и свобода, и в этом заключается его контраст с реальностью. Не случайно и описание того завораживающего впечатления, которое производит на главного героя вид из чердачного окна, выходящего на лес и реку: Юрий не может оторваться от этого «окна в свободу» и даже чувствует, что способен заплакать, если немного расслабится.

Тема свободы в социальном смысле раскрывается в первую очередь в повествовании о правозащитной деятельности заключённых, которых условно именуют «марксистами» – как людей, интересующихся общественно-политическими и философскими вопросами. Известна точка зрения – её выражал, например, А.И. Солженицын, – что именно в условиях внешней несвободы человек может ощутить наиболее полную внутреннюю свободу. В своём «опыте художественного исследования» «Архипелаг ГУЛАГ» А.И. Солженицын писал, что в заключении велись такие разговоры и читались такие книги, о которых в обычной жизни, на свободе совершенно немыслимо было даже думать. Вспомним в этом контексте и рассуждения толстовского Пьера, который приходит к выводу, что если и можно взять в плен человека и тем самым лишить его внешней свободы, то невозможно ограничить свободу его духа, нельзя взять в плен или запереть в темнице весь тот огромный и неповторимый мир, который существует в душе человека. На первый взгляд, и повесть Л.И. Боро-

дина не противоречит этим суждениям: писатель показывает, что политзаключённые не сломлены, не смирились с насилием над личностью и пытаются бороться за конституционные права, что они готовы и к заключению в карцере, и к голодовкам. Казалось бы, перед нами картина внешней несвободы и духовной свободы одновременно. Но автор видит эту картину и *с другой стороны*. Политзаключённые действительно стремятся даже в лагере отстаивать свою **свободу в смысле социальном** – свободу от любого покушения на права человека, гарантированные конституцией. Как объяснял Юрию старик-заключённый, вся система неволи направлена на то, чтобы внутренне сломать человека, заставить его принять установленные властью «правила игры», *их правила*. Вопреки этому люди не хотят потерять чувство собственного достоинства, стремятся не подчиниться давлению (и в основном политзаключённым это удаётся). Но именно это стремление и загоняет борцов за свободу в рамки определённой линии поведения, **в рамки своих «правил игры»**, которым они уже подчиняются *без всякого внешнего насилия, вполне добровольно*.

По ходу сюжета упоминается типичный по своей сути случай из лагерной жизни: один из заключённых был лишён права получить посылку от родных. Духовный лидер «марксистов» Валерий Осинский по этому поводу организует голодовку политзаключённых, причём, очевидно, такое происходит далеко не в первый раз. С подобной линией поведения безоговорочно соглашается весь круг «крепких» товарищей, в который до сих пор входил и главный герой: «Обычно после такой информации он отвечал коротко:

– Понятно. Голодаем?

– Голодаем, – говорил Осинский и посвящал его в тактику и стратегию предстоящей кампании» [3]. Юрию прежде даже не приходило в голову выяснять суть конфликта и приведших к нему обстоятельств, потому что борьбу за свободу и права человека он воспринимал как *безоговорочный долг*, которому надо следовать вне зависимости от конкретных условий. Однако теперь что-то изменилось в мировосприятии Юрия: возможно, ощущение близости свободы сыграло свою роль (ведь к моменту начала действия Плотникову остаётся месяц до окончания срока заключения, и он уже чувствует себя почти свободным). По словам В. Бондаренко, Л.И. Бородин практически во всех своих произведениях ставит героя в такие условия, которые выбивают его из привычной колеи [2], – так происходит и в данном случае. Главный герой *отступает от «правил игры»*: начинает выяснять, за что же пострадал лишённый посылки заключённый. Ему вдруг приходит в голову, что неплохо было бы, перед тем как присоединиться к голодовке, хотя бы узнать, за что он будет голодать,

за что бороться и что защищать. Он неожиданно для самого себя, неосознанно проявляет стремление принять *свободное решение*, а не просто подчиниться принятым в его кругу «правилам игры». Уже в вопросе «за что?», как он сам понимает, есть нарушение этих принципов, которое может привести к конфликту с прежними товарищами. Однако чувство внутренней свободы в душе главного героя нарастает, и когда Юрий узнаёт, что человек, ставший «жертвой произвола», фактически сам спровоцировал столкновение с оперативником, то следующий его вопрос уже звучит ещё более вызывающе для Осинского:

«– Зачем же он ему нагрубил?

Растерянная улыбка Осинского лучше всего свидетельствовала, что Юрий не просто сбился с правил, но пошел против них. Этого упрямства Юрий от себя не ждал. Способность произносить нечто, чего он не держал в мыслях, возбудила в нем неожиданное любопытство к самому себе» [3].

Весь круг политзаключённых *действует по заведённым раз и навсегда правилам, при этом искренне полагая, что это и есть борьба за свободу*. А главный герой вдруг прекратил подчиняться тому «долгу», который он же сам, подобно другим, себе навязывал прежде. Он неожиданно *перестал вести себя рационально* и ощутил в себе способность сказать «нечто, чего он не держал в мыслях», но что, видимо, подспудно жило в его душе. И как раз в этот момент он утратил взаимопонимание со своим окружением, стал восприниматься как *отступник*.

Те же самые «правила игры», которые установили для себя «марксисты», диктуют им, например, презрительное отношение к лагерному «придурку» Сёмину, и политзаключённые ведут себя с ним крайне пренебрежительно из-за его постоянного самоуничижения, из-за того, что на суде он «раскался в содеянном» и просил помилования. При этом никому даже не приходит в голову, что человек действительно может раскаться в преступлении (тем более что Сёмин был осуждён за убийство, а не за политические лозунги) и что это как раз и есть его *свободный нравственный выбор* и в то же время его вечное наказание, можно сказать раскольниковское.

Установленные «правила игры» предписывают и ненавидеть жену надзирателя Марию, которую в лагере считают воплощением подлости, хотя, как выясняется, это вовсе не соответствует истине. А когда главный герой отступает от правил, то его душа как будто освобождается от скованности, от рационально выработанных рамок поведения, и он полностью отдаётся чувству – любви к женщине, которая кажется ему самой прекрасной в мире, которая дарит ему хотя бы короткое счастье. И дело не только в физической близости, но и в человеческом понимании, в отклике на чужое страдание,

который рождает в душе Юрия ответное переживание – преклонение перед тем «настоящим», перед той истинной красотой, которую он сумел увидеть, освободившись от стереотипа, навязанного общепринятым мнением. Вспыхнувшая в герое любовь становится свидетельством того, что душа его жива и свободна. Не случайно один из исследователей сказал, что в творчестве Л.И. Бородин (как, впрочем, и в традициях русской литературы вообще) «человека при человеческом – высоком, духовном – начале в вечности удерживает не столько “гений мужчины”, сколько “гений женщины”» [5, с. 239].

По ходу действия главный герой рассуждает о том, что человеку становится легче, когда что-либо его «освобождает от необходимости немедленных действий. Пусть лучше тебя к ним вынудят» [3]. И так, легче быть вынужденным к чему-то, чем нести бремя свободы действий. Человеку облегчает жизнь *освобождение от свободы* – вот парадокс, к которому приходит главный герой повести, подобно Э. Фромму, назвавшему своё известное философское сочинение «Бегство от свободы».

Та правозащитная деятельность, которую ведут политзаключённые в лагере, **по форме** своей есть борьба за чувство собственного достоинства, за возможность осознавать себя личностью. Это своего рода *«бегство к свободе»* из страшной лагерной действительности. Однако **по сути** это, как выясняется, *«бегство от свободы»*, шаг в сторону жёстких «правил игры». В итоге получается, что **люди, отстаивая свободу в смысле социальном (конституционные права и т.п.), утрачивают свободу в смысле духовном, причём добровольно.**

Когда же главный герой отступает от правил игры, то это влечёт за собой цепь последствий, которые в конечном счёте приводят к тому, что он становится «чужим среди своих». Это даёт повод оперативнику попытаться его завербовать – следует острейшая реакция со стороны главного героя, и вот он уже готовится отбывать новый срок, вместо того чтобы через месяц выйти на свободу (причём знаменательно то, что Юрий всю ответственность за произошедшее берёт на себя, не обвиняя оперативника и даже понимая его, потому что тот тоже не выходит за пределы своей социальной роли и соблюдает свои «правила игры», – верно написал о Л.И. Бородине П. Басинский, что он «не то чтобы бесстрашный или беспристрастный, но щедрый на человеческое понимание другого мира» [1]).

Л.И. Бородин изображает ситуацию, полную драматизма: **человек, сделавший прорыв к подлинной духовной свободе, в результате утрачи-**

вает надежду на свободу социальную, к которой уже был близок.

Абсолютная свобода как таковая вообще утопична, неосуществима в реальной действительности. Эта мысль выражается не только в повести «Правила игры», но и в других произведениях писателя: вспомним, например, его автобиографическую книгу с «говорящим» названием «Без выбора», где он подчёркивает, «что не видит своей заслуги в принятии определённого судьбою пути, потому что поступал так, как единственно было возможно» [6]. Если человек и находит в себе мужество быть свободным от внешнего давления, то он в любом случае остаётся несвободным по крайней мере от своей совести, которая ему диктует его собственные «правила игры». И если человек от них не отступает, то может выйти «на свободу с чистой совестью» (двойственный смысл этого лозунга раскрывается в философских размышлениях главного героя) – чистой не перед социумом, а перед самим собой. А это означает, что выбор всё же есть. И, как показывает повесть «Правила игры», это прежде всего выбор между свободой социальной и духовной. Автор повести выстраивает сложнейшую диалектику свободы и несвободы, и в конечном счёте получается, что **свобода социальная и духовная не совмещаются**, как это ни парадоксально.

Библиографический список

1. Басинский П. Четвёртая правда Леонида Бородин // Литературная газета. – 2002. – № 17. – С. 7.
2. Бондаренко В. Неожданная проза Леонида Бородин // День литературы. – 1998. – 14 апреля. – С. 7.
3. Бородин Л.И. Правила игры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/lib_b/brdn1igry.php (дата обращения: 10.10.2013).
4. Кузнецов Э. Круг замкнутый, он же заколдованный. Послесловие // Бородин Л.И. Правила игры. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/lib_b/brdn1igry.php (дата обращения: 10.10.2013).
5. Павлов Ю.М. Духовные искания личности в повести «Третья правда» Леонида Бородин // Проблемы духовности в русской литературе и публицистике XVIII–XXI веков: Материалы международной научной конференции. – Ставрополь: Ставропольское книжное издательство, 2006. – С. 175–183.
6. Федченко Н.Л. Проза Л.И. Бородин 90-х – 2000-х годов. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.rummuseum.ru/lib_f/fedch00.php (дата обращения: 25.02.2014).

ОБРАЗ ПРЕПОДОБНОГО СЕРГИЯ РАДОНЕЖСКОГО В ТВОРЧЕСТВЕ А.Н. ОСТРОВСКОГО И Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО

2014 год отмечен важным событием в духовной жизни России – 700-летием со дня рождения преподобного Сергия Радонежского. В статье отмечаются факты обращения А.Н. Островского и Ф.М. Достоевского в своем творчестве к личности святого, который являлся для писателей выразителем духовно-нравственных идеалов русского народа.

Ключевые слова: преподобный Сергей Радонежский, А.Н. Островский, Ф.М. Достоевский, драма, роман, образ, нравственные идеалы.

Отмечая значение преподобного Сергия Радонежского для русской культуры, известный философ-священник Павел Флоренский писал: «Чтобы понять Россию, надо понять Лавру, а чтобы вникнуть в Лавру, должно внимательным взором всмотреться в основателя ее, признанного святым при жизни, “чудного старца, святого Сергия”» [8, с. 355]. Наверное, нет другого святого, чей подвиг был настолько тесно связан с историей не только Русской Церкви, но всей России.

К образу преподобного Сергия Радонежского обращались литераторы и художники разных эпох (Епифаний Премудрый, Б.К. Зайцев, И.С. Шмелев, М.В. Нестеров, Н.К. Рерих). Побывать в обители преподобного Сергия считалось святой обязанностью каждого благочестивого христианина.

Среди писателей XIX века, обращавшихся в своем творчестве к образу преподобного Сергия, были Ф.М. Достоевский и А.Н. Островский. Известно, что оба писателя посещали Лавру. Путь молодого драматурга А.Н. Островского, отправившего впервые из Москвы в Щельково в 1848 году, пролегал через обитель преподобного Сергия, где он соприкасался с ее святынями.

В 1859 году, возвращаясь из сибирской ссылки, Достоевский удлинил маршрут, чтобы взглянуть на Троице-Сергиеву Лавру, памятную ему с детства: «Сергиев монастырь вознаградил нас вполне. 23 года я в нем не был. Что за архитектура, какие памятники, – писал он в письме к А.И. Гейбичу. – Ризница привела нас в изумление... Одежды нескольких веков – работы собственноручные русских цариц и царевен, домашние одежды Ивана Грозного, монеты, старые книги, всевозможные редкости – не вышел бы оттуда» [2, т. 28 кн. 1, с. 362–363]. С житием святого Сергия Достоевский был знаком прежде всего по имевшемуся в его личной библиотеке изданию избранных житий святых – «Четырех Миней». Впечатления от посещения обители преподобного Сергия, знакомство с его жизнеописанием нашли отражение в творчестве обоих великих писателей.

Образ преподобного Сергия появляется у А.Н. Островского в исторической хронике «Козьма Захарыч Минин, Сухорук» (1861 г. – 1 ред.,

1866 г. – 2 ред.). Пьеса представляла часть трилогии, посвященной периоду Смутного времени («Дмитрий Самозванец и Василий Шуйский», «Тушино»). Историческая трилогия изображала Смутное время как страшный тяжелый недуг, как антихристову силу, пытающуюся разрушить основы Святой Руси. Свой замысел А.Н. Островский раскрывал в записке о положении драматического искусства в России: исторические пьесы «развивают народное самопознание и воспитывают сознательную любовь к отечеству <...> Историк передает *что* было: драматический поэт показывает, *как* было, он переносит зрителя на самое место действия и делает его участником события» [7, т. 10, с. 138].

Работая над «Мининым», драматург изучил труды ученых-историков Н.М. Карамзина, С.М. Соловьева, Н.И. Костомарова и решил, что именно преподобный Сергей Радонежский, молитвенник об избавлении от ига первого, татарского, должен появиться в художественной ткани драмы, явиться Минину и проречь ему «Кузьма! Иди спасать Москву! Буди уснувших!» [7, т. 6, с. 62]. По замечанию Ю.В. Лебедева, драматург «показал, что в смутные для России времена народ не бунтовал, не впадал в “вечное бешенство”. Напротив, он, опираясь на свои национальные святыни, восставлял поправленную российскую государственность» [5, с. 203].

Александр Николаевич знал, что Троице-Сергиева Лавра в эпоху Смутного времени была святым оплотом в борьбе с польско-литовско-шведской интервенцией (так, в драматической хронике «Тушино» Царь произносит: «Там Сергиев стоит оплотом твердым» [7, т. 7, с. 144]). Драматург, по видимому, знал, что само явление «Игумена земли Русской» во сне Кузьме Минину имеет историческое обоснование. Так, первоисточником, где описывается видение Преподобного Сергия Козьме Минину, является сказание «О явлении чудотворца Сергия Козьме Минину и о собрании ратных людей для освобождения государства», составленное келарем Троице-Сергиевой обители Симоном Азарыным в 1654 году. Это сказание входило в состав списка 1665 года («О новоявленных чудесах преподобного Сергия»), который к середине XIX века

находился в библиотеке Московской Духовной Академии.

Из сказания Симона Азарьина мы узнаем, что именно заступничество преподобного Сергия принесло победу второму нижегородскому ополчению, для которого Мининым были найдены и полководец (князь Дмитрий Пожарский), и духовное руководство (нижегородский протопоп Дионисий), и пророческое благословение (преподобный Иринарх затворник): «Муж был благочестивый в Нижнем Новгороде именем Козьма Минин, ремеслом мясник, а жив он был благочестивым житием и в целомудрии и прочих добродетелях жизнь свою препроводил. А потому от друзей своих часто отлучался, ибо безмолвие любил, ходя в особый храм, Бога всегда имея в сердце своем. Как-то ему, спящему в храме том, явился чудотворец Сергий, повелевая казну собрать и воинских людей надевать ей, и идти на очищение Московского государства» [6, с. 84]».

А.Н. Островский, как и автор приведенного нами источника, изображает Минина орудием действия Промысла Божия, связанного с видением преподобного Сергия. Помня о благочестии явленного ему святого, исполняя волю Божию, герой не стал претендовать на личное лидерство. Он отдает свои богатства и находит воеводу – князя Пожарского.

Образ преподобного Сергия играет важную роль в композиции хроники. Действие в «Минине» распадается на две части: до видения святого, благословляющего на подвиг, и после него. Благословение, которое произносит преподобный Сергий, придает народному ополчению в драме духовный характер, как и в XIV столетии благословение преподобным русского войска в связи с Куликовской битвой, когда все воины становились не только защитниками Русской Земли, но и мучениками за веру. Если в первой части драмы Минин задается вопросом «быть или не быть?», думая, как ему следует поступить, то после чуда, которого он был удостоен, земский староста нижнего посада уже преображается духовно. Видение угодника Божьего укрепляет Минина в решении, и в репликах, преображающихся в развернутые монологи, появляется твердость, призывающая народ на ополчение: «Ждать нечего, пойдемте умирать / За Русь святую! Сходим к воеводе, / Челом ударим, чтобы вел к Москве; / А не пойдет, так выберем другого. / Мне ждать нельзя. Мне Бог велел идти. / Смотрите на меня! Теперь не свой я, / А Божий» [7, т. 6, с. 61].

Минин оказывается не просто избранным защитником Руси, но и достойным этого выбора, избранным чадом преподобного Сергия. Своей благочестивой жизнью, о которой мы узнаем из содержания драмы, Минин следует завету святого, который поучал: «Внимайте себе, братие, всех молю: прежде имейте страх Божий и чистоту ду-

шевную и любовь нелицемерную; к сим и страннолюбие, и смирение с покорением, пост и молитву. Пища и питье в меру; чести и славы не любите, паче же всего бойтесь и поминайте час смертный и второе пришествие» [3, с. 16]. Продолжением этого завета звучит призыв в грамоте из Сергиева монастыря, которую читают в доме воеводы.

Наряду с образом преподобного Сергия, играющим ключевую роль в кульминационной части драматической хроники, незримо участвует в событиях Смутного времени и другой святой – священномученик Ермоген, Патриарх Московский и всея Руси, находящийся в заточении и призывающий народ не покоряться полякам. В подвиге святого мученика несомненна связь с преподобным Сергием, который молитвенным подвигом защищал Русь во время Куликовской битвы. Освобождение России, за которое с таким несокрушимым мужеством стояли в разное время преподобный Сергий и священномученик Ермоген, успешно завершилось русским народом благодаря их предстательству.

Образ преподобного Сергия Радонежского является носителем и выразителем высоких религиозных нравственных идеалов в драме А.Н. Островского «Козьма Захарьич Минин, Сухорук». Так охарактеризовал в «Дневнике писателя» 1876 г. образ святого Ф.М. Достоевский, рассуждая об исторических идеалах народа, которые «сильны и святы, и они-то спасли его в века мучений» [2, т. 22, с. 43]. Личность преподобного Сергия привлекала писателя своей исторической масштабностью.

Исследователи не раз отмечали связь образа старца Зосимы, героя романа «Братья Карамазовы», со святыми Феодосием Печерским, Нилом Сорским, Тихоном Задонским, Амвросием Оптинским. К перечисленным канонизированным святым можно также отнести и преподобного Сергия Радонежского. Так, в письме к Н.А. Любимову от 7(19) августа 1879 г. Достоевский разъясняет смысл посылаемой шестой книги романа «Братья Карамазовы» «Русский инок», называя ее «кульминационной точкой романа». Говоря о старце Зосиме, писатель отмечает: «Взял я лицо и фигуру из древле-русских иноков и святителей: при глубоком смирении надежды беспредельные, наивные о будущем России, о нравственном и даже политическом ее предназначении. Св. Сергий, Петр и Алексий митрополиты разве не имели всегда, в этом смысле, Россию в виду?» [2, т. 30 кн. 1, с. 102].

Интерес Ф.М. Достоевского к личностям конкретных святых связан с поиском писателем образа «идеального христианина». Идея о христианском братстве, вложенная в уста старца Зосимы, перекликается с духовным завещанием преподобного Сергия о народном единстве. Герой романа Ф.М. Достоевского пророчески возвещает, что «смиранные и кроткие постники и молчалиники

восстанут и пойдут на великое дело. От народа спасение Руси. Русский же монастырь искони был с народом» [2, т. 14, с. 285]. Приведенная цитата о «смиранных и кротких постниках и молчальниках», восставших на «великое дело», может быть отнесена как раз к преподобному Сергию Радонежскому, благословившему князя Дмитрия Донского на Куликовскую битву и явившемуся во сне Минину с призывом собирать народное ополчение.

Н.Ф. Буданова в статье «Достоевский и преподобный Сергей Радонежский» отмечает еще одну художественную деталь, связывающую роман «Братья Карамазовы» со святым Сергием: «...В главе “Великий инквизитор” Иван Карамазов упоминает, что “к иным праведникам, по жизнеописанию их, сходила сама Царица Небесная”. Здесь речь идет об известном из житий Сергия Радонежского видении ему (первому из русских святых) Божьей Матери» [1, с. 201]. Заметим, что, согласно летописным источникам, не в сонном видении, а наяву удостоен был видеть Божию Матерь преподобный Сергей, и это было венцом его подвигов в земной жизни. Наряду с этим, в «Житии старца Зосимы», составленном Алешей Карамазовым, обнаруживается эпизод из «Жития» Сергия Радонежского, когда Зосима рассказывает о том, как «приходил раз медведь к великому святому, спасавшемуся в лесу, в малой келейке <...> и отошел свирепый зверь послушно и кротко, вреда не сделав» [2, т. 14, с. 268]. Преподобному Сергию, который смиренно предавал себя воле Господа, повинувались и все твари земные, видя в нем образ Божий. Своим пустынным подвигом и последующим основанием Лавры святой во всей полноте исполнил заповеди о любви к Богу и ближним. Для праведников Ф.М. Достоевского, как и для самого писателя, христианский идеал любви выражен в предельно простой Евангельской заповеди о любви к ближнему, которую произносит Зосима: «Любите всё создание Божие, и целое и каждую песчинку. Каждый листик, каждый луч Божий любите. Любите животных, любите растения, любите всякую вещь. Будешь любить всякую вещь и тайну Божию постигнешь в вещах» [2, т. 14, с. 289].

Итак, в творчестве Ф.М. Достоевского и А.Н. Островского мы обнаруживаем обращение к образу преподобного Сергия, великого молитвенника, смиренного чудотворца и печальника земли Русской.

В 1892 году современник А.Н. Островского и Ф.М. Достоевского известный историк В.О. Ключевский произнес речь на торжественном собрании Московской Духовной академии, посвященном 500-летию памяти преподобного Сергия. Эти слова как будто сказаны от лица всех представителей XIX столетия и последующих поколений: «...Каждый из нас в своей собственной душе найдет то же общее чувство, стоя у гробницы преподобного. У этого чувства уже нет истории, как для того, кто покоится в этой гробнице, давно остановилось движение времени. Это чувство вот уже пять столетий одинаково загорается в душе молящегося у этой гробницы, как солнечный луч в продолжение тысячелетий одинаково светится в чистой капле воды» [4, с. 94–95].

Для Ф.М. Достоевского, как и для А.Н. Островского, преподобный Сергей Радонежский являлся носителем исторического идеала русского народа, духовным вождем России, святым, который объединял народ силой своего слова и Духа, примером подвижнической жизни.

Библиографический список

1. Буданова Н. Ф. Достоевский и преподобный Сергей Радонежский // Достоевский: мат. и иссл. Т. 14. – СПб.: Наука, 1997. – С. 195–201.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. – Л.: Наука, 1972–1990.
3. Житие и подвиги Преподобного Сергия, Игумена Радонежского и всея России Чудотворца, составлено архимандритом Никоном // Сб. святоотеческих изречений и поучений. Ч. 1. – Мюнхен, 1991. – С. 11–28.
4. Ключевский В.О. Значение преподобного Сергия Радонежского для русского народа и государства // Исторические портреты. Деятели исторической мысли. – М.: Правда, 1991. – С. 94–106.
5. Лебедев Ю.В. О национальном своеобразии драматургии А.Н. Островского // Православная традиция в русской литературе XIX века. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2010. – С. 190–208.
6. Неизвестные чудеса преподобного Сергия. – М.: Православный приход Храма казанской иконы Божией Матери в Ясенево, 2001. – 288 с.
7. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 12 т. – М.: Искусство, 1973–1980.
8. Флоренский П.А. Сочинения: в 4 т. Т. 2. – М.: Мысль, 1996. – 877 с.

СТРУКТУРА ДРАМАТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ
(опыт прочтения драмы А.Н. Островского «Гроза»)*

Статья посвящена анализу структуры драматического произведения на примере драмы А. Н. Островского «Гроза», которая выстраивается как художественное целое посредством всякого рода контрастов (нравственных, психологических, бытовых и т.п.), достигающих философского уровня.

Ключевые слова: структура, конфликты, характеры, любовь и долг, судьба, катастрофа, трагедия рока.

Структура художественного произведения определяется В.Е. Хализевым как «соотношение элементов сложно организованного предмета» [5, с. 192]. «Литературоведческая спецификация понятия структуры», — утверждает Б.О. Корман, — это «композиция» [1, с. 265], то есть реализация плана создания, разработанного автором. Посредством выстраивания структуры произведения осуществляется авторский замысел. В драматических произведениях авторское сознание проявляется сложнее и более опосредованно, чем в эпических и лирических. «В драме есть два основных способа выражения авторского сознания: словесный и сюжетно-композиционный», — пишет Б.О. Корман. — Автор может передавать свою позицию: 1) через расположение и соотношение частей и 2) через речи действующих лиц» [1, с. 106]. Расположение и соотношение частей произведения и составляют его структуру, или сюжетно-композиционное целое.

Одна из существенных форм присутствия автора в драматическом произведении — авторские ремарки. В «Грозе» уже в перечне действующих лиц имеет место примечание: «Все лица, кроме Бориса, одеты по-русски» [4, с. 210]. Это указывает на соотношение характеров в пьесе. Зачин первого действия, происходящего на берегу Волги на фоне прекрасной природы, с исполнением Кулигиным песни на слова А.Ф. Мерзлякова «Среди долины ровныя...» явно символизирует эпическую широту и драматизм всех последующих событий. Песня может служить своеобразным эпиграфом к драме и лейтмотивом всего сюжета: в ней речь идёт о страданиях оказавшегося на чужбине «молодца», возлюбленная которого уж «спит в сырой земле». Это явное предсказание будущего Бориса и Катерины.

Вся характерология «Грозы» строится на контрастах. Нет не только единомышленников, но даже сколько-нибудь согласных между собой персонажей. Как выясняется по ходу действия, это относится и к Катерине с Борисом, которых объединяет любовная страсть, но отнюдь не взаимопонимание. В начале первого действия этот контраст мнений (можно даже сказать — жизненных пози-

ций) подчёркнут взаимным непониманием между Кулигиным и Кудряшом в отношении к природе и к людям: на реплику разбитного, бойкого парня по поводу Дикого («Я грубиян считаюсь <...> перед ним рабствовать не стану») Кулигин отвечает: «Лучше уж стерпеть» [4, с. 212].

Подобное непонимание друг друга в дальнейшем проявляется почти во всех диалогах, например Дикого с Борисом и Кулигиным, причём два последних, в отличие от Дикого, подчёркнуто спокойны и вежливы. Вообще контрасты в речах и в поведении персонажей становятся одним из ведущих показателей сложности взаимоотношений калиновских обывателей. С самого начала заявлен мотив неблагополучия, обещающий в будущем катастрофу. Драматизмом существования проникнуты и дидактические, обличительные речи Кулигина, и признания Бориса. На этом фоне некоторым диссонансом представляются сцены с Диким, которые воспринимаются иронически и с юмором даже самими калиновцами («Воин!» — говорят о Диком Шапкин и Кудряш, а про историю с гусаром: «Что смеху-то было!») [4, с. 215]. Да и сам Дикой подчас с некоторым сожалением и чуть ли не с раскаянием признаётся в своих поступках.

Композиция, основанная на контрастах, чётко прослеживается во всех действиях и эпизодах «Грозы». После обличительных слов Кулигина о «жестоких нравах» Калинова вдруг звучит речь Феклуши: «Бла-алепие, милая, бла-алепие! Красота дивная <...>. В обетованной земле живёте! И купечество всё народ благочестивый» [4, с. 216]. Далее, при упоминании Кабановых Борис насторожился, а Кулигин откликнулся: «Ханжа, сударь...» [4, с. 217]. Так возникает первый намёк на будущую основную интригу пьесы. Борис сам себе признаётся, что «сдуру-то влюбляться вздумал», в то время как Кулигин продолжает свою линию: как бы «деньжонками раздобыться». Борис на это реагирует: «Мечтает себе и счастлив!» [4, с. 217]. Так и вспоминается будущее чеховское «А этот всё своё!» (Симеонов-Пищик в «Вишнёвом саде»). Сюжетная ситуация у Островского явно предвещает будущие чеховские мотивы разобщённости и взаимного непонимания персонажей.

* Публикация подготовлена в рамках поддержанного РГНФ научного проекта № 13-04-00113.

С появлением на сцене семейства Кабановых намечается завязка конфликта. Марфа Игнатьевна даёт наставления Тихону перед его поездкой в Москву. Интрига закручивается словами Кабанихи, как будто предчувствующей беду. В её словах звучит недоверие по отношению к Катерине и предостережение: «Хоть любовника заводи!» [4, с. 220]. Катерина явно отличается от других людей, с кем привыкла иметь дело Кабаниха, непонятна ей и поэтому вызывает подозрения. Характерно, что Тихон обращается к матери почтительно на «вы», а Катерина говорит ей «ты», как было принято в русских патриархальных семьях, тем самым демонстрируя некоторую независимость при внешней почтительности. В этом же эпизоде проявляется и взаимное непонимание Катерины с Тихоном.

Драматическая интрига пьесы продолжает усложняться: в диалоге Катерины с Варварой чувствуется её беспокойство и пока не совсем понятное волнение. Со своим возгласом «Отчего люди не летают?» она становится как будто «не от мира сего», напоминая героиню более поздней одноимённой пьесы Островского. Исповедь Катерины, рассказ о жизни в родительском доме словно переносят её в другой мир, а воспоминание о молитвенном настроении, о видениях и «невидимых голосах» [4, с. 222] символизирует рай («ангелы летают»), явно противостоящий той реальности, в которой пребывает героиня.

Катерина как будто предчувствует будущую катастрофу: «Точно я стою над пропастью и меня кто-то туда толкает, а удержаться мне не за что». Она уже и молиться, как прежде, не может: «Языком лепечу слова, а на уме совсем не то: точно мне лукавый в уши шепчет, да всё про такие дела нехорошие» [4, с. 223]. Исповедь Катерины потрясает своей искренностью и драматизмом – греховное чувство любви навевает настроение, противоположное былому поэтическому, светлому религиозному состоянию. Героиня не понимает, что с ней («Мечта какая-то»), но явно испытывает томление души и тела – и уже не «райские деревья и горы» снятся ей, а объятия, как догадывается Варвара, не с мужем [4, с. 223, 224].

Варвара по-человечески, по-женски сочувствует Катерине, но понять её страдания она не в состоянии: «А что за охота сохнуть-то!» [4, с. 224]. Катерина остаётся в одиночестве со своими переживаниями и метаниями. Ситуация обостряется с внезапным появлением сумасшедшей барыни, предсказание которой усугубляет душевное состояние Катерины, совсем потерявшей от страха, который усиливается ещё и в связи с приближающейся грозой.

Художественная структура «Грозы» достаточно прозрачна. В драме нет никакой тайной интриги, конфликтная ситуация развивается и раскрывается последовательно и открыто. Пьеса написана

явно для не очень искушённого зрителя, которого автор не утомляет необходимостью разгадывать возможную сюжетную тайну. Главный интерес драмы – в глубоком раскрытии характеров, в создании психологического и нравственного ощущения катастрофичности бытия. Это ощущение создаётся уже в первом действии и углубляется в дальнейшем.

Контрастные мотивы периодически повторяются в сюжете «Грозы». Кулигин с восторгом рассуждает о прекрасной природе – и вслед за этим о жестоких нравах обывателей Калинова. Катерина жизнь до замужества вспоминается как сказочная райская идиллия, явно мифологизируется по сравнению с жизнью в семье Кабановых, которая стала для неё сущим адом. Всё усиливающееся любовное влечение к Борису не может заглушить предчувствие беды, поскольку это влечение Катерина воспринимает как грех, как соблазн нечистой силы, которой она не в состоянии противиться.

После драматического финала первого действия начало второго кажется достаточно спокойным и будничным: Глаша собирает в дорогу вещи Тихона и мирно беседует со странницей Феклушей. Однако автор не позволяет зрителю (или читателю) ни на минуту забыть основную интригу пьесы: упоминание об отъезде Тихона наводит на мысль о том, что некоторое время Катерина будет относительно свободна, следовательно, открыта для соблазна. Разговор Глаши с Феклушей ведётся в другой тональности, слегка комической: о дальних землях, о нравах, о людях с пёсыми головами и т. п. Глаша всему верит: «Ещё хорошо, что добрые люди есть; нет, нет да и услышишь, что на белом свету делается; а то бы так дураками и померли» [4, с. 227].

Подобные сценические сбои и даже противоречия в настроении – от драматизма к почти комическим ситуациям – характерны для «Грозы». Автор пьесы наряду с постоянными напоминаниями об основной интриге как будто даёт возможность зрителю отвлечься от тягостных впечатлений, передохнуть душой. Это одна из основных структурных особенностей драмы.

После несколько скрасившей драматизм событий сцены Глаши с Феклушей по контрасту следует основная сцена второго действия – исповедь Катерины, где она признаётся Варваре в любви к Борису. В словах Катерины проявляется целая гамма чувств, демонстрирующая глубину её натуры. Здесь и откровение, и сомнение, и решимость, и покаяние. На всё это здравомыслящая Варвара отвечает: «Ты какая-то мудрёная, бог с тобой! А по-моему: делай, что хочешь, только бы шито да крыто было» [4, с. 229]. При всём сочувствии Катерине Варвара не может понять её состояния и глубины её характера, равно как и Катерина не принимает её морали.

В то же время сюжетная интрига пьесы – независимо от желания и настроения Катерины – про-

должна раскручиваться. Главная героиня драмы, находящаяся в центре сюжетной коллизии и более всех страдающая, сама достаточно пассивна и ничего не предпринимает ни в свою защиту, ни для достижения какой-либо цели. Катерина лишь подчиняется обстоятельствам, которые явно сильнее её. Вот и в диалоге с Варварой, выслушав её предложение в отсутствие мужа ночевать в саду, в беседе, реагирует на это, не отказываясь и не соглашаясь: «*Катерина (смотря на неё)*. Зачем же тебе нужно? *Варвара (смеётся)*. Будем там ворожить с тобой. *Катерина*. Шутишь, должно быть? *Варвара*. Известно, шучу<...>. *Молчание*» [4, с. 230]. «Гроза» становится своего рода трагедией рока. Рок довлеет не только над Катериной. Практически все персонажи пьесы как будто ощущают катастрофичность своего бытия и цепляются за хотя бы видимость былого, в котором грезится нечто коренное, надёжное. Из всех сил держится за традиции Кабаниха, её навязчивые наставления – не блажь, а отчаянная попытка сохранить то, что, в её представлении, оставалось единственно правильным образом жизни.

Сама же Кабаниха невольно подталкивает Катерину к измене мужу, когда унижает её, заставляя Тихона давать жене наставления перед отъездом. При этом она по-прежнему подозревает, что Катерина способна на измену: слишком та необычно себя ведёт. А Катерина уже сама себя боится, умоляя Тихона не оставлять её одну. К переживаниям Катерины остаются глухи и муж, и свекровь, которая продолжает её тиранить и после отъезда Тихона. Ситуация в семье Кабановых складывается таким образом, словно все провоцируют Катерину на грех, а Варвара откровенно её к этому подталкивает. Второе действие «Грозы» заканчивается капитуляцией героини. После очередного монолога с выражением страдания и сомнения Катерина решается воспользоваться ключом от садовой калитки, который дала её Варвара: «Кабы не свекровь!.. Сокрушила она меня <...>. Видно, сама судьба того хочет! <...> Будь что будет, а я Бориса увижу!» [4, с. 235].

Структура «Грозы» выстраивается таким образом, что каждое действие начинается на достаточно спокойной ноте, далее ситуация усложняется, что приводит к обострению драматизма к концу действия. Так и в третьем действии, начинающемся разговором Феклуши с Кабанихой, жизнь обывателей Калинова представляется как «рай и тишина», в то время как в других городах «Содом», «суета», в Москве «гульбища да игрища», «огненного змия стали запрягать» [4, с. 237]. Опять перед нами контрастное восприятие жизни: то, что Катерина воспринимает как нестерпимый ад, для Феклуши в Калинове – уголок рая, окружённый какой-то бесовщиной. И в её пророчестве и предостережении Кабанихе звучат апокалиптические прогнозы:

«Последние времена, матушка Марфа Игнатьевна <...>, по всем приметам последние» [4, с. 237]. Кабаниха, соглашаясь с Феклушей, явно предсказывает (возможно, даже предвидит) скорое будущее, то, что случится в её семье.

Вслед за этим является Дикой, который явно утомлён собственным самодурством и склонен к примирению. Он обращается к Кабанихе: «А вот что: разговори меня, чтобы у меня сердце прошло» [4, с. 239]. При этом Дикой признаётся, что в своём поведении он чаще всего неправ, но не способен себя сдерживать. Общее настроение неблагополучия, сознаваемое участниками этих диалогов, сохраняется. Появляется Борис – и сюжетная ситуация возобновляется. Оказавшись возле дома Кабановых, он думает о том, чтобы увидеть Катерину: «Только сердце надрывается. Да и с собой-то не сладишь никак <...>» [4, с. 241]. И как эхо, Борису вторит выполняющий свою функцию резонёра Кулигин, характеризуя быт калиновцев: «И что, сударь, за этими замками разврату тёмного да пьянства! И всё шито да крыто – никто ничего не видит и не знает...» [4, с. 242]. Эта характеристика – явный контраст тому, как отозвалась о жизни города Феклуша. Структура «Грозы» выстраивается волнообразно, посредством всякого рода контрастов. Подобная композиция расширяет художественную картину бытия, придаёт ей сложный эпический масштаб и создаёт многоголосие характеров в их своеобразном контрапунктном соотношении. Справедливо отмечает И.А. Овчинина: «Жизнь в “Грозе” представлена в слиянии бытового с надбытовым, волжского простора – с теснотой интерьера <...>, религиозности – с греховностью <...>» [3, с. 105], то есть во всей её противоречивости.

После разговора Бориса с Кулигиным о нравах Калинова снова обостряется интрига: Варвара зовёт Бориса вечером в овраг, причём он пока не догадывается, зачем, хотя зритель и читатель всё уже понял.

Третье, центральное действие «Грозы» поделено на две самостоятельные сцены. Это как будто две части кульминационной вершины: в первой ожидание и свершение надежды, хотя этому свершению опять предшествует предостережение – открывающая сцену песня Кудряша про донского казака, который «Думу думает, как будет жену губить» [4, с. 243]. Островский не позволяет ни одному содержательному мотиву драмы, какова бы ни была его значимость, развиваться напрямую, последовательно. Прежде чем Борис наконец встретится с Катериной, у него состоялся достаточно резкий разговор с Кудряшом. Этот диалог не имеет непосредственного отношения к основной интриге пьесы, но здесь определяется различие характеров и поведения двух молодых людей, представляющих разные типы культуры – явно в пользу более цивилизованного Бориса. Кудряш независимый

и по природе незлой человек, но лишённый духовной глубины: в отношении к Варваре он грубоват, без намёка на ласку. У Бориса же чувства так и кипят. В ожидании Катерины он восклицает: «Я с ума сойду от радости», на что лишённый эмоций и здравомыслящий Кудряш отвечает: «Вота! Есть от чего с ума сходить! Только вы смотрите – себе хлопот не наделайте, да и её-то в беду не введите!» [4, с. 245–246]. Для Бориса Катерина сродни ангелу: «Какая у ней на лице улыбка ангельская, а от лица-то как будто светится» [4, с. 245]. Кудряш же уверен, что всё позволено, ни о каком грехе он не помышляет.

Далее следует потрясающая по эмоциональному накалу сцена объяснения между Борисом и Катериной, причём настроение у них различно: Борис вне себя от радости, старается успокоить взволнованную и напуганную самой ситуацией преступного, по её мнению, свидания Катерину. Она не может преодолеть чувства вины и греха и называет Бориса «погубителем»: «Ведь я замужем, ведь мне с мужем жить до гробовой доски <...>. Нет у меня воли. Кабы была у меня своя воля, не пришла бы я к тебе. *(Поднимает глаза и смотрит на Бориса. Небольшое молчание.)* Твоя теперь воля надо мной, разве ты не видишь! *(Кидается к нему на шею)*» [4, с. 247]. Катерина по-прежнему не вольна в своих поступках, фатальное любовное влечение сильнее разума и чувства виновности. И вполне естественным оказывается у героини не радость от встречи с любимым и ощущения взаимности, но предчувствие будущей катастрофы: «Теперь мне умереть вдруг захотелось! <...> Нет, мне не жить!» [4, с. 247].

Катерина чувствует жертвенность своего поведения и положения: «Не жалею, губи меня! Пусть все знают, пусть все видят, что я делаю. *(Обнимает Бориса)*» [4, с. 248]. Вся сцена свидания построена, как и вся пьеса, на контрастах: нет гармонии и ощущения счастья в отношениях Бориса и Катерины, несмотря на несомненное взаимное влечение. Глубина и искренность их чувств явно контрастируют со взаимоотношениями Варвары и Кудряша, для которых тайные встречи – не более чем развлечение. Впечатление холодности в отношениях Варвары и Кудряша несколько смягчается тем фактом, что они, рассудительно обсуждающие, как удачно придумано свидание в овраге, на прощание обмениваются любовными песнями.

Нравственное напряжение, связанное с состоянием главной героини «Грозы», нарастает и в четвёртом действии: опять возникает мотив грозы в природе и, более того, «геенны огненной» на фреске под сводами развалин. Автор не ограничивается напоминанием о драматической атмосфере, в которой оказалась жизнь города Калинова, а переводит ситуацию почти в комический план: с мнением обывателей о том, что Литва «на нас с неба упала» [4, с. 251]. Вновь, как будто в ка-

честве некоторой разрядки напряжения, диалог Дикого с Кулигиным, в котором последний опять про своё: нужны деньги для устройства солнечных часов и громоотвода. И здесь звучит предупреждение Дикого, по существу напоминание об основной интриге пьесы: «Гроза-то нам в наказание посылается, чтобы мы чувствовали <...>» [4, с. 253]. Это созвучно настроению Катерины, про которую тут же сообщается, что она «чудная какая-то» стала, переживает сильно, тем более что неожиданно вернулся Тихон.

Фактически всё четвёртое действие «Грозы» протекает под знаком этого атмосферного явления, становящегося символом приближающейся катастрофы. Психологический надрыв, заставивший Катерину признаться в измене мужу и покаяться, обусловлен не только внутренним конфликтом в душе героини, но и внешними обстоятельствами: новым появлением барыни, увидев которую Катерина «с криком прячется», а та пророчит: «В омут лучше с красотой-то»; наконец, ужасом при виде на стене картины «геенны огненной» [4, с. 258]. Заканчивается четвёртое действие пьесы резонёрским, дидактическим выводом Кабанихи: «Что, сынок! Куда воля-то ведёт <...>. Вот и дождался!» [4, с. 258]. Подобная нарочитая дидактика характерна для народной драмы, жанровые признаки которой проявляются во всём: в характерах персонажей, в бытовых картинах, в поэтических сценах, словом, во всей структуре пьесы.

В пятом, заключительном действии «Грозы», как и полагается в драме, интрига развивается по ниспадающей и в то же время приближается развязка – катастрофа не только семейного или личного плана, но и бытийного. Начинается действие песней Кулигина «Ночною темнотою покрылись небеса...» на слова М.В. Ломоносова. Вспомним финал этого стихотворения: Купидон стреляет в грудь героя со словами: «Мой лук ещё годится, И цел и с тетивой; Ты будешь век крушиться Отнынь, хозяин мой» [2, с. 272]. Это стихи о силе и драматизме любви. С первых сцен этого действия мы оказываемся в атмосфере общего неблагополучия. Эта тональность заявлена в первой же фразе Тихона: «Вся <...> семья в расстройство пришла». И далее он же: «Уж что жена против меня сделала! Уж хуже нельзя! <...> Убить её за это мало». И в то же время: «А я её люблю, мне её жаль пальцем тронуть» [4, с. 359]. Перед нами конфликт и в душе Тихона, который сознаёт, что в семейной драме виновна его мать. Он даже с пониманием относится к переживаниям Бориса, хотя и называет его своим врагом.

Информация о семейной драме Кабановых накапливается. Сначала Тихон сообщает, что Варвара не стерпела тиранства матери и сбежала, затем Глаша появляется со словами о том, что исчезла Катерина. И опять Тихон сострадает Катерине:

«На неё-то глядя, сердце рвётся» [4, с. 261]. Это характерное для народного сознания чувство: страдая, сострадать ближнему не меньше, чем себе. То же чувствует Катерина, появившаяся во втором явлении: она жалеет не столько себя, сколько Бориса: «Что-то он теперь, бедный, делает? Мне только проститься с ним, а там... а там хоть умирать. За что я его в беду ввела?» [4, с. 261]. Тут снова возникает мотив смерти, который неоднократно появлялся в пьесе прежде, а в последнем монологе Катерины стал основным. Тоскующая и страдающая Катерина, как будто мысленно прощаясь с Борисом, восклицает: «Радость моя! жизнь моя, душа моя, люблю тебя! Откликнись! *(Плачет)*» [4, с. 262].

Островский в финальных сценах драмы для эмоционального впечатления использовал явно театральные эффекты: на последнюю прощальную фразу Катерины неожиданно действительно откликается Борис, происходит трогательная сцена – последняя встреча и прощание героев. С одной стороны, Катерина страдает: «На беду я увидела тебя. Радости видела мало, а горя-то, горя-то что!» [4, с. 263], однако переживает больше за Бориса. Борис тоже очень переживает и чувствует, что с Катериной что-то может случиться: «Катя! <...> Не задумала ли ты чего? Измучусь я дорогой-то, думавши о тебе». Характерна его последняя реплика: «*(Рыдая)*. Ну, бог с тобой! Только одного и надо у бога просить, чтоб она умерла поскорее, чтоб ей не мучиться долго! Прощай! *(Кланяется)*» [4, с. 264]. Настроение и реакция на всё происходящее у Катерины и Бориса различны. Катерина желает лишь добра любимому человеку, Борис же сознаёт, что смерть для неё теперь была бы облегчением. Психологически, духовно они остаются разными, что обусловлено разным уровнем духовной культуры. Гармонии взаимопонимания нет даже между искренне любящими друг друга персонажами «Грозы». Катерина после прощания с Борисом чувствует, что ей незачем и невозможно дальше жить, и как будто стремится уйти в природу, в могилу: «Так тихо, так хорошо! Мне как будто легче! А об жизни и думать не хочется <...>». И последние её предсмертные слова – Борис: «Друг мой! Радость моя! Прощай!» [4, с. 265].

Этой трагической и в то же время эффектной сценой можно было бы закончить пьесу, но автор придаёт финалу дополнительный эмоциональный

аккорд: Кулигин выносит на сцену тело утонувшей Катерины со словами: «Вот вам ваша Катерина. Делайте с ней, что хотите. Тело её здесь, возьмите его; а душа теперь не ваша; она теперь перед судьёй, который милосерднее вас» [4, с. 267]. Катастрофа свершилась не только над Катериной и семьёй Кабановых, потрясён весь город Калинов, пошатнулся авторитет Кабанихи, о чём свидетельствуют обвинения в её адрес, высказанные Тихоном. Своего рода катарсисом служит заключительная фраза Тихона: «Хорошо тебе, Катя! А я-то зачем остался жить на свете да мучиться! *(Падает на труп жены)*» [4, с. 267]. В этих словах – страдание, сожаление, прощание – и прощение.

Вся структура «Грозы» выстроена таким образом, чтобы разными средствами постепенно и последовательно проследить основную интригу драмы, что способствует превращению её в трагедию рока: как приговорённая, фатально, под влиянием страсти Катерина приближается к своей гибели, собственной судьбой демонстрируя кризисное состояние бытия. Важнейшим композиционным приёмом становится контраст – характеров, ситуаций, поступков, формирующий противостояние и непонимание, разрушение цельности жизни. Это прежде всего конфликт в душе Катерины: сознание греха и непреодолимость любовного влечения; а также конфликт образованности и невежества, высокой духовности с бездуховностью, нравственности с неизбежным моральным компромиссом, драматических сцен с другими, содержащими элементы комического, наконец, достигающее философского уровня противостояние мотивов рая (золотой век детства Катерины, когда вышивали «золотом по бархату») с адом реального быта.

Библиографический список

1. Корман Б.О. Теория литературы. – Ижевск: УГУ, 2006. – 550 с.
2. Ломоносов М.В. Избранные произведения. – М.; Л.: Советский писатель, 1965. – 579 с.
3. Овчинина И.А. А.Н. Островский. Этапы творчества. – М.: Энциклопедия сёл и деревень, 1999. – 220 с.
4. Островский А.Н. Полн. собр. соч.: в 16 т. – М.: ГИХЛ, 1950–1953. – Т. 2. – 407 с.
5. Хализев В.Е. Теория литературы. – М.: Высшая школа, 2002. – 437 с.

«КАРАГАНДИНСКИЕ ДЕВЯТИНЫ, ИЛИ ПОВЕСТЬ ПОСЛЕДНИХ ДНЕЙ» ОЛЕГА ПАВЛОВА: МЕТАФИЗИКА ХУДОЖЕСТВЕННОГО ПРОСТРАНСТВА (СТАТЬЯ ВТОРАЯ)

В статье рассматриваются некоторые особенности художественно-метафизического пространства повести «Карагандинские девятины» О. Павлова (2001).

Ключевые слова: О. Павлов, «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней», заголовочный комплекс, образ, символ, хронотоп, художественная метафизика, экзистенциальные и онтологические мотивы.

Как уже показал начальный анализ «Карагандинских девятины, или Повести последних дней» О. Павлова, в произведении заметны черты, сближающее его с жанром притчи в её параболической модификации [2]: соединение предметной сюжетности с символической образностью, изоморфность «предметного, ситуативного» «символическому, иносказательно-му плану» (Т.Ф. Приходько) [3, с. 267]; отсутствие последовательно-цельных описаний – «работает» исключительно деталь, играющая онтологически или экзистенциально значимую роль в общем иносказательно-символическом дискурсе; герои предстают не только объектами художественного наблюдения, но и «субъектами этического выбора» (С.С. Аверинцев) [3, с. 305]; и, наконец, далёкая от постмодернистски индифферентной позиция автора, склонного к созданию художественно-метафизической картины, в которой смысловые акценты расставлены чётко, порой дидактически. Не случайно Е. Ермолин назвал «Девятины» «притчей о пути человека и об итоге этого пути на пограничье жизни и смерти, смерти и вечности» [1] (здесь и далее курсив наш. – А.К.). Обратимся к ключевым образам и мотивам повести, чтобы подтвердить подобное предположение.

Образ Караганды настойчиво приобретает во всей трилогии Павлова («Казённая сказка» – «Дело Матюшина» – «Карагандинские девятины»), и в «Девятинах» в особенности, характер многомерного образа – символа земного бытия. При этом в первом же, занимающем семантически сильную позицию абзаце произведения он сопрягается с экзистенциально-онтологическим лейтмотивом пути, конкретизированным мотивом плавания. В русской классической литературной традиции метафора «жизнь-океан» не однажды символизирует одиночество и богооставленность человеческой души в окружающем его враждебном мире. Таково печоринское уподобление себя в дневниковых записях моряку, выброшенному на берег; такова каморка Раскольниковова, напоминающая порою каюту корабля.

Однако смысловой акцент в повести Павлова сделан не на экзистенциальном ракурсе, связанном

с психологическими коллизиями в душе героя, а на онтологическом – вселенских темноте-хаосе и холоде окружающего человека мира (кстати, первая глава произведения носит название «Бытие»). Подобного рода космический пейзаж мы встречаем у Ф.И. Тютчева, например, в известном стихотворении «Как океан объемлет шар земной...»:

Уж в пристани волшебный ожил чёлн;
Прилив растёт и быстро нас уносит
В неизмеримость тёмных волн.

Небесный свод, горящий славой звездной,
Таинственно глядит из глубины, –
И мы плывём, пылающе бездной

Со всех сторон окружены [6, с. 72–73].

Однако у лирика поэтический контекст одухотворённый: чёлн – «волшебный», ночное небо – горит «славой звездной» и т.д. Естественно, «смягчение» эсхатологических мотивов здесь происходит и за счет «сонной ауры» лирического пространства. У Павлова же в какой-то степени типологически близкий образ-символ отсылает к горькому, отрезвляющему пробуждению: «На ветру и холоде в городе еще торговали арбузами, а Караганда плыла и плыла на степных ветрах в будущую зиму... Что ни утро, пугливо разбегались облака, повылезшие за ночь, как из щелей, на черствые звездные крошки. Открывалось широкоэкранный черно-белое небо ноября. Из каменной глыбы дня наружу выходил холод и бродил сумрачно по улицам, проспектам, площадям, на просторах которых волны ветров качали плотами одинаковые порыжевшие шеренги деревьев» [4, с. 347; здесь и далее текст повести цит. по данному изданию с указанием страницы. – А.К.]. Ветер и холод – два посланника вселенской бездны – окружают героев повести Павлова в течение всего повествования, становясь и экзистенциальными маркерами – отметинами мира человеческой разъединённости и жестокого безразличия.

С мотивом плавания связан образ корабля, который возникает в тексте произведения не однажды. Так, в главе «Старый новый день», названием указующей в том числе, на наш взгляд, и на неизменность земного бытия, вновь появляется описание Караганды – «города, выстроенного среди

степей», опосредованно, подтекстово, как и в начале повести, возвращающего корабельный образ (обратим внимание на выделенные слова и сравнения): «Строили его, всё равно что осушая *море*. Дворцы-острова, крепости, крепости-плотины перегораживали не реки, а *подобные рекам* раздольные ветра. Что ни улица, то проспект: лежат тяжело, прямо – и долог их пролет *как у мостов*. Всякий здесь поешится, вспомнив о доме, затоскует сиротой о приюте» [с. 387].

В этой же главе такой герой, как Институт, изображённый не без гротескных красок, приказывая шофёру, только что цинично рассуждавшему о смерти, ехать, словно бы приобретает маску Харона, отправляющегося по единственному для него пути: «*В царство мертвых!* Ха-ха-ха... В дом скорби и печали! Туда, где нас не ждали, но встречу, ха-ха, назначили...» [с. 389]. Ёрничество Института, эвфемистичность формулировок не отменяют главного: герои словно бы движутся навстречу смерти, встреча с которой неминуемо должна состояться (в контексте развития сюжета судьбы героя восклицание звучит пророчески: его убьёт его же шофёр). Действительно, у «земного корабля» один пункт назначения. Не случайно пьяный отец солдата Мухина, чьи «девятины» он «празднует», процитирует: «...Смерть не гавань – смерть обрывает пути кораблей...» [с. 460].

А в главе «Райские яблочки» образ корабля явлен несколько иронично при описании госпиталя, в морге которого должны «обрядить» солдата Мухина, отправляющегося в своё последнее плавание. Автор явно скептичен по отношению к этому чистенькому учреждению, возмнившему себя чуть ли не флагманом: на самом деле – это пусть и огромно-сверкающая, но обречённая Атлантида (этот образ возникает, например, в рассказе И.А. Бунина «Господин из Сан-Франциско»): «*Важно-белый корабль, с тысячью, если и не больше, аккуратных одинаковых окошек* плыл по воздуху, разрезая холодную хрустальную гладь парков. Этот корабль в его уютном плаваньи сопровождало еще с десяток белых аккуратных корабликов. Все дышало *покоем* и обслугой...» [с. 401]. Выделенные эпитеты подчёркивают авторскую иронию по поводу тщеты земной. А один из «госпитальных белых корабликов» окажется просто-напросто моргом.

В то же время в главе «Сущие во гробах», без намёка на иронический пафос, кораблю уподоблен гроб – один из самых ярких образов-символов утlosti земного судна. Главный герой повести, Алёша Холмогоров, видит: «Гробы стояли рядами, поставленные на попу, – прислонились к стенам и *молчали*. (Заметим этот мотив молчания, не чуждый и образу Алёши и противоположный многословию большинства других персонажей произведения. – А.К.)

Посередине дощатого барака, где сапоги топтали земляной пол и не было окон, застыла в недо-

делках последняя работа мастера, *будто корабль на стапелях*, тоже гроб» [с. 419]. «Лодочкой» назовёт гроб для Мухина и «гробовых дел мастер» и зэк Панкратий Афанасьевич [с. 424], сочетание имени-отчества которого («всевластный» и «бессмертный») символично. Так антитеза земного и предвечного создаётся за счёт подобных смысловых переключек в тексте «Девятины».

Помимо подобных, к указанным «морским» мотивам в произведении отсылают и иные образно-метафорические компоненты. Так, в главе «Вечный зуб», оказавшись на полигоне, где ему придётся пройти свой первый круг мытарств, Алёша Холмогоров видит: «Нежная темнота сумерек скрыла все, что так не терпелось ему увидеть. *Из непроглядности властным холодом веяли ветра*, глуховато завывая в ушах, *будто в морских раковинах*» [с. 364]. Нахлынувшее на героя одиночество – закономерное возникающее в его душе чувство, рождённое кажущимся соседством с беспредельным. Однако Алёша, с его детски открытым сердцем, перенесёт с удивительным терпением и смирением одинокую жизнь на полигоне. Его мировосприятие видится окружающим его «нормальным» людям практически «юродивым». Вспомним его диалог с глухим Абдуллой, его начальником, который «не в силах был вытерпеть» почти не сходящей с лица Холмогорова улыбки: «“Сынок, не грусти!” Но Алёша и не думал, что грустит. “Да что вы, Абдулла Ибрагимович, не бойтесь. Это я радуюсь про себя!” – “Что радуешься? Что тебе веселого?” – спрашивал, читая по его губам, Абдулка. “Да как что... А разве грустно должно быть? Вон как все хорошо кругом”. – “Сбрендил ты, что ли?!” – “Да так... Просто так... Хорошо-то как...”» [с. 374–375]. Когда же по окончании армейской службы Абдулка позволит ему зайти на наблюдательный пункт, герой почувствует неуютное ощущение отъединённости от остального мира, с которым он не конфликтует, а смиренно принимает как должное. Отсюда – образ аквариума: Холмогоров «оказался в прозрачной оболочке, сомкнутой из огромных толстых стеклянных витрин, и *почувствовал себя рыбиной в аквариуме*. Тело само собой сделалось легким, шаги по бетонному гулкому полу – плавными, сонливыми». И герой «удивленно глядел *из своей аквариумной толщи*» «*в чужой неведомый мир*» [с. 375–376]. Показательно, что чуждость окружающего он ощущает лишь в разъединении с миром.

Тот же «аквариумный» мотив сквозит и в портретах персонажей, озлобленных на мир Божий. Таков, например, Амадей Домианович – молчаливый «напарник» Панкратия Афанасьевича – зэка-гробовщика, отличающегося христианско-философским мироощущением. В описании его антипода выделены совсем другие детали: «Его губы были крепко сомкнуты, даже сжаты, будто для плевок. Оправа из пластмассы делала очки гро-

моздкими, а лицо вредного старика *походило на нечто убого-аквариумное: две бесцветные рыбешки глаз, похожие на улитку угрюмые губы, выбритые водянистые щеки*» [с. 422]. Уничижительно-иронично-рыбье заметно и в облике человека, которому предстоит сопровождать гроб с телом рядового Мухина в Москву: «Дядька умиротворился и весь сразу как-то обмяк, *похожий на селедку, из которой извлекли скелетик*» [с. 443]. Да и сам отец Мухина, очнувшись от пьяного забытья, озирает по-рыбьи затеянную им вакханалию: «Заспанные, *пресные глаза* выпучились, *как у рыбы*, и, уже обиженные, озирали происходящее. Притом, казалось, он был глух, глядя на поющие рты. Не понимал, в каком времени да и месте очутился. Только осознал с отвращением, опять же *каким-то рыбьим*, что находился среди людей. *Выуженный на сушу*, оглушенный ощущением собственной трезвости, отец Мухина изредка оживал от вздоха или выдоха, больше не закрывая глаз. Он глотал воздух, но это не утоляло жажды» [с. 474].

В отличие от подобных персонажей, Алексей Холмогоров живёт в мире и с миром. Образ корабля, мотивы плавания и земных мытарств, определяющие судьбу главного героя, коррелируя с его именем, отсылают к житию человека Божьего – Алексея, который «с радостью» и смирением принимает все издевательства и иные испытания, что выпали на его долю. (Анализ христианских мотивов в притчевом дискурсе повести может стать предметом отдельного исследования).

Благодаря перечисленным и не упомянутым в статье мотивам и образам повесть приобретает черты современной притчи об Алексее – Божьем человеке, явленном в мир, чтобы «рабам земли»

«напомнить о Христе», – о неизменном, вечном. Не случайно в интервью Т. Бек Павлов скажет о том, что «Карагандинские девятины, или Повесть последних дней» для него – «как манифест»: «Для меня жанровая параллель из того, что было раньше, – Это “Бесы” Достоевского. “Девятины” – это мои “Бесы”» [5].

Библиографический список

1. Ермолин Е. Живая нить. Русский Букер как зеркало современной российской литературы // Новый журнал. – 2004. – № 235. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/continent/2011/150/b17.html> (дата обращения: 11.12.2013).
2. Котлов А.К. «Карагандинские девятины, или Повесть последних лет» Олега Павлова: метафизика художественного пространства (Статья первая) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2014. – № 1. – С. 168–172.
3. Литературный энциклопедический словарь / под общ. ред. В.М. Кожевникова, П.А. Николаева; редкол.: Л.Г. Андреев, Н.И. Балашов, А.Г. Бочаров и др. – М.: Сов. энциклопедия, 1987. – 752 с.
4. Павлов О.О. Повести последних дней: трилогия. – М.: ЗОА Изд-во Центрполиграф, 2001. – 494 с.
5. Павлов О. Я пишу инстинктом / беседу вела Т. Бек // Вопросы литературы. – 2003. – №5. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.magazines.russ.ru> (дата обращения: 11.12.2013).
6. Тютчев Ф.И., Фет А.А. Стихотворения / сост. и вступ. ст. Н. Скатова. – М.: Художественная литература, 1988. – 462 с.

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКИЕ РАЗНОВИДНОСТИ ЦЕЛЕВЫХ СЛОЖНОПОДЧИНЁННЫХ ПРЕДЛОЖЕНИЙ В ПРОИЗВЕДЕНИЯХ ЕСТЕСТВЕННОНАУЧНОГО ЦИКЛА

В статье представлен анализ функционально-семантических разновидностей целевых сложноподчинённых предложений с позиции их рассмотрения в единстве структуры, семантики и функции.

Ключевые слова: союз, главное предложение, придаточное предложение, значение, форма, основание.

Современные синтаксические исследования опираются на тот факт, что синтаксис непосредственно соотносится с процессом мышления и коммуникации [10, с. 6]. Изучение синтаксических явлений строится с учётом того, что язык служит не только для передачи мыслей, но и для их возникновения и формирования. А поскольку реализация этих основных функций языка происходит под влиянием определённых экстралингвистических факторов, то, как справедливо заметила О.С. Ахманова, не удаётся «достаточно чётко отделить явления синтаксиса от явления стиля» [2, с. 121]. Опираясь на методологические принципы Пражской лингвистической школы, Г.А. Золотова отмечает, что исследование синтаксических единиц должно проводиться в рамках треугольника «форма – значение – функция» [10, с. 8]. В данном исследовании мы исходим из того, что та или иная функционально-семантическая разновидность сложноподчинённого предложения (далее – СПП) и есть внутреннее заполнение такого треугольника, то есть СПП рассматривается в неразрывном единстве его структуры, семантики и функции.

Для исследования структурно-семантических особенностей сложноподчинённых предложений с целевыми придаточными (далее – СППЦ), функционирующих в произведениях естественнонаучного цикла, было отобрано свыше 250 двухкомпонентных конструкций. Анализ исследуемого материала показал, что в произведениях естественнонаучного цикла можно выделить следующие функционально-семантические разновидности СППЦ: 1. Собственно-целевые СППЦ, в которых акцентировано чисто целевое или следственно-целевое значение; 2. Несобственно-целевые СППЦ – СППЦ со значением необходимого основания и СППЦ со значением достаточного / недостаточного основания. В отдельную группу синкретичных СПП с целевым значением мы отнесли следующие разновидности сложноподчинённых конструкций: 1) СПП меры, степени или образа действия со следственно-целевым оттенком; 2) изъяснительно-целевые СПП; 3) определительные СПП с условно-целевым оттенком.

1. Собственно-целевыми являются предложения, в которых придаточное выражает цель действия, не осложнённую дополнительными смысловыми оттенками. Такие предложения составляют 40% исследуемых СППЦ. В зависимости от позиции придаточного в собственно-целевых СПП акцентировано чисто целевое значение (с постпозитивной придаточной частью) или следственно-целевое значение (в случае препозиции придаточного). В наших материалах СПП с актуализацией цели и следственно-целевые СПП находятся в соотношении 1:2. Обе разновидности оформляются как союзом *чтобы*, так и составным союзом *для того чтобы*. При этом релятив *чтобы* в обоих случаях используется в два раза чаще, чем *для того чтобы*.

Говоря об особенностях семантики собственно-целевых предложений, отметим, что в них «главная часть не может иметь значения статического пассивного состояния: для неё обязательно значение динамического, активного действия» [6, с. 725]. Понятие активности действия субъекта главного предложения не следует понимать буквально. Можно также говорить об активной целенаправленности действия-состояния, представленного, например, глаголами *является, называется* и под. См., например: *Оператор Гамильтона для молекулярных систем является удобным объектом для того, чтобы выяснить правила расчёта этих матричных элементов* [3, с. 153]. *Его называют рибозилтимидинфосфатом, или риботимидинфосфатом, чтобы отличать от тимидинфосфата ДНК* [14, с. 215].

В.Б. Евтюхин характеризует активность действия субъекта как устремленность, направленность субъекта одной ситуации на достижение другой ситуации. «Активность в широком смысле (ментальная и физическая) – маркирующий признак целевых отношений» [8, с. 52–56]. В произведениях естественнонаучного цикла в главной части СППЦ в основном представлена ментальная активность субъекта такими глаголами, как *используем (используют), воспользуемся, приведём, рассмотрим, вычислим* и под. Например: *Для того чтобы учесть условие сохранения нормировки*

пробной функции, используем метод неопределенных множителей Лагранжа [3, с. 93]. Для того, чтобы понять основные причины образования зонной структуры, рассмотрим простейшую модель – одномерную цепочку атомов [16, с. 35]. Воспользуемся формулой (3.10), чтобы вычислить разность удельных энтропии сверхпроводящего и нормального состояний [17, с. 21]. Для того чтобы оценить вклад различных спиновых состояний, вычислим, пользуясь правилами для матричных элементов между детерминантными функциями, среднее значение квадрата полного спина [3, с. 182]. Реже встречаются предложения, где сказуемое главной части имеет форму прошедшего времени глаголов ментальной семантики: (...) Мы изменили обозначение динамической переменной на букву *x*, чтобы подчеркнуть соответствие с уравнением нелинейного осциллятора [12, с. 82]. Чтобы преодолеть этот недостаток, была сконструирована плазмида *pBR 325* [18, с. 91]. Напротив, я решил упомянуть о неудавшейся попытке зафиксировать гравитационное излучение для того, чтобы подчеркнуть стимулирующее значение этих экспериментов [5, с. 121]. Чтобы различать стереоизомеры, условились за эталон конфигурации считать *L- и D-глицеральдегид* [14, с. 85].

2. Несобственно-целевые или обосновывающе-целевые предложения – это такие СПП, в которых желательный результат служит одновременно и обоснованием необходимости, долженствования, возможности / невозможности, достаточности / недостаточности того или иного предмета, действия, признака, чтобы вызвать нужное для говорящего следствие. Как показывает исследование, в произведениях естественнонаучного цикла конструкции, выражающие обосновывающе-целевые отношения являются более актуальными: к ним относятся 60% всех выписанных СППЦ. Здесь выделяются две структурно и семантически близкие разновидности: 1) СППЦ со значением необходимого основания; 2) СППЦ со значением достаточного/ недостаточного основания. В исследуемом материале они встречаются в соотношении 9:1. В первом случае лексическим выразителем значения необходимости, долженствования в главной части являются слова: *надо, нужно, необходимо, должен, можно, требуется, понадобится* и другие. Главная часть в них выступает как носитель необходимого основания, а придаточная часть указывает на предполагаемый, ожидаемый результат, к которому приведёт осуществление ситуации, выраженной в главной части. Снижению гипотетичности придаточной части способствует сказуемое, представленное глаголом совершенного вида. В естественнонаучных текстах такие конструкции очень продуктивны. В их построении участвуют союзы *чтобы, для того чтобы*, придаточные находятся как в предпозиции, так и в постпозиции по

отношению к главному. Приведём примеры: *Чтобы получить экстремум четвертого порядка, надо наложить два условия...* [12, с. 72]. *Однако требуется дальнейшее совершенствование теоретических методов, чтобы на их основе создать инженерные методы расчётов химических процессов, протекающих в катализаторе и в промышленных реакторах* [11, с. 88]. *Для того чтобы произошло испускание кванта, необходимо предварительно возбудить атом* [9, с. 99]. *Для того, чтобы поставить диагноз больному туберкулезом общепринятыми методами, требуется 5–6 недель, на протяжении которых его лечат стандартными средствами* [16, с. 157].

На сложную, контаминированную семантику описываемых предложений, базирующуюся не только на союзе, но и на лексемах модального содержания, указывает Н.А. Андрамонова, квалифицируя данные отношения как условно-целевые, с совмещением условного и целевого значений [1, с. 35–36]. Н.С. Валгина говорит об осложнении целевого значения условным в предложениях с обозначением в главной части «не активно осуществляемого действия, а представляемого как необходимое» [4].

Вторая разновидность несобственно-целевых, или обосновывающе-целевых СППЦ, – предложения, в главную часть которых входит слово с количественным значением (*достаточно, недостаточно, хватит, мало* и под.). При этом количественная семантика может быть конкретизирована в частных значениях: А) достаточного основания (*достаточно + чтобы*); Б) недостаточного основания (*недостаточно, не хватает + чтобы*). Приведём примеры каждого вида: А) *Теперь для того чтобы определить результат действия оператора 82 на функцию $\Phi(I, 2, \dots, N)$ (14.14), достаточно выяснить, (как действует на нее оператор)* [16, с. 179]. *Достаточно просмотреть физические, реферативные и научно-популярные журналы, чтобы убедиться в следующем...* [5, с. 106]. Б) *Однако у человека скорость синтеза недостаточна, чтобы удовлетворить полностью потребность организма в этом витамине* [13, с. 186]. *(Ясно, что) изучение только одной миллионной части земной поверхности недостаточно для того, чтобы делать правильные выводы о строении всей поверхности планеты* [7, с. 164]. *Не хватает носителей, чтобы перенести заданный ток* [17, с. 96]. В приведённых примерах целевое значение подтверждается возможностью постановки от главной к придаточной части вопроса *для чего? для какой цели?*. Отметим, однако, что, как и в конструкциях необходимого основания, целевое значение в данном случае осложнено условно-следственной семантикой.

Синкретичные СПП с целевым значением:

1) СПП со значением меры, степени и образа действия со следственно-целевым оттенком. На

наш взгляд, предложения, содержащие в главной части слова со значением меры (*слишком, настолько, не столь, мало*), существенно отличаются от описанных выше обосновывающе-целевых СПП. Целевое значение здесь ослаблено, и на первый план выступает значение меры, степени и обусловленного им следствия. См., например: *(На раннем этапе теории колебаний казалось, что) нелинейные системы слишком разнообразны, чтобы допускать анализ с каких-то единых позиций ...* [12, с. 11]. *У используемых на практике материалов пока, правда, критические поля и токи не столь велики, чтобы построить магнит на 300–400 кЭ* [5, с. 30]. В приведённых примерах слова со значением меры, степени в главной части семантически и конструктивно значимы: они являются тем смысловым ядром, от которого можно поставить вопрос *для чего? для какой цели?* Элиминация этих слов приводит к образованию конструкции с собственнo-целевым значением и искажению смысла исходного предложения. Например: *...но энергия слишком велика, чтобы произошел захват в области минимума потенциала* [12, с. 117]. Смысл: *Энергия очень велика, поэтому невозможен захват в области минимума потенциала*. Сравним при элиминации компонента со степенной семантикой: *...но энергия велика, чтобы произошел захват в области минимума потенциала* [12, с. 117]. Смысл: *Энергия является большой, и благодаря этому возможен захват в области минимума потенциала*. В то же время такие конструкции легко трансформируются в предложения с придаточными следствия: *...но энергия слишком велика, так что не произойдёт захвата в области минимума потенциала*. См. ещё пример: *...«элементарные» частицы обладают слишком сложной структурой, для того чтобы утверждение о «простоте микроскопического» можно было принять всерьёз* [15, с. 22]. Ср.: *...элементарные частицы обладают слишком сложной структурой, так что утверждение о «простоте микроскопического» нельзя принять всерьёз*.

К синкретичным с целевым оттенком мы также относим конструкции, в которых доминирует значение образа действия и следствия из него: *Стрелочки, обозначающие направление движения по фазовым траекториям, расставляем так, чтобы в верхней полуплоскости они были обращены направо, а в нижней – налево* [12, с. 75]. *Эффективные потенциалы остова обычно рассчитывают таким образом, чтобы воспроизводить результаты полных релятивистских расчетов* [3, с. 206]. Предложения данного вида близки синкретичным конструкциям со следственным оттенком. Ср. последний пример: *Эффективные потенциалы остова обычно рассчитывают таким образом, что можно воспроизводить результаты полных релятивистских расчетов*. В семантике СПП, имеющих в составе главной части слова со значением

меры, степени, образа действия, доминирующими являются эти значения меры, степени, образа действия и обусловленного ими следствия, целевое значение в них носит вспомогательный, оттеночный характер.

2) Изъяснительно-целевые СПП. Существует также группа предложений, построенных по формуле *достаточно, чтобы; необходимо, чтобы; требует, чтобы* и под., но имеющих не целевое, а изъяснительное значение: *Независимо от конкретной природы фотопревращения необходимо, чтобы энергетический переход либо вообще исчезал, либо в спектре фотопродукта имел место сдвиг, превышающий однородную ширину исходного перехода* [16, с. 97]. *Для этого необходимо, чтобы коэффициент усиления был достаточно велик* [12, с. 163]. *Самый простой способ аппроксимировать производные по времени x и y состоит в том, чтобы положить $x = \dots$, $y = \dots$* [12, с. 67]. *В частности, в нашем примере с шариком наличие у профиля нескольких ямок с очевидностью требует, чтобы зависимость возвращающей силы от координаты частицы была нелинейной* [12, с. 45]. В приведённых примерах придаточное имеет фиксированное положение и относится непосредственно к контактнoм словам (*достаточно чего?, необходимо что?, требует чего?, состоит в чём? и т. д.*). В таких предложениях к придаточному нельзя поставить вопрос *для чего? для какой цели?* и невозможна замена многозначного союза *чтобы* целевым *для того чтобы*.

Следующий пример наглядно демонстрирует как следственнo-целевое, так и изъяснительное значение конструкции, построенной по модели *достаточно, чтобы*: *Достаточно, чтобы подобная задержка в образовании массивной черной дыры составляла несколько миллиардов лет, чтобы их появление в галактиках и квазарах было редкостью или даже практически вообще не наблюдалось* [5, с. 144]. Первое придаточное, вводимое союзом *чтобы*, относится к главному слову *достаточно* и отвечает на вопрос (*достаточно чего?*, выполняя изъяснительную функцию. Вся первая часть предложения имеет значение достаточного основания для осуществления того, о чём говорится во втором придаточном предложении, репрезентирующем значение цели и следствия. Подобное сочетание значений в многокомпонентных конструкциях наблюдается и в предложениях необходимого основания: *Для того чтобы транспортный ток шёл по всему сечению сверхпроводника, необходимо, чтобы существовало неоднородное распределение вихрей в данном месте* [17, с. 220]. *Чтобы можно было говорить о существовании состояния, характеризуемого некоторым квантовым числом J , необходимо, чтобы существовало $(2J + 1)$ функций, отвечающих всем возможным проекциям момента на ось Z* [3, с. 74].

3) Определительные СПП с условно-целевым оттенком. В конструкциях со спорной семантикой критерием квалификации отношений служит замена релятива *чтобы* или сочетаний с ним целевым составным союзом *для того чтобы*. [*Спросим, можно ли указать такой предельный переход, когда, уменьшая некоторый параметр задачи, мы будем получать все более точное соответствие с истинным поведением системы, с тем условием, однако, чтобы картина поведения системы оставалась содержательной, сохраняя все назначенные для изучения феномены в процессе предельного перехода* [12, с. 225]. В данном предложении в качестве релятива используется союзное сочетание *с тем условием чтобы*. Включение вводного слова *однако* является свидетельством того, что здесь имеет место не окончательно сформировавшийся составной союз, а союзное сочетание. Компонент *с тем условием* относится к главной части, к нему прикрепляется придаточная часть, оформленная союзом *чтобы*, выполняя в данном случае определительную функцию (*с тем условием* (с каким?) *чтобы картина поведения системы оставалась содержательной*). Замена здесь всего союзного сочетания или только союза *чтобы* составным целевым союзом *для того чтобы* невозможна. Данное предложение можно квалифицировать как определительное с условно-целевым оттенком.

Подводя итог анализу СППЦ, используемых в произведениях естественнонаучного цикла, отметим следующее:

– Преобладающими являются СППЦ с несобственно-целевым значением необходимого и достаточного основания, имеющие в составе главной части лексемы модального содержания. Это предложения контаминированной семантики, включающей также условное и следственное значения.

– Собственно-целевые СППЦ в качестве обличительного признака имеют в составе главной части сказуемое, выражающее ментальную активность обобщённого, абстрактного субъекта или активную целенаправленность действия-состояния.

– Синкретичные СПП с целевым значением обеспечивают взаимодействие СППЦ с СПП со значениями меры, степени, образа действия, следствия, условия, определительными, изъяснительными: 1) СПП меры, степени и образа действия со следственно-целевым оттенком; 2) изъяснительно-целевые СПП; 3) СПП определительные с условно-целевым оттенком.

Библиографический список

1. Андромонова Н.А. Сложные предложения, выражающие обстоятельственные отношения в со-

временном русском языке. – Казань: Изд-во Казанского ун-та, 1977. – 176 с.

2. Ахманова О.С., Микаэлян Г.Б. Современные синтаксические теории. – М.: Едиториал УРСС, 2003. – 168 с.

3. Барановский В.И. Квантовая механика и квантовая химия: учеб. пособие для студ. высш. учеб. заведений. – М.: Издательский центр «Академия», 2008. – 384 с.

4. Валгина Н.С. Синтаксис современного русского языка: учебник. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.hi-edu.ru/e-books/xbook089/01/> (дата обращения: 11.05.2013).

5. Гинзбург В.Л. О физике и астрофизике: статьи и выступления. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Наука, 1992. – 528 с.

6. Грамматика современного русского литературного языка / отв. ред. Н.Ю. Шведова. – М.: Наука, 1970. – 767 с.

7. Гусев А.И. Наноматериалы, наноструктуры, нанотехнологии. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2005. – 416 с.

8. Евтюхин В.Б. Категория обусловленности в современном русском языке. – СПб., 1997. – 198 с.

9. Зельдович Я.Б., Райзер Ю.П. Физика ударных волн и высокотемпературных гидродинамических явлений. – М.: Гос. изд-во физ.-мат. лит., 1963 – 632 с.

10. Золотова Г.А. Очерк функционального синтаксиса русского языка. – М.: Наука, 1973. – 351 с.

11. Иоффе И.И., Решетов В.А., Добротворский А.М. Гетерогенный катализ. Физико-химические основы. – Л.: Химия, 1985. – 224 с.

12. Кузнецов А.П., Кузнецов С.П., Рыскин Н.М. Нелинейные колебания: учеб. пособие для вузов. – М.: Издательство физико-математической литературы, 2002. – 292 с.

13. Николаев А.Я. Биологическая химия. – М.: Медицинское информационное агентство. – 2004. – 566 с.

14. Березин И.В., Савин Ю.В. Основы биохимии (Общебиологическое введение. Статическая биохимия). – М.: Изд-во Моск. ун-та, 1990. – 252с.

15. Пригожин И. От существующего к возникающему: Время и сложность в физических науках. – М.: Наука. Гл. ред. физ.-мат. лит., 1985. – 328 с.

16. Рамбиди Н.Г., Берёзкин А.В. Физические и химические основы нанотехнологий. – М.: ФИЗМАТЛИТ, 2008. – 456 с.

17. Шмидт В.В. Введение в физику сверхпроводников. – М.: МЦНМО, 2000. – XIV; 402с.

18. Щелкунов С.Н. Генетическая инженерия: учеб.-справ. пособие. – Новосибирск: Сиб. унив. изд-во, 2004. – 496 с.

СЕМАНТИЧЕСКАЯ СПЕЦИФИКА ДИАЛЕКТНЫХ ГЛАГОЛОВ-ЗООФОНОВ В КОНТЕКСТЕ СОСТАВЛЕНИЯ ЛИНГВИСТИЧЕСКИХ КАРТ

Работа посвящена вопросам методики составления лингвистических карт глаголов, обозначающих звуки животных. В статье описаны отводимые от картографирования по семантическим причинам группы слов, которые могут встретиться в материалах к таким картам. Исследование основано на материалах лексических карт, включенных в атласы русского языка.

Ключевые слова: лингвистическая география, методика составления карт, глаголы, обозначающие звуки животных, семантика.

В фокусе внимания современной русской лингвистической географии находится изучение территориального распределения лексических явлений русских говоров, что во многом обусловлено работой над таким крупномасштабным проектом, как «Лексический атлас русских народных говоров» (ЛАРНГ) [12]. От предшествующих опытов картографирования единиц лексической системы говоров (лексическая часть «Диалектологического атласа русского языка» (ДАРЯ), «Лексический атлас Архангельской области», «Лексический атлас Московской области» и др. [5; 9; 4]) его отличает значительно большая территория обследования (Европейская часть России и Урал), а также охват практически всех семантических групп лексики говоров, в том числе и почти не рассматривавшихся ранее. В свете создания этого проекта актуальным представляется не только составление карт, но и осмысление методики картографирования слов отдельных лексико-семантических групп.

Составление любой аналитической карты на лексическом материале опирается на предварительную интерпретацию данных, направленную на выявление диалектных противопоставлений, которые будут отражены на карте, а также отведение определённого материала от картографирования. Обычно наиболее подробно рассматривается семантическая, структурная, мотивационная и этимологическая специфика слов (см., например: [13; 8; др.]). В частности, учёт семантических особенностей лексики важен при определении того, какой материал должен быть отведён от рассмотрения. Это связано с тем, что в картотеке иногда оказываются слова с семантикой, не соответствующей теме вопроса. Их появление может быть обусловлено рядом причин: неточность собирателей, отсутствие в говоре слова с нужным значением и употребление вместо него лексемы с широкой семантикой и т.д. [10].

По правилам, принятым в ЛАРНГ, от картографирования отводятся слова, значение которых не соответствует теме карты. В конкретных лексико-семантических группах могут быть выделены свои типы подобных лексем.

В настоящей статье мы обращаемся к ЛСГ глаголов, обозначающих звуки животных и птиц (гла-

голов-зоофонов). Цель работы – на основании изучения существующих в русской лингвистике карт глаголов-зоофонов показать, какие группы слов, отводимые от картографирования по семантическим причинам, могут встретиться в материалах к таким картам. Мы опираемся на опыты картографирования глаголов, обозначающих звуки собаки и гуся, в «Атласе русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы» [1], глаголов, обозначающих звуки лошади, коровы, овцы и собаки, в ДАРЯ (составитель – Ю.С. Азарх), глаголов, обозначающих звуки дикого кабана и лисы, в пробном выпуске ЛАРНГ (составитель – Т.И. Вендина) [12], а также глаголов, обозначающих звуки курицы и гуся, в «Лексическом атласе вятских говоров» (составитель – В.Г. Долгушев) [6]. В отдельных случаях мы ссылаемся на сделанные нами в рамках проекта ЛАРНГ карты глаголов, обозначающих звуки курицы, тетерева, жаворонка.

В русской лингвистике семантические особенности глаголов-зоофонов описывались уже неоднократно, в том числе и при изучении глаголов звучания в целом (работы Л.М. Васильева, И.В. Ивлиевой, Н.А. Курашкиной и др. [3; 7; 11; др.]). Исследователи отмечают, что глаголы-зоофоны, являющиеся одной из подгрупп глаголов звучания, в свою очередь можно разделить на обозначения звуков животных, птиц и насекомых и других живых существ [7, с. 38]. При этом границы между подгруппами глаголов-зоофонов и, шире, группами глаголов звучания условны [7, с. 48–49]. Эти слова часто могут употребляться по отношению к разным видам источников звука (так, глагол *стрекотать* может обозначать крик сороки, звуки кузнечиков и сверчков, звуки, издаваемые трактором, и т.д. [17, т. 4, с. 285]), поэтому нередко бывает сложно провести границу между разными значениями слова и разными употреблениями одного значения.

Глаголы-зоофоны делятся на видоспецифичные и невидоспецифичные. В семантическую структуру видоспецифичных глаголов входят семы принадлежности звука какому-либо живому существу (живым существам), а в структуре невидоспецифичных глаголов (глаголов широкой семантики) основными являются семы, связанные с акустическими особенностями звука или особенностями

его восприятия человеком (*выть* – издавать продолжительный, протяжный звук, стон) [7, с. 38]. В частности, среди глаголов, обозначающих звуки птиц, широкая семантика обычно характерна для слов, которые употребляются по отношению к птицам, имеющим песню (например, воробьинообразным – соловью, жаворонку, синице и др.): *петь, щебетать, звенеть, свистеть* и др. [11, с. 807–808]. По отношению к птицам, не имеющим песни, обычно используются видоспецифичные глаголы: *гоготать* (о гусе) и т.д. [11, с. 807; 7, с. 38–39].

В говорах эти особенности глаголов-зоофонов сочетаются с такими общими чертами семантики диалектной лексики, как сложность разграничения значения и употребления слова, сложность разграничения узуальных слов и окказионализмов, вариантность, существование различий в структуре лексических микросистем и т.д. [2, с. 97–147, 189–192; 14, с. 41–41, 69, 135].

При картографировании глаголов-зоофонов необходимо отобрать для составления карты слова, в семантической структуре которых есть сема ‘характерные’ для определённого живого существа звуки (см. комментарий Т.И. Вендиной к картам глаголов, обозначающих звуки дикого кабана и лисы, в Пробном выпуске ЛАРНГ [12, с. 87–88, 90–91]). При этом, как показывает анализ комментариев к существующим картам, от рассмотрения могут отводиться следующие группы слов.

1. Слова, имеющие большой денотативный объём (слова с широкой семантикой). Так, при составлении карты «Издавать громкие, характерные для дикого кабана звуки» Т.И. Вендина отвела от картографирования глаголы *орать, кричать, реветь*, «которые могут относиться к звукам, издаваемым любыми животными» [12, с. 87].

В то же время в АРНГ на карте «Глагол *гоголет* (о гусе) и его соответствия» отражена лексема *кричит*, равномерно распространённая по территории картографирования [1]. В «Лексическом атласе вятских говоров» на картах «Издавать звуки, характерные для гуся» и «Издавать звуки, характерные для курицы» [6] представлен глагол *керкать* (*кергать, керьгать*), зафиксированный в диалектных словарях применительно к животным в общих значениях ‘издавать крик (о птицах, животных)’ [16, т. 13, с. 188; 18, т. 5, с. 29], ‘издавать резкий отрывистый крик (о птицах)’ [15, т. 3, с. 54]. На карте, посвящённой звукам гуся, глагол образует ареал (часть северо-западных говоров Кировской области, Западная, Центральная, Северо-Восточная лексические зоны на территории области, часть Юго-Восточной лексической зоны). Вторая карта отражает употребление глагола в разных говорах при отсутствии чёткого ареала [6, с. 99, 107].

Опыт составления карт глаголов, обозначающих звуки птиц, показывает, что при работе с этими словами необходимо учитывать также различия

в объёме их семантики в зависимости от того, по отношению к певчим или непевчим птицам они относятся. Как уже было сказано, для обозначения процесса вокализации птиц, имеющих песню, обычно употребляются глаголы широкой семантики. Так, материалы к картам «Издавать звуки, характерные для синицы» и «Петь (о жаворонке)», составленным нами в рамках ЛАРНГ, полностью состоят из невидоспецифичных глаголов: *петь, заливаться, чирикать, свистеть* и т. п. (о жаворонке); *петь, звенеть, синькать, зенькать, цвикать* и т.п. (о синице). Поэтому в данном случае на картах приходится отражать слова широкой семантики, хотя, как показывает практика, явных ареалов они не образуют.

2. Слова, употребляющиеся по отношению к тому или иному животному или птице только в определённой ситуации (слова с ситуативными семами). Например, на карте глаголов, обозначающих звуки дикого кабана, не был отражён глагол *сопеть*, поскольку из приведённой на карточке иллюстрации следовало, что он используется по отношению к разозлённому животному (*Кабан не поросёнок, они злые, а когда злятся, то сопят*) [12, с. 87]. При составлении карты «Издавать громкие, характерные для лисы звуки» от рассмотрения была отведена лексема *скулить*, обозначающая звуки, издаваемые лисой при приближении опасности (*Когда опасность близко, лисы скулят*) [12, с. 90].

В то же время при составлении АРНГ контекст подобным образом не учитывался, о чём свидетельствуют приведённые в комментариях примеры употребления глаголов (*лает* – на чужого, *брешет* – попусту (о собаке); *лает* – тихо, *брешет* – громко (о собаке); *одна собака брешет, а когда несколько – лают; гагачет тихо, крачет громко* (о гусе) [1, с. 1049, 1050]).

На картах ДАРЯ в некоторых случаях отражаются слова, имеющие в литературном языке ситуативные семы и / или широкую семантику. На карте «Глагол *мычать* (о корове) и синонимичные ему глаголы» отражены слова *ревёт, ревит, вопит* (*вопит*), *кричит* (*крычит, крикает, крыкает*), *орёт*. В ряде говоров они могут употребляться как единственные обозначения звуков коровы. Так, глагол *ревёт* в исключительном употреблении образует обширный разорванный ареал в пределах всего Южного наречия. Ареалы остальных слова как единственных обозначений звуков коровы очень малы и встречаются в разных частях территории картографирования. В ряде говоров эти слова противопоставлены формам типа *мычать* как обозначения громких звуков обозначениям тихих [5]. Сходная ситуация отражена на карте «Глагол *блеять* (об овце) и его соответствия», на которой картографированы слова *ревёт, ревит, вопит* (*вопит*), *кричит, орёт, зевает*. В этом случае самый крупный ареал исключительного употребления

образован глаголом *кричит* на территории Южного наречия (за исключением его юго-западной части) [5].

3. Слова, которые используются по отношению к другим живым существам. На появление такого материала иногда обращается внимание на семинарах ЛАРНГ при обсуждении карт. Вероятно, среди слов, отведённых от картографирования при составлении карты «Издавать громкие, характерные для дикого кабана звуки», к этой группе относится глагол *ухать*, а среди слов, не отражённых на карте «Издавать громкие, характерные для лисы звуки», – глагол *каркать* [12, с. 87–90].

В то же время, видимо, подобные глаголы целесообразно картографировать, когда они, по данным словарей, могут использоваться и в отношении интересующей исследователя птицы или много раз зафиксированы в картотеке соответствующего вопроса, а фиксации подтверждаются контекстами. Например, глагол *курлыкать* обычно употребляется по отношению к журавлю. Однако в картотеке вопроса «Издавать звуки, характерные для тетерева» он зафиксирован 89 раз, а в некоторых региональных словарях отмечается в значении ‘издавать звуки, характерные для тетерева’ [16, т. 16, с. 132]. Поэтому мы отразили его на подготовленном проекте карты.

Таким образом, при первичном отборе материала из картотеки глаголов-зоофонов от рассмотрения чаще всего отводятся слова широкой семантики, ситуативные глаголы и глаголы, употребляющиеся по отношению к другим живым существам. Существование этих трех групп глаголов обусловлено такими общими особенностями данной ЛСГ говоров как диффузность семантики и связанная с ней сложность разграничения значения и употребления слова, существование глаголов широкой семантики и деление глаголов-зоофонов на видоспецифичные и невидоспецифичные. В то же время отведение от картографирования определённых типов глаголов-зоофонов носит рекомендательный характер и в ряде случаев не выдерживается. При этом в ЛАРНГ отбор материала для отображения на карте подчинён более строгим правилам, чем в предшествующих опытах картографирования лексических явлений, о чём свидетельствуют комментарии к проанализированным картам пробного выпуска атласа.

Библиографический список

1. Атлас русских народных говоров центральных областей к востоку от Москвы. – М.: АН СССР, 1957. – 279 карт.
2. Блинова О.И. Введение в современную реги-

ональную лексикологию: материалы для спецкурса. – Томск: Томск. гос. ун-т, 1975. – 258 с.

3. Васильев Л.М. Семантика русского глагола: глаголы речи, звучания, поведения. – Уфа: Изд-во Башк. унт-та, 1981. – 72 с.

4. Войтенко А.Ф. Лексический атлас Московской области. – М.: МОПИ, 1991. – 60 с.; 161 карта.

5. Диалектологический атлас русского языка: центр Европейской части СССР. Вып. I–III. – М.: Наука, 1986–1996.

6. Долгушев В.Г. Лексика вятских говоров в ареальном и ономазиологическом аспектах. – М.: МГПУ, 2006. – 415 с.

7. Ивлиева И.В. Русские глагольные модификации (опыт составления словаря). – М.: ООО «ЭЛ-ПИС», 2008. – 275 с.

8. Колокольцева Т.Н., Кудряшова Р.И. Наименования растения конопля в русских говорах (по материалам Лексического атласа русских народных говоров) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2007. Ч.1 – СПб.: Наука, 2007. – С. 123–131.

9. Комягина Л.П. Лексический атлас Архангельской области. – Архангельск: Изд-во Помор. ун-та, 1994. – 235 с.

10. Костючук Л.Я. Лингвистическая оценка собираемого для лексического атласа материала // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2006. – СПб.: Наука, 2006. – С. 63–66.

11. Курашкина Н.А. Особенности языкового отражения вокализации птиц (на материале английских, французских и русских антропо- и орнитофонов) // Вестник Башкирского университета. – 2009. – Т. 14. – №3. – С. 806–808.

12. Лексический атлас русских народных говоров: пробный выпуск. – СПб.: Наука, 2004. – 304 с.; 36 карт.

13. Лебедева И.В. Слова со значением «Выгоревшее или выжженное место в лесу» (по материалам ЛАРНГ) // Лексический атлас русских народных говоров: материалы и исследования. 2007. Ч. 1. – СПб.: Наука, 2007. – С. 136–141.

14. Осовецкий И.А. Лексика современных русских народных говоров. – М.: Наука, 1982. – 198 с.

15. Словарь вологодских говоров. Вып. 1–12. – Вологда: ВГПИ; ВГПУ. – 1983–2006.

16. Словарь русских народных говоров. Вып. 1–44. – Л.; СПб.: Наука, 1965–2013.

17. Словарь современного русского литературного языка: в 4 т. Т. 1–4. – М.: Русский язык, 1985–1988.

18. Ярославский областной словарь. Вып. 1–6. – Ярославль: ЯГПИ, 1981–1987.

ОСОБЕННОСТИ ОФОРМЛЕНИЯ И ФУНКЦИОНИРОВАНИЯ КОМИТАТИВА В АРЕАЛЬНЫХ ЕДИНИЦАХ РУТУЛЬСКОГО ЯЗЫКА

Цель данного исследования заключается в выявлении и сравнительном описании особенностей оформления комитатива в пяти диалектах рутульского языка, что поможет выявить пути становления и спрогнозировать перспективы развития комитатива в исследуемом языке.

Ключевые слова: диалекты рутульского языка, система склонения в рутульском языке, структура комитатива, функции комитатива в диалектах рутульского языка.

Комитатив и компаратив в диалектах рутульского языка – мухадском, борчинско-хновском, ихрекском, мюхрекском и шиназском – стоят как бы особой группой. Они не относятся ни к общеграмматическим, ни к местным падежам. С точки зрения морфологических особенностей (по своему образованию) они могут быть отнесены к грамматическим и локативно-направительным падежам (но не к исходным). С точки зрения синтаксических особенностей они стоят ближе к падежам, выражающим отвлеченные отношения, отличаясь от них своей немногочисленностью. Пространственных отношений эти падежи не выражают. Исследователи при классификации по-разному трактовали подобные падежи. Г.А. Климов решил проблему, назвав их термином «промежуточные падежи», который мы и используем в своей статье: «Небольшую группу падежей, промежуточных между основными и локативными, составляют встречающиеся здесь такие падежи, как сравнительный (в нахских языках, цезском, рутульском, хиналугском), совместный (в нахских языках, даргинском), предназначительный (в нахских языках) и предметный (в даргинском)» [5, с. 92].

А.М. Дирр характеризовал комитатив в рутульском языке как «сопровождающий», указывая на его употребление в значении творительного орудия (инструменталиса) [1, с. 10]. Е.Ф. Джейранишвили в составе послеложных падежей выделял «комитатив (сопровождающий, орудный)» [2, с. 560]. Г.Х. Ибрагимов относит совместный к местным падежам, отмечая, что «из местных падежей комитатив стоит вне серий» [4, с. 57]. С.М. Махмудова, вслед за Г.А. Климовым, квалифицировала совместный и сравнительный падежи как «промежуточные» [6, с. 31].

Термины «совместный падеж» и «комитатив» не равнозначны применительно к системе рутульского языка, так как совместный падеж в диалектах исследуемого языка выступает в двух значениях: в значении комитатива, если он образован от одушевленных имен, в значении инструменталиса, если он образован от неодушевленных имен.

В статье мы применяем термин «комитатив», используя его в широком смысле, подразумевающим совокупность всех типов употреблений,

которые встречаются у комитативных маркеров, включая собственно комитативные употребления, в отличие от понимания этого термина в узком смысле, подразумевающего лишь выражение роли второстепенного агенса, сопровождающего действие главного или объекта, который имеет при себе главный участник ситуации.

Комитатив образуется в мухадском диалекте посредством аффиксов **-хъван** // **-вхъван**; в ихрекском и борчинско-хновском им соответствуют аффиксы **-фан** // **-вфан**:

-хъван // **-фан**: *шу-хъван* – *шугу-фан* «с братом», *ва-хъван* – *гъвафан* «с тобой» и т.д. Этот аффикс совместного падежа в диалектах рутульского языка характерен для имен с вокальным исходом, возвратных и личных местоимений;

-ахъван // **-афан**: *кыыхъ-ахъван* – *кыыхъ-афан* «с теленком», *духл-ахъван* – *духл-афан* «каменем» и т.д.;

-ехъван (в мухад. д.) // **-йфан** (в ихр. д.): *къумши-ехъван* – *къумши-йфан* «с соседом», *тылы-ехъван* – *тылы-йфан* «с собакой»;

-ихъван // **-ифан**: *риг-ихъван* – *риг-ифан* «дверью», *клаъдыний-ихъван* (I, II кл.) // *но клаън-ифан* (III, IV кл.) «с маленьким», *хъурний-ихъван* (I, II кл.) – *хъунн-ифан* «с пятью»;

-ухъван // **-уфан**: *шурк-ухъван* – *шурк-уфан* «с птицей», *ус-ухъван* – *ус-уфан* «поленом», *клаън-уфан* (I, II кл.) «с маленьким»;

-ыхъван // **-ыфан**: *кыырб-ыхъван* – *кыырб-ыфан* «костью», *клаъдыд-ыхъван* (III, IV кл.) «маленьким», *хъудд-ыхъван* (III, IV кл.) «пятью», *лешун* «брат» – *лешун-ыхъван*.

Процесс регулярного перехода лабиализованного заднеязычного глухого щелевого *хъв* мухадского диалекта в губно-губной глухой щелевой *ф* в ихрекском диалекте отражен в монографии Г.Х. Ибрагимова, этот процесс подкреплен примерами «мух. *хъвар* – ихр. *фар* «яма», *ухъун* – ихр. *уфун* «желудок», мух. *лирхъв* – ихр. *лирфай* «голубь». Здесь же отмечается, что нелабиальный *хъ* сохраняется без изменений [4, с. 168]. Этот же процесс зафиксирован и в борчинско-хновском диалекте [4, с. 195].

Шиназский и мюхрекский диалекты не обнаруживают отличий от мухадского в употреблении формантов комитатива.

В родственном цахурском языке Г.Х. Ибрагимов отмечает для комитатива аффикс *-vka/-ка*, отмечая при этом наличие и параллельного аффикса без лабиализации – *-vka/-ка*, употребление которого лингвист мотивирует двояко – позиционно [3, с. 72] или ареально.

Характеризуя монографию Е.Ф. Джейранишвили, Г.Х. Ибрагимов пишет: «Неаргументированно разграничение аблатива на *-v-ва* и комитатива на *-v-ка* [см.: 3, с. 47, 48]. Видимо, здесь отражены ареальные разновидности комитатива, в частности, гов. с. Муслах не различает лабиализацию согласных» [3, с. 68]. Интерес представляет то обстоятельство, что комитатив в цахурском языке может принимать классное согласование в зависимости от речевой ситуации: *дакк-иква-р йед' (II) идаркIынна* «и с отцом мать не ушла»; *балкан-ыква-б окI (III) гьахьы* «и с лошастью сено возил» [3, с. 72–73]. Подобное не является нормой для ареальных единиц рутульского языка.

Комитатив в диалектах рутульского языка оформляет имя, совместно с которым совершается действие, инструменталис, называет имя того, кем или чем клянутся, а также оформляет обстоятельство времени и образа действия.

Основным значением совместного падежа является обозначение имени предмета, совместно с которым производится действие. В большинстве случаев в этой функции выступают имена I и II классов, реже – имена III класса, еще реже – имена IV класса. Примеры из мухадского диалекта: *Йикьиднийхьван* (I кл.) *сыра адгьулд дииш*. (Посл.). – С умершим в могилу не забираются. *Хьидиехьван* (I кл.) *гвалах ки иде виъи, душманахьван* (I кл.) *ит ки дакьыле и*. (Посл.). – С другом и работа сладка, с врагом и мед горек. *Сирыхьван* (III кл.) *са мишуха амаIгъв*. (Посл.). – С медведем в один мешок не забирайся. *Къуруддыхьван* (IV кл.) *маьхьды ки гьулхьара*. (Посл.). – С сухим и сырое сгорает.

Из вышеизложенных примеров явствует, что совместность выражается комитативом в предложениях и номинативного, и эргативного строя. В предложениях номинативного строя субъект действия согласуется с предикатом в классе и числе, в предложениях же эргативного строя со сказуемым согласуется прямой объект.

Один из оттенков выражения совместности комитатива – обозначение им имени такого предмета, против которого направлено действие, например, в мухадском диалекте:

Гъай гьаIшыкъ, саз йывыIх ва,
Захьван выды кар гьадиш –
Йьхьыр, са гьваз йывыIх ва (Ш. Ибрагимов).
Эй, ашуг, играй в свой саз,
Против меня ты не можешь состязаться,
Пойди, пристрелим селезня
(пер. С. Махмудовой).

Имена IV, реже – III класса в совместном падеже выступают в значении **орудия действия**. Такое употребление комитатива встречается как в номинативной конструкции при непереходном глаголе, так и в эргативной конструкции при переходном глаголе: *Йэ кьыIдис сакIан хулрихьван увцIа выъыр а*. – Мы на зиму ларь мукой наполнили. *Дид шегьердаа машинехьван хьиркьыри*. – Отец из города на машине приехал.

В номинативной конструкции комитатив рутульского языка выражает инструментальное значение только при именах, обозначающих средство передвижения.

В диалектах рутульского языка **название того, чем клянутся или заклинают**, оформляется формой сравнительного падежа, очень часто выступающего в значении инструменталиса: *Инсанар инаамиш дьгьын бадаана, визирере Къурьундыхьван кьин гьыгьыри*. – Чтобы людей уверить, визирь Кораном поклялся.

Формы совместного падежа некоторых существительных, постепенно переходящих в разряд наречий образа действия, оформляют обстоятельство **образа действия**. Таких существительных в рутульском языке небольшое количество: *гуд-жехьван* «с силой», *маьхьаьхьван* «горстями», *джетинвалихьван* «с трудом» и др.

Обстоятельство образа действия может оформляться и количественными числительными, обозначающими школьные отметки: *Мисдед сен Заремара юкьдымышьван латIва гьыгьыри*. – Этот (учебный) год Зарема на четверки закончила.

В диалектах выявляются примеры употребления некоторых существительных в роли обстоятельства образа действия:

ихрекский диалект: *Шейибырмыфан хатир леиун*. – За деньги уважение брать (покупать);

в **мухадском диалекте** в подобном контексте возможна форма сравнительного падежа: *Шейибырмышьаь хатир леиун*. – За деньги уважение брать (покупать);

хновский говор: *Уьзу агьна йыхды кар акь, йыхды лакь,*

Сагьвалихьван, шадвалифан, мыхаIд рыш (*Сакит Курбанов*).

Как полагается, хорошее приданое сделай, хороший сундук

С радостью, со здоровьем, девушка из Рутула.

В диалектах рутульского языка форма комитатива от существительных *гьуьмир* «жизнь» – *гьуIмирдыхьван* «чем жизнь, вместо жизни», *наIх* «вечер» – *нахаIдыхьван* «чем вечер, вместо вечера», *сенбыр* «года» – *сыдырмышьван* «чем года, вместо лет», *вазбыр* «месяцы» – *вазырмышьван* «чем месяцы, вместо месяцев», оформляют в предложениях обстоятельство времени, приобретая семантику отрезка времени: всю жизнь, годами, месяцами и т.д.

Таким образом, факты ареальных единиц рутульского языка подтверждают правильность квалификации комитатива как «промежуточного» между общеграмматическим и местным падежом, способным оформлять объект, совместно с которым совершается действие, инструменталис, обстоятельства времени и образа действия.

Библиографический список

1. Дирр А. Рутульский язык (СМОМПК. Вып. XLII). – Тифлис, 1912. – 204 с.

2. Джейранишвили Е.Ф. Цахский и мухадский языки. II. Морфология. – Тбилиси, 1984. – 614 с.

3. Ибрагимов Г.Х. Цахурский язык. – М., 1990. – 239 с.

4. Ибрагимов Г.Х. Рутульский язык: синхрония и диахрония. – Махачкала, 2004. – 308 с.

5. Климов Г.А. Введение в кавказское языкознание. – М., 1986. – 208 с.

6. Махмудова С.М. Морфология рутульского языка. – М., 2001. – 256 с.

УДК 811.161.1

Иванова Наталья Кирилловна

доктор филологических наук

Ивановский государственный химико-технологический университет
nkiisuct@mail.ru

НЕКОТОРЫЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКИЕ ИТОГИ 2013 ГОДА: «САМЫЕ-САМЫЕ» СЛОВА АНГЛИЙСКОГО ЯЗЫКА

На основе ряда Интернет-источников анализируются английские «слова года» (самые частотные по поисковым запросам в словаре Merriam-Webster.com) и слова, часто пишущиеся с орфографическими ошибками. Рассматриваются социолингвистические причины активизации тех или иных лексических единиц, осуществляется их сравнение с употреблением в русском языке и делается вывод о языковой гегемонии США.

Ключевые слова: языковая динамика, семантика, орфография, произношение, социолингвистика, словари, язык и политика.

Как известно, словарный состав любого языка динамичен: в нем постоянно происходят изменения, обусловленные появлением новых слов, новых значений уже известных слов, заимствованиями из других языков; одни слова могут в силу каких-то причин – социолингвистических или экстралингвистических – активизироваться, то есть перейти с периферии в центр лексического ядра, а другие, наоборот, уйти в малоиспользуемый лексический фонд.

Издательства некоторых известных словарей, активно поддерживающих и электронную версию, в последнее время ведут статистику поиска на своих ресурсах самых частотных слов. Это позволяет воссоздать в определенных хронологических рамках «языковой портрет» месяца или года, проанализировать актуальные тенденции языкового развития.

В данной статье будет рассмотрен список одного из самых популярных и авторитетных электронных он-лайн словарей – Merriam-Webster.com [4], опубликовавшего в декабре 2013 г. результаты обращений (приблизительно 100 млн. в месяц) пользователей этого словаря. Как оказалось, это не были новые слова или слова, часто употребляемые в заголовках о самых важных событиях года. Как замечает П.Соколовский, редактор словарей издательства «Merriam-Webster», этот ранжированный по частоте список многих удивит, но частота употребления некоторых слов и желание пользователей Сети, читателей газет, телезрителей уточнить их значение по словарю обусловлены тематикой

тех актуальных социальных проблем, которые активно обсуждались в СМИ в течение года. Рассмотрим и прокомментируем первую десятку слов: 1) science; 2) cognitive; 3) rapport; 4) communication; 5) niche; 6) ethic; 7) paradox; 8) visceral; 9) integrity; 10) metaphor [4].

Слово **science**, занимающее в этом списке первое место, казалось бы, не требует комментария. Однако, как указывает П.Соколовский, оно «выражает широкую культурную дихотомию» и может относиться к описанию процессов наблюдения, интуиции, доказательства [4]. Это слово многократно звучало в различных дискуссиях: об изменении климата, о политике образования, профанации науки и ее достижений. По этой причине по сравнению с 2012 частота поиска этого слова увеличилась на 176%. Наш опыт преподавания английского языка в различных аудиториях показывает, что его написание (с непроизносимой <s>) и произношение часто вызывают трудности, следовательно, многие неносители английского языка обращаются к словарю не столько за уточнением семантики слова, сколько за проверкой его орфографии и произношения (и часто путают при чтении со словом since).

Правоммерно, на наш взгляд, появление в первых строках этого списка слова **cognitive**. Заметим, что о частоте его употребления в СМИ и «неясности» семантики свидетельствует и русская логосфера, его многократное употребление по российскому ТВ и радио по итогам «когнитивного анализа речи» Президента России В.В. Путина по-

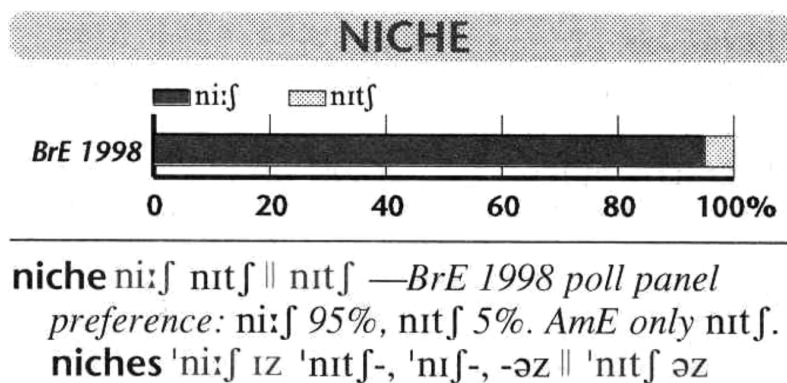

Рис. 1. Особенности произношения слова **niche** в британском и американском английском [6]

сле встречи с журналистами 19 декабря 2013 г. При этом акцент нашими лингвистами был сделан на контент-анализ, основные концепты, отражающие ментальные особенности актуализации картины мира («работа», «движение», «совместно» и др.).

Согласно П.Соколовскому, в англоязычном обществе это слово часто звучит в связи с обсуждением мозговых нарушений, в том числе – травматических у пожилых людей, чему было посвящено несколько известных новостных сюжетов. В обществе наблюдается явный интерес к когнитивным функциям (cognitive functions) человека, их изменению с возрастом [4]. Поскольку это прилагательное соотносится, прежде всего, с его медицинским терминологическим значением, оно наиболее часто, по данным словарей, сочетается с существительными **function, development, behaviour, therapy**.

Частое обращение пользователей словарей к словам **rapport** (/ræ'pɔ:/- *a friendly relation, relation marked by harmony, conformity, accord, or affinity*) и **communication** непосредственно определено разоблачениями Э. Сноудена и скандалом вокруг деятельности АНБ – как связанным с мониторингом личной переписки граждан США (*private communication*), так и с отношениями между зарубежными лидерами (*rapport with foreign leaders*), телефоны которых тоже прослушивались. Ещё одна сфера употребления этих слов – лексикон тех, кто ищет работу и хотели бы правильно употребить эти слова в своих резюме.

Из произношения слова **rapport** очевидно, что это фонетически не ассимилированное английским языком заимствование из французского языка (*rapporter* – возвращать, относиться, *старофр.* *raporter* (re- + *aporter* – приносить, *Latin* *apporta*, первое употребление около 1661 г.). Следовательно, его звучание в СМИ и его написание не совпадают и определяют желание пользователей словаря уточнить их. Обращение к орфоэпическому словарю показывает, что в настоящее время это слово уже имеет несколько вариантов произношения: /ræ'pɔ:, ræ-, 'ræpɔ: || ræ'pɔ:t, -pɔ:t – *Fr* [ʁapɔ:ʁ] и зафиксированный в британском варианте англий-

ского языка сдвиг ударения на первый слог (после двойной черты в словаре приводится американский вариант произношения) [6]. Можно прогнозировать, что отмеченная в 2013 г. активизация данного слова, в дальнейшем обусловит изменение его произношения и пересмотр порядка приводимых вариантов.

Слово **niche**, прочно вошедшее в современное словоупотребление благодаря маркетинговому жаргону (ср. русск. «найти свою нишу на рынке услуг», «занять прочную нишу», англ.: *niche market, to make a niche for oneself*), часто ищется в английских словарях из-за желания уточнить его произношение; его поиск увеличился по сравнению с прошлым годом на 140% [5]. Согласно словарю LPD, это слово имеет несколько вариантов произношения, что графически представлено в этом авторитетном орфоэпическом словаре (рис. 1).

Как видно из приведенных на этом рисунке данных, британская произносительная норма устанавливает традиционное произношение /ni:f/ (заимствованное вместе со словом в 1611 г. из фр. языка), а американское – орфографическое (*Spelling Pronunciation*), приближенное к написанию слова. В словаре Merriam-Webster.com в качестве основного и звучащего варианта приводится американский вариант произношения – /nitʃ/.

Следующее слово – **ethic** (среднеангл. *ethic* из среднефр. *ethique*, из лат. *ethice*, из греч. *ēthikē* от *ēthikos*), пришедшее в английский язык в XIV веке, но так и не получившее однозначного написания: с конечной -s или без нее. Словарь Merriam-Webster.com снабжает приводимые в нем дефиниции этого слова комментарием «*plural or sing but plural in constr*», то есть, указывая на допустимость обоих вариантов, но предпочтительность написания с -s на конце слова в конструкциях. Из дефиниций можно понять, что **ethic** (этика) как «правила поведения, основанные на представлении, что морально хорошо или плохо» (перевод наш. – Н.И.), употребляется без -s на конце слова. Однако приведенные в словаре примеры дают двоякое написание: *materialistic ethic, work ethic, elaborate ethics, Christian ethics*. Вероятно, именно эта нео-

пределенность и обуславливает частое обращение к словарю для проверки употребления этого слова в данном значении. Научная дисциплина (отрасль философии) пишется только **ethics**. Потребность уточнить применение слова была опосредована, на наш взгляд, публичным дискурсом, в центре внимания которого в 2013 г. были такие проблемы, как этичность клонирования людей, распространения суррогатного материнства, обсуждения личной жизни известных людей и т.д.

Следующую позицию занимает существительное **paradox** (лат. *paradoxum* от греч. *paradoxon*, 1540), которое может относиться к противоречивым ситуациям, высказываниям, людям и является типичным примером проникновения «ученого» (книжного) термина в публицистику, религиозный дискурс и устную речь. Анализ приводимых на форуме словаря комментариев пользователей показывает, что необходимость поиска ими значения этого слова была определена его употреблением в речи священников (различных конфессий), журналистов, блогеров. Вероятно, некоторым требуется уточнение значения слова применительно к человеку. Согласно словарному определению, парадоксом можно назвать человека, выполняющего противоречивые действия или обладающего противоположными качествами (*someone who does two things that seem to be opposite to each other or who has qualities that are opposite*). Контекстуальный пример из словаря: *As an actor, he's a paradox – he loves being in the public eye but also deeply values and protects his privacy*. (Ср. русск. «парадоксальный человек», но «парадокс» по отношению к нелюбимым явлениям.)

Ещё одно книжное слово, вошедшее в широкое употребление из медицинской терминологии (1575), – это слово **visceral** (мед. *visceral tissue* – внутренние ткани, *viscera* = intestines – внутренние органы). В современном, нетерминологическом, употреблении оно имеет несколько значений: интуитивный, эмоциональный, нерациональный (*visceral drives, hatred, excitement*), глубокий (*visceral conviction*), имеющий дело с простыми чувствами, эмоциями (*a visceral novel*). Как свидетельствуют комментарии пользователей, они встречались с этим словом в газетах, сетевой переписке, слышали в телепередачах и в речи других людей (например, гидов, актеров, певцов и т.д.). Все это косвенно указывает на распространенность этого слова в его прямом и переносном значениях, о чем свидетельствует и большой набор приводимых пользователями словосочетаний с **visceral**: *fat/ buzzing/ power/ feeling/ experience/ reaction, etc.* Таким образом, причина «востребованности» слова в словарном поиске – его распространенность в самых различных речевых ситуациях и контекстах.

Предпоследнее слово первой десятки – **integrity**, употребляемое в не совсем привычном значении –

честность (*the quality of being honest and fair*), как синоним существительных *incorruptibility, decency, goodness, morality, probity, rectitude, righteousness, etc.* и антонима со словами *badness, evil, evildoing, immorality, iniquity, sin, etc.* Комментарии пользователей показывают, что данное слово часто употребляется священниками во время проповеди, в религиозной литературе, в учебном дискурсе – среди уточняющих слово много студентов, и оно даже используется некоторыми в обозначении статуса в *Facebook*.

Завершает десятку самых популярных слово **metaphor**. Оно имеет в словаре стандартное определение (*a figure of speech in which a word or phrase literally denoting one kind of object or idea is used in place of another to suggest a likeness or analogy between them*) [4]. Примечательно, что оно попало в список благодаря особой активности студентов в конце декабря («пик» поиска – 16 декабря 2013 г.) в период подготовки курсовых и выпускных работ. Отмечен также частый поиск слов *irony, culture, allusion, simile, and alliteration*.

Таким образом, проанализированный список указывает на наличие четкой связи между социально-политическими явлениями, языком и культурой речи: появление в речевом узусе нового или непривычного слова, выражения вызывает к нему большой общественный интерес и стимулирует его поиск (для уточнения значения, произношения и т.д.) в электронном словаре. Наиболее очевидно это связь прослеживается на специальном ресурсе на странице анализируемого словаря «The Year in Words», на котором регистрируются «пиковые точки» популярности слов. Так, 26 июля Россия объявила о предоставлении Э. Сноудену временного убежища, и сразу начался активный поиск слова **asylum** (*protection given by a government to someone who has left another country in order to escape being harmed*) – с пиковой популярностью 1 августа. События в Сирии, за которыми напряженно следил весь мир, активизировали поиск слов **rhetoric** (28 августа): *In a political context, rhetoric can mean «insincere or grandiloquent language»* [4], латинского выражения **casus belli** (5 сентября) и др. Примечательно, что в результате обсуждения разоблачений Э. Сноудена в качестве главного слова 2013 г. предлагалось существительное **privacy**.

О тесной связи наиболее часто запрашиваемых в словаре дефиниций и социально-политической ситуации в стране (США) и мире говорит и выбор «слов-чемпионов» в предшествующие годы. Так, в 2011 г. словом года стал глагол **tergiversate** («to change repeatedly one's attitude or opinions with respect to a cause, subject, etc.; equivocate»), активизировавшийся в год «Сирийской весны» и движения «Оссуру».

2012 г., определенный редакторами словаря как «лексикографически спокойный», был отмечен не

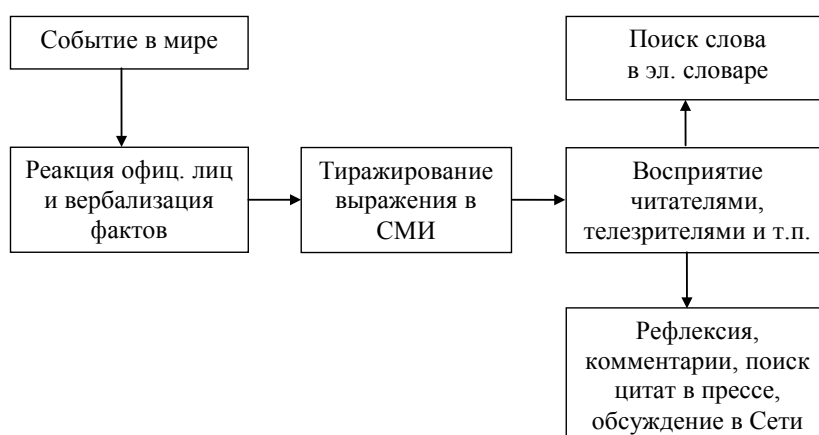

Рис. 2. Схема механизма распространения слов и выражений

только самыми дорогими политическими кампаниями и разрушительными стихийными бедствиями по всему миру (наводнение в Австралии, циклон в Китае, ураган Сэнди в США и др.), но и «рукотворными»: валютным кризисом в Еврозоне, волнениями в Греции, проблемами в американской экономике. «Словом-чемпионом» в этих условиях стали глагол и существительное **bluster**: to roar and be tumultuous, as wind; noisy, empty threats or protests; inflated talk[4].

Схематически можно представить следующий механизм (см. рис. 2).

Лексико-стилистический анализ первой десятки слов 2013 г. показывает, что в США (затем это тиражируется во всем мире) для вербальной характеристики событий характерен выбор слов официально-делового стиля: книжных, терминологических, заимствованных, то есть тех, которые не всегда понятны среднестатистическому жителю этой мультинациональной и мультикультурной страны, студентам. Заметим, что эта тенденция противоположна российской: в наших СМИ официальными лицами и журналистами часто вводятся в оборот экспрессивные, но стилистически сниженные лексические единицы.

Активность пользователей данного электронного словаря косвенно подтверждает их вовлеченность в современный информационный процесс и распространенность английского языка как источника различного рода информации: поисковые запросы, как и комментарии, выполняются людьми разного возраста, национальности, уровня образования, живущими по всему миру. Соответственно, различается и их реакция на полученную информацию: кто-то благодарит за разъяснения, кого-то раздражают чужие орфографические и грамматические ошибки, кто-то пытается навязать другим свое мнение.

Как мы уже писали ранее, нетерпимость к различного рода ошибкам в реальной и виртуальной коммуникации обусловила создание нового течения, которое условно можно назвать «новый пуризм», и появление ряда английских неологизмов

(*guerrilla proofreading, greengrocers' apostrophe, apostofly, dictionary flame, flame warrior, Grammar police*, etc.), обозначающих процесс и участников «борьбы» за правильность речи и корректность написаний [1]. Англоязычный Интернет содержит большое количество специальных ресурсов, посвященных правописанию, анализу типичных орфографических ошибок, предлагающих для самопроверки тесты различной степени сложности [3].

На сайте словаря «Merriam-Webster» com. имеется ресурс *Misspelling of the Year*, регистрирующий самые частотные слова, написанные при их поиске с ошибкой [4]. Так, «словом-чемпионом» по некорректности написания и количеству ошибочных вариантов стало слово **furlough** («a period of time when an employee is told not to come to work and is not paid»), постоянно звучавшее в августе 2013 г. в связи с приостановкой работы госучреждений из-за отсутствия финансирования. Это слово, заимствование из голландского языка (*vorloffte, fore-loofte, 1630s*), зафиксировано при его поиске в нескольких некорректных вариантах: *furlow, furlo, ferlow*, etc. Таким образом, очевидно, что большинством пользователей словаря оно не рассматривалось как аналогичное по написанию и произношению со словом *though* и др., но на него распространялся принцип фонетического написания (*Pronunciation Spelling*) – одной из актуальных тенденций современной английской орфографии [2]. Другие типичные ошибки, приведенные в списке-2013 неправильно написанных слов, также указывают на доминирование звучания слова, что обуславливает нечеткое произношение безударных суффиксов и префиксов (*perjudice, percise, amature, imagrination*), пропуск отдельных графем, передающих редуцированные звуки (*aquanted, infared, hierachical*), пропуск на письме непроемких согласных (*indite вместо indict*), etc [5].

Таким образом, проведенный анализ слов, наиболее часто уточнявшихся по словарю Merriam-Webster.com, показал наличие четкой связи между социально-политическими событиями в мире

(и в США в частности) и логосферой английского языка, в которой активизируются под влиянием экстралингвистических факторов отдельные слова, принадлежащие к книжному стилю (терминологические единицы, заимствования и др.). Так, назначение нового Папы активизировало поиск по словарю слов **emeritus**, 130-летний юбилей Ф. Кафки – слова **Kafkaesque**, события в Египте – французского заимствования **coup d'état**, смерть Н. Манделы – слова **apartheid** как синонима прилагательного «несправедливость» и др. Очевидна при этом лингвистическая гегемония США, так как вербализация наиболее важных мировых событий осуществляется вначале американскими политиками и журналистами, которые, как показал анализ, очень внимательно выбирают нужное слово, а затем оно «подхватывается» СМИ других стран, входит в лексикон читателей, слушателей, пользователей Сети во всем мире. Полученные данные актуальны для исследования проблемы «язык и власть» в рамках нового лингвистического направления – лингвополитологии.

Библиографический список

1. Иванова Н.К. «Новый английский пуризм», или Борьба за правильность английского языка // Приволжский научный вестник. – 2013. – Т. 28. – № 12. – С. 93–96.
2. Иванова Н.К. О влиянии произношения на написание (на примере английских неологизмов) // Иностранные языки: лингвистические и методические аспекты. – Тверь: Тверской госуниверситет, 2012. – С. 113–121.
3. Иванова Н.К. Орфографические ошибки в английском языке: опыт классификации на основе Интернет-материалов // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 1. – С. 250–253.
4. Merriam-Webster Online [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.merriam-webster.com/dictionary> (дата обращения: 25.01.2014).
5. Tyler Schnoebelen. Current Events, Language [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://blog.dictionary.com/autor/tyler-schoebelen> (дата обращения: 22.01.2014).
6. Wells J.C. Longman Pronunciation Dictionary / 2nd ed. – L.: Pearson Education Ltd., 2000. – 870 p.

УДК 811

Калабекова Людмила Тазретовна

кандидат филологических наук

Северо-Осетинский государственный университет имени К.Л. Хетагурова (г. Владикавказ)
kalabekova@list.ru

ФУНКЦИОНАЛЬНО-СЕМАНТИЧЕСКОЕ ПОЛЕ АСПЕКТУАЛЬНОСТИ В ЯЗЫКАХ РАЗНОЙ СТРУКТУРНОЙ МОДЕЛИ (ОПЫТ СОПОСТАВИТЕЛЬНОГО АНАЛИЗА)

В настоящей статье делается попытка сопоставить структуру функционально-семантического поля (ФСП) аспектуальности французского, русского и осетинского языков. При этом существенным становится тот факт, что интегрирующей силой, способной объединить все три лингвосистемы, является ядерная позиция видовой категории в пределах ФСП.

Ключевые слова: функционально-семантическое поле аспектуальности, категориальная специфика, типологическая отнесенность, пространственно-временной континуум.

Семантико-функциональный подход к изучению грамматических категорий представляет собой модель функциональной грамматики, дающую системное основание для исследования конструктивных возможностей единиц разных языковых уровней. Упомянутую модель отличает синтез исходно-семантического и исходно-формального направлений анализа и описания языкового материала. При этом если исходно-формальный подход сопряжен с закономерностью функционирования грамматических форм и выявлением специфических признаков значения и употребления каждой из последних, то исходно-семантический анализ (отражающий «своего рода доминанту мыслительно-речевой деятельности говорящего») предоставляет исследователю возможность выйти за пределы «простых и явных» языковых средств (определенных типов

морфологических или синтаксических конструкций) и обратиться к изучению явлений гораздо более сложных, связанных с взаимодействием разноразрядных элементов [5, с. 163–164]. Семантико-функциональный подход к исследованию языковых явлений дает возможность проследить за теми процессами, которые слагаются при выражении эквивалентных аспектуальных ситуаций в разноразрядных языках (в нашем случае: французском, русском и осетинском).

Представление аспектуальности в качестве ФСП позволяет рассматривать в единой системе, имеющей функциональную основу, взаимосвязи различных аспектуальных семантических признаков. Происходит интеграция разноразрядных средств (морфологического, словообразовательного, синтаксического и лексического порядка), что создает необходимые условия для анализа их

взаимодействия. Однако при этом необходимо проводить четкое размежевание средств разных типов, в частности различие между *видами* как грамматической категорией и *способами глагольного действия* (СД) как лексико-грамматическими разрядами [4, с. 118]. В самом деле, грамматическую категорию *вида*, имеющую морфологические средства выражения, следует четко дифференцировать от значений СД, приобретающих лексико-синтаксический статус и составляющих в комплексе с видовой категорией понятие аспектуальности. СД связаны с познавательной деятельностью человека, являются плодом его языкотворческой активности, фиксирующей в языке пространственно-временные представления, которые и составляют понятийную основу, обуславливающую основную характеристику упомянутой категории [8, с. 8].

Характерно, однако, что ФСП аспектуальности конкретно взятого естественного языка, помимо компонентов, свойственных многим языкам, содержит и элементы идиоэтнические, специфические для данной лингвосистемы или группы родственных языков [1, с. 76]. «Проявление общности, единства основных признаков системы ФСП в разных языках отражает общность мыслительных категорий, лежащих в основе рассматриваемых единств, что, в конечном счете, восходит к единству отражения субстанций, свойств и отношений объективной внеязыковой действительности. Проявления же расхождений, своеобразия ФСП в языках разных типов коренятся в особенностях строя отдельных языков, их категориальной системы, в различиях, существующих в распределении выражения тех или иных отношений между морфологией, синтаксисом, лексикой, словообразованием, средствами контекста и ситуации» [3, с. 47–48]. Из сказанного следует, что модель построения ФСП аспектуальности применительно к языкам разной типологической отнесенности (в нашем случае: французскому, русскому и осетинскому) позволяет высветить целый ряд специфических особенностей, находящихся отражение во всевозможных межъязыковых коллизиях. Однако интегрирующей силой, способной объединить все три лингвокультуры, становится ядерная позиция морфологической категории *вида* в пределах ФСП аспектуальности [4, с. 115–116].

Мнения ученых по вопросу иерархической организации ФСП аспектуальности во французском языке разнятся, и определяющим фактором в сложившейся ситуации становится неоднозначное осмысление грамматической категории *вида*. Для одних исследователей ядром ФСП аспектуальности является противопоставление простых временных форм сложным [2, с. 138–142]. Другие – в качестве морфологической доминанты поля аспектуальности рассматривают оппозитивные корреляты *imparfait/ passé simple* (Imp/PS) [1, с. 77] или же,

усматривая грамматический *вид* в обеих приведенных оппозициях, считают вполне приемлемым примирить обе точки зрения [9, с. 202]. Что касается периферии ФСП аспектуальности, то последняя включает в свою активность целый пласт синтаксических и лексических элементов [12, с. 27–34]).

Применительно к французской языковой системе, автор настоящей статьи предлагает следующую модель иерархической организации ФСП аспектуальности. В качестве ядра поля аспектуальности рассматривается морфологическая категория *вида*, проявляющаяся в оппозиции времен Imp/PS (повторимся еще раз). Периферийными компонентами выступают: а) лексические средства; б) лексико-синтаксические составляющие; в) морфологические элементы (аффиксы). Говоря о лексических составляющих, оказывающих непосредственное влияние на характер протекания процесса, мы имеем в виду деление французских глаголов на *предельные / непредельные* (П/НП), которое, по образному выражению Г. Лафлеша, является их «обязательной врожденной чертой» [13, с. 367]. К лексико-синтаксическим средствам относим все те элементы, которые также способны оказывать воздействие на видовую характеристику процесса. Таковыми становятся слова и словосочетания, а также непосредственное синтаксическое окружение глагола (подлежащее, дополнение, обстоятельство), семантические особенности которых обуславливают определенные сдвиги в аспектуальной ориентированности действия. И, наконец, под морфологическими элементами понимаются аффиксы, также способные в некоторых случаях влиять на видовую характеристику процесса.

Использование функционально-семантического подхода к анализу языковых явлений устанавливает вполне очевидное подобие категории П/НП в трех исследуемых языках в силу универсального характера ее семантической значимости как инвариантной и а priori заданной в системной организации многих естественных языков, поскольку любое действие, процесс и состояние протекают в этих языках тем или иным образом в пространственно-временном континууме. Восприятие категории П/НП в качестве существенной лингвистической универсалии позволяет говорить о приоритетной роли этой последней во всех трех сопоставляемых системах. При этом в каждой из них она представляет собой ближнюю периферию по отношению к морфологической категории *вида* как ядра ФСП аспектуальности.

Что касается лексико-синтаксических и морфологических компонентов поля аспектуальности, то их роль в языках разных типов (в нашем случае – во французском, русском и осетинском) а priori видится неравнозначной. Так, в частности, во французском языке правильная интерпретация видового значения исходной словоформы выявля-

ется не столько при анализе самой формы, сколько при учете взаимодействия ее категориального значения с элементами актантного окружения, а также с лексическим значением конкретного глагола. Для русского и осетинского языков (в силу их максимально синтетической структурной организации) существенными, при оформлении тех или иных СД, становятся лексемы, отмеченные большей или меньшей степенью морфологизма. Сказанное и предопределяет конечную позицию морфологических составляющих в пределах ФСП аспектуальности для французского языка и лексико-синтаксических компонентов для русского и осетинского. Вместе с тем отношения, слагающиеся между тремя сопоставляемыми языками, в аспекте их взаимодействия с компонентами периферии, являются достаточно сложными и филигранными.

На сегодняшнем этапе развития науки многие вопросы французской (как, впрочем, и осетинской) аспектологии остаются все еще дискуссионными или вовсе открытыми. Несомненно лишь то, что всякий раз, когда мы говорим о виде и, шире, об аспектуальности в глагольной системе французского или осетинского языков, мы «оглядываемся», сравниваем, сопоставляем упомянутое явление с аспектуальной системой русского и других славянских языков. Замечено, что видовая категория французского языка относится к тем глагольным характеристикам, которые обнаруживают явную зависимость от контекста. В самом деле, нередко русским глаголам с характеризованным СД соответствуют французские лексемы, которые СД специально не выражают. А если СД и находит свое отражение, то зачастую при опоре на внеглагольные средства, находящие фиксацию в иных предложенческих составляющих (обстоятельствах, дополнениях, определениях), способствующих воспроизведению аспектуального характера какой-либо конкретной дискурсивной ситуации. Исключение, как известно, составляют лишь некоторые аффиксальные образования. Например, глаголы с формантами *dé* и *re*: *plier* – *déplier* (делать складки – распускать складки), *fleurir* – *refleurir* (цвести – вновь зацветать).

Отличительной чертой русской глагольной лексемы (уже на уровне системы) является ее способность хранить информацию, указывающую на характер протекания процесса. Так, глаголы *поспать* и *выспаться*, помимо собственно лексического смысла, содержат в своей семантике указание на способ протекания процесса на временной оси [6, с. 95–96]. В то время как лексическое содержание эквивалентного им французского глагола *dormir* лишено какого бы то ни было оттенка аспектуальной природы: то есть во французском языке, в отличие от русского, СД специально не выражен. Упомынутая закономерность легко прослеживается на примере конкретных текстовых ситуаций. Сравним:

Bientôt une cloche sonna, et au bout d'un moment les ouvriers défilèrent sur la route [11, с. 209]. – Вскоре прозвонил колокол, и через несколько минут по дороге потянулись работники [11, с. 380];

Elle franchissait d'un saut de grands torrents qui l'éclaboussaient au passage de poussière humide et d'écume [11, с. 38]. – Одним прыжком перемахивала она через широкие потоки, и они обдавали ее брызгами и пеной [11, с. 289].

Нетрудно заметить, что русские морфологически маркированные глагольные лексемы вполне определенно выражают характер протекания процесса (*прозвонил*, *потянулись*, *перемахивала*, *обдавали*), а во французской фразе понять то, как действие развивалось во времени, помогает фоновая информация в целом. Приведенные примеры показательны еще и тем, что в них обнаруживается так называемая дистрибутивность, вычленяемая из общей гаммы видовых значений, но не получившая, к сожалению, должного внимания со стороны исследователей-аспектологов.

Во французской лингвосистеме нередко наблюдаются достаточно сложные случаи (если не сказать – почти парадоксальные), когда СД в предложении обозначен, но само действие не выражено. Например:

Il s'est approché de moi pour m'aider à me tenir sur l'eau [6, с. 90]. – Он подплыл ко мне, чтобы помочь продержаться на воде.

Во французском высказывании, как видим, характер передвижения обуславливается ситуацией (*pour m'aider à me tenir sur l'eau*). В русском же предложении осмыслить то, каким образом некто перемещался в пространстве, нам позволяет семантика самой словоформы *подплыть*. Правда, и в русском языке допустимо было бы употребить глагол более широкого значения, который, как и французский *s'approcher*, обозначал бы только СД [6, с. 98–99].

Схожее явление прослеживается и при сопоставлении французской и осетинской языковых систем. Сравним:

...мæ æрбатахт, тæхæн аппаратæ уадзæг завод кæм ис, уыцы горæт Комсомольск-Амурæй [10, с. 2]. – On nous a envoyé (nous avons reçu) l'avion de l'usine de la construction aéronautique de Komsomolsk-sur-l'Amour.

В осетинском языке, как видим, на характер движения указывает морфологически отмеченный глагол *æрбатахт*. Во французской фразе характер движения мотивирован денотативными свойствами ситуации.

Изложенная информация дает основание констатировать, что эквивалентные аспектуальные значения находят неодинаковое языковое воплощение в сопоставляемых лингвокультурах. Французский глагол по своему внутреннему содержанию состоит из суммы потенциальных, характерных

ему видовых характеристик, которые могут реализоваться в речевом потоке лишь при определенных условиях. Во французской языковой системе та или иная аспектуальная ситуация эксплицируется в высказывании за счет временной формы, временного указателя или фоновой информации в целом. Французский язык располагает лишь незначительным количеством готовых языковых средств для импликации аспектуальных ситуаций. Что касается русского и осетинского языков, преимущественно синтетических в своей структурной модели, то они, скорее, сближаются в схемах образования СД. Определяющую роль в формировании СД в русской и осетинской лингвокультурах приобретают морфологические средства языка, значимость которых определяется уже тем фактом, что эти последние активно задействованы при образовании видовой оппозиции СВ/НСВ глагола. Приведенное обстоятельство существенно отличает эти языки от французского, в котором частотность использования морфологически отмеченных лексем не столь интенсивна. Лексико-синтаксическим элементам (в модели иерархической организации ФСП аспектуальности русской и осетинской лингвосистем) отводим конечную позицию, что также существенно отличает упомянутые языки от французского, где особая значимость лексико-синтаксических составляющих уже а priori диктуется его преимущественно аналитическим устройством.

Интегрирующей силой, объединяющей все три сопоставляемые языковые системы и позволившей провести исследование в виде параллельного, последовательного сравнения, стало наличие грамматической категории вида, имеющей четкое морфологическое воплощение и занимающей ядерную позицию в пределах ФСП аспектуальности. При этом важно отметить, что на первый план во всех трех лингвосистемах выходит семантический признак *целостности / процессности* глагольного действия. Именно этот семантический признак, на который впервые обратил самое пристальное внимание чешский исследователь Вацлав Иоанс Рос и который в дальнейшем лег в основу выделения в глагольной системе славянских языков оппозитивных коррелятов СВ/НСВ глагола [7, с. 74], мы рассматриваем в качестве абстрагированного значения видовой категории, в пределах которого обнаруживаются более частные семантические характеристики процесса.

Библиографический список

1. Акимова Т.Г. О ядре и периферии функционально-семантического поля аспектуальности во французском и английском языках (на материале переводов русского повествовательного текста) // Вопросы сопоставительной аспектологии. – 1978. – № 1. – С. 75–88.
2. Богомолова Э.И. К вопросу о грамматическом ядре функционально-семантической категории аспектуальности в современном французском языке // Зарубежное языкознание и литература. – 1972. – № 2. – С. 138–142.
3. Бондарко А.В. Принципы функциональной грамматики и вопросы аспектологии / отв. ред. В.Н. Ярцева. – Л.: Наука, 1983. – 208 с.
4. Бондарко А.В. Основы функциональной грамматики: языковая интерпретация идеи времени. – СПб.: СПбГУ, 2001. – 260 с.
5. Бондарко А.В. О роли формы в функциональном анализе грамматических единиц, классов и категорий // Материалы Международной конференции, посвященной 100-летию со дня рождения проф. М.И. Стеблин-Каменского. – СПб.: Наука, 2003. – С. 163–165.
6. Гак В.Г. Русский язык в сопоставлении с французским. – 3-е изд., испр. – М.: Едиториал УРСС, 2004. – 264 с.
7. Маслов Ю.С. Очерки по аспектологии. – Л.: ЛГУ, 1984. – 263 с.
8. Рянская Э.М. Способы действия в когнитивном аспекте: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – СПб., 2002. – 32 с.
9. Сабанеева М.К. На периферии поля аспектуальности в современном французском языке // Язык и действительность: сб. науч. тр. памяти В.Г. Гака. – М.: ЛЕНАНД, 2007. – С. 202–206.
10. Цхуырбаты Харитоны номыл // Рæстдзинад. – 2012. – 12 января.
11. Daudet A. Lettres de mon moulin. – Paris: Bibliothèque-Charpentier, 1937. – 254 p. (Доде А. Письма с мельницы / пер. И. Татариновой // Доде А. Собр. соч.: в 7 т. – М.: Правда, 1965. – Т. 1. – С. 271–404.)
12. Granberg J.-H. Les modes d'action du verbe français – quelques réflexions // Revue romane: Numéro Spécial. – Copenhagen, 1967. – Vol. 1. – P. 27–34.
13. Laflèche G. Etude psychosystématique sur les valeurs aspectives des temps du passé en français // Revue des langues romanes. – 2-e fasc. – Montpellier, 1973. – Т. 80. – P. 112–123.

К ПРОБЛЕМЕ КЛАССИФИКАЦИИ УСТАРЕВШЕЙ ЛЕКСИКИ РУССКОГО ЯЗЫКА

Статья посвящена исследованию существующих концепций классификации устаревшей лексики русского языка. Автор акцентирует внимание на критическом анализе подходов к понятию «архаизация лексики» и предлагает альтернативную типологию устаревших слов.

Ключевые слова: архаизм, архаизация, историзация, хронизм, хронологическая маркированность.

Изучение языка как исторически развивающегося объекта и основных особенностей языковых изменений является важным аспектом исследования форм существования языка, оно тесно смыкается с описанием его сущностных характеристик. Подлинное понимание природы языка невозможно без постижения разнообразных типов движения, которые в нем наблюдаются. Процесс архаизации лексики является одним из наиболее ярких свидетельств динамичности языка, так как выпадение лексических единиц или отдельных значений слов из активного употребления происходит неоднократно на протяжении жизни одного поколения носителей языка. Проблема архаизации интересовала многих лингвистов. В качестве основной она рассматривалась в исследованиях В.Ф. Алтайской, Ю.С. Сорокина, Ю.С. Маслова, В.Ф. Белянской, К.А. Солиевой, Е.В. Ковалевой, Л.А. Шнайдерман. Отдельные замечания по данной проблеме высказаны в работах С.И. Ожегова, Н.В. Тоцигина, Т.А. Дегтяревой, Ю.Д. Дешериева, И.Ф. Протченко, А.М. Селищева, А.Е. Супрун и других. Однако, несмотря на довольно пристальное внимание к этой теме со стороны научного сообщества, в настоящее время не выработаны общие критерии для разграничения разрядов устаревшей лексики, и, соответственно, нет единой классификации данного пласта.

Наиболее традиционным подходом при классификации устаревших слов является установление причин перехода слов из активного словарного запаса в пассивный: «Процесс историзации детерминирован экстралингвистическими причинами (неактуальностью предметов и явлений действительности), а процесс архаизации – внутрилингвистическими причинами (наличием синонимов, вариантов и т.п.)» [9, с. 54] Это мнение разделяют Е.М. Галкина-Федорук, А.В. Калинин, Н.М. Шанский, Л.И. Баранникова, Ш.А. Токсанбаева, Е.Г. Михайлова и некоторые другие.

Однако существует другая точка зрения: «Классифицировать устаревшую лексику по причинам устаревания нельзя, ибо архаизмы, как и историзмы, могут выходить из употребления исключительно по экстралингвистическим причинам» [8, с. 13].

М.В. Панов, Д.Н. Шмелев и некоторые другие лингвисты отмечают, что языковые и внеязыко-

вые факторы, влияющие на развитие и изменение словарного состава, выступают не обособленно, а в единстве.

По словам Н.М. Шанского, «установление причин превращения слов из факта активного словарного запаса в архаизмы, причин вытеснения, замены одного слова другим является, как правило, делом весьма сложным» [14, с. 148]. Возможно, этим объясняется отсутствие в лингвистических работах систематизированного и последовательного их отражения. Отдельные замечания, касающиеся причин архаизации слов, были высказаны в работах В.В. Виноградова, Э.Г. Спивак, К.С. Горбачевича, Т.В. Строевой, Г.О. Винокура и некоторых других.

Следует отметить, что в научной литературе нет единого определения понятия «архаизм», что обусловлено, прежде всего, недифференцированным подходом к устаревшей лексике: термином «архаизм» нередко обозначают «любые устаревшие элементы языка» [11, с. 248]. Это приводит к нежелательной многозначности термина, который в данном случае означает: 1) устаревшее слово вообще, 2) историзм, 3) собственно архаизм. Так, нет разделения устаревших слов на архаизмы и историзмы в работах К.И. Былинского, В.К. Фаворина, Л.А. Булаховского, А.Н. Гвоздева, С.И. Бураковой, Б.И. Матвеева и некоторых других.

Р.А. Будагов [5, с. 99–100] называет слова, обозначающие устаревшие предметы и понятия, первым типом архаизмов; а единицы, существующие параллельно с другими, активными словами, обозначающими те же предметы и понятия, – вторым типом архаизмов.

По мнению некоторых исследователей, единого определения термину «архаизм» дать невозможно, так как устареть может не только слово полностью, но и составляющие его элементы, его значение, особенности сочетания с другими словами, написание и произношение, порядок слов в предложении [15, с. 8]. Наиболее емкое, с нашей точки зрения, определение данного термина предложено Е.Г. Михайловой [12, с. 71], согласно которому архаизм – это динамическое языковое явление, воспринимаемое носителями языка как устаревшее, стилистически значимое, благодаря своей противопоставленности более употребительным нейтральным эквивалентам.

Что касается историзмов, то наличие в языке данной лексико-семантической разновидности устаревшей лексики не считается бесспорным. Так, в работах М.Д. Степанова, И.И. Чернышевой, Б.Н. Головина, Г.И. Рихтера, С.Д. Жордани, В.Н. Ключевой историзмы представлены как частная разновидность архаизмов. А. И. Смирницкий, О.С. Ахманова в разряде устаревших слов рассматривают только архаизмы, не выделяя историзмы как особую разновидность данной группы слов.

Отметим также отсутствие единой терминологии для обозначения историзмов. А.А. Реформатский называет данную категорию устаревших слов «исторические слова и историзмы», Ф.П. Филин – «исторические слова».

Представляется интересной точка зрения Г.С. Колесник, согласно которой историзмы исключаются из разряда устаревших слов. В основе такого понимания сущности историзмов лежит теория «асимметрического дуализма лингвистического знака» С. И. Карцевского, заключающаяся в том, что между означающим и означаемым языкового знака нет тесной связи, так как нет ее и между словом (двусторонней единицей) и денотатом. Таким образом, существует принципиальное различие между процессами архаизации и историзации лексики. В основе архаизации лежит проблема отношения между звуковой формой слова и его значением, в основе историзации – проблема отношений между знаком как двусторонней единицей и референтом/денотатом.

Соглашаясь с данными рассуждениями, признавая своеобразие и даже противопоставленность этих лексико-семантических групп слов, мы все же считаем необходимым на основе общего признака – наличие хронологической маркированности, направленной ретроспективно, – объединить историзмы и архаизмы в единую группу устаревших слов как две равноценные категории.

В основу существующих в языкознании определений историзма положен принцип отношения лексического значения слова к действительности. Историзмами называют «слова или устойчивые словосочетания, обозначающие исчезнувшие реалии» [7, с. 204]. В ряде определений понятия «историзм», вследствие недостаточно четкого отнесения историзмов к активному или пассивному словарному составу языка, неясным остается вопрос: считать историзмы фактами современного русского языка или же это слова, ушедшие за его границы? Если у одних авторов процесс архаизации, устаревания еще не завершен, так как это «*уходящие* лексические единицы» [11, с. 248], «*выходят* из употребления» [2, с. 14; 12, с. 49], то у других этот процесс считается законченным, так как это слова, *вышедшие* из активного употребления [14, с. 147] или «*исчезнувшие* вместе с соответствующими реалиями» [10, с. 141] (выделено нами. – Е.Л.).

Говоря об историзмах современного языка, необходимо иметь в виду, что исчезновение актуальных для различных исторических периодов реалий и понятий приводит к переходу их обозначений из активного словарного состава в пассивный, тем самым ограничивается степень употребительности слов, но историзмы современного русского языка – это отнюдь не исчезнувшие из языка слова, а лексические единицы, продолжающие употребляться, хотя и с известным функциональным ограничением, или извлекаемые из памяти народа в определенных коммуникативных ситуациях и текстах.

К.А. Солиева и В.Ф. Алтайская выделяют еще одну лексико-семантическую разновидность устаревшей лексики, занимающую промежуточное положение между архаизмами и историзмами – хронизмы. «Здесь происходит изменение и в означаемом и в означающем: частичное изменение означаемого – сужение или расширение понятийной или предметной отнесенности и выход слова из активного употребления. В отличие от историзмов здесь не исчезло означаемое, а в отличие от архаизмов вытесненным словам соответствуют слова, которые не находятся с ними ни в отношениях синонимии, ни в отношениях вариантности» [13, с. 39].

По словам В.Ф. Алтайской [2, с. 20], хронизмы являются принадлежностью устаревшей лексики послеоктябрьского периода и имеют узкую сферу распространения: названия политических партий, членов партий, армии, состава армии, руководящих административных учреждений и возглавляющих их лиц.

С нашей точки зрения, выделение данной категории устаревшей лексики в качестве особого разряда, занимающего промежуточное положение между архаизмами и историзмами, не является правомерным. Во-первых, к хронизмам по изложенной трактовке относится лишь часть устаревших *советизмов*, а промежуточные явления не должны быть ограничены какими-то конкретными временными рамками, их можно проследить в разных исторических эпохах. Кроме того, хронизмы, по определению выделяющих их ученых, характерны лишь для одного семантического поля, а именно для военно-политической лексики, что также не позволяет рассматривать их как равноправный (пусть и менее объемный в количественном отношении) лексико-семантический разряд устаревшей лексики наряду с архаизмами и историзмами. Тем не менее мы признаем наличие специфических черт у данной категории слов, что позволяет говорить о некоторой обособленности их в системе устаревшей лексики.

Д.И. Алексеев считает хронизмы особой разновидностью историзмов и относит к ним все названия, которые «архаизуются в связи с сознательными, преднамеренными переименованиями учреждений, организаций, городов и т.п.» [1,

с. 101]. Таким образом, ученый значительно расширяет сферу распространения хронизмов, включая в нее названия единиц административно-территориального деления (*волость, губерния*), топонимы (*Петроград, Екатеринослав*), наименования общественно-политических, социально-экономических, научно-технических учреждений, организаций и их представителей (*Осоавиахим, РАПП, Пролеткульт, торгсин, ЭПРОН, эпроновец, комбедовец* и т.п.).

Фиксированность / нефиксированность времени выхода из активного употребления является важным критерием разграничения историзмов и архаизмов. Если момент выхода архаизма из современной системы языка практически неуловим, так как вызван внутренними, языковыми причинами, то у категории историзма он, как правило, датируется без особого труда, так как связан с изменениями в окружающем предметном мире. Тем не менее нам представляется более логичным включить хронизмы в качестве особой разновидности в состав архаизмов, так как изменение означаемого знака и частичное изменение означаемого не приводит к изменению денотата, то есть сама реалья остается неизменной. А наличие или утрата из обихода обозначаемого понятия является основным критерием разграничения лексико-семантических разновидностей устаревших слов. Например, все звенья цепочки изменения названий коммунистической партии РКП(б) → ВКП(б) → КПСС, несмотря на сознательное переименование и фиксированность времени выхода из активного употребления каждого из них, относятся к архаизмам, так как изменение названия и расширение объема понятийной отнесенности не приводило к исчезновению самой реалии.

Что касается сферы распространения данной категории слов, мы считаем, что хронизмами являются любые названия, характеризующие социально-экономические, общественно-политические, культурно-исторические явления жизни народа в определенную историческую эпоху. Для нас хронологическая маркированность слов представляет собой один из признаков устаревания слов.

К промежуточной группе слов мы относим многозначные лексемы, которые в одном значении устарели вследствие исчезновения обозначаемого явления, понятия, предмета, а в другом значении вытеснены из активного употребления другими словами: *благонамеренный* – 1. В дореволюционной России: преданный самодержавному строю, враждебно настроенный к революции. 2. Честный, порядочный; *регалия* – 1. Предмет, являющийся символом монархической власти, напр. корона, скипетр и т.п. 2. Орден, знак отличия; *ратник* – 1. То же, что воин. 2. В царской России: рядовой государственного ополчения; и др.

Особо следует сказать о многозначных словах, которые в одном из значений устарели как обозна-

чения исчезнувших реалий, в другом из значений вытеснились другими словами, а в остальных – входят в состав общеупотребительной лексики. Сохранению этих слов в одном из своих значений или приобретению ими новых переносных значений способствует широкий семантический объем или яркая стилистическая окраска слов. Например, *венец* – 1. Устар. Венок. 2. Драгоценный головной убор, корона или символ власти монарха. 3. Церк. Корона, возлагаемая на вступивших в брак при церковном обряде венчания. 4. Перен. Последняя, высшая ступень завершения чего-л.; верх, вершина. 5. Светлое радужное кольцо вокруг солнца, луны или ярких звезд. 6. Каждый горизонтальный ряд бревен в срубе [6, т. 2, с. 156].

Таким образом, термин «архаизация лексики» используется нами как общий термин при переходе лексем в разряды архаизмов, историзмов, а также промежуточную группу устаревших слов. При разграничении архаизмов и историзмов для нас основными критериями является наличие / отсутствие обозначаемой реалии в общественном обиходе и наличие / отсутствие современного синонима в словарном запасе.

Исследование процессов архаизации лексики русского языка показало, что классифицировать устаревшую лексику по причинам устаревания нельзя. Социальные и языковые факторы выступают в тесном и динамическом единстве, и поэтому мы имеем право говорить о преимущественном влиянии тех или иных закономерностей. Как показывают наблюдения, причины, лежащие в основе архаизации лексических единиц, связаны с идеологией, психологией, языковым вкусом говорящих, со стремлением совершенствовать механизм языка. С другой стороны, все эти факторы зависят от исторических условий, общественных отношений и определяются ими.

Библиографический список

1. Алексеев Д.И. О функционировании и судьбе аббревиатурной лексики послеоктябрьской эпохи // Язык и общество: межвуз. науч. сб. Вып. 3. – Саратов: Саратовский гос. ун-т, 1974. – С. 95–114.
2. Алтайская В.Ф. Переходные явления в лексике русского языка послеоктябрьского периода // Русский язык в школе. – 1960. – № 5. – С. 16–17.
3. Белянская В.Ф. Устаревшая лексика современного русского языка (историзмы): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Л., 1978. – 24 с.
4. Брагина А.А. Старое – новое в лексике // Русская речь. – 1978. – № 1. – С. 24–25.
5. Будагов Р.А. История слов в истории общества. – М.: Добросвет, 2000. – 256 с.
6. Словарь современного русского литературного языка: в 17 т. – М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1950 – 1965.
7. Лингвистический энциклопедический словарь / под ред. В.Н. Ярцева. – М.: Советская энциклопедия, 1990. – 683 с.

8. Ковалева Е.В. Устаревшая лексика в системе современного русского языка и в художественных текстах XIX века: автореф. дис. ... канд. филол. наук – М., 1996. – 22 с.

9. Колесник Г.С. К проблеме лексических историзмов в современном немецком языке // Вопросы германской филологии. – Калинин: Калининский гос. ун-т, 1977. – 54–58.

10. Косовский Б.И. Общее языкознание. Учение о слове и словарном составе языка. – Минск: Вышэйшая школа, 1974. – 270 с.

11. Маслов Ю.С. Введение в языкознание. – М.: Высшая школа, 1975. – 272 с.

12. Михайлова Е.Г. Архаизация элементов языка в процессе его развития (на материале русско-го литературного языка XVIII в.): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Киев, 1987. – 22 с.

13. Солиева К.А. Эволюция архаичных элементов в газетной лексике советской эпохи: автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1985. – 24 с.

14. Шанский Н.М. Лексикология современного русского языка. – М.: Либроком, 2013. – 312 с.

15. Ялышева А.П. Функционирование устаревших слов в современном немецком языке (К вопросу о языковой статике и динамике): автореф. дис. ... канд. филол. наук. – М., 1971. – 22 с.

УДК 811.111

Уразметова Александра Владимировна

кандидат филологических наук

Башкирский государственный университет (г. Уфа)
urazmetova82@mail.ru

ИСТОРИЯ США, ЗАФИКСИРОВАННАЯ В ТОПОНИМИЧЕСКИХ ПРОЗВИЩАХ ШТАТОВ

В статье рассматриваются вторичные номинации американских штатов, в основу которых легли исторические события. Эта группа американских прозвищ четко ограничена в языке и представляет собой интересный материал для лингвистического анализа. В статье приводится классификация исследуемых единиц, а также их мотивационный и количественный анализ.

Ключевые слова: топоним, топонимическое прозвище, вторичная номинация, штаты США, история США.

Топонимические прозвища или вторичная номинация – это использование уже имеющих в языке номинативных средств в новой для них функции наречения [4, с. 97]. Зачастую в топонимических прозвищах американских штатов фиксируются события и факты, отражающие различные периоды в истории становления и развития США. Эта группа прозвищ довольно многочисленна и составляет около 14% среди всех прозвищ американских штатов. Признак, по которому именуется предмет, в частности географические объекты, – это своеобразное обоснование названия, мотивировка топонима [6, с. 202].

1) Самой продуктивной мотивацией для вторичной номинации штатов США, связанной с историей страны, является **открытие и колонизация** европейцами Америки, например, *Vikings State* «Штат викингов» – Миннесота (первыми европейцами, посетившими этот штат в XIV веке, были скандинавские викинги); *Mother of States* «Мать Штатов» – Виргиния (здесь произошла «Первая высадка» под предводительством первопроходца Эрнандо де Сота [9]). Еще одна вторичная номинация штата Виргиния – «Старый доминион» *Old Dominion*, является официальным прозвищем штата, связанным с его историей (английский король Карл II в 1660 г. придал колонии статус доминиона). Это прозвище считается самым первым прозвищем среди всех штатов, зафиксированным в письменном виде в 1778 году. Однако известно,

что это прозвище произошло от прозвища «Древний Доминион» *Ancient Dominion*, использовавшегося в конце XVII века. Штат Массачусетс называют «Колониальным Штатом» *Colony State*, так как именно здесь переселенцами-пуританами была основана Плимутская колония в 1620 г. [3]. С этим историческим событием связаны и другие прозвища Массачусетса: *Old Colony State* «Штат старой колонии», *Pilgrim State* «Штат переселенцев», *Puritan State* «Пуританский штат».

История колонизации Америки отражается в следующих топонимических прозвищах: *Hardcase State* «Штат тертых людей» – это прозвище штата Орегон, которое ассоциируется с трудными условиями жизни первых поселенцев в период колонизации штата [5]. Прозвище штата и города Нью-Йорк – *Knickerbocker State* «Штат никкербоккеров» – ассоциируется с голландскими колонистами, основавшими город Новый Амстердам на месте нынешнего Нью-Йорка. В 1638 г. шведы под предводительством Питера Минута основали колонию вокруг Форта Кристина (находящегося на месте современного города Уилмингтон, штат Делавэр), и территория стала называться «Новой Швецией» – *New Sweden*. Официальное прозвище штата Мэриленд – *Old Line State* «Штат старой границы». В колониальный период он находился на границе между землями, пожалованными английской короной Уильяму Пенну и лорду Балтимору [5]. Помимо этого штат Мэриленд имеет

неофициальное прозвище – *Queen State* «Королевский штат». Штат был назван так в честь Генриетты Марии, дочери французского короля Генриха IV и супруги короля Англии, Шотландии и Ирландии Карла I Стюарта [3]. Штат Оклахома на Великих Равнинах называется «Штатом торопыг или землезахватчиков» *Sooner State*. Еще до того, как эта земля была официально открыта для поселения, люди пересекали границу и присваивали себе земли. Когда же первые официальные поселенцы перешли границу, то они столкнулись с теми, кто сделал это раньше, обжил земли и не хотел их отдавать. Утратив негативные оттенки, это название превратилось в официальное прозвище штата [9]. В конце XIX в. Оклахому называли *Boomers' Paradise* или *Boomer State* «Штат, ищущих легкой наживы». *Boomer* – это человек, который ищет для поселения экономически процветающие районы.

2) Прозвища некоторых штатов указывают на **дату или очередность присоединения** их к США. Штат Делавэр первым ратифицировал конституцию США (7 декабря 1787 г.), что послужило основой для его официального прозвища – *First State* «Первый штат» [5]. Официальным прозвищем штата Колорадо, который был принят в состав США в 1876 г., когда отмечалось столетие США, – является «Штат столетия» *Centennial State* [5]. Северная и Южная Дакота имеют общее прозвище *Twin Sisters* «Сестры-близнецы». Они были выделены из единой территории Дакота и одновременно стали 39-м и 40-м штатами США 2 ноября 1889 года [3]. Аризона – это 48-й штат, вошедший в состав США в 1912 г. На протяжении 47 лет Аризона имела прозвище «Младший штат или штат-младенец» *Baby State*, так как это был самый новый штат, пока 3 января 1959 года Аляска не была объявлена 49-м штатом, которая так и называется – *the 49th State* «49-й штат» [9]. Тот факт, что Аризона вошла в состав 14 февраля 1912 года (День Святого Валентина), породил прозвища *Valentine State* «Валентинов штат» и *Sweetheart State* «Влюбленный штат» [2]. Гавайи, являясь самым «молодым» из североамериканских штатов (ставший таковым 21 августа 1959 года), носит имя *Youngest State* «Самый молодой штат».

3) Следующая, выделенная нами группа прозвищ, связана с различными **войнами**, проходившими на территории США.

Война за независимость США (1775–1783 гг.), сыгравшая важную роль в истории развития государства, оставила в языке значительное количество вторичных номинаций американских штатов. Во время войны за независимость США на территории штата Нью-Джерси прошло больше битв и вооруженных столкновений, чем в любом другом штате США, из-за этого Нью-Джерси получил прозвище «Перекресток революции» *Crossroads (Pathway) of the Revolution* [3]. Топоним *Jersey Blue State* «Штат

голубого джерси» ассоциируется с тканью и цветом мундиров полков из Нью-Джерси в период Войны за независимость [8]. Штат Мэриленд известен как «Кокардный штат» *Cockade State*, так как во время Войны за независимость полки Мэриленда имели форму и кокарды на шляпах единого образца, в отличие от наспех собранных полков других североамериканских колоний [3]. Штат Коннектикут получил прозвище *Provisions State* «Штат провианта» из-за того, что во время Войны за независимость он снабжал провиантом войска [3]. В Пенсильвании была подписана «Декларация независимости США», именно поэтому ее называют «Штатом независимости» *Independence State*, или «Ключевым штатом» *Keystone State*. Колокол Свободы, ставший впоследствии одним из главных символов США, сзывал жителей Пенсильвании на оглашение Декларации независимости. Отсюда еще одно прозвище штата – *Liberty Bell State* «Штат Колокола Свободы» [3].

Гражданская война между южными и северными штатами (1861–1865 гг.), также имевшая важное значение в истории США, отразилась в некоторых прозвищах американских штатов. Например, штат Невада называют «Штатом, рожденным в боях» *Battle Born State*, так как он вошел в состав США во время Гражданской войны, и на флаге штата присутствует надпись «Рожденный в боях» *Battle Born* [1]. Два граничащих между собой штата Миссури и Теннесси презрительно называют «Штатами серого ореха» *Butternut States* из-за цвета военной формы армии конфедератов.

Другие войны и конфликты также оставили свой след в топонимах и топонимических прозвищах. Например, штат Канзас получил свои прозвища *Bleeding Kansas* «Кровоточащий Канзас» и *the Battleground of Freedom* «Поле боя за свободу» из-за многочисленных конфликтов и споров о законности рабства. События тех лет часто называют прелюдией к Гражданской войне в США. Прозвище *Roughrider State* «Штат Мужественных Всадников» – имеет штат Северная Дакота. «Мужественными всадниками» называли бойцов первого добровольного отряда кавалерии, собранного в Северной Дакоте в 1898 г. для участия в испано-американской войне [7]. *Volunteer State* (отр.) «Штат добровольцев» – официальное прозвище штата Теннесси, возникшее во время войны с Мексикой в 1847 г., когда на призыв губернатора Брауна собрать три полка (около 3 тыс. чел.) откликнулось 30 тыс. добровольцев. Это псевдопатриотическое прозвище имеет шовинистический оттенок [5]. *Dark and Bloody Ground State* «Земля раздоров или поле схваток и кровавых битв» – Кентукки. Это прозвище появилось в середине XVIII в., когда на территории штата происходили битвы между индейскими племенами Шауни, Чероки, Чикасо, Крик и др. [5]. *Cavalier State* «Штат Кавалеров

или Штат Роялистов» – Виргиния. Кавалеры – это английские роялисты, сторонники англиканской церкви и Карла I в его борьбе с пуританами и парламентом в ходе английской Гражданской войны, которые покинули Англию и приехали в Виргинию сразу после казни Карла I [1].

4) Четвертая группа исторических прозвищ связана с **президентами** США. Штат Виргиния является «Матерью Президентов» *Mother of Presidents* или, как ее еще называют, *Mother of Statesmen* «Мать политических деятелей», так как здесь родились восемь президентов США: Дж. Вашингтон, Т. Джефферсон, Дж. Мэдисон, Дж. Монро, У.Г. Гаррисон, Дж. Тайлер, З. Тэйлор и В. Вильсон. «Матерью Современных Президентов» *Mother of modern presidents* считается штат Огайо, где родились семь президентов Соединенных Штатов: У. Грант, Р. Хейз, Дж. Гарфилд, Б. Гаррисон, У. Мак-Кинли, У. Тафт и У. Гардинг [3]. «Родиной президентов, выходцев с Юго-запада», *Mother of Southwestern Statesmen* называют штат Теннесси, где родились Э. Джексон, Дж.Н. Полк и Эндрю Джонсон [9]. Жители штата Иллинойс, где начинал свою политическую деятельность Авраам Линкольн, с гордостью называют свой штат «Страной Линкольна» *Land of Lincoln*.

5) В пятую группу объединены прозвища, указывающие на различные **достижения и первенство** штата в определенной области. Например, у штата Огайо есть четыре неофициальных вторичных номинации, которые указывают на тот факт, что братья Райт, жившие в этом штате, первыми в мире построили самолет с двигателем и совершили на нем полет 17 декабря 1903 г. – *Birthplace of aviation* «Место рождения авиации», *First Flight State* «Штат первого полета», *First in Flight* «Первый в полетах», *First in Freedom* «Первый в свободе». Одно из официальных прозвищ штата Небраска – *Tree Planter's State* «Штат лесоводов или штат сажающих деревья». Именно здесь зародился праздник *Arbor Day* «День древонасаждения». Впервые он состоялся 10 апреля 1872 г. Тогда было посажено около одного миллиона деревьев. Впоследствии эта традиция распространилась на другие страны мира [7]. Одна из балтиморских газет дала название штату Мэриленд – «Свободный штат» *Free State*, когда он первым заявил о том, что не хочет подчиняться 18-й поправке к Конституции США, вводившей «сухой закон» [1]. В январе 1639 года совет колонии Коннектикут утвердил документ, вошедший в историю как «Основной Устав», который определял структуру и полномочия правительства колонии, а также порядок проведения выборов. Это был первый подобный документ в американских колониях, который впоследствии стал прообразом Конституции США. Именно благодаря Основному Уставу Коннектикут получил свое знаменитое прозвище – «Штат

Конституции» *Constitution State* [3]. Вайоминг был первым штатом, в котором предоставили избирательные права женщинам в 1869 г., за что он и получил прозвище *Suffrage State* или современное *Equality State* «Штат равноправия» [9].

6) В последней группе объединены вторичные номинации, отражающие **различные события и факты** в историческом развитии страны, например неофициальное название Аляски – *Sourdough State* «Штат старателей, золотоискателей» – появилось, когда на Аляске открыли золотоносные источники. Официальное прозвище штата Техас, на флаге которого изображена одна звезда, – *Lone Star State* «Штат Одинокой Звезды». Отторгнутый от Мексики рабовладельцами американского Юга Техас в течение некоторого времени был независимой республикой. С тех пор «одинокая звезда» символизирует независимый дух Техаса. Противопоставляя себя жителям других штатов США, техасцы с гордостью называют себя *Lone Star Staters* – жители «штата одинокой звезды» [5]. Штат Алабама известен как «Сердце Дикси» *Heart of Dixie*, потому что находится в самом центре группы штатов «Глубокого Юга».

Появление неофициальных прозвищ штата Нью-Джерси – *New Spain* и *State of Spain* «Новая Испания и Штат Испания» – связано с тем, что бывший король Испании Жозеф Бонапарт имел поместье в Нью-Джерси. Говорят, что жители Филадельфии в шутку называли Нью-Джерси Новой Испанией, завидуя такому богатому резиденту. Позднее появилось еще два шуточных прозвища *Foreigner State* и *Foreign State* «Иностранный штат», благодаря тому, что эта земля была заселена иностранцами во времена короля Испании [9]. Штат Миссури имеет одно неприятное прозвище – (груб., вульг.) *Puke State* «Рвотный штат». Говорят, что оно связано с большим собранием жителей Миссури в 1827 г. на свинцовых рудниках Галена. В своей книге «State Names, Flags, Seals, Songs, Birds, Flowers and Other Symbols» (1938 г.) Дж. Шанкл написал: «...Так много миссурийцев собралось, что собравшиеся заявили, что штат Миссури вырвало» [9].

В результате проведенного количественного анализа было установлено, что наиболее продуктивной мотивировкой исторических прозвищ американских штатов является важнейший период в истории США – открытие и колонизация европейцами Америки (27%). Второй по продуктивности мотивацией являются не менее важные события, связанные с различными войнами (25%). Три группы топонимических прозвищ (дата и очередность присоединения штатов к США, достижения и первенство штата в определенной области, а также различные исторические события и факты) составляют по 13% каждая. Наименьшей по количеству группой являются прозвища, связанные

с различными президентами США. Эта группа составляет 9%. (Процентные показатели округлены до ровных чисел.)

Уровень знаний об объекте, который можно почерпнуть из мотивированных слов, может быть различным, в связи с чем, вслед за Е.В. Цветковой, были выделены следующие типы мотивации: абсолютная или полная, традиционная, относительная и «ложная» [6, с. 203]. В исследуемых единицах наблюдается преобладание абсолютной мотивированности (когда известны факты, положенные в основу номинации, например: *Pilgrim State, Old Line State* и т.д.) и традиционной мотивированности (когда названия и их объяснения передавались из поколения в поколение, например: *Boomers' Paradise, Hard-case State* и т.д.). Наблюдаются также случаи относительной мотивированности (когда объяснения наименований предположительно, так как их достоверная история со временем исчезла, например вторичные номинации *New Spain, Puke State*). Топонимических прозвищ с «ложной» мотивированностью обнаружено не было. Однако это деление довольно относительно, так как одна и та же топонимическая единица может быть рассмотрена как абсолютно мотивированная, так и традиционно мотивированная, или вовсе немотивированная, в зависимости от того, в каком коллективе она употребляется.

Библиографический список

1. Википедия – электронная энциклопедия. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://ru.wikipedia.org/wiki/> (дата обращения: 15.02.2014).
2. Бондарева В. American State Nicknames. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.ushistory.ru/esse/822-american-state-nickname.html> (дата обращения: 15.02.2014).
3. Про США. Энциклопедия США. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://prousa.ru/> (дата обращения: 15.02.2014).
4. Сквиря В.К. Понятие, виды и способы номинации политической лексики в английском языке // Вестник Челябинского государственного университета. – 2013. – № 4. – С. 97–101.
5. Словарь топонимов США. Америка через американизмы / Томахин Г.Д. – М.: «Высшая школа», 1982. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://usa_toponyms.academic.ru/ (дата обращения: 15.02.2014).
6. Цветкова Е.В. Мотивированность – немотивированность в топонимии // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2010. – № 2. – С. 202–206.
7. Энциклопедия туриста. Путешествие по планете Земля. Северная Дакота – Штат США; Небраска – Штат плоской воды. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://geosfera.info/severnaya-amerika/usa/> (дата обращения: 15.02.2014).
8. English-Russian linguistic regional studies dictionary Americana. Англо-Русский лингвострановедческий словарь Американа / Чернов Г.В., 2012. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://slovar-vocab.com/> (дата обращения: 15.02.2014).
9. State Symbols, 50 State Capitals, Flags, Maps, Geography, Facts, Songs... Netstate. Learn About the 50 States. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.netstate.com/index.html> (дата обращения: 15.02.2014).

ВАРИАТИВНОСТЬ ЯЗЫКОВЫХ СРЕДСТВ В ГОРНОЗАВОДСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ КОНЦА XVII – НАЧАЛА XVIII ВЕКОВ

В горнозаводской терминологии Петровской эпохи одновременно функционировали разнопризнаковые и разноструктурные номинативные варианты для названия одного и того же денотата, что связано в основном с поисками лучших форм его номинации. В статье названы причины языковой вариативности: близость формирующихся терминов к народно-разговорной лексике, отсутствие кодификации, локальность и др. Явления вариативности свидетельствуют о первичном этапе формирования терминологии.

Ключевые слова: вариант, вариативность, варьирование, номинативная единица, номинативный вариант, синонимический ряд, составное наименование.

Одним из необходимых условий функционирования естественного языка является варьирование. Вариативность форм в русском языке периода становления русской терминологии является одним из интенсивно изучаемых вопросов современной отечественной лингвистики. Формирование производственно-технической терминологии, возникшей на основе общенародного языка, становление нормы русского национального языка отражаются в текстах деловых памятников региональной письменности конца XVII – начала XVIII вв. В языке деловой письменности наблюдается конкуренция многочисленных вариантов всех структурных типов терминов. Особое место занимают многокомпонентные терминосо сочетания – составные наименования (СН), различающиеся ведущим родовым словом. Процессы терминообразования четко отражаются в лексико-семантической группе (ЛСГ) «Названия печей горнозаводского производства».

Источниками статьи послужили материалы горнозаводской письменности Петровской эпохи: документы Олонецких, Тульских, Уральских заводов; в качестве дополнительных использованы данные исторических и региональных словарей и историко-лексикологических исследований.

В документации заводов для наименования горнозаводских печей, предназначенных для тепловой обработки руды, металла, употреблялись термины *печь, печка, горн (горно), домна* и терминосо сочетания (СН) с этими опорными словами.

Общеславянское по своему происхождению слово *горн* в значении «плавильная печь, очаг» известно с XI в. [17, т. 1, с. 442; 12, вып. 4, с. 87; 6, с. 66].

Исходное значение лексемы *печь*, в котором она фиксируется в памятниках с XI в. и в котором восходит к общеславянскому языку, – «устройство для отопления помещения и варки пищи» [17, т. 3, с. 256; 18, с. 337; 12, вып. 15, с. 41]. По свидетельству Г. Кочина, *печь* в терминологизированном значении «устройство для тепловой обработки руды, металла; печь в домнице» впервые в русской письменности отмечается в олонецких памятниках конца XV в. [6, с. 236].

Слова *горн* и *печь* имеют соответствия почти во всех славянских языках [17, т. 1, с. 442, т. 3, с. 256]. Этимология и семантика лексем исследованы О.Н. Трубачевым [16, с. 314, 384].

Собственно русская лексема *домна* (от др.-русс. *дѣмница, домница*; образование от праславянской основы **dъm*) [17, т. 1, с. 528; 16, с. 379] в значении «печь для выплавки чугуна из руды; чугуноплавильная печь» [12, вып. 4, с. 309; 13, вып. 6, с. 205; 15, т. 1, с. 118; 14, т. 1, с. 728] известна в русской письменности с середины XVII в., имеет общерусский ареал.

В документах Олонецких заводов названные термины употреблялись и как однословные номинативные единицы (НЕ), но чаще служили опорными словами в составе ряда терминосо сочетаний, вскрывающих разные мотивировочные признаки денотатов. Рассмотрим их.

Однословные НЕ и СН могли отражать:

1) специфику производственного назначения печей, см.: а) многочисленный синонимический ряд НЕ с общим значением «печь для выплавки чугуна из руды; чугуноплавильная печь»: *печь* (фиксируется в олонецких текстах с XV в.), *печка* (с 1669), *домна* (с 1703); *горн* (XVIII в.), *плавильная печь* (XVII в.), *плавильная печь* (с 1703), *плавильная домна* (1741), *доменная печь* (с 1704), *доменный горн* (с 1707), *горновая печь* (с 1732), см., например: *домница у нихъ одна, а печи двѣ...* [5, л. 571. 1499–1500]; *построены двѣ домны или плавильные печи ис которых чюгунъ выпускали* [1, кн. 799, л. 228 об. 1728]; *плавильныхъ доменъ построить... невозможно* [2, л. 36. 1741]; *обѣ доменные печи за рудою выдули* [9, с. 494. 1704]; *въ оныя доменные горны надобно руды...* [1, кн. 558, л. 122. 1707]; *на починку горновыхъ печей кирпичу...* [1, кн. 634, л. 30. 1732]; фразовое наименование (ФН): *2 печи гдѣ руду плавят* [1, кн. 606, л. 245. 1721] и др.

В документах Тульских и Уральских заводов с такой же семантикой отмечаются терминологические дублеты: *печь – печка – горн – домна – плавильная (плавильная) печь – доменная печь – плавильная домна – доменный горн* (последнее СН только в источниках Тулы [см.: 19, с. 57, 58, 84,

313. 1663; 3, с. 76, 392, 447, 449, 566. 1734]. СН *горновая печь* в значении «чугуноплавильная печь» в документах других горнозаводских центров не регистрируется, что позволяет считать его локальным, известным лишь в Олонецком крае.

В лексикографической литературе в качестве абсолютных синонимов в названном значении отмечаются термины *печь – домна – доменная печь – плавильная (плавиленная) печь* [15, т. 1, с. 118–120, т. 2, с. 65; 6, с. 236; 14, т. 1, с. 583, 727–728, т. 3, с. 455; 4, т. 1, с. 380, 465; т. 3, с. 108; 13, вып. 6, с. 205];

б) синонимический ряд (СР): *сыродутный горн* (с 1720), *сыродутная печь* и *сыродутная печка* (с 1741) в значении «печь для выплавки железа прямо из руды» [15, т. 2, с. 261; 14, т. 3, с. 455, т. 4, с. 544; 4, т. 3, с. 108]: *в ходу два горна сыродутных* [1, кн. 634, л. 1296. 1720]; *построили две сыродутные печи... и те сыродутные печки ломать повелено* [2, л. 39 об. 1741].

Названные СН в документации других центров не отмечены, что позволяет считать их локальными. С такой же семантикой в тульских и уральских документах употреблялись СН *ручной горн*, *ручной доменный горн* [19, с. 58. 1739; 3, с. 570. 1734];

в) синонимы-дублиеты: *опытная печь* (с XVII в.), *пробовальная печь* и *пробовальная печка* (с 1720) в значении «плавильная печь для проведения опытов с целью исследования качества руды»: *Медник... 6 дней опытную печь делал* [7, с. 78. 1673]; *свинец надобно плавит в печи пробовальной* [1, кн. 606, л. 250 об. 1720].

В документах других горных промыслов названные СН не обнаружены. В идентичном значении в письменности Уральских заводов фиксируется СН *пробирная печь* [3, с. 394. 1734];

г) терминологические дублиеты *печь*, *горн* (*горно*), *кузнеческий горн* в значении «печь в кузнице для нагревания металла при ковке» [14, т. 1, с. 583; 4, т. 1, с. 380, т. 3, с. 108].

В олонечких текстах в таком значении дважды отмечено слово *печь*: *в кузницы печь клали* [7, с. 14. 1670]; частотны термины *горн* (*горно*) и *кузнеческий горн*: *в молотовой перед горномъ наковално* [1, кн. 799, л. 48. 1728]; *Машина... в ней 2 горна кузнеческих* [1, кн. 799, л. 10. 1727].

В названном значении термин *горн* (*горно*) имел общерусский ареал [19, с. 58. 1738; 3, с. 76. 1734].

Слово *горно* в значении «горн в кузнице» сохранилось в диалектах без территориальных ограничений [11, вып. 7, с. 48].

2) СН могли отражать размер, величину печей: *большая домна* «печь значительного размера»: *с тое плотины водяные русла проведены к домне болюи* [1, кн. 634, л. 1290. 1707]; *малая (маленькая) домна*: «небольшая по размеру печь»: *отправлено 6 чертежей... тут же и малыя домны* [1, кн. 559, л. 110. 1722]; *в укладнѣи машинѣ гдѣ малыя до-*

мны или плавиленные печи валы и водяные колеса готовы [1, кн. 557, л. 325. 1720].

Рассмотрим термин *отжигальня*.

Руды к плавлению готовились в специальном устройстве посредством отжигания. Такая конструкция имела названия *отжигальня* (*обжигальня*, *пережигальница*).

По свидетельству М.В. Ломоносова, *отжигальня* представляла собой конструкцию с отжигательной печью, на дно которой накладывались дрова, по бокам и в середине уголь, а наверх круглой кучей руда. Высота кучи достигала двух аршин. В этих устройствах руду отжигали несколько дней. По окончании отжига кучу разбивали кирками, ломом [8, с. 117–120]. Отжигательные печи строились на открытом воздухе, реже – в особом здании [15, т. 2, с. 44, 45].

В олонечких документах для обозначения «устройства с отжигательной печью для обжига руды» с 1671 г. фиксируется лексема *отжигальня* (производное от старорусского глагола *отжигати* «обрабатывать огнем; обжигать» с общеславянским индоевропейского характера корнем *жечь*, *жгу* [17, т. 2, с. 38; 18, с. 146; 12, вып. 13, с. 240].

Данное понятие могло обозначаться также однокорневыми *обжигальня* (с 1707) и *пережигальница* (1672): *Дрова возили к горы на отжигальню* [7, с. 35. 1671]; *глину мяти у пережигальницы* [7, с. 75. 1672]; *1 обжигальня медной руды* [1, кн. 634, л. 1290 об. 1707].

Лексема *отжигальня* и ее однокорневые соответствия являлись, вероятно, локализмами, так как в источниках других горнозаводских центров термины не отмечены и в исторических словарях они иллюстрируются примерами только из олонечких текстов [12, вып. 13, с. 240, вып. 14, с. 243].

Как видно, в Петровский период горнозаводская терминология находилась в стадии своего активного формирования, о чем свидетельствуют многочисленные лексические и деривационные варианты наименований денотатов. Подобные явления вариативности можно наблюдать со старорусского периода во многих лексических подсистемах, например в формирующейся терминологии кожевенного дела множество вариантов: «дело кож – кожевенное дело – деланная кожа; делать сыромяти – делать кожи на сыромять – бить сыромять – мять сыромять; сыромять – кожа сыромять – сыромятная кожа – мятильная кожа – мятинная кожа» [10, т. 1, с. 65; т. 2, с. 155, 158]. Целостность системе придают деривационно связанные, однокорневые слова, входящие в состав терминов разных групп. Опорные слова становятся базой для формирования большинства новых разноструктурных терминов.

ЛСГ «Названия печей горнозаводского производства» включала термины, возникшие в разные периоды развития русского языка. К наиболее ран-

ним относится термин *горн*, уже в общевосточно-славянском языке употреблявшийся в исследуемом значении. Слово *печь* в специальном значении появилось в старорусском языке. Основная масса разных по структуре горнозаводских терминов возникла в начальный период формирования русского национального языка: *домна*, *отжигальня* (*обжигальня*, *пережигальница*), *доменная печь* и др.

Анализ отношений терминов позволяет выявить некоторые признаки системности. В исследуемом множестве наиболее активны деривационные отношения между компонентами.

Деривационные отношения возникают между существительными, становящимися в процессе образования терминосочетаний опорными, и СН. Опорное слово становится базой формирования целой парадигмы (деривационного ряда): *горн* – *сыродутный горн*, *кузнеческий горн*. Между компонентами СН развиваются синтагматические отношения.

Системность данной ЛСГ терминов проявляется в активизации парадигматических отношений между разнотипными компонентами объемных синонимических рядов (СР): *печь* – *печка* – *домна* – *горн* – *плавильная* (*плавленая*) *печь* – *плавильная домна* – *доменная печь* – *доменный горн* – *горновая печь* – *печь, где плавят*.

Такого рода СР представляют объединение абсолютных синонимов, возникших за счет реализации в наименовании различных мотивировочных признаков денотата.

Формирование многочисленных СР обусловлено не только активностью деривационных системных отношений, но и тем, что ряды как бы «вобрали в себя» все термины с тождественным значением, которые сформировались на более ранних этапах развития языка, но сохранились в активном употреблении в начале XVIII в.: *горн* (XI в.) – *печь* (XV в.) – *домна* (с середины XVII в.); *опытная печь* (с XVII в.) – *пробовальная печь* (с XVIII в.).

Признак системности – объединение в антонимические пары, в которых противопоставление создается обычно включением антонимичных терминологических элементов в СН: *большая домна* – *малая (маленькая) домна* и др.

Активизация системных деривационных и парадигматических отношений способствовала формированию в речи значительного количества номинативных вариантов (НВ), которые представлены:

а) собственно вариантами: словообразовательными: *отжигальня* – *обжигальня* – *пережигальница*; *плавильная печь* – *плавленая печь*; морфологическими: *горн* – *горно* и др.;

б) абсолютными синонимами: *доменная печь* – *плавильная печь*; *опытная печь* – *пробовальная печь* – *пробирная печь* и др.;

в) среди составных терминов (СН) распространены 2 типа варьирования: варьирование СН

за счет изменения опорного слова, поскольку оно являлось семантически ослабленным: *плавильная печь* – *плавильная домна*, *доменная печь* – *доменный горн*, *сыродутная печь* – *сыродутный горн* и др.; варьирование ФН и СН: *печь, где плавят руду* – *плавильная печь* и др., последнее малопродуктивно.

Анализ данной ЛСГ в географическом аспекте показал, что большинство терминов имело общерусский ареал.

В процессе анализа выделена группа локальных терминов, характерных лишь для олонечской горнозаводской терминологии, см.: *горновая печь*, *сыродутный горн*, *сыродутная печь*, *сыродутная печка*, *опытная печь*, *пробовальная печь*, *пробовальная печка*, *отжигальня* (*обжигальня*, *пережигальница*).

Терминосочетание *доменный горн*, помимо олонечских текстов, регистрируются лишь в тульских источниках.

Вопрос о синонимических рядах и номинативных вариантах достаточно подробно рассмотрен автором в опубликованных работах [20; 21]. «Исходя из широкого понимания вариантности, к вариантам относятся языковые единицы разных уровней, но с тождественной номинативной функцией, направленные на один денотат и способные замещать друг друга в коммуникациях» [20, с. 125]. «Излишняя вариативность (избыточные элементы) – слабое место таксономической стороны системы, своего рода асистемное явление, затрудняющее акты общения. Излишняя вариативность объясняется ориентацией специальной лексики на понятие, на представление о предмете и обуславливает поиск НЕ, наиболее полно отражающих специфические свойства реалии» [21, с. 73].

Таким образом, в исследуемой ЛСГ одновременно функционировали разнопризнаковые и разнотипные НВ для названия печей одного типа, что связано с поисками лучших форм их номинации. Наблюдается большое количество синонимов-дублетов. Горнозаводской терминологии Петровской эпохи свойственна вариативность языковых средств для номинации одного и того же денотата. Назовем некоторые причины вариативности терминов: 1) близость формирующейся производственно-технической терминологии к общеупотребительной народно-разговорной лексике; 2) отсутствие общерусской письменной кодификации терминов; 3) локальность, то есть употребление конкретных НВ на определенных территориях, что формирует множество регионализмов.

Все сказанное свидетельствует о том, что горнозаводская терминосистема еще находилась на первичном этапе своего формирования, она была открытой и обходилась в основном ресурсами родного языка.

Библиографический список

1. Берг Коллегия: РГАДА. Ф. 271. Табели и ведомости Олонецких заводов. Оп. 1. Кн. 557, 558, 559, 606, 634, 799. 1703–1741.
2. Берг Коллегия: РГАДА. Ф. 271. Табели и ведомости Олонецких заводов. Оп. 1. Ч. 6. Кн. 3215. Книга дел: из Московской конторы Берг-Директориума и канцелярии Петровских заводов и др. о постройке медного водяного завода. 1741.
3. Геннин В.И. Описание Уральских и Сибирских заводов 1735 года. – М., 1937. – 646 с.
4. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 т. – М.: Русский язык, 1981–1982.
5. Книга Водской пятины, письма Дмитрия Васильевича Китаева и Никиты Губы Семенова сына Моклокова, 7008 (1499–1500) года / под ред. К.А. Неволлина // Записки Русского географического общества. – Кн. VIII. – СПб., 1853. – С. 5–55.
6. Кочин Г.Е. Материалы для терминологического словаря древней России. – М.; Л., 1937. – 428 с.
7. Крепостная мануфактура в России: в 2 ч. – Л.: Изд. АН СССР, 1931. – Ч. II: Олонецкие медные и железные заводы. – 199 с.
8. Ломоносов М.В. Первые основания металлургии или рудных дел. (Основы металлургии). – АН, 1763. – ПСС. – Т. IV. – 416 с.
9. Материалы для истории русского флота: в 3 ч. – СПб., 1866. – Ч. 3: Балтийский флот. – С. 381–544.
10. Словарь промысловой лексики Северной Руси XV–XVII вв. / ред. Ю.И. Чайкина. – Вып. 1–2. – СПб.: Дмитрий Буланин, 2003–2005.
11. Словарь русских народных говоров / сост. Ф.П. Филин, Ф.П. Сороколетов. – Вып. 1–41. – М.; Л.; СПб.: Наука, 1965–2007.
12. Словарь русского языка XI–XVII вв. – Вып. 1–28. – М.: Наука, 1975–2008.
13. Словарь русского языка XVIII века. – Вып. 1–19. – СПб.: Наука, 1984–2011.
14. Словарь церковнославянского и русского языков, сост. Вторым отделением Имп. Академии наук: в 4 т. – СПб., 1847.
15. Спасский Г.И. Горный словарь: в 3 т. – М., 1841–1843.
16. Трубачев О.Н. Ремесленная терминология в славянских языках: Этимология и опыт групповой реконструкции. – М.: Наука, 1966. – 415 с.
17. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка / под ред. Б.А. Ларина. – Т. I–IV. – М.: Прогресс, 1986–1987.
18. Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. – Изд. 3-е, доп. – М.: Просвещение, 1975. – 546 с.
19. Щеглова Н.А. Словарь тульского оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв.: прил. к дис. «Терминологическая лексика оружейно-железодельного производства XVII–XVIII вв.». – М., 1964. – 542 с.
20. Юдина Т.М. Горнозаводская лексика начала XVIII века в номинативной деривационной системе языка // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2009. – № 1. – С. 123–132.
21. Юдина Т.М. Специфика горнозаводской терминотерминологии русского языка конца XVII – начала XVIII вв. (инвентарно-таксономическое, структурное, динамическое направления исследования) // Вестник Поморского университета. Серия «Гуманитарные и социальные науки». – 2010. – № 6. – С. 71–75.

Адаева Ольга Борисовна

кандидат педагогических наук, доцент

Челябинский государственный педагогический университет

adaevaob@yandex.ru

СТРАТЕГИЯ САМОПРЕЗЕНТАЦИИ АДРЕСАНТА КАК КОМПЕТЕНТНОГО УЧЕНОГО В ЛИНГВОДИДАКТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ

В статье рассматриваются речевые тактики, реализующие стратегию самопрезентации адресанта научного лингводидактического текста как компетентного ученого.

Ключевые слова: лингводидактический дискурс, речевые стратегии и тактики, самопрезентация в научном тексте.

Общепризнанной целью научной коммуникации является сообщение нового знания о действительности и доказательство его истинности, а основными стилевыми чертами – обобщенно-отвлеченность в сочетании с подчеркнутой логичностью [12, с. 242], что «не предусматривает и даже исключает» [6, с. 114] самопрезентацию автора текста, хотя ее «неявные проявления» могут обнаруживаться [там же, с. 115].

Признавая ведущую роль передачи знаний в научной речи, отметим, однако, что лингводидактический дискурс как содержательно-смысловая совокупность текстов о целях, содержании, принципах, методах, средствах и формах обучения языку преследует ещё и другую цель – побудить учителя-словесника, адресата дискурса, применить новые знания в профессиональной деятельности. Для достижения этой цели и используется, наряду с другими, воздействующая стратегия самопрезентации (от лат. *praesentatio* – представление, предъявление), под которой понимается отбор и организация языковых средств, позволяющих субъекту речи управлять производимым на адресата впечатлением.

Ирвинг Гофман, к работе которого восходит термин самопрезентация (*self-presentation*), предположил, что «способность индивида к «самовыражению» (и тем самым его способность производить впечатление на других) содержит, по-видимому, два совершенно разных вида знаковой активности: произвольное самовыражение, которым он *дает* информацию о себе, и непроизвольное самовыражение, которым он *выдает* себя [2, с. 33] (курсив И. Гофмана. – О.А.). Вероятно, выявление истинных мотивов адресанта, разграничение произвольного и непроизвольного самовыражения не входит в компетенцию лингвиста. Мы лишь можем констатировать, что стратегия самопрезентации проявляется прямо или косвенно, эксплицитно или имплицитно.

Анализ письменных лингводидактических текстов позволил выявить речевые тактики, реализующие стратегию самопрезентации адресанта 1) как компетентного ученого, 2) как опытного учителя, 3) как хорошо владеющего словом филолога. В данной статье будут описаны тактики самопрезентации адресанта как компетентного ученого.

1. Речевые тактики демонстрации личного вклада ученого в решение проблем обучения языку

Конвенциональность научного общения, с одной стороны, ставит исследователя перед необходимостью защищать свои новые идеи (по приоритетным соображениям) и дает право рассчитывать на высокую оценку коллег, с другой – предполагает обязанность работать, не обращая внимание на оценки других (Р. Мертон «Амбивалентность ученого». [Цит. по: 15, с. 326–327]), поэтому автор научного текста, как правило, пытается завуалировать коммуникативную цель представить себя и свою деятельность в выигрышном свете. Ср.:

(1) *Что касается автора настоящей монографии, то им... самостоятельно разрабатывается методика речевого развития школьников на основе концептов русской культуры. Нами впервые был введен термин «концепт» в тезаурус методики преподавания русского языка как родного и разработаны основы лингвоконцептоцентрической методики, получившей конкретное воплощение в трех авторских учебно-методических пособиях... Десятилетний широкий и многоаспектный эксперимент подтвердил, что впервые выдвинутый, обоснованный и разработанный нами... подход... дает возможность... оказывать влияние на формирование растущей личности... Учителя... подтверждают высокую продуктивность, технологичность и результативность... методики [11, с. 7–8].*

В приведенном фрагменте для демонстрации научной состоятельности адресанта сообщаются объективные факты, свидетельствующие о вкладе в дисциплинарное знание и о признании коллег, и дается *положительная оценка его деятельности*, вербализуемая оценочными прилагательными и существительными (разработана результативная методика речевого развития школьников; введен новый термин; организован десятилетний широкий многоаспектный эксперимент, т. е., в данном контексте, обеспечивающий достоверность результатов исследования, что, несомненно, высоко ценится в науке; выбрано перспективное и актуальное направление в обучении речи, напечатаны учебные пособия). Личный вклад исследователя подчеркивается лексемами «новый», «самостоятельно», «впервые».

Вместе с тем автор стремится нивелировать, сгладить свою роль активного субъекта познания. Различными языковыми средствами – с помощью номинации субъекта речи («автор монографии», «он»), пассивного залога, синтаксических конструкций, в которых агенс не совпадает с подлежащим, – создается иллюзия отстраненности адресанта от объективно существующих результатов исследования, в фокусе внимания оказывается не ученый, а то, что им сделано («что касается автора монографии, то им разрабатывается... методика», «нами был введен термин», «разработанный нами подход... оказывает влияние»).

По мнению М.П. Котюровой, конструкции типа «автор отмечает, что» допустимы только в констатирующее-оценочной речи оппонента или рецензента, в любом другом случае их можно квалифицировать как «недопустимую погрешность» [6, с. 51]. На наш взгляд, подобные обороты речи свидетельствуют о столкновении разнонаправленных коммуникативных целей: с одной стороны, обеспечить объективность изложения, с другой – представить личный вклад в решение научной проблемы.

По нашим наблюдениям, в научных статьях (не монографиях, являющихся результатом многолетней исследовательской деятельности) информация о научной новизне и личном вкладе ученого, как правило, уведена в подтекст. Так, например, если авторы, обосновав целесообразность программированного обучения русскому языку, отмечают, что для создания программированных учебников сначала необходимо «определить те общие психолого-педагогические принципы, которые должны быть положены в основу пособия» [9, с. 34], а затем описывают их, не ссылаясь при этом на другие источники, то закономерно предположить, что эти принципы впервые были сформулированы именно этими учеными, т. е. для ввода новой воздействующей информации используется тактика *имплицитной логической связи* [4, с. 43; 5, с. 69].

Следующий текстовый фрагмент иллюстрирует тактику *коммуникативной имплицатуры* [3], суть которой состоит в том, что адресат высказывания способен понять его скрытый смысл, опираясь на правила (максимы) речевого общения и исходя из презумпции соблюдения автором высказывания тех же правил. Ср.: (2) *На рубеже веков невольно тянет к обобщениям и раздумьям... Что же я могу сказать о тенденциях XX века? В методике преподавания языка – не более того. Отмечу три тенденции. <...> Меня тревожит преувеличение коммуникативной функции языка... С неизбежной долей условности назовем компоненты той реалии, которую ощущает каждый... На первое место поставим эмоции, чувства... На второе место поставим сознание... Труднее всего проникнуть в область бессознательного... Следует отметить, что...* [10, с. 3–4].

Неписаной нормой научного произведения, обеспечивающей его объективность и безличность, является особая манера представления авторского «я». Обычно для этого используются такие языковые средства, как авторское *мы* («назовем компоненты», «поставим эмоции») и безличные синтаксические конструкции («тянет к обобщениям», «труднее всего проникнуть», «следует отметить»). В (2) мы видим намеренное нарушение этой коммуникативной нормы (переход к я-манифестации), вызванное, на наш взгляд, стремлением автора привлечь внимание читателей на новое знание (тенденции в методике русского языка) и личное мнение, не совпадающее с общепринятым (коммуникативная функция языка преувеличена).

2. Речевые тактики имплицации профессиональных качеств

Научное общение предполагает взаимодействие разных смысловых позиций [13, с. 45–53], поэтому стратегия самопрезентации ученого реализуется посредством речевой тактики *апелляции к другому мнению*, позволяющей имплицировать такие качества, как эрудированность и способность к критическому осмыслению «старого» знания, и речевых тактик *смягчения категоричности*, свидетельствующих об уважительном отношении к чужому мнению и готовности к диалогу.

Другое мнение (эксплицированное цитатами, косвенной речью, фоновыми ссылками и под.), к которому апеллирует адресант научного текста, оценивается, интерпретируется, развивается, служит аргументом в системе доказательств, иллюстрирует какое-либо положение, выдвинутое автором текста, или, напротив, выступает тезисом, который необходимо опровергнуть.

Однако чужая речь служит целям успешной самопрезентации только при условии, что ее появление диктуется логикой научного изложения и создает эпистемический (научно-познавательный) контекст для нового знания. В противном случае обилие цитат воспринимается не как показатель эрудиции адресанта, а как средство спрятаться от ответственности за свои слова или замаскировать отсутствие собственных мыслей. Сравним использование чужой речи в двух разных статьях:

(3) *Принцип использования опорных конспектов получает в работе разных учителей различные формы реализации, поэтому, разделяя точку зрения Л.Г. Ларионовой на «плюсы» опорных конспектов, мы не можем согласиться с оценкой их «минусов», данных в указанной статье... По мнению Л.Г. Ларионовой, опорные конспекты, «обеспечивая прочное усвоение теоретических знаний, не дают свободы оперирования ими при выполнении практических работ». Однако, как показывает опыт, эту проблему в какой-то мере можно решить, если...* (далее обосновывается новая методика использования опорных конспектов) [1, с. 7].

(4) *Стилистический эксперимент является одним из важнейших средств стилистического анализа. Его использование выдвинуто выдающимися исследователями языка А.М. Пешковским и Л.В. Щербой. Л.В. Щерба так характеризует содержание стилистического эксперимента: «...». Академик Л.В. Щерба подчеркивает особую важность эксперимента в стилистике: «...». Большую роль отводит эксперименту и А.М. Пешковский: «...». К сожалению, современная методическая наука... располагает весьма немногими исследованиями в этой области. Только в работах А.М. Пешковского мы находим примеры стилистического эксперимента в связи с изучением русского языка в школе: «...». А.М. Пешковский на конкретных примерах показывает, как при помощи стилистического эксперимента производятся наблюдения над использованием синонимов: «...».* [8, с. 15–16].

В (3) ссылка на статью Л.Г. Ларионовой и небольшая цитата из этой статьи позволяет автору актуализировать исходное понятие опорный конспект, напомнить читателям о существовании разных точек зрения на использование опорных конспектов при обучении языку и обозначить *проблему* – опорные конспекты неэффективны при формировании умений и навыков. Основное содержание статьи – это новое знание, полученное автором, о поэтапном формировании умений и навыков с использованием опорных конспектов в качестве ориентировочной основы.

В (4) мы опустили пространные выдержки из работ Л.В. Щербы и А.М. Пешковского и оставили без купюр связывающие их высказывания. На наш взгляд, подобное изложение можно расценить как компиляцию, не способствующую положительной самопрезентации адресанта, поскольку использованные автором цитаты хотя и свидетельствуют о тождестве его взглядов со взглядами предшественников, однако не интерпретируются, «старое» знание оценивается, но не развивается.

Стратегия самопрезентации ученого реализуется, как мы уже отмечали, и посредством речевых тактик смягчения категоричности, к которым мы отнесли тактику *частичного согласия* (см. 3 пример), тактику *абстрагирования от конкретного лица*, тактику *демонстрации сомнения в истинности собственного мнения* и тактику *положительной оценки оппонента или результатов его деятельности*.

Средством выражения тактики абстрагирования от конкретного лица является отказ от номинации оппонента (*часто приходится слышать утверждение о том, что..., распространилось мнение..., слышатся скептические реплики по адресу...*), использование слов и словосочетаний с обобщенным значением (*отдельные исследователи, языковеды, психологи, педагоги*), метонимический перенос «ученый» – «научное произведение», «ученый» –

«область научной деятельности» (современные учебно-методические пособия, большинство школьных учебников, идеи психологии и дидактики). Ср.: (5) В последние годы *статьи о комплексном анализе текста в методических изданиях не редкость. В одной из них читаем: «Конечно, работа над текстом начинается с того, что ученики вставляют недостающие буквы...». И сразу же возникает цепочка вопросов: есть ли в тексте необходимость для выполнения таких заданий? Не лучше ли подбирать для них отдельные слова, словосочетания, предложения?..* [12, с. 19].

В приведенном примере тактика абстрагирования от конкретного лица совмещается с тактикой демонстрации сомнения в истинности собственного мнения, средством реализации которой в данном случае являются риторические вопросы с частицей *ли*, ориентированные не на получение ответов (автору они хорошо известны, о чем свидетельствует дальнейшее изложение), а на передачу информации. При этом утверждение в форме вопроса создает иллюзию диалога с читателями, за которыми остается право не согласиться с адресантом или согласиться не во всем.

Другими средствами реализации тактики демонстрации сомнения являются дискурсивы со значением сомнения или предположения (*вероятно, кажется, на наш взгляд, по нашему мнению, скорее всего, видимо и под.*) и глаголы *казаться, представляться* в роли предикатов, в значении которых есть сема «существовать не в действительности, а только в воображении» (*классификация кажется нам ошибочной, эта точка зрения представляется спорной, предложенный подход кажется нам неубедительным и под.*).

Тактика положительной оценки, по нашим наблюдениям, обычно применяется по отношению к авторитетным и влиятельным ученым в ситуации острой полемики и, в сочетании с тактикой частичного согласия, позволяет соблюсти принцип вежливости и предотвратить конфликт, поскольку после положительной оценки самого ученого нередко следует отрицательная оценка его мнения, прямо противоположного мнению адресанта (оно маркируется дискурсивами *но, однако, же, напротив*). Ср.: (6) ...Сам С.Г. Бархударов не принадлежит к языковедам, о которых шла речь выше, *он скорее приятное исключение* и из всех современных *крупных ученых-лингвистов* наиболее близко стоит к методике, *наиболее близко принимает к сердцу ее судьбы*. <...> В статье С.Г. Бархударова сделано много правильных критических замечаний по адресу методики... *Нельзя, например, не согласиться с тем, что... Правильным следует признать и замечания, касающиеся... Но нельзя считать случайным и то, что все выступавшие в ходе данной дискуссии... исходили из признания методики как науки, а не ее отрицания. Статья*

же С.Г. Бархударова, написанная ... в **негативном** плане... после прочтения оставляет весьма **тягостное впечатление**, в ней все **безрадостно, бесперспективно**...» [14, с. 89–92].

Подведем итоги. Стратегия самопрезентации адресанта хотя и не является ведущей в лингводидактическом дискурсе, однако присуща ему. Формируя представление о себе как о компетентном ученом, автор текста пользуется речевыми тактиками демонстрации личного вклада в решение научных проблем и речевыми тактиками демонстрации профессиональных качеств. Нацеленность научного текста на объективное представление знаний обуславливает в основном имплицитное проявление самопрезентации адресанта.

Библиографический список

1. Вагапова Д.Х. Как преодолеть «минусы» опорных конспектов // Рус. яз. в школе. – 1991. – № 3. – С. 7–12.
2. Гофман И. Представление себя другим в повседневной жизни. – М.: КАНОН-пресс-Ц, 2000. – 304 с.
3. Грайс Г.П. Логика и речевое общение // Новое в зарубежной лингвистике. Вып. 16: Лингвистическая прагматика. – М.: Прогресс, 1985. С. 217–237.
4. Долинин К.А. Имплицитное содержание высказывания // Вопросы языкознания. – 1983. – № 6. – С. 37–47.
5. Иссерс О.С. Речевое воздействие. – М.: Флинта: Наука, 2011. – 224 с.
6. Котюрова М.П. Автореферат диссертации юриста: «клиповое мышление» и речевые погрешности // Вестник Челябинского государственного университета. – 2010. – № 17 (198). – С. 49–53.
7. Кубрак Т.А. Научный дискурс и проявление в нем интенции самопрезентации субъекта // Дискурс в современном мире: Психологические исследования / под ред. Н.Д. Павловой и И.А. Зачесовой. – М.: Изд-во «Институт психологии РАН», 2011. – С. 98–122.
8. Кузнецова Л.М. Стилистический эксперимент (к постановке вопроса) // Рус. яз. в школе. – 1970. – № 1. – С. 14–17.
9. Ланда Л.Н., Орлова А.М., Граник Г.Г. Некоторые принципы составления программированного пособия по русскому языку // Рус. яз. в школе. – 1965. – № 4. – С. 34–41.
10. Львов М.Р. Роль родного языка в становлении духовного мира личности: (Опыт моделирования) // Рус. яз. в школе. – 2001. – № 4. – С. 3–7.
11. Миштина Н.Л. Методика и технология речевого развития школьников: лингвоконцептоцентрический подход. – СПб.: Наука: Сага, 2009. – 264 с.
12. Никитина Е.И. Раздумья по поводу комплексного анализа текста // Русский язык в школе. – 2001. – № 4. – С. 19–26.
13. Стилистический энциклопедический словарь русского языка / под ред. М.Н. Кожинной. – М.: Флинта: Наука, 2006. – 696 с.
14. Текучев А.В. Так ли уж несовершенна наша методика русского языка как наука? // Русский язык в школе. – 1960. – № 4. – С. 88–93.
15. Философия науки / под ред. С.А. Лебедева. Изд. 5-е, перераб. и доп. – М.: Академический Проект; Альма Матер, 2007. – 731 с.

КОНСТИТУЦИЯ СССР 1924 ГОДА: ОСНОВНЫЕ ПОЛОЖЕНИЯ И ОСОБЕННОСТИ (к 90-летию принятия первой Конституции Советского Союза)

В предлагаемой работе рассмотрены основные положения и особенности первой Конституции СССР, установившей правовые основы нового государства – Советский Союз.

Ключевые слова: первая Конституция СССР, Декларация об образовании СССР, Договор об образовании СССР, предметы ведения верховных органов власти, союзные республики, Совет народных комиссаров СССР, Верховный суд СССР.

Жадно раскрывая друг другу объятия, мы в сегодняшний торжественный день произносим: «Да здравствует Союз Советских Социалистических Республик!»

С.М. Киров

В 2014 году исполняется 90 лет первой Конституции Союза Советских Социалистических Республик (далее – СССР), которая облекла в правовую форму рождение качественно нового государства – СССР, заложила его правовые основы и определила основные «магистральные пути» дальнейшего государственного строительства.

Первая Конституция СССР, утверждённая в январе 1924 года, просуществовала около 13 лет в довольно сложный исторический период «строительства социализма» – новая экономическая политика, начало коллективизации и индустриализации.

В настоящее время Конституция СССР 1924 г. является одним из важнейших юридических документов истории отечественного государства и права. Данный документ (как и любой исторический документ) представляет определенный интерес и требует объективного изучения и осмысления, ибо, взглядыываясь в прошлое и сравнивая его с настоящим, можно проследить определенные закономерности и тенденции развития нашего общества, оценить неоспоримые достижения прошлого, а также учесть негативный опыт и избежать ряда ошибок в настоящем и будущем.

Целью работы является рассмотрение основных положений Конституции СССР 1924 г., определение её особенностей.

26 декабря 1922 на X Всероссийском съезде советов выступил И.В. Сталин. В своём докладе «Об объединении Советских республик» он чётко и ясно сформулировал три группы обстоятельств, определивших «неизбежность объединения советских республик в одно союзное государство». Первая группа – обстоятельства, связанные непосредственно с хозяйственным состоянием республик: скудость хозяйственных ресурсов и жизненная необходимость более рационального их

использования; наличие хозяйственного разделения труда между районами и республиками; наличие единой системы основных средств сообщения по всей федерации, «составляющих нерв и фундамент всякого возможного объединения». Вторая группа – обстоятельства, связанные с внешними особенностями: военное положение; отношения с «заграничным капиталом через Внешторг»; дипломатические отношения с другими государствами. Третья группа – обстоятельства, связанные с «характером строения Советской власти» и с её «классовой природой». Поскольку, по словам И.В. Сталина, в «мире Советов» власть построена на труде, коллективной собственности и борьбе с эксплуатацией, то «сама природа власти располагает к тому, чтобы трудящиеся массы естественно стремились к объединению в одну социалистическую семью» [2, с. 146–150]. Иными словами, создание СССР определялось жизненной необходимостью объединить скудные ресурсы советских республик для преодоления хозяйственной разрухи, противостояния внешней угрозе (военной, экономической и т.п.), консолидации и упрочения диктатуры пролетариата.

Следует отметить, что X Всероссийский съезд Советов состоялся в Москве 23–27 декабря 1922 года. На съезде присутствовало 2215 делегатов (в том числе 488 – от договорных республик: Закавказской, Украинской, Белорусской), которые прибыли в Москву для участия в работе I съезда Советов СССР и были приглашены на X съезд в качестве почётных гостей. Одним из вопросов съезда стал вопрос о создании СССР. Резолюция, предложенная И.В. Сталиным в докладе, была принята съездом единогласно. Резолюция обязывала делегации РСФСР: выработать совместно с делегациями Украины, Белоруссии и Закавказской республики «проект декларации об образовании

Союза Республик», а также «условия вхождения РСФСР в Союз Республик»; представить одобренный ВЦИК договор об образовании СССР на утверждение I съезда «Союза республик» [2, с. 155]. 29 декабря 1922 года конференция полномочных делегаций (РСФСР, БССР, ЗСФСР) рассмотрела и приняла Декларацию и Договор об образовании СССР. И.В. Сталин проинформировал конференцию о порядке работы I съезда Советов СССР. 30 декабря в Москве открылся I съезд Советов СССР, на котором присутствовало 1 727 делегатов от РСФСР, 364 – от УССР, 33 – от БССР, 91 – от ЗСФСР. В.И. Ленин был единодушно избран почетным председателем съезда, но по болезни не мог участвовать в его работе. На съезде выступил И.В. Сталин. Он огласил тексты Декларации и Договора, сказав в напутственных словах: «...Пусть этот союзный съезд покажет всем тем, кто ещё не потерял способность понимать, что коммунисты умеют так же хорошо строить новое, как они умеют хорошо разрушать старое» [2, с. 158–159]. Съезд утвердил Декларацию и Союзный Договор. С 26 января по 2 февраля 1924 г. в Москве состоялся **II съезд советов СССР, работа которого проходила в дни всесоюзного траура в связи со смертью В.И. Ленина**. 31 января 1924 г. съезд окончательно утвердил первую Конституцию СССР.

Первая Конституция СССР, по своей структуре, состояла из декларации и договора об образовании СССР. Декларация, подписанная Россией (РСФСР), Украиной (УССР), Белоруссией (БССР) и Закавказской республикой (ЗСФСР), провозглашала уверенность в том, что создание единого союзного государства (объединение в «одну социалистическую семью») позволит реально «обеспечить и внешнюю безопасность, и внутренние хозяйственные преуспевания, и свободу национального развития народов». Кроме того, документ провозглашал такие принципы союзного объединения, как добровольность, равноправие народов, свободный выход из состава нового государства.

Основные положения Конституции отражены в договоре об образовании СССР, который состоял из 11 глав.

В первой главе приведён исчерпывающий перечень полномочий (предметов ведения) верховных органов власти СССР. По вполне объективным обстоятельствам полномочия центра распространялись на выполнение функций общегосударственного характера, не касаясь специфики управления на местах. Среди общих функций следует назвать: проведение международной политики; изменение государственных границ; объявление войны и заключение мира; ратификация международных договоров; организация и руководство вооружёнными силами СССР; установление единой денежной и кредитной системы; установление основ судебной системы; разрешение возможных споров меж-

ду союзными республиками; установление основ правового регулирования труда, просвещения, охраны здоровья и др. О.И. Чистяков – заслуженный профессор МГУ, лауреат государственной премии России – отмечал: «Остальные ничем не ограниченные возможности оставались за республиками – членами союзного государства. Это обеспечивало свободное развитие как самого Союза, так и его членов – союзных республик, необходимую свободу всякого рода самоопределения, в первую очередь хозяйственного и культурного» [5, с. 189].

Вторая глава устанавливала права и обязанности союзных республик (право свободного выхода из состава Союза, обязанности по приведению своих конституций в соответствие с Конституцией СССР) и единое советское гражданство для их граждан. Так, в период с 1924 по 1925 гг. союзными республиками были приняты свои конституции, в целом и основном повторяющие содержание Конституции СССР.

Третья глава посвящалась верховному органу государственной власти – Съезду Советов. Данный орган формировался из избранных представителей городских советов (1 депутат на 25 тыс. избирателей) и представителей губернских съездов советов (1 депутат на 125 жителей). Проведение очередных съездов предписывалось осуществлять один раз в год.

Четвёртая глава устанавливала конституционно-правовой статус Центрального Исполнительного комитета (далее – ЦИК), состоявшего из Союзного Совета и Совета Национальностей. При этом Союзный Совет формировался из представителей союзных республик, избираемых Съездом Советов (371 представитель), а Совет Национальностей – из представителей союзных и автономных республик (по 5 человек от каждой) и автономных областей (по 1 от каждой). Сессии ЦИК следовало проводить 3 раза в год. В период между сессиями высшим органом власти являлся Президиум ЦИК в составе 21 члена. Ключевой функцией ЦИК являлось законотворчество: издание кодексов, декретов, постановлений, распоряжений; объединение деятельности по «законодательству и управлению» СССР; принятие на рассмотрение всех нормативных актов, определявших «общие нормы экономической и политической жизни» страны, а также вносивших «коренные изменения в существующую практику государственных органов» СССР.

Пятая глава посвящалась Президиуму ЦИК СССР, который был объявлен как высший законодательный, исполнительный и распорядительный орган власти СССР. Он обязывался наблюдать за «проведением в жизнь» конституционных положений и имел право отменять или приостанавливать решения правительства и всех других органов власти.

Шестая глава определяла правовой статус Совета народных комиссаров СССР (далее – СНК СССР). СНК СССР был объявлен «исполнитель-

ным и распорядительным органом» ЦИК СССР. Он состоял из 12 человек: председателя, его заместителя, председателя Высшего совета народного хозяйства (далее – ВСНХ) и 9 наркомов: по иностранным делам; внешней торговли; путей сообщения; рабоче-крестьянской инспекции; продовольствия; финансов; труда и др. СНК СССР имел право (в пределах полномочий, предоставленных ему ЦИК) на издание соответствующих декретов и постановлений, обязательных к исполнению на всей советской территории.

Седьмая глава устанавливала основы правового статуса Верховного суда СССР, в компетенции которого включалась как «дача верховным судам союзных республик руководящих разъяснений по вопросам общесоюзного законодательства», так и опротестование (по представлению прокурора Верховного суда) перед ЦИК решений, постановлений, приговоров верховных судов союзных республик. Кроме того, в обязанности данного суда входило разрешение судебных споров между союзными республиками и рассмотрение дел по обвинению высших должностных лиц СССР «в преступлениях по должности». Верховный суд «был связан с судебной системой членов Федерации сложными узами. С одной стороны, он стал как бы вершиной судебной системы всего Союза, с другой стороны, процессуально мало координировал свою деятельность с судами членов Союза» [5, с. 191].

Восьмая глава устанавливала организационно-правовые основы народных комиссариатов, созданных для «непосредственного руководства отдельными отраслями государственного управления». Данные органы подразделялись на три вида: общесоюзные народные комиссариаты – единые для всего СССР (по иностранным делам, по военным и морским делам, внешней торговли, путей сообщения, почт и телеграфов); объединённые народные комиссариаты СССР (ВСНХ, продовольствия, труда, финансов, рабоче-крестьянская инспекция); республиканские (установлены в 10 главе Конституции). «Такая конструкция, по мнению О.И. Чистякова, ...решала всё ту же задачу – обеспечить наилучшее сочетание интересов Союза в целом с особенностями его членов. Первая группа наркоматов отвечала наиболее общим интересам федеративного государства, связанным, прежде всего, с внешними функциями, вторая группа сочетала дела общесоюзные с республиканскими, наконец, третья имела дело с национальной спецификой каждой союзной республики» [5, с. 190].

Девятая глава «Об Объединённом Государственном Политическом Управлении» (ОГПУ) провозгласила создание органа (при СНК), нацеленного на объединение «революционных усилий союзных республик по борьбе с политической и экономической контрреволюцией, шпионажем и бандитизмом». На ОГПУ возлагалось руковод-

ство «работой местных органов Главного Политического Управления (ГПУ)». Надзор за деятельностью ОГПУ возлагался на прокурора Верховного суда СССР.

Десятая глава определяла конституционно-правовой статус союзных республик. Верховным органом власти в каждой республике объявлялся съезд советов республики. На ЦИК союзных республик возлагалась обязанность по формированию своих исполнительных органов – СНК, в составе: председателя СНК, его заместителя, председателя ВСНХ, и 10-ти народных комиссаров (земледелия, финансов, продовольствия, труда, внутренних дел, юстиции, рабоче-крестьянской инспекции, просвещения, здравоохранения, соцобеспечения). Практически все комиссариаты (и ВСНХ) обязывались неукоснительно подчиняться центральным исполкомам и СНК союзных республик, выполнять директивы соответствующих народных комиссариатов СССР.

Одиннадцатая глава содержала нормы о государственных символах СССР – гербе, флаге, столице [4, с. 317–329].

Таким образом, в основных положениях Конституции СССР 1924 г. закреплена правовая форма нового государства – с федеративной формой устройства и республиканской формой правления. Конституция стала, в определенной мере, результатом компромисса в конкретно-исторический период, ведь новое государство в форме федерации «не вполне отвечало объективным условиям, особенностям национального состава страны, естественно предрасположенной больше к форме государства с автономными образованиями» [5, с. 188].

Данная конституция, являясь, в определенной степени, преемницей Конституции РСФСР 1918 г., в то же время имела существенные отличия от первой российской конституции и свои сущностные особенности. Эти особенности заключались в следующем:

1. Конституция СССР 1924 г. и Конституция РСФСР 1918 г. устанавливали правовые основы принципиально нового государства, но, в отличие от первой российской Конституции (которая отказалась от предшествующего государственно-правового опыта), Конституция СССР опиралась на принцип преемственности.

2. Конституция СССР 1924 г. закрепила (в рамочной форме) правовой статус субъектов СССР – союзных республик – и предоставила их гражданам «единое союзное гражданство», а также разграничила предметы ведения между центральной властью и субъектами. Вместе с тем в Конституции СССР отсутствовал термин «совместное ведение». Суверенитет союзных республик предполагал самостоятельное осуществление государственной власти самими республиками и ограничивался пределами, указанными в Конституции. В связи с этим в тексте Конституции СССР отсутствуют

нормы о конституционно-правовом статусе граждан (правах и обязанностях), избирательном праве и др., поскольку подобные вопросы следовало конкретизировать в конституциях субъектов.

3. Конституция СССР закрепила основы правового статуса Верховного суда, однако этот факт вовсе не означал становление самостоятельной судебной власти в стране. Советская идеология с самого начала жёстко критиковала и категорически отвергала идею разделения властей. Об этом много писали теоретики и практики большевизма. К примеру, известный советский юрист П.И. Стучка писал в статье «Пролетарское право» (1919): «Советская власть с 25 октября 1917 г. в РСФСР является одновременно властью законодательной и исполнительной, а равно и судебной. Она не отрицает технического деления труда, но она отказывается от лицемерных теорий независимости одной власти от другой» [3, с. 262].

4. В названии Конституции СССР отсутствовало указание на форму государственного устройства. Э. Карр писал по этому поводу: «В названии РСФСР было слово “федеративная”, и к этой республике всегда относились как к федеративной... В Конституции СССР и в относящихся к ней официальных документах слов “федеративный” и “федерация” избегали. Тем не менее Советский Союз был по существу федерацией» [1, с. 321].

Таким образом, первая Конституция СССР (1924 г.) ознаменовала собой начало знакового исторического периода развития нашей страны – образование СССР – государства, просуществовавшего на карте мира около 70 лет. Данная Конституция (как и Конституция РСФСР 1918 г.) носила классовый характер и закрепила преемственность в сохранении и дальнейшем укреплении «социалистических завоеваний» – революционной законности, пролетарской диктатуры, Советов и т.п. В декларации об образовании СССР говорилось, что «новое союзное государство явится достойным увенчанием заложенных ещё в октябре 1917 года основ мирового сожителства и братского сотрудничества народов, что оно послужит верным оплотом против мирового капитализма и новым решительным шагом по пути объединения трудящихся всех стран в Мировую Социалистическую Советскую республику» [4, с. 319].

В то же время Конституция СССР 1924 г. отказалась от ряда прямолинейных формулировок идеолого-политического характера, присущих Конституции РСФСР 1918 г. (о беспощадном подавлении эксплуататоров, о ликвидации «всякой эксплуатации человека человеком», о мировой победе социализма, о решимости «вырвать человечество из когтей финансового капитала и империализма», о полном уничтожении «паразитических слоёв общества» и т.п.). Тем самым она в большей степени обладала чертами юридического документа.

Провозглашая право всех социалистических советских республик на свободное вступление в состав СССР и свободный выход из его состава, Конституция СССР не предусматривала правовой механизм такого «свободного выхода». Подобный механизм отсутствовал и в конституциях союзных республик. Более того, по справедливой оценке Э. Карра, отсутствие в названии нового государства слова «федеративный» было не случайно. Данное обстоятельство отвечало вполне определенным тенденциям и имело свои далеко идущие последствия. «В документах того периода, – писал Э. Карр, – часто подчёркивалось, что СССР представляет собой “одно союзное государство”. Конституция СССР... рассматривалась как шаг вперёд в направлении централизации... Это был дальнейший шаг по пути концентрации власти, которая неуклонно происходила с начала существования нового строя. Никакие конституционные гарантии прав республик не были в силах противостоять этой тенденции к централизации» [1, с. 321].

Кроме того, Согласно ст. 6 Конституции СССР, для «изменения, ограничения или отмены» нормы (а не о её практической реализации) о свободном выходе из СССР (ст. 4) требовалось согласие всех союзных республик, а согласно п. «б» ст. 1 – всякое изменение внешних границ СССР и «урегулирование вопросов об изменении границ между союзными республиками» находилось в исключительном ведении верховной власти СССР. Очевидно, с самого начала всем союзным республикам было ясно, чем может обернуться попытка реального выхода из состава СССР – только крайне негативными последствиями.

Объединение ряда народов бывшей Российской империи в «одну социалистическую семью» и обретение ими своей государственности в рамках нового государства – СССР – имело как позитивные, так и негативные аспекты развития этих народов. Объединение, в определенной степени, обеспечивало им внешнюю безопасность, «внутренние хозяйственные преуспевания», пробуждало национальное самосознание (национальную самоидентификацию), способствовало развитию национальных культур и др. В то же время национальный вопрос изначально требовал глубокого понимания, чрезвычайно тонкого и мудрого подхода со стороны центрального руководства. Республики, вошедшие в состав СССР, имели свои специфические особенности – экономические, социальные, культурные и т.п., что указывало на недопустимость одномерного руководства этими республиками. Отсутствие гибкого подхода, недооценка национальных особенностей, определенное игнорирование национальных чувств – всё это создавало благоприятные условия для развития национализма и являлось своеобразной миной замедленного действия – благодатной почвой для межна-

циональных конфликтов в будущем. Современные национальные проблемы России во многом вышли из советского прошлого.

Конституционные нормы, изначально декларативного и популистского характера, говорят о фиктивности соответствующих положений конституции, присущей, в определенной степени, всем нашим конституциям.

Библиографический список

1. *Карр Э.* История Советской России. Больше-

вистская революция. 1917–1923. – Т. 2. – Л., 1952. – 710 с.

2. *Сталин И.В.* Сочинения. – Т. 5. – М.: Госполитиздат, 1953. – 446 с.

3. *Стучка П.И.* Избранные произведения по марксистско-ленинской теории права. – Рига: Латвийское государственное издательство, 1964. – 784 с.

4. *Титов Ю.П.* Хрестоматия по истории государства и права России. – М.: Проспект, 1999. – 472 с.

5. *Чистяков О.И.* Конституция СССР 1924 года: учеб. пособие. – М.: Зерцало, 2004. – 224 с.

УДК 347.963

Тетерина Ольга Анатольевна

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова
teterina_o_a_65@mail.ru

О НЕКОТОРЫХ ОСОБЕННОСТЯХ ОРГАНИЗАЦИИ РАБОТЫ ПРОКУРАТУРЫ СУБЪЕКТА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ ПО НАДЗОРУ ЗА ИСПОЛНЕНИЕМ ЗАКОНОВ В СФЕРЕ УЧЁТА ПРЕСТУПЛЕНИЙ

В статье рассматриваются основные элементы организации работы прокуратуры субъекта Российской Федерации по надзору за исполнением законов в сфере учёта преступлений.

Ключевые слова: прокурорский надзор, учёт преступлений, организация работы, планирование, взаимодействие, контроль.

В системе прокуратуры Российской Федерации прокуратурам субъектов Федерации отведен статус среднего или промежуточного звена: через них Генеральной прокуратурой России осуществляется руководство низовыми звеньями прокурорской системы, кроме того, прокуратуры субъектов Федерации самостоятельно осуществляют руководство деятельностью нижестоящих прокуратур.

Структурные подразделения прокуратуры субъекта Федерации наряду с непосредственным осуществлением всех возложенных на прокуратуру функций организуют и контролируют качество их осуществления нижестоящими прокуратурами.

Эффективность деятельности прокуратуры во многом зависит от организации её работы.

В качестве основных элементов организации работы выделяют информационно-аналитическое обеспечение; распределение обязанностей; прогнозирование и планирование работы; взаимодействие; принятие управленческих решений; контроль и проверку исполнения.

Информационно-аналитическая работа в органах прокуратуры включает в себя сбор, накопление и анализ информации об исполнении законов, выявленных нарушениях, состоянии борьбы с преступностью, прокурорской и следственной практики [1, с. 81]. Ведется она в основном по двум направлениям: внешнему и внутреннему – и базируется на принципах оперативности, своевременности, полноты и достоверности [2, с. 7, 13].

Внешним направлением является работа, связанная с определением состояния законности и правопо-

рядка на территории и (или) объекте, поднадзорных конкретным органам прокуратуры. Источниками информации об исполнении законов в сфере учёта преступлений выступают поступающие в прокуратуру ежедневные сводки о происшествиях, сообщения, специальные донесения, статистические отчеты о состоянии преступности и результатах расследования преступлений в регионе (№№ 1 – ЕГС, 2 – ЕГС, 3 – ЕГС, 4 – ЕГС и др.), сведения о преступности в городах и районах, материалы уголовных дел и доследственных проверок, обращения субъектов учёта преступлений, руководителей правоохранительных органов, жалобы граждан и др.

Анализ статистических данных о преступности позволяет определить орган, в котором должна быть проведена надзорная проверка; содержание надзорных мероприятий, максимально способствующих выявлению, пресечению и предупреждению нарушений закона, таким образом, проявляется взаимосвязь информационно-аналитического обеспечения и планирования в органах прокуратуры.

Внутреннее направление информационно-аналитической работы в органах прокуратуры – сбор, изучение и оценка информации с целью определения эффективности организации и деятельности органов прокуратуры. Источникам информации выступают документы прокурорской деятельности (рапорты работников прокуратуры, спецсообщения прокуроров, справки, докладные записки, акты прокурорского реагирования и т.д.), их анализ позволяет вырабатывать организационные мероприятия, направленные на совершенствование системы управления органов прокуратуры.

Планирование выступает способом организации работы прокуратуры субъекта Российской Федерации. Существо планирования состоит в формировании конкретных мероприятий в соответствии с целями деятельности прокуратуры, определении сроков их исполнения и исполнителей. При планировании учитываются приоритетные направления надзора, специфика предмета надзора, круг поднадзорных объектов (субъектов); особенности распределения обязанностей по надзору за исполнением законов в досудебном производстве в аппарате прокуратуры субъекта Российской Федерации; путем определения исполнителей надзорных мероприятий решаются вопросы взаимодействия и координации деятельности структурных подразделений. Координация в сфере правовой статистики осуществляется в процессе работы контрольной группы по обеспечению оперативного надзора за формированием и обработкой документов первичного учёта правоохранительными органами региона. Название группы представляется неудачным, поскольку в нём смешиваются внутренние (контроль) и внешняя (надзор) функции прокуратуры, более правильным было бы назвать группу рабочей.

Немаловажное значение для организации работы по надзору за исполнением законов в сфере учёта преступлений имеет принятие и реализация управленческих решений, которые находят отражение в постановлениях координационных совещаний руководителей правоохранительных органов региона, решениях коллегий, в том числе совместных, приказах, указаниях, распоряжениях. Результативным представляется издание совместных организационно-распорядительных документов. К примеру, прокуратурой Костромской области совместно с УМВД, УФСБ, ГУ МЧС, УФСИН, УФССП, СУ СК РФ изданы приказы и указания по вопросам организации работы по учёту преступлений в правоохранительных органах области.

Постоянно действующий контроль за деятельностью органов прокуратуры, за своевременностью и правильностью исполнения решений, принимаемых прокурорами, является важным практическим средством должного исполнения ими своих функций, что в конечном итоге обеспечивает действенность, результативность прокурорского надзора за точным и единообразным исполнением законов в государстве [3, с. 428].

В прокуратуре субъекта РФ создана двухуровневая система контроля, охватывающая как непосредственно аппарат региональной прокуратуры, так и нижестоящие прокуратуры. Если в аппарате контроль осуществляется руководителями прокуратуры, её структурных подразделений, в том числе по организационным вопросам и контролю исполнения, то к контролю за деятельностью нижестоящих прокуратур привлекаются помощники

прокурора региона, старшие прокуроры и прокуроры управлений (отделов), именуемые функциональными руководителями.

Используются как различные виды контроля: текущий и итоговый, плановый и внеплановый, выборочный и сплошной, так и различные формы контроля. Распространённой формой контроля являются проверки исполнения, проводимые как в отношении работников аппарата региональной прокуратуры, так и нижестоящих прокуроров, при этом проверки могут быть комплексными и отраслевыми, первичными и контрольными, плановыми и внеплановыми. Несомненным достоинством этой формы контроля является возможность не только выявить недостатки в исполнении приказов вышестоящей прокуратуры, выполнении заданий и поручений, но и оказать практическую помощь в организации работы подразделения или прокуратуры, внедрить в практику эффективные методы надзора и средства прокурорского реагирования.

Независимо от вида и формы контроля в рассматриваемой сфере прокурорского надзора его основными задачами являются: оценка результатов надзорной деятельности, анализ причин её неэффективности, невыполнения или ненадлежащего выполнения плановых мероприятий, оказание практической помощи по устранению недостатков.

Проведённое автором исследование позволило выделить некоторые особенности организации работы прокуратуры субъекта Российской Федерации по надзору за исполнением законов в сфере учёта преступлений.

Во-первых, в настоящее время особенностью правового обеспечения организации надзора за исполнением законов в сфере учёта преступлений является отсутствие федерального закона, регламентирующего сферу учёта, в результате чего регулирование правоотношений осуществляется ведомственными нормативными актами.

Во-вторых, это особенности методического обеспечения организации надзора за исполнением законов в сфере учёта преступлений. Несмотря на то что надзор за исполнением законов при учёте преступлений прокуратура осуществляет более 50 лет, до настоящего времени отсутствуют методические рекомендации по организации прокурорского надзора за исполнением законов в анализируемой сфере. Отсутствие единого подхода к организации надзора за исполнением законов в сфере учёта преступлений, безусловно, снижает эффективность прокурорской деятельности на этом направлении.

В-третьих, если по общему правилу в соответствии с ч. 2 ст. 21 Федерального закона «О прокуратуре Российской Федерации» для проверки исполнения законов требуется повод – поступившая в органы прокуратуры информация о фактах нарушения законов, то для проверки исполнения

законов в сфере учёта преступлений такого повода не требуется. Надзор осуществляется прокурорами в соответствии с принципами императивности и оперативности [4, с. 190], деятельность прокурора носит постоянный, в основном властно-распорядительный характер, она активно влияет на отношения в сфере учёта преступлений и воздействует на субъектов учёта.

Рассматривая организацию работы прокуратуры по надзору за исполнением законов в сфере учёта преступлений, следует отметить, что неполнота, искажение и фальсификация статистических показателей не случайны: они обусловлены взаимосвязанным комплексом объективных и субъективных причин, условий и предпосылок.

В.В. Лунеев выделил исторические, идеологические предпосылки, организационные, кадровые, материальные, социально-психологические и психологические, технические причины искажения данных о состоянии преступности [5, с. 138–141].

Если организационные причины, обусловленные ведомственной статистической разобщённостью, удалось преодолеть, то остальные предпосылки и причины сохраняются. Наибольшую опасность представляют исторические предпосылки, которые связаны с традиционным приспособлением уровня учитываемых преступлений к ложно понятым интересам правоохранительных органов.

Преодоление указанных предпосылок и причин средствами прокурорского надзора видится одной из задач органов прокуратуры, что, бесспорно, связано и с повышением эффективности надзорных мероприятий.

Среди факторов, оказывающих существенное воздействие на эффективность прокурорского надзора, выделяют правовые, организационные, информационные, процедурные, работу с кадрами, научно-методическую помощь подчиненным прокурорам, материально-технические, иные факторы, которые могут оказать влияние на эффективность прокурорского надзора [6, с. 30–31].

Совершенствованию организации работы по надзору за исполнением законов в сфере учёта преступлений, повышению эффективности надзорных мероприятий будет способствовать реализация следующих предложений:

1. При планировании работы следует учитывать, что надзор за исполнением законов органами, осуществляющими дознание и предварительное следствие, в аппарате прокуратуры субъекта Российской Федерации возлагается на несколько подразделений: по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью, по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних; о противодействии коррупции; по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношениях. Кроме ука-

занных подразделений, к проведению плановых мероприятий по надзору за исполнением законов в сфере учёта преступлений целесообразно привлекать подразделения по оперативному учёту и статистике, обеспечению участия прокуроров в уголовном судопроизводстве, создать условия для взаимодействия и координации их деятельности с другими отраслевыми отделами и управлениями.

Представляется, что существование в прокуратурах субъектов Российской Федерации нескольких подразделений, осуществляющих надзор за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия с учётом предметной или персональной подследственности уголовных дел (управления или отделы, старшие помощники прокуроров по надзору за уголовно-процессуальной и оперативно-разыскной деятельностью, по надзору за исполнением законов о несовершеннолетних; о противодействии коррупции; по надзору за исполнением законов о федеральной безопасности и межнациональных отношениях), не отвечает интересам обеспечения законности в уголовном судопроизводстве, соблюдения прав и свобод человека и гражданина. Следует перераспределить функции и полномочия дублирующих друг друга подразделений, на что ранее указывалось и другими исследователями проблем организации деятельности органов прокуратуры [7, с. 133–134], сосредоточив надзор в одном подразделении прокуратуры – управлении (отделе) по надзору за исполнением законов органами дознания и предварительного следствия.

2. Повышению результативности надзорной деятельности способствует надлежащее методическое обеспечение прокуроров, осуществляющих надзор за исполнением законов в сфере учёта преступлений: направление на места информационных писем, обзоров, обобщений практики надзора за исполнением законов, поскольку это позволяет оперативно распространить положительный опыт работы либо указать на недостатки и упущения. Именно поэтому крайне важно в план работы прокуратуры субъекта Российской Федерации и её подразделений включать не только проверки исполнения законов в сфере учёта преступлений, но и обобщения практики прокурорского надзора в рассматриваемой сфере; мероприятия, направленные на повышение квалификации прокуроров городов и районов (стажирование в аппарате вышестоящей прокуратуры, оказание работниками аппарата практической помощи с выездом в прокуратуру города или района и т.д.).

3. Совершенствование организации работы в рассматриваемой сфере надзора обеспечивается не только надлежащим внутрисистемным, но и межведомственным взаимодействием. Формами такого взаимодействия являются обмен информацией по вопросам соблюдения регистрационно-

учетной дисциплины; создание межведомственных рабочих групп из представителей прокуратуры и других правоохранительных органов; проведение совместных мероприятий, в том числе проверок районных подразделений работниками аппаратов региональных прокуратуры и соответствующего правоохранительного органа; оказание им практической помощи. Кроме того, совершенствованию деятельности прокуратуры по надзору за исполнением законов при учёте преступлений способствует активизация использования организационных форм взаимодействия с судами [8, с. 271], к числу которых следует отнести взаимный обмен информацией о состоянии, динамике и структуре преступности; результатах рассмотрения уголовных дел, что особенно важно в случае изменения судом объема обвинения, поскольку влечет необходимость внесения изменений в статистическую отчетность о преступности (в пределах календарного года); направление совместных информационных писем, справок и обзоров по вопросам разъяснения спорных вопросов правоприменительной практики, в первую очередь касающихся квалификации преступлений и влияющих на отражение сведений о них в статистической отчетности; проведение совместных мероприятий по повышению квалификации судей, прокуроров, работников аппарата суда и правоохранительных органов, например учебно-методических семинаров, научно-практических

конференций по вопросам квалификации и учёта преступлений.

Библиографический список

1. Прокурорский надзор / под ред. Ю.Е. Винокурова. – М.: Юрайт, 2010. – 490 с.
2. Информационно-аналитическая деятельность прокуратуры города (района): метод. пособие / рук. авт. колл. К.И. Амирбеков. – М.: Академия Генпрокуратуры РФ, 2013. – 113 с.
3. Басков В.И., Коробейников Б.В. Курс прокурорского надзора. – М.: Зерцало, 2000. – 480 с.
4. Ергашев Е.Р. Принципы прокурорского надзорно-охранительного права и его институтов: дисс. ... д-ра юрид. наук. – Екатеринбург, 2008. – 310 с.
5. Лунеев В.В. Преступность XX века. Мировые, региональные и российские тенденции. – М.: Норма, 1997. – 480 с.
6. Проблемы эффективности прокурорского надзора / под ред. К.Ф. Скворцова. – М.: Юрид. лит., 1977. – 160 с.
7. Шалумова Н.Э. Организация работы правоохранительных и судебных органов по реабилитации. – Кострома: КГУ им. Н.А. Некрасова, 2008. – 210 с.
8. Кобзарев Ф.М. Проблемы взаимодействия прокуратуры и суда в сфере уголовного судопроизводства. – М.: ИПК РК Генпрокуратуры РФ, 2006. – 384 с.

ПЕДАГОГИКА И ПСИХОЛОГИЯ

УДК 378

Зникина Людмила Степановна

доктор педагогических наук, профессор
Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачёва
znikina@mail.ru

Стрельников Павел Алексеевич

кандидат педагогических наук, доцент
Кузбасский государственный технический университет им. Т.Ф. Горбачёва
pstrel@yandex.ru

МЕЖДИСЦИПЛИНАРНОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ КАК ОСНОВА ФОРМИРОВАНИЯ ИНТЕГРАТИВНЫХ КОМПЕТЕНЦИЙ СТУДЕНТОВ ВУЗА

В статье рассматриваются вопросы междисциплинарного взаимодействия субъектов профессионального образования в процессе формирования интегративных профессиональных компетенций студентов вуза. Приводятся данные исследования особенностей формирования профессионально-коммуникативных навыков обучающихся в структуре интегративных компетенций, описаны принципы организации компетентностно-ориентированной подготовки будущих специалистов с учётом выявленных особенностей этого процесса.

Ключевые слова: компетентностно-ориентированная подготовка, интегративно-профессиональные компетенции, междисциплинарное взаимодействие, интеграция, профессиональная иноязычная коммуникация.

С позиций качества профессионального образования формирование необходимых компетенций студентов вуза необходимо рассматривать в концепте интеграции содержания подготовки будущих специалистов. Интеграция представляет собой объединение дисциплин в целостное образование как качественно новую систему междисциплинарного взаимодействия субъектов образовательного процесса.

Вопросы интеграции содержания подготовки будущих специалистов и формирования интегративных компетенций обучающихся приобрели особую исследовательскую актуальность в связи с переходом системы высшего профессионального образования на компетентностно-ориентированную основу. С.И. Тормасин и Н.П. Пучков определяют интеграцию как дидактически целесообразный процесс и результат взаимосвязи, взаимопроникновения и синтеза естественнонаучных знаний, проявляющийся в изменениях исходных элементов интегрируемых дисциплин [4].

По мнению М.Н. Берулава, интеграционная взаимосвязь учебных предметов может осуществляться на трёх основных уровнях, в основе которых лежат: реализуемое в учебном процессе соотношение содержательной и процессуальной сторон интеграции; решаемые посредством её дидактические задачи; определённые типы интеграционного взаимодействия [1].

Первый уровень интеграции содержания образования можно представить учебными дисциплинами, носящими интегративный характер и имеющими собственный предмет изучения. Второй уровень интеграции актуализируется в форме дидактического синтеза: интеграция учебных предметов на данном уровне осуществляется постоянно на базе одного из них. И, наконец, третьим уровнем интеграций содержания образования яв-

ляется уровень межпредметных связей, который имеет в настоящее время наибольшее практическое распространение [5].

Особая актуальность исследования проблем межпредметного взаимодействия обусловлена именно развитием компетентностного подхода в системе высшего профессионального образования. Общекультурные и профессиональные компетенции, представленные в стандартах ФГОС, не могут быть сформированы в рамках освоения студентами одной учебной дисциплины, требуют организации методического взаимодействия на межпредметном уровне.

Первые классификации межпредметных связей основывались на временном критерии: предшествующие (предварительные), сопутствующие и перспективные (последующие). Позже стал развиваться поэлементный анализ содержания знаний как метод установления межпредметных связей. Наряду с хронологическими связями были выделены и информационные: фактические, понятийные, теоретические. Справедливо утверждение, что любой случай связи должен содержать все три признака и вида межпредметных связей, что необходимо выделить комплексы знаний и умений, конструктивной основой которых выступают ведущие научные идеи и связанные с ними обобщённые способы деятельности. В.Н. Максимова предлагает классифицировать межпредметные связи следующим образом:

- содержательно-информационные межпредметные связи;
- межпредметные философские связи;
- идеологические связи;
- операционно-деятельностные межпредметные связи [3].

Междисциплинарный аспект в формировании навыков профессиональной иноязычной

коммуникации у студентов вуза, несмотря на довольно широкое освещение этой темы в педагогических и лингводидактических исследованиях, по-прежнему остается актуальным. Владение деловым, профессионально ориентированным иностранным языком представляет собой важную составляющую конструктивной коммуникации специалистов, а готовность к ее осуществлению на функциональном уровне является одним из инструментов повышения результативности выполнения профессиональных задач.

С этих позиций логичным будет утверждение, что базовым компонентом формирования навыков иноязычного общения как составляющей интегративно-профессиональных компетенций являются целостность и системность методического взаимодействия субъектов образовательного процесса в вузе. Дидактическая конкретизация междисциплинарных стратегий и тактик в процессе подготовки студентов к конструктивному иноязычному профессиональному общению требует уточнения содержательного компонента учебно-методического обеспечения, основанием для формирования которого является, прежде всего, развитие познавательного интереса студента к профессиональной деятельности. Наиболее эффективным и стимулирующим к обучению является материал:

- учитывающий общеобразовательный и исследовательский опыт студентов соответствующего направления подготовки;
- несущий актуальную научно-техническую информацию;
- дающий знания по профилю специальности;
- отражающий проблемы национального и регионального развития реального сектора.

Понятно, при организации обучения студентов профессионально ориентированному иноязычному общению необходимо создавать соответствующие педагогические условия для эффективности этого процесса. Мы сформулировали их следующим образом:

- а) наличие достаточно высокого уровня мотивации студентов в получении профессиональных знаний;
- б) учет общеобразовательного и исследовательского опыта студентов соответствующего направления подготовки, возможность опоры на него в формировании профессионально-коммуникативных умений иноязычного общения;
- в) смещение акцентов в содержании обучения: от общегуманитарной / общепрофессиональной к общепрофессиональной / специальной направленности;
- г) изменение содержания контроля и объекта контроля: от контроля преподавателем отдельных языковых умений к контролю и самоконтролю интегрированных коммуникативных умений и навыков в профессионально значимых ситуациях.

Педагогические условия и особенности формирования коммуникативной компетенции будущих специалистов как составляющей профессионально-интегративных компетенций были уточнены в результате проведенного нами исследовательского анализа на основании опроса студентов и преподавателей гуманитарных и профилирующих кафедр вузов. Нас интересовало, прежде всего, мнение преподавателей о междисциплинарном взаимодействии преподавателей кафедр.

Обобщенный результат опроса преподавателей показал следующее. Практически все преподаватели-респонденты полагают, что ведущим мотивом студентов к изучению специального иностранного языка является возможность/необходимость использования полученных знаний для последующего профессионального и карьерного роста. Основными навыками и умениями, которые представлены как необходимые для специалиста, являются: владение профессиональной терминологией; знание культуры делового партнера и основ ведения переговоров; опыт (само) презентации. Преподаватели профилирующих и гуманитарных кафедр сходятся во мнении, что обучение профессионально-ориентированному иноязычному общению определяет целесообразность междисциплинарного объединения научно-методического потенциала, а привлечение преподавателей профилирующих кафедр к участию в лингвообразовательной деятельности студентов – важный аспект совместной деятельности кафедр. Обучение профессионально-ориентированному иноязычному общению – это, прежде всего, необходимость междисциплинарного объединения научно-методического потенциала. Привлечение преподавателей профилирующих кафедр к участию в лингвообразовательной деятельности студентов в качестве консультантов – важный аспект совместной деятельности кафедр. Эффективными формами взаимодействия являются чтение лекций на иностранном языке, совместное проведение практических или лабораторных работ по профилирующим дисциплинам с включением обсуждения на иностранном языке, проведение студентами лингвообразовательной научной работы по профилирующим предметам и т.д.

Важными в координировании методического взаимодействия преподавателей гуманитарного и профессионального учебных циклов являются также обсуждение содержания рабочих программ и совместная разработка требований к результатам освоения курса, моделирование кейс-ситуаций, семинары, презентации и т.д. Для преподавателей гуманитарных кафедр всегда ценными представляются рекомендации преподавателей профильных кафедр по научно-исследовательской деятельности, умение осуществлять которую, несомненно, является важным для студентов старших курсов при подготовке курсовых и дипломных работ. Для

организации коммуникативно-развивающей исследовательской деятельности студентов необходимым являются совместная разработка тематики проектирования, оценка его результатов с позиций коммуникативной и специальной подготовки, а также оформление материалов грантов.

Межпредметные связи создают наиболее благоприятный режим для практического применения языка как средства общения и получения новой полезной информации. В силу этого интегративные процессы являются одним из эффективных средств мотивации к обучению и одновременно опорой на полученные ранее знания по иностранному языку и специальным дисциплинам. Практически все вузовские дисциплины могут дать богатый материал для реализации межпредметных связей. Интерес к изучению профессионально ориентированного иностранного языка у студентов тесно связан с развитием общепрофессиональной мотивации и познавательных мотивов. Естественным, необходимым становится внесение профессионально ориентированных изменений в преподавание иностранного языка в техническом вузе, что обеспечивает формирование мотивации к профессиональному и карьерному росту. Именно мотивы карьерного роста позволяют привлечь студентов старших курсов к занятиям в условиях спецкурса по иностранному языку на уровне междисциплинарного взаимодействия.

В организации обучения студентов профессиональному иноязычному общению мы особо выделили смещение акцентов в содержании обучения от общегуманитарной и общепрофессиональной к специальной направленности. Именно этим обеспечивается формирование целостного, адекватного современным условиям представления будущих специалистов о своей профессии. Погружение студентов в квазипрофессиональную деятельность при изучении иностранного языка для специальных целей осуществляется через связь всего процесса обучения с будущими функциями и компетенциями, максимально приближает к реальной профессиональной деятельности обучающегося, требует соответствующего речевого поведения. Возникает убежденная необходимость применить весь комплекс иноязычных профессионально-коммуникативных умений в профессионально значимых ситуациях. Другими словами, акцент в деятельности студента смещается с учебной информации на ситуацию практического действия, а учебная информация становится ориентировочной основой, обретая статус знания. Это еще раз подтверждает, что одним из условий эффективного обучения студентов иноязычному профессиональному общению является применение междисциплинарных образовательных технологий, имитирующих процесс включения в совместную профессиональную деятельность [2].

Таким образом, межпредметные связи оказывают всестороннее влияние на процесс обучения – от постановки целей и задач до его непосредственной реализации и результатов. Координирование междисциплинарного методического взаимодействия в вузе при обучении профессионально ориентированному иностранному языку конкретизируется в следующих формах:

- включение в рабочие программы подготовки требований и рекомендаций работодателей;
- консультации с преподавателями специальных кафедр при разработке рабочих программ по курсу коммуникативной подготовки студентов;
- совместное обсуждение содержательного компонента разрабатываемых учебно-методических материалов по коммуникативной подготовке студентов;
- обсуждение учебно-методических материалов для формирования опыта конструктивной коммуникации будущих специалистов (учебные пособия, глоссарии, терминологические словари и т.д.);
- совместное моделирование конференций, семинаров, круглых столов, презентаций и т.д., развивающих коммуникативные умения как основу опыта конструктивной коммуникации будущих специалистов в профессионально значимой сфере;
- учет рекомендаций преподавателей специальных кафедр по различным видам научно-исследовательской деятельности, умения вести которую потребуется студентам на старших курсах при подготовке курсовых и дипломных работ, а также при разработке исследовательских грантов;
- включение в УМК актуальной научно-технической информации по специальности, в том числе по проблемам национального и регионального развития реального сектора.

Библиографический список

1. *Берулава М.Н.* Теоретические основы интеграции образования. – М.: Совершенство, 1998. – 210 с.
2. *Лаврентьев Г.В.* Инновационные обучающие технологии в профессиональной подготовке специалистов. – Барнаул: Из-во Алтайского гос. ун-та, 2002. – 156 с.
3. *Максимова В.Н.* Межпредметные связи в учебно-воспитательном процессе современной школы: учеб. пособие для студентов пед. ин-тов. – М.: Просвещение, 1987. – 160 с.
4. *Тормасин С.И., Пучков Н.П.* Организационно-методические проблемы интеграции компетенций // Вопросы современной науки и практики. – 2012. – № 1 (37).
5. *Шепель О.М.* Содержание естественно-математической подготовки бакалавров в условиях постнеклассического этапа развития науки: автореф. дис. ... д-ра педагог. наук. – Томск, 2013. – 35 с.

**МЕТОДИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ ОРГАНИЗАЦИИ ДИСТАНЦИОННОГО ОБУЧЕНИЯ
ИНОСТРАННЫХ СТУДЕНТОВ В ВУЗАХ РФ**

В статье раскрываются методические аспекты организации дистанционного обучения иностранных студентов в ВУЗах Российской Федерации, требования к участникам, этапы организации изучения дисциплин, применяемые модели сетевого обучения и кейс-технологии.

Ключевые слова: дистанционное обучение, иностранные студенты, модели сетевого обучения, кейс-технологии.

Актуальность обучения иностранных студентов в России в области дистанционного образования обоснована тем, что, во-первых, российская высшая школа славится своим историческим превосходством над зарубежными высшими школами, во-вторых, приток иностранного инвестиционного капитала в последнее время способствует развитию образовательного бизнеса.

Россия становится все более и более привлекательной для инвестиций со стороны западных партнеров. Последним, в свою очередь, необходимы специалисты, хорошо владеющие экономической ситуацией в России, знающие законодательную базу страны. Следовательно, обучившись в российской высшей школе, можно обеспечить себя перспективной и интересной работой на будущее, как в нашей стране, так и за рубежом.

Задачи, стоящие при подготовке иностранных студентов, при использовании локальных и удаленных систем обучения, наполненных соответствующей информацией, обуславливают необходимость ознакомления с теорией и приобретением соответствующих навыков работы с такими системами. Следует отметить, что на современном этапе развития делового мирового пространства информационные потоки определяются как важный стратегический ресурс, организация которого направлена на максимизацию ценности в системе высшего образования.

Наличие объемных информационных потоков обуславливает устойчивую тенденцию в направлении сокращения времени аудиторных занятий студентов, приводит к необходимости использования методов дистанционного обучения (далее ДО). Изучение различных дисциплин посредством дистанционных технологий (ДО) актуально еще и потому, что при организации дистанционного обучения можно привлечь достаточно большое количество иностранных студентов в учебный процесс российских ВУЗов.

Привлечение иностранных студентов посредством дистанционного обучения является весьма актуальным и в связи с интеграцией российских ВУЗов в мировой образовательный процесс.

При этом организация дистанционного обучения иностранных студентов в российских ВУЗах требует:

- разработки теоретических положений о возможности и целесообразности использования дистанционных технологий иностранными студентами;
- проведения ревизии имеющихся дистанционных образовательных технологий в ВУЗе, которые можно адаптировать под необходимость обучения иностранных студентов;
- разработки учебно-методических материалов поддержки различных изучаемых дисциплин;
- разработки методики использования подготовленных материалов в процессе дистанционного обучения иностранных студентов;
- использования принципов дистанционного образования;
- разработки механизмов контроля полученных знаний иностранными студентами при дистанционной форме обучения.

Определение основных направлений для преподавателей и студентов, задействованных в реализации дистанционного обучения, имеет как прямую, так и обратную взаимозависимость, тем не менее, основные требования указанных участников будут различны. Требования к участникам дистанционного образования мы постарались отразить в таблице 1.

Следует также отдельно остановиться на основных психолого-педагогических требованиях к педагогам, реализующим дистанционные формы обучения при преподавании различных дисциплин иностранным студентам:

- изучение преподавателем особенностей и способов организации эффективной познавательной деятельности в условиях дистанционного обучения, в результате которой иностранный студент овладеет знаниями и умениями, свяжет новые знания с уже освоенными;
- разработка заданий, решать которые должен научиться в конце обучения каждый иностранный студент;
- умение активизировать самостоятельную работу иностранного студента;
- умение в условиях пространственной или временной независимости определить, что является движущими силами познавательной деятельности иностранного студента;
- умение формировать у иностранного студента интерес к познавательной деятельности, формиро-

Таблица 1

Требования к участникам дистанционного образования

Участники	Требования	Участники	Требования
Студенты	знание русского языка;	Преподаватели	знание английского языка;
	свободное владение информационными Интернет-технологиями;		знание файловой системы;
	умение вводить в контент изученную информацию, а также редактировать ее;		умение использовать электронную почту для процесса обучения, работать в системе телеконференций;
	знание файловой системы;		владение различными технологиями работы и общения со студентами в режиме реального времени;
Студенты	умение работать с электронной почтой;	Преподаватели	умение искать в интернете информацию
	умение работать в чатах и форуме.		умение систематизировать и размещать в образовательной сети информацию по изучаемой дисциплине в формате Web-документов;
			умение проявлять творческую инициативу по разработке новых информационных образовательных ресурсов;
			умение обмениваться полученным опытом по реализации обучения посредством дистанционных технологий с коллегами.

вать потребность и мотивацию к овладению знаниями и умениями;

- умение оптимизации способов организации групповой и проектной работы;

- умение в формировании информационной культуры у иностранных студентов дистанционной формы обучения;

- умение разрабатывать персональные задания, при выполнении которых иностранный студент будет решать абстрактные задачи, связанные с его будущей деятельностью;

- умение работы с дефинициями условий и факторов, оказывающих влияние на формирование методики дистанционного преподавания иностранным студентам.

В высшем учебном заведении применение инструментов дистанционных образовательных технологий в учебном процессе является своеобразным путем подготовки преподавателей к осуществлению эффективной профессиональной деятельности. Одним из условий дистанционного обучения является существенное повышение квалификации профессорско-преподавательского состава, работающего в данных технологиях.

Опишем задачи, решаемые дистанционной формой обучения при обучении иностранных студентов:

1. Формирование представлений об особенностях среды дистанционного образования для понимания специфики педагогической деятельности с использованием сетевой дистанционной образовательной технологии и организации учебного процесса.

2. Формирование практических умений и навыков использования инструментов системы дистан-

ционного образования для эффективного интерактивного взаимодействия между преподавателем и иностранными студентами в ходе реализации учебного процесса по дистанционной форме обучения.

3. Обеспечение необходимыми технологическими инструкциями для уверенного использования интерфейса электронной обучающей среды Дистанционной формы обучения (Дистанционная система обучения – система управления дисциплинами (электронное обучение)), также известная система управления обучением или виртуальная обучающая среда представляет собой свободное (распространяющееся по лицензии GNU GPL) веб-приложение, предоставляющее возможность создавать сайты для онлайн-обучения).

4. Предоставление возможности стать участником профессиональной дискуссии по актуальным проблемам дистанционного обучения.

5. Обеспечение коммерциализации дистанционных технологий. Разработанные в ВУЗе контент можно будет реализовывать другим учебным заведениям.

Ожидаемые результаты. Предполагается, что в результате организации дистанционной формы обучения иностранный студент будет знать основные принципы реализации учебного процесса в электронной обучающей среде Дистанционной формы обучения; специфику работы по управлению и контролю самостоятельной работы студента в системе дистанционного обучения; будет уметь уверенно использовать инструменты электронной обучающей среды; успешно овладевать основными направлениями и особенностями изучаемых

дисциплин, представленных в виде сетевых учебных дисциплин; интерактивно взаимодействовать между участниками дистанционного учебного процесса в ходе освоения учебных дисциплин.

Способ организации и реализации программ дистанционного обучения предполагает очно-заочную форму обучения без отрыва от работы: очные вводные и заключительные занятия и самостоятельную работу с использованием дистанционных образовательных технологий под руководством преподавателя дисциплины. Иностранным студентам выдаются Логин и Пароль для доступа к контенту по дисциплине. Необходимым условием обучения является наличие у иностранного студента компьютера с выходом в Интернет.

Контроль знаний иностранных студентов, обучающихся по дистанционным технологиям, проводится на основе on-line-тестирования по предоставленным темам каждого предмета (дисциплины) и выполнения индивидуальных практических заданий, демонстрирующих практические навыки работы в электронной обучающей среде. Зачет по каждому предмету (дисциплине) проводится по результатам накопительной системы оценки. Экзамен принимается в режиме on-line с использованием телеконференции. По итогам обучения проводится государственный экзамен, защита наработанного научного материала в качестве выпускной квалификационной работы.

Нельзя не отметить приоритетность системы дистанционной формы обучения (онлайн-университет) над традиционными формами:

- увеличение шансов студентов на карьерный успех, при нехватке времени на обучение по направлению работы;
- возможность обучения без учёта расстояния, времени и национальных границ;
- наличие электронной приёмной комиссии, что делает процесс поступления максимально простым и понятным: простота в отборе студентов; подача документов осуществляется в электронном виде; прохождение вступительных экзаменов или собеседования в режиме on-line независимо от удаленности от университета;
- приступать к экзамену студент может в любое время суток, главное – сдать его в установленные сроки;
- при необходимости получения срочной консультации студент обращается непосредственно к преподавателю дисциплины или в образовательный центр и при помощи видеочата получает разъяснение;
- оперативность работы on-line-университета намного эффективнее.

Имея в виду различные модели дистанционного обучения, наиболее распространена в современном образовательном процессе сетевая технология дистанционного обучения. Данный вид дистанционной технологии предполагает организацию обу-

чения иностранных студентов посредством информационно-образовательной среды (обучение через Internet / или электронное образование, в оригинальной транскрипции – e-Learning.).

Основным механизмом организации взаимодействия преподавателей иностранных студентов будет являться система дистанционного обучения (СДО). Практическая реализация учебного процесса в информационно-образовательной среде позволяет организовать посредством СДО учебное пространство, доступное для всех участников дистанционного обучения: преподавателей, иностранных студентов, работников деканата, а также администрации высшего учебного заведения. Использование дистанционных образовательных технологий высшим учебным заведением, предоставляющим возможность освоения учебных программ своему контингенту студентов, учитывает тот факт, что предлагаемое обучение происходит в той точке земного шара, где это удобно студенту, а обеспечение целого ряда преимуществ в организации учебного процесса «на расстоянии» берет на себя сетевая технология:

- доступность дисциплины в любой момент времени. Сетевая технология позволяет организовать обучение по временному принципу, т.е. можно работать над дисциплиной двадцать четыре часа в сутки, или семь дней в неделю, или триста шестьдесят пять дней в году, так как электронные задания и лекции доступны для обучающегося в любой момент времени. Следовательно, обучающиеся самостоятельно решают в каком темпе им проходить ту или иную дисциплину;
- доступность дисциплины учебного курса из любой точки земного шара, где есть доступ в Интернет;
- широта предоставляемой информации, т.е. получение информации опосредованно в процессе работы, при изучении дисциплины используют любую мировую информацию, размещенную в различных образовательных центрах, электронных библиотеках и т.д.;
- автоматизация учебного процесса – способность системы дистанционного образования подбирать различные параметры и осуществлять проверку и сохранность полученных результатов в электронном журнале;
- соответствие электронных технологий менталитету современного студента;
- уверенное овладение современными телекоммуникационными технологиями позволяет приобрести одну из ключевых компетенций выпускника современного высшего учебного заведения, способствующую повышению общей компьютерной грамотности студента;
- формирование у студента стиля мышления, соответствующего широте и масштабности изучаемой информации;

Рис. 1. Этапы организации изучения дисциплины иностранными студентами при дистанционной форме обучения

– использование различных технологий дистанционной формы обучения предоставляет огромные возможности для самостоятельной работы студента, способствующей формированию у него навыков самоорганизации и рационального планирования учебного времени.

Отличительной особенностью образовательного процесса системы дистанционной формы обучения являются последовательно чередующиеся периоды самостоятельного изучения теоретического материала (лекции) и закрепление теоретического материала (контрольные работы, лабораторные работы, тесты, работа в чате/форуме).

Этапы организации изучения дисциплин иностранными студентами при дистанционной форме обучения представлены на рисунке 1.

Реализация первого этапа «Изучение теоретического материала» использует вытекающие средства обучения:

- издания средств массовой информации;
- издания электронного характера;
- мультимедийные (обычные) компьютерные обучающие системы;
- учебно-информационные аудио- и видео материалы;
- лабораторные работы;
- различные тренажеры;
- базы данных и заданий, электронные библиотеки с удаленным доступом;
- дидактические материалы на основе экспертных и геоинформационных систем;
- компьютерные сети.

Учебные системы классифицируются на два типа: синхронные и асинхронные. Синхронные учебные системы реализуются при одновременном участии иностранных студентов и преподавателя в процессе изучения учебных занятий. К этим системам относятся:

а) телеконференции (аудиоконференции, видеоконференции, компьютерные телеконференции), использование электронных каналов связи для реализации возможности общения между участниками учебного процесса;

б) технологии, сформированные на применении сервиса сети Internet IRC, (Interactive Relay Chat – интерактивно передаваемый разговор) – это программное обеспечение, позволяющее просматривать и посылать безграничному количеству пользователей краткие текстовые сообщения в реальном времени, с воспроизведением на экране всех сообщений и координат их авторов;

MUD (Multi-user Domain – «многопользовательский домен») создавать как частные встречи, так и групповые;

MOO (Multi-user Object Oriented – это среда, обеспечивающая контакт через Internet в реальном времени).

Асинхронные учебные системы, не требующие одновременного участия иностранных студентов и преподавателя. Иностранному студентом самостоятельно выбирается время и план занятий. В дистанционном образовании к подобным системам относят курсы на основе печатных материалов, аудио/видео кассетах, электронной почте.

Технология WWW (World Wide Web – «всемирная паутина») охватывает сетевой протокол http и язык написания гипертекстов HTML. В совокупности с протоколом CGI, языками Java, JavaScript, Active X, мультимедийными технологиями Macromedia, передачей звука в реальном времени RealAudio, RealVideo, MPEG и рядом других технологий сервис WWW предоставляет неограниченные возможности для создания дистанционных учебных курсов. Особенность в том, что для подготовки дисциплин преподавателю дорогого оборудования не требуется, современное

программное обеспечение позволяет ему создавать дистанционные курсы обучения почти без участия программистов. Это связано с тем, что проведение самой дисциплины предельно автоматизировано. Дидактические материалы дисциплины отражаются на персональном компьютере студента, подключенном к Internet, с помощью популярных программ-браузеров MS Internet Explorer и Netscape Navigator. Однако компьютер студенту необходимо оборудовать звуковой картой и акустической системой, микрофоном и видеокамерой.

FTP (File Transfer Protocol – протокол передачи файлов) в образовательных системах носит вспомогательный характер, являясь хранилищем больших файлов, содержащих наглядные пособия: видео фильмы, графические изображения высокого разрешения, программные модели, документацию (обычно в формате PDF) и другие. Для загрузки этих файлов иностранному студенту не требуется специального программного обеспечения – все браузеры имеют в своем составе FTP – клиенты, которые запускаются автоматически [5].

При этом важно, чтобы студенты не только помнили информацию, но и связывали ее с реальными жизненными или профессиональными ситуациями.

При обучении иностранных студентов возможна интеграция очных и дистанционных форм обучения. Мы полагаем, что данная интегрированная модель очной и дистанционной форм обучения наиболее перспективна применительно к вузовскому образованию.

При таком подходе дисциплины можно реализовывать на базе ресурсных центров вузов, вести их могут преподаватели этих центров. У иностранных студентов возникает широкий выбор профильного направления, а разработка и руководство этих дисциплин высококвалифицированными педагогами различных ресурсных центров ведущих вузов страны будет гарантировать качество обучения.

Для эффективной организации системы дистанционного обучения иностранных студентов необходимо создание информационно-предметной среды по профилю и, соответственно, подготовка к единому государственному экзамену. Однако на сегодняшний день вопрос дистанционного образования не решен ни на уровне министерства, ни на уровне конкретных вузов. Иностранные студенты выбирают экстернат обучения, поскольку не могут совмещать полную сетку часов с основательным прохождением дисциплины.

Любая дисциплина, разработанная в рамках дистанционного обучения, – это полноценный учебный процесс. Востребованность такой модели обучения достаточно высока и с годами будет все возрастать, так как иностранные студенты будут стремиться получать полноценное образование или углублять свои знания по отдельным предме-

там, не имея возможности посещать очные учебные заведения, будучи не удовлетворены качеством образования на местном уровне.

Среди различных моделей дистанционного образования необходимо выделить следующие: модель сетевого обучения и кейс-технологий, интерактивное телевидение (Two-way TV).

Модель сетевого обучения и кейс-технологий предназначена для дифференциации обучения. Наличие утвержденных методическим объединением печатных пособий снижает необходимость в создании электронных сетевых учебников. Эффективность обучения можно рассматривать и с учетом уже изданных учебников и учебных пособий, на базе которых, используя дополнительный материал сети Интернет, строится обучение иностранных студентов. При этом можно либо усиливать этот материал для «продвинутых» студентов, либо давать добавочные разъяснения, упражнения для более слабых студентов. Консультации преподавателей, система тестирования и контроля, дополнительные лабораторные и практические работы, совместные проекты в данной среде необходимы. Для доступа к системе дистанционного обучения необходимо выйти с любого компьютера в сеть Интернет и набрать в адресной строке браузера адрес учебного заведения, предоставляющего услуги по данной форме образования.

Оформление результатов успеваемости иностранных студентов по дисциплинам академической задолженности проводится в ходе последующего семестра, по мере отработки иностранными студентами своих задолженностей и достижения установленного порогового значения рейтингового балла. В этот период преподавателю необходимо осуществлять контроль работы иностранных студентов группы академической задолженности, которая формируется специалистами учебного отдела высшего учебного заведения в рамках каждого сетевого курса дисциплины, по предоставленным преподавателями материалам.

Библиографический список

1. Баширова С.В. Направления и условия успешной социализации студентов современного ВУЗа // Вестник Университета Российской академии образования. – 2006. – № 4. – С. 77–82.
2. Брагина З.В., Суглобов А.Е. Проектно-процессный подход подготовки магистров (направления подготовки: «Экономика» и «Менеджмент») // Экономика образования. – 2012. – № 3. – С. 17–19.
3. Кутузов М.Н. Дистанционные технологии обучения в традиционном образовательном процессе // Педагогика: традиции и инновации: материалы междунар. науч. конф. Т. II. – Челябинск: Два комсомольца, 2011. – С. 143–146 [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://www.moluch.ru/conf/ped/archive/19/935/> (дата обращения: 03.03.2014)

4. Волженина Н.В. Организация самостоятельной работы студентов в процессе дистанционного обучения: учебное пособие. – Барнаул: Изд-во Алт. ун-та, 2008. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://rudocs.exdat.com/docs/index-62918.html?page=2> (дата обращения: 03.03.2014)

5. Система дистанционного обучения в сети Интернет. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа <http://cdo.bseu.by/about/DA.htm> (дата обращения: 03.03.2014)

6. Старцева Т.Е. Теоретические проблемы формирования инновационного профессионального образования // Вопросы региональной экономики. – 2011. – Т. 7. – № 2. – С. 3–16.

7. Котрин В.В., Резникова А.В., Старцева Т.Е., Шманенкова Г.А. Муниципальное управление в наукограде (на примере города Королёва) // Известия Российской академии наук. Серия географическая. – 2009. – № 2. – С. 39–47.

УДК 378

Ферцер Виктория Юрьевна

кандидат педагогических наук

Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево

v-fertser@mail.ru

Кутякова Нинель Константиновна

кандидат педагогических наук

Московский государственный областной гуманитарный институт, г. Орехово-Зуево

ФОРМИРОВАНИЕ НАЦИОНАЛЬНОГО МИРОВОЗЗРЕНИЯ КАК ЦЕННОСТЬ ОБРАЗОВАНИЯ НА СОВРЕМЕННОМ ЭТАПЕ

В статье рассматривается взаимосвязь общечеловеческих и национальных ценностей в формировании национального мировоззрения, представлены некоторые модели национальной школы.

Ключевые слова: национальное мировоззрение, проекты национальной школы.

Социально-экономические и политические изменения в жизни российского общества обусловили приоритетные цели возрождения национальной школы. Педагогический процесс должен сформировать механизмы, которые способны обеспечить сохранение и развитие национальной и духовной самобытности народов России. В ФЗ «Об образовании в Российской Федерации» отмечается, что наше общество должно получить устойчивую систему образования, учитывающую особенности историко-культурного развития народов России. В то же время система образования должна быть ориентирована на современные и отдаленные перспективы, потребности страны [10]. Среди многочисленных проблем, стоящих перед современным обществом, одна из наиболее важных – проблема формирования общечеловеческих и национальных ценностей в образовательном процессе.

Представители отечественной классической педагогики (П.Ф. Каптерев, Л.Н. Толстой, К.Д. Ушинский и др.) выделяли три составных элемента педагогического процесса: личные или субъективные, народные или национальные, всенародные или общечеловеческие. По мысли Н.И. Пирогова, общечеловеческое начало, отражающее единство человеческой природы, является основанием педагогической науки, имеющей общенациональный и всечеловеческий характер, направленной на изучение всеобщих теоретических положений о развитии и воспитании личности. Эти методические позиции отечественных педагогов придают основательность и глубину подхода современных уче-

ных и практики к проблеме взаимосвязи общечеловеческих и национальных начал в образовательном процессе.

Компоненты национального и регионально-ориентированного образования являются предметом теоретико-практического исследования ряда ученых-педагогов (В.И. Беляев, Е.П. Белозерцев, И.А. Галицкая, В.Н. Ганичев, В.С. Кукушин, И.В. Метлик, М.И. Мухин, А.М. Новиков, В.Ю. Троицкий и др.) [2; 5; 7; 9]. Определенный опыт накоплен современными общеобразовательными организациями России (Елецкий государственный университет, Челябинский государственный педагогический университет, Татарстан, Вологодская область, Москва и Московская область, Северокавказский регион и проч.) [1; 4; 8; 11; 12; 13].

Сегодня идеи национально-ориентированного образования все более широко разрабатываются в психолого-педагогической науке и внедряются в педагогическую практику. Но в большой мере использованы или внедрены лишь элементы эмпирического опыта. Требуется серьезное глубокое научно-методическое обоснование.

Объектом многих исследований являются модельные построения национальной школы. Сторонники этнокультурного компонента образования (И.Ф. Гончаров, Т.И. Гончарова, А.И. Николаева, Л.Н. Погодина, Н.П. Фаустова и др.) отечественную школу рассматривают как средство формирования национального мировоззрения у подрастающего поколения.

Содержание образования максимально наполнено этнографическим и историческим материа-

лом, способствующим пробуждению национального самосознания, приобщению к духовным идеям добра, истины, отзывчивости, справедливости, патриотизма, свободы вероисповедания, сохранение семейных традиций, межнационального мира. Приоритетное место в учебных планах отводится таким предметам, как родной язык, отечественная история и литература, искусство, география России. Актуализация культурно-исторического наследия осуществляется не только через гуманитарные циклы, но и все шире привлекаются дисциплины естественного характера (математика, физика, химия, биология, информатика). Преподавание дополняется спецкурсами, факультативами, кружками народного творчества, театральной народной педагогики.

Вместе с тем, отечественная школа – не реставрация лучших прежних учебных заведений, не пристройка к старым формам образования, а возрождение национальной культуры в новом виде творения.

Как научить ребенка чувствовать и понимать истоки родной земли, сердцем и душой ощущать вечные ценности российской цивилизации? Как помочь детям увидеть духовные основы и смысл окружающего мира и собственной личности? В этом направлении развивается крупномасштабный проект «Истоки» (Вологодская область) [8]. В центре программы учебный предмет с таким же названием. Его преподавание рассчитано на I–XI классы. Выпущены учебные книги (автор А.В. Камкин), рабочие тетради, видеокассеты, методические рекомендации из опыта работы. Речь идет о том, чтобы человек сумел увидеть, почувствовать и осознать укорененность на своей земле. Родной очаг – это бесценный дар, который дается человеку один раз и навсегда, соединяет его с прошлым и будущим. Родные просторы дают возможность всмотреться в природный ландшафт как часть отечественной культуры и российского образа жизни. В детское сознание закладывается не взгляд потребителя, а позиция сотрудничества с землей-матушкой. Ребята узнают смысл понятия труд земной, его неразрывную связь с видами деятельности и национальным характером трудового человека. Они вводятся в мир общечеловеческих и национальных ценностей. Изучение памятников отечественной культуры и образа жизни дает возможность приобщиться к духовным истокам Отечества. Программа укрепляет чувство патриотизма, привязанности к родной земле, а через это – уважение к другим народам и культурам. Подобного рода проекты, безусловно, помогают сформировать в детях систему исторических и культурных ценностей. Уроки и дополнительные занятия ориентированы на собственное размышление и чувство, на тесную связь поколений.

Сегодня становится все более очевидным, что для процветания России, улучшения жизни рос-

сиян требуется активизация духовно-нравственного потенциала личности, воспитание патриота, сознающего ценности историко-культурного наследия. Изучению и решению названных проблем во многом будет способствовать становление и развитие общеобразовательной «гуманитарной школы русской культуры». Проекты конкурсов инновационных разработок национальной школы представлены Российским образовательным форумом (2004) [3]. Основу организации педагогического процесса составляет «русский компонент» образования. Развитие национальной школы исходит из культурологического, гуманистического, личностно-ориентированного, творческого подходов. Основная цель педагогического процесса – воспитание личности с ориентацией на ценности национальной культуры в системе поликультурного мировоззрения. Приоритетные направления гуманитарной школы русской культуры: углубление в содержание учебных предметов исторических фактов, достижений культуры, национальных и географических особенностей России; внедрение в деятельность педагогического коллектива русских традиций народной педагогики; использование в педагогическом процессе основы «народного календаря»; создание системы дополнительного образования в области народного искусства (народный хор, хореография, декоративно-прикладное искусство, народные игры); организация деятельности этнографического музея; включение детей в общественные организации и объединения русской национальной направленности; разработка и внедрение программ по формированию культуры межнационального общения; формирование системы работы с родителями обучающихся по внедрению в процессе семейного воспитания традиций народной педагогики; включение молодежи в разнообразную деятельность по сохранению, продолжению и развитию традиций русской национальной культуры.

Образовательная парадигма гуманитарной школы национальной культуры личностно-ориентированная по существу и культурно-созидающая по цели.

Сохранение общей ориентации на национальные, общечеловеческие идеалы и ценности в тоже время ориентируют модели на те качества личности, которые являются наиболее ценными в современных социальных условиях. Методическое обоснование проекта носит комплексный междисциплинарный характер, базируется на фундаментальных положениях педагогической и психологической науки. Опора в модели гуманитарной школы национальной культуры – опыт воспитания в прошлом и настоящем русского народа и народов России.

Концепция «именной школы» основывается на культурно-исторической педагогике (В.И. Авер-

шин, Е.В. Бондаревская, Н.Б. Крылова и др.). Цель деятельности общеобразовательных организаций с элементами социокультурного направления – создание содержательной образовательной среды, в которой усвоение и присвоение обучающимися нравственных ценностей, формирование у них социально-приемлемых форм и способов поведения происходит в процессе изучения жизни и деятельности конкретных личностей, родного края, города, поселка. В настоящее время существуют модели общеобразовательных организаций, работающих с именами деятелей культуры и науки; общеобразовательные организации, работающие с именами педагогов; общеобразовательные организации, работающие с именами героев Советского Союза и России; общеобразовательные организации, работающие с именами меценатов и попечителей народного образования и т.п. Причем каждый компонент социокультурного пространства, вольно или невольно, оказывает воспитательное воздействие на ребенка. Основой содержания образования в таких заведениях является базисный учебный план, но в его вариативной части реализуется ряд идей развития личности в условиях сложившегося очага культуры. Значительное место занимают здесь предметы этнокультурного цикла (народная музыка, танцы, фольклор, краеведение и т.д.). Практически во всех общеобразовательных организациях создаются условия для формирования национального мировоззрения молодежи на основе богатых региональных традиций. Направления деятельности «именной школы»: гражданско-патриотическое воспитание молодежи через осознание ими значения личности в истории развития родного края и культуры Родины; формирование у воспитанников гражданского самосознания и социально-значимых идеалов и устремлений; вовлечение всех участников образовательного процесса в активную работу по изучению и внедрению в систему воспитания социально-значимых образцов жизнедеятельности личности; максимальное использование в образовательном процессе истории, культуры и традиций сферы проживания воспитанников (вовлечение в учебно-воспитательную работу социальных, экономических, исторических, географических и этнографических особенностей региона); активно-преобразующий характер образовательного процесса через использование в работе с детьми проектной деятельности, поисково-исследовательских форм [3, с. 19–20].

В образовательном процессе используются комплексные и интегрированные занятия, уроки-путешествия, уроки знакомства, уроки творчества и т.д. Во внеучебной деятельности – тематические недели, презентации результатов проектной деятельности, научно-практические конференции, олимпиады, конкурсы, фестивали и т.д. В дополнительном образовании – тематический или крае-

ведческий музей, детские объединения, кружки, тематические мероприятия и т.д.

Общее в понимании национальной идеи в отечественной науке и практике – рассмотрение ее на уровне черт личности, то есть ценностей, интроецированных в личность в результате длительного процесса взаимодействия генотипа с культурой, взаимного их проникновения. Это позволяет вычленивать совокупность основных черт характера человека и определить основные направления формирования национального мировоззрения у подрастающего поколения.

В поликультурной среде воспитанник оказывается на стыке культур разных народов. Сохранение своей идентичности и адаптация в поликультурной среде – основной путь в процессе преодоления межнациональных конфликтов, формирования этнотолерантности. По нашему мнению, в этой связи ключевой позицией современного образования является возрождение его культурно-созидающей роли, воспитание и развитие обучающихся на основе национальных традиций и региональных особенностей. Основная парадигма поликультурного воспитания – культурное взаимодействие ведущих и малых этносов. Принцип поликультурности основан на представлении о многокультурности человеческого бытия, равноправности культур в социальной жизни. Диалог культур исключает абсолютизацию национальной специфики, напротив, позволяет подчеркнуть значимость каждой культуры вне зависимости от наличия или отсутствия государственности у народа – ее носителя, от его компактного или дисперсного проживания [6].

Стержневой задачей национального образования и воспитания является формирование национального мировоззрения личности как основы воспитания гражданско-патриотического отношения к родной земле, своему народу, готовности трудиться во имя блага народа как необходимого условия процветания и возрождения могущества всей России. Современный национальный воспитательный идеал – высоконравственный, творческий, компетентный гражданин России, принимающий судьбу Отечества как свою личную, осознающий ответственность за состояние и будущее страны, укорененный в духовных и культурных традициях русского народа. Это важно для того, чтобы сохранилась преемственность, непрерывность и органичность развития национального мировоззрения, его соответствие прошлым и настоящим реалиям. Национальное поликультурное мировоззрение – важнейшая ценность, составляющая социальную сущность человека. Это система жизненных и поведенческих смыслов, отношений и выбора в поступках, мотивах и стремлений.

Таким образом, становление и развитие личности будущего гражданина нашего Отечества – задача общегосударственного характера с учетом

опоры на национальные культурно-образовательные традиции. Проекты (модели) национальной общеобразовательной организации предоставляют регионам право выбора своей образовательной стратегии и тактики в формировании у молодежи национального мировоззрения.

Библиографический список

1. Белогуров А.Ю. Проблемы развития этнорегиональных образовательных систем // Педагогика. – 2003. – №1. – С. 98–104.
2. Беляев В.И. Концептуальные основы педагогики национальной школы: Монография. – Элиста: АПП «Джангар», 2000. – 136 с.
3. Вариативные модели развития гуманитарной школы национальной культуры: (По материалам проекта «Концепция развития гуманитарной школы русской культуры» и других проектов конкурса инновационных разработок Российского образовательного форума – 2004) / автор-сост. З.А. Каргина. – М.: АПКПРО, 2004. – 32 с.
4. Герюгова З. Традиции этического и эстетического воспитания детей в Карачаевской народной педагогике // Воспитание школьников. – 2003. – № 10. – С. 17–23.
5. Кукушин В.С. Этнопедагогика: Учебное пособие. – М.: Московский психолого-социальный

институт; Воронеж: НПО «Модэк», 2002. – 304 с.

6. Кутякова Н.К. Духовно-нравственные ценности образования как средство воспитания личности // Духовно-нравственное воспитание личности: история и современность: Сборник научных статей; под общей ред. А.А. Шаталова. – Орехово-Зуево: МГОИ, 2013. – С.11–25.

7. Новиков А.М. Развитие отечественного образования: Полемиические размышления. – М.: Изд-во «Эгвес», 2005. – 176 с.

8. Позгалев В. Образовательно-воспитательный проект «Истоки» // Воспитание школьников. – 1999. – № 6. – С. 8–11.

9. Троицкий В.Ю. Русская школа и современное состояние образования // Педагогика. – 2001. – № 7. – С. 22–26.

10. Федеральный закон «Об образовании в РФ». – М.: Проспект, 2013. – 160 с.

11. Харисов Ф.Ф. Национальная культура в воспитательном процессе // Педагогика. – 1999. – № 2. – С. 51–57.

12. Швеммер В. Этнокультурная школа как открытая воспитательная система // Воспитание школьников. – 2003. – № 4. – С. 7–14.

13. Шилова М.И., Малиновская Н.И. Черты национального характера: российский вариант // Педагогика. – 2002. – № 8. – С. 24–28.

УДК 37

Кукушкина Любовь Анатольевна

кандидат педагогических наук

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова
Lub-kuku@mail.ru

СОЦИАЛЬНО-ПЕДАГОГИЧЕСКОЕ СОПРОВОЖДЕНИЕ УЧАЩИХСЯ ПРОФИЛЬНЫХ ЮРИДИЧЕСКИХ КЛАССОВ В СОЦИАЛЬНОМ САМООПРЕДЕЛЕНИИ

В статье рассматривается сущность социально-педагогического сопровождения учащихся профильных юридических классов в социальном самоопределении. Определяются условия и методы социально-педагогического сопровождения учащихся профильных юридических классов.

Ключевые слова: социально-педагогическое сопровождение, педагогическая поддержка, социальное самоопределение, субъектная позиция учащихся.

Вступая в активную самостоятельную жизнь, каждое молодое поколение решает для себя проблемы, которые принято считать вечными: жизненного, профессионального и эмоционально-ценностного выбора. В ранней юности возрастающая активность процесса самоопределения личности обусловлена потребностью занять внутреннюю позицию взрослого человека в связи с приближающимся окончанием школы, когда будущее приобретает осязаемые черты. Расширение социального пространства жизнедеятельности, предстоящее вхождение в послешкольный социум, необходимость адаптироваться к изменениям внешних условий, поиск и выбор путей построения собственной жизни, определение перспектив получения дальнейшего образования – все это создает

стрессовую ситуацию напряжения, энергетических затрат и возможного разочарования.

К возрастным трудностям жизненного самоопределения сегодня добавляется многообразие сложных социальных проблем, обусловленных изменениями в мировом сообществе, связанных с развитием идей глобализации. Происходит резкая смена образа жизни и социального поведения, колеблются до взаимоисключения ценности и отторгаются некоторые традиционные нравственные и мировоззренческие представления, а новые вызывают множество сомнений, неэффективными оказываются многие стереотипы, привычные модели поведения. В условиях общей нестабильности обостряется вероятность принятия спонтанных, непродуманных решений проблем экзистенциаль-

ного характера. Способности сделать осознанный выбор, должной готовности к жизненному и профессиональному самоопределению человек теряет возможность обрести культуру, реализовать себя как существо самобытное и активно преобразующее общественную жизнь [2, с. 51].

Социальное становление граждан происходит в условиях, когда естественное стремление к самоутверждению, успеху сталкивается с возрастающей конкуренцией, высокими требованиями к качеству трудовых ресурсов на рынке труда. Востребован иной набор личностных качеств, позволяющих человеку успешно интегрироваться в сложную социальную среду: способность к быстрому освоению нового, гибкость, динамика, мобильность, умение действовать методом проб и ошибок, взаимодействовать в изменяющемся мире.

В этих условиях формирования готовности старшеклассников к социальному самоопределению актуализируется проблема социально-педагогического сопровождения жизненного, профессионального и личностного выбора. Личностно ориентированная парадигма, суть которой состоит в новом видении назначения и смысла образования, в упрочении индивидуальных ценностей образования, удовлетворении личных запросов детей, в обеспечении их успешного самоопределения и самореализации, обращена к растущему гражданину как главной ценности. Обращенность образования к личностной ориентации означает принятие положения, согласно которому каждый человек обладает необходимым воспитательным потенциалом, главное в том, чтобы помочь ему в реализации этого потенциала, т.е. обеспечить социально – педагогическое сопровождение личности на этапе ее социального самоопределения.

Социально-педагогическое сопровождение рассматривается как помощь подростку в его личностном росте, установка на эмпатийное понимание ученика, на открытое общение (И.Д. Фрумин, В.И. Слободчиков, Т.Н. Сапожникова); как особая сфера деятельности педагога, направленная на приобщение подростка к социально-культурным и нравственным ценностям, на которые он опирается в процессе самореализации и саморазвития (А.В. Мудрик), как пролонгированная педагогическая поддержка (П.А. Эльканова), как направление деятельности педагога в сфере социально-профессионального самоопределения молодежи (С.Н. Чистякова, Н.С. Пряжников и др.), когда учащимся создаются условия для продуктивного решения возрастных проблем, чтобы они смогли понять их смыслы, назначение, ценности, содержание социальной деятельности, особенности ее освоения и реализации.

С этих позиций воспитание направлено на выработку у подрастающего человека готовности и способности разрешать свои проблемы, делать

жизненный выбор, опираясь на подлинные ценности, искать самостоятельно и с помощью взрослого наставника способы построения перспектив и реализации планов, пытаться ответить на вопросы: «Кто Я? Как живу, почему так поступаю? Чего хочу от жизни, от себя, от других людей? Куда двигаться дальше? Кого любить, кому молиться?» Ответы на них многое могут сказать о верности личностной позиции на путях формирования рефлексивного, творческого, нравственного отношения к собственной судьбе в соотнесении с жизнью других людей.

В понятии социально-педагогического сопровождения отражены идеи развивающего взаимодействия субъектов обучения и воспитания (Е.В. Бондаревская, А.В. Петровский, А.И. Тубельский, Т.Н. Сапожникова), взгляды сторонников «педагогики сотрудничества» (А.В. Адамский, Ш.А. Амонашвили, И.П. Иванов), мысли о необходимости полноценного, продуктивного общения представителей всех возрастных, социальных и профессиональных групп (И.С. Кон, М.Ю. Кондратьев, А.В. Мудрик, Д.И. Фельдштейн и др.), о педагогической поддержке (В.П. Бедерханова, О.С. Газман, Н.Б. Крылова, Н.Н. Михайлова, С.Д. Поляков, И.Д. Фрумин, И.С. Якиманская и др.).

Поддержка возможна в ситуации, где есть содействие, сопровождение, сотрудничество, сопереживание, сочувствие процессам, способствующим становлению относительной автономии и независимости личности, самостоятельности и саморазвитию, самоидентификации, самопознанию, самоопределению, самоорганизации, самоконтролю, самовыражению, самореализации.

Способность самостоятельно решать конкретные проблемы в жизненных ситуациях на основе ценностного выбора альтернатив имеет для старшеклассника особый личностный смысл в любой деятельности и зависит от мотива, которым он руководствуется. А.Н. Леонтьев подчеркивал: если значение – это средство связи человека с реальностью, то смысл связывает его с реальностью собственной индивидуальной жизни в этом мире [3, с. 298 – 300].

Необходимым условием социального самоопределения становится развитие способности к самопознанию, самоизменению, самореализации и рефлексии. Умение действовать сообща для достижения позитивных целей способствует социализации старшеклассника. Научиться работать самостоятельно, выходить из ситуаций без стрессов и депрессий, определять свои возможности и удовлетворять потребности можно только в деятельности, социально приемлемой и личностно значимой, индивидуальной и совместной.

Социально-педагогическое сопровождение социального самоопределения старшеклассников – это особая сфера деятельности педагога как фасилитатора, ориентированная на взаимодействие со

школьником в процессе оказания ему поддержки в становлении личностного роста, социальной адаптации, альтернативном выборе способов поведения, принятии решения об избираемой деятельности и самоутверждения в ней.

Это процесс формирования личностью своего отношения к социальной и трудовой сферам и способ ее самореализации, когда согласовываются внутриличностные и социально-профессиональные потребности на всех этапах жизненного пути. Социально-педагогическое сопровождение призвано расширить и углубить возможности самореализации растущей и развивающейся личности, помочь ей осознать свое призвание, понять экзистенциальный смысл своего бытия и обрести социальную компетентность.

Социально-педагогическое сопровождение социального самоопределения в профильных классах осуществляется на основе принципов дифференциации, индивидуализации, непрерывности, гибкости, открытости. Принцип дифференциации и индивидуализации означает направленность на организацию совместной деятельности с учетом личностных особенностей и запросов учащихся и ориентацией на расширение их социальных контактов в соответствии с общекультурными, социальными и индивидуальными запросами. Принцип непрерывности предполагает обеспечение последовательного, нефрагментарного, своевременного (оперативного или превентивного) содействия старшеклассникам в личностном продвижении. Руководствуясь принципом гибкости, педагоги включают старшеклассников в жизнедеятельность сообщества, используя инновационные подходы, развивающие диагностические процедуры, индивидуальные и групповые мини-программы, обучающие модули, оказывая консультативную помощь в соответствии с индивидуальными потребностями, мотивами, ценностными ориентациями. Принцип открытости позволяет субъектам взаимодействия гибко реагировать на изменившуюся ситуацию, освоить новые социальные роли, сменить позицию и т.д.

Результатом социально-педагогического сопровождения является овладение старшеклассниками ключевыми компетенциями, содержание которых обеспечивает успешность социального самоопределения: способность к целеполаганию и принятию адекватных решений в соответствии с индивидуальными потребностями; стремление к самопознанию своих индивидуальных особенностей; готовность к социально значимой деятельности, преодолению трудностей; умение налаживать социальные и деловые контакты; овладение правовой грамотностью в области регулирования социально-трудовых отношений между людьми.

В качестве методов социально-педагогического сопровождения социального самоопределения

старшеклассников профильных юридических классов мы используем: дискуссии, проекты, тренинги, игры (организационно-деятельностные, сюжетно-ролевые, имитационные), наставничество, социальные практики, индивидуальные и групповые консультации, с помощью которых молодой человек приобретает опыт самопознания, самопонимания в процессе социокультурной деятельности.

Представим комплекс условий, обеспечивающих социально-педагогическое сопровождение социального самоопределения: фасилитационная направленность, проблематизация, ориентация на успех, социальная компетентность педагога. Фасилитационная направленность – это смена назидательной, традиционной менторской позиции педагога отношениями, ориентированными на эмпатию, интуицию, личностную идентичность (К. Роджерс, Р. Берне). Способность педагога к фасилитирующему общению – это имманентно развивающееся качество личности педагога, вдохновляющее и побуждающее воспитанника на интенсивное, осознанное духовно-нравственное саморазвитие и самодостраивание в соответствии с приоритетными смыслами жизнедеятельности.

Обобщение практического опыта позволило нам выделить такие ролевые функции педагога: организатор, но не контролер, инспектор, «начальник»; коммуникатор, а не всего лишь информатор, оратор, ритор; интерпретатор, а не просто источник, носитель, транслятор информации; дипломат как образец корректности, толерантности, достоинства; инициатор действий, генератор идей, координатор совместных усилий и т.д.

Каждому участнику предоставляется право выбора своей позиции, роли, формы участия. Содержание деятельности должно способствовать расширению социальных связей, развитию социальных отношений, реализации социальных интересов, намерений, потребностей, функций, ролей.

При совместном обсуждении перспектив и планов жизнедеятельности предусматривается информирование старшеклассников об особенностях социальных отношений, системе социальных ролей, функциях и статусах; социальных нормах, моделях и стереотипах поведения; имеющемся опыте интерактивного общения, конструктивного взаимодействия, толерантного поведения; формах самореализации в достижении его жизненных целей; уровнях сформированности готовности к самоопределению; возможностях и путях развития личностных качеств.

Старшеклассники осваивают возможности практического использования широко известных цепочек: осознание затруднения – формулирование проблемы – ее переформулирование в задачу – соотнесение с имеющимся объемом знаний и умений – решение задачи известным и доступным путем – соотнесение решения с проблемой –

оценка результатов, а также алгоритма коллективных творческих дел, принципа организаторской деятельности «четырёх П» – планирования, подготовки, проведения и подведения итогов.

Для поощрения выбора используем игровые приемы распределения заданий (по желанию, жребий, поручения и их чередование, на конкурсной основе), предлагаем новые роли (пресс-секретарь, исполнительный директор программы, казначей, хранитель памяти). При организации социальных проб в специально созданных педагогом ситуациях культивируем приемы эмоционального подкрепления, педагогического стимулирования рефлексивных умений.

Социально-педагогическое сопровождение процессов, связанных с включением школьников в социальные отношения, выбором ими своей роли, позиции в контексте самореализации, самоутверждения и рефлексии, способствует приобретению практико-ориентированного опыта в социально значимой деятельности, выработке собственных

средств решения проблем, развитию навыков социального партнерства, социальной активности и функциональной грамотности.

Библиографический список

1. *Асмолов А.Г.* Культурно-историческая психология и конструирование миров. – М.: Воронеж, 1996.
2. *Крылова Н.Б.* Культурология образования // Новые ценности образования. – Вып. 10. – М., 2000.
3. *Леонтьев А.Н.* Проблемы развития психики. – М., 1981.
4. *Лисовский В.Т.* Молодежь о времени и о себе: результаты социологических исследований // Педагогика. – 1998. – № 4.
5. *Чистякова С.Н., Пряжников Н.С.* Педагогическое сопровождение социально-профессионального самоопределения учащихся // Ученик в обновляющейся школе. Сборник научных трудов / под ред. Ю.И. Дика, А.В. Хуторского. – М., 2002.

ДИАЛОГ ГОСУДАРСТВА И ГРАЖДАНСКОГО ОБЩЕСТВА В КОНТЕКСТЕ РЕГИОНАЛЬНОЙ ПУБЛИЧНОЙ ПОЛИТИКИ (на примере Костромской, Курской и Ярославской областей)

В статье представлен сравнительный анализ состояния публичной политики в Костромской области на основе социологических исследований, проведенных в 2012 и в 2013 годах. Состоятельность институтов, механизмов и субъектов публичной политики Костромской области сопоставляется с аналогичными исследованиями публичной политики в Курской и в Ярославской областях.

Ключевые слова: публичная политика, диалог государства и гражданского общества, субъекты, механизмы, институты, состоятельность.

Публичная сфера – это особое открытое общественное пространство, где протекает диалог государства и гражданского общества в процессе публичной политики [5]. На диалоговом характере публичной сферы и публичной политики акцентируют внимание как зарубежные, так и многие отечественные авторы. Так, к примеру, российский политолог Н.А. Баранов вполне справедливо, на наш взгляд, отмечает, что «сущность публичной политики заключается в отражении интересов общества через диалог с властью посредством налаженного коммуникационного процесса, в котором принимают участие, с одной стороны, государство, с другой – институционализированное гражданское общество» [1, с. 149].

Л.И. Никовская и В.Н. Якимец также полагают, что полноценное представительство социально-политических интересов общества «может осуществляться только в публичной сфере – сфере диалога, общения, договора с государством по общезначимым вопросам» [8, с. 84]. Диалогична не только публичная сфера, но и публичная политика: «Публичная политика – система работающих механизмов диалога государства и общества при принятии значимых решений» [9, с. 42].

По мнению С.А. Гадышева, «публичная политика – это дискурсивная коммуникация, в основе которой находится многоуровневый диалог, где... преобладает субъект-субъектное взаимодействие» [2, с. 134]. Публичная сфера и публичная политика неразрывно связаны с гражданским обществом и с имманентно присущим ей диалогом государства и гражданского общества, с последовательным и поступательным процессом институционализации их двухсторонней интеракции.

Посредством диалога с государством гражданское общество и отдельные граждане включаются в дискурсивный процесс делиберативной выработки и принятия социально значимых политических решений. А государственная власть, посредством диалога в публичной сфере, на основе прозрачной и внятной публичной политики, увеличивает свою

легитимность и легитимность принятых в процессе делиберации политических решений.

В нашем сравнительном исследовании публичной политики в регионах России, на примере Костромской, Курской и Ярославской областей, мы будем использовать методологию, инструментарий, критерии оценки и некоторые конкретные результаты исследования состояния региональной публичной политики, разработанные и проведенные Л.И. Никовской и В.Н. Якимцом [8–10 и др.], в том числе в 2012 и в 2013 годах в Костромской области, при непосредственном участии автора данной публикации [6].

В проведенном социологическом исследовании во всех трех регионах РФ участвовали в качестве респондентов представители трех секторов общества:

- 1) государственные и муниципальные служащие, депутаты, сотрудники законодательной и исполнительной власти области;
- 2) представители малого и среднего бизнеса: владельцы и наемные работники;
- 3) представители «третьего сектора», включая руководителей и членов некоммерческих и общественных организаций.

Опросная анкета представляла собой набор из 22 вопросов, раскрывающих степень развитости субъектов и институтов публичной политики в регионе. Каждый показатель необходимо было оценить по 10-балльной шкале респондентам из всех трех целевых групп. При этом каждый из 22 вопросов характеризовал различные аспекты проявления публичной политики и публичной сферы в регионе, а также активных субъектов (акторов) этого процесса – партий, бизнеса, НКО, региональной исполнительной и законодательной власти, местного самоуправления, профсоюзов и т.д.

Так, среди институтов и механизмов публичной политики для оценки их эффективности и состоятельности респондентам были предложены следующие: 1) выборы; 2) механизмы освещения проблем в СМИ; 3) верховенство закона и институт суда; 4) терпимость к конфессиям и вероисповеданию; 5) инсти-

туты защиты собственности; 6) механизмы противодействия коррупции; 7) институты образования; 8) система здравоохранения; 9) механизмы поддержки гражданских инициатив; 10) механизмы публичного контроля; 13) механизмы отстаивания общественных интересов; 14) общественно-консультативные институты; 15) правила и условия для работы конструктивной оппозиции.

К субъектам и акторам, то есть к участникам региональной публичной политики, были отнесены: 1) население; 2) бизнес; 3) представительная власть; 4) исполнительная власть; 5) местное самоуправление; 6) партии; 7) профсоюзы; 8) общественные и некоммерческие организации; 9) экспертные организации и СМИ.

Л.И. Никовской и В.Н. Якимцом была разработана типология пяти разновидностей (типов) публичной политики, существующей в различных регионах РФ [8–10 и др.]:

1. Регионы с консолидированными низкими оценками – там, где респонденты из всех трех секторов одинаково низко оценивают состояние публичной политики.

2. Центрированные регионы – там, где консолидированно была дана средняя оценка.

3. Регионы с разрывами оценок – там, где оценки публичной политики респондентами из разных секторов характеризуется значимым разрывом.

4. Регионы с партнерскими отношениями между секторами – там, где, по крайней мере, респонденты из двух секторов дали консолидированно высокие оценки состояния публичной политики.

5. Регионы с неконсолидированными оценками публичной политики: там, где между оценками респондентов из разных секторов большие разрывы в зоне низких оценок.

В результате обработки полученных данных социологических исследований по данной методике в 2010 году Курская и Ярославская области оказались отнесены ко второму (центрированному) типу регионов с консолидированно средней оценкой состояния и уровня развития публичной политики [8, с. 86]. В эту же группу регионов также попали Алтайский край, Амурская и Нижегородская области [9, с. 86].

А вот Костромская область по итогам аналогичного социологического исследования, проведенного в мае 2012 года, оказалась в группе регионов с консолидированно низкими оценками состояния публичной политики [6], где, в соответствии с ранее проведенными исследованиями, оказались Республики Дагестан и Коми, Мурманская и Иркутская области. По итогам анализа итогов исследования выяснилось, что мнения респондентов из всех трех секторов – государственного, бизнес-общества и некоммерческого – оказались очень близки друг к другу и указали на достаточно слабый, но в то же время очень близкий уровень развития пу-

бличной политики и состоятельности институтов публичной политики в Костромской области [9].

Социологическое исследование, проведенное годом позже, в принципе подтвердило это же место Костромской области в рейтинге регионов с точки зрения развитости институтов, механизмов и субъектов публичной политики. Но в то же время был выявлен ряд новых, как позитивных, так и тревожных, трендов в сфере публичной политики Костромского региона. Дело в том, что еще в апреле 2012 года, то есть фактически во время проведения первого социологического исследования, был отправлен в отставку крайне непопулярный в народе губернатор-варяг И.Н. Слюняев, который впоследствии (несмотря на негативное общественное мнение и плачевные результаты его работы) был назначен министром регионального развития РФ. Поэтому, анализируя динамику результатов за 2012–2013 гг. следует иметь в виду эту кадровую рокировку, которая, без сомнения, оказала позитивное влияние как на отношение населения к региональной власти в целом, так и на оценку ее места в публичной сфере региона и на ее роль в публичной политике региона.

В соответствии с методикой исследования, респонденты оценивали состоятельность институтов и субъектов публичной политики по шкале от 1 до 10 баллов. В соответствии с выработанными критериями оценки, институт (механизм) или субъект публичной политики признавался состоятельным в том случае, если более 50% респондентов дали ему оценку в диапазоне от 6 до 10 баллов. В том случае, если менее 33% респондентов дали институту (механизму) или субъекту публичной политики оценку от 6 до 10 баллов, он считается несостоятельным. Слабо состоятельным институтом или субъектом публичной политики является тот, которому от 33 до 50% респондентов дали оценку в интервале от 6 до 10 баллов.

Рассмотрим сначала состояние институтов и механизмов публичной политики Костромской области в сравнении результатов социологического исследования 2012 года с аналогичным исследованием 2013 года (см.: рис. 1). По итогам исследования 2012 года из 13 институтов публичной политики Костромской области 10 институтов попали в число несостоятельных. (На этом и других рисунках несостоятельные институты и механизмы публичной политики обозначены жирными черными точками.) И лишь только три (толерантность, образование и правосудие) оказались состоятельными, причем два из них – слабо состоятельны.

Социологическое исследование 2013 года выявило положительную динамику в оценке состоятельности институтов публичной политики Костромской области. Всего лишь за год количество несостоятельных институтов с 10 в 2012 году сократилось до 6 в 2013 году. Произошло это за счет

Рис. 1. Состоятельность институтов ПП в Костромской области: сравнение результатов исследования в 2012 и в 2013 гг.

перехода в группу состоятельных институтов общественно-консультативных структур (в том числе и Общественной палаты Костромской области), средств массовой информации, защиты прав собственности, а также повышения роли свободных и честных выборов.

Несколько улучшились оценки респондентов, данные таким институтам и механизмам публичной политики, как правила и условия для работы конструктивной оппозиции, региональная система здравоохранения, поддержка гражданских инициатив и объединений. Почти в два раза (с 14 до 28%) за прошедший год возросли оценки, данные механизмам по формированию и отстаиванию общественных интересов, публичному контролю за деятельностью власти (с 13 до 23%), борьбе с коррупцией (с 9 до 20%).

Вот наиболее характерные оценки, прозвучавшие во время проведения фокус-группы и проверки достоверности полученных результатов:

– Власть в области, после смены губернатора, начинает обращать внимание на гражданское общество. СМИ стали более свободны. Появились иные, альтернативные точки зрения. Стало легче бизнесу, который прежний губернатор держал в «ежовых рукавицах». Тенденция к изменению взаимоотношения между властью, бизнесом и НКО видна. Но пока говорить о кардинальном изменении ситуации еще рано.

– Слюняев все контролировал лично, никого никуда не допускал, зажимал прессу, боролся с ин-

тернет-сообществом, пытался за критику его личности на «Форуме Костромских Джедаев» закрыть этот интернет-ресурс. Сейчас такого уже нет. Но с выводами пока торопиться не стоит: новый губернатор только еще приступил к работе и время покажет, как он будет взаимодействовать с общественностью.

Схожие тенденции показывает и сравнительный анализ оценок состояния субъектов политики Костромской области, данный респондентами в 2012 и в 2013 гг. (см.: рис. 2). Результаты социологического исследования 2012 года выявили в регионе наличие лишь двух слабо состоятельных субъектов публичной политики. Это экспертные организации и СМИ, а также некоммерческие и общественные организации. Исполнительная и представительная региональная власть, органы местного самоуправления и бизнес, политические партии и профсоюзы, по мнению респондентов, являются несостоятельными субъектами публичной политики. При этом, как выяснилось, самым слабым субъектом публичной политики является население Костромской области, которое, по мнению респондентов, практически не участвует в открытом диалоге с властью.

Социологическое исследование 2013 года показало, что в число слабо состоятельных субъектов попали региональные отделения политических партий, что, скорее всего, было связано с их достаточно активным и продуктивным участием в избирательном процессе. Вплотную к грани, отделя-

Рис. 2. Состоятельность субъектов ПП в Костромской области: сравнение результатов исследования в 2012 и в 2013 гг.

ющей состоятельные и несостоятельные субъекты публичной политики, приблизился бизнес, а также местное самоуправление и профсоюзы. Оценка представительной и законодательной власти региона в 2013 году, по сравнению с 2012 годом, также выросла, но не настолько, чтобы их рассматривать в качестве состоятельных субъектов публичной политики. При этом в 2013 году, как и в 2012, население региона оказалось самым слабым и неэффективным субъектом региональной публичной политики. Иными словами, население Костромской области фактически не принимает участия в диалоге с властью.

Данную региональную особенность в процессе проведения фокус-групп подтвердили интервью с экспертами и специалистами. Вот наиболее характерные высказывания по данному вопросу:

— Сам губернатор С.К. Ситников общается с населением, встречается с людьми, но его заместители, начальники департаментов, другие региональные чиновники боятся публичного взаимодействия с обществом. Они страшатся диалога, потому что не готовы к диалогу с обществом...

— НКО есть, но они все находятся в «детском» возрасте и не могут вести на равных диалог с властью. Они разрозненны, не поддерживают друг друга, причем каждая из НКО преследует только свои интересы. Надо сначала научиться договариваться друг с другом, а уже потом вступать в диалог с властью.

— Путин ведет диалог. А как исполняются его указы в регионах? Тишина... Поэтому в реально-

сти никакого диалога нет, одна только его профанация...

— Наш регион не богат, малочислен, слаб. Слабы у нас и НКО. А власть это видит и не хочет общаться со слабыми и не умеющими отстаивать общие интересы организациями. Поэтому диалога нет. Он появится тогда, когда созреет для этого гражданское общество, то есть тогда, когда власть увидит в НКО полноценного партнера, умелого, компетентного и сильного.

— Общественная палата — это площадка для диалога. Но за ее пределами полноценного диалога с властью нет...

Одна из любопытных деталей, выявленных в ходе проведения и первого и второго социологических исследований в Костромской области, заключается в том, что, в отличие от двух первых секторов (служащих и бизнеса), третий сектор (НКО) в своих оценках институтов публичной политики в 2013 году оказался менее оптимистичен, чем даже в 2012 году, при губернаторе И.Н. Слюняеве. В то время как второй и, особенно, первый сектора в 2013 дали более высокие оценки состояния институтов публичной политики Костромской области, нежели это было раньше. Динамика данного тренда видна из схемы, характеризующей субиндекс институтов публичной политики (см.: рис. 3).

В чем же причина такой ситуации? На наш взгляд, это обстоятельство оказалось тесно переплетено с хронологическим фактором, суть которого заключается в том, что время проведения со-

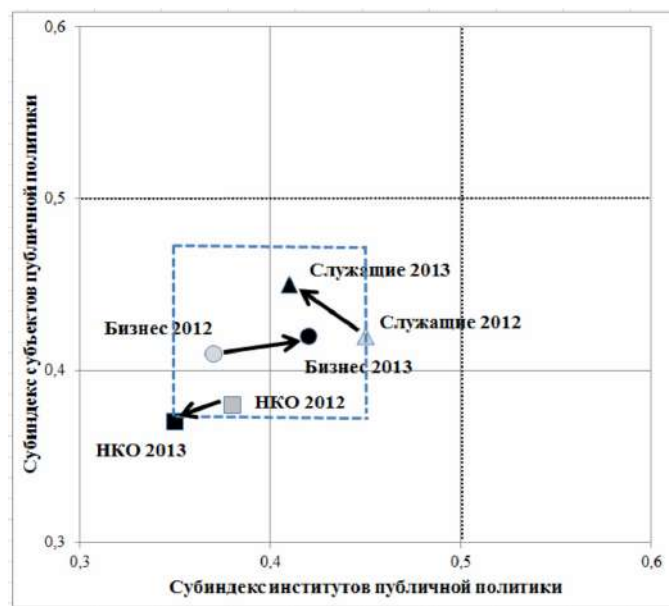

Рис. 3. Субиндекс институтов публичной политики Костромской области (2012–2013 гг.)

циологического исследования (май 2013 г.) по времени совпало с судебным процессом над НКО «Костромской центр общественных инициатив» (апрель–май 2013 г.).

В результате ее судебного разбирательства эта НКО получила неофициальный статус «иностранного агента № 2», а состоявшееся судебное преследование этой структуры регионального гражданского общества негативно сказалось на оценках состояния публичной политики в Костромской области со стороны значительной части респондентов из числа членов и руководителей общественных организаций и НКО.

Формальным основанием для судебного процесса, инициированного прокуратурой города Костромы, стало одно из мероприятий, проведенное в рамках региональной диалоговой площадки под названием «Костромская школа публичной политики», которая действовала под эгидой НКО «Костромской центр общественных инициатив» и на участие в которой ранее приезжали многие известные российские политики, депутаты, политологи, экономисты, общественные деятели. Речь идет о «круглом столе», который был посвящен российско-американским отношениям и прошел в «Костромской школе публичной политики» под названием «Перезагрузка перезагрузки: куда движутся российско-американские отношения?» В данном мероприятии 28 февраля 2013 года принял участие Г. Соломон, заместитель министра-советника по политическим вопросам посольства США в России.

А вскоре после этого к НКО «Костромской центр общественных инициатив», получавшей гранты из-за рубежа, начались претензии со стороны прокуратуры города Костромы, обвинившей общественную организацию в участии в политической деятельности и не зарегистрировавшей-

ся в качестве иностранного агента. В ходе состоявшихся в апреле-мае 2013 года судебных заседаний НКО «Костромской центр общественных инициатив» была официально признана иностранным агентом. Ее исполнительный директор А. Замарянов был оштрафован на 100 тыс. рублей, а на саму организацию наложен штраф в размере 400 тыс. рублей. Это обстоятельство, как представляется, и оказало влияние на представителей некоммерческого сектора, которые, в отличие от двух других секторов, в 2013 году дали более низкие оценки состояния публичной политики в Костромской области по сравнению с 2012 годом.

Сопоставление оценок состоятельности институтов и механизмов публичной политики между тремя секторами – властью, бизнесом и НКО – выявляет дифференцированность позиций в этом вопросе (см.: рис. 4). Межсекторный разброс мнений не слишком велик. Но при этом вполне ощутим тренд, в соответствии с которым для государственного сектора характерна более оптимистичная оценка состоятельности региональных институтов публичной политики, чем у бизнеса и, особенно, чем у НКО. Оценки состоятельности институтов публичной политики со стороны НКО гораздо более критичны и даже пессимистичны, нежели у госсектора и коммерческого сектора. Бизнес в оценке состоятельности региональных институтов публичной политики более взвешен, занимая промежуточную позицию между властью и НКО.

Наиболее контрастна негативная оценка со стороны НКО состоятельности таких институтов и механизмов публичной политики, как свободные и честные выборы (оценка НКО в два раза ниже, чем у коммерческого и государственного секторов), публичный контроль за деятельностью органов власти (в два раза ниже, чем у бизнеса и в два с поло-

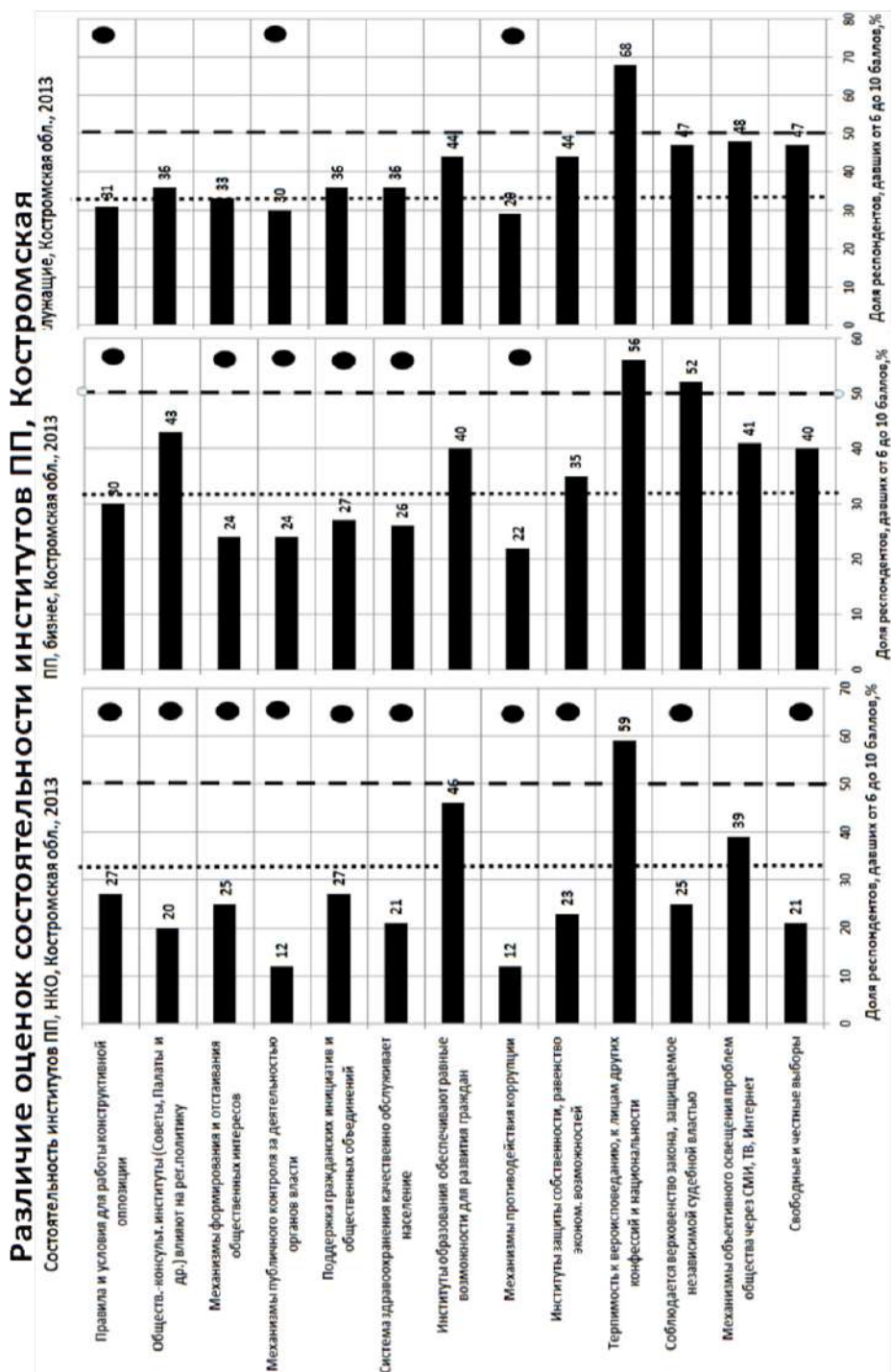

Рис. 4. Межсекторная дифференциация оценок состоятельности институтов ПП.

виной раза меньше, чем оценка со стороны госсектора) и соблюдение верховенства закона, защищаемого независимой судебной властью (в два раза ниже, чем у бизнеса и в 1,8 раза меньше, чем у госсектора). Гораздо более критично расценили респонденты со стороны НКО уровень борьбы с коррупцией.

В оценке института толерантности, правил и условий для работы конструктивной оппозиции, институтов образования оценки всех трех секторов оказались наиболее близки друг к другу. Характерной деталью стало то обстоятельство, что бизнес не только более высоко оценил степень влияния на региональную политику общественно-консультативных органов, включая Общественную палату Костромской области и деятельность общественно-консультативных советов, чем это сделали представители НКО, но и превзошел в оценке этого института публичной политики представителей власти и госсектора.

По данным управления юстиции по Костромской области, на 31 декабря 2013 года в регионе было официально зарегистрировано 591 общественное объединение, 235 некоммерческих организаций (НКО) и 138 религиозных объединений граждан. Большое количество в структуре регионального гражданского общества составляют профсоюзные организации, но на сегодняшний момент ощущается снижение их влияния в общественной сфере деятельности. Особое место в общественной жизни области занимают традиционные для «старого» гражданского общества ветеранские организации, уделяющие большое внимание вопросам социальной защиты ветеранов и пенсионеров, а также вопросам патриотического воспитания граждан. В области стабильно функционируют творческие союзы художников, композиторов, писателей, театральных деятелей. Активную работу проводят также организации, решающие вопросы защиты материнства и детства, просветительские и образовательные, экологические, правозащитные, природоохранные и др. [4].

В сфере социальной защиты и реабилитации людей с ограниченными возможностями в области работают организации инвалидов. Значительно слабее представлена деятельность благотворительных фондов, общественных организаций, связанных с заботой о неимущих, бездомных, реабилитацией бывших заключенных, наркоманов, алкоголиков и других слоев населения, вытесненных на обочину жизни и оказавшихся в роли социальных изгоев. Уже не первый год ведет активную работу по поддержке и адресной помощи для детей с тяжелыми врожденными заболеваниями самодетельный общественный фонд под названием «Седьмой лепесток», который был создан в 2011 году в память о маленькой девочке Маше [3].

В целом надо сказать, что в Костромской области публичная политика, а вместе с ней и диалог

власти и общества постепенно начинают развиваться и институционализироваться в региональной публичной сфере. Так, 16 декабря 2013 года на пленарном заседании Общественной палаты Костромской области впервые в ее истории был рассмотрен и утвержден доклад палаты «О состоянии гражданского общества в Костромской области за 2013 год», подготовленный с непосредственной помощью автора данной работы [3]. Общественная палата все более и более начинает выступать в роли диалоговой площадки при рассмотрении различных проблем и конфликтных ситуаций.

Для регионального гражданского общества Костромской области присуще взаимопонимание между различными стратами общества и отсутствие социальных конфликтов. В январе 2009 года было создано молодежное правительство Костромской области. В этом же году была сформирована молодежная палата при Костромской областной думе. Обе эти общественные структуры стали каналом диалоговой коммуникации органов областной власти с молодежью, студентами, молодыми специалистами, являющимися кадровым резервом действующей власти. Однако в целом, за исключением Общественной палаты Костромской области, нет других постоянно действующих диалоговых площадок, которые могли бы участвовать в коммуникативном разрешении возникающих проблем и урегулировании проблем на основе переговоров и делиберации.

Вместе с тем необходимо признать, что состояние и степень развитости публичной политики, качество функционирования диалоговых площадок в Костромской области сильно отстают от соседних регионов, в том числе от Курской и Ярославской областей. Ярославская область, в отличие от Костромской области, это гораздо более экономически сильный субъект РФ, отличающийся от соседнего региона довольно высоким жизненным уровнем населения, большей развитостью гражданского общества, общественной активности и общественно-политической жизни.

Так, в Ярославской области еще в 2003 г. был принят областной закон «О взаимодействии органов государственной власти Ярославской области и общественных объединений». Данный правовой акт впервые в практике этого субъекта закрепил формы, механизмы и процедуры взаимодействия региональной власти и общественных объединений. В том числе на основе привлечения представителей гражданского общества к участию в работе органов государственной власти Ярославской области в качестве общественных советников, консультантов по социально-экономическим вопросам, а также проведение с участием общественности совместных «круглых» столов, слушаний, семинаров и конференций с целью установления коммуникации, диалога и обоюдного обмена

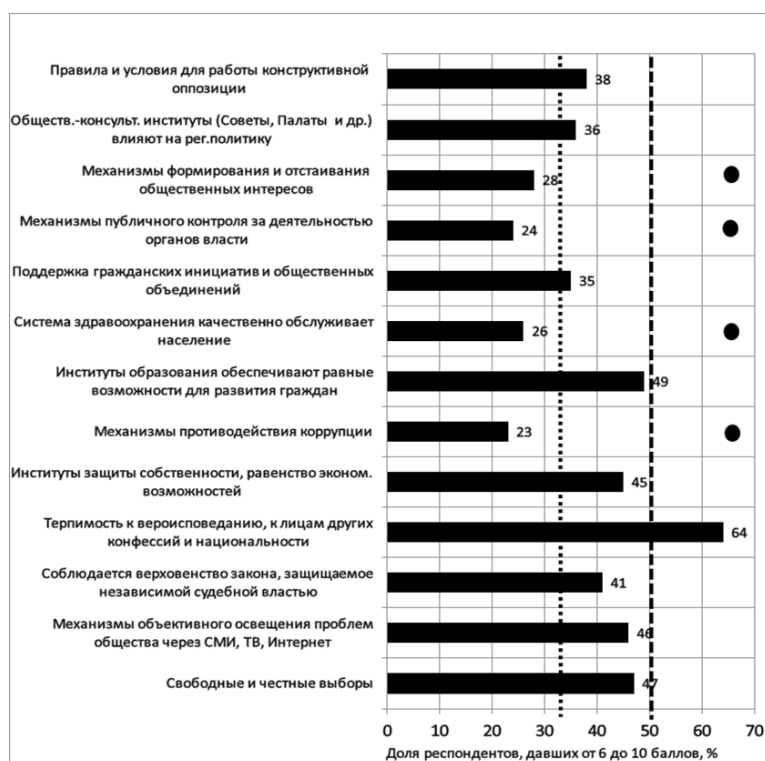

Рис. 5. Оценка состоятельности институтов и механизмов ПП в Ярославской области (2013 г.)

информацией. Благодаря этому в Ярославской области довольно длительный промежуток времени сохранялись общественно-политическая стабильность и гражданский мир.

Лишь только после избрания мэром Ярославля Е.Р. Урлашова во взаимоотношениях власти и общественности в области началось нарастание конфликтного потенциала. Еще более оно усилилось после задержания оппозиционного мэра и возбуждения против него уголовного дела по обвинению в попытке получения взятки, а также вследствие избрания депутатом Ярославской областной думы Б.Е. Немцова. Однако в целом, несмотря на эти эксцессы, как показывает динамика проводившихся здесь на протяжении вот уже ряда лет социологических исследований, ситуация в сфере взаимодействия власти и гражданского общества здесь остается довольно спокойной и мирной.

По итогам исследования публичной политики в Ярославской области, которое было проведено в 2013 году, здесь только четыре института или же механизма публичной политики оказались не состоятельными: механизмы противодействия коррупции, публичного контроля за деятельностью власти, формирования и отстаивания общественных интересов и региональная система здравоохранения (см.: рис. 5).

В Ярославской области, в отличие от Костромской области, на протяжении ряда лет достаточно эффективными субъектами публичной политики признаются профсоюзы и население. В то же самое время участие населения, как субъекта пу-

бличной политики, в обсуждении социально значимых вопросов на основе открытого диалога с властью в регионе — это один из самых низких параметров публичной политики как в Ярославской, так и в Курской и, особенно, в Костромской областях. С одной стороны, столь низкие оценки могут быть обусловлены как невысоким уровнем вовлечения граждан во взаимодействие с властью в этих двух регионах, так и, другой стороны, тем, насколько эффективны и доступны для рядовых граждан существующие площадки для диалога.

В Ярославской области в настоящее время нормативно закреплены многочисленные диалоговые механизмы и формы взаимодействия власти и общества. В этом регионе существует сеть площадок, включающих общественные и консультативные советы. Данная сеть является довольно разветвленной и охватывает целый ряд сфер общественной жизни: это межнациональные отношения, молодежная политика, поддержка семьи, ветеранов, инвалидов и др. При этом каждый новый консультативный орган, предполагающий диалог с властью, гражданское участие, привлекает к себе внимание общественности, давая надежду людям на улучшение сотрудничества с властью в решении самых различных проблем.

Ситуация в сфере публичной политики Курской области хотя и близка к положению дел в Ярославской области, но в то же время отличается от нее по ряду параметров. Как и Ярославская область, она, в отличие от Костромской области, по типу публичной политики относится к группе регионов

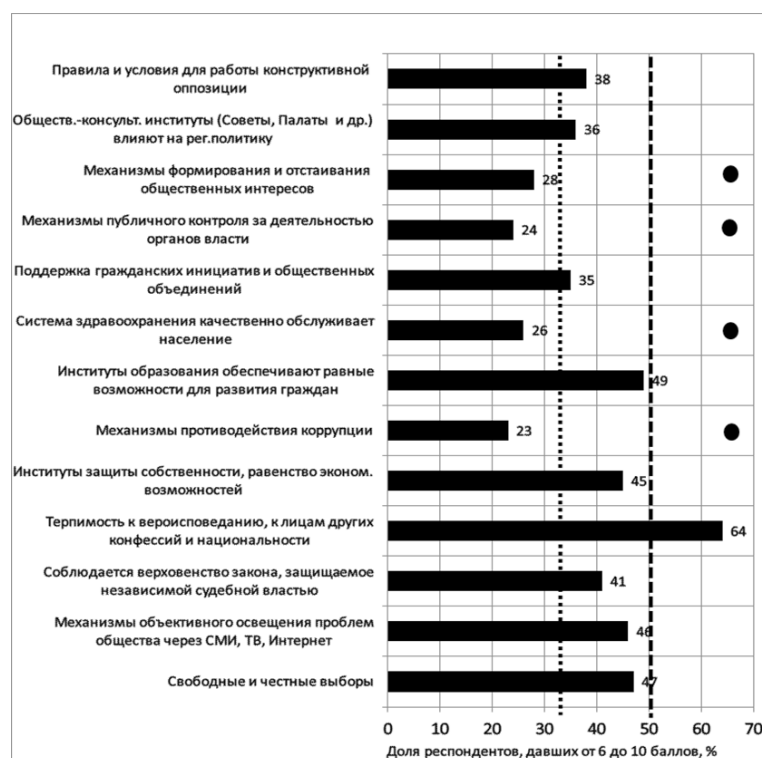

Рис. 6. Оценка состоятельности институтов и механизмов ПП в Курской области в 2012 г.

с центрированным типом публичной политики. Это означает, что оценка и интерпретация публичной политики в данном регионе представителями всех трех групп общества: бизнеса, государственной и муниципальной власти, НКО-сообщества — носит сбалансированный и достаточно солидарный характер. Представители власти в своих оценках не отрываются от мнения бизнес-сообщества и некоммерческого сектора. Это говорит о существовании в Курской области, как и в Ярославской, довольно устойчивого климата доверия в межсекторном взаимодействии и диалоге власти, бизнеса и гражданского общества. Благодаря этому уже на протяжении целого ряда лет на территории Курской области сохраняется политическая стабильность и отсутствуют социальные, политические, межнациональные и межрелигиозные конфликты [7, с. 441–453].

Большое внимание в Курской области уделяется формированию механизмов прозрачности и открытости органов государственной власти. В качестве одного из наиболее показательных примеров можно привести проект под названием «Доверие», который призван расширить рамки взаимодействия власти и общества, создать дополнительную площадку для обсуждения социально значимых вопросов, обеспечивая тем самым более активный диалог между органами власти и жителями Курской области. Проект «Доверие» подразумевает установку веб-камер для организации онлайн трансляции совещаний и заседаний исполнительной и представительной ветвей власти, а так-

же предоставление возможности для комментариев и предложений по рассматриваемым вопросам.

На рисунке 6 видно, что в Курской области, по итогам социологического исследования 2012 года, ситуация с институтами публичной политики выглядит несколько хуже, чем в Ярославской области, но лучше, чем в Костромском регионе. В результате проведенного опроса, в качестве несостоятельных респондентами были признаны 6 из 13 институтов публичной политики, получивших от 71 до 77% неудовлетворительных оценок (от 1 до 5 баллов). В том числе, как и в Костромской области, это региональная система здравоохранения, механизмы противодействия коррупции и механизмы публичного контроля за деятельностью органов власти и др.

Четыре института и механизма публичной политики в Курской области попали в категорию слабо состоятельных (от 33 до 50% оценок в диапазоне 6–10 баллов). Среди них институт судебной власти, институт защиты собственности, институт образования и правила и условия деятельности для конструктивной оппозиции. Еще три института публичной политики в Курской области попали в категорию состоятельных: это терпимость к вероисповеданию, к лицам других конфессий и национальностей, механизмы объективного освещения проблем общества в СМИ и институт выборов.

В целом можно сказать, что состояние диалога на уровне субъектов федерации и региональных гражданских обществ в Костромской, Курской и Ярославской областях достаточно различается,

имеет территориальную специфику, обусловленную их различным уровнем социально-экономического и общественно-политического развития. При этом проведенный сравнительный анализ показывает взаимную заинтересованность в диалоге со стороны всех региональных субъектов публичной политики.

Это свидетельствует о том, что диалог региональных органов и структур государственной власти, с одной стороны, и организаций гражданского общества, а также бизнеса – с другой нуждается в дальнейшей институционализации на основе законодательного закрепления его процедур, правил, механизмов и новых, по-настоящему дискуссионных площадок. Целью такого диалога является не только вовлечение в сферу публичной политики и политического управления представителей НКО, но и выработка на основе широкой публичной делиберации наиболее взвешенных решений, легитимирующих в глазах общества как саму публичную власть, так и конкретные ее действия и шаги.

Библиографический список

1. Баранов Н.А. Публичность в контексте российской политики // Вестник Санкт-Петербургского государственного университета культуры и искусства. – 2013. – № 3 (16). – С. 149–153.
2. Гадышев А.С. Современные подходы к определению публичной политики // Гуманитарный вектор. – 2010. – №3 (27). – С. 132–134.
3. Доклад Общественной палаты Костромской области «О состоянии гражданского общества в Костромской области». – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.opkostroma.ru/dokumenty/zakonodatelnye-akty/130-o-sostoyanii-grazhdanskogo-obshhestva-v-kostromskoj-oblasti.html> (дата обращения: 10.02.2014 г.).
4. Зайцев А.В. Взаимодействие власти и гражданского общества (на примере Костромской области) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 2. – С. 166–169.
5. Зайцев А.В. Публичная сфера как поле диалога государства и гражданского общества // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2013. – Т. 19. – № 1. – С. 203–206.
6. Зайцев А.В., Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в Костромской области: субъекты и институты (по результатам социологического исследования) // Вестник Костромского государственного университета им. Н.А. Некрасова. – 2012. – Т. 18. – № 4. – С. 146–153.
7. Молокова М.А. Публичная политика как фактор развития территорий и местного сообщества (на примере Курской области) // Каспийский регион: политика, экономика, культура. – 2011. – № 1. – С. 46–54.
8. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в регионах России // Полис: политические исследования. – 2011. – № 1. – С. 80–96.
9. Никовская Л.И., Якимец В.Н. Публичная политика в современной России: между корпоративно-бюрократическим и гражданско-модернизаторским выбором // Полития. – 2007. – № 1. – С. 30–51.
10. Якимец В.Н. Состояние гражданского общества и публичной политики в субъектах РФ: индексы, региональная специфика и межрегиональные сравнения // Оценка состояния и развития гражданского общества России: проблемы, инструменты и региональная специфика: труды института системного анализа РАН. – Т. 57. – М., 2010. – С. 113–128.

К ВОПРОСУ О СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ АНАЛИЗЕ КАТЕГОРИИ «КОРПОРАТИВНАЯ КУЛЬТУРА СОВРЕМЕННОГО УНИВЕРСИТЕТА»

В статье анализируются различные трактовки, данные исследователями словосочетанию «корпоративная культура», рассказывается о его происхождении, предлагается авторское толкование определения «корпоративная культура современного университета».

Ключевые слова: корпоративная культура, общество, идеология, конкурентоспособность, организация, специфическое онтологическое образование.

Развитие современного общества связано с существенным повышением роли знаний как ключевого фактора власти, интеллектуализации труда, с ускорением динамики социальных и организационных процессов. Вместе с этим особую актуальность приобретают вопросы, связанные с пониманием социальной структуры и взаимосвязей нового общества. В социально-философском контексте эти вопросы, учитывая универсальный характер преобразований, могут рассматриваться как на макро-, так и на микроуровне. Примером микроуровня является корпоративная культура.

Возникшая в XIX веке корпоративная культура в настоящее время проходит через трансформацию, которая затрагивает как ее теоретические основания, так и прикладные аспекты функционирования и управления. Логика и закономерности этой трансформации обусловлены теми изменениями, которые характеризуют современное общество.

В современной научной литературе проблема исследования корпоративной культуры является актуальной: она охватывает широкий круг социально-философских, политологических, социологических, культурологических, аксиологических, психолого-педагогических, управленческих и других областей знания.

Однако остается мало исследованной проблема корпоративной культуры как фактора институционального становления и развития современного университета, что и стало предметом нашего научного интереса.

В современной науке существует множество определений корпоративной культуры. Термин «корпоративная культура» появился в XIX веке. Он был сформулирован и применен немецким фельдмаршалом Мольтке, который применял его, характеризуя взаимоотношения в офицерской среде. Обычно существующая в организациях **корпоративная культура** – сложный комплекс предположений, бездоказательно принимаемых всеми членами коллектива и задающих общие рамки поведения.

Основные элементы теории корпоративной культуры были сформированы в рамках социологии, психологии, культурологии, в которых иссле-

дуются структура, функции, закономерности формирования корпоративной культуры. В качестве методологической основы субдисциплинарных (междисциплинарных) исследований корпоративной культуры можно рассматривать менеджериальный, социокультурный, синергетический, коммуникативный подходы.

В основании теории корпоративной культуры лежат представления о ней как об «организационной морали» (Ч. Барнард, Г. Саймон), особой сущности организации, влияющей на мотивацию (М. Далтон), идеологии, ведущей к повышению конкурентоспособности организации (У. Оучи, Т. Питерс, Р. Уотерман-мл.). В литературе по теории организации не существует единого общепринятого определения корпоративной культуры. Многие авторы воспринимают ее как систему общего мнения и ценностей, разделяемых всеми членами организации, как характерную черту, отличающую одну организацию от другой.

Один из наиболее серьезных исследователей корпоративной культуры Э. Шейн определяет ее как «модель поведенческих норм, разделяемых всеми, которая была использована в прошлом и признана правильной и, следовательно, должна быть передана для усвоения новым членам организации как единственно правильный способ восприятия, представления и отношения...». Он полагает, что культура проявляется на поведенческом уровне и в общепринятых ценностях, но суть культуры заключается в скрытых ощущениях и представлениях, свойственных группе. Э. Шейн исключает из определения культуры поведение, считая, что в организации оно определяется множеством других факторов, помимо культурного.

По мнению Э. Шейна, смысл термина «корпоративная культура» включает в себя основные понятия (basic assumptions) и разделяемые членами организации убеждения (beliefs), которые действуют на подсознательном уровне и выражаются в воспринимаемом как само собой разумеющееся отношении организации к себе и окружающему миру. Эти понятия и убеждения отражаются на поведенческих моделях, приобретенных груп-

пой в процессе выживания и борьбы с внешними и внутренними проблемами. Такие модели поведения воспринимаются как данное, потому что они прошли испытание временем, многократно и успешно решая проблемные ситуации. И этот более глубокий, внутренний уровень культуры следует отличать от поверхностного, внешнего, который проявляется в артефактах и ценностях.

Итак, под корпоративной культурой Э. Шейн имеет в виду набор основных понятий, изобретенных, обнаруженных или созданных данной социальной группой по мере решения проблем внешней адаптации и внутренней организации, которые «сработали» в прошлом и зарекомендовали себя как надежные и правильные, следовательно, им можно обучать новых сотрудников как образцу для подражания. Исследователь видел в корпоративной культуре некий постоянный процесс, посредством которого принятые в организации модели поведения передаются новым ее членам, видоизменяются и адаптируются со временем под влиянием внутренних и внешних воздействий. Э. Шейн считал культуру не столько побочным продуктом организации, сколько ее неотъемлемой частью, которая влияет на поведение ее членов и на эффективность ее деятельности [5, с. 68].

Дж. Коттер и Дж. Хескетт, рассматривая подобно Э. Шейну поведение как часть культуры, выделяют два уровня ее: ценностный и поведенческий. По их определению, ценности – это «представления о том, что является жизненно важным; ценности в разных компаниях различны: в одних это деньги, в других – технологические изобретения или благосостояние сотрудников». Получив свое признание, определенные ценности стабильно и неизменно закрепляются в организации, независимо от того, что какие-то члены организации приходят и уходят. В отдельных случаях ценности становятся настолько укоренившимися и само собой разумеющимися, что люди не отдают себе в них отчета и не воспринимают их со стороны. По мнению Дж. Коттера и Дж. Хескетта, поведение отражает то, что члены организации на самом деле делают каждый день, это «модели и стиль жизнедеятельности, которые приветствуются и поддерживаются в членах организации». Например, в одном коллективе люди трудолюбивы, в другом – дружелюбны и т.д. Поведение легче измерить, чем ценности, хотя и поведение может быть укоренившимся [6, с. 131].

Многие авторы определяют корпоративную культуру как набор общепринятых моделей поведения, артефактов, ценностей, убеждений и понятий, которые вырабатываются в организации по мере того, как она «учится» справляться с внешними и внутренними трудностями на пути к успеху и в борьбе за выживание. При этом выделяются два уровня: внешний и внутренний. К внешнему уров-

ню относятся артефакты, модели поведения, речь, формальные законы, техническое ноу-хау, способы производства и использования товаров. Внутренний уровень скрыт от внешнего наблюдения, расположен в умах членов организации и включает в себя образ мысли, идеи, верования, ценности, отношения, способы восприятия окружающего мира.

Можно привести ряд наиболее распространенных определений корпоративной культуры, каждое из которых отражает одну или несколько характерных черт культуры в организации, но ни одно из них не передает суть этого понятия. Л. Каммингс отмечал, что «корпоративная культура является, по сути, решением противоречий, которые естественно присутствуют в организации».

П. Друкер рассматривал корпоративную культуру как «подлинное организующее начало». Поскольку она представляет собой среду, созданную совместной деятельностью людей, она ведет их к объединению совместных усилий без каких-либо видимых мер со стороны управляющего центра. Дж. Коттер и Дж. Хескетт определяют корпоративную культуру как «социально созданную реальность» и, следовательно, от того, как мы воспринимаем и реализуем культуру, зависит, как определяется культура и как она изменяется.

Некоторые авторы разработали классификации определений и типологии школ и направлений. Например, Л. Смирнич в 1983 г. систематизировала существующие определения и вывела три подхода, согласно которым корпоративную культуру можно рассматривать как: независимую внешнюю составляющую, внесенную в организацию извне; внутреннюю составляющую организации; ключевое сравнение в концепции организации; суть организации.

В первом подходе корпоративная культура рассматривается как очень широкая категория, фоновый фактор, почти синонимичный понятию страны. Культура есть совокупность представлений и ценностей, которые формируют в человеке общество, общественную деятельность и социальные взаимодействия (в семье, группе, с друзьями, опыт работы в этой и других организациях). Этот подход рассматривает организацию лишь как контекст, в котором проявляются переменные национальных культур. С этой точки зрения организация лишь пассивно подвержена влиянию заранее сформированных представлений своих сотрудников.

Второй подход, по мнению М. Лоуиса, С. Сиела и Дж. Мартина, М. Пауэрса, Т. Дила и А. Кеннеди, основан на том, что организации сами создают свои культуры. Представители этого подхода сосредоточивают свое внимание на уникальных «ритуалах, легендах и церемониях, которые появляются в среде, созданной руководством компании посредством установленных правил, структуры, норм и целей». При этом авторы этого подхода

признают, что в компании может существовать как доминирующая культура, так и субкультуры, между которыми могут быть противоречия.

Третий подход рассматривает корпоративную культуру как суть организации, ее основное отличительное качество. Как отметила Л. Смирнич, некоторые исследователи считают, что «организацию следует рассматривать как культуру», то есть организация и есть культура. Они отказываются признать культуру как нечто, что организация имеет, и признают ее как нечто, чем организация является. Следовательно, культуру нельзя выделить как отдельную составляющую организации, поскольку культура и есть организация.

Таким образом, на сегодняшний день в научных кругах не существует устоявшегося определения понятия «корпоративная культура», существует множество определений авторов, стоящих на разных методологических позициях. Эти подходы характеризуют современный уровень исследований корпоративной культуры и обозначают существующую концептуальную неопределенность понятия.

Современные руководители и управляющие рассматривают культуру своей организации как мощный **стратегический инструмент**, позволяющий ориентировать все подразделения и отдельных лиц на общие цели, мобилизовать инициативу сотрудников и облегчать продуктивное общение между ними. Они стремятся создать собственную культуру для каждой организации так, чтобы все служащие понимали и придерживались её. Современные организации, как правило, представляют собой поликультурные образования.

Часто корпоративная культура рассматривается как совокупность моделей поведения, которые приобретены организацией в процессе адаптации к внешней среде и внутренней интеграции, показавшие свою эффективность и разделяемые большинством членов организации. Компонентами корпоративной культуры являются: принятая система лидерства; стили разрешения конфликтов; действующая система коммуникации; положение индивида в организации; принятая символика: лозунги, организационные табу, ритуалы.

Роль корпоративной культуры в разработке и осуществлении стратегии развития университета, по мнению Г.И. Мальцевой, О.В. Горшковой, Н.Л. Яблонскене, состоит в «одушевлении» происходящих изменений, создании организационной

идеологии. Она отражает специфику и уникальность университета. Инновационную культуру, ориентированную прежде всего на готовность к изменениям, должны усвоить по возможности все сотрудники и руководители университета [2, с. 40]. Корпоративная культура позволяет всем работникам организации идентифицировать себя как некое целостное образование, отличное от других аналогичных образований. Именно корпоративная культура, объединяя людей в организации, делает возможным достижение общих целей, реализацию общих задач на основе определенных принципов деятельности [3, с. 7].

Таким образом, междисциплинарный анализ широкого круга подходов к определению понятия «корпоративная культура современного университета», позволил нам сформулировать собственную точку зрения. Под корпоративной культурой современного университета мы предлагаем понимать специфическое онтологическое образование, которое самораскрывается в аксиологической и праксеологической плоскостях, проявляется как целостная система материальных и духовных элементов, детерминирует институционализацию университета в условиях глобальных вызовов и обеспечивает его эволюционное развитие в период социокультурных изменений.

Библиографический список

1. Бойкова О.И. Корпоративная культура в вузе как стратегический ресурс инновационного развития // Вестник Российской академии естественных наук. – 2011. – № 4. – С. 109–111.
2. Мальцева Г.И., Горшкова О.В. Роль корпоративной культуры в формировании эффективного вуза // Организационная культура вуза. – 2006. – № 1. – С. 40–44.
3. Яблонские Н.Л. Корпоративная культура современного университета // Организационная культура вуза. – 2006. – № 1. – С. 7–25.
4. Кремнева Н.Ю. Формирование корпоративной культуры: инновации и стереотипы // Социологические исследования. – 2007. – № 7. – С. 52–59.
5. Матвеев А.Б. О понятии «корпоративная культура» и условиях ее развития в России // Философские науки. – 2007. – № 12. – С. 66–85.
6. Моргунова Н.Н. Корпоративная культура: понятие, подходы // Социологические исследования. – 2005. – № 4. – С. 130–136.

ПРОБЛЕМА СОБОРНОСТИ В КОНТЕКСТЕ ПРОСТРАНСТВЕННЫХ ОБРАЗОВ ВРЕМЕНИ-ПАМЯТИ П.А. ФЛОРЕНСКОГО

В статье анализируется термин «соборность» в контексте святоотеческого предания как соби́рание многого во единое. В связи с этим ставится проблема греха как разделения мира, ведущая к множественности видимой реальности. В пространственной концепции Флоренского эта дробность должна восстанавливаться в едином соби́рании реальности и приведении ее к целостному состоянию.

Ключевые слова: П.А. Флоренский, соборность, культ, память, укорененность, пространство, время.

Идея соборности в культурфилософском пространстве рубежа XIX–XX вв. мыслится и интерпретируется в контексте святоотеческой традиции. Сам термин в качестве философского понятия был введен А.С. Хомяковым [10]. Исторически термин «соборный» является синонимом термину «кафолический». Но в отличие от термина «кафолический» термин «соборный», по словам Хомякова, выражает идею соборания или соби́рания вне связи с каким-либо пространственным местом. В данном контексте термин «соборный» следует рассматривать как единство во множестве. Перевод словом «соборный» в тексте «Символа веры» позволял не прикреплять церковь к какому-либо пространству, а рассматривать ее в онтологическом ключе как соби́рающую многое во единое.

Именно эту идею соборности в аспекте единения принимает и развивает отец Павел Флоренский. Уже в раннем труде «Столп и утверждение Истины» Флоренский в контексте идеи соборности как общего блага рассматривал разрушительное, разделительное действие греха в мире. «Зло по самому существу своему – “царство, разделившееся на ся”» [5, с. 171]. Флоренский подчеркивает, что подобная трактовка имеет исторические корни, ссылаясь на диалог Платона «Пир», в котором приводится миф об Андрогине [4, с. 116–122]. В мифе об Андрогине повествуется о существовании некой изначально целостной природы человека, подвергшейся разделению в качестве наказания [о природе андрогина см. подробнее: 3, с. 96–100]. Из этого мифа Флоренский делает выводы о том, что источник разделения находится в субъективном стремлении личности самоутвердиться, противопоставив личное бытие целостному бытию в Боге. Идя по данному пути, личность может дробиться сколько угодно раз, доходя до полного расщепления, при этом все более самоопределяясь против Бога. Подобное толкование греха мы находим в святоотеческом предании. В частности, в трудах Афанасия Великого неоднократно звучит мысль о том, что тварь распалась и раздробилась благодаря грехопадению, вследствие чего понадобилось последующее обновление и восстановление тва-

ри [9, с. 37]. Причем в святоотеческих текстах подчеркивается идея о не субстанциональности зла. Зло не является необходимой составляющей тварной природы, как это понимали эллины, утверждавшие дуализм мира, зло в понимании святых отцов – это следствие отпадения от Божественной природы, нарушения естественного порядка вещей, когда видится только чувственная телесная сторона реальности. По слову Афанасия Великого, «зло не от Бога и не в Боге», зла «не было вначале, и нет у него какой-либо сущности, но люди, с утратой представления о добре, сами по себе, по своему произволу, стали примышлять и воображать не сущее» [2]. Подобным образом в «Исповеди» Аврелий Августин, обращаясь к Богу, пишет, что «и для Тебя вовсе нет зла, не только для Тебя, но и для всего творения Твоего, ибо нет ничего, что извне вломилось бы и сломало порядок, Тобой установленный» [1, с. 159].

А, значит, условием добра в мире должен быть порядок, изначально задуманный в творении и пространственно организованный в контексте укорененности мира тварного в мире Божественном. Этот порядок осуществляется в образе идеи соборности твари, ведущей к воссоединению некогда утерянного единства.

Рассматривая более детально природу греха, Флоренский отмечает, что если грех – это разделение, извращенное состояние плоти, то нормальное ее состояние – это целомудрие. Раскрывая этимологическую природу данного термина, Флоренский подчеркивает, что состав его «указывает на цельность, здравость, неповрежденность, единство и вообще нормальное состояние внутренней жизни...» [5, с. 180]. Вечным прообразом целостности, ее символом является образ Святой Троицы. Только в Троице снимаются все антиномии, побеждается разделение и дается образ истинной целостности. Флоренский отмечает, что идею Троицы рассудком понять невозможно, нужен подвиг веры, принесение в жертву своей самости для принятия истинности множественности и единства одновременно. «Вера, которую спасаемся, есть начало и конец креста и со-распинания Христу» [5, с. 64], – отмечает Флоренский в «Столпе и утверждении Истины».

Обращаясь к проблемам пространственных концептов в философии Флоренского, следует отметить, что отец Павел главным условием пространства этого мира считает его укорененность в пространстве ноуменального мира. Мир двойственен, два мира зеркально расположены один относительно другого. Мир видимый, являясь отражением ноуменального мира, отражает только слабую его часть, а живет и существует только за счет бытия ноуменального пространства. Источником жизни мира феноменального и источником его восстановления и освящения является культ. Культ средоточием своим имеет крест, рассматриваемый Флоренским как ноуменальный центр, символизирующий пересечение времени и пространства (горизонталь и вертикаль) и ведущий к миру невидимому, где все сверхвременно и сверхпространственно. При таком понимании единства времени и пространства сами категории времени и пространства трактуются по-новому как живые символы этой реальности, указующие и раскрывающие ноуменальный мир.

Флоренский во многих трудах подчеркивал важность в миропонимании категорий времени и пространства. Так, он отмечал, что в разных культурных традициях будет свое истолкование данных категорий. Из всех возможных вариантов Флоренский выделяет два типа толкования времени и пространства, соответствующие двум типам культур: возрожденческой и средневековой. Каждому культурному типу присуща своя изобразительная система, обозначаемая Флоренским как прямая и обратная перспективы. В средневековом типе культуры реализуется система обратной перспективы, в рамках которой пространство мыслится многомерным, онтологически живым, где каждый уголок заслуживает особого внимания. Время в системе обратной перспективы может принимать обратную направленность, иметь разную скорость течения. Ярким воплощением образов обратной перспективы можно считать иконопись XII в., где иконописец сознательно изображает разные ракурсы предмета одновременно, включая в пространственное решение иконы временной срез. Поэтому кажется, что все в иконе находится в движении и сам иконописец как некий «движущийся дух» собирает образ видимой реальности воедино. Но в то же время это движение-покой, движение, в котором нет динамики. В иконе все статично, уравновешенно и гармонично. Если и можно говорить о движении, то это внутреннее движение-потенция, ориентированное именно на собирание мира, его восстановление. В подобном контексте именно живые категории времени и пространства способны раскрыть суть понимания соборности в контексте пространственной ее формулы.

Напротив, другая трактовка времени и пространства, представленная системой прямой пер-

спективы, реализуется в культуре Возрождения. В системе прямой перспективы тема соборности нивелируется, на первое место выходит субъективное понимание мира. Художник на предметы смотрит только с одной точки зрения, при этом мир объявляется бескачественным, неподвижным подобием реальности. Сами категории времени и пространства лишаются внутренней жизни, являясь бесконечными, линейными, бескачественными. Художник Возрождения мнит себя единственным творцом картины, демиургом, удвояющим реальность. В то время как иконописец в создании иконы руководствуется соборными правилами, явленными в канонических формах. Соборность в создании иконы реализуется в том, что над иконой работает сразу несколько иконописцев: личники, доличники, знаменщики и т.д. Тем самым икона является высшим видом соборного творчества, где все канонические формы, догматы, пространственное решение ведут к цели воссоединения. Но при этом необходимо отметить, что личный подвиг и опыт в иконописи и в христианской философии не отвергается, а принимается и развивается.

Личность, понимаемая Флоренским не как «самость», а как часть общего организма, чья роль заключается в отрицании собственного я, в принесении его в жертву, является основной составляющей идеи соборности. Человеческая личность, жертвуя собой ради любви, «всцело отдает себя» и получает «себя же, но обоснованным, утвержденным, углубленным в другом, т. е. удваивает свое бытие» [5, с. 215]. Именно через частное бытие человеческой личности мы входим в мир ноуменальный, через это частное бытие вся тварь собирается в единое целое, в Церковь. Определяя понятие Церкви в русле святоотеческого предания можно сослаться на слова Св. Кирилла Иерусалимского, утверждавшего, что Церковь так называется, «потому что всех собирает и совокупляет» [9, с. 63]. Причем тварное бытие собирается именно в телесном образе, собирается во времени и пространстве. Так, в работе «Иконостас» Флоренский пишет, что функцией храма является собирание реальности и приведение ее к единству. Этому служит во временном срезе богослужение: «...Это внутреннее движение, внутреннее расчленение храма, ведет по четвертой координате глубины – горе» [6, с. 59]. В пространственном срезе эту роль выполняет сама пространственная организация храма, «направляющая от поверхностных оболочек к средоточному ядру...» [6, с. 59]. Пространственное ядро храма имеет четкую иерархическую структуру: двор, притвор, самый Храм, алтарь, престол, антиминс, чаша, Святые Тайны, Христос, Отец, сравниваемые Флоренским с лестницей Иакова. Пространственно иерархия храма возводит к миру Божественному, но уже в самом алтаре содержится «область, оторванная от мира, про-

странство не-отмирное» [6, с. 59]. Следуя толкованию храма Симеона Солунского как образа Христа Богочеловека, Флоренский отмечает, что алтарь – это душа, а сам храм – тело. В образе храмового устройства отражена главная мысль о соединении духовного и телесного и освящении телесного через приобщение к духовному.

Идея соборности служит преобразению плоти. Таким образом, сама по себе идея соборности является условием оправдания твари и ее телесности. Мир материальный, по Флоренскому, является благом только в отношении его приобщенности божественному бытию. В самой человеческой природе нет ничего греховного. Человек в основе своей содержит образ Божий. От человеческой свободы зависит, как человек будет поступать с тем, что ему дано от Бога: либо этот данный Образ преобразуется подвигом в Подobie Божие – тогда это Лик, либо останется только личина. Сам человек как отдельная личность в себе несет мир Божественный и через материю, тело, рассматриваемое Флоренским в аспекте границы, связан со всем бытием: «Тело – это общая граница человека и прочей твари, соединяет их воедино» [5, с. 271]. Подобное определение твари, признание святости созданного Богом телесного мира оправдывает и каждую отдельную личность и указывает ей путь к преобразению. Но отрицание личного подвига и личного спасения формирует бескачественное отношение к личности. Мир в подобном контексте несет в себе зло, зло приобретает метафизическую природу.

Именно в этом разном отношении к личности и к телесному бытию кроется суть различного определения категорий времени и пространства. Так, в средневековой культуре, на наследие которой опирается в своих рассуждениях Флоренский, мир тварный не отвергается, а преобразается через приобщение к Божественному миру. В греческой классике, культуре Возрождения мир материальный является злом, тогда все его проявления – время и пространство – принимают отрицательные характеристики. Чувства являются обманчивыми, тело – темницей. Подобную трактовку тела мы находим в рассуждениях Платона относительно телесных чувств, которым не стоит доверять, потому что они обманчивы, на пути постижения мира идей способны только запутать человека. Если душа человека тесно связана с телом и прилеплена к нему, то она постигает мир как сквозь решетки темницы, но истинная задача познания в философии Платона кроется в выявлении того, «до какой степени обманчиво зрение, обманчив слух и остальные чувства...» [4, с. 48]. Цель познания Платон видит в определенном строе душевной жизни, которая стремится «сосредотачиваться и собираться в себе самой, верить только себе, когда сама в себе, она мыслит о том, что существует само по себе, и не считать истинным ничего из того, что она с по-

мощью другого исследует из других вещей, иначе говоря, из осязаемых и видимых, ибо то, что видит душа, умопостигаемо и безвидно» [4, с. 48]. Человек стремится постичь мир духовный помимо телесных ощущений. Ту же идею мы встречаем в немецкой мистике. Так, в текстах Мейстера Экхарта читаем: «Душа, в которой надлежит родиться Богу, должна отойти от времени, как и время от нее, она должна подняться и застыть в этом богатстве Господа. Там даль и ширь не далека и не широка! Там познает душа все вещи и познает их в их совершенстве» [11, с. 35]. Из приведенных цитат видно, что многие мыслители, в том числе и христианские, пытаются постичь Божественную природу вне связи со временем и пространством, постичь путем чистого созерцания. По этому поводу Флоренский писал в работе «Философия культа» в разделе «Страх Божий», что постижение Божества в его чистом виде невозможно, опасно и страшно [7]. Рассуждения Флоренского локализируются в святоотеческом учении Григория Нисского, который также предупреждал об опасности излишне рассуждать о природе Божества и о попытке постичь его непосредственно неподготовленным разумом и «очами телесными».

Поэтому, рассуждая о постижении ноуменального мира, Флоренский категории времени и пространства не наделяет отрицательными характеристиками, преграждающими путь к познанию Божественной реальности. А, напротив, отмечает, что именно данные категории прикровенно несут тайну бытия и служат помощниками в раскрытии этой тайны. Собственно, они являются своеобразными «костылями» и защитой нашего неподготовленного сознания [6, с. 62] на пути познания Божественного мира. В работе «Иконостас» Флоренский, указывая на онтологическую роль вещественного иконостаса, отмечает, что «вещественный иконостас не заменяет собою иконостаса живых свидетелей и ставится не в м е с т о них, а – лишь как у к а з а н и е на них» [6, с. 62]. Таким образом, мир невидимый растворен в мире видимом, он «окружает нас; и мы – как на дне океана, мы тонем в океане благодатного света» [6, с. 63]. Онтологическое значение материального мира в постижении ноуменального в концепции Флоренского объясняет особое отношение отца Павла к категориям пространства и времени. От данных вещественных категорий будет зависеть степень раскрытости нашему духовному зрению ноуменального мира.

Путь к самому ноуменальному миру лежит через разлом пространства и выворачивание тела. Таким образом, идея соборности приобретает новую онтологическую окраску. Соборность понимается не только в контексте собирания всех личностей в образ Церкви, но и в аспекте собирания самой в себе личности. Так, человек, обращаясь к своей

сущности, открывает в самом себе наличие разных временных срезов: настоящего, прошлого и будущего. Цельность человеческой личности придает наличие этих срезов одновременно, реализующихся в четырехмерном образе личности, где присутствуют и пространственные и временные характеристики, рассматриваемые Флоренским на примере рода. «Род есть единый организм и имеет единый целостный образ. Он начинается во времени и кончается. У него есть свои расцветы и свои упадки» [8, с. 208]. Так же и человеческая личность своим внутренним сознанием включена как в свою собственную память, так и в память родовую и – еще выше – в память Божью.

О сущности и значимости человеческой памяти писал в «Исповеди» Аврелий Августин. Во многом мысли Флоренского развиваются в духе идей Августина. Так, Августин отмечал, что память – «это святилище величины беспредельной» [1, с. 236]. По учению Аврелия Августина, в человеческой памяти хранится в укромных уголках все знание о мире. Умом мы можем это знание собрать и вызвать к жизни. Функция памяти именно в собирании знания, припоминании его. Память ведет к внутреннему созерцанию, к созерцанию в подлинном виде, а «это значит не что иное, как подумать и как бы собрать то, что содержала память...» [1, с. 239]. Рассуждая подобным образом о памяти, Августин приходит к выводу, что память дана человеку, чтобы он помнил и знал Бога, именно в памяти живет Бог.

Флоренский, следуя логике рассуждений Августина, отмечает, что человеческая память несовершенна, ей свойственно забывать, совершенством обладает память Божия. Именно в Боге память обретает онтологическое звучание. **Противопоставляя текучесть, изменчивость видимого мира, Флоренский отмечает, что только в ноуменальном мире видимая реальность обретает крепость. Так и в отношении памяти: мир есть, пока он помнится Богом, человек жив, пока помнится, а значит, истинной реальностью обладает не человеческая память, а Божия Память, определяемая Флоренским как «творчество мыслительное и, скажем более, единственное творчество, присущее мысли...»** [4, с. 201]. И далее, «память есть деятельность мыслительного усвоения, т.е. творческое воссоздание из представлений, – того, что открывается мистическим опытом в Вечности, или, иначе говоря,

создание во Времени символов Вечности» [5, с. 201].

А значит, человеческая личность приобретает полную соборность только через приобщение к Божественному бытию на всех уровнях: в соединении со всеми людьми в Боге и в самособирании духовном, открывающем путь к ноуменальной реальности.

Библиографический список

1. *Августин Аврелий*. Исповедь / пер. с лат. М.Е. Сергеевко. – СПб.: Азбука, Азбука-Аттикус, 2011. – 400 с.
2. *Афанасий Великий*. Творения. Слово к язычникам. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.golden-ship.ru> (дата обращения: 27 января 2013 г.).
3. *Едошина И.А.* Художественное сознание модернизма: истоки и мифологемы: монография. – М.; Кострома, 2002. – 241 с.
4. *Платон*. Сочинения: в 3 т. / пер. с древнегреч. под общ. ред. А.Ф. Лосева и В.Ф. Асмуса; вст. ст. А.Ф. Лосева. – М.: Мысль, 1970. – 611 с.
5. *Флоренский П.А.* Столп и утверждение Истины: Опыт православной теодицеи в двенадцати письмах. – М.: Лепта, 2003. – 814 с.
6. Флоренский П.А. Иконостас / вст. ст. игумена Андроника (А.С. Трубачева), П.В. Флоренского; сост. текстов игумена Андроника (А.С. Трубачева), М.С. Трубачева, П.В. Флоренского; подгот. текста и коммент. А.Г. Дунаева. – М.: Искусство, 1995. – 256 с.
7. *Флоренский П.А., свящ.* Собрание сочинений. Философия культа (Опыт православной антропологии) / сост. игумен Андроник (А.С. Трубачев). – М.: Мысль, 2004. – 685 с.
8. *Флоренский П.А., свящ.* Статьи и исследования по истории и философии искусства и археологии / сост. Игумена Андроника (А.С. Трубачева). – М.: Мысль, 2000. – 446 с.
9. *Флоровский Г., протоиерей*. Восточные отцы IV века. – Мн.: Издательство белорусского Экзархата; ООО «Харвест», 2006 – 304 с.
10. *Хомяков А.С.* Письмо к редактору «l'union chretienne» о значении слов «кафолический» и «соборный» по поводу речи отца Гагарина, иезуита. – [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.golubinski.ru/ecclesia/homyakov.htm> (5 ноября 2013 г.).
11. *Экхарт М.* Духовные проповеди и рассуждения. – СПб.: Издательская группа «Лениздат», «Команда А», 2013. – 224 с.

ЭСТЕТИКО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ВОСПРИЯТИЕ МУЗЕЙНОГО ПРОСТРАНСТВА

В статье рассматривается специфика восприятия музейного пространства, его эстетика и содержание.

Ключевые слова: музейное пространство, экспозиция, музейный предмет, экспонат, практическая эстетика, музейная коммуникация.

Вопрос эстетико-психологического восприятия музейного пространства относится к области практической эстетики – специфической области знания, в прикладной своей части представляющей комплекс методов и подходов, обеспечивающих целостность осмысления ценностей художественной культуры.

Современная культурная жизнь характеризуется активизацией процессов эстетизации всех ее форм: ландшафта, быта, праздников, дизайна интерьера, рекламы; вся сфера деятельности человека, в том числе и музейная, выстраивается и оценивается по художественно-эстетическим принципам. В настоящее время во всех видах искусства наблюдается, с одной стороны, появление множества произведений, язык которых рассчитан на легкое понимание максимально широкой аудиторией, с другой – наличие эстетских, усложненных, элитарных произведений постмодернизма. Нечто похожее происходит и в искусстве музейной экспозиции. Если основная экспозиция музея, как правило, не может не учитывать интересы массового зрителя, то в выставочной деятельности случаются шедевры, доступные для понимания немногим.

Эстетика музейного пространства в первую очередь формирует стиль музея, создает контекст, в который органично вписывается музейный предмет, и в этом контексте воспроизводится и воспринимается историческая эпоха. Именно эстетические формы организации музейного пространства создают имидж музея.

В нашем исследовании под музейным пространством (пространством музея) понимается экспозиция как важнейшее звено музейной коммуникации (передачи определенной информации), так как только коммуникация, осуществляемая в процессе создания и восприятия экспозиции, может быть признана специфически музейной, не воспроизводимой в рамках других общественных институтов. Музейное пространство – это специфическая форма сосуществования музейных материальных объектов и процессов, осуществляемых в границах этой формы: «В музее в гораздо большей степени оказывается важным физическое пространство, принципы его организации. Можно сказать, что музей – это замкнутая, герметичная система вещей» [1, с. 180]. Чаше всего музейной экспозицией является часть музейного собрания, выставленная для обозрения, представляющая

собой целостную предметно-пространственную систему, в которой музейные предметы и другие экспозиционные материалы объединены концептуальным (научным, художественным, психолого-эстетическим) замыслом.

Знакомство с музейной экспозицией начинается с ощущений оказавшегося в музейном пространстве зрителя, которые как могут оставаться на уровне инстинктивных реакций, так и порождать лавинообразную цепочку впечатлений, чувств и образов в сознании реципиента, что зависит от объекта восприятия и готовности субъекта к ответу на вызов внешней реакции. Здесь следует различать ощущения (визуальные, тактильные, слуховые, вкусовые), эмоции – как непосредственную бессознательную реакцию на удовлетворение / неудовлетворение каких-либо потребностей, и собственно чувство как осознанное, устойчивое отношение человека к чему- или кому-либо. Эмоционально-чувственные переживания, которые всегда включаются в оценку происходящего, становятся базисом для построения интеллектуально-образного представления о мире, концептуализированного в экспозиции, которое может быть зафиксировано и реализовано любым способом – от словесного и художественного до абстрактно-теоретического.

При создании музейной экспозиции, способной вызвать сильные эмоционально-чувственные переживания, используется ценностный подход, очерчивающий круг предпочтений и интересов личности, а также раскрывающий иерархию смыслов музейного пространства, в которое она включается в музейном пространстве. Система значимых ориентиров, выявляющих эстетические приоритеты в восприятии и познании музейного пространства, включает в себя оценку меры упорядоченности и организованности музейных предметов экспозиции. Правильная расстановка акцентов обостряет способности человека, позволяющие ему воспринимать и анализировать экспозицию в качестве эстетического объекта – ориентационные эстетические чувства, чувство меры, чувство прекрасного, воображение и прочее.

Таким образом, формирование музейной экспозиции следует доверять профессионалам, способным грамотно и квалифицированно создавать и трансформировать предметный мир музея в соответствии с новейшими представлениями о его

эстетике. К таким специалистам можно отнести свободно и конструктивно мыслящих архитекторов, дизайнеров интерьера, ландшафта, виртуального пространства, имиджмейкеров, стилистов, кураторов выставок, художественных руководителей арт-проектов и прочих специалистов, чья деятельность связана с областью практической эстетики. В идеальном варианте необходимой в музейном штате является должность дизайнера.

На рубеже XXI века в музейном проектировании существуют два полярных направления, определяющих представление о путях и методах создания музейной экспозиции. Первое заключается в научном подходе к экспозиции, вторым следует признать художественное моделирование исторических процессов, предполагающее создание эмоционально-интеллектуального художественного текста, некоего пространственного художественного образа, провоцирующего множество ассоциаций у посетителя музея и активизирующего последнего на собственный поиск исторической истины.

В качестве исторического источника в музейной экспозиции выступает музейный предмет, приобретающий в музейном пространстве качество художественного многозначного символа, хранящего информацию в свернутом виде. Дизайнер, создающий из музейных предметов и вспомогательных художественно-пластических конструкций некие символические натюрморты, включает зрителя в общение с иной реальностью, иным временем, иным мировоззрением. Таким образом, автор экспозиции строит свою историческую модель, дающую возможность зрителю за счет множества значений музейных артефактов стать соавтором музейного пространства.

В музейном пространстве сознание посетителя переключается с обыденного восприятия пространства и времени в регистр другой реальности: «Музеи провоцируют этот акт переключения, поскольку они ориентированы на “эффект погружения” в иные культуры или “эффект присутствия” в культурном пространстве. В подавляющем большинстве музеи стремятся создать в своей экспозиции максимальную приближенность к определенной исторической эпохе, отдаленной от настоящего времени, делая доминирующим “эффект приобщения”. Предполагается, что человек, погруженный в музейную среду, получает возможность “выключиться” из сегодняшней жизни, приобщаясь к реалиям жизни прошедшей и отыскивая в ней опору для жизни будущей» [3, с. 20]. В пространстве музея остановлены процессы времени, однако уникальность музейного пространства заключается в его способности активизировать мыслительный процесс, вызывать посетителя к сотворчеству, что в равной степени можно отнести и к самим профессионалам в сфере создания музейного пространства.

Создание экспозиции предполагает наличие художественной идеи, которая является духовной сутью экспозиционно-художественного образа, создаваемого из музейных предметов (экспонатов). Смысловая и символическая нагрузка музейного натюрморта может быть разной: от декоративной композиции, с помощью которой посетитель по-новому может увидеть эстетическую сторону привычных вещей, до сложных полисемантических построений.

Экспозиционные комплексы могут состоять из однородных материалов (вещевой комплекс, комплекс документов и другое) или включать разные типы музейных источников: вещевые, письменные, изобразительные, составляющие тематическое и визуальное единство. Их можно классифицировать по видам: этнографический комплекс, мемориальный комплекс и прочее. Ансамблевая экспозиция в виде отдельного комплекса также часто входит в состав тематической экспозиции. Сегодня в экспозициях музеев практикуется такое «смешение жанров». Часто экспозиция, построенная как ансамблевая, на самом деле является «скрытой» тематической, что позволяет говорить «о музее как о едином целом, где ряды предметов объединены в серии, и только вся серия в целом может порождать смыслы, соотносимые, в свою очередь, с некой внешней парадигмой» [2, с. 12].

Основой натюрмортов, формирующих музейное пространство, являются предметы, в экспозиции имеющие статус экспоната, обладающего свойствами информативности, экспрессивности, аттрактивности, репрезентативности и ассоциативности. Свойства предмета в экспозиции способны влиять друг на друга, каждое из названных свойств способствует формированию музейного пространства и специфике его восприятия. Так, картина М.А. Врубеля «Демон поверженный» (1901–1902, Государственная Третьяковская галерея) сама по себе обладает очень высокой степенью аттрактивности и экспрессивности, но информация от том, что это полотно написано близким к безумию художником, повышает силу ее эмоционального воздействия на зрителя и приобретает в его глазах особую смысловую ценность.

Другой способ переживания ценности музейного экспоната связан с интенцией произведения искусства или иного экспоната в музейном пространстве как формы самораскрытия идеи: «Переживание такого рода связывает идею с ее вещным воплощением. Произведение воспринимается, с одной стороны, как Вещь, в хайдеггеровском смысле слова, с другой стороны, как знак, имеющий своим референтом некие глубинные онтологические основания. Поскольку в повседневной жизни человек окружен серийными вещами, ... способ переживания подлинности сегодня может осуществляться только в специально отведенных

для этого пространства, например в музеях» [1, с. 181].

Для адекватного эмоционального восприятия экспоната в музейном пространстве необходимо представление о его подлинности, как гаранте эстетической и исторической ценности: «Эмоциональное напряжение переносится с музейного объекта на само музейное пространство. Благодаря чему музей предстает уже не как место хранения ценностей, а как место их производства, задавая направление развитию искусства, даже если авангардные течения декларируют отказ от признанных ценностей. Объект, “освященный” пребыванием в музее, автоматически рассматривается как ценность» [1, с. 182].

Очевидна определяющая роль подлинных предметов в создании образа музейного пространства. В разных экспозициях степень присутствия подлинных музейных предметов различна. Наиболее высока она в художественных музеях, а также при экспонировании реликвий, уникалов, раритетов, мемориальных предметов. Замена этих предметов без ущерба восприятию музейного пространства копиями невозможна, так как «музеефикация объекта всегда связана с изъятием его из повседневного контекста и инкорпорированием его в новую, искусственно созданную смыслопорождающую систему» [2, с. 12].

Музейное пространство как смыслопорождающая система создается при помощи определенных экспозиционных приемов – способов группировки экспозиционных материалов, призванных с максимальной полнотой воплотить, раскрыть идейно-эстетические смыслы экспозиции.

Таким образом, музейное пространство – это неоднозначное отражение культуры общества, которое его порождает, в границах музейного пространства воспроизводятся исторические эпохи, воплощается программа восприятия истории и культуры обществом. В связи с этим к определяющим свойствам музейного пространства следует отнести синтез в его рамках общественного и культурного компонентов, единство субъективного и объективного, экспозиционное воплощение времени прошлого, настоящего и будущего.

Другими словами, музейное пространство многослойно, включено в структуры социального

и культурного пространства общества, что определяет особенности формирования музейных экспозиций, благодаря чему музейное пространство является отражением культуры общества, в котором функционирует.

Эстетико-психологическое восприятие музейного пространства представляет собой трехчастную структуру, в которой восприятие и осознание последовательно проходит три уровня – перцептивный, эстетический и концептуальный (художественный). Итогом восприятия экспозиции является третий уровень – уровень концептуального осмысления музейного пространства, который, в зависимости от наполненности этого пространства, работы экспозиционера и собственно подготовки реципиента, может носить абстрактный или образный характер. Восприятие музейного пространства делает акцент на выразительности образов, созданных в процессе экспозиционной деятельности и зафиксированных в музейном пространстве.

Все вышеизложенные свойства музейного пространства, его специфика и наполненность содержанием не могут не влиять на эстетико-психологическое восприятие музейного пространства, в свою очередь являющееся отражением отношения общества к музею как общественному институту.

Библиографический список

1. Беззубова О.В. Музей как объект философско-антропологического исследования // Методология гуманитарного знания в перспективе XXI века. К 80-летию профессора Моисея Самойловича Кагана: материалы междунар. науч. конференции (18 мая 2001 г., Санкт-Петербург). Сер. «Symposium». Вып. №12. – СПб.: Санкт-Петербургское философское общество, 2001. – С. 179–183.
2. Беззубова О.В. Пространство музея и проблема аксиологической переориентации // Музей. Общество. Религия: аспекты взаимодействия. К 70-летию Государственного музея истории религии: материалы IX Санкт-Петербургских религиозно-ведческих чтений. – СПб., 2002. – С. 12–14.
3. Мастеница Е.Н. Феномен музея: опыт музеевской рефлексии // Вопросы музеологии. – 2011. – № 1(3). – С. 20–30.

ПОНЯТИЕ МУЗЫКАЛЬНОЙ КАРТИНЫ МИРА В КОНТЕКСТЕ ИЗУЧЕНИЯ СИНТЕТИЧЕСКОЙ ЯЗЫКОВОЙ ЛИЧНОСТИ

В данной статье рассматриваются общие свойства музыкальной картины мира в контексте изучения синтетической языковой личности, сформированной в пространстве отечественной рок-культуры. Кроме того, описываются основные механизмы взаимодействия музыкальной и глобальной, когнитивной картин мира.

Ключевые слова: картина мира, музыкальная картина мира, система невербально-когнитивных музыкальных кодов, синтетическая языковая личность.

В данном материале впервые предпринимается попытка описания внутренней структуры музыкального компонента синтетической языковой личности (СЯЛ) и разрабатывается понятие музыкальной картины мира в контексте изучения СЯЛ.

Прежде всего, в данном контексте необходимо сказать о том, что музыкальный компонент синтетической языковой личности, актуализированный в пространстве отечественной рок-культуры, представляет собой сложно организованную, нелинейную, многослойную систему невербально-когнитивных музыкальных кодов (КМК).

Это своеобразная невербальная, концептуальная матрица, которая накладывается на вербальный, артикуляционный и имиджевый компоненты СЯЛ. Причём структурно-семантические особенности комплекса когнитивно-музыкальных кодов, воздействуя на внутреннюю структуру отдельных компонентов СЯЛ, способны либо частично корректировать специфику содержания когнитивно-прагматического уровня СЯЛ, либо активизировать процесс тотальной трансформации модели СЯЛ (разрушение логоцентрической модели СЯЛ и актуализация ризомной модели СЯЛ). Ярким примером реализации данного процесса является композиция «Прогулки по воде» («НАУ»), исполненная В. Бутусовым на музыку Б. Гребенщикова («Старик Козлодоев»).

Отметим, что в рамках конкретного синтетического рок-текста может активизироваться как один, так и целый комплекс невербальных КМК. Это зависит от воли автора, от качественных особенностей воспринимающего сознания и от специфики структуры и содержания когнитивно-прагматического уровня СЯЛ, выстраиваемого в пространстве того или иного синтетического текста.

Особое внимание в данном контексте необходимо обратить на то, что, попадая в пространство синтетического текста, комплекс невербальных КМК может менять свой статус из-за активизации процесса условной вербализации. В данном случае процесс вербализации можно считать условным, так как система невербальных КМК обладает более емким содержанием, вмещая в себя комплекс разнообразных национально-специфических кон-

цептуальных, религиозных, ритуально-мифологических и некоторых других представлений о мире.

Как правило, при процессе вербализации знаковую, языковую оболочку приобретает только наиболее актуальный для автора поэтического текста фрагмент общего невербально выраженного содержания КМК. Соответственно, остальное содержание когнитивного кода остаётся в зоне невыразимого и активизируется, достраивается, то есть дешифруется, уже не столько автором, сколько воспринимающим сознанием, которое органично вписано в общую структуру СЯЛ.

Укажем, что ситуация условной вербализации невербальных КМК в пространстве определённого синтетического текста реализуется только в случае частичного / полного семантического соответствия, согласованности общего вербального и невербального когнитивных кодов.

Важно, что невербальные КМК способны значительно корректировать, уточнять и раскрывать содержание вербального компонента СЯЛ. Подчеркнём, что специфическая, генетическая связь вербального и частично вербализованного КМК указывает на то, что они развиваются в рамках единой, целостной синтетической дискурсивной системы, реализация которой возможна только в рамках логоцентрической модели СЯЛ.

Одновременно с этим заметим, что комплекс невербальных КМК в пространстве конкретного синтетического текста может оставаться полностью невербализованным (неактуализированной авторской интенцией на уровне вербального компонента) и существовать как своеобразная невербальная, неязыковая, ментальная система. В этом случае системы вербальных и невербальных когнитивных кодов представляют собой разнонаправленные (нейтральные / противостоящие друг другу) аструктурные, деконструктивные дискурсивные образования, формирующиеся в пространстве ризомной модели СЯЛ.

Необходимо обратить внимание на то, что комплекс невербальных КМК в данном контексте может рассматриваться как своеобразная музыкальная картина мира (МКМ) СЯЛ. Прежде чем рассматривать непосредственно специфику структуры, содержания и качественных особенностей

взаимодействия КМК СЯЛ с другими картинами мира, реализующимися в пространстве сознания личности, необходимо сказать о том, что в самом общем виде под КМ понимается «упорядоченная совокупность знаний о действительности, сформировавшаяся в общественном (а также групповом, индивидуальном) сознании» [3, с. 64–68].

Здесь же отметим, что достаточно мощную актуализацию понятие «картина мира» получило в рамках лингвистических, культурологических и лингвокультурологических исследований. Н.А. Любимова и Е.В. Бузальская справедливо замечают, что «в лингвистике, культурологии и лингвокультурологии при использовании *картины мира* в качестве понятия (в общем, философском значении “мировидения”) допустима синонимия *картины мира, модели мира и образа мира*» [2, с. 15]. Этот факт зафиксирован в определениях КМ, разработанных в рамках культурологического и лингвокультурологического подходов.

Например, С.Г. Тер-Минасова считает, что «культурная (понятийная) картина мира – это отражение реальной картины мира через призму понятий, сформированных на основе представлений человека <...>. Это образ мира, преломлённый в сознании человека, то есть мировоззрение человека, создавшееся в результате его физического опыта и духовной деятельности» [5, с. 22].

Отметим, что в контексте данной работы понятие музыкальной картины мира СЯЛ рассматривается в рамках общих лингвистических, культурологических и лингвокультурологических концепций и подходов к определению качественных особенностей понятия КМ.

Под музыкальной картиной мира СЯЛ мы понимаем *своеобразную, пластичную, трансформирующуюся, синтетическую систему невербальных, когнитивно-музыкальных кодов, являющуюся частью глобальной, непосредственной картины мира, генетически связанную с опосредованными языковой и художественной КМ, укоренённую в структуре СЯЛ, отражающую, фиксирующую и группирующую в своей внутренней структуре национально-специфические концептуальные, религиозные и мифологические представления о мире, выраженные в музыкальной форме*.

Необходимо отметить, что механизм формирования и развития МКМ как музыкальной модальности сознания СЯЛ опирается на методологический принцип *голографической модели сознания* (модель Д. Бома – К. Прибрама), который «принимает за основу явление отражения *большей* в *иерархии целостности* в её *малой целостной сущности* (монаде), и наоборот, влияние смыслового устройства малой целостной “монады” (в данном случае – музыкального сознания) в смыслообразующую структуру *большого целого* – сознания человека и человечества» [6, с. 128].

Важно, что структура музыкальной картины мира и особенности её реализации в пространстве сознания СЯЛ раскрываются через специфический процесс взаимодействия МКМ с другими картинами мира, формирующимися и существующими в пространстве сознания СЯЛ. Рассмотрим более подробно специфику взаимодействия МКМ и глобальной, когнитивной картины мира.

Под когнитивной картиной мира З.Д. Попова и И.А. Стернин понимают «ментальный образ действительности, сформированный когнитивным сознанием человека или народа в целом, являющийся как результатом прямого эмпирического отражения действительности органами чувств, так и сознательно рефлексивного отражения действительности в процесс мышления» [4, с. 52].

В пространстве когнитивной, глобальной КМ синтетической языковой личности МКМ существует в форме доструктурного энергетического, ментально-импульсного поля, которое ещё не наделено чёткой музыкально-звуковой и ритмико-мелодической формой. Данное поле скрыто в пространстве ментальных образов, универсальных концептов сознания и может потенциально активизироваться как во внутренней структуре отдельного базового концепта, так и на стыке, в зоне взаимодействия, универсальных когнитивных единиц сознания. Другими словами, глобальная картина мира – это своеобразный резервуар, в котором хранятся всевозможные варианты музыкальных форм, отражающих специфику сознания личности или народа.

Здесь же отметим, что именно в рамках этого доструктурного энергетического, ментально-импульсного музыкального поля зарождается особая система прамузыкального языка коммуникации, предшествующая вербальной речи: «Прамзыкальный язык коммуникативных сигналов предшествует вербальной речи (К. Штумпф, А.А. Леонтьев). По данным учёных об африканском языке хаоса (Х. Вэнглер) и цейлонском языке ведда (Р. Грубер), обладающих тональной семантикой (зависимостью значения слова от звуковысотного положения в речи), можно предположить, что праязык коммуникации ближе пению, чем вербальной речи» [6, с. 132].

Исследователи замечают, что «генетически феномен пения – это оперирование семантизированными квазисловесными структурами, “песенными словами”. Значит, если пение предшествует разговору, то язык, “сбросив с себя” песенность, либо “переместился” из левого полушария мозга в правое, либо произошло разделение на два языка: язык пения (дорефлективный) и язык говорения (рефлективный)» [1, с. 44–45].

Из этого следует, что в пространстве сознания СЯЛ потенциально реализуется феномен своеобразного языкового совмещения дорефлективного (песенного) и рефлективного (языкового) кодов.

Отметим, что обращение русского рока к песенной пракоммуникации, встроенной в когнитивную картину мира, активизирует в структуре СЯЛ процесс трансформации субъектно-объектных отношений. Другими словами, за автором всегда стоит «другой», мифический прасубъект, владеющий системой дорефлективной пракоммуникации. Важно, что ситуация своеобразного удвоения субъекта в структуре СЯЛ, реализуясь изначально в рамках музыкального компонента, отражается на всех уровнях СЯЛ.

Укажем, что МКМ СЯЛ в пространстве глобальной картины мира существует в форме структурного энергетического, ментально-импульсного поля только до тех пор, пока в её внутренней структуре не активизируется процесс выделения национально-специфической концептуальной картины мира. Возможность реализации данного процесса связана с тем, что «представители того или иного этноса воспринимают любой предмет не только в его пространственных изменениях и во времени, но и в его значении, а значения концентрируют в себе внутрисистемные связи объективного мира. В значениях <...> фиксируется некий культурный стереотип, инвариантный образ данного фрагмента мира, присущего тому или иному этносу» [7, с. 141].

Заметим, что на этапе выделения инвариантных образов мира и комплекса национально-специфических культурных стереотипов активизируется процесс формирования структурного, невербально-музыкального уровня МКМ, в котором потенциально реализован дорефлективный музыкальный праязык. Это связано с тем, что инвариантные образы мира и общие свойства сознания личности

или народа выражаются не только в языковом, но и в символично-графическом, *музыкальном* и других семантических кодах.

Итак, мы рассмотрели качественные особенности структуры музыкального компонента синтетической языковой личности, предложили оригинальную интерпретацию понятия «музыкальная картина мира», актуализированную в контексте изучения СЯЛ, и обозначили специфику взаимодействия музыкальной и глобальной картин мира в пространстве синтетического рок-текста и СЯЛ.

Библиографический список

1. Гавриков В.А. Русская песенная поэзия XX века как текст. – Брянск: ООО «Брянское СРП ВОГ», 2011. – 634 с.
2. Любимова Н.А., Бузальская Е.В. «Картина мира»: содержание, терминологический статус и общая иерархия её составляющих // Мир русского слова. – СПб.: МИРС. – 2011. – № 4. – С. 13–20.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальная картина мира. – Воронеж: Истоки – 2002. – 86 с.
4. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. – М.: Восток-Запад, 2007. – 314 с.
5. Тер-Минасова С.Г. Война и мир языков и культур. – М.: Слово, 2008. – 241 с.
6. Торопова А.В. «Смысловое устройство» музыкального сознания личности // Мир психологии. – 2008. – № 2. – С. 78–89.
7. Уфимцева Н.В. Язык, культура и образ мира билингва // III Междунар. науч. конф. «Русский язык в языковом и культурном пространстве Европы и мира: Человек. Сознание. Коммуникация. Интернет». – Варшава: Наука, 2006. – С. 135–146.

ОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ ПОНЯТИЯ «ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ СТИЛЬ»

В статье представлены разные трактовки понятия «художественный стиль».

Ключевые слова: художественный стиль, стилевые уровни, содержание, форма.

Художественный стиль – одна из важнейших категорий искусствоведения (и музыковедения). Стиль формируется в процессе творческой деятельности субъекта, отражая картину мира эпохи и уровень самосознания художника. Две стороны человеческого бытия – созерцательная и деятельностная – позволяют выделить стиль как процесс и как результат, в которых находят свое воплощение субъективность и одновременно разнообразные факторы окружающей действительности. Являясь основанием творческой деятельности, стиль выражает суть, уникальность самого феномена художественного творчества в единстве всех его компонентов: содержания и формы, изображения и выражения, личности и эпохи, дает целостный взгляд на искусство.

Обратимся к этимологии слова «стиль». В словарях отмечается несколько его значений. Греческое слово *stylos* – столб, колонна, опора, основание. В узком смысле слово «*stylos*», латинское – «*stylus*» (стержень, палочка для письма на восковых дощечках) ассоциировалось с почерком. Узнаваемый почерк-стиль послужил прототипом для понятий более высоких уровней – индивидуальности авторского слова, творческой манеры.

Категория «художественный стиль» имеет многовековую историю, восходящую еще к античности. Вопросы стиля были в центре внимания философов, эстетиков. Термин «стиль» не всегда был озвучен в их трудах, но в классической эстетике (в трудах Гегеля, Шиллера, Гёте) рассматривались вопросы содержания и формы, которые составляют сущность стиля.

По отношению к творчеству это понятие трактуется неоднозначно, во все времена существовало множество его интерпретаций. Приведем некоторые примеры.

Как понятие художественный стиль чаще всего использовался применительно к художественной практике конкретным искусствознанием. В ранг эстетической категории художественный стиль был возведен Гегелем. Основы понимания стиля в искусствознании заложил немецкий историк и теоретик искусства И.И. Винкельман (1717–1768) в классическом труде «История искусства древности» (1764). И.В. Гете (1749–1832) в работе «Простое подражание природе, манера, стиль» рассматривал стиль как высший критерий оценки эстетического (а также исторического) значения

творчества художника, более высокий, чем индивидуальная «манера», «высшую ступень, которую искусство может достичь».

Современное понимание категории художественного стиля отличается от того, как определяли его классики формальной школы (А. Ригль, Г. Вельфлин), которые классифицировали стиль по формальным признакам, с позиций его структурных свойств. Раскрывая проблему эволюции стиля в изобразительном искусстве Нового времени, Г. Вельфлин (1864–1945) понимает стиль как завершенную в устойчивую и неизменную структуру формальных элементов и дифференцирует стили на основании формальных признаков (линейность – живописность, плоскостность – глубинность, закрытая или открытая форма, множественность – единство, ясность – неясность). Названные «пары понятий» автор использует при анализе произведений изобразительного искусства в качестве всеобщих критериев художественной формы [2].

Источник расхождений в понимании термина «стиль» заключается, прежде всего, в его исторически сложившейся многозначности и тесной связи с рядом эстетических проблем. Расхождения в интерпретации понятия стиля (как в его общем, так и в частных значениях) сводятся к трем основным моментам: соотношение данного понятия с философскими и эстетическими категориями *содержания и формы*; выяснение сущности взаимоотношений между *стилем*, художественным *методом и направлением, жанром*; дифференциация стиля по различным *уровням* с позиций диалектического взаимодействия категорий *общего, особенного и единичного*.

Сущность стиля усматривается исключительно в содержании или в форме или в их взаимосвязи. Соответственно трактуется и понятие стилевых признаков. Отсутствие единства в их определении приводит к расхождениям в понимании круга явлений, объединяемого под знаком стиля.

В ряде работ по эстетике, литературоведению, музыковедению стиль рассматривается как *художественная форма*.

А.Ф. Лосев (1893–1988) относит стиль к художественной форме, обозначая некоторые виды стиля как *стилевые формы*. Развертывая систему основных категорий своей эстетики (эйдос, миф, символ, личность, энергия сущности, имя), философ раскрывает этапы становления *художествен-*

ного выражения (воплощения смысла, сущности), отождествляя его с формой. Последним звеном этой цепочки, завершающей фазой выражения сущности выступает имя (сущности) – *стиль, стилевая структура формы*. Но так как «выражение», по Лосеву, есть «форма-смысл» и «неотделимо от сущности и потому есть сама сущность», то и стиль надо понимать как единство содержания и формы [7, с. 152–153; 14; 15].

М.С. Каган пишет: «Стиль диктуется определенным содержанием, но сам он является *качеством формы...*» [5, с. 158]. Такой же точки зрения придерживается и А.Н. Сохор [13, с. 48].

Специфический характер взаимоотношения содержательного и формального начала в музыкальном искусстве отмечается Л.А. Мазелем: «В понятие стиля входят и содержание и средства музыки, входит *содержательная* система средств и *воплощенное в средствах* содержание». [8, с. 18]. В этом определении форма рассматривается не как абстрагированная от содержания «чистая» форма, а как *содержательная*.

Различно трактуются также соотношения понятий *стиля и метода*. Д.С. Лихачев (1906–1999) включает в понятие стиля и общее восприятие действительности, свойственное писателю, и художественный метод писателя, обусловленный задачами, которые он себе ставит [6, с. 35].

По мнению Г.Л. Абрамовича, метод только определяет стилевую систему, но не тождествен с нею: «Стилевое своеобразие выражается в *системе художественных средств*, внутренних закономерных связях и взаимодействиях между ними», а «индивидуальное своеобразие художественного метода проявляется в свойственных ему исходных *принципах отбора*, изображения и оценки жизненного материала» [1, с. 305].

По отношению к музыкальному искусству такая же точка зрения содержится в работе Е.В. Назайкинского. Он считает, что метод предполагает *отбор отображаемых явлений* действительности, а стиль – *отбор музыкальных средств* и только через их совокупность, трактовку и организацию испытывает влияние метода и всех особенностей деятельности. Стиль – это почерк, то есть отличительные, характерные черты, проявляющиеся в самом тексте произведения, в его организации, в отборе средств музыкального языка. К средствам выражения стиля относятся только *музыкальные* свойства, зафиксированные в нотах или воссоздаваемые воображением в непосредственной связи с музыкальными представлениями [12, с. 23].

В понятие стиля исследователи включают также *детерминанты* стиля: условия, факторы, предпосылки, истоки, определяющие стиль. Они разнообразны.

Французский философ и теоретик И. Тэн (1828–1893) утверждал, что художественное произведе-

ние, стиль и манера определяются средой – культурной, социальной, духовной, «нравственным и умственным состоянием» своего времени, то есть ценностными предпочтениями людей [15, с. 9–11].

Австрийский историк искусства Г. Зедльмайр (1896–1984) также соотносил изменение принципов стиля с переоценкой «ценностей», переменой идеалов, которые, в свою очередь, опосредуются факторами духовного мира. Определял взгляд на всеобщую историю стиля как историю духа, «историю духовного восхождения человечества в его становлении» [4, с. 16, 48, 126 и др.].

В музыкальном искусстве принято деление всего комплекса детерминант на внешние условия и внутренние факторы, которое предлагал в монографии «Теория стиля» А.Н. Соколов, имея в виду литературные стили. К внутренним «стилеобразующим» факторам относят мировоззрение художника, тематику его творчества, жанровый диапазон и жанровые границы, предпочитаемое содержание, творческий метод отображения действительности и т.д.

В музыковедческих исследованиях стиля эти факторы тоже выявлялись. Детерминанты стиля подробно охарактеризованы Е.В. Назайкинским [12, с. 34–38]. Сами по себе детерминанты, воздействующие на музыку и обуславливающие ее стилевую облик, еще не входят в стиль как нечто непосредственно принадлежащее музыкальному феномену, все же они объединяются в нечто целое, если только они рассматриваются через обусловленный ими объект – художественный стиль. Именно поэтому большинство определений стиля включает в себя формулу детерминации. Л.А. Мазель пишет о стиле как о системе музыкального мышления, «возникающей на определенной социально-исторической почве и связанной с определенным мировоззрением» [8, с. 18]. В.В. Медушевский выделяет в качестве главной детерминанты стиля «духовное видение мира» [9, с. 15]. М.К. Михайлов говорит об обусловленности стиля «историческим процессом развития музыкально-творческого мышления» [11, с. 15]. В.Н. Сыров предлагает типологическую модель, в которой идейные параметры и психология творчества рассматриваются как важнейшие предпосылки стиля [14, с. 53–70]. Роль исторических и социальных условий рассматривается и во многих других работах. Эти связи и влияния осуществляются не непосредственно, а через многоступенчатую лестницу опосредований.

В спорах по поводу типологии стилей (дифференциация стиля по различным уровням) точки зрения и сами концепции стиля зависят от специфики различных областей художественного творчества. Так, в литературоведении нередко термин стиль соотносится только с творчеством *отдельных художников* (писателей). Общее же между ними определяется понятием не стиля, а *течения* или *на-*

правления. Следующая, еще более высокая ступень обобщения относится литературоведами к *художественному методу*.

Противоположную позицию занимают теоретики в области архитектуры. В статье «Несколько тезисов к проблеме стиля» Б.Р. Виппер (1888–1967) относит понятие стиля в его полном и законченном виде только к *стилю эпохи, стилю* определенного исторического периода. Некоторые исследователи (И. Рыжкин) допускают два значения стиля: узкое – стиль *индивидуальный*, и широкое – стилевое *направление*, и отвергает понятие стиля эпохи, предлагая заменить его выражением «искусство данного исторического периода».

В музыке стиль интерпретируется как иерархическая система, включающая ряд подсистем (стилевых уровней) – индивидуальный, направления, эпохальный (исторический), национальный [10, с. 183–239]. Общеизвестным в искусстве и литературе является нижний уровень данной иерархии – стиль *индивидуальный* (творческий почерк, манера), отражающий особенности композиторского письма, означающий наличие в различных произведениях одного композитора определенных повторяющихся черт (стилевых элементов, стилистических признаков). Индивидуальный (композиторский) стиль является центром иерархической системы, испытывая влияние высших уровней – исторического, направления или школы, а также – национального. В свою очередь, он участвует в формировании стилей высших уровней, которые и складываются из авторских стилистических систем на основе их общих признаков.

Под стилем *направления* подразумевается существование стилистической общности в творчестве ряда композиторов, объединяемых единством музыкально-эстетических принципов (рококо, импрессионизм, экспрессионизм, неоклассицизм и другие направления). Иногда понятие «направление» соотносится с понятием «школа» (франко-фламандская школа хоровой полифонии в XV–XVI веках, лейпцигская и веймарская, петербургская и московская школы в XIX веке и т.д.).

Высокая ступень обобщения – стиль *эпохи* или *исторический*, это понятие принято преимущественно исследователями в области изобразительных искусств и музыки. В ряде работ оно связано с обширными историческими пластами музыки и музыкальной культуры (в исследованиях Т.Н. Ливановой, С.С. Скребкова, Л.В. Кирилловой и др.).

Теоретик искусства Б.Р. Виппер отмечает несовпадение понятий исторического стиля и стиля эпохи. Понятие исторического стиля *уже*, чем понятие стиля эпохи [3, с. 5–11]. Эпоха может отличаться как единством стиля, так и стилистическим многообразием. Например, XVII век в художественной культуре Запада включает два исторических сти-

ля – барокко и классицизм, которые (как замечает автор) несоединимы, но и нерасторжимы. Это двоестилие демонстрирует сложный процесс стилистического формирования эпохи.

Из фундаментальных исследований теории музыкального стиля в отечественном музыковедении двадцатого столетия следует отметить труды Б.В. Асафьева, Ю.А. Кремлёва, Т.Н. Ливановой, В.В. Медушевского, М.К. Михайлова, С.С. Скребкова, А.Н. Сохора, В.Н. Холоповой, Б.Л. Яворского. Проблемы стиля затрагиваются в исследованиях Е.Е. Назайкинского, М.Г. Арановского и некоторых работах Г.В. Григорьевой, К.В. Зенкина, Р.А. Насонова и других.

Работы отечественных музыковедов опираются во многом на исследования и наблюдения двух крупных ученых-современников – Б.Л. Яворского (1877–1942) и Б.В. Асафьева (1884–1949), которых объединяет понимание стиля как проявление и выражение *музыкального мышления*. Яворский подошел к проблеме музыкального мышления, органически связанной со стилем как исторической категорией, рассматривая стиль, прежде всего, как историко-эпохальное явление. В представлении Яворского, категория стиля обнимает все проявления духовной культуры вообще и объединяет, таким образом, различные формы искусства, то есть является категорией универсальной.

Асафьев с понятием стиля связывает понятие интонации, разработка которого занимает центральное место в его трудах. Музыка – искусство интонационное, интонация рождается в творческом мышлении композитора. Не оставив специального исследования по проблеме стиля, эстетик, историк и теоретик музыки затрагивал вопросы стиля в разных работах, в том числе в фундаментальном труде «Музыкальная форма как процесс». В статье «Народные основы стиля русской оперы» исследователь рассматривает стиль «как постоянство музыкально-интонационного почерка эпохи, народа и личного композиторского...».

Попытка всестороннего рассмотрения проблемы стиля в неразрывном единстве с целым кругом других смежных проблем впервые была предпринята М.К. Михайловым (1904–1983). Работы исследователя посвящены рассмотрению ряда вопросов, связанных с понятием стиля в музыкальном искусстве как одним из аспектов общетеоретического понятия «стиль». Автор рассматривает стиль в соотношении с другими категориями эстетики и музыковедения (содержанием, формой, жанром, творческим методом, направлением), а также – с позиций исторического, логического и системного подходов. В работах М.К. Михайлова затронуты вопросы, касающиеся стилистических систем разного уровня – от индивидуальных до групповых.

Подведем некоторые итоги. Стиль – явление сложное и неоднозначное. Как системный объект,

стиль представляет собой совокупность взаимосвязанных элементов (стилевых признаков – выразительных средств), образующих единство, целостность. При зависимости от содержания стиль относится к области формы, под которой (например, в музыке) понимается вся совокупность музыкально-выразительных средств (стилевых признаков), включающая элементы музыкального языка, принципы формообразования, композиционные приемы. К числу существенных компонентов стиля относится жанр (имеется в виду специфика различных жанров и их место в стилиевой системе). Обе эти категории тесно связаны друг с другом. Стиль находит свое выражение через посредство тех или иных жанров, вне которых он не существует. Аналогично и жанры немислимы вне их конкретной стилиевой реализации. В стиле сочетаются духовная и музыкально-звуковая стороны, целостность мировосприятия связана с системой выразительных средств. Стиль возникает на основе мирозерцания человека как выражение его внутренней духовной сущности.

Библиографический список

1. *Абрамович Г.Л.* Введение в литературоведение. – М.: Просвещение, 1970. – 390 с.
2. *Вельфлин Г.* Основные понятия истории искусств. Проблема эволюции стиля в новом искусстве. – СПб.: Мифрил, 1994. – 398 с.
3. *Винтер Б.Р.* Введение // Ренессанс – Барокко – Классицизм. Проблема стилей в западноевропейском искусстве XV–XVII веков. – М., 1966. – С. 5–11.
4. *Зедльмайр Г.* Искусство и истина: Теория и метод истории искусства / пер. с нем. Ю.Н. Попова; послесл. В.В. Бибикина. – СПб., 2000. – 272 с.
5. *Каган М.С.* Лекции по эстетике. – Л., 1971. – 297с.
6. *Лихачев Д.С.* Поэтика древнерусской литературы». – Л., 1967. – 290 с.
7. *Лосев А.Ф.* Диалектика художественной формы // *Лосев А.Ф.* Форма – Стиль – Выражение / сост. А.А. Годи. – М.: Мысль, 1995.
8. *Мазель Л.А.* Строение музыкальных произведений. – М., 1979. – 534 с.
9. *Медушевский В.В.* О закономерностях и средствах художественного воздействия музыки. – М.: Музыка, 1976. – 254 с.
10. *Михайлов М.К.* Стиль в музыке. – Л.: Музыка, 1981. – 262 с.
11. *Михайлов М.К.* О понятии стиля в музыке // Вопросы теории и эстетики музыки. Вып. 4. – Л., 1965. – С. 15–26.
12. *Назайкинский Е.В.* Стиль и жанр в музыке: учеб. пособие. – М.: Владос, 2003. – 248 с.
13. *Сохор А.Н.* Стиль, метод, направление (к определению понятий) // Сохор А.Н. Вопросы социологии и эстетики музыки: статьи и исследования. Ч. II. – Л.: Сов. композитор, 1981. – С. 44–57.
14. *Сыров В.Н.* Типологические аспекты композиторского стиля // Стилиевые искания в музыке 70–80 гг. XX века: сб. статей. – Ростов-на-Дону, 1994. – С. 3–70.
15. *Тэн И.* Философия искусства. – М.: Республика, 1996. – 351 с.

SUMMARY

NATURAL SCIENCE

Anatoliy L. Antsiferov

*Kostroma Region Nature Museum
ancifer.ost@yandex.ru*

Anna A. Yefimova

*Sinitsyn state nature reserve "Kologriv Forest"
anef-lita@yandex.ru*

Igor' G. Krinitsyn

*Nekrasov Kostroma State University
hek@rambler.ru*

Ol'ga V. Mal'tseva

*Kostroma Region Nature Museum
olgamaltseva@yandex.ru*

Konstantin S. Sitnikov

*Kostroma Region Nature Museum
snipe301@rambler.ru*

"Kologriv Forest" nature reserve Manturovo cluster forest motley grass entomofauna in the primary phase of researching it

The article materials represent Sinitsyn state nature reserve "Kologriv Forest" southern (Manturovo) cluster entomofauna early data generalization in the aggregate with the understorey insects' fauna and ecologic structure most recent investigations.

Keywords: insect, species composition, understorey, ecologic structure, nature reserve.

Vladimir P. Lebedev

*Nekrasov Kostroma State University
lebedevvp@kosnet.ru*

Igor' G. Krinitsyn

*Nekrasov Kostroma State University
hek@rambler.ru*

Dmitriy N. Zontikov

*Nekrasov Kostroma State University
zontikovdn@mail.ru*

Natal'ya I. Gubareva

*Nekrasov Kostroma State University
snipe301@rambler.ru*

Sergey V. Lebedev

*Nekrasov Kostroma State University
kaf_bot@ksu.edu.ru*

Ecologic-coenotic factors influencing on certain ratoon plant species ecobiomorphology and coenotic populations structure

The article contains populational ontogenetic analysis of certain ratoon arboreal (*Ulmus laevis* Pall., *Alnus incana* (L.) Moench) and herbaceous (*Linaria vulgaris* Mill.) species in glacial stream phytocatena association. The authors suppose the ecotop peculiarities playing primal leading role in ratoon trees' and herbs' populational life maintaining.

Keywords: ratoon species, ontogeny, coenotic population, association, phytocatena.

Vasiliy V. Kuz'michyov

*Nekrasov Kostroma State University
kaf_mbd@ksu.edu.ru*

Boris M. Strelets

*Nekrasov Kostroma State University
kaf_mbd@ksu.edu.ru*

Fyodor A. Kuz'min

*Nekrasov Kostroma State University
kaf_mbd@ksu.edu.ru*

Natal'ya V. Mihina

*Kostroma veterinary laboratory
kaf_mbd@ksu.edu.ru*

Ol'ga V. Ostapchuk

*Nekrasov Kostroma State University
kaf_mbd@ksu.edu.ru*

Pathomorphological changes dynamics at toxocariasis

Pathomorphological changes in cats' tissues and organs at experimental infection with *T.cati* invasive eggs are characterized by granulomatous alveolitis; hemorrhagic bronchopneumonia; perivascularitis; by nidal and liver tissues perivascular proliferation with eosinophils, lymphoid cells, histiocytes, plasmocytes; by necrobiotic nidi. These changes in kittens' tissues corroborate helminths' metabolites toxic impact and evident cell-mediated immune response.

Keywords: toxocariasis, intestinal helminths, pathomorphological changes, helminths' migration, bowels parasites, eosinophilia.

Lyudmila V. Muradova

*Nekrasov Kostroma State University
mlv44@mail.ru*

Lake Kamenik ichthyofauna species composition

Ichthyofauna species composition of Kostroma Region's third biggest lake – Kamenik – investigations' results are adduced in the article. Due to Kostroma lowland basins water level change, the basin's ecosystem state negative changes and ichthyofauna species diversity decrease are observed.

Keywords: Kostroma lowland, Lake Kamenik, species diversity, ichthyofauna, fish assemblage structure, occurrence, standard length and weight in fish.

Marina V. Sirotina

*Nekrasov Kostroma State University
mysirotina@gmail.com*

Ol'ga V. Subbotina

*Kostroma Lyceum #41
lice41@list.ru*

Lake Kamenik ecological state zooplankton indices biotest

Zooplankton-coenosis indices research results for Lake Kamenik ecology state are stated in the article. The community's species composition and diversity, indicator species presence, quantity indices, the basin's trophic status, and saprobity are assessed. The investigations are supported by hydrochemical data.

Keywords: zooplankton, biotest, Lake Kamenik, Kostroma lowland, hydrobiological investigations, hydrochemical investigations.

Vladimir Sh. Roytenberg
Yaroslavl State Technical University
 vroitenberg@mail.ru

On limit cycles generation out of the contour formed by saddle and cross-linked piecewise-smooth vector field saddle knot separatrixes

The two-dimensional manifold piecewise-smooth vector field with the contour consisting of a saddle, a cross-linked saddle knot and their separatrixes, is examined. The limit cycles generation out of the contour at typical two-parameter vector field deformation is researched.

Keywords: piecewise-smooth vector field, separatrix contour, bifurcations, limit cycles.

SYSTEM ENGINEERING

Boris I. Margolis
Tver State Technical University
 borismargolis@yandex.ru

Il'ya S. Meshkov
Tver State Technical University
 lux21@mail.ru

Controller customization synthesis by advanced responses method in automatic control systems

Formulae for computing PID controller settings using advanced responses are obtained in the article. A program allowing computing optimal controller settings in respect to the minimal divergence of time of transition and of hunt of set points, is worked out in MatLab medium.

Keywords: automatic control system, regulator, customization synthesis, advanced response, transient, performance criterion, overcorrection.

HISTORY

Svetlana A. Kurochkina
Ministry of culture, press and national policy of Mari El autonomy, Russia; Yoshkar-Ola City
 kurochkina-sveta@bk.ru

Origins and traditions in ceramic of the Lower Volga capitals of Ulus of Jochi

Ceramic of the Lower Volga cities of the second half of 13—14 centuries, origins of influences, cultural borrowing and their synthesis are considered. Originally, pottery of the cities Sarai-al-Maqrus and Sarai-al-Jadid was associated with a multiethnic population.

Keywords: ceramic, Golden Horde ceramics, masters-ceramists, population migrations, artisans' resettlement.

Yelena I. Pochivalova
Ivanovo State University
 e_pochivalova@mail.ru

Creation of the first higher educational institution in Ivanovo land and the significance of Riga Polytechnic Institute in its making

The history of organization and establishment in 1918 of the first higher school in Ivanovo-Voznesensk Province on the basis of one of the best Russian Empire higher educational institutions - Riga Polytechnic Institute (RPI) is presented in the study. The study reflects a significant role in the establishment and development of the Ivanovo-Voznesensky Polytechnic In-

stitute (IVPI), which became the ancestor of the higher school in the large industrial region of Russia.

Keywords: province, industry, educational institution, polytechnic institute, pre-revolutionary Russia entrepreneurs (manufacturers), faculty.

Aleksandr O. Gulin
Nekrasov Kostroma State University
 holst90@mail.ru

The organization of medic and social aid to sick and wounded warriors in the first months of World War I (on the materials of Kostroma and Yaroslavl provinces)

Affairs of establishing medic and social aid system in the beginning of World War I in terms of Kostroma and Yaroslavl provinces are examined in the article.

Keywords: World War I, evacuation, hospitals, All-Russia's district and municipal councils, charity.

Dmitriy A. Volkov
Nekrasov Kostroma State University
 nmargolina@mail.ru

Recruitment centres' activity in the first months of the Russian Civil War

Military registration and enlistment offices activity formation problems in the first months of Russian Civil War are analyzed in the article. Difficulties of this process is shown in terms of recruit centres of Kostroma and Yaroslavl provinces.

Keywords: recruitment centre, Russian Civil War, Russian Communist Party (Bolsheviks), Kostroma and Yaroslavl Provinces.

Vladimir S. Okolotin
Ivanovo branch of the National Economy and Public Administration Russian Academy under the President of Russia
 okolotin.vladimir@yandex.ru

USSR commissariat of Finances activities on the "restructuring" of the tax industry in 1937—1941

The article is devoted to the USSR Commissariat of Finances activities on the "restructuring" of the tax industry in 1937—1941, its specificity and effectiveness.

Keywords: USSR Commissariat of Finances, state budget, state revenues, industry tax restructuring, turnover tax, non-market operations tax, deductions from income, Soviet economy actual conditions.

Lyudmila L. Gaziyeva
Pavlov First Saint Petersburg State Medic University
 llghist@yandex.ru

Polemical questions of financing evacuation of children from Leningrad in 1941—1942 (on Anastasiya Zotova's article "Of collecting tolls at evacuating children from Leningrad under the Axis siege of 1941—44 (WW II)")

The article gives a refutation of the data on full parental funding of evacuating Leningrad children, that supposedly lead to passing over the orphan children in Leningrad under the Axis siege.

Keywords: evacuation, Leningrad under Axis siege, children, orphans.

Dmitriy A. Sazonov
*Churchwide postgraduate and doctoral studies
 of Saints Cyril and Methodius (Moscow)*
 sazonow63@mail.ru

**Local Council of 1988 holding by Russian
 Orthodox Church as changing vector
 of church-state relations**

Celebrations on the occasion of the 1000th anniversary of the Baptism of Rus became the turning point in a change of church-state relations. Having received wide international publicity, they allowed the Church in the new historical conditions getting out of control of governmental agencies, organizing church government and authorities and taking steps to change state law to give the possibility of independent existence in the state.

Keywords: Local Council, Church, Patriarch, Jubilee, Communist party bodies.

Aleksandr V. Yeryomin
Yaroslavl State Pedagogic University
 a.eremin@yspu.org

**State – Russian Orthodox Church interrelations
 evolution in Post-Soviet Russia in the context of
 binary opposition “Challenge – Response”**

Binary opposition “challenge – response” influencing state – church interrelation transformation specifics in Post-Soviet Russia is examined in the article.

Keywords: Church, state, binary opposition, civilization, identity, Christianity.

Natal'ya A. Belova
*Miklukho-Maklai Institute of Ethnology
 and Anthropology, Moscow*
 belovanatalia2009@yandex.ru

**Turkmenistani wedding traditions
 and customs transformation**

The article is devoted to wedding traditions and customs of nowadays' Turkmenistan. The wedding is celebrated for three days. The first day is “yalan chelpek”. In this day, engagement takes place and the wedding day is appointed. The second day is “chin chelpek”, something like hen party: relatives of the bride celebrate the wedding. The last day of “gelen alji toý”, relatives of the bridegroom celebrate the wedding and the bride finally goes to stay with the groom.

Keywords: wedding traditions, customs, engagement, three holidays: yalan chelpek, chin chelpek, gelen alji toý.

Nikolay I. Seryy
Nekrasov Kostroma State University
 disser44@mail.ru

**Role of Russian Federation in the formation
 of The Joint Control Commission activity as the
 basic institution of settlement of the Georgian –
 Ossetian conflict**

This article discusses the stage of institutional formation of settlement of the Georgian – Ossetian conflict through the mechanism of creation of the Joint Control Commission as a permanent body of settling the conflict and mitigating its consequences. The role of Russian Federation in this process is analyzed.

Keywords: Joint Control Commission, Georgian –

Ossetian conflict history, South Ossetia, South Caucasus, peacekeeping.

ECONOMY

Tat'yana N. Agapova
Moscow University of Russia's Interior Ministry
 tnagapova@gmail.com

Natal'ya D. Il'yenkova
Financial University under the Government of Russian Federation
 nata.d.ilenkova@mail.ru

**Comparative analysis of the sources
 of information support of business valuation**

The article compares the information sources of business analysis at the moment and in the Soviet era. Problematic tasks associated with the use of Internet information, with the analysis of the dynamics, as well as the ones requiring urgent solutions and development of modern methods, are allocated.

Keywords: infoware, endogenous, exogenous, проблема comparability, inflation, accounting harmonization, ambiguity and risk, reconfiguration, policy.

Vladimir I. Boboshko
Moscow University of Russia's Interior Ministry

Natal'ya M. Boboshko
Moscow University of Russia's Interior Ministry
 v.boboshko@mail.ru

**The role of state regulation of economic security
 for small and medium-sized businesses at the
 present stage of economic development**

Modern problems of economic security of small business are considered, and their solutions are proposed.

Keywords: small business, economic security, small business subjects.

Aleksey A. Zaletnyy
Lomonosov Moscow State University
 zaletny@hotmail.com

**Global fictitious financial capital
 determiningly influencing different Russian
 economy activity sectors**

Some negative consequences of global fictitious financial capital, generally financial-banking capital, dominancy in modern Russia's transformational economy are examined in the present article, ways of overcoming such consequences are proposed.

Keywords: global fictitious financial capital, transactions, bankruptcy, debts, social mobility, expenditure.

Mariya M. Ivanova
*Rozumovskiy Moscow State University
 of Technologies and Management*
 migal@yandex.ru

Nadezhda P. Rodinova
*Rozumovskiy Moscow State University
 of Technologies and Management*
 naduxa57@mail.ru

**ERP systems opportunities for personnel control
 automatic system targetry**

Opportunity for personnel control automatic system by means of integrated ERP information systems. The authors make an overview of functionality, objectives and benefits of using these systems in an enterprise.

Keywords: automatic control systems, enterprise application planning, personnel control.

Nina V. Logvin

*Nekrasov Kostroma State University
nvlogvin@mail.ru*

Regional education systems development management institutional supply

Prerequisites of the implication of institutional support of development of regional systems of education as a key condition for sustainable development are justified by the author.

Keywords: institutional economy, regional education systems, sustainable development.

Fyodor A. Panfilov

*Russia's Ministry of Economic Development
panfilovfa@economy.gov.ru*

Russian Federation public program "Education Development 2013—2020" as macroeconomic relations transformation factor

Approaches to the analysis of Russian Federation public program "Education Development 2013—2020" are presented in the article from the positions of considering it to be one of macroeconomic relations transformation factors.

Keywords: federal target programs, macroeconomic relations transformation, education system, education development.

Anna Yu. Rodnina

*Ivanovo State University
anna.rodnina@mail.ru*

Bronislav D. Babayev

*Ivanovo State University
politeconom@rambler.ru*

Vasiliy V. Chekmaryov

*Nekrasov Kostroma State University
tcheckmar@ksu.edu.ru*

On credit assets round speculative-applied aspects

In terms of credit assets round several stages, problems and deformations, existing in Russian Federation credit system and in general demand its modernization, are determined in this article, Russian Federation credit system's unaptness to economy challenges is shown, and suggestions in theoretic-methodological respect allowing mitigating the revealed lack of fit are made.

Keywords: credit assets round, deformations, unaptness to economy challenges, suggestions in theoretic-methodological respect.

Nikolay N. Sviridov

Nekrasov Kostroma State University

Ol'ga N. Grabova

Nekrasov Kostroma State University

Anastasiya V. Khramina

*Nekrasov Kostroma State University
graon07@mail.ru*

Agrarian cooperation in multisectoral economy

The problem and development trend of agricultural cooperation in the structure of mixed economy are set out in the article on the basis of the methodology of institutionalism. Effect of prior period on the development of economic relations in the agricultural sector is studied; the principles and directions for the formation

of new economic sectors, as well as their internal exchanges and cooperation are defined.

Keywords: agrarian cooperation, multisectoral economy, property.

PHILOSOPHY

Anna V. Artamonova

*Povolzhye State Technological University,
City of Yoshkar Ola, Mari El autonomy, Russia
artamonovaav@volgatech.net*

Feminist family project: trends and reality

Representations of the family in different currents of feminism and their impact on changes in the modern family relationships, in family and marital stereotypes of behavior and in the distribution of roles in the family are considered.

Keywords: family, family relations, feminism, motherhood, marriage.

Sergey K. Buldakov

*Nekrasov Kostroma State University
kaf_filosof@ksu.edu.ru*

Socio-philosophical analysis of the major trends in education in the twentieth century

Socio-philosophical analysis of the major trends in education in the twentieth century is conducted the role of education in the development of society is revealed in the article.

Keywords: education, society, civilization, scientific-technical revolution, production, ecology, social intellect, educational revolution.

Ol'ga A. Makarova

*Nekrasov Kostroma State University
suddenjoy@yandex.ru*

Comparative analysis of the death's problem and the problem of existence after death in the world religions and Judaism.

Comparative analysis of the world's religions (Buddhism, Christianity and Islam in the one hand and Judaism in the other hand) to death and afterlife is conducted in the article.

Keywords: life, death, afterlife, Hell, Paradise.

Nikita N. Ravochkin

*Gorbachyov Kuznetsk Basin State Technical University,
City of Kemerovo
nickravochkin@mail.ru*

Anomy as contemporary society disorganization global factor: philosophic aspect

Philosophic analysis of global 21st century society disorganization processes is produced in the article. Anomy phenomenon is examined within the retrospect of global factor, influencing contemporary society development.

Keywords: anomy, global factor, global problems, disorganization, society.

Yevgeniy O. Tereshyov

*Nekrasov Kostroma State University
tereshev.evgeniy@mail.ru*

Globalization as a matter of social and philosophical analysis

Different approaches to the concept of "globalization" of Russian and foreign researchers are addressed

in the article, the history of the concept of "globalization" is presented, the problem of globalization in culture and the problem of Russia's involvement into globalization processes are considered.

Keywords: globalization, identity, globalizational processes, economy and society integration, World Trade Organization.

SCIENCE OF LITERATURE

Valeriya G. Andreyeva
Nekrasov Kostroma State University
lanfra87@mail.ru

Novels "The Narrow Path" by Krinitsky M. and "War and Peace", "Anna Karenina" by Leo Tolstoy: artistic concordances

Artistic concordances of novels "The Narrow Path" by Krinitsky M. and "War and Peace", "Anna Karenina" by Leo Tolstoy are examined in the article, some reasoning on the 19th century literary process and on the secondary authors influencing the Russian literature classicists is presented.

Keywords: novel, epic novel, Krinitsky M., Varvara Vadbol'skaya, Leo Tolstoy, realism, artistic concordances, prototypes, characters, novel's event-trigger completeness.

Olesya N. Denisova
Bunin Yelets State University
ou-2705@mail.ru

Eros and sex in Mikhail Prishvin's diary books

The problem of discrepant dialogue of sex and Eros, extremely topical for Prishvin's creative work study, is examined in the article. Dialogue notes on the problem of sex and Eros correlation in the writer's life transformation through creative work are singular key for Mikhail Prishvin's love metaphysics deeper comprehension.

Keywords: Eros, sex, chaste Eros, blocked sex, physical romanticism, corporal – spiritual unity.

Leysan G. Ibragimova
Kazan State Medic University, City of Kazan,
Tatarstan autonomy, Russia
leysan-mam@yandex.ru

Traditional and individually author's symbols in Tatar literature of the first third of the 20th century

Semantic structure and semiotic status of stable structural-semantic complexes in the works by Nazip Dumavi, Gaziz Gubaidulin, Shagit Akhmadiev are examined in the article. Artistic-aesthetic nature and functions of symbolic images in Tatar literature of the first third of the 20th century are revealed.

Keywords: symbol, Tatar literature, Nazip Dumavi, Gaziz Gubaidulin, Shagit Akhmadiev.

Yuriy V. Lebedev
Nekrasov Kostroma State University
y.v.lebedev@yandex.ru

Religious-artistic Jena romanticists' cosmism

Religio-philosophical foundations of artistic worldview of early German romanticists are disclosed in the article.

Keywords: intellectual intuition, world and human

transformation, millennial Kingdom of Christ, divine art grounds, Microcosm and Macrocosm.

Aleksandr V. Pavlov
Nekrasov Kostroma State University
av-pavlov@list.ru

Of particular source for Alexander Ostrovsky's comedy "A Profitable Position"

Alexander Ostrovsky's creative work sources are the most often attempted to be sought in precedent dramaturgy. Meantime, the prose of the 1840s can give interesting and unexpected results.

Keywords: creative work sources, prose and dramaturgy, creative rethinking, typological convergences.

Ol'ga S. Suhikh
Lobachevsky Nizhny Novgorod State University
ruslitxx@list.ru

"Flight to freedom": freedom problem in Leonid Borodin's story "Rules of the game"

Creative interpretation of the problem of social and spiritual freedom in Leonid Borodin's story "Rules of the game" is examined in the article.

Keywords: social freedom, spiritual freedom, conflict, human rights activity, game rules.

Viktoriya A. Tezina
Nekrasov Kostroma State University
tezinava@mail.ru

The image of Venerable Sergius of Radonezh in the creative work by Alexander Ostrovsky and Fyodor Dostoyevsky

2014 is signed with the important anniversary in the Russian spiritual life – it is 700 years since Venerable Sergius of Radonezh was born. The facts of conversion of Alexander Ostrovsky and Fyodor Dostoyevsky to the personality of the saint who was the mouthpiece of the Russian people's spiritual-moral ideals in their creative work are noted in the article.

Keywords: Venerable Sergius of Radonezh, Alexander Ostrovsky, Fyodor Dostoyevsky, drama, novel, image, moral ideals.

Vladimir V. Tikhomirov
Nekrasov Kostroma State University
nov6409@kmt.ru

The structure of a dramatic work (experience of reading Alexander Ostrovsky's drama "The Storm")

This article analyzes the structure of a dramatic work in terms of Alexander Ostrovsky's drama "The Storm", which is arranged as the artistic whole by means of all manner of contrasts (moral, psychological, domestic, etc.), reaching philosophic level.

Keywords: structure, conflicts, characters, love and duty, fate, catastrophe, fate tragedy.

Aleksandr K. Kotlov
Nekrasov Kostroma State University
ak_kotlov@inbox.ru

"Karaganda ninth-day Requiem" by Oleg Pavlov: artistic medium metaphysics (the second half; see the previous issue for the first half)

Some peculiarities artistic-metaphysic medium of the story "Karaganda ninth-day Requiem" by Oleg

Pavlov (2001) are discussed in the paper.

Keywords: Oleg Pavlov, "Karaganda Ninth-Day Requiem", header complex, image, symbol, chronotop, artistic metaphysics, existential and ontological motifs.

LINGUISTICS

Nataliya P. Galkina

*Nekrasov Kostroma State University
gnpav@mail.ru*

Natural historical disciplines complex sentences functional-semantic modifications

Purposeful complex sentences functional-semantic modifications analysis is presented in the article from the position of considering them to be of examination in the structure, semantics and function unity.

Keywords: conjunction, main clause, subordinate clause, meaning, form, base.

Svetlana A. Ganicheva

*Vologda State Pedagogic University
sganicheva@mail.ru*

Semantical specifics of dialect verbs-zoophones in the context of linguistic mapping

The work is dedicated to the affairs of technique of linguistic mapping of verbs meaning animals' sounds. Group of words that may appear in the materials for the maps, withdrawn from the mapping by semantic reasons, are described in the article. The study is based on the materials of lexical maps, included in the Russian language atlases.

Keywords: linguistic geography, mapping technique, verbs meaning animals' sounds, semantics.

Mariza O. Ibragimova

*Dagestani State University, Dagestan autonomy, Russia
mariza71@mail.ru*

Comitative realization and functioning peculiarities in Rutul language areal units

The aim of this research consists in five Rutul language dialects comitative realization peculiarities revealing and comparative description, which is to assist revealing the formation ways and forecasting development perspectives in the researched language.

Keywords: Rutul language dialects, declension system in Rutul language, comitative structure, comitative structure in Rutul language dialects.

Natal'ya K. Ivanova

*Ivanovo State Chemical-Technological university
nkiisuct@mail.ru*

Some linguistic resume of 2013: "the very best" English language words

The English "words of the year" (the most frequent retrieval requests on the Internet-based dictionary Merriam-Webster.com as well as the frequently misspelled words) are analyzed on the basis of the range of Internet sources. Sociolinguistical reasons for activation of one or another lexical units are examined, comparison with using them in Russian language is conducted, conclusion about the language hegemony of the USA is made.

Keywords: language dynamics, semantics, or-

thography, pronunciation, sociolinguistics, dictionaries, language and political conjuncture.

Lydmila T. Kalabekova

*Hetagurov North-Ossetian State University,
City of Vladikavkaz, North Ossetia autonomy, Russia
kalabekova@list.ru*

Functional-semantic aspectuality field in languages of different structure models (comparative analysis experience)

An attempt to juxtapose aspectuality functional-semantic field structure of French, Russian and Ossetian languages is made in the present article. In so doing, the fact that the kernel position of verb aspect category within the bounds of the functional-semantic field is the integrating force, able to combine all three linguosystems, becomes significant.

Keywords: aspectuality functional-semantic field, categorial specifics, typological attribution, spatio-temporal continuum.

Yelena V. Lesnykh

*Lipetsk institute of cooperation (branch of Belgorod University
of cooperation, economy and right)
le_yuriy@mail.ru*

On Russian obsolete lexis classification problem

The article investigates the existing concepts of classification of the obsolete Russian lexis. The author focuses on a critical analysis of approaches to "lexis archaization" notion and offers an alternative typology of obsolete words.

Keywords: archaism, archaization, historization, chronism, chronological markedness.

Aleksandra V. Urazmetova

*Bashkir State University, the City of Ufa,
Bashkortostan autonomy, Russia
urazmetova82@mail.ru*

The USA history, fixed in state toponymic nicknames

Repeated nomination of states of America, which is based on historical events is discussed in this paper. This group of American state nicknames is clearly limited in the language and is the material of particular interest for linguistic analysis. Classification for units, as well as their motivational and quantitative analysis, is provided in the article.

Keywords: toponym, toponymic nickname, repeated nomination, states of America, US history.

Tat'yana M. Yudina

*Lomonosov North (Arctic) Federal University, City of Archangelsk
tatyana.y.tanya@mail.ru*

Language means variability in mining terminology in late 17th — early 18th centuries

In mining terminology of the period of Peter I of Russia, different features and structures of nominative variants for nomination of the same denotate functioned simultaneously, which was due to seeking the best nomination forms. Language variability reasons, such as the forming terms being close to people's conversational lexis, codification absence, locality etc., are stated in the article. The variability phenomena are evidence of terminology formation primal stage.

Keywords: variant, variability, varying, nominative unit, nominative variant, synonymic range, compound appellation.

Ol'ga B. Adayeva

*Chelyabinsk State Pedagogic University
adaevaob@yandex.ru*

Speech strategy of author's self-presentation as competent scientific in linguodidactic discourse

Speech tactics of the author's self-presentation as scientific competence in linguodidactic discourse are described in this article.

Keywords: linguodidactic discourse, speech strategy and speech tactics, self-presentation in scientific text.

JURISPRUDENCE

Boris Ye. Roshchin

*Nekrasov Kostroma State University
pravoborise@mail.ru*

The 1924 Soviet Constitution: main statements and peculiarities (on the 90th anniversary of the USSR first constitution enactment)

The USSR first constitution, which prescribed the new state – the Soviet Union, rightful principles, main statements and peculiarities are examined in the proposed article.

Keywords: first USSR Constitution, USSR Creation Declaration, USSR Creation Treaty, object of affairs of supreme authorities, union republics, Council of People's Commissars, USSR Supreme Court.

Ol'ga A. Teterina

*Nekrasov Kostroma State University
teterina_o_a_65@mail.ru*

On some peculiarities of the work of public prosecutor's office of Federal subject of Russia enforcement-of-laws surveillance in the scope of crime recording

Main elements of organizational management of public prosecutor's office of Federal subject of Russia enforcement-of-laws surveillance in the scope of crime recording are examined in the article.

Keywords: procurator's supervision, crime recording, organizational management, planning, interaction, control.

PEDAGOGY AND PSYCHOLOGY

Lyudmila S. Znikina

*Gorbachyov Kuznetsk Basin State Technical University,
City of Kemerovo
znikina@mail.ru*

Pavel A. Strel'nikov

*Gorbachyov Kuznetsk Basin State Technical University,
City of Kemerovo
pstrel@yandex.ru*

Interdisciplinary interaction as higher education institution students' integrative competencies formation basis

Issues of interdisciplinary interaction of subjects of professional education in the process of formation of integrative professional competencies of higher education institution students are examined in the article. The data of research of peculiarities of professional-communicative skills of the students in structure of

integrative competencies are adduced, principles of organization of competency-oriented preparation of future specialists with consideration of this process' revealed peculiarities are described.

Keywords: competency-oriented preparation, integrative-professional competences, interdisciplinary interaction, integration, professional foreign language communication.

Aleksandr Ye. Suglovov

*Nekrasov Kostroma State University
a_suglovov@mail.ru*

Methodological aspects of organizing distance teaching foreign students in Russian Federation higher education institutions

Methodological aspects of organizing distance teaching higher education institution students, making demands of participants, stages of organizing teaching disciplines, patterns of network teaching and case study methods in use are revealed in the article.

Keywords: distance learning, foreign students, network teaching patterns, case study methods.

Viktoriya Yu. Fertser

*Moscow Regional State Humanitarian Institute,
City of Orekhovo-Zuyevo, Moscow Region
v-fertser@mail.ru*

Ninel' K. Kutyakova

*Moscow Regional State Humanitarian Institute,
City of Orekhovo-Zuyevo, Moscow Region*

Formation of a national outlook as the value of education at the present stage

The relationship of human and national values in shaping the national philosophy is discussed in the article, some of the models of national school are presented.

Keywords: national outlook, national school projects.

Lubov A. Kukushkina

*Nekrasov Kostroma State University
Lub-kuku@mail.ru*

Social-pedagogical tutoring for the students of classes with juridical profile in social self-determination

The article considers the essence of social-pedagogical tutoring for the students of classes with juridical profile in social self-determination. The conventions and methods of social-pedagogical tutoring for the students of classes with juridical profile are defined.

Keywords: Social-pedagogical tutoring, pedagogical tutoring, social self-determination, the subjective position of the students.

POLITICAL SCIENCE

Aleksandr V. Zaytsev

*Nekrasov Kostroma State University
aleksandr-kostroma@mail.ru*

Dialog of state and civil society in the context of regional and public policy (in terms of Kostroma, Kursk and Yaroslavl Regions)

Comparative analysis of public policy in Kostroma Region on the basis of sociological surveys conducted in 2012 and 2013 is presented in the article. Viability of institutions, mechanisms and subjects of public pol-

icy of Kostroma Region is compared with similar studies of public policy in Kursk and Yaroslavl Regions.

Keywords: public policy, dialog of state and civil society, subjects, mechanisms, institutions, viability.

SCIENCE OF CULTURE. SCIENCE OF ART

Nataliya V. Gorbenko

*Grinchenko Kyiv University (the Ukraine)
nvgorbenko@mail.ru*

On the question of “modern university corporate culture” category socio-philosophic analysis

Different interpretations, given by researchers to the word combination “corporate culture”, are analyzed in the article; it is told about its origin by authors interpretation of the definition “modern university corporate culture” is proposed.

Keywords: corporate culture, society, ideology, competitiveness, organization, specific ontological education.

Anastasiya Ye. Gromova

*Kostroma State Technological University
gromowa130176@yandex.ru*

Conciliarism problem in the context of spatial images of time-memory of Pavel Florensky

The term “conciliarism” is analyzed in the article in the context of patristic Holy Tradition as accumulation of many things into the one. In this connection, the problem of sin as a division of the world, leading to a multiplicity of visible reality, is set. This fractionality should be restored in a single accumulating of reality and bringing it to a consistent state in the spatial concept of Florensky.

Keywords: Pavel Florensky, conciliarism, cult, memory, engrainment, space, time.

Nadezhda M. Domahina

*Nekrasov Kostroma State University
domakhina.nm@yandex.ru*

Aesthetic-psychological perception of museum medium

Specificity perception of the museum medium, its aesthetics and content are discussed in the article.

Keywords: museum medium, exposition, museum object, exhibit, practical aesthetics, museum communication.

Dmitriy I. Ivanov

*Ivanovo State University
ivan610@yandex.ru*

The notion of a musical picture of the world in the context of studying synthetic language personality

General properties of a musical picture of the world in the context of studying synthetic language personality formed in the domestic space rock culture are discussed in this article. Also, the basic mechanisms of interaction of musical and global, cognitive world pictures are described.

Keywords: world picture, musical world picture, nonverbal-cognitive musical codes system, synthetic lingual personality.

Aleksandra N. Shikina

*Nekrasov Kostroma State University
asch@kmtu.ru*

On “art style” notion interpretation

Different interpretations of the concept “art style” are presented in the article.

Keywords: art style, style level, content, shape.

ТРЕБОВАНИЯ К ОФОРМЛЕНИЮ РУКОПИСЕЙ

1. *Статьи* направляются в редакцию только в электронном виде. Электронный вариант статьи представляется вложением в электронное письмо.

Помимо статьи авторы (в этом же письме) отправляют *отсканированный вариант рецензии* на статью специалиста соответствующей отрасли наук с подписью и с печатью.

2. **Электронный вариант статьи** выполняется в текстовом редакторе Microsoft Word и сохраняется в формате, полностью совместимом с Word 97–2003. В качестве имени файла указывается фамилия, имя и отчество автора русскими буквами (например: Иванов Иван Иванович.doc)

3. **Компьютерный набор статьи** должен удовлетворять следующим требованиям: формат – А4; поля – по 2,5 см со всех сторон; гарнитура (шрифт) – Times New Roman; кегль – 14; межстрочный интервал – 1,5; абзацный отступ – 1,25 см.

4. **Максимальный объем** текста статьи с аннотацией, ключевыми словами и библиографическим списком – не более 10 страниц текста.

5. **Библиографический список** должен быть представлен в алфавитном порядке. **Ссылки** в тексте статьи оформляются квадратными скобками с указанием порядкового номера издания по библиографическому списку и страниц. Например: [9, с. 256], [2, т. 5, с. 25–26].

Библиографический список должен содержать не более 15 источников.

6. **Единицы измерения** приводятся в соответствии с международной системой единиц (СИ).

7. **Рисунки, схемы, диаграммы.** В качестве иллюстраций статей принимается не более 4 рисунков. Они должны быть размещены в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретный рисунок, например (рис. 2). Схемы выполняются с использованием штриховой заливки или в оттенках серого цвета; все элементы схемы (текстовые блоки, стрелки, линии) должны быть сгруппированы. Каждый рисунок должен иметь порядковый номер, название и объяснение значений всех кривых, цифр, букв и прочих условных обозначений. Электронную версию рисунка следует сохранять в форматах jpg, tif, (Grayscale – оттенки серого, разрешение – не менее 300 dpi).

8. **Таблицы.** Каждую таблицу следует снабжать порядковым номером и заголовком. Таблицы должны быть предоставлены в текстовом редакторе Microsoft Word, располагаться в тексте статьи в соответствии с логикой изложения. В тексте статьи должна даваться ссылка на конкретную таблицу, например (табл. 2). (Структура таблицы должна быть ясной и четкой, каждое значение должно находиться в отдельной строке (ячейке таблицы)). Все графы в таблицах должны быть озаглавлены. Одновременное использование таблиц и графиков (рисунков) для изложения одних и тех же результатов не допускается. (В таблицах возможно использование более маленького кегля, но не менее 10).

9. **Формулы** выполняются только в редакторе MS Equation.

10. **Десятичные дроби** имеют в виде разделительного знака **запятую** (0,78), а при перечислении десятичных дробей каждая из них отделяется от другой **точкой с запятой** (0,12; 0,087).

11. Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова должны быть **переведены на английский язык**.

ПОСТРОЕНИЕ СТАТЬИ

1. Индекс УДК (присваивается в библиотеке по названию статьи и ключевым словам).

2. Фамилия, имя, отчество автора (полностью);

3. Ученая степень и ученое звание;

4. Полное название организации, город, страна (в именительном падеже) – место работы или учебы автора;

5. Адрес электронной почты для каждого автора;

6. Почтовый адрес с индексом (для последующей отправки журнала) и контактный телефон;

7. Название статьи (сокращения в названии недопустимы)

8. Аннотация, представляющая краткое содержание статьи, описание основных результатов (не более 5 строк)

9. Ключевые слова (5–6 слов или словосочетаний, несущих в тексте основную смысловую нагрузку)

10. *На английском языке:* Ф.И.О. автора, название учебного заведения, организации (место учебы, работы), название статьи, аннотация и ключевые слова.

11. Текст статьи.

12. Библиографический список (указывается в алфавитном порядке, нумеруется).

ПРИМЕР ОФОРМЛЕНИЯ СТАТЬИ

УДК 821.161.1.09

Коптелова Наталия Геннадьевна

доктор филологических наук, профессор

Костромской государственный университет им. Н.А. Некрасова, г. Кострома, профессор кафедры литературы

kng@mail.ru

Адрес: индекс, Город, Улица, дом, квартира. Телефоны: домашний; мобильный.

**Эволюция оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского
в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов**

В статье рассматривается роль идеи «религиозной общности» в эволюции оценок духовных исканий Л.Н. Толстого и Ф.М. Достоевского в критике Д.С. Мережковского 1906–1908 годов.

Ключевые слова: эволюция, религиозная общность, литературная критика, Л.Н. Толстой, Ф.М. Достоевский, новое христианство.

Текст статьи.

Библиографический список.

Nataliya G. Koptelova

Nekrasov Kostroma State University

kng@mail.ru

**The evolution of assessments of spiritual searching of Leo Tolstoy and Fyodor Dostoyevsky
in the criticism by Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908**

The article examines the role of the idea of “religious community” in the evolution of the estimates of spiritual quest of Leo Tolstoy’s and Fyodor Dostoyevsky’s criticism of Dmitry Merezhkovsky in 1906–1908.

Keywords: evolution, religious community, literary criticism, Leo Tolstoy, Fyodor Dostoyevsky, new Christianity.

ОФОРМЛЕНИЕ БИБЛИОГРАФИЧЕСКОГО СПИСКА

Моноиздания

Если авторов не более трех, то указывают всех.

Фамилия автора, инициалы. Название издания / информация о переводе и редакторе, если они есть. –

Место издания: Издательство (издающая организация), год выхода издания в свет. – Количество страниц.

Например:

Арутюнова Н.Д. Предложение и его смысл. – М.: Наука, 1976. – 383 с.

Верецагин Е.М., Костомаров В.Г. Язык и культура: Лингвострановедение в преподавании русского языка как иностранного. – М.: Рус. яз., 1983. – 269 с.

Если у издания четыре автора, то все их инициалы и фамилии приводят после косой черты. Если авторов пять и более, то указывают фамилии первых трех с добавлением «и др.»

Например:

Лингвистическое обеспечение в системе автоматического перевода третьего поколения / Ю.Д. Апресян, И.М. Богуславский, Л.Л. Иомдин и др. – М.: Наука, 1978. – 38 с.

Многотомное издание

Гоголь Н.В. Полн. собр. соч.: в 14 т. – М.: Изд-во АН СССР, 1937–1952.

(Если в библиографическом списке Вы указываете многотомное издание, в тексте статьи в квадратных скобках необходимо приводить не только порядковый номер источника в списке и страницу, но и *том*: [4, т. 9, с. 324]).

Один том из многотомного издания

Блонский П.П. Избранные психологические и педагогические произведения: в 2 т. – М.: Педагогика, 1979. – Т. 2. – 399 с.

Сборники

Название сборника / сведения о составителях; редакторах и т.п.: вид издания. – Место издания: Издательство, год выхода в свет. – Количество страниц.

Например:

Методологические проблемы современной науки / сост. А.Т. Москаленко; ред. А.И. Иванов. – М.: Политиздат, 1979. – 295 с.

Статьи из сборников

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название сборника статей. – Место издания, год издания. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Чайкина Ю.И. Вопросы истории лексики Белозерья // Очерки по лексике севернорусских говоров. – Вологда: Вологод. гос. пед. ин-т, 1975. – С. 3–187.

Статьи из журналов

Фамилия и инициалы автора. Название статьи // Название журнала. – Год издания. – Номер тома. – Номер выпуска. – Страницы начала и конца статьи.

Например:

Формановская Н.И. Размышления о единицах общения // Русский язык за рубежом. – 2001. – № 1. – С. 56–63.

Статьи из газет

Райцын Н.С. В окопах торговых войн // Деловой мир. – 1993. – 7 окт.

Справочные издания, энциклопедии, словари

Словарь иностранных слов. – 11-е изд., стереотип. – М.: Рус. яз., 1984. – 608 с.

Литературная энциклопедия терминов и понятий / под ред. А. Н. Николюкина; Институт научн. информации по общественным наукам РАН. – М.: НПКи «Интелвак», 2003. – 1600 стб.

Статьи из энциклопедий, словарей

Фамилия и инициалы автора. Название главы, статьи (или другой составной части издания) // Название издания. – Место издания: издательство, год издания. – Том. – Страницы начала и конца главы, статьи.

Например:

Телия В.Н. Номинация // Лингвистический энциклопедический словарь / гл. ред. В.Н. Ярцева. – М.: Сов. энциклопедия, 1990. – С. 336–337.

Диссертации

Персианова Н.А. Особенности творческого решения педагогических задач при обучении русскому языку студентов-иностранцев: дис. ... канд. педагог. наук. – Л., 1971. – 267 с.

Авторефераты диссертаций

Воротников Ю.Л. Категория меры признака в смысловом строе русского языка: автореф. дис. ... д-ра филолог. наук. – М., 2000. – 43 с.

Материалы из сети Интернет

Автор. Название материала (учебника, статьи и т.п.). [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://www.sth.com/article.html> (дата обращения: 24.02.2012).

Например:

Массовое политическое участие в России: только выборы или что-то еще? // ВЦИОМ: Пресс-выпуск № 1728. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://wciom.ru/index.php?id=459&uid=111514> (дата обращения: 11.03.2013).

Архивные материалы

Записки о чумном бунте. Автограф // РО ИРЛИ. – Ф. 265. – Оп. 2. – Д. 1195. – Л. 7–10.

РГАЛИ. – Ф. 26. – Оп. 8. – Д. 231. – Л. 8.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается.

НАУЧНО-МЕТОДИЧЕСКОЕ ИЗДАНИЕ

ВЕСТНИК

КОСТРОМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО

УНИВЕРСИТЕТА им. Н.А. НЕКРАСОВА

2014 – Т. 20 – № 2

Учредитель

Костромской государственный университет имени Н.А. Некрасова

Главный редактор

Рассадин Николай Михайлович
ректор КГУ им. Н.А. Некрасова, профессор,
заслуженный работник высшей школы РФ

Компьютерная верстка

А.Н. Коврижных

Журнал зарегистрирован
Федеральной службой по надзору в сфере связи,
информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)
Свидетельство о регистрации: ПИ № ФС77-56159 от 15 ноября 2013 г.

Подписано в печать 15.04.2014
Дата выхода в свет 15.05.2014
Формат 60×90 1/8. Уч.-изд. 32,5 л.
Тираж 500 экз.
Изд. № 50.

Подписной индекс: **18902**
Адрес редакции, адрес издательства, адрес типографии:
156961, г. Кострома, ул. 1 Мая, д. 14.
Телефон: **(4942) 39-16-56**, факс: **(4942) 39-16-04**,
E-mail: **vestnik@ksu.edu.ru**

Цена свободная
При перепечатке ссылка обязательна